

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИЦ РАН

ИСТОЧНИК. ИСТОРИК. ПОЛИТИКА

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения
выдающегося российского историка-археографа
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ЧУЛОШНИКОВА

г. Уфа, 5–7 июня 2019 г.

Уфа – 2019

УДК 94(470+571):930.2(063)
ББК 63.3(2Рос):63.2
И 91

Научный редактор:

А.В. Псянчин

Редакционная коллегия:

Г.Б. Азаматова, А.Я. Ильясова, Э.В. Мигранова, М.Х. Надергулов,
Р.Н. Сулейманова, М.Н. Фархшатов

Рецензенты:

в. н. с. ИИЯЛ УФИЦ РАН, д. и. н. Б.А. Азнабаев,
доцент БашГУ, к. и. н. Р.Р. Газизов

Составители:

И.И. Буляков, А.Я. Ильясова

И 91 Источник. Историк. Политика: Материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося российского историка-археографа Александра Петровича Чулошникова (г. Уфа, 5–7 июня 2019 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. 452 с.: ил.

ISBN 978-5-91608-188-6

В настоящий сборник вошли материалы Международной научной конференции «Источник. Историк. Политика», посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося российского историка-археографа Александра Петровича Чулошникова. Они отражают не только важные вехи биографии и многообразие научного наследия ученого, но и раскрывают отдельные интересные и малоизученные аспекты истории Евразии Нового и Новейшего времени.

Книга рекомендуется для специалистов, преподавателей и студентов вузов, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой России и зарубежных стран.

ISBN 978-5-91608-188-6

© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий сборник вошли материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения видного российского историка-археографа А.П. Чулошникова (1894–1942). Они отражают не только важные вехи биографии и многообразие научного наследия ученого, но и раскрывают отдельные интересные и малоизученные аспекты истории Евразии Нового и Новейшего времени.

Юбилейный форум проводился в Уфе не случайно. На нем В.Г. Вовина-Лебедева впервые озвучила информацию, что Александр Петрович Чулошников был нашим земляком, выходцем из оренбургских казаков, хотя и родился в местечке Черноостров Проскуровского уезда Подольской губернии Российской империи. Тогда на берегах Буга его отец, войсковой старшина и помощник командира 3-го Оренбургского казачьего полка Петр Алексеевич Чулошников с женой Екатериной Алексеевной находился в служебной командировке. Формирование личности Александра Петровича проходило на Южном Урале, где Запад встречается с Востоком, Европа – с Азией, христианский мир – с исламом. Здесь он имел возможность лично прикоснуться к живой истории и культуре всех местных народов, в том числе башкир, что впоследствии стало предметом его академических изысканий. Фундаментом же для них стало основательное образование, полученное во 2-м Оренбургском кадетском корпусе.

А.П. Чулошников

А.П. Чулошников как выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета первые шаги в научной карьере сделал также в нашем крае, где он в 1919 г. нашел отеческий приют в лихую и голодную пору после Русской революции 1917 г. Именно в Оренбурге, в том числе в качестве председателя правления «Общества изучения Киргизского края» с 1920 по 1921 год, определились основные направления его будущей исследовательской деятельности – «колонизации юго-восточной окраины», то есть история продвижения Русского государства на Восток и интеграция башкир, казахов и других тюрко-мусульманских народов в состав империи Романовых, а также формирование источниковой базы для изучения истории Башкортостана и Казахстана в контексте истории России XVIII–XIX вв.

Пик научного творчества А.П. Чулошникова пришелся на ленинградский период его жизни. В бывшую столицу Российской империи он вернулся в 1921 г. Как и все «бывшие люди» в Советской России, сын отставного генерал-майора и потомственный дворянин прошел сложный период адаптации к новой власти, новой идеологии, сменил несколько мест работы (Научно-исследовательский институт при Петроградском университете, Ленинградское отделение Центрархива РСФСР и т. д.). С 1930 г. Александр Петрович закрепился в качестве научного сотрудника в Археографической комиссии Академии наук, преобразованной в 1931 г. в Историко-археографический институт, который через пять лет стал Ленинградским отделением института истории АН СССР (ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН). Там он стал одним из ведущих исполнителей проекта по подготовке и изданию «Материалов по истории Башкирской АССР».

Большой научный труд выполнялся по договору между правительством Башкирской Республики и Академией наук СССР. Он предполагал целенаправленный поиск и тщательный отбор архивных документов по социальной истории Уфимско-Оренбургского края, в том числе на языках местных народов, академическое их комментирование и введение в научный оборот. В условиях утверждения в исторической науке единственной, марксистской методологии исследования исполнители проекта испытывали жесткий идеологический прессинг. Тем не менее Александр Петрович и его коллеги с честью выполнили возложенную на них непростую задачу. Они создали корпус первоисточников для изучения прошлого башкир, не имеющего аналога по истории других нерусских народов нашей страны.

В 1936 г. вышла первая часть (= первый том) «Материалов по истории Башкирской АССР», которая раскрывала события череды башкирских восстаний XVII и первой половины XVIII в. Ее ответственным редактором и автором вступительной статьи был А.П. Чулошников. Ему была поручена и работа над вторым томом проекта, посвященном Башкирскому восстанию 1755 г. под руководством мишарского муллы Батырши Алиева. Том был подготовлен и в начале 1941 г. сдан в печать. Однако начавшаяся Великая Отечественная война приостановила издательскую работу на стадии чтения корректуры книги. Кончина Александра Петровича в блокадном Ленинграде зимой 1941–1942 гг. на долгие десятилетия отодвинула выход ее в свет.

В этом году в рамках издательского гранта Российского фонда фундаментальных исследований сотрудники Отдела истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН под руководством Ю.М. Абсалямова опубликовали второй том «Материалов по истории Башкортостана» (Уфа: Полиграфдизайн, 2019. 648 с.: ил.), что сделало его доступным для исследователей. Он наглядно показывает профессионализм и мастерство своего составителя, широкий и трезвый взгляд автора на события, происходящие в годы острого конфликта между властью и башкирским обществом. А представленный в нем материал раскрывает противоречивый и, к сожалению, не всегда мирный характер взаимоотношений между Центром и окраинами Российской империи, показывает сложный процесс гражданской консолидации народов России и установления в ней национального согласия.

А.П. Чулошниковым был проделан также большой труд по формированию корпуса первоисточников по так называемому кантонному периоду управления Башкирией (1798–1865 гг.). Этой рубежной эпохе в истории башкирского народа посвящалась и начатая им исследовательская работа, которая должна была стать его докторской диссертацией. В настоящее время собранный Александром Петровичем уникальный документальный материал, а также отдельные его исследовательские наброски по данной теме хранятся в фондах архивов различных академических учреждений. Участники конференции в Уфе единодушно высказались за введение в научный оборот и этой части наследия видного российского историка-археографа.

Научный форум в честь 125-летия со дня рождения А.П. Чулошникова стал важным событием в научно-культурной жизни не только Башкортостана, но и всей России. Он стал данью памяти исследователям-гуманитариям довоенной и военной поры, трудом которых была сохранена и приумножена слава отечественной науки.

М.Н. Фархшатов

**ÁRMIN VÁMBÉRY ALS BEOBACHTER DES GREAT GAME IN MITTELASIEN:
NACHTRÄGE ZU EINER PERSONALBIBLIOGRAFIE ÁRMIN(IUS) VÁMBÉRY'S
[АРМИНИЙ ВАМБЕРИ КАК ОБОЗРЕВАТЕЛЬ БОЛЬШОЙ ИГРЫ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ: ДОПОЛНЕНИЯ К ПЕРСОНАЛЬНОЙ БИБЛИОГРАФИИ
АРМИНИЯ ВАМБЕРИ]**

Аннотация. Статья представляет собой дополнения к персональной библиографии венгерского путешественника, востоковеда и публициста Арминий Вамбери (1832–1913). Автор, ссылаясь на опубликованную в 2017 г. персональную библиографию Вамбери, составленную немецким тюркологом Михаэль Кнүппель (Michael Knüppel), и на первые дополнения, опубликованные им в 2019 г., представляет вниманию исследователей более 80-ти до сих пор неизвестных сочинений Вамбери. Кроме того, дается и короткая оценка найденных источников, которые позволяют переоценить роль Арминия Вамбери как обозревателя Большой игры, борьбы между Российской империей и Англией за влияние в Средней Азии.

Ключевые слова: Арминий Вамбери, востоковедение, Большая игра, Средняя Азия.

Das Leben des ungarischen Mittelasienreisenden und Orientalisten Ármin Vámbéry (1832–1913) stand vor allem in den letzten zwei Jahrzehnten wieder stärker im Interesse der Forschung. So sind in den letzten Jahren nicht nur mehrere Biografien, sondern auch eine Vielzahl von Artikeln zu den unterschiedlichsten Aspekten seines Lebens und seinen wissenschaftlichen Aktivitäten erschienen. Immer wieder zeigte sich jedoch, dass trotz großer Anstrengungen immer noch erhebliche Forschungslücken sogar in einfachsten Fragen bestehen, weshalb sich Forscher bald auch wieder mit grundlegender Basisarbeit wie dem bibliografischen Erfassen des Vámbéry-Schrifttums zu befassen begannen. Als wichtigster Vertreter wäre hier der deutsche Turkologe Michael Knüppel zu nennen, der in den letzten Jahren eine Vielzahl von Beiträgen mit bibliografischen Informationen zum ungarischen Orientalisten veröffentlichte. Als Zusammenfassung dieser Beiträge kann sein 2017 bereits in zweiter Auflage erschienener *Versuch einer Personalbibliographie Ármin(ius) Vámbéry* (Knüppel 2017) gewertet werden; schon ein Vergleich zwischen der ersten und der zweiten Auflage dieser Bibliografie zeigt, wie groß die Forschungslücken bei der bibliografischen Erfassung der Schriften von und über den ungarischen Turkologen waren: Versammelte die erste Auflage noch 644 Schriften Vámbéry's, 325 Texte über den ungarischen Turkologen und 118 Rezensionen seiner Werke, so konnte Knüppel in der zweiten Auflage bereits 812 Texte von ihm, 868 über ihn und 240 Besprechungen seiner Arbeiten vorstellen (Knüppel 2015 und Knüppel 2017, jeweils letzte Umschlagseite).

Der Verfasser dieser Zeilen hatte Michael Knüppels Vorbemerkung, dass mit großer Wahrscheinlichkeit weitere Werke zu finden sein würden, zum Anlass genommen, nach weiteren Vámbéry-bezogenen Arbeiten zu suchen, und als Ergebnisse konnten über weitere 230 Arbeiten von Vámbéry selbst, mehr als 190 Texte über ihn sowie über 120 Besprechungen seiner Werke vorgestellt werden (Cwiklinski 2019 a). Weitere Recherchen, deren Ergebnisse nun im Folgenden vorgestellt werden sollen, erbrachten neue Nachträge zu einer Personalbibliografie Ármin Vámbéry's: Neben einigen wenigen Texten über ihn beziehungsweise Besprechungen seiner Werke sind es über achtzig vom ungarischen Turkologen verfasste Texte, deren bibliografische Angaben nun hier vorgestellt werden können. Insgesamt wird die Vámbéry-Bibliografie um 98 Einträge vergrößert, die bis jetzt unbekannt waren. Die Prinzipien der bibliografischen Anordnung entsprechen denjenigen, die auch in Cwiklinski 2019a Verwendung fanden und sich an denen in Knüppel 2017 orientieren: Die Einträge werden in den Rubriken «Schriftenverzeichnis Ármin(ius) Vámbéry», «Bio-Bibliografisches» und «Rezensionen von

Werken Á. Vámbéry's» sowie innerhalb der Rubriken nach Kalenderjahren geordnet präsentiert. Innerhalb eines Kalenderjahres werden die Einträge alphabetisch geordnet. Bezeichnungen wie «Nr. 120» beziehen sich auf Werke Vámbéry's, wie sie in Knüppel 2017 aufgeführt werden.

Aufgenommen wurden auch zwei bibliografische Grenzfälle, beide in die Rubrik «Schriftenverzeichnis Ármin(ius) Vámbéry»: Der zweite Eintrag zum Jahre 1868, eine russische Übersetzung eines Artikels des ungarischen Orientalisten, muss ohne genaue Herkunftsbezeichnung auskommen, weil er an seinem Fundort, der von Vladimir Mežov (1830–1894) zusammengestellten Ausschnittsammlung *Turkestanskij Sbornik*, mit nachweislich falschen Informationen versehen war; zur leichteren Auffindbarkeit wird auch der Fundort im *Turkestanskij Sbornik* genannt. Der erste Eintrag zum Jahre 1874 stellt dann zweiten Grenzfall dar, da hier ein Artikel aufgenommen wurde, der nicht durch den vollständigen Familiennamen oder die Initialen eindeutig Vámbéry zuzuordnen ist, sondern bei dem äußere Umstände dessen Autorschaft äußerst wahrscheinlich erscheinen lassen, was in einer Fußnote erläutert wird.

Im Lichte der neuen bibliografischen Angaben ändert sich auch das Bild von Vámbéry's wissenschaftlicher und publizistischer Tätigkeit, wie anhand seiner Artikel in der *Allgemeinen Zeitung* (Augsburg, später München) gezeigt werden kann: Mehr als siebenzig in der Zeitung veröffentlichte Artikel des ungarischen Orientalisten können nun den etwas mehr als fünfzig bis jetzt bekannten und in Knüppel 2017 und Cwiklinski 2019a aufgeführten hinzugefügt werden. Aus ihnen lässt sich das Bild eines Publizisten gewinnen, der vor allem den Wettbewerb Englands und Russlands um Macht und Einfluss in Mittelasien (das *Great Game*) tagesaktuell und aus einer dezidiert antirussischen Perspektive heraus kommentiert. Deutlicher als bisher wird, dass Vámbéry die englisch- und deutschsprachige Literatur, die im Umfeld des *Great Game* entstand, umfassend rezipierte und der deutschsprachigen Leserschaft vorstellte.

Es ist zu erwarten, dass den vorgestellten neuen Einträgen zu einer Vámbéry-Bibliografie weitere folgen werden; gerade eine Untersuchung der Vámbéry-Rezeption im Russischen Reich verspricht noch viele weitere Entdeckungen. Möge dieser Satz als Aufruf an die Kolleginnen und Kollegen in Russland gewertet werden, den Spuren des ungarischen Orientalisten nachzugehen!

Nachträge zu einer Personalbibliografie Ármin(ius) Vámbéry

I. Schriftenverzeichnis Ármin Vámbéry

1868

1. Pišča i napitki, kotorye mne slučalos' videt' na magometanskom vostoce. In: *Vokrug Sveta* Nr. 8 (1868), pp. 226–236 [hat nicht vorgelegen, Übers. v. Nr. 120].

2. O soperničestve meždu Anglij i Rossij v Srednej Azii. In: ?¹ [Übers. v. Nr. 8 d. Jahres 1868 in Cwiklinski 2019a].

> *Turkestanskij Sbornik* Bd. 8, Sanktpeterburg 1869, p. 377.

1869

1. Geographisches aus Mittelasien. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 331, v. 27.11.1869, coll. 5099 a – b.

1870

1. Die Beilegung der Gränzstreitigkeiten zwischen Bochara und Afghanistan. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 71, v. 12.3.1870, coll. 1087 b – 1088 a.

2. Die englische Mission in Jarkend. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 133, v. 13.5.1870, coll. 2105 b – 2106 a.

¹ Im *Turkestanskij Sbornik* wird als Publikationsort fälschlicherweise die *Allgemeine Zeitung* genannt, die Publikation, in der das deutsche Original des Artikels erschienen ist.

3. Das Fehlschlagen der englischen Mission in Jarkend. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 315, v. 11.11.1870, coll. 4982 [dort fälschlicherweise: 4882] b – 4983 a.

4. Die Russen in Centralasien [Rez. zu: Hellwald, Friedrich von: *Die Russen in Centralasien. Eine geographisch-historische Studie. Mit einer Übersichtskarte*, Wien [Selbstverlag] 1869]¹. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 9, v. 9.1.1870, coll. 134 a – b [vgl. Nr. 166].

5. Rußland und das Chanat von Chiwa. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 38, v. 7.2.1870, coll. 571 b – 572 a.

1871

1. Die Hungersnot in Persien. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 284, v. 21.10.1871, coll. 5177 b – 5178 a.

2. Rußland und Chiwa. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 145, v. 25.5.1871, coll. 2581 b – 2582 a.

3. Sovremennoe sostojanie Persii. In: *Vsemirnaja illjustracija* Nr. 147, v. 23.10.1871, col. 259 b [Auszug aus dem Artikel in der *Allgemeinen Zeitung* v. 21.10.1871].

1872

1. Rußland und das Khanat von Chiwa. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 272, v. 28.9.1872, coll. 4149 b – 4150 b.

2. Rußlands politische Errungenschaft in Ostturkestan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 298, v. 24.10.1872, coll. 4541 b – 4542 b.

3. War between the Atalik Ghazi and the Tungans. In: *Ocean Highways* Dezember 1872, pp. 278–279 [hat nicht vorgelegen].

1873

1. Das alte Oxusbett. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 325, v. 21.11.1873, coll. 4947 a – b.

2. Ein neues Werk über Chiwa [Rez. zu: Lerch, P.: *Khiva oder Kharezm: seine historischen und geographischen Verhältnisse. Mit einer Karte von Khiva*, St. Petersburg: Schmitzdorff 1873]². In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 273, v. 30.9.1873, coll. 4146 b – 4147 a.

3. Die Festung Petro-Alexandrowsk. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 319, v. 15.11.1873, col. 4837 b.

4. Hr. v. Lesseps und sein Eisenbahnproject. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 166, v. 15.6.1873, coll. 2533 b – 2534 b.

5. Die mittelasiatische Frage in ihrer neuesten Phase. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 15, v. 15.1.1873, coll. 213 a – 214 a.

6. Nach der Abreise Nasr-ed-din-Schahs aus Europa. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 231, v. 19.8.1873, coll. 3509 b – 3510 b.

7. Les Russes dans l'Asie centrale. L'expédition de Khiva. In: *Revue des Deux Mondes* Bd. 104, v. 15.3.1873, pp. 504–512.

8. Der Schah von Persien in St. Petersburg. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 148, v. 28.5.1873, coll. 2257 a – 2258 a.

9. [o. T.]. In: *Slovenské Noviny* Jg. 6 Nr. 141, v. 18.9.1873, ohne Seitenangabe [Übers. e. Leserbriefs an d. Zeitung *Diritto*].

¹ In Vámbéry's Rezension wird der Titel «Mit einer Uebersichtskarte [...]» geschrieben.

² In Vámbéry's Rezension fehlen bei der Titelangabe die Wörter «oder Kharezm».

1874

1. *¹ Eine neue Karte von Centralasien [Rez. zu: *General-Karte von Central-Asien, bearbeitet nach den besten und neuesten russischen und englischen Quellen im k. u. k. Militärgeographischen Institute in Wien 1874*]². In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 282, v. 9.10.1874, col. 4388 a.

1876

1. Ein Tagebuch asiatischer Erlebnisse [Rez. zu: *Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen General-Lieutenant Johann von Blaramberg. Nach dessen Tagebüchern von 1811–1871. Dritter Band. Berlin: E.H. Schröder 1875*]. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 79, v. 19.3.1876, coll. 1193 a – 1194 a.

2. The Russian Campaign in Khokand. In: *The Geographical Magazine* Bd 3, April 1876, coll. 85 a – 89 a.

1878

1. *Un journal d'événements asiatiques*. Moskau: Universitetskaja tipografija 1878, 16 pp. [hat nicht vorgelegen].

2. Nasr-ed-din Schahs zweite Reise in Europa. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 160, v. 9.6.1878, coll. 2345 b – 2346 b.

3. Der Sultan und der Emir von Afghanistan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 286, v. 13.10.1878, coll. 4213 b – 4214 a.

4. Die Vorgänge in Ost-Turkestan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 31, v. 31.1.1878, coll. 442 a – b.

5. Zum englisch-afghanischen Conflict. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 275, v. 2.10.1878, coll. 4045 b – 4046 a.

1879

1. Englands Ziele in Afghanistan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 44, v. 13.2.1879, coll. 633 b – 634 b.

1880

1. Abdurrahman Chan, der neue Afghanen-Fürst. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 155, v. 3.6.1880, coll. 2249 b – 2250 a.

2. Ein englisches Werk über die Geschichte der Mongolen und Türken [Rez. zu: Howorth, Henry H.: *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. Part II. The So-Called Tartars of Russia and Central Asia. Division I and II, London: Longmans, Green and Co. 1880]³. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 88, v. 28.3.1880, coll. 1291 a – 1292 a.

3. Englands Stellung in Afghanistan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 22, v. 22.1.1880, coll. 305 b – 306 b.

4. Englische Verlegenheiten in Afghanistan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 189, v. 7.7.1880, coll. 2753 b – 2754 a.

¹ Nur mit einem Andreaskreuz signierte Rezension; die Autorschaft Vámbéry's ist als äußerst wahrscheinlich anzusehen, da eine eindeutig ihm zuzuordnende Besprechung derselben Karte im gleichen Jahr in *The Geographical Magazine* erschienen ist, die ebenfalls das falsche Erscheinungsjahr 1873 angibt und auch einige inhaltliche Übereinstimmungen aufweist, vgl. den dritten Eintrag zu 1874 in Cwiklinski 2019a, S. 99.

² Da die Karte nicht vorlag, werden die bibliografische Angaben hier nach den Angaben in Bibliothekskatalogen angegeben; in der Vámbéry zuzuordnenden Rezension lautet der Titel «Generalkarte von Centralasien [...]», als Erscheinungsjahr wird 1873 angegeben.

³ In Vámbéry's Rezension wird der Titel «[...] so called [...]» geschrieben.

5. Von Samarkand nach Herat [Rez. zu: Marvin, Charles: *Colonel Grodekoff's ride from Samarcand to Herat: through Balkh and the Uzbek States of Afghan Turkestan; with his own map of the march-routes from the Oxus to Herat*, London: Allen 1880]¹. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 244, v. 31.8.1880, coll. 3569 a – 3570 a.

1881

1. England und Eyub Chan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 218, v. 6.8.1881, coll. 3185 b – 3186 b.
2. Merw, Herat und Kandahar. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 11, v. 11.01.1881, coll. 137 b – 139 a.
3. Nach dem russischen Siege von Gök-Tepe. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 50, v.19.2.1881, coll. 721 b – 723 b.
4. Die Räumung Kandahars. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 117, 27.4.1881, coll. 1697 b – 1698 b.

1882

1. Sarachs, Merw und Herat. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 42, v. 11.2.1882, coll. 609 b – 611 a.
2. Unzufriedenheit der Mohammedaner Indiens. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 117, v. 27.4.1882, coll. 1705 b – 1706 a.
3. Der Verfall des englischen Handels im Inneren Asiens. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 141, v. 21.5.1882, coll. 2059 a – 2060 a.

1883

1. Die Oase von Merw [Rez. zu: O'Donovan, Edmond: *The Merv Oasis. Travels and Adventures East of the Caspian During the Years 1879–80–81 Including Six Months' Residence Among the Tekkés of Merv*, 2 Bde. London: Smith, Elder & Co. 1882–1883]². In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 40, v. 9.2.1883, coll. 577 a – 578 b; Nr. 41, v. 10.2.1883, coll. 595 b – 596 a.
2. Zur centralasiatischen Frage. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 46, v. 15.2.1883, coll. 657 a – 658 b.

1884

1. Die deutsche Gesandtschaft in Persien. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 287, v. 15.10.1884, coll. 4225 a – 4226 b [vgl. Nr. 408].
2. Merw, Herat und Indien. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 58, v. 27.2.1884, coll. 841 a – 842 a.
3. Die neue russische Verkehrsstraße nach Centralasien. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 37, v. 6.2.1884, coll. 529 a – 530 a.
4. Die Neutralisation Afghanistans. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 113, v. 23.4.1884, coll. 1649 a – 1650 b.
5. Recognoscirungen in Centralasien [Rez. zu: Marvin, Charles: *Reconnoitring Central Asia: Pioneering Adventures in the Region Lying Between Russia and India*, London: W. S. Sonnenschein 1884]. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 291, v. 19.10.1884, coll. 4297 a – 4298 b.
6. Die Russen in Merw. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 52, v. 21.2.1884, coll. 753 a – 754 a.

¹ In Vámbéry's Rezension lautet der Titel: *Colonel Grodekoff's ride from Samarkand to Herat through and the Uzbek states*.

² In Vámbéry's Rezension wird für beide Bände das falsche Erscheinungsjahr 1877 angegeben.

7. Die Russen in Sarachs. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 137, v. 17.05.1884, coll. 2009 a – b.

8. Die russisch-afghanische Gränzbestimmung in Central-Asien. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 321, v. 18.11.1884, coll. 4729 a – 4730 a; Nr. 322, v. 19.11.1884, coll. 4745 a – 4746 a.

9. Die russische Schlappe in Merw. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 103, v. 12.04.1884, coll. 1513 a – b.

1885

1. Die Herater Streitfrage. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 59, v. 28.2.1885, coll. 857 a – 858 a.

2. Der Krieg zwischen England und Rußland in Centralasien. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 72, v. 13.3.1885, coll. 1049 a – 1050 a.

3. Der modus vivendi zwischen England und Rußland. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 83, v. 24.3.1885, coll. 1209 a – 1210 a.

4. Pendsch-deh und Badghiz. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 87, v. 28.3.1885, coll. 1283 a – 1284 a.

5. Die Revolution in Ostturkestan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 120, v. 1.5.1885, coll. 1754 a.

6. Russen und Engländer an der afghanischen Gränze. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 47, v. 16.2.1885, coll. 681 a – 682 a.

7. Die Zusammenkunft in Rawul-Pindi. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 97, v. 8.4.1885, coll. 1409 a – 1410 a.

1886

1. Die afghanisch-russische Gränzbestimmung. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 7, v. 7.1.1886, coll. 81 a – 83 a [vgl. Nr. 491].

2. Bulgarien und Centralasien. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 267, v. 26.9.1886, coll. 3921 a – 3922 a [vgl. Nr. 454].

3. Der englisch-russische Streit am oberen Oxus. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 206, v. 27.7.1886, coll. 3009 a – b.

4. Persiens Stellung in der centralasiatischen Frage. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 82, v. 23.3.1886, coll. 1193 a – 1194 a [vgl. Nr. 462].

5. Wachan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 237, v. 27.8.1886, coll. 3473 a – 3475 a.

1887

1. Die Erstlingsfrucht der Arbeit der englischen Gränzcommission in Afghanistan [Rez. zu: Yate, A. C.: *England and Russia Face to Face in Asia. Travels with the Afghan Boundary Commission*, London: William Blackwood and Sons 1887]. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 41, v. 10.2.1887, coll. 595 b – 596 a.

2. Ejub Chan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 252, v. 11.9.1887, coll. 3705 a – b.

3. Die Lösung der afghanischen Gränzfrage. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 208, 29.7.1887, coll. 3049 a – b.

4. Die neuesten Vorgänge in Afghanistan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 144, v. 25.5.1887, coll. 2097 a – 2098 a.

5. Russische Intriguen in Afghanistan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 101, v. 12.4.1887, coll. 1773 a – 1474 a.

6. Rußland in Centralasien. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 307, v. 5.11.1887, coll. 4521 a – 4522 a [vgl. Nr. 490].

7. Der Streit um das «Dach der Welt». In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 29, v. 29.1.1887, coll. 409 a – b.

1888

1. Aus Centralasien. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 140, v. 20.5.1888, coll. 2041 a – 2042 a.
2. Eine englische Mission nach Kabul. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 246, v. 4.9.1888, coll. 3601 a – b.
3. Eine englisch-russische Allianz. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 54, 23.2.1888, coll. 785 a – b.
4. Das nördliche Afghanistan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 242, v. 31.8.1888, coll. 3545 a – b.
5. Der Sieg des Emirs von Afghanistan. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 326, v. 23.11.1888, coll. 4794 a – b.

1890

1. Das nationale Erwachen der Armenier. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 188, v. 14.8.1890, coll. 1 a – 3 a; Nr. 189, v. 15.8.1890, coll. 3 a – 4 b.
2. [o. T.]. In: *Vostočnoe Obozrenie* Nr. 23, v. 10.6.1890, coll. 4 b [auszugsweise Übers. aus Nr. 531].

1891

1. Jüngste Schicksale und augenblickliche Lage Afghanistans. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 78, v. 4.4.1891, coll. 1 a – 4 b.

1894

1. The Europeanizing of Turkey. In: *The Literary Digest* Bd. 8 Nr. 24, v. 14.4.1894, coll. 26 (628) b – 27 (629) a [auszugsweise Übers. v Nr. 576].

1993

1. Yusuf-Ahmet Destani'nın Önsözü. In: *Milli Folklor* Nr. 17 (1993), pp. 37–41 [auszugsweise Übers. d. Einleitung zu Nr. 728].

II. Bio-Bibliografisches

1865

1. Tegetmeier, W. B.: Proceedings of Learned Societies. Recent Explorations in Central Asia. In: *The Intellectual Observer. Review of Natural History, Microscopic Research and Recreative Science* VI, pp. 62–63.

1867

1. [ohne Vf.]: Die Rivalität Rußlands und Englands in Centralasien. In: *Allgemeine Zeitung* Nr. 311, v. 7.11.1867, coll. 4958 a – 4959 a; Nr. 316, v. 12.11.1867, coll. 5046 b – 5048 a; *Außerordentliche Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 320, v. 16.11.1867, coll. 5121 a – 5121 b; *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 325, v. 21.11.1867, coll. 5189 a – 5190 b [ausführliche Wiedergabe und Kommentierung v. Nr. 96].

1878

1. Medvedev, P. P.: Nečajannoe moe znakomstvo s A. Vamberi. In: *Izvestija Obščestva archeologii, istorii i étnografii pri Imperatorskom kazanskom universitete* Bd. 1 Nr. 3 (1878), pp. 63–66 [1879 erneut gedruckt, vgl. Nr. 1 des Jahres 1879 in Cwiklinski 2019a].

1914

1. [ohne Vf.]: Arminius Vamberi. In: *Velikie ljudi. Bibliografičeskaja biblioteka Vestnika znanija* Bd. 8. Sankt-Peterburg 1914, pp. 3–36.

2012

1. Noda, Larisa Pavlovna: «Putešestvie v Srednjuju Aziju» A. Vamberi kak istočnik izučenijskogo regiona. In: *SNG: problemy, poisk, rešenija. Ežegodnik*. Moskva: Rossijskij univerzitet družby narodov, 2012, pp. 159–170 [hat nicht vorgelegen].

2016

1. Al'žanova, A. B., Žajlchan, M.: Zapiski A. Vamberi o Srednej Azii. In: *Vestnik KazNU. Serija žurnalistika* Bd. 39 Nr. 1, pp. 29–33.

2017

1. Bartholomä, Ruth: Persien in der Mitte des 19. Jahrhunderts: Reiseeindrücke in Arminius Vámbéry's *Meine Wanderungen und Erlebnisse in Persien* (1867). In: *Recherches Germaniques* HS 12 (2017), pp. 65–85.

2. Şenel, Mustafa: Armin Vámbéry (1892 [sic] – 1913). In: Buran, Ahmet (Hrsg.): *Türk Diline Gönül Verenler. Yabancı Türkologlar*, Ankara 2017, pp. 105–108.

2019

1. Çolak, Melek: Macar Türkolog Vámbéry'nin Türkistan Seyahatinde «Büyük Oyun»un İzleri. In: *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi* Nr. 45 (2019), pp. 13–27.

III. Rezensionen von Werken Á. Vámbéry's

1865

1. [ohne Vf.], [ohne Titel]. In: *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* Nr. 195, v. 14.7.1865, coll. 3177 a – 3178 b; Nr. 196, v. 15.5.1865, coll. 3195 a – 3196 a [Rez. zu Nr. 45].

1879

1. Popov, N.: Vamberi o načal'noj kul'ture tjurko-tatar. In: *Kritičeskoe Obozrenie* Nr. 15 (1879), pp. 25–32 [hat nicht vorgelegen; Rez. zu Nr. 328].

1902

1. Melioranskij, P.: [o. T.] In: *Zapiski Vostočnogo otdelenija Imperatorskogo russkogo archeologičeskogo obščestva* Bd. 14 Vypusk 4 (1902), pp. 0136–0138 [sic; Rez. zu Nr. 640].

1910

1. Dioneo: Zapiski parii. In: Dioneo: *Refleksy dejstvitel'nosti. Literaturnye charakteristiki*, Moskva: A. I. Mamontov, pp. 209–250 [Rez. zu Nr. 670].

Literaturverzeichnis

1. Cwiklinski 2019a, Sebastian: Ergänzungen zu einer Personalbibliografie Ármin(ius) Vámbéry. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* Volume 71 (1) (2019), pp. 93–134.

2. Cwiklinski 2019b, Sebastian: Rez. zu: Knüppel, Michael: Ármin(ius) Vámbéry (1832–1913) – Versuch einer Personalbibliographie. [2., verbesserte Auflage.] Nordhausen: Verlag Traugott Bautz. *Orientalistische Literaturzeitung* 114,1 (2019), S. 27–28.

3. Knüppel 2015, Michael: Ármin(ius) Vámbéry (1832–1913) – Versuch einer Personalbibliographie. Nordhausen 2015.

4. Knüppel 2017, Michael: Ármin(ius) Vámbéry (1832–1913) – Versuch einer Personalbibliographie. [2., verbesserte Auflage.] Nordhausen 2017.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАХСТАНА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития народного образования Казахстана в период вхождения в состав Российской империи. Особое внимание уделено анализу государственной политики царизма в сфере образования и просвещения казахов. Освещены вопросы доминирования русской системы образования в условиях колониальной политики. Отмечена роль И. Алтынсарина в развитии русско-казахского сотрудничества в сфере образования.

Ключевые слова: Образование, мектебы, медресы, церковно-приходские школы, русско-казахские школы, Российская империя, царизм.

Образовательная политика царизма в отношении нерусских народов являлась неотъемлемой частью национальной политики. Колониальные власти Российской империи делали основную ставку на расширение сети учебных заведений на русском языке. Для большого охвата казахской молодежи русским образованием казахские дети принимались в сельскохозяйственные школы, в начальные училища в переселенческих деревнях и казачьих станицах, и даже в церковно-приходские школы. Вместе с тем, создавались различные типы школ, в частности, двухклассные волостные и одноклассные аульные школы. Время создания таких школ приходится на 1863 и 1865 гг. Так, в начале XX в. только в волостях и аулах Уральской обл. действовали 60 таких школ с 1 673 учащимся. В Акмолинской волости в это время работали 4 волостных и 80 аульных школ с обучаемым контингентом в 1 879 чел.

Во второй половине XIX в. в период вхождения Казахстана в состав Российской империи наблюдался рост числа школ Министерства народного просвещения. Например, на 1 января 1897 г. в Тургайской обл. было 71 учебное заведение, через 10 лет их становится 160, т. е. увеличивается более чем в 2 раза. Если провести анализ по категориям, то к 1907 г. училищ русско-киргизских, двухклассных и одноклассных было 121, медресе с русским классом и мектебов – 2, русских одноклассных городских и сельских – 37. Анализ показывает, что правительство Российской империи в отношении нерусских народов особое внимание уделяло открытию русских школ и введению русского языка в мектебах и медресе. Царское правительство стремилось придать просвещению народов, населяющих Российскую империю, религиозно-нравственный характер. В основном было развито начальное обучение, среднее было развито не на должном уровне, а высших учебных заведений в Казахстане не было. По причине отсутствия последних, многие молодые казахи обучались в российских институтах и семинариях. В частности, наибольшее количество казахов обучалось в Казани в Казанском университете, Казанском ветеринарном институте, Казанской учительской семинарии. Небольшое количество студентов-казахов обучалось в Москве и Петербурге. Но для того, чтобы поступить в вузы казахам приходилось преодолевать много препятствий. Но, несмотря на все трудности к началу XX в. свыше 100 чел. получили высшее образование. В условиях колониальной политики царизма, именно русская система образования получает свое распространение, становится доминирующей моделью просвещения. В правительственных учебных заведениях, как указывает представитель казахской национальной интеллигенции А. Букейханов, политические функции школы преобладали, что естественно сказалось в целом на состоянии народного образования Казахстана, оно было не на высоком уровне, хотя стремление казахов к образованию росло с каждым годом. Попытки же совершенствовать школьное образование пресекались

чиновниками колониального аппарата, преследовавшими главную цель – русифицировать подрастающее поколение¹.

Соответственно, благодаря реформам 1867–1868 гг. на территории Казахстана, подчиненной 3-м генерал-губернаторам, сложилась определенная правительственная система народного образования. Одним из ярких проводников правительственной политики был Н.И. Ильминский. По своим убеждениям он был ярким приверженцем русификаторской политики царизма, а конечную цель своей деятельности он понимал как «обрусение инородцев и совершенное их слияние с русским народом по вере и языку». «Система Ильминского» и народное образование в Казахстане, по утверждению самого Ильминского, а также миссионерское просвещение может внедряться с успехом, если его осуществлять через специальные элементарные школы на родном языке с одновременным или последующим изучением русского языка. Учитывать в таких школах должны были, по его мнению, хорошо подготовленные учителя из среды самих «инородцев»². Вместе с тем, необходимо отметить, что несмотря на реакционные цели, система Ильминского в некотором образе способствовала распространению русского образования среди казахских детей. Именно выпускники таких школ в будущем составили ядро молодой казахской интеллигенции. Многие представители казахской национальной интеллигенции стремились ознакомиться молодежь с достижениями русского народа в области науки, техники и образования, т. к. сами получили русское образование и были воспитаны в русской среде.

Важная роль в развитии русско-казахского содружества в сфере народного образования принадлежит великому просветителю Ибраю Алтынсарину. Являясь выдающимся педагогом, он своей неутомимой деятельностью в области народного просвещения вписал яркую страницу в историю русско-казахского содружества по развитию в Казахстане народного образования и педагогической мысли. Перейдя на работу в Тургайское уездное управление, И. Алтынсарин не порвал связи с учебно-педагогическим делом и деятелями русской культуры и просвещения. На новой должности он направлял все свои силы на просвещение своего народа. И. Алтынсарин с первых шагов своей просветительской деятельности снискал к себе любовь и уважение и казахского, и русского населения. Об его хороших отношениях с местным населением говорилось в письме одного из русских учителей: «Народ киргизский относился к нему с глубоким уважением. И было за что уважать Ивана Алексеевича: двери его всегда и для всех отворены... Русские поселенцы тоже видели в нем доброго и справедливого человека». И. Алтынсарин все яснее понимал, что судьбу казахской школы нельзя связывать только с деятельностью миссионеров. На основе изучения трудов русских педагогов, в особенности К.Д. Ушинского, он вполне уяснил общественные задачи народной школы. Своими современниками Ибраю Алтынсарин характеризуется как справедливый, настойчивый, благовоспитанный, любознательный, благородный, заботливый и щедрый человек. Профессор Казанского университета Н. Ильминский в своих воспоминаниях пишет: «Григорьев очень высоко ценил Балгожу, а Ибрая генерал любил не только за то, что он внук Балгожи, но еще за его личные качества и талант». Коптели Казакбайулы в статье «Казак билерінің жумыстарды тексеретұғын турасынан» («О проверке работ казахских судей») восхищается справедливостью Алтынсарина, отмечая при этом, что Ибраю всегда преданно служил народу и думал о том, как принести ему пользу. «Наш разговор в основном был о смыслах слов, – пишет Н. Ильминский. – Я не ограничивался русскими смыслами иностранных слов, несмотря на ограничение

¹ Садвакасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (2 половина XIX – начало XX в.). Алматы, 2005. С. 54–55, 63.

² Бержанов К. Русско-казахское содружество в развитии просвещения (Историко-педагогическое исследование). Алма-Ата, 1965. С. 72.

времени, старался максимально разносторонне объяснить технические термины. А Алтынсарин слушал с большим вниманием. Он со своим обаянием стал уважаемым гостем в нашей семье». Также заметна настойчивость И. Алтынсарина в подготовке книги «Мұсылманшылықтың тұтқасы», которую русские просветители советовали печатать русским алфавитом, но он вложил все свои силы для выпуска книги на арабском алфавите, чтобы религиозные проповеди и суры Корана не исказились. Благодаря его твердому характеру, религиозный урок в школе проходил с использованием учебника на казахском языке, автором которой был сам Ибрай Алтынсарин. Открытие школы нового образца в Тургае, сбор средств для ее нужд, открытие школы рукоделия для девушек, постройка общежитий дали свои плоды только благодаря его упорству и настойчивости. Преподаватель двухклассной Костанайской русско-казахской школы Ф. Соколов писал об Ибрае: «Ибрай был простым и близким человеком для учителей медресе и всегда был готов им помочь. Поэтому они его любили и казахи относились к нему почтительно. Алтынсарин знал русскую науку, образование, был казахом единохарактерным, умным, мудрым, работающим как в пользу казахов, так и России». Ибрай Алтынсарин вместе с руководителем уезда Яковлевым решает построить из кирпича здание русско-казахского училища. В 1880 г. заканчивается постройка новой школы. Так Ибрай служил интересам широкой общественности. Также его забота о казахском народе и о будущем поколении подтверждается следующим фактом: 500 дес. земли, доставшиеся ему от отца, он завещает сельско-хозяйственной школе, которая должна было открыться в Костанаяе. Я. Яковлев, высоко оценивая его заслуги, пишет: «Верному труду и чистым намерениям зауряд-хоружего Алтынсарина, школа сохраняется чисто и аккуратно. Судя стремлению казахских детей к знаниям, можно с уверенностью сказать, что Торгайская школа и в будущем достигнет высоких вершин». Ученый-психолог Кубагул Жарыкбаев говорит о нем следующее: «Человек, посвятивший всю свою жизнь просветительству и воспитанию детей, для кого работа была основой его жизни, он был учителем с большим сердцем, понимающий душу человека, и был, несомненно, одаренным психологом»¹. В разрешении одной из основных проблем дидактики, проблемы языка и нового алфавита в школе, И. Алтынсарин находился под влиянием К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого и тех последователей, которые работали в нерусских школах Грузии, Армении, Азербайджана, Татарии, Чувашии, а также сотрудничал с видными деятелями русского просвещения в Казахстане. И. Алтынсарин пришел к убеждению о важности родного языка для обучения в русско-казахских школах и необходимости русского алфавита для казахской письменности. Он считал, что для казахской молодежи необходимо знание родного и русского языков. Однако необходимо отметить, что И. Алтынсарин был далек от того, чтобы применять родной язык в качестве придатка к урокам русского языка. Наоборот, устные и письменные упражнения на родном языке и чтение хрестоматии он рассматривал как самостоятельную работу. Вместе с тем, И. Алтынсарин, как истинный казахский просветитель, свои демократические взгляды наиболее ярко выразил в концепции о необходимости образования женщин. И. Алтынсарин предсказывал, что с развитием просвещения наступит новая эпоха в истории казахского народа. Однако образование представляло исключительно острую проблему в колониальном Казахстане. В национальных окраинах Российской империи просвещение не находило должной широкой государственной поддержки. Важное значение в истории русско-казахского культурно-просветительного содружества, а также в развитии педагогической мысли в Казахстане играли средства массовой информации, в частности, журнал «Айкап». В журнале получили освещение весьма широкий круг вопросов развития культуры, просвещения, содержания и методов обучения в различных типах школ. Широкой

¹ Оспанов С. Каким был ИбрайАлтынсарин?.. // Мысль. 2017. № 10. С. 35–37.

популярностью журнал пользовался среди казахских учителей, вокруг него объединились передовые педагогические силы Казахстана. Журнал «Айкап» сыграл важную роль в объединении демократических сил педагогической и учительской общественности, в изучении и разработке путей развития культуры, литературы и языка казахского народа. Во главе журнала стояли передовые представители казахской демократической интеллигенции, которые воспитывались и получили образование в русских и русско-казахских учебных заведениях, среди них М. Сералин, Ж. Сейдалин, Б. Каратаев, Ш. Альжанов. Редактор журнала «Айкап» Мухамеджан Сералин в 1891 г. окончил двухклассную русско-казахскую школу в Кустанае, а в 1898 г. в том же городе успешно закончил педагогический класс при двухклассном городском училище, который готовил учителей для аульных школ. Значительной заслугой журнала «Айкап» в истории развития русско-казахского культурно-просветительного сотрудничества и педагогической мысли является то, что он в новой исторической обстановке стал продолжать и совершенствовать педагогические и просветительные традиции выдающихся казахских просветителей-демократов второй половины XIX в. Передовая казахская интеллигенция, группировавшаяся вокруг журнала «Айкап», а это в большинстве были учителя, на страницах журнала обсуждали самую актуальную педагогическую проблему, какими средствами и путями приобщиться к достижениям мировой культуры и как догнать передовые народы в области просвещения и образования. М. Сералин в своих статьях по вопросам народного образования рекомендовал учителям и всем деятелям просвещения обращаться к опыту русской школы и ее воспитанника Ибрая Алтынсарина. Этот журнал был органом, в котором более или менее полно с демократических позиций ставились и решались актуальные вопросы педагогической мысли в Казахстане. Весьма отродно также отметить, что со страниц этого журнала впервые прозвучали имена талантливых казахских учителей, ставших впоследствии известными писателями и поэтами. Среди авторов журнала отметим С. Донентаева, Б. Майлина, С. Сейфуллина, М. Жолдыбаева, С. Торайгырова, М. Сералина. Тематика их выступлений по педагогическим вопросам была весьма разнообразной. Одни информировали читателей о новых начинаниях в школьном строительстве, другие писали об обучении и воспитании детей, третьи высказывались о создании учебников и учебных пособий.

Таким образом, рассматривая политику царизма в области образования в контексте духовной экспансии царизма в Казахстане, можно прийти к заключению, что усилия колониальной администрации были направлены на пресечение национальных школ. В них видели очаги формирования национального самосознания. Такая политика проводилась в отношении всех нерусских народов Российской империи, результатом чего стало низкое качество получаемых знаний в русско-туземных школах, главной целью которых было воспитание подрастающего поколения в русском духе. Этот факт признавался представителями других национальностей. Но, несмотря на существующие проблемы, мы не можем не отметить и прогрессивную роль передовой русской культуры в становлении казахской национальной интеллигенции в большинстве своем получившие высшее образование в университетах России. Обучение в русских учебных заведениях России позволило казахам ближе познакомиться с культурной и общественно-политической жизнью России, что, соответственно, способствовало проникновению просветительских, а позднее и революционных идей в Казахстан.

Источники и литература

1. Бержанов К. Русско-казахское содружество в развитии просвещения (Историко-педагогическое исследование). Алма-ата: Казахстан, 1965. 342 с.
2. Оспанов С. Каким был Ибрай Алтынсарин?.. // Мысль. 2017. № 10. С. 35–37.
3. Садвакасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (2 половина XIX – начало XX в.). Алматы: Қазақ университеті, 2005. 354 с.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА БАШКИРСКОГО ОБЩЕСТВА В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.¹

Аннотация. Башкиры XVII – начала XVIII в. не обладали институтом постоянной государственной власти. Тем не менее, башкирское общество представляло собой консолидированный политический социум. Политическая субъектность башкирского общества определялась, во-первых, его суверенитетом в определении друга и врага. Во-вторых, понятие «враг» в башкирском обществе XVII в. не имело никакого отношения к архаическому представлению о родовой мести. С врагом велись переговоры и заключались перемирия. Более того, вчерашний враг мог стать союзником. Если рассматривать критерий К. Шмитта «друг – враг» в качестве основополагающего в определении уровня политического развития общества, то башкиры XVII–XVIII вв. представляли собой один из наиболее политически развитых социумов Северной Евразии. Одной из главных причин первого башкирского восстания 1662–1664 гг. стала попытка российских властей лишить башкирское общество суверенитета в праве выбирать врага и друга. Политическую субъектность башкир признавали их соседи. Об этом свидетельствует высокий статус титула «башкирский хан» в казахском обществе и бытование в российской делопроизводственной переписке политонима «Башкирская орда».

Ключевые слова: башкирское общество XVI – начала XVIII в., политический суверенитет, башкирские восстания, государство, власть.

В современной историографии принято отрицать политическую субъектность башкир в XVI – начала XVIII в. При этом, наблюдается редкое единодушие западных исследователей, советских и постсоветских историков. Монография Андреаса Каппелера «Россия – многонациональная империя» представляет собой эпохальное исследование национального вопроса в западной русистике, что недвусмысленно выражено в полном его названии. Автор категорически отказался использовать труды российских историков по заданной проблематике по причине их «русоцентристской оптики», что, по убеждению автора, неизбежно приводит к заблуждению². Впрочем, это декларативное заявление не помешало Каппелеру согласиться с российскими историками в том, что башкиры, в отличие от большинства других кочевников, входивших в Золотую Орду, «не образовали собственной политической целостной структуры». Обратим внимание на то, что книга Каппелера вышла в начале 90-х гг. XX в. Каппеллер отнюдь не единственный автор, выводящий прошлое башкирского народа за рамки политической истории. Большинство исследователей, как зарубежных, так и отечественных, указывают на отсутствие в башкирском обществе отделенного от народа аппарата управления и постоянного института верховной власти, аналогичной власти ханов у казахов или тайшей у калмыков. Любопытно, что даже те отечественные исследователи, кто стремился доказать наличие у башкир политической структуры в первую очередь стремились обнаружить институт ханской власти.

Следует отметить, что концепция государственной власти, редуцированной до персоны верховного правителя, в наиболее законченном виде сформулирована только у А. Кожева, стремившегося развить гегелевский тезис о власти господина³. Вместе с тем, в 70-е гг. XX в. Мишель Фуко подверг аргументированной критике подобное представление о политической власти. Он считал, что не стоит сводить институт господства только

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-411-020025.

² Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 15.

³ Кожев А.В. Понятие власти / Пер. с фр. А.М. Руткевича. М., 2007.

какому-либо сакральному центру. В своем исследовании, посвященном истории сексуальности¹, Фуко доказывает, что власть являет собой «множественность отношений силы». Эти отношения исходят из неоднородных точек, распределенных по всему социальному пространству, они не локализируются в единственном центре, который осуществлял бы универсальное принуждение. Напротив, властные отношения выражаются в множестве очагов тактического давления и насилия, которые действуют анонимно и всегда отсылают к чему-то другому. Фуко отмечает, что такая организация приходит на смену новоевропейскому порядку, которому был присущ единственный и четко определенный источник силы – монархическая власть. Однако именно в силу этой определенности, как считал Фуко, новоевропейское устройство характеризовалось гораздо меньшей тоталитарностью, нежели современный социум. Таким образом, Фуко приходит к мысли, что в монархическом обществе власть представлена в более ослабленном виде, нежели в современном обществе или обществе, в котором фигура верховного правителя вообще отсутствует.

Другой вопрос: является ли такая власть политической? Благодаря исследованиям историка права Карла Шмитта на сегодняшний момент мы имеем самую разработанную концепцию понятия «политического». Шмитт призывает не сводить «политическое» исключительно к государству², особенно в том случае, если речь идет о демократическом устройстве общества. Он указывает, что в условиях демократии отсылка к государству более не в состоянии обосновать специфический различительный признак «политического». Подобные утверждения исходят из того, что государство было единственной или же единственно существенной и нормальной формой, в какой являл себя политический мир. Сегодня это простое понимание не соответствует действительности. Сегодня нормальное понятие политического единства – народ. И потому сегодня все главенствующие политические понятия определяются применительно к народу. Политическим является все, что касается жизненно важных вопросов народа как единого целого.

Определить понятие политического можно, лишь обнаружив и установив специфически политические категории. Шмитт вводит свои критерии «политического», к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различение друга и врага. Оно дает определение понятия через критерий, а не через исчерпывающую дефиницию или сообщение его содержания³. Шмитт уточняет, что «враг не конкурент и не противник в общем смысле. Враг также и не частный противник, ненавидимый в силу чувства антипатии. Враг, по меньшей мере, эвентуально, т. е. по реальной возможности, – это только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности. Враг есть только публичный враг, ибо все, что соотносено с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится поэтому публичным». Политическая противоположность – это противоположность самая интенсивная, самая крайняя, и всякая конкретная противоположность есть противоположность политическая тем более, чем больше она приближается к крайней точке, разделению на группы «друг – враг». Война есть вооруженная борьба между организованными политическими единствами⁴. Покуда народ существует в сфере политического, он должен – хотя бы и только в крайнем случае (но о том, имеет ли место крайний случай, решает он сам, самостоятельно) – определять различение друга и врага. В этом состоит существо его политической экзистенции. Если у него больше нет способности или воли к этому различению, он прекращает политически

¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М., 1996.

² Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же.

существовать. Если он позволяет, чтобы кто-то чужой предписывал ему, кто есть его враг и против кого ему можно бороться, а против кого нет, он больше уже не является политически свободным народом и подчинен иной политической системе или же включен в нее. Таким образом, Карл Шмитт считает, что политическое единство народа определяется не наличием у такого народа государства, а способностью самостоятельно определять друга и врага. На практике это означает, что обладающий политическим единством народ выступает на международной арене в качестве суверенного субъекта, заключающего договора о союзе и начинающий войны.

Возникает вопрос: представляли ли башкиры в XVII в. народ, самостоятельно определяющий врага и друга?

С начала 20-х гг. XVII в. башкиры вели интенсивные военные действия с калмыками. В этом противостоянии возможности российских властей в деле защиты своих подданных на юго-востоке были ограничены. С 1645 г. башкиры отражали калмыков практически в одиночку. Гарнизон Уфы после победоносных рейдов середины 30 – начала 40-гг. более уже не покидали крепости. Однако после того как калмыки потребовали от российского правительства прекращения набегов на их улусы башкир, эта степная война приобрела совершенно иной статус. В 1648 г. выходит первый указ, запрещающий башкирам под страхом смертной казни нападать на калмыков. Во время русско-калмыцких переговоров 1661 г. тайша Дайчин повторил это требование в качестве единственного условия подписания военного соглашения с российской стороной¹. После этого российская администрация официально признает все военные действия башкир против калмыков криминальными действиями. Приказ Казанского дворца не только подтвердил указ 1648 г. о запрете башкирам нападать на калмыков, но и дал специальное задание уфимскому воеводе Ф.И. Сомову: «...про башкир сыскать всякими сысками накрепко, а все взятое ими у калмыков вернуть обратно. Пуших воров башкирцов казнить смертной казнью»². Именно это запрещение стало одной из главных причин первого крупномасштабного восстания башкир против российских властей. Башкиры выступили против навязывания им представлений о том, «кто есть его враг и против кого ему можно бороться, а против кого нет». Таким образом, в соответствии с формулировкой К. Шмитта, башкиры поступили «как политически свободный народ, не подчиненный иной политической системе». Следует особо отметить, что башкиры не считали калмыков кровными врагами, что было свойственно именно неполитическим отношениям. Башкиры не считали, что противостояние с калмыками будет длиться вечно. В политике соотношение «враг – друг» – величина переменная. Восстание 1662–1664 гг., начавшееся из-за вмешательства российского правительства в башкиро-калмыцкий конфликт, довольно быстро становится совместным выступлением бывших противников против российских властей. Это неожиданная смена вражды союзническими отношениями вызвала недоумение у русской администрации. В 1661 г. посол И.С. Горохов, встретив в улусе Дайчина группу башкир, попытался узнать у них причины бегства к калмыкам. Горохов выяснил, что их принял у себя сын Дайчина – Мончак, который «позабыв их обиды, сделал им большой привет и ласку, дал им на приезде по две лошади да по верблюду человеку, коров и овец дал немало». Горохов с возмущением потребовал объяснения у одного из башкир: «...в колмацких улусах чего они возжелали и калмыки какие к ним доброхоты про то они и сами знают, что калмыцкие люди давние им злодеи и будут им мстить за свои крови»³. Однако башкиры ответили Горохову вполне в духе политической прагматики, далекого от представлений о кровной мести: «...а калмыки де хотя де они грубны, только де службой своею и промыслом колмыков удобряют и учинят им с большой корыстью, знают де они башкирцы не только большие дороги и малые все стежки во

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 22.

² Научный архив Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (НА ИИЯЛ УНЦ РАН). Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

³ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 114.

все уезды и переправы на малых и больших реках»¹. Таким образом, никто никому мстить не собирался. Более того, именно переход на сторону этой группы башкир вызвал воодушевление у лидеров калмыков, потому что «рады к себе башкирцев приручить потому что де калмацкие люди ни от кого так не боятся как от башкирцев. И только башкирцы при них будут и калмаки везде будут сильны»².

Политическая субъектность башкирского народа в наибольшей степени проявлялась в ходе восстаний, которые сами башкиры интерпретировали в качестве политического действия. Следует отметить, что в традиции государств, возникших на месте Золотой орды, существовало представление о том, что выступление против правителя, нарушившего обычаи, является законным и справедливым деянием. Р.Ю. Почекаев показал насколько правовая коллизия выступления против главы государства на Востоке отличалась, к примеру, от российской реальности. Впрочем, как отмечает Р.Ю. Почекаев, мятежи против монархов были достаточно частыми в средневековой Западной Европе до появления доктрины о власти короля, освященной божественной волей и о приравнивании мятежа против монарха к государственной измене³. К XVII в., а если быть точнее, к Соборному уложению 1649 г., выступление против власти было внесено в разряд политических преступлений. К середине XVIII в. в российском обществе эта правовая норма стала настолько обыденной, что вполне можно понять недоумение начальника Оренбургской комиссии В.Н. Татищева, писавшем о языке башкирских челобитных: «Земли данными е. и. в. называют они своими, а бунты войной, отпущения же вин миром для того, что народ степной и дикой и к тому же испортила их прежняя воля»⁴. Однако башкиры рассматривали свои выступления как справедливую войну против правителя, нарушившего постановления прежнего монарха – Ивана IV. Только подобный подход дает возможность объяснить ситуацию восстания 1704–1711 гг., не поддающуюся интерпретации с точки зрения российского или европейского государственного права. В 1708 г. в ходе самого крупного башкирского восстания, завершившегося выходом башкир из состава Российского государства *de jure*, башкиры направляли своих воинов для участия в Северной войне⁵. Вооруженное выступление против правителя, преступившего установленные обычаи, это не освобождает восставших от выполнения своих законных обязанностей в пользу правителя. В данном случае башкиры при вхождении в состав Русского государства обязались нести военную службу. Возникает вопрос: признавали ли в XVII – начале XVIII в. политический статус башкирского народа его ближайшие соседи? В начале XVIII в. казахи считали, что чингизид, избранный башкирами ханом, вполне достоин и казахского трона. И.Н. Ерофеева отмечает, что Абулхаир был избран ханом Младшего Жуза во многом благодаря той роли, которую он сыграл в качестве башкирского хана во время восстания 1704–1711 гг.⁶ Калмыцкие тайши, не считавшие Московское государство политическим единым, заключали мирные соглашения отдельно с российскими властями и башкирами. В 1644 г. тайша Далай заявил уфимскому послу И. Черникову-Онучнину, что «посылает он ногайцев и калмыков не на Уфимский, а на Казанский уезд, потому что чувашаи и черемисы Казанского уезда со мной не в миру, а в миру со мной Уфимского города государевы люди и башкирцы». Русскому послу пришлось разъяснять тайше, что и «Казань и Уфа есть царского величества города, и люди в тех городах и уездах одного государя, а не самовластные, живут под государевой высокой рукой»⁷. В 20-е гг. XVIII в.

¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 115.

² Там же. Л. 117.

³ Почекаев Р.Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М., 2017. С. 25.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 230.

⁵ Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М., 2014. С. 234.

⁶ Ерофеева И.Н. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы, 2007. С. 44.

⁷ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 112–176.

в официальной документации впервые появляется политоним «Башкирская Орда». Ротмистр Аничков употребил это выражение в следующем контексте: «На многих походах их отцы и родственники побиты и в полон пойманы и до ныне живут посреди Башкирской Орды... и их город стал украинной и от иных городов в дальнем расстоянии и посреди оной басурманской воровской Орды»¹. В.П. Юдин пришел к выводу, что в русский язык слово «орда» вошло в значении «степное кочевое объединение, кочевая держава»². Употребление его в официальной документации означало признание независимого статуса башкирского объединения. Интересно и то, что даже после возобновления российского подданства, состоявшегося в 1722 г., в сенатских делах по-прежнему продолжали именовать коренное население Уфимской провинции «ордой». Например, П.И. Рычков использовал этот термин в официальном сенатском отчете от 1734 г.: «Выписанные города Уфы середина всей Башкирской Орды, Бирск подчинен Уфе, а построенные для помощи Уфе Мензелинские, хотя в Казанском уезде, но при самых же башкирцах»³.

Таким образом, башкиры XVII – начала XVIII в. не обладали институтом постоянной государственной власти. Тем не менее, башкирское общество представляло собой вполне консолидированный политический социум. Политическая субъектность башкирского общества определялась, во-первых, его суверенитетом в определении друга и врага. Во-вторых, понятие «враг» в башкирском обществе XVII в. не имело никакого отношения к архаическому представлению о родовой мести. С врагом велись переговоры и заключались перемирия. Более того, вчерашний враг мог стать союзником. Если рассматривать критерий К. Шмитта «друг – враг» в качестве основополагающего в определении уровня политического развития общества, то башкиры XVII–XVIII вв. представляли собой один из наиболее политически развитых социумов Северной Евразии. Одной из главных причин первого башкирского восстания 1662–1664 гг. стала попытка российских властей лишить башкирское общество суверенитета в праве выбирать врага и друга. Политическую субъектность башкир признавали их соседи. Об этом свидетельствует высокий статус титула «башкирский хан» в казахском обществе и бытование в российской делопроизводственной переписке политонима «Башкирская орда».

Источники и литература

1. Ерофеева И.Н. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е, испр. и доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
2. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Традиция, 2000. 344 с.
3. Кожев А.В. Понятие власти / Пер. с фр. А.М. Руткевича. М.: Практикс, 2007. 192 с.
4. Научный архив Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.
5. Почекаев Р.Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М.: Высшая школа экономики, 2017. 368 с.
6. Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: «РИСИ», 2014. 544 с.
7. Российский государственный архив древних актов. Ф. 119. Оп. 1. 1661. Д. 5; Ф. 248. Оп. 3. Д. 107; Оп. 13. Д. 750; Оп. 17. Д. 1183.
8. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 112–176.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
10. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 588 с.
11. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // Чингиз-наме. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 201.

² Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 24.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 750. Л. 224.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ В АКМОЛИНСКОМ УЕЗДЕ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918–1920 ГОДОВ

Аннотация. В статье представлены результаты изучения архивных источников, характеризующих особенности политического положения в Акмолинском уезде Омской губ. непосредственно после гражданской войны 1918–1920 гг. Исследованы и показаны особенности создания первых советских органов управления в регионе, направления их деятельности по стабилизации политического положения и укреплению власти большевиков. Анализируются особенности организации органов внутреннего правопорядка в уезде и трудности их становления в переходный период от войны к миру. Автор обосновывает вывод о том, что переход большевиков к социально-политической и экономической модернизации общества начинался в условиях нестабильной политической обстановки в регионе, обусловленной территориальной отдаленностью уезда, неразвитостью транспортной и коммуникационной инфраструктуры, сложностью межэтнических отношений в крае.

Ключевые слова: архивные документы, гражданская война, советская власть, национальные окраины империи, политическое положение.

С окончанием гражданской войны в 1920 г. перед большевиками стояли задачи упрочения советской власти, социально-экономической и политической модернизации общества. Решение их было возможно лишь при жестком контроле политической ситуации на окраинах, поскольку политическая обстановка в первые месяцы и годы после гражданской войны в регионах оставалась напряженной. В отдаленных волостях и уездах казахского края советская власть еще не утвердилась, здесь скрывались остатки «недобитых контрреволюционных элементов».

Для выявления и дискурсивного анализа особенностей политического положения в регионах страны в переходный период от войны к миру большое значение имеет обращение к архивным источникам. В фондах государственного архива г. Нур-Султан (историческое название г. Акмола – *авт.*) отложились документальные материалы первых советских уездных органов управления (Ф. 250 – Акмолинский уездный революционный комитет (уревком) Омской губ.; Ф. 100 – Акмолинский уездный отдел рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) Исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Акмолинской губ., г. Акмолинск), дискурсивный анализ которых дает возможность характеризовать политическую ситуацию в регионе после гражданской войны. Комплекс документальных источников обозначенных фондов включает: распорядительную документацию уездного отдела управления (приказы, циркуляры); доклады о деятельности отделов уревкома; переписку с губернскими органами власти; ежемесячные сводки о политическом положении в волостях уезда; схемы и анкеты ежемесячной отчетности уездной милиции о настроении населения; протоколы заседаний волостных ревкомов; протоколы учетно-ревизионных комиссий; списки служащих; сметы и декреты о конфискации промышленных предприятий; сводки о реквизициях и принятии на учет имущества «бежавшей буржуазии и белой армии»; книги жалоб и заявлений граждан в Бюро жалоб при РКИ и прочие документы.

На момент окончания гражданской войны 1918–1920 гг. Акмолинский уезд входил в состав Омской губ., административный центр уезда – г. Акмолинск. Территория уезда в 1920 г. составляла 214 164 кв. верст. Общая численность населения уезда составляла 532 955 чел., среди которого преобладали казахи-кочевники. Статистика такова: оседлого населения – 121 602 чел., кочевого – 218 431 чел. В составе уезда находились 33 русских

волостей, в пределах которых насчитывалось 232 села, и 49 казахских волостей, включавших 302 административных аула. Территориально уезд был самым крупным в губернии; ближайшая к Акмолинску граница уезда – северная протянулась на 150 верст от административного центра, восточная – на 250 верст, западная – на более чем 600 верст, с южной стороны протяженность границы достигала 1 050 верст. По национальному составу население уезда состояло из русских, киргиз (казахов – *авт.*), татар, сартов, евреев и цыган¹.

Политическая обстановка в волостях Акмолинского уезда в первые послевоенные годы была нестабильной. В отдаленных волостях уезда, где советская власть еще не была окончательно установлена, скрывались «недобитые контрреволюционные элементы». По мере освобождения территории уезда от колчаковцев, создавались волостные, сельские и аульные революционные комитеты (ревкомы). В большинстве русских волостей и селений революционные комитеты были организованы при поддержке политотделов частей Красной армии и содействии командного состава проходивших через территорию уезда советских войсковых частей и агентов политотдела этих же войск. В казахских волостях было сложнее. В волостные и сельские ревкомы этих волостей «сплошь и рядом проскакивали люди богатого класса, которые не сочувствовали советской власти и делали все возможное, чтобы подорвать престиж власти среди населения»².

В отчетах и докладах в губернский революционный комитет (губревком) заведующий отделом управления Акмолинского уревкома В. Коротков так оценивал политическую обстановку в уезде: «Акмолинский уезд еще не отрешился от старой жизни, находится под влиянием кулачества и поэтому проведение в жизнь основ строительства советской власти представилось делом не легким, как это казалось с первого раза»³. Первые мероприятия большевиков по упрочению советской власти продвигались медленно и трудно. Среди населения циркулировали провокационные слухи о скором падении советской власти, о надвигающейся войне между большевиками и коммунистами.

В сложившейся ситуации отдел управления Омского губревкома своим циркулярным распоряжением от 1 июня 1920 г. за № 6 925 обозначил задачи уревкомов по преодолению последствий гражданской войны и укреплению власти советов. Установка губернского центра ориентировала на то, что уревкомы и отделы управления при них должны были в деталях знать обстановку в уезде, в каждой волости и в каждом селении, без задержек уведомлять губернские власти о положении дел и политической атмосфере в уезде, «чтобы губернские власти имели возможность, смотря по обстоятельствам, принять те или иные меры или же дать точные указания по тем или иным возникающим вопросам»⁴. Отделы управления уревкома в обязательном порядке ежемесячно представляли отчеты по утвержденной форме.

Направляя в губревком сведения о политическом положении, отделы управления обязаны были подробно описать состав уревкома с полными анкетными данными руководителей отделов и подотделов, указать их политическую и партийную принадлежность, с какого времени состоит в партии. В сведениях в строгом порядке указывалась организационная структура ревкома или исполкома, происходившие изменения в составе, а изменения в составе происходили часто, анализ работы отделов, их

¹ Государственное учреждение «Государственный архив г. Нур-Султан» (ГУ ГАГН). Ф. 250. Оп. 1. Д. 15. Л. 211, 257.

² Там же. Оп. 2. Д. 49. Л. 199.

³ Там же. Л. 83–85.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 16. Л. 79.

функции, продуктивность работы, на какие средства существует ревком¹. Постановка вопросов такого характера и требование подробного изложения ситуации были не случайными. В губернском центре понимали проблемы периферии, а потому держали на жестком контроле вопросы формирования местных органов советской власти.

Организация советской власти в волостях и уездах проходила не просто. Самой большой проблемой, с которой столкнулись большевики, стала проблема кадров. Критичность ситуации заключалась в отсутствии грамотных и опытных сотрудников для канцелярии, подготовленных и знающих сотрудников отделов, не было подробных инструкций о правах, обязанностях и порядке действий органов новой власти. Архивные материалы свидетельствуют о многочисленных и частых назначениях и увольнениях личного состава отдела управления уревкома, работники которого менялись практически ежемесячно².

Вследствие острой нехватки грамотных кадров в настоящую проблему выливалась постановка делопроизводства на местах. Практически во всех отчетах и докладах руководителей отделов отмечалось хаотическое состояние канцелярии³. Организация делопроизводства первых советских органов была на особом контроле губернских властей, так как от качества его функционирования во многом зависело объективное и полное информирование центра о положении дел на местах.

От местных органов требовалось особое внимание уделять описанию политического положения в уезде, волостях и селениях. Специальная инструкция требовала подробно ответить на конкретные вопросы: какие события происходили в уезде, где были контрреволюционные выступления, на какой почве, инициаторы, где находятся в настоящее время, чем закончилось контрреволюционное выступление, сколько арестовано, в какие области были отправлены карательные экспедиции, какое количество гарнизонов Красной армии в уезде⁴.

В условиях территориальной разобщенности, неразвитости коммуникационных связей и транспортной инфраструктуры одной из главных проблем в ходе укрепления советской власти на местах была «постановка дела информации» – организация своевременного информирования населения о советской власти и ее мероприятиях, как залог успешной деятельности новой власти. Центральным звеном в работе уездных советских органов было разъяснение жителям волостей декретов советской власти. Уездный уревком отправлял в переселенческие села и казахские аулы инструкторов для разъяснения в письменном и устном виде политики большевиков, целей и задач советской власти. В течение одного месяца мая 1920 г. в волости уезда было командировано 50 инструкторов-информаторов. В своих отчетах они писали: «Чтобы пробудить население повернуться лицом к советской власти, предприняты меры к организации в селах ячеек Р.К.П. и культурно-просветительных кружков»⁵.

Уездные власти обязаны были регулярно отчитываться о проделанной работе по распространению политической литературы в селах и аулах волостей. В отчетах подробно указывались такие сведения: название брошюры, авторы, по каким вопросам литература (по политическим и экономическим, программа партии РКП, конституция, злые сплетни на угнетенных, работница, крестьянка и советская власть, плакаты сельскохозяйственные), какие газеты издаются, тираж газет. Отчет дополнялся сведениями об инструкторах: сколько инструкторов отправлено по уезду, куда

¹ ГУ ГАГН. Ф. 250. Оп. 2. Д. 48. Л. 81–82.

² Там же. Оп. 1. Д. 35. Л. 12.

³ Там же. Д. 37. Л. 45.

⁴ Там же. Д. 42. Л. 213.

⁵ Там же. Д. 50. Л. 16.

командированы, активные ли работники, стаж работы, опыт, представлен ли отчет о командировке, какие разъяснения отправлялись в волостные советы и отделы¹.

В функции уревкомов входили вопросы контроля «правильности функционирования» волостных сельских и аульных ревкомов. С этой целью отдел управления командировал в волости опытных и грамотных работников. К примеру, 17 мая 1920 г. Акмолинский уревком командировал в казахские волости для ревизии помощника заведующего отделом управления Сакена Сейфуллина, наиболее грамотного и опытного своего сотрудника. В села и волости южной части уезда был командирован начальник акмолинской уездной милиции А. Афанасьев. С целью контроля ситуации в отдаленных волостях, связь с которыми была проблемной, решено было выдать мандат на право ревизии и контроля местным миллионерам. Милиционеру Спасского завода т. Бекову был выдан мандат на право ревизии и контроля Спасской, Карагандинской и Давлетовской волостей, расположенных в отдаленном регионе уезда². Как свидетельствуют архивные материалы, результаты ревизий были неутешительны; практически все комиссии констатировали факт отсутствия на местах нужных специалистов, грамотных людей.

На особом контроле уездных властей был вопрос о борьбе с самогоноварением. По архивным сведениям самогоноварение в годы войны приобрело угрожающий характер, стало массовым социальным явлением. Население использовало продукцию самогоноварения «как для местного распития, так и для продажи в город». Согласно отчетам отделов уревкома борьба с самогоноварением была самой проблемной и трудной. Она велась на основе Декрета Совнаркома от 19 декабря 1919 г., опубликованного в газете «Советская Сибирь» за № 15 1920 г. В Акмолинске текст декрета был отпечатан, размножен местной типографией и разослан по всем волостям и селам. Текст зачитывался на сельских сходах. В дополнение к декрету отдел управления уревкома 29 апреля 1920 г. издал указ об искоренении с самогонщины и возложении ответственности на должностных лиц. Распоряжением начальника милиции Акмолинского уезда от 24 мая 1920 г. было установлено строгое наблюдение за самогонщиками³. В целях выработки мер борьбы с этим злом собирались подробные сведения с мест о масштабах явления, выяснялась география распространения самогоноварения, результаты борьбы со злом (проблемы, успехи), отношение населения к самогонщикам. Для борьбы с тайным винокурением была учреждена особая чрезвычайная комиссия. К нарушителям принимались строгие меры, вплоть до ареста и конфискации имущества⁴.

Характер и направления работы первых советских органов уездного управления отражает перечень распоряжений и указов отдела управления по Акмолинскому уезду только за один месяц май 1920 г. 6 мая издан циркуляр волостным уревкомам за № 6 762, запрещающий самовольную смену председателей и членов волостных, сельских и аульных ревкомов; 12 мая опубликован циркуляр за № 7 097, разъяснявший порядок трудовой повинности среди населения уезда; 21 мая уревком издал приказ за № 70 «О воспрещении небрежного отношения к выдаваемым отделом управления удостоверениям личности», в случае потери население обязано заявить в милицию, виновных в утере привлекали к административной ответственности; 24 мая был издан приказ за № 67 киргизским волостным ревкомам о запрете самовольного увоза женщин и девушек, с указанием на их последствия; 22 мая издан приказ уревкома за № 68, обязывающий волостные ревкомы разъяснять населению вздорность провокационных слухов о скорой и неизбежной войне между большевиками и коммунистами, в соответствии с которым приказано виновных арестовывать и доставлять в отдел

¹ ГУ ГАГН. Ф. 250. Оп. 2. Д. 49. Л. 18.

² Там же. Д. 42. Л. 32–33 об.

³ Там же. Ф. 100. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

⁴ Там же. Д. 11. Л. 72.

управления; 25 мая в волости уезда было отправлено циркулярное распоряжение заведующего отделом управления уревкома за № 7 669 «О мобилизации специалистов сельского хозяйства»; 26–27 мая вышло несколько приказов отделом управления относительно мобилизации подвод у населения для перевозки грузов, вывоза столбов и проводов, сбора кореньев, мобилизации населения для лесных заготовок и пр.; 28 мая вышел указ об открытии адресного стола в г. Акмолинске при городской милиции; 29 мая издан циркуляр за № 7 521 всем киргизским волостям, запрещающий грабежи, воровство и самовольный угон скота, с указанием грозящих виновным последствий¹.

Основная миссия по контролю за политической ситуацией в регионе возлагалась на органы милиции, создание которых началось немедленно после освобождения уезда от колчаковцев. Городская милиция была организована «со дня восстановления советской власти» – 26 ноября 1919 г. Уже на следующий день, 27 ноября, с разрешения коменданта г. Акмолинска был организован штат служащих и канцелярии милиции, а 1 декабря 1919 г. образована уездная милиция. Штат ее в полной мере не был укомплектован, на службе состояло 79 чел. «Принимая во внимание территорию уезда 79 сотрудников – это капля в море» – сообщалось в отчете председателя уревкома². Формирование органов милиции происходило наскоро, «путем снабжения работников печатными инструкциями об обязанностях советской милиции», что обусловило «разношерстный» состав милиции – «по большей части бывшие приказчики, трудовое крестьянство, многие из которых ранее не были на военной службе»³.

При уездной милиции был сформирован конный отряд в 20 чел., что ничтожно мало с учетом разбросанности территории уезда. Не имея возможности справиться с возложенными обязанностями, они часто обращались за помощью к военной власти. Сложность работы состояла в том, что Акмолинский уезд территориально разбросан, транспортная инфраструктура не развита. Ближайшая к городу станция – Петропавловск, находилась на расстоянии 500 км. На юге уезда, в верстах в 350 от г. Акмолинска начиналась «голодная степь», труднопроходимая, она протянулась более чем на тысячу км.

С момента основания уездная милиция находилась в полном подчинении отдела управления Акмолинского уревкома. Структурно она была разделена на 8 участков: 1 участок – Акмолинский городской, 2 участок – район к северу от Акмолинска, 3 участок – район на юго и северо-запад от города, 4 участок – волости на юге уезда, 5 участок – волости на юго-востоке уезда, 6 участок курировал район к западу от Акмолинска, 7 участок – южную территорию уезда, 8 участок – Спасский завод, Карагандинские угольные копи и Успенский рудник (в документах «милиция Спасского завода»). Из уревкома поступали распоряжения городской и уездной милиции. Не случайно поэтому, направления и сфера деятельности милиции были практически не ограничены, а ее функции нередко дублировали функции ревкомов.

С первых дней основания милиция занималась разоружением населения, как необходимого условия стабилизации политической обстановки. За два месяца 1920 г. милицией было выявлено и отобрано у населения уезда 166 трехлинейных винтовок, 22 берданки, 28 охотничьих ружей, 15 снаряда, 36 бомб, 68 шашек, 2 орудия, 10 штыков, 506 шт. трехлинейных патронов, 300 берданковых патронов, 320 пулеметных патронов, 65 ящиков со снарядами и патронами⁴.

Кроме разоружения населения, подконтрольная ревкомам милиция занималась выявлением и «отысканием разного рода имущества, оставленного белыми и бежавшей

¹ ГУ ГАГН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 18. Л. 12–13 об.

² Там же. Оп. 2. Д. 49. Л. 68.

³ Там же. Л. 69.

⁴ Там же. Ф. 100. Оп. 1. Д. 7. Л. 93.

буржуазией»¹. С этой миссией отряды красноармейцев и милиционеров ездили по волостям, отдаленным казахским аулам. В архивных фондах сохранились сведения о таких поездках в степь: «...так называемые красноармейцы в кавычках в сопровождении крестьян делают набеги на киргизские аулы и без всякого данного производят обыск, найденные вещи увозят с собой, а скот угоняют»². Казахи жаловались уездным инструкторам на притеснения со стороны воинов-красноармейцев и сотрудников милиции. Инструктор отдела управления Акмолинского уревкома А. Омаров, выезжавший в мае 1920 г. в казахские волости с целью проведения агитационной и разъяснительной работы среди коренного населения, в своем отчете об инспектировании волостей описал поведение военных в степи: «В некоторых селениях Акмолинского уезда находились полки и батальоны красноармейцев. От нечего делать они наведывались в казахские аулы, пили кумыс, шарили по казахским юртам и приглянувшиеся вещи самовольно изымали у казахов»³. По сведениям другого инструктора С. Садвакасова только в Акмолинской обл. за август–сентябрь 1920 г. сотрудниками советской милиции было убито по официальным сведениям 100 чел. из числа казахов, а по неофициальным – еще больше⁴.

Архивные документы раскрывают особенности проявления «красного бандитизма» в регионе, как социального явления, порожденного гражданской войной и характером взаимоотношений победившей власти с населением национальных окраин. Незаконная экспроприация имущества и скота, физическая расправа над коренным населением имели место практически во всех казахских волостях уезда, о чем докладывали командированные в казахские волости инструктора и агитаторы из числа казахов⁵. Такое поведение представителей новой власти порождало недоверие советской власти со стороны казахского населения. Ответной реакцией казахов на проявления «красного бандитизма» было игнорирование выборов в сельские и волостные советы.

На создаваемые органы милиции возлагалась прямая обязанность отслеживать политическую ситуацию и настроение людей в уезде, своевременно информировать и докладывать в губернские органы власти. Схема ежемесячной отчетности уездной милиции о настроении населения выглядела так: «как расположено население к советской власти; какие инциденты, события происходили; на какой почве снабжается население литературой; в чем нуждается население; как предполагаются устранить недостатки казахов»⁶. Под выражением «как предполагаются устранить недостатки казахов» имелась в виду нейтрализация недовольства казахов действиями красноармейцев. Необходимо было по всем пунктам описать ситуацию подробно.

Еженедельно отправлялся в губревком отчет о выступлениях населения и общем положении дела в уезде. Схема отчетности включала несколько вопросов: 1. Общее настроение населения, отношение к советской власти. 2. Не было ли организованных массовых выступлений против советской власти вообще и, в частности, против каких-либо учреждений и отдельных агентов власти, где и когда, в чем выразилось? 3. Не было ли выступлений со стороны отдельных лиц, где и когда, в чем выразилось? 4. Были ли случаи обнаружения скрытого оружия и огнестрельных припасов, где, когда и при каких обстоятельствах? 5. Сколько за настоящим возбуждено дел по преступлениям

¹ ГУ ГАГН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 37. Л. 19.

² Там же. Д. 16. Л. 48.

³ Там же. Л. 114 об.

⁴ Новейшая история Казахстана: Сб. док. и мат-лов. Алматы, 1998. Т. 1.

⁵ ГУ ГАГН. Ф. 250. Оп. 2. Д. 49. Л. 74, 83.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 16. Л. 54.

политического характера? б. Сколько за месяц составлено протоколов по уголовным преступлениям¹.

Помимо борьбы с уголовной преступностью и скотокрадством, контроля политической ситуации в регионе, наблюдения за порядком, тишиной и спокойствием жителей города и уезда, уездная милиция привлекалась к решению вопросов сугубо экономического плана. При участии и содействии милиции проводилась объявленная большевиками мобилизация специалистов для экономики уезда (пимокатов, портных), производилась реквизиция скота и упряжек для нужд Красной армии, назначение подвод для перевозки воинских частей и грузов, наблюдение за своевременной доставкой дров для учреждений города. Силами милиции проводилась в жизнь хлебная монополия. Это вполне объяснимо, если учесть что эти сугубо экономические проблемы в обозначенный исторический период приобрели политический характер, от решения которых зависела судьба советской власти. Более того, отношение населения к экономическим мерам советской власти было негативным, повсеместно встречались случаи нарушения хлебной монополии. В отчетах заведующего отделом управления уревкома Короткова отмечалось, что «население к мобилизации подвод и перевозке грузов относится весьма неодобрительно, противодействуя, поэтому приходится прибегать к угрозам и силе»². В этой ситуации привлечение милиции выглядело оправданным.

С началом весенне-полевых работ милиция принимала непосредственное участие в урегулировании аграрного вопроса и спорных вопросов, как со стороны крестьян-переселенцев, так и казахского населения. Земельный вопрос был особенно острым и злободневным, что обусловлено было проводимой в течение десятилетий монархическим режимом переселенческой политики в казахский край. Земельные споры и конфликты между крестьянами-переселенцами и казахами были обычным явлением. Межэтнические конфликты разжигал также еще действовавший на тот момент указ генерал-губернатора Степного края Шмидта, согласно которому казахское население, живущее близ русских селений, без всяких оснований и вины отвечало за утерянный или украденный скот крестьян-переселенцев.

Органы милиции участвовали в практической реализации политики большевиков по экспроприации имущих слоев. Их работа в этом направлении не ограничивалась только наблюдением за дезертирами и «контрреволюционными элементами» в уезде. После свержения правительства Колчака через Акмолинск проследовало более 10 тыс. военнопленных, больных и раненых. Органами милиции проводилась «регистрация и сортировка военнопленных белоармейцев, распределение имущества, оставшегося после белых»³. Работники милиции занимались вопросами взятия на учет домов и собственности бежавшей буржуазии, оружия, присутствовали при всякого рода обысках, реквизициях инвентаря и посуды для учреждений города⁴.

Силами милиции составлялись списки «граждан буржуазного класса» по результатам проверки имущественного положения жителей. Попутно составлялись списки лишенных избирательных прав, в них автоматически попадали «зажиточные граждане»⁵. В списках оказались «купцы, торговцы, крупные домовладельцы и другие зажиточные граждане» города и уезда. В отчетах и документах критерии зажиточности граждан не обозначены, что дает основание утверждать о произволе властей. В обозначенных архивных фондах отложились многочисленные жалобы жителей г. Акмолинска и уезда в

¹ ГУ ГАГН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 16. Л. 58.

² Там же. Д. 13. Л. 17.

³ Там же. Ф. 100. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

⁴ Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 44. Л. 2–2 об.

⁵ Там же. Л. 46–46 об.

целом относительно незаконных действий учетно-ревизионных комиссий при участии милиции в ходе обысков и реквизиции домашних и личных вещей, экспроприации товаров и имущества¹.

Таким образом, дискурсивный анализ архивных документальных источников о политическом положении в Акмолинском уезде после гражданской войны 1918–1920 гг. позволяет резюмировать противоречивость и сложность политической ситуации в регионе на переходном этапе от войны к миру. Экономический хаос и разруха, территориальная разобщенность края, неразвитость коммуникаций и транспортной инфраструктуры сдерживали процессы политической стабилизации в волостях уезда. Экономическая экспроприация большевиков не находила поддержки со стороны населения уезда. «Красный бандитизм» с национальным уклоном, имевший место в казахских волостях, порождал недоверие к советской власти со стороны казахского населения. Необходимым условием перехода большевиков к социально-политической модернизации общества была стабилизация политической обстановки и упрочение органов советской власти в регионах. Для их достижения использовались разные методы, от мирного разрешения вопросов до тотального контроля обстановки и применения насильственных методов экспроприации.

Источники и литература

1. Государственный архив г. Нур-Султан. Ф. 100. Оп. 1. Д. 7, 8, 9, 11; Ф. 250. Оп. 1. Д. 13, 15, 16, 18, 35, 37, 42, 48, 49, 50; Оп. 2. Д. 44.
2. Новейшая история Казахстана: Сб. док. и мат-лов. Алматы: «Санат», 1998. Т. 1 (1917–1939). 304 с.

¹ ГУ ГАГН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–12.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ТАТАР

Аннотация. Крым стал одной из площадок интеграции славянского и татарского этносов в единый российский суперэтнос. Эта интеграция проходила и проходит весьма неоднозначно и неравномерно. На примере истории Крыма мы видим, что противостояние татарского и славянского этносов, намеренно подогревавшееся Европейскими и Азиатскими странами, привело к тяжелым последствиям для российского суперэтноса Крыма: депортации и культурному геноциду крымских татар до конца XX в., сепаратистским движениям татар и иных народностей Крыма, произвольным «передачам» и трудным «возвращениям» Крыма в состав России и т. д. История Крыма и его народов – яркий пример противоборства западных и славянофильских, евразийских и антиевразийских моделей и тенденций.

Ключевые слова: национальные идеи, модерн, национализм, универсализм, татары, русский, турки, славяне.

Введение в проблему исследования. Проблема истории крымских татар – мультидисциплинарная область исследований, ведущими направлениями которой выступают история и культурология. К ним тесно примыкают политологические, социологические, психологические и генетические исследования: многочисленность ракурсов и уровней анализа данной проблемы все возрастает, решение многих вопросов и загадок истории крымских татар, вопреки усилиям ученых, становится все более отдаленной перспективой. Во многом это связано с тем, что история Крыма, как и история татарского народа, состоит из множества порой абсолютно противоположных, противоречащих друг другу концепций, разрозненных и противоречивых фактов и т. д. Эта разрозненность и противоречивость – результат не только естественных процессов забвения, но и намеренной фальсификации истории, которая прослеживается как минимум с времен Средневековья, времен расцвета татарского народа, тюркских этносов в целом. Вместе с тем, фальсификация истории крымских татар продолжается и в настоящее время: на примере политических, религиозных и собственно национальных движений крымских и иных татар современности можно увидеть всю противоречивость и различность понимания происходящего разными людьми, группами, странами. Центральными моментами развития современного Крыма и Крыма нескольких последних столетий (новая и новейшая история) являются вопросы отношения тюркского и славянского населения, крымского сообщества и российского государства.

Исторически Крым выступает одной из площадок интеграции славянского и татарского этносов в единый российский суперэтнос. Эта интеграция проходила и проходит весьма неоднозначно и неравномерно. На примере истории Крыма мы видим, что противостояние татарского и славянского этносов, намеренно подогревавшееся Европейскими и Азиатскими странами, привело к тяжелым последствиям для российского суперэтноса Крыма: депортации и культурный геноцид крымских татар до конца XX в., сепаратистские движения татар и иных народностей Крыма, произвольные «передачи» и трудные «возвращения» Крыма в состав России и т. д. На пути решения проблем «своего» и «чужого» человечество сформировало ряд революционных по своему существу концепций и технологий, намеревавшихся раз и навсегда изменить понимание происходящего между разными народами, странами, культурами и обнаружить наиболее продуктивный и эффективный, бесконфликтный и безбарьерный, т. е. идеальный способ

гармонизации взаимоотношений людей разных регионов и стран, народов и культур. К одним из таких форм относятся национализм и универсализм¹.

Цель исследования: анализ проблем взаимодействия татарского и русского этноса в прошлом, настоящем и будущем, исследование возможностей и ограничений разных моделей построения отношений тюрков и славян в развитии российского суперэтноса и человечества в целом.

Теоретико-концептологические основания исследования. Процветавший в России национализм в модерне тесно перемешался с универсализмом. Национальные идеи в России всегда колебались между двумя полюсами: 1) «славянофильство» и «евразийство»; 2) «западничество» и «американизация». В современном мире доминирует транскультурализм, но длительное время история Крыма связана с «западничеством» и «американизацией», их попытками расщепить и уничтожить российский суперэтнос. Поэтому в истории татарского и славянского этноса остается много «черных» мифов и «белых пятен», искажающих историю их отношений и историю мира в целом. Однако, даже во времена Османского правления, до и после него Крым, Сибирь и Забайкалье, Поволжье стали местами активной интеграции этих образующих российский суперэтнос этносов: начиная с многочисленных и «повторных» браков знати (чингизидов, османидов и славянских князей) из Османской империи, Крыма, «Казани», Сибири» и Золотой Орды (и ее наследников), а также из различных княжеств России и Российской империи, заканчивая намного более массовыми браками простолюдинов, более или менее насильственными (военными) и добровольными (мирными) культурными обменами и заимствованиями в целом². Сейчас в России, как и многие века назад, в качестве основного этноса выделяются русские и вторая по численности группа – татары. Отношения этих групп весьма интересны в контексте понимания истории нашей страны. Как и современные русские (славяне), современные татары (тюрки) имеют богатые генетические корни. У современного татарского народа, по мнению исследователей, нет единого этнического корня. Среди предков татар были гунны, волжские булгары, кипчаки, ногайцы, монголы, кимаки и многие иные тюркско-монгольские народы. Также на формирование и становление татар существенно повлияли финно-угры и славяне. Это влияние, однако, совершалось со множеством «возвратных» действий, в итоге сложились сообщества и народы, связанные тесными родственными, культурными, историческими узами. В разные эпохи ведущими в развитии цивилизации становились те или иные народы, однако, обмен шел постоянно. В эпоху Золотой Орды был заложен величайший потенциал к воспроизводству татарской культуры, в т.ч. благодаря свободе вероисповедания и уважению к культуре как таковой. Однако, этот потенциал был во многом ослаблен Казанским ханством и его уничтожением в середине XVI в. в противостоянии, возникшем вследствие интриг Порты и Крыма и неоправданного мусульманского радикализма: но татары продолжили развиваться внутри российского государства. А значительная по своим достижениям культура татарского народа сохранялась, пусть и усеченно, во многом благодаря исламу (доисламское и буддистское религиозные течения и их культура сохранились гораздо меньше). Многие татары при этом (как потомки скифов и хазар и иных народов, проживавших на

¹ Арпентьева М.Р. Культуры вины и культуры стыда: многоликая ответственность и развитие человека в сообществе // Международна научна школа «Парадигма». Лято–2015. 20–23 августа 2015 г., Варна. Сборник научни статии в 8 т. Т. 6. Хуманитарни науки / Абакаров Д.К., Долгов В.В. (ред.). Варна, 2015. С. 71–79.

² Гумилев Л.Н. Евразийство. Париж, 1926; Он же. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989; Евразийство: философия, история, политика / Ред. О.Т. Кирсанова. Ростов-на-Дону, 2006; История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Ихсаноглу. М., 2006. Т. 1. История Османского государства и общества.

территории современной России, в том числе Казани, Крыма и т. д. в разные времена, стремились породниться с русскими, что было особенно заметно у представителей дворянства, национальной знати татар, и сохранилось, в том или ином качестве, до сих пор. В этногенезе татар принимали участие и другие этносы, однако, связь славянского и татарского этносов является особенно значимой: именно она является предметом непрекращающихся дискуссий, в том числе в многочисленных «абсолютно достоверных», новейших и классических, но абсолютно противоречащих друг другу версий генетического, исторического и т. д. анализа происхождения и истории этих народов. В разных регионах и у разных татарских народностей эта тенденция выглядит более или менее выраженной, например, у татар Крыма, переживших многочисленные перипетии и живших в рамках российского управления меньше времени, она достаточно слаба, у татар Поволжья – намного сильнее. История русских, славян не менее богата, в т. ч. в части стремления как к слиянию (завоеванию, ассимиляции и т. д.), так и обособлению от тюркских и иных народностей. Сама проблема этноса – проблема, которая стала волновать ученых относительно недавно: многообразие исторического опыта народов Земли говорит о том, что существует значительное разнообразие пересечений и обособления разных групп людей на разных уровнях и в разных аспектах. Вместе с тем, некоторые пересечения, более или менее ранние и поздние, масштабные и небольшие, оказывают существенное влияние на историю стран и человечества. Такова история крымских татар, поморов и иных «старожилов» разных групп и подгрупп. Крымскотатарская нация формировалась как объединение разрозненных этносов и феодальных образований под единым государственным новообразованием, в рамках освободительного поликонфессионального движения и его общей идеи избавления от притязаний на власть в Крыму правителей Сарая / Орды. Однако, этот процесс был весьма противоречив, что демонстрирует история Гиреев, династия которых утвердилась в Крыму в середине XV в. в ходе распада Золотой Орды и создания отдельных государств – Казанского, Астраханского, Крымского ханств, Ногайской орды. Для Московской Руси (Российской Империи), на ее поздних стадиях, консолидация определялась православием как противовесом мусульманству. Мусульманство распространилось в Крыму уже во времена Узбека (XIV в.).

Православие сформировало «моноконфессиональное» государство и определило судьбу Москвы как центра государства, а поликонфессиональность – продолжает влиять на судьбу Крыма (в котором жили иудеи, прочно поселившиеся в Крыму в период господства Хазарского каганата, караиты, религия которых сформировала их в особый этнос, христиане – и их разные виды – несториане, православные, староверы, иконоборцы, католики различных течений, а также мусульмане-«ордынцы» и иные «татары», перешедшие во времена Д. Хаджи-Гирея из христианства или язычества в ислам... Этот процесс «обогащался» многочисленными смешениями в более ранние эпохи, вклад в развитие этносов Крыма внесли киммерийцы, которые жили в Северном Причерноморье в VIII–VII вв. до н. э., тавры, которые с I в. н. э. смешались с соседними народами, скифы, разгромленные готами и исчезнувшие как народ в III в. н. э.; спустя век, государство готов в Северном Причерноморье уничтожили гунны, а готов в Крыму к IX в. ассимилировали греки; отдельный интерес представляют половцы – турки, проникающие в Крым с XI в.; в истории Крыма большую роль сыграли также аланы, греки, армяне, итальянцы, черкесы и др. Крымские государства переходили из одной государственной системы в другую с древних времен по настоящее время. Многие исследователи (М. Закиев, И.М. Мизиева, Ю.Н. Дроздов, Р. Безертинов и др.) пишут, что предками современных тюркских народов: узбеков, туркмен, крымских татар, карачайцев, балкарцев, башкир, казанских татар и др.

являются скифы, сарматы, саки, массагеты, аланы (асы)¹. Хотя обычно «тюркский элемент» среди населения Крыма фиксируется значительно позже VI в., существуют данные о том, что в Крыму уже с VI в. основная часть населения разговаривала на разных диалектах тюркского языка. Также, несмотря на то, что образ жизни населения южного побережья, горной и степной частей Крыма был различным, различались и верования народов, общая культурная тенденция заданная тюрками-татарами, задавала общность культурной жизни.

Разные исследователи (Е.В. Балановская, А.Т. Агджоян, М.К. Жабагин, Ю.М. Юсупов, Р.А. Схалыхо, Д.О. Долинина, А.Д. Падюкова, М.А. Кузнецова, Н.В. Маркина, Л.А. Атраментова, М.Б. Лавряшина, О.П. Балановский) при этом отмечают, что генетическое сходство у славян и татар: 1) присутствует, 2) отсутствует; 3) есть частичное сходство; 4) сходство самих славян и татар разных регионов и «подрупп» отсутствует или присутствует частично. Например, некоторые современные исследователи отмечают, что «Этнотерриториальные группы татар... генетически разнообразны, общий для них предковый генетический компонент не найден... генофонды всех этнотерриториальных групп татар сложились на основе местного населения с генетическим вкладом различных потоков миграций из других регионов: общность происхождения их генофондов отсутствует»². При этом «В генофонде крымских татар преобладает вклад переднеазиатского и средиземноморского населения (популяции Малой Азии и Балкан), а вклад населения степной полосы Евразии (прикаспийских степей) значительно меньше. В генофонде поволжских татар преобладают генетические варианты, характерные для Приуралья и Северной Европы, и реже встречаются переднеазиатские и центральноазиатские линии. Популяции сибирских татар (тоболо-иртышские) чрезвычайно разнообразны: одни включают значительный сибирский генетический компонент, в других преобладают генетические линии из юго-западных регионов Евразии»³. «Выявлена генетическая близость групп татар с популяциями либо географически соседних народов (сибирских татар – с популяциями народов Западной Сибири), либо сопряженных с ними в этногенезе (для казанских татар, мишарей и кряшен – с популяциями финно-угорских народов и в некоторой степени тюркоязычных народов Евразийской степи; для крымских татар – с популяциями народов Средиземноморья и тюркоязычных народов Северного Кавказа и Центральной Азии)»⁴. Мы видим, что напрямую наличие славян в Сибири, Приуралье и т. д. при этом «почему-то» не акцентируется, «сибирские» и иные этносы рассматриваются вне связи со славянскими. Однако, их присутствие на территории всей Евразии в течение многих веков, в т. ч. до нашей эры, вполне подтверждается даже археологическими раскопками и находками, которые, однако, как и историю возникновения «татар» и еще более неясную историю «тюрков», обсуждать исследователи не стремятся. Очевидно, что такое мнимое «разнообразие» гипотез о тюрках говорит о том, понятия «русский», «татарин», «тюрк», «славянин», использовались и используются в весьма разных контекстах, принадлежность к группе определяется на разных основаниях: территориальном, языковом, культурном, историческом, религиозном, генетическом, психологическом. Очевидно, что каждая этническая (национальная) группа формируется под влиянием разных факторов, а не

¹ Меметов А.М. Лингвистические и экстралингвистические сведения о древних предках крымских татар // Научный вестник Крыма. 2017. № 3 (8). С. 4.

² Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар. Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2016. № 3. С. 75.

³ Там же.

⁴ От Сибири до Крыма: особенности генофонда татар Евразии (крымских, сибирских, казанских, кряшен, мишарей) / Агджоян А.Т. [и др.] // Междунар. полевая школа в Болгаре (17–30 августа 2015 г.): сб. мат-лов итоговой конф. Болгар, 2015. С. 33.

одного генетического. Это многообразие оснований и рождает споры, подобные спорам о вкладе Рюриковичей и Гиреев в становление России и коллапс Орды (или, точнее, Орд), о взаимоотношениях «западной» и «восточной» России (московской и не-московских, славян азиатской Сибири и славян Европы), об отношениях монголов и китайцев со славянами, монологов и татар, монголов и тюрков, татар и башкир, башкир и финно-угорских народов, финно-угров и славян, тюрков и славян, истории и роли «скифских», «арийских» и т. д. и т. п. «компонентов» и «псевдокомпонентов» российского суперэтноса. На сегодняшний день очевидно, что ученые не просто «запутались» в многочисленных версиях связи или не-связи, существования и несуществования многих народов, а политические интересы, которым они служат со времен возникновения исторической, социологической науки, культурологии и т. д., – оказывают негативное разрушительное влияние на способности сопоставлять и изучать реальность, ее факты и «артефакты», а не вымыслы и т. д. Значительное число понятий, которыми оперирует современная история, описывающая этногенез народов Земли, в результате оказываются скорее теоретическими схемами, затрудняющими или блокирующими понимание исторических процессов, чем реальностями. Попытки разобрать недоразумения в этом множестве понятий, порождают другие недоразумения: отрицания связей одних народов с другими народами, перемещения «прародин» и подмены не только этнической, но и «расовой принадлежности» татар и славян в том числе и в основном ради политических интересов исследователей. Многие исследователи просто-напросто выбирают те модели, которые интересны именно им и позволяют им получить данные, подтверждающие их понимание мира и их гипотезы. При этом, как и «обычные люди», исследователи проявляют склонность к универалистским, националистическим и др. позициям.

В России национализм и универсализм так тесно переплелись, что порой не понятно: где заканчивается один и начинается другой. Эта тенденция имеет давние исторические корни. Как писал А. Тойнби, в любом отстающем в развитии сообществе (а Россию с ее собственным хронтопом нередко относят к отсталым странам), которому необходимо противостоять более активному и энергичному, более целенаправленно действующему и агрессивному противнику, возникает «иродианство» и «зелотизм». Иродианство говорит о важности воспроизводства, вплоть до копирования, зарубежных, этнокультурных, иностранных общественных институтов и институциональных форм отношений и т. д. А «зелотизм» стремится к изоляции с целью сохранения и воспроизводства традиционного, индигенного для России и ее народов, культур, наций, уклада. Но ни одно из них – ни патриотизм, ни коллаборационизм, ни иродианство, ни зелотизм сами по себе, по отдельности не рожают успех: эти концепции и технологии сами по себе лишены творческого начала, которое возникает, если они используются с многоуровневым и многосторонним пониманием сути человеческой жизни, ее ведущих ценностей-императивов. В XIX в. в России противоборство адептов «собственного» (национал-патриотизм, традиционализм и зелотизм) и адептов «чужого» (универсализм, иродианство, инновационизм) выразилось в движениях и сражениях славянофилов и западников. Оно также породило продуктивные и активные поиски интеллигенцией «восточных путей» развития, а также нового, творческого синтеза восточных и западных моделей бытия как более или менее индигенных для России – страны между Европой и Азией. Славянофильство и западничество как тренды и концепции появились уже в первой половине XIX в. Они сформировались и трансформировались в поле поиска и пересмотра глобальных законов социально-исторического развития, в поиске переоценки рабовладения и феодализма (крепостничество), а также в ходе разрешения проблем государственной власти и отношений власти государства и иных институтов. Ратующее за «свое» и его защита и насаждение славянофилами, как и стремящееся к универсализации

движения западников в целом существенно различались в осмыслении исторического процесса, его целей, конкретных путей.

Славянофилы развивали концепции и технологии религиозной философии, духовно-нравственные и социотехнические представления православия. Западники же чаще всего заимствовали идеологические схемы западноевропейской рационалистической философской традиции. Западники (яркими примерами которых выступали П.В. Анненков, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, Н.В. Станкевич, Н.П. Огарев, И.С. Тургенев и др.) отмечали значимость для России европейской модели развития. Они говорили о важности развития страны, народов России в рамках человеческой культуры, цивилизации в целом. Основным примером здесь выступала Западная Европа, где развернуто и успешно были внедрены и внедрялись концепции и технологии, формирующие отношения прогресса и свободы¹. Здесь капитализм предстает как центральный путь становления современного человечества. Российская история, как отмечает Западная концепция, – это история отсталости от Европы, от Запада, это также история попыток ее преодоления. Задача России – в отказе от патриархальщины, «азиатчины», в частности общинности. К положительным моментам «западничества» можно отнести внимание к проблематике свободы и рабства: Европа освободилась от системного рабства (в т. ч. в рамках феодально-крепостнической модели) ранее России. Однако, и здесь мы наблюдаем переоценку инновационности и свободы отношений людей и государства на Западе: не говоря о резервациях Америки, Европа конца XIX – начала XX в. активно формировала опыт концлагерей, до этого времени – многие страны «цивилизованной» Европы вели активную колониалистскую политику и практики порабощения народов колоний. В итоге в некоторых из колоний Европейских государств рабство было отменено лишь в середине XX в. Вместе с тем, с начала XX в. по настоящее время Великобритания, США и Канада активно работают над созданием современных систем рабовладельческих отношений: создавая и воссоздавая рабство на основе целенаправленной криминализации собственного и колониализированного населения и отношений людей в собственной и подчиненных странах, а также системной поддержки тюремного и иных форм рабовладельческого бизнеса (целенаправленного увеличения доли лишеного прав человека населения с помощью тюрем, психиатрических клиник и т. д.). В целом, западниками «своим» не считали большую долю (идентичности) российского народа. Также ими подчеркивалась роль «внешней правды», «демократии» и «гласности»: справедливых и легитимных законов, призванных преодолеть деструктивные следствия рабства и крепостничества, ввести демократию как свободу сознания и бытия.

Славянофилы (яркие примеры представителей славянофильства – Л.С. Хомяков, братья И.В. и П.В. Киреевские, братья К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин) идеализировали патриархат и традиционную культуру славян. Они стремились вернуть времена, предшествовавшие открытию П. Великим «окна в Европу». Они ратовали за возврат к патриархальному состоянию. Кроме того, они осмеивали значимость и реальность «общечеловеческого» развития. Для них ведущей была самобытность и уникальность жизни каждого этноса, народа, культуры. Они верили в наличие сообществ близких народов. Но полагали, что модернизация деформирует самобытность народов и разрушает культуру в целом. По сути, ими также отрицалась часть национальной идентичности россиян: ее «европейская» составляющая. Кроме того, они нередко игнорировали и «восточную» составляющую сознания и бытия россиян. У России, согласно иллюзорным концепциям славянофилов, игнорировавшим многочисленные факты «иностранных» заимствований и «иностранных мод» в истории страны, существует

¹ Гумилев Л.Н. Евразийство. Париж, 1926.

уникальный, индигенный, не связанный ни с какой иной страной и культурой, собственный путь развития. Этот путь не требует интеграции страны и ее народов в европейскую и мировую (западную) систему. Уникальность жизни и развития России проявляется в коллективистском, а не индивидуалистском стремлении и моделях жизни и отношений россиян как народа, идеалами соборности и «внутренней правды» (нравственности) и общинным характером жизни, характерными для России времен «Киевской Руси» и Руси времен Великого Новгорода (Русь «окраинцев», славянских русских). Это также сильно связано с идеалами православия, которое выработали и сохранили россияне на протяжении веков «Московской Руси»¹. Славянофилы при этом нередко игнорировали не только «азиатскую» составляющую культуры страны (включая ее языческие и шаманские традиции, традиции мусульманства и иных религий народов России), но и «общинно-гражданские» традиции русинов Великого княжества Литовского и Русского (ВКЛР), традиции народов Поморья (Северной России), историю иных больших и малых «малых» славянских и финно-угорских народов («старожилов»), живших вне крепостничества и рабства, вне жесткого подавления прозападным государством «Московия» традиций и форм самоуправления этих и иных народов. Обычной проблемой являются попытки системного игнорирования истории татар и турков в Российской империи, до и помимо нее, а также проблема использования исторических фактов о взаимодействии и единстве славянских и тюркских корней российского этноса в целях социально-политического русофобского и азитофобского троллинга. Начало данного троллинга проистекают из множества историй и ситуаций, например, истории реакции европейцев на нашествие Ордынцев на Западную Европу. Нашествие это было осуществлено в XIII в. в отместку за крестовые походы на Русь. М. Парижский в середине века сравнил татар и их нашествие с нашествием «посланцев преисподней» (tartar). Задолго до «монголо-татарского нашествия» татары жили не только в Центральной и Западной Азии, но и в Восточной Европе. Это касалось как населения Забайкалья, Сибири, так и Поволжья и Крыма. Последние выступало как результат систематического «стирания истории» народов с целью формирования управленческой модели, не допускавшей свободы отношений людей между собой и государством. Так, татары (не «половцы») задолго до якобы имевшего место «монголо-татарского нашествия» участвовали в боевых действиях на стороне русских князей-объединителей. Они осуществляли также военные походы в ответ на агрессию Тангутского царства и Цзиньской империи, позднее сфабриковавших против них собственные «версии» событий. Многие исследователи отмечают также, что отношения Орды и Руси, взаимоотношения русских и татар Улуса Джучи и Московии в XIII–XVI вв. существенно отличались в реальности от того, как их описывают историки-западники: основным противником ордынцев (русских царей и князей, и татарских ханов и мурз) и их народов в период Ордынского правления в Московии-России был именно католический Запад, а также Монголия и Китай, совершавшие набеги и стремившиеся вытеснить татар и славян с их территорий и/или хотя бы отнять власть управления странами, входившими в федерацию «Вечного Удела» Великой Орды. В итоге в результате Смуты, иезуитами-католиками в начале XVII в. был осуществлен захвата власти в стране, были сформированы несколько мифов для того, чтобы установить в XVII в. «романо-германское иго» (Н.С. Трубецкой), смешав все в кучу, опорочить ордынцев и Восточную Русь (точнее Московию, Русь финно-угорского этноса), в т. ч. Б. Годунова, как якобы

¹ Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллектив. идентичности. М., 2009; Мебадури С.З., Королев А.А., Королева Л.А. Крымские татары в СССР: из истории депортированных народов // История и археология. 2014. № 7 (15). С. 2–7; Меметов А.М. Лингвистические и экстралингвистические сведения о древних предках крымских татар // Научный вестник Крыма. 2017. № 3 (8). С. 4; Савицкий П.Н. Россия – особый географический мир. Прага, 2005.

«полудиких кочевников-завоевателей», не дав им возможности вернуться к власти. К тому же еще в XVII в. понятие «русский» применялось не для обозначения национальности, а для отпадения (православного) вероисповедания: при распространении христианства в России православных («русских») становилось больше, а иноверцев-язычников, в том числе славян («татар») меньше. Поэтому догматы прокитайской и прозападной историографии до сих пор принимаются на веру, а история нашей страны искажена. Во времена СССР ученые стремились, выполняя заказ Ю. Жданова, обосновать «славяно-тюркскую комплиментарность»¹, в период И. Грозного многие представители знати стремились предстать «безродными татарами», в период после смуты часть знати (особенно Рюриковичей) старались понизить, приводя родословные от татар (яркий пример – случай И. Годунова). Аналогичная история – с русскими «из славян» и «из Финнов: некоторые историки пишут, что вместо монголо-татарского ига на Руси была «гражданская война» между удельными, независимыми княжествами XIII–XV вв. Эта война между урысами шла с привлечением тюрков². Аналогично, шли процессы гражданской войны в Золотой Орде, в которую были включены и русские. Крым стал одним из наиболее ожесточенных полей сражения за власть. В реальности, однако, нужно отметить многочисленность и разнонаправленность течений и ситуаций развития славянского и тюркского этноса, их постоянное пересечение на почве культурных, религиозных, брачных и военных связей и т. д.³

Вместе с тем, были и позитивные моменты, связанные с попытками осознания значимости хотя бы части опыта славянского этноса, сохранения его истории, и, косвенным образом, истории более или менее «братских» славянам народов. Неприятие Европы породило в естественный для России более или менее откровенный национализм, а также вполне аналогичный европейскому, нацеленному на уничтожение «инакомыслящих» и «недоразвитых», на улучшение людей, наций и стран, мессианский подход. Славянофилы считали, что Россия якобы должна «оздоровить» и обогатить ущербную Европу идеалами православия и общинности. Она должна привнести в Европу идеалы царской власти, помочь народам Запада в преобразовании и разрешении внутренних и внешних политических барьеров и проблем (в т. ч. в контексте христианских / общинных принципов и «внутренней правды»). Славянофилы не признавали продуктивность и эффективность «правды внешней», юридической. Поэтому В.С. Соловьев, не признававший славянофильский национализм, изоляционизм, мессианство из философских, и нравственно-религиозных убеждений, предложил глобалистский подход к анализу «русской идеи». Это анализ русской идеи в контексте трех «мировых идей», описанных еще Ф.М. Достоевским: «католицизм», «протестантизм» и «православие»⁴. Как видим, ни о мусульманстве, ни о язычестве, здесь речи не велось. Оба этих течения – славянофильство и западничество – были позже объединены в «большевизм»: западничество и славянофильство «склеила» православная религиозная традиция, смогшая соединить в одно целое, казалось бы, несоединимое. Она породила, более того, новое движение.

В начале XX в. в Европе, особенно активно в среде русских эмигрантов, сформировалось и начало развиваться евразийство как «исход к Востоку», центральной

¹ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979, 1993.

² Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). М.; Л., 1950.

³ Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007; История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Ихсаноглу. М., 2006. Т. 1. История Османского государства и общества.

⁴ Евразийство: философия, история, политика / Редкол.: О.Т. Кирсанова и др. Ростов-на-Дону, 2006; Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллектив. идентичности. М., 2009.

идей которого было лидерство России в антиевропейском движении (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, Г.В. Флоровский, Н.Н. Алексеев, Н.С. Арсеньев, Л.П. Карсавин, В.Э. Сеземан, С.Л. Франк, В.Н. Ильин и др.)¹. Россия, занимающая пространство между, посередине, на границе между Азией и Европой, живущая на стыках двух этих цивилизационных миров – восточного и западного, объединяет эти начала. Россия–Евразия – самодостаточный мир, в котором есть зачатки и проявления, причины и следствия всего. Это – сверхцивилизация, рождающая новые тенденции других цивилизаций. Концепция Евразии хорошо отражена в «концепции месторазвития» П.Н. Савицкого². Концепция Евразии сходна с органицистской школой Ф. Ратцеля. Концепция Евразии также сходна с моделью центральной части Европы как «Харт-ленда» (heartland – «сердцевинная земля» как «географическая ось» истории, «geographical pivot of history») Х.Дж. Маккиндера. По мнению Х.Дж. Маккиндера сердце цивилизации до XX в. образовывала центральная часть Евразии. Вокруг нее находится внутренняя дуга (Европа – Аравия – Индокитай) и периферийная дуга (Америка – Африка – Океания). Тот, кто «командует» хартлендом, тот распоряжается, управляет всем человеческим миром. Центром хартленда выступает здесь Россия. Но в XX в. возник новый «хартленд», новообразование, давшее благодаря новой центральной точке, начало двуполярного мира – США, претендующими на власть миром или его значительной частью. В XXI в. «хартленд» возник и в Азии (Китай), перетягивая на себя ресурсы соседних хартлендов (Китай долгое время исподволь «питался» ресурсами России и США, а в последние столетие перешел к активным действиям по обесточиванию и разграблению последних). Россия сегодня и в целом, по мнению евразийцев, осуществляет синтез двух начал Старого Света – Востока и Запада, европейского и азиатского начал, который Л.Н. Гумилев обозначил как скифско-сибирский «степной» стиль³.

Россия, согласно выводам Л.Н. Гумилева и иных исследователей истории, выступила «плавильным котлом» для славяно-тюркских народов. Эти народы сформировали уникальный сплав российского суперэтноса: «Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы..., а русские»⁴. Большую роль в этом процессе играет православие и (недооцененное оп своему значению) мусульманство. Н.С. Трубецкой писал, что православие является стержнем евразийской культуры. Однако, Н. Бердяев, Л. Шестов и многие другие исследователи неоднократно отмечали единство славянской и татарской (тюркской) ветвей российского суперэтноса: «Поскребите татарина, – увидите русского... Поскребите русского, – увидите татарина». Хотя авторство этих фраз в основном принадлежит русофобскому пониманию России со стороны Западного мира (1820–1840 гг. – А. де Кюстин, Ж.-Л. де Кампан, Л.-А. Караччиоли, Ж. Ансело, Дж. Галлатин) («Grattez le Russe, et vous verrez un Tartare / Scratch a Russian and you'll find a Tatar»), реже (в качестве позитивной сентенции – «Русский с татариним – братья навек»), цитируется великими россиянами (1860–1910 гг. – Ф. Достоевский, Н. Бердяев, Л. Шестов и др.), в целом фраза очень популярна в России и в мире⁵.

Русскую культуру отличает соборность или народность, ее цель – сохранить и множить духовные основы человечества. Евразийцы отрицали панславизм и европоцентризм, славянское и европейское превосходство, а также связанный с ними отказ от национальных культур и стремление исключить или перескочить через некоторые ступени собственного развития. Они критиковали либеральное государство и

¹ Евразийство: философия, история, политика; Лесевичкий А.В. Ф.М. Достоевский как предшественник евразийства: монография. Пермь, 2013.

² Савицкий П.Н. Россия – особый географический мир. Прага, 2005.

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

⁴ Евразийство: философия, история, политика. С. 33.

⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Комментар. В. Мильчиной и А. Осповата. М., 1996. Т. I.

парламентскую демократию, рассматривая ее как олигархию: евразийское государство должно иметь форму идеократии (например, «государства-церкви» или теократии, «народной монархии», национал-диктатуры, партийного государства и т. д.), быть механизмом реализации духовного импульса – от «духовных вождей» к остальным. В начале XX в. С.М. Широкогоровым был введен термин «этнос»: в качестве собирательного термина для обозначения этнических общностей¹.

Л.Н. Гумилев полагал, что сущностью этноса, его единства, выступает способ его адаптации к своей среде². Татарский и славянский этносы, даже при поверхностном рассмотрении, имеют очень много общего, и, главное, общую историю совместного развития, а также сходную историю развития «по отдельности» Принимая в себя всех и не смешиваясь с другими, сохраняя самоуважение и терпимость, эти два этноса развивались в одинаковом направлении. И даже захваты и войны, реальные и «виртуальные», даже очернение татарского этноса это движение интеграции сохранило. И даже вмешательства и подчас амбивалентное или откровенно враждебное присутствие иных этносов – относительно более дружественного тюркско-турецкого, менее «дружественных» и толерантных к татарскому и славянскому китайского и монгольского этносов в Азии, присутствие традиционно противостоявших России и Азии германских, романских, скандинавских и иных этносов Европы, – не помешало, хотя и затруднило этот процесс, наполнив его многочисленными «возвратами», подобными современным проблемам политической культурной автономии и развития крымских, поволжских и сибирских татар, затруднениям в развитии наук о татарской культуре и истории, о культуре и истории славян, а также сохранении негативных мифов и многочисленных исторических искажений об отношениях татарского и славянского этносов. Это неудивительно: искажение истории татар не могло не привести к фальсификации истории славян: так тесно связаны эти народы.

Их отношения показывают, что даже суперэтнос не может избежать проблем, связанных с «национальным вопросом». Более того, в рамках суперэтноса происходят собственные, не всегда осознаваемые, но очень значимые изменения. Так, на территории Сибири, Крыма, Поволжья и Урала, азиатской части России, уже несколько веков идет противоречивый, неоднозначный и все более глубокий и разносторонний, порой достигающий состояния военных конфликтов, диалог славянского и тюркского «рукавов» российского суперэтноса.

Этот диалог важен не только для них, но и для окружающих народов, всего мира. В последнее время, в частности, привел к нарастанию тенденции сокращения китайской и монгольской диаспор Сибири: рост активности татарской «диаспоры», ее самосознания привел к активизации проблематики соотношения нравственных и правовых нормативов, которые, на фоне прогрессирующей разрухи и обеднения Сибири, вызывал к жизни мощные силы возрождения, не близкие монгольскому и китайскому самосознанию. В регион хлынули представители тюркских народов, в том числе соседних стран: помимо возможности заработка, их, очевидным образом, привлекает наличие большей гармонии отношений жителей региона с собой и миром. Напротив, в европейской части России наблюдаются тенденции дисгармонизации: нарастает стремление государства подавить инициативы и самосознание (самостоятельность) не менее древнего и культурно богатого, чем славяне, татарского этноса, нивелировать его культуру, сведя ее к существующим в рамках «общей» славянской культуры «частностям». Происходит прогрессирующая нивелировка нравственных ценностей, ударяющая по всем жителям этого региона, продолжается углубление и расширение разрывов между социально-экономическими и

¹ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004. С. 115–128.

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

политическими группировками, растет уровень культурного и экономического расслоения: парциального обогащения и развития одних слоев за счет обеднения и деградации других: попытки подавить малейшее сопротивление крымских и поволжско-уральских татар, в т. ч. лишить самостоятельности Татарстан, поволжских татар, не желающих следовать ущербной экономической и политической стратегии «центра», выливаются в нарастающее неприятие и пока еще скрытые конфликты. Государственный монолит России продолжает проводить линию, начатую еще во времена завоевания русскими Сибири и проблемы отношения славянских и тюркских народов Крыма: подавление «инородцев», их эксплуатация, стравливание «собственного» народа с другими. Россия, в целом, все еще живет мифами: черным мифом «монголо-татарского ига» и белым мифом «благословенной Москвы». На деле же, кроме вымыслов историков и политиков Запада и Китая о вражде славян и татар, и кроме вымыслов политиков и историков центральной России, защищающих свое «предназначение» творить беззаконие под маской «избранности», татары и турки, русские и славяне живут как единый организм, всей историей своих отношений утверждая жизнеспособность концепции транскультурализма, жизнеспособность российского суперэтнуса как транс-этнической структуры. В Крыму ситуация наиболее неоднозначна, однако, крымские татары получили возможность развивать свою культуру, даже в состоянии частичного непонимания и неприятия, продолжающемся «непризнании» Крыма частью России («теми же лицами», что и в предшествующие века – государства Центральной Европы, Северной Америки – такие как США, Канада, Великобритания, Германия, некоторые государства Азии – Китай и Монголия, Корея). Однако, *de jure*, все те все государства, которые не разорвали дипломатических отношений с Россией, являются признавшими вхождение Крыма в состав России. Другой вопрос – насколько «неудобным» продолжает оставаться такая реинтеграция части российского суперэтнуса для ЕС, США и иных стран мира, претендующих на культурное, экономическое и иное первенство.

Обсуждение. Век СССР, социалистическая реальность XX, сформировала понятие интернационализма, опирающегося на идеи равенства, братства и свободы, основанных на нравственной основе «внутренней правды», а также «внешней правде» законов и отношений в социалистическом государстве. Социалистическая доктрина и технологии нацелена на построения отношений равенства народов. Это движение активно имитирует капитализм XIX–XX и нынешнего веков: в самом начале, он еще продолжал стратегию этнического и религиозного отчуждения, расизма, свойственную феодализму, но, позднее, в связи транснационализацией (глобализацией) корпораций и бизнеса в целом, мондиализацией и формированием «общечеловеческой культуры», сформулировал в ходе XX – начала XXI в. принципы и технологии мультикультурализма. Современность постпостмодерна или метамодерна и их реализация – посткапитализм XXI в. ввели в круг ценностей ценности транскультурализма. Это введение стало результатом намерения уменьшить потери от революционных переворотов и сдвигов, удалив одно из ведущих болезненных мест социальных различий – этническое¹.

Интернационализм был сформирован в качестве антитезы национализма и иных видов социальной, духовной, физической и иной несправедливости феодально-

¹ Арпентьева М.Р. Культуры вины и культуры стыда: многолика ответственность и развитие человека в сообществе // Международна научна школа «Парадигма». Лято–2015. 20–23 августа 2015 г. / Ред. Р. Гагуа. Варна. Сборник научни статии в 8 т. Т. 6. Хуманитарни науки. Варна, 2015. С. 71–79; Она же. Модерн и национальные отношения в России // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. Вып. 2. Ч. 1: Сб. науч. ст. по мат-лам второй Междунар. науч. конф. «Социальные, политические и культурные процессы на территории Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе» (24–25 ноября 2017 г.). Пинск, 2017. С. 89–95; Она же. Мультикультурность: понятия, практики, результаты // Вестник Тульского государственного университета. Серия «Лингвистика и лингводидактика». 2017. № 3. С. 9–19.

рабовладельческой и опирающейся на нее капиталистической идеологии. Интернационализм – это идеология, пропагандирующая дружбу и сотрудничество между культурами, странами, этносами, нациями, в том числе как солидарность отдельных людей и их групп в сражении против капитализма и связанного с ним эксплуатирующего отношения к миру¹. Интернационализм существует как альтернатива глобализации с ее «мультикультурностью» как «буржуазным космополитизмом», понимаемым как отрицание всякой национальной культуры, как альтернатива «буржуазному национализму», понимаемому как идеология национальной исключительности и шовинизма. Проблема интернационализма, в целом, связана с тем, что он есть «прикладной» феномен, духовно-нравственные опоры которого не осмыслены и рождают теоретические и практические проблемы. Люди и группы, не желавшие дружить и сражаться вместе против капитализма «отсекаются» от сотрудничества. Кроме того, интернационализм предполагает большую или меньшую унификацию повседневной жизни людей. Не опираясь на законы нравственные, он предлагает, как и капитализм, законы юридические, подменяя частную собственность государственной. Он не стремится и не может сделать ее собственностью народа. Юридические же законы оказались с легкостью «обходимыми», «нарушаемыми» и трансформируемыми, как и любые иные законы права – наследия кастовых миров рабовладельческого, феодального, буржуазного). Социализм повел народы по пути, на котором сегрегация и сепаратизм стали неизбежностью: интернационализму как практике и концепции «не хватило» опоры на духовно-нравственные ценности. Он развивал способность любить «ближнего» и самого себя меньше, чем способность сражаться с ближним – и с самим собой. Россияне, разбитые на «западников» и «славянофилов», скорее сопротивлялись проникновению и распространению идей, положивших начало мультикультурализму: интеллигенция конца XIX в. пыталась обнаружить глубинные, народные и религиозные основания национализма: происходила переоценка западных ценностей и ориентиров, кристаллизация собственных принципов, утверждалось измененное прочтение сути государственности в России². В Крыму социалистическая идея «дала сбой», обнаружила свою частичность: интернационализм оказался недостаточным, для того чтобы разрешить проблемы межнациональных отношений. Одним из результатов обострения этих отношений стала массовая, тотальная депортация крымских татар в середине XX в., ущемившая их права и во многом, разрушившая культуру народа, веками складывавшуюся на полуострове. При этом «коллорационизм большинства татар являлся не только естественной попыткой спастись в условиях смертельной опасности (в целом – успешной), но также крайне неудачной попыткой в рамках национально-освободительного движения восстановить крымско-татарскую государственность», при этом даже совершенные частью народа преступления «не могут оправдать сталинскую депортацию всего народа, включая ни в чем не повинных детей, женщин, партизан, подпольщиков, военнослужащих Красной Армии и тех, кто просто выживал в условиях оккупации»³. Насильственное удаление народа через какое-то время было так же «насильственно» разрешено: хотя очевидно, что татары стремились вернуться в свои дома, некоторые нашли себе новое, более интересное пристанище, а память о насилии лишь реактуализировалась. В результате разрешение вернуться не вызвало тех последствий, на которые было рассчитано, хотя и было чрезвычайно важным для народа (вернулось в Крым больше, чем было депортировано). И крымские татары не смогли до

¹ Арпентьева М.Р. Модерн и национальные отношения... С. 89–95; Она же. Мультикультурность... С. 9–19.

² Там же.

³ Вяткин А.Р. Немецкая оккупация и крымские татары в 1941–1944 годов // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2005. № 4. С. 36.

конца встроится в социум, из которого были удалены. Этому помешали и действия украинских властей на протяжении 90-х гг. XX в. и политика Турции и других государств, стремившихся использовать Крым в своих интересах, породившие сильную напряженность в межнациональных и межрелигиозных отношениях возникшую в регионе¹. Если к этому прибавить момент, связанный с тем, что в последнее столетие уже не тюркские, а русский язык стал языком, на котором говорит большинство, процесс реинтеграции крымских татар в целом не может проходить безболезненно. По крайней мере, интернационализм, показавший свою иллюзорность в XX в., в веке нынешнем уже не выступает как цель и принцип построения отношений.

Национализм стал одним из центральных моментов переориентации экономической активности и ее беспрецедентного перемещения в центр эпохи модерна (*modern society, modernity, contemporary society*)². Он – ключевой момент в становлении капитализма: начало всему положили национальные интересы буржуазных наций как государств, вступавших в политическое и экономическое соперничество, а также обладающих общей судьбой и выбирающих – определяющих эту судьбу путем плебисцита. Государство и национализм как политика государства во многом способствовали формированию наций в индустриальных государствах XIX в. На этапе становления капитализма было необходимо «превратить» общества в нации: используя национализм. При капитализме происходит трансформация этнически и культурно разнообразных кластеров сообщества, территориально объединенных в единое государство, в целостность нового типа, которая получает новое название – «общество органической солидарности», «нация», «капиталистическое общество»: социальная, культурная и политическая стороны жизни этносов «сплавляются» с экономической стороной. Таким образом, сначала этнические и территориально-культурные общности достигают достаточно высокой интеграции, позволяющей сформировать социально-психологическое и экономико-политическое единство, формируются и развиваются национальные рынки. Сейчас осмысление себя и мира крымскими татарами полуострова Крым остро противоречиво и многозначно: часть населения в целом принимает ситуацию, однако, значительная доля испытывает проблем идентификации социального и личностного планов. И решение этой проблемы потребует не одного десятилетия, особенно в ситуации отсутствия серьезных усилий со стороны иных этносов Крымского населения как сообщества и со стороны государства³.

Этот вопрос ярко демонстрирует проблема национального государства для крымских татар много раз становилась крайне значимой и много раз не была решена⁴. Более того, за стремление к нему люди расплачивались депортациями и лишениями. Таких было несколько, например, в позапрошлом веке, в результате аннексии Крыма. Р. Фахрутдинов пишет, что «после аннексии Крыма все государственные структуры Крымского ханства были ликвидированы и создано новое управление краем... сначала самодержавие... пыталось продемонстрировать свое лояльное отношение к завоеванному населению... Однако, к началу XIX в. политика самодержавия в Крыму изменилась... в конце XVIII в. резко сократилась численность татарского населения... полуостров лишился около трех четвертей своего населения»⁵. При этом депортация крымских татар,

¹ Богатырев К.А. Крымские татары и этноконфессиональный конфликт в регионе в начале XXI века // Политика и общество, 2009. № 12 (60). С. 54–62.

² Арпентьева М.Р. Модерн и национальные отношения... С. 89–95; Она же. Мультикультурность... С. 9–19.

³ Богатырев К.А. Указ. соч.

⁴ Кузнецова В.В. Крымские татары и евреи: две трагедии с противоположными причинами // Всеобщая история. 2014. № 2. С. 3–23.

⁵ Цит. по: Андреев А.Р. История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М., 1997. С. 196.

особенно усилившаяся в последней четверти XVIII в., вынуждала последних эмигрировать в пределы Османской империи. Смена основного для полуострова языка (тюркского) и татарской культуры на культуру славянскую, русскую, а также системный геноцид, депортации и вытеснение с земель крымско-татарского населения, ознаменовало «начало великого ограбления крымского народа»¹. Не удивительно, что по полуострову прокатилась волна «волнений и восстаний татар, которые пресекались достаточно жестко», а «Умиротворение края» в начале XIX в. «произошло только после истребления значительной части татар»². Еще сильнее ухудшила положение татар Крымская война середины XIX в., в нее татар обвинили в измене трону и Отечеству, началось усиленное «освобождение Крыма от вредного населения».

Затем национальные рынки развиваются настолько, что трансформируют общество, диктуя направления его развития. С появлением крупных национальных корпораций, для которых границы местных, национальных рынков, становятся тесны, возникает иной вопрос. Для развития капитализма, в том числе к посткапитализму, нужны «транснационалистические» нации, мультикультурализм и глобализм (универсализм) как еще более плотные сплавы на пути к мондиализму, тотальной власти рынка в жизни человечества³. Мультикультурализм сформирован для удовлетворения растущих потребностей «буржуазного космополитизма» в установлении контроля над всем населением. Капитализму нужен контроль стран, регионов, континентов, всей земли. Транснациональные корпорации не могли не столкнуться с проблемами различий групп и людей разных наций, сословий, поколений, вероисповеданий, то есть разных культур и субкультур, а также с необходимостью решить проблемы взаимодействия людей с помощью идеологии и концепции, позволяющей более или менее унифицировать взаимодействие, превратив человека в часть «физического капитала». Как бы ни были различны имеющиеся мультикультурные подходы, а также предшествовавшие и следовавшие им концепции: ассимиляции, «плавильного котла», «салатницы» и т. д., – все они соотнесены с задачами и целью унификации и оптимизации производства / потребления. Это – задачи оптимизации служения населения буржуазным правительствам и транснациональным корпорациям, и, в перспективе, мировому правительству. Последнее формулирует и продвигает унифицированные идеологии и ценности, представления и понимания мира и самих себя людьми, переживания себя и мира. Государство создает деиндивидуализированные нормативы и ритуалы поведения. Здесь модель мультикультурализма сталкивается с агрессивным ответом в виде сепаратистских «несогласий»: будучи обращенными на защиту собственных прав и отделение от других национальных, религиозных и т. п. групп и подгрупп, культур и субкультур, сепаратизм продемонстрировал более важное стремление людей «быть хозяевам своей жизни»: иметь свое понимание себя и мира (свое «мнение»), свои ценности и идеологию, отличные от идеологии глобализации и универсализации, свои ритуалы и нормы. Свобода как самостоятельность и достоинство, как совокупность прав и обязанностей – основное, «непредусмотренное» мультикультурализмом явление. Игра в мультикультурализм в Крыму уже превратилась в игру с фантомами: как включение, так и отчуждение протекают параллельно и на разных уровнях и в разных аспектах. Результатов становится продолжающаяся напряженность отношений внутри группы и между этносами Крыма. В последнее пятилетие начался новый этап развития ислама, мусульманского

¹ Бахрушин С. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3. С. 58; Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 277.

² Вольфсон Б. Присоединение Крыма и России в 1783 г. // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 63.

³ Геллинер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004. С. 115–128; Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009.

мировоззрения и борьбы за национальное самоопределение у крымских татар. Этот период связан с поисками новой самоидентификации «крымского» ислама, с духовными исканиями крымско-татарской интеллигенции: проходит становление ислама в диалоге и противостоянии суфизму и салафизму, духовного и национального движений в пропозиционном (лояльном) и оппозиционном направлениях к государству России¹. «Депортация в Среднюю Азию в 1944 г. драматически ускорила формирование этноса, оттенила уникальные особенности этногенеза и политогенеза. Репатриация с конца 1980-х гг. вызвала к жизни новые проблемы самоидентификации нации, в новом столетии они оказались связанными с религией»². Ранее высоко толерантный к религиозным различиям Крым становится ареной псевдорелигиозной борьбы, побуждающей искать нечто большее, чем интернационализм или мультикультурализм.

Выводы. Транскультурализм, феномен пост-буржуазного, пост-капиталистического мира, частично унаследовал идеи интернационализма. Он пытается решить эти проблемы, не отворачиваясь ни от чего. Транскультурализм расцветает «на границах», в зонах «несостыковок», зонах, отношения в которых не могут регулироваться одной системой прав и одной. Столкновение, взаимодействие, взаимный обмен и диалог различных центральных и периферийных, сильных и слабых, своих и чужих, старых и новых идеологий и ценностей, пониманий себя и мира (переживаний и представлений), норм и ритуалов приводит к возникновению так называемой «гибридной» идентичности. Отношения людей и групп строятся ацефалично, кланово: государство все более перерастает в государство-церковь, живущее не по законам человеческим, но по законам духовно-нравственным. Отношения выстраиваются как взаимоотношения значимого и ответственного дарообмена. Они выступают как попытка заслужить собеседника – уважительное отношение к себе и к нему, понимание взаимодействия людей и групп как праздника, как повода для развития, открытия неведомого и постижение неведомого в себе и в другом. Данный ракурс работы с татарами Крыма мало осмыслен, однако, за ним в отношениях крымских татар и иных этносов и государственную структуру Крыма как и за ситуациями с иными народами («окраин» и «старожилов»), – будущее. Будущее взаимной заботы и уважения.

Источники и литература

1. От Сибири до Крыма: особенности генофонда татар Евразии (крымских, сибирских, казанских, кряшен, мишарей) / Агджоян А.Т. [и др.] // Междунар. полевая школа в Болгаре (Болгар, 17–30 августа 2015 г.): сб. мат-лов итоговой конф. / Макарова Е.М., Вязов Л.А., Айтуганова Н.Л. (ред.). Болгар: Издательский дом «Казанская недвижимость», Институт археологии им А.Х. Халикова АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. С. 33–38.
2. Андреев А.Р. История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М.: Межрегион. центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. 254 с.
3. Арпентьева М.Р. Культуры вины и культуры стыда: многоликая ответственность и развитие человека в сообществе // Международна научна школа «Парадигма». Лято–2015. 20–23 августа 2015 г., Варна. Сборник научни статии в 8 т. Т. 6. Хуманитарни науки / Абакаров Д.К., Долгов В.В. (ред.). Варна: Научно-исследовательский институт «Парадигма», 2015. С. 71–79.
4. Арпентьева М.Р. Модерн и национальные отношения в России // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. Вып. 2. Ч. 1: Сб. науч. ст. по мат-лам второй Междунар. науч. конф. «Социальные, политические и культурные процессы на территории Центральной и Восточной

¹ Гузенкова Т.С., Неменский О.Б., Хизриева Г.А. Крымские татары: особенности и проблемы интеграции в российское пространство // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 4 (37). С. 31–57; Куц Н., Муратова Э. Прошлое, настоящее и будущее крымских татар в дискурсе мусульманского сообщества Крыма. Киев, 2014; Лункин Р.Н. Крымские татары: от национальных амбиций к религиозному самоопределению // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. № 23. С. 80–89.

² Кульпин Э.С. Крымские татары: эволюция самоидентификации // Историческая психология и социология истории. 2013. № 6, 2. С. 86.

Европы в исторической перспективе». 24–25 ноября 2017 г., Пинск / Гагуа Р. (ред.). Пинск: Полесский государственный университет, 2017. С. 89–95.

5. Арпентьева М.Р. Мультикультурность: понятия, практики, результаты // Вестник Тульского государственного университета. Серия «Лингвистика и лингводидактика». 2017. № 3. С. 9–19.

6. Балановская Е.В., Агджоян А.Т., Жабагин М.К. и др. Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар. Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2016. № 3. С. 75–85.

7. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, Мишель, 1979, 1993. 280 с.

8. Бахрушин С. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3. С. 58–60.

9. Богатырев К.А. Крымские татары и этноконфессиональный конфликт в регионе в начале XXI века // Политика и общество. 2009. № 12 (60). С. 54–62.

10. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 170 с.

11. Веревкин С. Крымские татары: между прошлым и будущим? // Россия и мусульманский мир. 2007. № 7. С. 40–46.

12. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. 280 с.

13. Вольфсон Б. Присоединение Крыма и России в 1783 г. // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 61–65.

14. Вяткин А.Р. Немецкая оккупация и крымские татары в 1941–1944 годов // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2005. № 4. С. 36–54.

15. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 240 с.

16. Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л.: ОГИЗ. 216 с.; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937, 1950. 505 с.

17. Гузенкова Т.С., Неменский О.Б., Хизриева Г.А. Крымские татары: особенности и проблемы интеграции в российское пространство // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 4 (37). С. 31–57.

18. Гумилев Л.Н. Евразийство. Париж: Евразийское книгоизд., 1926. 80 с.

19. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 496 с.

20. Евразийство: философия, история, политика / Редкол.: О.Т. Кирсанова и др. Ростов-на-Дону: РИНХ, 2006. 86 с.

21. История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Ихсаноглу. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. История Османского государства и общества. 602 с.

22. Кузнецова В.В. Крымские татары и евреи: две трагедии с противоположными причинами // Всеобщая история. 2014. № 2. С. 3–23.

23. Кульпин Э.С. Крымские татары: эволюция самоидентификации // Историческая психология и социология истории. 2013. № 6, 2. С. 86–94.

24. Курникова О.М. Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI–XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 250 с.

25. Куц Н., Муратова Э. Прошлое, настоящее и будущее крымских татар в дискурсе мусульманского сообщества Крыма. Киев: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2014. 64 с.

26. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. I. 528 с.

27. Лесевицкий А.В. Ф.М. Достоевский как предшественник евразийства: монография. Пермь: ОТ и ДО, 2013. 156 с.

28. Лункин Р.Н. Крымские татары: от национальных амбиций к религиозному самоопределению // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. № 23. С. 80–89.

29. Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллектив. идентичности. М.: РОССПЭН, 2009. 190 с.

30. Мебадури С.З., Королев А.А., Королева Л.А. Крымские татары в СССР: из истории депортированных народов // История и археология. 2014. № 7 (15). С. 2–7.

31. Меметов А.М. Лингвистические и экстралингвистические сведения о древних предках крымских татар // Научный вестник Крыма. 2017. № 3 (8). С. 4.

32. Савицкий П.Н. Россия – особый географический мир. Прага: Русская традиция, 2005. 187 с.

**ЦЕРЕН-ДОРДЖИ НОМИНХАНОВ – ПЕРВЫЙ УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ**

Аннотация. Статья посвящена личности калмыцкого ученого, доктора филологических наук, профессора Ц.-Д. Номинханова. Дан краткий обзор литературы, свидетельствующий о степени изученности его жизни и деятельности. Биографические данные дают возможность проследить жизненный путь, приведший его в науку. Автором раскрыты лишь некоторые аспекты деятельности Ц.-Д. Номинханова в должности ученого секретаря и старшего научного сотрудника сектора языка в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории в период вынужденной ссылки в Красноярский край (1943–1949 гг.). Показано влияние обвинений в космополитизме на его научную карьеру. Сделан вывод о том, что Ц.-Д. Номинханов всегда сохранял мотивацию к науке, несмотря на место проживания и суровые условия жизни.

Ключевые слова: Церен-Дорджи Номинханов, ученый секретарь, ХакНИИЯЛИ, Хакасская автономная обл., спецпереселенцы, калмыки, борьба с космополитизмом.

Шел предпоследний год Великой Отечественной войны. Он коренным образом сказался на жизнедеятельности научной и научно-педагогической интеллигенции Хакасской автономной обл. Понятно, что тяжелые условия военного времени, хозяйственная разруха не благоприятствовали культурному развитию области. И, тем не менее, здесь в октябре 1944 г. открываются первое научно-исследовательское учреждение – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) и первое высшее учебное заведение – Абаканский педагогический институт. В условиях дефицита специалистов закономерным становится вопрос о формировании педагогического и научного коллективов. Структура ХакНИИЯЛИ состояла из секторов истории, языка и литературы. Основой коллектива стали преподаватели Абаканского учительского и педагогического институтов, работники краеведческих музеев г.г. Абакана и Минусинска. Первые сотрудники, кроме директора Н.Г. Доможакова, проработали в институте непродолжительный период, но именно они способствовали созданию той интеллектуальной обстановки, которая свойственна подобного рода научным учреждениям. Церен-Дорджи Номинханов, Фазыл Гарипович Исхаков, Варвара Павловна Левашова, Давид Ефимович Хайтун... Об одном из них в данной статье пойдет речь.

Церен-Дорджи Номинханов, кандидат филологических наук, доцент стал первым ученым секретарем ученого совета ХакНИИЯЛИ¹. Это был, пожалуй, единственный специалист – лингвист, который начал трудиться в институте. О личности Ц.-Д. Номинханова существует значительное количество научных публикаций ученых Калмыкии. Так, в книге Г.М. Борликова и В.А. Паршина, посвященной отечественным и зарубежным ученым, раскрыта личность Ц.-Д. Номинханова как первого доктора наук Калмыкии². О жизненном пути и научном наследии ученого свидетельствует статья Н.Г. Очировой³. Из статьи А.Т. Баяновой можно узнать о том, что в научной библиотеке

¹ Тугужекова В.Н., Данькина Н.А. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории // 60 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы, истории: ученые записки. Абакан, 2005. Вып. 22. С. 3–9.

² Борликов Г.М., Паршин В.А. Ученые – Калмыкии (Роль отечественных и зарубежных ученых в развитии Калмыкии). Элиста, 2000. 240 с.

³ Очирова Н.Г. Церен-Дорджи Номинханов (1898–1967 гг.) – первый доктор филологических наук Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 83–86.

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН хранится фонд Ц.-Д. Номинханова, представляющий уникальное собрание книг, многие из которых являются библиографической редкостью¹. Авторы публикаций о профессоре Ц.-Д. Номинханове значительное внимание уделяют периодам его жизнедеятельности до 1943 и после 1949 гг. В меньшей степени ими раскрыты годы принудительного проживания в Красноярском крае, в частности, в Хакасии, т. е. с 1943 по 1949 гг. Восполнила в определенной мере этот пробел доктор исторических наук, профессор В.Н. Тугужекова². В своей статье она раскрыла неизвестные страницы научной и научно-организационной деятельности Ц.-Д. Номинханова в Хакасии.

Возвращаясь к статье Н.Г. Очировой и используя автобиографию, написанную самим Ц.-Д. Номинхановым, напомним, что он родился 8 сентября 1898 г. в станице Граббевской Сальского округа Ростовской обл. (бывшей области войска Донского) в семье бедного калмыка. Его отец по найму работал у богатого коннозаводчика Ив. Ив. Попова и Ив. Як. Королькова, затем у коннозаводчиков Эрднэ Тепкина, Алексеева и др.³ Н.Г. Очирова отмечает, что путь ученого был начат весьма успешно⁴. Действительно, будущему ученому удалось получить начальное образование. В автобиографии, представленной в Хакасский обком ВКП (б) в 1944 г., он писал, что в 1909 г. поступил в Пандинское приходское училище (хутор Пандя), окончил его в 1912 г. и поступил учиться на народного учителя в станице Великокняжеской. Учеба, продолжавшаяся до 1918 г., постоянно прерывалась работой по найму у богатых калмыков. К этому времени родители Ц.-Д. Номинханова скончались. Отец умер в 1916, мать – в 1917 г. Начавшаяся гражданская война разрушила дальнейшие планы молодого человека. В 1918 г. вся территория Сальского округа была занята войсками белых, в том числе и хутор Пандя, была проведена мобилизация военнообязанных граждан рождения 1897 и 1898 гг. По этому призыву юноша Номинханов был мобилизован в Белую армию⁵. Его зачислили в 3-й калмыцкий полк сначала переписчиком, затем в хозяйственную команду полка. Этот эпизод из жизни Церен-Дорджи Номинханова будет стоить ему партвыскаания. Комиссией по чистке в марте 1933 г. он был исключен из рядов ВКП (б), но вскоре восстановлен в партии. В 1920 г. Номинханову удалось перейти в ряды Красной армии, где он служил во 2-м калмыцком полку писарем, затем адъютантом полка. В 1921 г. группу командиров-калмыков, в числе которых был Ц.-Д. Номинханов, вызвали в Москву в распоряжение Реввоенсовета Республики. Отсюда их направили в революционную Монголию в качестве инструкторов для работы в формирующейся Монгольской народно-революционной армии⁶.

После ликвидации отрядов барона Унгерна в 1921 г. Ц.-Д. Номинханов исполнял обязанности военного коменданта г. Урги (Улан-Батор). Затем служил инструктором в штабе 1-й Монгольской кавалерийской бригады при начальнике штаба. Летом 1923 г. Церен-Дорджи получил разрешение из штаба Монгольской народно-революционной армии выехать в СССР на учебу. В тот же год Наркоминдел командировал его в

¹ Баянова А.Т. Фонд Церен-Дорджи Номинханова в научной библиотеке КИГИ РАН // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 90–91.

² Тугужекова В.Н. Церен-Дорджи Номинханов и Хакасия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. №2. С.86.

³ Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (РФ ХакНИИЯЛИ). Личное дело Церен-Дорджи Номинханова. Автобиография.

⁴ Очирова Н. Г. Церен-Дорджи Номинханов (1898–1967 гг.) – первый доктор филологических наук Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 83.

⁵ Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (РФ ХакНИИЯЛИ). Личное дело Церен-Дорджи Номинханова. Автобиография.

⁶ Артамонова Н.Я. Первые сотрудники Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. 6. Абакан, 2002. С. 224.

Ленинградский Восточный институт имени А.С. Енукидзе на монгольское отделение. Поскольку у Ц.-Д. Номинханова не было среднего образования, то ему пришлось одновременно учиться на подготовительном отделении института по общеобразовательным предметам¹. Отношения с Монголией у него долгое время не прерывались, и в течение 1924–1926 гг. и 1928–1929 гг. он бывал в этой стране на производственной практике. Кстати, именно там, в Ученом комитете МНР, в секторе языка, он учился азам научно-исследовательской работы. О службе Номинханова в Монголии упоминает в своей статье монгольский исследователь Норовсамбуу Наранжаргал². По окончании в 1930 г. Ленинградского Восточного института Ц.-Д. Номинханов некоторое время работал преподавателем калмыцкого языка в Калмыцком педагогическом техникуме (г. Астрахань), а затем поступил в аспирантуру НИИ языкознания АН СССР, через год перевелся в Московский институт востоковедения имени Н.Н. Нариманова. И снова учебу ему пришлось совмещать с работой. Молодой аспирант преподавал монгольский язык в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и в Московском институте востоковедения имени Н.Н. Нариманова. В последнем он трудился в должности доцента под началом известного бурятского ученого-лингвиста Г.Д. Санжеева, который заведовал кафедрой монгольского языка. Гарма Данцаранович довольно сдержанно характеризовал Ц.-Д. Номинханова как преподавателя, в то же время отмечал его «большую научно-общественную работу» в деле латинизации монгольских алфавитов³. В дальнейшем состоялось их сотрудничество в подготовке совместных работ, в частности, учебника монгольского языка⁴.

По окончании аспирантуры в 1935 г. школьный отдел ЦК ВКП (б) направил Церен-Дорджи в качестве преподавателя монгольского языка в Среднеазиатский государственный университет (г. Ташкент). Но после ареста по ложному обвинению в апреле 1938 г. и освобождения в 1939 г., по словам самого ученого, ему уже не разрешили вернуться на прежнее место работы. Он ушел в только что открытый Узбекский филиал АН СССР (УзФАН) на должность старшего научного сотрудника и одновременно ученого секретаря⁵. Здесь он подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Монгольские административно-политические и военные термины XII–XV вв., сохранившиеся в узбекском языке» и 16 апреля 1943 г. успешно защитил ее в Институте востоковедения АН СССР. На родину Ц.-Д. Номинханов вернулся только в начале 1940-х гг. в связи с созданием Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Астрахань) и назначением его на должность секретаря этого научного учреждения⁶. Но работать там пришлось недолго. 27 декабря 1943 г. вышел Указ Президиума Верховного совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», а 28 декабря 1943 г. вышло постановление СНК СССР № 1 432/425сс «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР», в котором устанавливался порядок выселения калмыков на конкретные территории:

¹ Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (РФ ХакНИИЯЛИ). Личное дело Церен-Дорджи Номинханова. Автобиография.

² Норовсамбуу Наранжаргал. Калмыцко-монгольские отношения (1925–1943 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 5. С. 40–44.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2879, Л. 808 об.

⁴ Санжеев Г.Д. Учебник монгольского языка (латинизированный). Курс 1–2: В 2 т. / Сост. Г.Д. Санжеев, И.М. Манжигеев, Ц.Д. Номинханов; Под общ. ред. Г.Д. Санжеева; Ин-т востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК Союза ССР. М., 1933.

⁵ Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (РФ ХакНИИЯЛИ). Личное дело Церен-Дорджи Номинханова. Автобиография.

⁶ Там же.

Красноярский и Алтайский края и Новосибирская и Омская обл.¹ Ц.-Д. Номинханов был переселен в Красноярский край вместе с другими калмыками. В солидной статье В.А. Кышпанаква представлена численность спецпереселенцев-калмыков, их распределение по районам, трудовая занятость в сфере народного хозяйства, санитарное состояние, быт². Автор уделяет внимание и жизнедеятельности Ц.-Д. Номинханова в Хакасии.

Многие из переселенцев работали в системе народного образования. Среди них были личности, ставшие впоследствии яркими представителями калмыковедческой науки. Из биобиблиографического справочника, в котором содержатся сведения о научных сотрудниках, работающих ныне и работавших ранее в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН, можно узнать, что в годы ссылки в школах Алтайского края трудился учителем Б.Д. Муниев. И.Е. Намсинов, будущий кандидат исторических наук, также был направлен на поселение в Алтайский край. В течение 13 лет работал в системе народного образования, учительствовал в школах края, был директором одной из школ, с отличием окончил заочное отделение Бийского учительского и Новосибирского педагогического институтов. А.И. Сусеев в период ссылки калмыцкого народа жил в г. Бийске и преподавал в учительском институте, медицинском и педагогическом училищах, лесном и автомобильном техникумах, был лектором общества «Знание», избирался депутатом Бийского горсовета Алтайского края. Н.Ш. Ташнинов, ставший впоследствии кандидатом исторических наук, был преподавателем Минусинского педучилища Красноярского края (1944–1949 гг.). У.Э. Эрдниев, в последующем доктор исторических наук, профессор, весной 1944 г. был уволен в запас в звании старшего лейтенанта и депортирован в Алтайский край. Работал в системе высшего профессионального образования, в частности, в Сталинском государственном пединституте, Сибирском металлургическом институте им. С. Орджоникидзе, Кемеровском пединституте. С июля 1958 по декабрь 1959 гг. работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте (ВНИИГидроуголь) (г. Сталинск, с 1961 г. – г. Новокузнецк) младшим научным сотрудником. На Алтае он познакомился с сибирскими учеными-археологами А.П. Окладниковым, Л.Р. Кызласовым, чл.-корр. АН СССР, лауреатом Сталинской премии С.В. Киселевым и увлекся древней историей народов Центральной Азии. М.Э.-Г. Эрдни-Горяев в 1945 г. демобилизовался из армии и воссоединился с семьей, находившейся на поселении в Хакасии³.

Ц.-Д. Номинханов с семьей попал в Красноярский край в декабре 1943 г. На его иждивении были жена Анастасия Санжеевна (1900 г. р.), сын Денислав (1926 г. р.), дочь Лидия (1937 г. р.). Старший сын Владимир пропал без вести в годы войны. Номинханов преподавал немецкий язык в неполной средней школе № 13 Ужурского совхоза⁴. В октябре 1944 г. Хакасский областной комитет ВКП(б) пригласил кандидата филологических наук, доцента Ц.-Д. Номинханова в г. Абакан в качестве ученого секретаря ХакНИИЯЛИ. В Красноярском крае находился на поселении и земляк Ц.-Д. Номинханова И.К. Илишкин, который также учительствовал в одной из средних школ края. Затем преподавал в Абаканском педагогическом институте (вел курс современного русского языка), являлся сотрудником Института усовершенствования

¹ Постановление СНК СССР № 1432/425сс «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР) // URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022136> (дата обращения: 18.05.2019).

² Кышпанаква В.А. Калмыцкие спецпереселенцы в Хакасии // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 40–47.

³ Юбилейное издание. Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. Элиста, 2001. С. 224, 341–242, 337–339, 346–348, 402–405, 406–407.

⁴ Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (РФ ХакНИИЯЛИ). Личное дело Церен-Дорджи Номинханова. Автобиография.

учителей. Впоследствии Иван Кузнецович Илишкин стал известным калмыковедом, крупнейшим специалистом в области калмыцкого языкознания, а также первым директором КНИИЯЛИ¹.

На основании личного заявления от 9 сентября 1944 г. приказом № 2 по институту от 1 октября 1944 г. Ц.-Д. Номинханов был назначен старшим научным сотрудником сектора языка с окладом 1 400 руб. Этим же приказом и на основании постановления областного совета депутатов трудящихся от 12 октября 1944 г. он стал исполнять обязанности ученого секретаря ХакНИИЯЛИ с окладом в 800 руб.² В личном деле Номинханова, хранящемся в Рукописном фонде ХакНИИЯЛИ, есть заявление, написанное им самим: «В обком ВКП (б) Хакасии, зав. отдела культуры и пропаганды от Номинханова Церен-Дорджи, доцента, канд. филол. наук, члена ВКП (б) с 1921 г.

Заявление

Прошу принять меня на должность ученого секретаря научно-исследовательского института Хакасии. Документы оформим по приезду в г. Абакан... Необходимо ваше ходатайство перед Ужурским РО НКВД через НКВД в г. Абакане о выдаче мне пропуска на переезд с семьей в г. Абакан. Надеюсь, что квартирой и топливом меня обеспечите. 9 сентября 1944 г.»³ Насколько важна эта должность в научно-исследовательском учреждении говорит тот факт, что приказом № 1 от 1 октября и на основании постановления Исполкома Хакасского облсовета был назначен директор института Н.Г. Доможаков. Этим же приказом № 2 новоиспеченному ученому секретарю было предложено составить перспективный план научно-исследовательской работы и представить его на рассмотрение не позднее 1 декабря 1944 г. Из содержания книги приказов видно, что Ц.-Д. Номинханов в отсутствие Н.Г. Доможакова исполнял обязанности директора института. С 1 мая 1946 г. Номинханов был назначен заведующим сектором языка⁴. На новом месте Церен-Дорджи увлеченно занимался проблемами хакасского языка. За четыре с половиной года им написан ряд научных исследований и продолжена работа над темой тюркско-монгольских языковых параллелей⁵. В рукописном фонде ХакНИИЯЛИ хранятся неизданные рукописные работы Ц.-Д. Номинханова, которые, по мнению В.Н. Тугужековой, ждут своих исследователей⁶. Она отмечает значение экспедиционной деятельности ученого-лингвиста и считает, что его экспедиционная работа является положительным примером для молодых исследователей, образцом умения работать с людьми⁷.

Судя по документам, в должности ученого секретаря Ц.-Д. Номинханов проработал до 1947 г. Затем назначаемые сотрудники на этой должности долго не задерживались. В течение двух лет сменилось несколько человек.

В первые годы работы ученым секретарем Ц.-Д. Номинханов часто публиковался в местной газете «Советская Хакасия». Он освещал работу первого заседания Ученого

¹ Очирова Н. Г. Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН: история и современность // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2011. № 1. С. 7.

² РФ ХакНИИЯЛИ. Книга приказов. 1944–1945–1946–1947–1948 гг. г. Абакан.

³ Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (РФ ХакНИИЯЛИ). Личное дело Церен-Дорджи Номинханова. Автобиография.

⁴ Артамонова Н.Я. Первые сотрудники Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. 6. Абакан, 2002. С. 225.

⁵ Там же.

⁶ Тугужекова В.Н. Церен-Дорджи Номинханов и Хакасия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 88.

⁷ Там же.

совета, которое состоялось в конце декабря 1944 г., анализировал состояние научной работы ХакНИИЯЛИ, публиковал сведения о первых научных трудах¹.

За время работы в должности ученого секретаря и старшего научного сотрудника сектора языка руководством института Ц.-Д. Номинханову неоднократно объявлялись благодарности. Так, в связи со «всенародным праздником 31-й годовщины Октябрьской революции» ему была вынесена персональная благодарность². Но в конце 1948–1949 гг. отношение к деятельности Ц.-Д. Номинханова кардинально изменилось. Дело в том, что в конце 1940-х гг. по стране прокатилась новая волна репрессий. Значительная часть интеллигенции обвинялась в космополитизме. Не избежал этого и ХакНИИЯЛИ. В 1948 г. Хакасский ОК ВКП (б) подверг жесткой критике руководство института. В Отчете инструктора обкома партии А.М. Мишурова, а также в докладной записке зав. сектором школ и вузов Ф.С. Аскировой «Об ошибках и недостатках в работе Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» на имя заведующего отделом пропаганды и агитации Хакасского ОК ВКП (б) Д.И. Нагрузова отмечалось, что некоторые сотрудники ХакНИИЯЛИ стоят на «явно космополитической позиции». Научные труды Номинханова «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа» и «Словарь лексических сходжений хакасского и монгольского языков» оценивались как лженаучные. А в работе «К вопросу о развитии долгих гласных в хакасском языке» «протаскивается теория» о монгольском происхождении хакасского народа и его культуры. Правда, следует оговорка в записке, что Номинханов «не делает об этом прямого вывода», «но структурой, содержанием «исследований» настойчиво пытается доказать эту теорию». Далее в докладной записке отмечается, что автор перечисленных работ отрицает самобытность хакасской культуры, подчеркивает влияние на хакасскую культуру Китая, Японии, Египта, Монголии, Финляндии и ничего не говорит о благотворном влиянии культуры русского народа. Некоторые работы написаны на низком научно-теоретическом уровне, безграмотно, небрежно³. Причины этих «ошибок» вытекают, якобы, из того, что некоторые научные сотрудники «слабо владея марксистско-ленинской теорией и методологией, не критически используют буржуазные источники и в своих работах протаскивают буржуазные теории»⁴. На заседании бюро ОК ВКП (б) Ц.-Д. Номинханов был выведен из состава Ученого совета института⁵. Выписка из приказа по научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории от 1 марта 1949 г. гласит:

«Зав. сектором, к.ф.н. Номинханов Церен-Доржи на протяжении работы в институте, с октября 1944 г. как кандидат наук, имея солидный стаж научной работы, в области исследования актуальных вопросов хакасского языка ничего не сделал. В имеющихся его работах (рукописях) имеют место серьезные ошибки»⁶. Ц.-Д. Номинханов 1 марта 1949 г. был отстранен от работы в институте.

В 1949 г. его пригласили преподавать в Казахский университет им. С.М. Кирова⁷. Работа в этом вузе оказалась плодотворной и интересной. За период его пребывания в университете было подготовлено поколение молодых ученых по древнетюркским

¹ Номинханов Ц.-Д. Первое заседание Ученого Совета ХакНИИЯЛИ // Советская Хакасия. 1944. 29 дек.; Номинханов Ц.-Д. Научная работа в 1945 году // Советская Хакасия. 1945. 24 янв.

² РФ ХакНИИЯЛИ. Книга приказов. 1944–1945–1946–1947–1948 гг. г. Абакан.

³ Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 1401. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 1–3, 4, 5.

⁶ РФ ХакНИИЯЛИ. Книга приказов. 1944–1945–1946–1947–1948 гг. г. Абакан.

⁷ Борликов Г.М., Паршин В.А. Ученые – Калмыкии (Роль отечественных и зарубежных ученых в развитии Калмыкии). Элиста, 2000. С. 84.

памятникам. Работая в университете, Номинханов поддерживал постоянную связь с Казахской АН. В дальнейшем он перешел туда на постоянную работу.

В 1960 г. Номинханов возвратился на родину и всю оставшуюся жизнь трудился в секторе языкознания Калмыцкого НИИЯЛИ. Он продолжал исследовать проблему взаимодействия тюркских и монгольских языков. По результатам трудов, которые получили высокую оценку в АН Казахской ССР, 2 апреля 1966 г. ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук. Таким образом, Церен-Дорджи Номинханов стал первым советским ученым Калмыкии¹.

Судьба Ц.-Д. Номинханов является типичной для ученых-калмыков, подвергшихся депортации по национальному признаку. Но он, как и его земляки, всегда сохранял живую мотивацию к науке и научной работе, где бы ни проживал и в каких условиях не находился. Хакасский период жизни Ц.-Д. Номинханова был коротким. Будучи первым ученым секретарем Ученого совета ХакНИИЯЛИ, он в определенной мере способствовал формированию интеллектуального потенциала научного учреждения. В Абаканском педагогическом институте Хакасской автономной обл. он приобрел навыки преподавательской работы. Кампания по борьбе с космополитизмом круто изменила судьбу ученого. По сути, начался новый период его научно-педагогической и научной работы.

Источники и литература

1. Артамонова Н.Я. Первые сотрудники Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. 6. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2002. С. 224–229.
2. Баянова А.Т. Фонд Церен-Дорджи Номинханова в научной библиотеке КИГИ РАН // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 90–91.
3. Борликов Г.М., Паршин В.А. Ученые – Калмыкии (Роль отечественных и зарубежных ученых в развитии Калмыкии). Элиста: АПП «Джангар», 2000. 240 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 2879.
5. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив». Ф. 2. Оп. 1. Д. 1401.
6. Кышпанакоев В.А. Калмыцкие спецпереселенцы в Хакасии // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 40–47.
7. Номинханов Ц.-Д. Первое заседание Ученого Совета ХакНИИЯЛИ // Советская Хакасия. 1944. 29 дек.; Номинханов Ц.-Д. Научная работа в 1945 году // Советская Хакасия. 1945. 24 янв.
8. Норовсамбуу Наранжаргал. Калмыцко-монгольские отношения (1925–1943 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 5. С. 40–44.
9. Очирова Н.Г. Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН: история и современность // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2011. № 1. С. 7–18.
10. Очирова Н.Г. Церен-Дорджи Номинханов (1898–1967 гг.) – первый доктор филологических наук Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 83–86.
11. Постановление СНК СССР № 1432/425сс «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР». URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022136> (дата обращения: 18.05.2019).
12. Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (РФ ХакНИИЯЛИ). Личное дело Церен-Дорджи Номинханова. Автобиография.
13. РФ ХакНИИЯЛИ. Книга приказов. 1944–1945–1946–1947–1948 гг. г. Абакан.
14. Санжеев Г.Д. Учебник монгольского языка (латинизированный). Курс 1–2: В 2 т. / Сост. Г.Д. Санжеев, И.М. Манжигеев, Ц.Д. Номинханов; Под общ. ред. Г.Д. Санжеева; Ин-т востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК Союза ССР. М.: МИВ, 1933.
15. Тугужекова В.Н., Данькина Н.А. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории // 60 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы, истории: ученые записки. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2005. Вып. 22. С. 3–9.
16. Тугужекова В.Н. Церен-Дорджи Номинханов и Хакасия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 87–89.
17. Юбилейное издание. Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. Элиста: Джангар, 2001. 435 с.

¹ Очирова Н.Г. Церен-Дорджи Номинханов (1898–1967 гг.) – первый доктор филологических наук Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 85.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ: РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, СССР, УКРАИНА

Аннотация. В статье рассматриваются социально-исторические и культурные аспекты корейской диаспоры в Украине. На основании проведенного исследования автор показывает, что, несмотря на длительную миграцию, украинские корейцы сохраняют свои культурные традиции. Однако эти традиции утратили свое прежнее религиозное значение и корейцы восприняли третье и четвертое поколения древних национальных традиций.

Ключевые слова: мигранты, диаспора, национальная идентичность, корейская традиция.

Существует много публикаций о корейцах бывшего СССР, но они, как правило, рассматривают в основном азиатские или российские диаспоры. Однако о культуре, религии и традициях корейцев, проживающих в Украине очень мало исследований. Можно выделить несколько работ в этой области, например, статью Д. Кана: «Корейцы в Украине»¹, в которой автор в краткой форме рассказывает об украинских корейцах. Данная статья полезна для первичной информации, но в ней отсутствует глубина исследования, которую мы находим в трудах, посвященных азиатским диаспорам. Например, в ней отсутствует анализ религиозной идентичности украинских корейцев. Возьмем другую работу, донецкого исследователя А. Беликова «Коре сарам: Корейська діаспора в Україні та країнах СНД»². Статья охватывает историю появления первой корейской диаспоры на территории Российской империи с последующей ее депортацией в Среднюю Азию и рассеяние по всему СССР. Однако опять же больше уделяется внимание корейской религии и появлению азиатских диаспор, но о развитии корейской диаспоры в Украине недостаточно исследована. В нашей работе мы рассмотрим переселение первых корейцев в Украину, а также их традицию и культуру.

Корейцы постсоветского пространства в основном являются потомками корейцев, мигрировавших в Россию в 60-х гг. XIX в. в период присоединения Приморья и Приамурья в состав Российской империи и дальнейшее его заселение. В связи с тем, что эти районы были малонаселенными, а желающих перебраться на постоянное местожительство в новые земли было немного, то Российское правительство в 1861 г. приняло законопроект о предоставлении определенных льгот новым поселенцам в Амурской и Приморской обл. Восточной Сибири. Огромные просторы необработанных плодородных земель привлекали корейцев, так как у себя на Родине жизнь простых крестьян, которые составляли подавляющее большинство первых иммигрантов, была тяжелой. Как отмечает А. Ланьков, к 1880 г. на территории Приморья существовало 21 корейских поселков с численностью 6 700 чел., а к 1901 г. на территории края уже проживало около 30 тыс. корейцев³. К началу XX в., особенно после японской оккупации Кореи, Приморский край стал главным центром корейской культуры, так как здесь они могли издавать литературу и вести просветительскую деятельность на родном языке. Стоит отметить, что корейские переселенцы в основном говорили на диалекте, присущем северным корейцам, который сильно отличается от литературного южнокорейского языка.

¹ Кан Д.С. Корейцы в Украине. URL: world_lib_ru/k/kim_o_i/dgfsfdhg (дата обращения: 03.05.2019).

² Беликов А.В. Коре сарам: Корейська діаспора в Україні та країнах СНД // А. В. Беликов. Наука. Релігія. Суспільство. № 3. 2006. С. 55–64.

³ Ланьков А. Корейцы СНГ: страницы истории. URL: <http://vestnik.tripod.com/articles/koryoin.html> (дата обращения: 03.05.2019).

После окончания гражданской войны на Дальнем Востоке советское правительство полностью закрыло границу с Кореей и Китаем, что затруднило нелегальную иммиграцию из этих стран. С этого периода, где-то к 1930-м гг., корейская община уже не пополнялась своими соотечественниками, а ее связь с исторической родиной оборвалась. К тому же корейцев стали воспринимать как агентов Японии. Здесь важно напомнить, что из-за японской оккупации Корейского полуострова, корейцы в Советском Союзе стали ассоциироваться с японцами, поэтому в них видели образ врага, так как еще живо было в памяти поражение под Порт-Артуром. В этих условиях к корейцам, проживающим на Дальнем Востоке, стали относиться с подозрением, что в дальнейшем привело к их депортации. Как отмечает Г. Кан, масштабную причину депортации нужно искать в том, «что советские корейцы стали заложниками дальневосточной политики СССР...»¹. Депортация корейцев из приграничных районов Дальневосточного края в Среднюю Азию, преимущественно в Казахстан и Узбекистан, началась в 1937 г. Учитывая, что депортация большинства народов в Советском Союзе происходила в 1941–1944-х гг., то корейцев можно считать одним из первых «репрессированных народов» на территории СССР. Однако, в отличие от других депортированных народов, корейцы могли занимать руководящие должности и учиться в высших учебных заведениях.

В Средней Азии добродушно приняли новых поселенцев на своей земле. Возможно, это связано с тем, что в истории народов Средней Азии есть периоды, когда на ее территории процветала буддийская культура, а не ислам, появившийся здесь намного позже. Рассматривая религиозную картину Корейского полуострова, нужно отметить особую роль буддизма, оказавшего влияние на образ жизни корейского народа, поэтому одну из причин теплого приема новых поселенцев можно объяснить исторической связью народов Средней Азии с культурой своих предков. Другая причина лежала в практической плоскости. Дело в том, что в 20–30-х гг. XX столетия советское правительство пыталось на территории Узбекистана выращивать рис, но не хватало специалистов в этой области. Возможно, дело здесь не в отсутствии специалистов, а в культуре выращивания риса. Выращивание риса – это сложный процесс, требующий больших затрат и усилий, когда необходимо делать однообразные движения, долго находясь не в самых легких условиях. Поэтому прибывшие корейцы, которым была знакома трудовая этика, основанная на терпении, усердии и способности не уставать от однообразных движений, сразу нашли себе работу в этой отрасли сельского хозяйства, а за их трудолюбие и миролюбие казахи и узбеки отвечали им взаимным доверием. Таким образом, основными занятиями корейцев на новой «родине» первоначально стали рисоводство и овощеводство. Дети переселенцев учились в русских школах, так как родители связывали их будущее с высшим образованием СССР, в результате через одно–два поколения корейцы стали русскоязычными. Так появились советские корейцы или как они себя сами называют – коре сарам, однако в Южной Корее их часто называли сорен сарам (советский человек), подчеркивая принадлежность к Советскому Союзу². Г. Ким, описывая корейцев советской диаспоры, отмечает: «С одной стороны мы, конечно же, корейцы, и у нас много общего с «истинными», «настоящими» корейцами, проживающими на Корейском полуострове и миллионами братьев, рассеянных по всему миру. У нас общие генетические корни, антропологический тип, этническая культура и язык. С другой стороны, нас столь же много и различает от других корейцев: иное прошлое длиной около полутора веков, в котором претерпели изменения и менталитет, и этническое самосознание, и тот же язык, и те же обычаи, и кухня, и даже внешний вид. Говоря, мы – коре сарам, мы подчеркиваем, что мы не хангук сарам (южные корейцы) и не чосон сарам (северные корейцы). Этим мы

¹ Кан Г.В. История корейцев Казахстана / Г.В. Кан. Алматы, 1995. С. 46.

² Ким С. Исповедь сорен сарам – советского человека // Дружба народов. 1989. № 4. С. 188.

показываем, что мы не больше и не меньше корейцы, чем наши собратья на Юге и Севере, мы просто иные корейцы»¹. Стоит подчеркнуть, что быстрый переход на доминирующий язык страны проживания, характерен для корейской диаспоры во всем мире. Еще одно отличие коре сарам от корейцев в других странах, это смешанные браки, что затрудняет точный подсчет потомков переселенных корейцев. Однако опираясь на данные переписи 1959 г., мы можем увидеть общую картину корейского этноса, проживающего на территории Советского Союза. В Узбекистане тогда проживало 44,1 % всех советских корейцев, в Казахстане – 23,6 %. В СССР в 1959 г. было 313 тыс. корейцев, а в 1989 г. уже 439 тыс.² После реабилитации в 1953–1957 гг., когда были отменены административные ограничения, значительная часть корейцев переселилась в разные районы СССР, в основном в центральную часть России и южные районы Украины.

Как мы уже отмечали, корейцев с Приморского края Дальнего Востока переселили в Казахстан и Узбекистан, где они смогли адаптироваться к новым условиям проживания. После реабилитации и отмены ограничений на перемещение за пределы азиатской диаспоры, корейцы начали активно расселяться по всей территории бывшего Советского Союза. Именно в этот период начинается переселение корейцев на территорию Украины. Безусловно, это были не первые корейцы, появившиеся на нашей земле. По словам вице-президента Всеукраинской ассоциации корейцев Н. Варич, в Украине можно было уже в начале прошлого века, еще до депортации 1937 г., встретить корейцев, переселившихся сюда с Дальнего Востока³. Есть корейцы, которые не попали под депортацию и приехали в южные районы Украины в 40-х гг. Впоследствии такие «не депортированные» корейцы участвовали в восстановлении страны после войны 1941–1945 гг. Даже во время запрета, когда без особого разрешения корейцам не разрешалось покидать Среднюю Азию, многим все-таки удавалось покинуть место своего проживания. Корейцы, выдавая себя за узбеков или казахов, переезжали из сельской местности в города в поисках лучшей жизни, а кому-то удавалось перебраться в другие регионы СССР, но это были единичные случаи. Даже после реабилитации в 1953–1957 гг., корейцы не сразу стали массово перебираться в Украину. После хрущевской оттепели, в 1970–1980 гг. корейцы мигрировали в Ростовскую обл., Краснодарский край, а затем в Украину. В первую очередь, они расселялись в южных районах, где занимались сельскохозяйственными подрядами. Это специфический способ занятия овощеводством и бахчеводством, основанный на групповом арендном подряде земли. Данный способ присущ именно советским корейцам, когда они брали в краткосрочную аренду землю для выращивания сельскохозяйственной продукции. Стоит отметить, что такими подрядами часто занимались целыми семьями, и называлось все это «кобончжи», что буквально с корейского можно перевести как занятие чем-либо на арендуемой земле. Первоначально «кобончжи» считалось унижающим достоинство корейцев, как бродячие семейно-бригадные группы. Ведь приходилось жить во временных поселениях или сезонных стоянках и быть зависимым от природно-климатических условий. Однако в дальнейшем отношение к семейным подрядам изменилось не только у самих корейцев, но и у местных жителей. Временные жилища становились более комфортные, а корейцы стали использовать наемный труд. Но в целом «кобончжи» занимались родственные члены семьи, которые вместе проживали и совместно вели домашнее хозяйство на временной стоянке.

Таким образом, определить точную дату появления первых корейцев на Украине практически невозможно. Стоит только отметить, что после реабилитации, они стали

¹ Ким Г.Н. Избранные труды по корееведению / Г. Н. Ким. Алматы, 2013. С. 635.

² Беликов А.В. Коре сарам: Корейська діаспора в Україні та країнах СНД // А.В. Беликов. Наука. Релігія. Суспільство. № 3. 2006. С. 58.

³ Полевые материалы автора. Интервью с вице-президентом Всеукраинской ассоциации корейцев. Киев, 30.08.2014 г.

мигрировать по территории СССР, появившись в южных регионах Украины. Поскольку это были сезонные работы, то после сбора урожая, корейцы возвращались в места постоянного проживания, однако значительная часть оставалась жить в районах сезонных заработков, тем самым увеличивая свое присутствие на Украине. Данная группа корейцев в основном занималась сельским хозяйством, отправляя своих детей получать образование в высшие учебные заведения. Следующий этап появления корейцев, это выпускники ВУЗов, которые остались у нас после получения образования, или прибывшие по направлению на работу из других городов СССР по окончании учебы, и в последующем связавшие свою жизнь с Украиной. Такая картина была присуща многим этносам в бывшем СССР, когда они естественно расселялись на просторах большой страны. Если мы возьмем статистические данные, то получим следующее: согласно переписи населения за 2001 г., в Украине проживало 12 711 корейцев¹. Для сравнения: в 1989 г. их было 8 669, а в 1979 – 6 061². Наибольшее число корейцев находилось в южных регионах Украины: Крым – 2 877, Николаевская обл. – 1 751, Днепропетровская обл. – 1 446, Херсонская обл. – 1 253, Донецкая обл. – 1 124 чел.³. В настоящее время сложно сказать, сколько в Украине проживает этнических корейцев, но в 2012 г. их было более 30 тыс.

До начала 90-х гг. прошлого столетия в Украине не существовало корейских национальных культурных обществ, пока в 1992 г. не образовалась Ассоциация Корейцев Украины, которая сейчас уже имеет свои региональные отделения в разных городах Украины. Спустя три года, в 1995 г. при Киевском Национальном лингвистическом университете было открыто корейское отделение для подготовки специалистов филологов-переводчиков корейского языка, а через год корейское отделение открылось в Киевском Национальном университете им. Т.Г. Шевченко. Важная составляющая любой культуры – это язык. Для украинских корейцев, изучение корейского языка – серьезная проблема, ведь не все могут учиться в вышеназванных учебных заведениях, поэтому его пытаются изучать в воскресных школах, при культурных центрах, или корейских протестантских церквях. Стоит отметить одно достижение корейской диаспоры в этом направлении: в Харьковской общеобразовательной школе № 181 в 1998 г. ввели обязательное изучение корейского языка⁴. Среди всех корейских общин особо стоит выделить крымскую ассоциацию «Коре», созданную в 1995 г., которая является самой активной среди других корейских общин. Она постоянно проводит фестивали корейской культуры, организывает воскресные школы по изучению языка, традиций и обрядов национальной культуры, способствуя развитию крымских корейцев. Так как украинские корейцы в основном занимаются сельским хозяйством, то собрать их вместе в культурных центрах очень сложно. Только зимой, во время празднования нового года по лунному календарю, в некоторых общинах удается собрать значительную часть корейской диаспоры для проведения массовых культурных мероприятий.

Стоит подчеркнуть, что украинские корейцы, невзирая на длительную миграцию, стараются сохранять культурные традиции своих предков. Однако эти традиции сильно видоизменились, утратив свое прежнее религиозное значение, а корейцами третьего–

¹ Україна поліетнічна: інформаційно-бібліографічний покажчик [Упорядники І. Винниченко, Л. Лойко] / ін-т досліджень діаспори. К., 2003. С. 12.

² Статистический сборник. Итоги всесоюзной переписи населения 1979 года. Национальный состав населения СССР. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. М., 1989. С. 4.

³ Україна поліетнічна... С. 20.

⁴ Артюхов М.Н. Религиозная идентичность: консервативный и интеграционный сценарий развития // Россия, Запад, Восток: диалог культур и цивилизаций: Сб. науч. тр. Междунар. науч.-практич. конф. Г. Стерлитамак, 25 октября 2018 г. / Отв. ред. Р.И. Кантимирова, зам. отв. ред. И.И. Явнова. – Стерлитамак, 2018. С. 48–51.

четвертого поколения они воспринимаются как древние национальные обычаи. Китайская культура очень сильно повлияла на формирование мировоззрения корейцев. По силе воздействия она аналогична римской, а затем греческой, оказавшей свое влияние на европейскую культуру. Даже, невзирая на проживание корейцев в диаспоре, их базовые ценности духовной национальной культуры сохранились. Такого культа по отношению к предкам, трудно обнаружить в другом этносе. Например, один из главных корейских праздников – Чхусок (кор. 추석), отмечаемый в 15-й день 8-го месяца по лунному календарю, когда все собираются в кругу семьи, чтобы поблагодарить предков за хороший урожай¹. В этот день посещают могилы предков, тем самым проявляют почитательность и уважение к ним. Дома в кругу семьи проводят церемонии приношения духам предков, ведь считалось, что после смерти предки также становились духами, которым можно было молиться. В Корее это большой праздник, когда по всей стране проводятся разнообразные культурные мероприятия, и соответственно большинство коммерческих и государственных учреждений не работает. В диаспорах этот праздник отмечают по-разному, все зависит от региона, где находится диаспора. Однако в отличие от азиатских диаспор, когда на чхусок проводятся концерты, организуют национальные игры, угощают гостей корейскими блюдами, награждают почетными грамотами людей, внесшими вклад в сохранение исторических традиций и т. д., в Украине он празднуется не так ярко. Обычно его отмечают в кругу семьи, вспоминая своих предков, и просят у них обильного урожая в следующем году. Здесь важно отметить, что если родители сохранили традицию этого праздника, то потомки еще поддерживают его в своей повседневной жизни, но в основном его отмечают не так масштабно, как в азиатских регионах, тем более в Корее. А вот новый год по лунному календарю украинская диаспора отмечает более ярко, чем чхусок. Обычно корейцы собираются в своих культурных центрах, где проводят праздничные мероприятия (поют корейские песни, играют в «ют»). Например, в Киеве уже более 10-ти лет существует ансамбль традиционных корейских танцев «Торади», исполняющий национальные песни и танцы, постоянно участвующий в разнообразной праздничной программе². Если у украинских корейцев нет возможности организовать культурную часть праздника, то они обязательно соберутся дома в кругу семьи за праздничным столом.

Еще одна важная черта корейцев, которая сохранилась даже в диаспоре – это почитательность к старшим. Чувство почитательности по отношению к старшим настолько глубоко в каждом представителе корейской нации, что проявляется порой бессознательно. Мы не раз отмечали важную роль конфуцианства в повседневной жизни корейцев, основанную на почитании родителей, верности государю (императору, королю), подчинения младшего старшему, жены мужу. Идея почитания пронизывала все корейское общество и формировала модель государства. Отсюда идет изречение, что прежде чем управлять страной, человек должен хорошо управлять своей семьей, т. е. уметь решать собственные семейные проблемы. Поэтому обычно корейские семьи более сплоченные и мобильные, чем у представителей других этносов, когда вся семья может прийти на помощь своему родственнику, оказавшемуся в затруднительной ситуации. По возможности украинские корейцы собираются в доме у самых старших представителей своей семьи на самых важных национальных праздниках, о которых мы уже упоминали. Однако в последнее время собрать всех вместе не всегда удается, но, тем

¹ Артюхов М.Н. Корейская диаспора в Украине: фокус на социально-исторических аспектах // Модернізація соціогуманітарного простору: історичний досвід, виклики та перспективи. Збірка матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю. Житомир-Вінниця, 14–15 травня 2015 р. С. 14–16.

² Артюхов М.Н. Религиозная идентичность корейской диаспоры в Украине // Virtus, scientific journal. 2014. 1, December, С. 15–19.

не менее, эта традиция сохраняется. Находясь даже вдали от своей родины, в другой культурной среде, корейцы стараются поддерживать традиции своих предков. Возникает вопрос, возможна ли полная ассимиляция корейцев в Украине? На этот вопрос невозможно дать однозначный ответ. Скорей всего ответ будет «нет», чем «да». Корейские фамилии и особые черты лица всегда будут напоминать им, что они являются коре сарам, а не украинцами или русскими. Есть еще одна причина, не позволяющая забыть свои корни, это своеобразные корейские традиции, которые передаются из поколения в поколение.

Источники и литература

1. Артюхов М.Н. Корейская диаспора в Украине: фокус на социально-исторических аспектах // Модернізація соціогуманітарного простору: історичний досвід, виклики та перспективи. Збірка матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю. Житомир-Вінниця, 14–15 травня 2015 р. С. 14–16.
2. Артюхов М.Н. Религиозная идентичность: консервативный и интеграционный сценарий развития // Россия, Запад, Восток: диалог культур и цивилизаций: Сб. науч. тр. Междунар. науч.-практич. конф. г. Стерлитамак, 25 октября 2018 г. / Отв. ред. Р.И. Кантимирова, зам. отв. ред. И.И. Явнова. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 48–51.
3. Артюхов М.Н. Религиозная идентичность корейской диаспоры в Украине // Virtus, scientific journal. 2014. 1, December, С. 15–19.
4. Беликов А.В. Коре сарам: Корейська діаспора в Україні та країнах СНД // А.В. Беликов. Наука. Релігія. Суспільство. № 3. 2006. С. 55–64.
5. Кан Д.С. Корейцы в Украине. URL: world_lib_ru/k/kim_o_i/dgfsfdhg (дата обращения: 03.05.2019).
6. Кан Г.В. История корейцев Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 208 с.
7. Ким С. Исповедь сорен сарам – советского человека // Дружба народов. 1989. № 4. С. 168–195.
8. Ким Г.Н. Избранные труды по корееведению. Алматы: КазНУ, 2013. 766 с.
9. Ланьков А. Корейцы СНГ: страницы истории. URL: <http://vestnik.tripod.com/articles/koryoin.html> (дата обращения: 03.05.2019).
10. Полевые материалы автора. Интервью с вице-президентом Всеукраинской ассоциации корейцев. Киев, 30.08.2014 г.
11. Статистический сборник. Итоги всесоюзной переписи населения 1979 года. Национальный состав населения СССР. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку. М., 1989. Т. 6. Ч. 1. Кн. 2. 280 с.
12. Україна поліетнічна: інформаційно-бібліографічний покажчик [Упорядники І. Винниченко, Л. Лойко] / ін-т досліджень діаспори. К.: Геопрінт, 2003. 108 с.

РАЗВИТИЕ АРЕНДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация. В статье проводится анализ арендных отношений во второй половине XIX в. на Северном Кавказе. Рассматривается и дается характеристика основным формам арендных отношений. Из статьи можно узнать от чего зависела цена арендуемой земли. Даются сведения о доходности земли. Внимание уделяется социально-экономическому развитию Северного Кавказа и связанному с ним началу капиталистической перестройке сельского хозяйства, затрагивается политика царской России в отношении земельного фонда Северного Кавказа.

Ключевые слова: арендные отношения, Северный Кавказ, горские народы, формы аренды, капиталистическая перестройка на Центральном Кавказе, доходность земли.

В середине XIX в. Центральный Кавказ представлял собой малозаселенный регион страны, где шла усиленная колонизация. Политика царизма в земельном вопросе проявлялась в насаждении надельного, прежде всего казачьего, землепользования и крупного частного землевладения.

Преобладающей формой землепользования являлась общинно-надельная. В начале 80-х гг. XIX в. в Терской обл. из 5 617 715 дес. все площади надельные земли составляли 60,5 %, частные – 9,7, казенные 9,6, да еще неизмеренные, вычисленные приблизительно – 17,2 %. Из 14 млн дес. земельной площади степного Предкавказья на долю надельной земли приходилось 82,4 % – самый высокий процент из всех губерний Европейской России, частного владения – 14, казенных и удельных земель – 2,7 %. Названные категории землевладения являлись основным объектом аренды, условия эксплуатации которого определяли характер арендных отношений. Земельный арендный фонд Северного Кавказа был велик. Он составлял 7–7,5 млн дес. – более половины пригодной для ведения сельского хозяйства земли¹.

Царизм установил строгий контроль над арендой надельных им казенных земель, назначал сроки, условия хозяйственного использования, размеры залогов и предварительной платы, цены аренды. Все надельные, казенные, да и большинство частных земель сдавались в аренду крупными участками в сотни и тыс. дес. с обязательным внесением залога и уплаты вперед от $\frac{1}{3}$ до половины годовой цены аренды, что отвечало интересам зажиточных верхов населения и шло в ущерб интересам масс трудового крепостничества. Политика правительства в вопросах аренды сказывалась и на размерах арендных цен.

Быстрый процесс колонизации Северного Кавказа с конца 70-х гг. XIX в., втягивание его в систему капиталистического развития России, увеличение спроса на северокавказское зерно и продукты скотоводства привели к неуклонному и быстрому повышению арендных цен на землю. Интенсивный рост цен в конце XIX – начале XX в. отмечали все официальные и неофициальные источники, в частности материалы Абрамовской комиссии.

Как правило, арендная цена зависела от качества земли, расположении земельного участка относительно крупных населенных пунктов, железных дорог, водных путей, размера арендуемой площади, наличия водоемов, от спроса и предложений, хозяйственного вида (посев определенной культуры, сенокос или пастбище) и срока аренды. В Терской обл. в связи с особенностями землевладения и землепользования, сложностью социальных и национальных отношений цена аренды зависела также и от

¹ Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1984. С. 8.

сословной, социальной и национальной принадлежности арендатора. Горское население и при определении арендных цен находилось в самом невыгодном положении – для него обычно устанавливались цены выше, чем для остального населения.

Так во Владикавказском округе горское население Дигорского, Алагирского, Куртатинского и др. ущелий снимает в арендное содержание земли частных владельцев и юртовые наделы. Первые снимаются непосредственно у самих владельцев, а вторые преимущественно у подрядчиков, которые оптом занимают землю у станичных обществ и затем от себя, сдают уже горцам – осетинам. О цене аренды представление нам дает следующая таблица¹:

Таблица 1

Цена земли за 1 дес. (в руб.)²

	земли частных владельцев	земли, взятые с подряда
сенокосной	1,2–2	2,5
пахотной (под кукурузу)	3,5	3,5–6
пахотной (под просо)	5–8	до 12
за усадебное место (где нет своей земли)	3	

Из данных таблицы видно, что, брать в аренду земли у частных лиц намного было выгоднее. Но это было не всегда возможно. Более высокие цены для горцев устанавливала так же царская администрация при сдаче в аренду, прежде всего казенных земель.

В марте 1867 г. Штаб Кавказского военного округа утвердил цены на войсковые запасные и казенные земли в горских округах по представлению Кубанского областного правления. Цена аренды под посев была установлена в таком размере; за дес. целины – 3 руб., за второй посев – 1,5; за третий – 0,75 руб.³

Потребность горского населения обеих областей в аренде пахотных земель была незаурядно высока. Она обуславливалась не только необходимостью в хлебе, как значимом продукте питания, но и тем, что в плоскостных районах зерно делалось главным товарным продуктом сельского хозяйства. Развитие хозяйства в этих районах характеризовалось повышением товарного земледелия, его приспособлениям к потребностям российского и мирового рынков. Все большее распространение получали посевы озимой пшеницы и кукурузы, посевы подсолнечника, картофеля, табака, поступавших большей частью на рынок. Однако не у всех горских народов аренда пахотных земель могла получить большие размеры. Карачаевцы, балкарцы, некоторые чеченские и ингушские аулы, расположенные далеко от плоскостных земель, не имели такой аренды. Отдаленность многих аулов при отсутствии дорог, зимой нередко и вьючных троп, являлось тормозом в аренде земли под посев. Жители этих аулов предпочитали покупать хлеб, а чаще обходились без него. Даже в конце XIX – начале XX в. хлеб был у них большой редкостью.

Арендаторами пахотных земель являлись аулы горной полосы, примыкавшие к плоскости, а также малоземельные и безземельные жители плоскостных аулов. К концу XIX – началу XX в. аренда пахотных земель горским населением получила очень широкое распространение, чему способствовало общее развитие товарного земледелия в Предкавказье, возросшее расслоение горского крестьянства и обострение его земельной нужды. Характер земельной аренды (продуктовой, мелкотоварной, предпринимательской)

¹ Терский календарь на 1891. Владикавказ, 1890. С. 168.

² Там же.

³ Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1984. С. 18.

определялся уровнем социально-экономического развития горского общества, состоянием землевладения и землепользования, зависел также и от доходности земли. Наиболее полные сведения о доходности пахотных и других земельных угодий, а также общей доходности земли по округам дают материалы податных инспекторов. Доходность земли определялась для обложения ее владельцев государственным поземельным налогом, а сельских общин – государственной оброчной податью. Сведения имеются по всем горским округам и отделам.

В Сунженском отделе на 1904–1906 гг. доходность 52 584,25 дес. частновладельческих земель, подлежащих обложению, была определена в размере 413 571 руб. – по 8 руб. 20 коп. с дес.; это высокий доход, но частные земли были лучшими по качеству и сдавались преимущественно в аренду под сенокос и пахоту. 182 селения Владикавказского округа имели 139 763 дес. земли, доход с нее определен в сумме 439 487 руб. 20 коп. – по 3 руб. 15 коп. с дес.¹ Это тоже высокий доход, если учесть, что в горной полосе преобладали малопродуктивные земли.

Земли III полосы Сунженского податного округа (горных ингушей) податной инспектор предлагал полностью освободить податей ввиду низкой доходности: десятина пахотной и сенокосной земли давала 50 коп. дохода, а земли на площади 29 707 дес. были неудобные и безродные»².

Таблица 2

Сведения о доходности десятины земли в 1912 г. (в руб.)³

Округ, отдел	На плоскости	В горной полосе
Нальчикский	5–10	Менее руб.
Владикавказский	1–6	Менее руб.
Грозненский	0,5–3	Менее руб.
Веденский	–	0,6–4 (в большинстве – менее руб.)
Хасавюртовский	1–5	–
Кизлярский	1–6	–
Пятигорский	4–7	–
Моздокский	3–4	–

Это свидетельствует о том, что доходность земли в целом была ниже арендных цен, выплачиваемых горскими крестьянами-арендаторами. Более того, расходы на обработку десятины основных исконных сельскохозяйственных культур (кукурузы, пшеницы, ячменя) во многих районах или равнялись, или даже превышали доход, что делало земледелие убыточным. Особенно большое несоответствие расходов по обработке десятины получаемым доходом было в горной полосе. Даже на лучших плоскостных землях земледелие или не давало чистого дохода, размер его был ниже арендных цен. В плоскостных селениях Владикавказского и Назрановского округов расходы на обработку десятины кукурузы и получаемый доход, по сведениям податных штатных инспекторов за 1909–1911 гг., представлены в следующем виде⁴:

¹ Тепцов В.Я По истокам Кубани и Терека. Тифлис, 1892. С. 164.

² Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1984. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же.

**Доходность земли во Владикавказском и Назрановском округах
в 1909–1911 гг. (в руб.)**

	Расход	Доход
Распашка	8	–
Боронование	2	–
Семена	3	–
посев и заделка семян	3	–
Мотыженое	12	Кукурузы 120 пудов (по 50 коп. за пуд)
трехразовое боронование	6	
Уборка	8	Солома 100 пудов (по 5 коп. за пуд)
Свозка	6	–
молотьба	4	–
Всего	52	65

В итоге получается 13 руб. прибыли, которая никак не выше арендной платы. Но при этом следует учесть следующие обстоятельства: во-первых, в доход учитывается стоимость стеблей и кукурузы, продукт, необходимый в хозяйстве горца-крестьянина, но горцы на арендованной земле, за небольшим исключением, хозяйства не вели, а рыночная стоимость стеблей не оправдывала расходов на продажу (перевозку до рынка), поэтому в большинстве случаев стоимость стеблей из доходов следует высчитывать. Во-вторых, урожай свой горцы-арендаторы, особенно жители горной полосы, чаще всего реализовывали осенью, когда цены на кукурузу самые низкие, ниже среднегодовых на 10–15 %. В-третьих, засуха, град, саранча часто наносили большой ущерб посевам, далеко не всегда удавалось получить средний урожай. В итоге доход посева кукурузы почти равнялся расходам на ее обработку. Аналогичным было положение и с доходностью посадок картофеля Назрановском и Сунженском округах¹:

Таблица 4

Доходность посадки картофеля в Назрановском и Сунженском округах (в руб.)

	Расход	Доход
Двукратная распашка	14	–
Посадка	6	–
Картофель для посадки	6	–
Уборка	10	400 пудов картофеля по 15 коп. за пуд
Перевозка	12	
Всего	48	60

Чистая прибыль составила 12 руб., но здесь не учтены расходы на двух- или трехразовую прополку – 8–10 руб., и тогда даже без учета расходов на удобрение поля навозом прибыль составит 2–4 руб. Арендные же цены за землю под картофель составили около 20 руб. Большие расходы на обработку полей объяснялись слабой обеспеченностью техникой: все работы велись вручную.

Низкая доходность и высокие арендные цены делали невозможной в широких размерах предпринимательскую аренду пахотных земель. Это положение подтверждается

¹ Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1984. С. 22.

и тем, что сохранившиеся источники по аграрной истории горских народов не дают сведений о значительном распространении предпринимательской аренды пахотных земель. Немного имеется и указаний на аренду пахотных земель крупными участками (в десятки или сотни дес.). Если же в некоторых сохранившихся документах говорится о такой аренде, то одновременно в них или прямо сказано, что арендатор затем пересдает участок по частям в субаренду, или же такая передача вытекает из условий аренды.

Например, в Сунженском отделе горское ингушское население нанимает землю, преимущественно от подрядчиков, по рр. Сунже, Камбалеевке и др. Десятина пахоты под кукурузу арендуется за 3–6 руб., а сенокоса – за 2–4 руб. Кроме того, часть земли арендуется за половину урожая¹.

Чтобы избежать посредников в аренде, безземельные и малоземельные горские семьи создавали своеобразные товарищества – арендовали крупный участок земли, затем делили его пропорционально сумме, внесенной каждым членом товарищества. При наличии подобной аренды трудно установить, является ли арендатор доверенным или частным лицом, т. е. имеем ли мы дело с мелкокрестьянской или спекулятивной арендой, – доверенные товарищества заключали договор об аренде как частные лица.

В общем, у горского населения превалировала мелкокрестьянская, мелкотоварная и продуктовая аренда пахотных земель. Несмотря на тяжелые условия, убыточный характер, аренда пахотных земель получила широкое распространение у осетинского, ингушского и чеченского крестьянства. Слабее она была развита у карачаевцев, кабардинцев, балкарцев. Все тяготы и убытки ложились на плечи трудовых масс горского населения. Горцы-арендаторы работали больше, но получали от земли меньше, чем даже мелкие крестьяне, владельцы земельных участков. Все издержки при аренде ложились на крестьян-арендаторов. Лишь безысходная нужда заставляла горцев арендовать земли на столь тяжелых и невыгодных условиях.

Мелкокрестьянская аренда могла существовать только за счет снижения материального уровня жизни горцев – мелких арендаторов. Податной инспектор Владикавказского округа писал об условиях жизни и ведения хозяйства горскими крестьянами: «Можно с уверенностью сказать, что население Нагорной полосы свод концы с концами в своем хозяйственном бюджете лишь благодаря крайней бережливости, а также хроническому недоеданию, так как основой питания является здесь главным образом кукурузный хлеб и сыворотка, более питательные продукты – сыр и масло являются и главными предметами сбыта. Доходы от скотоводства не могут быть велики по своим размерам и уходят почти целиком на уплату аренды за земли, снимаемые на плоскости под посев кукурузы. Дань эта, уплачиваемая населению, живущему на плоскости, главным образом казакам сунженских станиц, в виде аренды за пахотную землю, составляет в общем, около 60 тыс. руб., т. к. каждое мало-мальски обеспеченное наличием рабочих рук. Хозяйство-двор обязательно арендует на плоскости от 1 до 2 д. земли, уплачивая за нее от 10 до 15 руб. за десятину»². В этом мы видим и подтверждение массового распространения мелкокрестьянской продуктовой аренды, которая возможна в условиях, когда существует чрезвычайно низкий уровень потребления горских крестьян-арендаторов.

Аренда горским крестьянством пахотных земель, как уже отмечалось выше, носила в основе продовольственный и мелкотоварный характер и вызвана была, прежде всего, потребностями семьи в продуктах питания. Поскольку кукуруза давала наиболее высокие урожаи, во многих горских округах Терской обл. под ее посевами была занята большая часть пахотных земель, в том числе и находящихся в аренде; почти никакого севооборота

¹ Терский календарь на 1891. Владикавказ, 1890. С. 168.

² Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1984. С. 24.

не было. Однако значительная часть урожая поступала на рынок; не редко это были не товарные излишки, а необходимый продукт семьи горца. «Он должен по необходимости, в ущерб питания семьи, малых деток, значительную часть молока, мяса и пшеницы относить на рынок и превращать в деньги», – утверждает А.Г. Ардасенов¹.

В конце XIX в. ²/₃ собранной в Северной Осетии кукурузы поступало на рынок. Определить какую долю товарной продукции поставляли арендаторы, не представляется возможным; мы не можем определить и долю посевов кукурузы на арендованной земле к общей площади, занятой под этой культурой. Но широкое распространение аренды под посевы зерновых культур позволяет говорить о значительной роли арендаторов в поставках товарного зерна.

Большой спрос на аренду пахотных земель предъявляло и горское население, проживающее на плоскости: у большинства аулов пашни было недостаточно, к тому же вначале XX в. в плоскостных аулах оказалось много временно проживающих. Жители с. Христианского, например, арендовали 10 тыс. дес. земли, из которых 4 тыс. находилось под пашней². Аренда пахотных земель играла исключительно важную роль в экономике горского населения, она имела большое значение для всего горского народа Терской обл., за исключением карачаевцев и балкарцев. В аренде пахотных земель преобладала мелкокрестьянская, продовольственная и мелкотоварная аренда. Главной особенностью являлось, прежде всего, огромное значение земельной аренды в жизни горского населения, ее исключительно широкое распространение. Земледельческая аренда получила распространение и в равнинных, и в предгорных районах, особенно в прилегающих к железной дороге: имелся широкий рынок сбыта продукции земледелия, больше применялись новые орудия труда и приемы ведения хозяйства как результат влияния русского населения.

У горских народов Северного Кавказа имелись все основные формы земельной аренды: продуктовая (наиболее распространенным видом являлся ортак в земледелии и скотоводстве), отработочная, денежная – самая распространенная, особенно в земледелии.

Анализ арендных отношений позволяет сделать вывод о том, что у горских народов Северного Кавказа наступил новый этап социально-экономического развития – началась капиталистическая перестройка сельского хозяйства. В итоге происходили глубокие изменения в общественном строе горского населения.

Источники и литература

1. Ардасенов А.А. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. 41 с.
2. Скитский Б.В. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе: Изв. СОНИИ. 1933. Т. 5. 132 с.
3. Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека. Тифлис, 1892. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1880-1900/Тепцов/text1.htm> (дата обращения: 27.05.2018).
4. Терский календарь на 1891. Владикавказ: Издательство Терского обл. стат. ком., 1890.
5. Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1984.

¹ Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. С. 32.

² Скитский Б.В. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе, 1933. С. 4–5.

РОСТ ПРЕСТУПНОСТИ В БАШКИРИИ В 1960-е гг. В УСЛОВИЯХ ГУМАНИЗАЦИИ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы преступности в Башкирской АССР в 1960-е гг. Исследованы динамика, характер преступлений и меры государственного контроля, направленные против распространения данного негативного явления. Доказано, что непродуманные и преждевременные преобразования, приведшие к излишней гуманизации судебно-правовой системы в начале 1960-х гг., способствовали дальнейшему росту преступности. Дефекты правоохранительной системы не позволили правоохранительным органам сдерживать рост преступности. Социальный контроль над преступностью был нефункциональным, создавая лишь иллюзию контроля и способствуя обострению криминогенной ситуации. Значимым фактором роста девиантных форм поведения, в т. ч. преступности являлись внутренние противоречия советского общества.

Ключевые слова: Башкирия, преступность, правоохранительные органы, судимость, раскрываемость преступлений.

Преступность была одной из «болевых точек» советской системы, вскрывая ее несовершенства самим фактом своего существования. В нормативно-правовой системе и общественном сознании советского социума этот социальный порок, как и другие формы отклоняющегося поведения, считался наследием капиталистического прошлого, сложным, но устранимым явлением. Поэтому постоянное совершенствование методов и форм борьбы с преступностью, стремление обеспечить законность и правопорядок в стране являлись приоритетной государственной задачей.

После смерти Сталина рост преступности в стране усилился последствиями широкой и недифференцированной амнистии уголовных преступников от 23 марта 1953 г. Принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в 1958 г., предопределивших гуманизацию и существенное сокращение сферы действия уголовного закона, привело в 1959 г. к сокращению учтенной преступности на 30,2 %. Принятие новых республиканских кодексов сопровождалось адаптационным синдромом (отсутствие практики нового законодательства, подчеркнуто принципиальное, а нередко и формальное исполнение новых законов органами правоохраны, недостаточная осведомленность граждан о новых законах и т. д.), который привел к росту регистрируемой преступности в 1960 г. на 5,9 %, а в 1961 г. на 34,7 %. В 1962 г. положение не изменилось¹.

В 1960-е гг. преступность продолжила поступательный рост и в Башкирии. В I полугодии 1960 г. в республике было зарегистрировано 2 196 уголовных преступлений, что было на 7,9 % ниже аналогичных показателей предыдущего года. При общем снижении уголовной преступности, произошел рост особо опасных преступлений на 30,6 %, в т. ч. умышленных убийств на 49,2 %, разбойных нападений на 21,8 %, тяжких телесных повреждений на 77,3 %, изнасилований на 32,6 %, краж государственного имущества на 17,7 %, краж личного имущества на 26,5 %, мошенничества на 62,9 %. При этом раскрываемость преступлений снизилась на 3,6 %. Негативным моментом стал рост доли особо опасных преступлений в общей уголовной преступности. Разбойные нападения, умышленные убийства, тяжкие телесные повреждения и изнасилования за 6 месяцев 1959 г. составляли 10,3 % общей преступности, в 1960 г. они возросли до 16,7 %².

¹ Лунеев В.В. Преступность в СССР: основные тенденции и закономерности // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 93.

² Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 47. Д. 239. Л. 53–54.

Гуманизация правоохранительной, законодательной и судебной системы способствовала росту насильственной преступности в Башкирии.

Закрытое письмо ЦК КПСС от 5 ноября 1959 г. «О повышении роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка» и, последовавшие за ним меры, существенно смягчили наказания за совершенные преступления, что в конечном итоге привело к усилению криминогенной ситуации. Данные по судимости за I полугодие 1960 г. показывают, что при сокращении числа осужденных на 50 %, в республике произошел рост преступности в среднем на 30 %. Это стало результатом ослабления борьбы с опасными преступлениями, снисходительного отношения к ним¹. Оно проявлялось в чрезмерном увлечении передачей правоохранительными и административными органами «на поруки» в т. ч. и опасных преступников. Так, за 7 месяцев 1960 г. было предано суду 2 086 чел., а отдано на перевоспитание коллективам 3 096 чел., совершивших преступления².

Осуждая ошибочную политику широкого привлечения к уголовной ответственности лиц, впервые совершивших незначительные преступления, власти требовали применения строгих мер в отношении злостных преступников, не желающих приобщаться к трудовой жизни и всех, кто совершает опасные для общества преступления. Тем не менее, органы милиции, прокуратура и суды республики допускали неправильную передачу на поруки коллективам и в товарищеские суды лиц, совершивших опасные преступления. Ошибочная практика в отношении опасных преступников создавала атмосферу безнаказанности и нарушала принцип советской уголовной политики – неотвратимости наказания за совершенное преступление.

На наш взгляд, в 1960-е – первой половине 1980-х гг. советское общество не было готово к навязанной государством воспитательной функции в отношении преступивших закон граждан, переданных на его попечение. К примеру, только в 1976 г. в республике функционировало 4 961 товарищеских судов, в т. ч. на промышленных предприятиях, стройках и транспорте – 2 008, при жилищных объединениях – 488, в учебных заведениях – 175, в учреждениях и организациях – 586, в совхозах – 374, в колхозах – 675, при сельских Советах – 655³. Однако делегирование государством общественным структурам полномочий исправительно-воспитательного характера не подкреплялось серьезной законодательной базой, механизмами реализации системы мер, направленных на социализацию преступников, безболезненное встраивание их в социальные ниши общества. Перегруженные многочисленными функциями государственные предприятия, организации и учреждения, образовательные структуры не ставили задачи перевоспитания преступников в разряд приоритетных. Поэтому лица, переданные правоохранительными органами «на поруки» советского социума, зачастую оставались за бортом активной полноценной жизни и неизбежно возвращались обратно в криминальную среду.

Если рассматривать статистику преступности в разрезе город–село, то следует отметить, что в начале 1960-х гг. соотношение преступлений было примерно равным. Так, в первом полугодии 1960 г. в г. Уфе было совершено 676 (30,7 %) преступлений, в остальных городах республиканского подчинения – 462 (21,0 %), в сельской местности – 1 058 (48,3 %). Рост преступности был допущен в 24 городах и районах, наиболее значительный в г.г. Стерлитамаке на (46,7 %), Ишимбае (на 55,0 %), Сибее (на 59,1 %), а также в Краснокамском, Туймазинском, Федоровском р-нах. В Аургазинском, Баймакском, Бакалинском, Белокатайском, Гафурийском, Илишевском, Кугарчинском,

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 206. Л. 244–245.

² Там же. Д. 422. Л. 17.

³ Там же. Оп. 190. Д. 348. Л. 7.

Мишкинском, Покровском, Салаватском, Стерлибашевском, Шаранском р-нах не было предупреждено за полгода ни одного уголовного преступления¹.

В крупных городах, в частности, в Уфе умышленные убийства в первом полугодии 1960 г. возросли на 33,4 %, кражи личного имущества – на 25 %, разбой – на 4 %. В Стерлитамаке разбой увеличился в 3 раза, хищения соцсобственности – на 35 %, умышленные убийства – на 20 %, изнасилования – в 3,5 раза, кражи личного имущества – на 54 %. В Салавате только количество убийств возросло в 5 раз, разбой в 2 раза, нанесение тяжких телесных повреждений в 3 раза, кражи личного имущества более чем в 2 раза. Более чем в 2 раза увеличилось число особо опасных преступлений в Учалинском р-не республики, значительно ухудшилось положение с преступностью в Абзелиловском, Аургазинском, Белебеевском, Гафурийском, Дуванском, Краснокамском, Мелеузовском, Хайбуллинском и Чишминском р-нах².

Система превентивных мер, направленных на недопущение преступных деяний, функционировала недостаточно эффективно, что было связано с несовершенством правоохранительной системы. Кадровый дефицит сотрудников милиции, недостаточно квалифицированная оперативно-розыскная, агентурная, профилактическая деятельность способствовали росту преступности. Пассивность, неудовлетворительная работа наружной службы милиции, участковых уполномоченных и рядовых милиционеров, обязанных «в тесном контакте с общественностью обеспечивать личную и имущественную безопасность граждан» была распространенным явлением. Из общего числа участковых уполномоченных 174 чел., или около 40 % не предупредили в 1960 г. ни одного преступления³.

Более углубленную характеристику состояния преступности дает таблица. В ней показан уровень преступности и состояние раскрываемости совершенных преступлений по городам и районам БАССР в 1964 г.⁴

Таблица

Уровень преступности и раскрываемости совершенных преступлений по городам и районам Башкирии в 1964 г.

Наименование городов и районов	Количество совершенных преступлений	Уровень преступности на 10 тыс. населения	Раскрываемость совершенных преступлений в %
Демский р-н г. Уфы	66	22	98,5
Кировский р-н г. Уфы	319	29	95,3
Ленинский р-н г. Уфы	287	28,7	97,9
Советский р-н г. Уфы	263	19,5	95,8
Калининский р-н г. Уфы	313	20,8	97,4
Орджоникидзевский р-н г. Уфы	326	21	96,0
Итого по г. Уфе	1 574	23,7	96,6

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 239. Л. 154.

² Там же. Д. 422. Л. 16.

³ Там же. Д. 238. Л. 289.

⁴ Там же. Оп. 74. Д. 202. Л. 38–40.

Наименование городов и районов	Количество совершенных преступлений	Уровень преступности на 10 тыс. населения	Раскрываемость совершенных преступлений в %
г. Белорецк	124	12,8	96,8
г. Белебей	98	15,3	95,9
г. Нефтекамск	98	27,6	99,0
г. Октябрьский	170	22,7	95,9
г. Салават	304	36,9	95,7
г. Сибай	92	18,8	95,6
г. Стерлитамак	315	21,7	96,2
Итого по городам	1 201	21,4	96,2
г. Бирск и р-н	86	13,9	97,6
г. Ишимбай и р-н	157	15,8	94,9
г. Кумертау и р-н	127	15,5	96,8
г. Туймазы и р-н	148	16,5	96,6
г. Учалы и р-н	77	11,4	93,5
Итого по городам с р-нами	595	14,9	95,9
Итого по сельским р-нам	2 317	11,2	96,8
Всего по республике	5 706	15,3	96,6

Как показывают данные таблицы, уровень преступности в центральных городских Кировском и Ленинском р-нах г. Уфы был довольно значительным, превышая средние по столице показатели, несмотря на общую неплохую раскрываемость преступлений. Заметно превышали средние по городам показатели преступности промышленные центры республики: г. Салават – 36,9 и г. Нефтекамск – 27,6 на 10 тыс. населения. Относительно спокойной была обстановка в г.г. Бирске, Ишимбае, Кумертау, Туймазы и Учалах с прилегающими к ним районами, а также в г.г. Белебее и Сибее.

Село, в отличие от города, показывало более стабильную ситуацию. В целом по сельским районам коэффициент преступности составил 11,2 на 10 тыс. населения, что было ниже среднего по республике показателя в 15,3 раза. В сельской местности наблюдалась наиболее высокая раскрываемость преступлений (таблица).

В разрезе сельских районов республики уровень преступности в 1964 г. также заметно варьировался. Так, к примеру, коэффициент преступности в Белебеевском р-не составил 1, в Кугарчинском – 2,2, в Стерлибашевском – 5,2, в Бижбулякском – 6,5, в Аургазинском – 6,1, в Баймакском и Бакалинском р-нах – 7,1 на 10 тыс. населения. Это были довольно оптимистичные низкие показатели при средних по сельским районам – 11,2 и по республике – 15,3. Ниже средней по селу была преступность в Альшеевском, Аскинском, Белокатайском, Бураевском, Гафурийском, Дюртюлинском, Илишевском, Кармаскалинском, Мечетлинском, Мишкинском, Миякинском, Нуримановском и Чекмагушевском р-нах. Выше среднего по селу уровень преступности, от 11,8 до 15, наблюдался в Абзелиловском, Белорецком, Благовещенском, Давлекановском, Зианчуринском, Караидельском, Салаватском, Уфимском, Хайбуллинском, Чишминском и Янаульском р-нах. Выше среднего по республике был уровень преступности в Калтасинском (17,6), Кигинском (15,8), Мелеузовском (24,9), Стерлитамакском (19,1),

Федоровском (20) районах. Причем раскрываемость преступлений в сельских районах варьировалась от 92,1 до 100 %¹.

Следует отметить, что высокая раскрываемость преступлений, вызывает большие сомнения у некоторых современных исследователей проблем преступности. Анализируя уровень раскрываемости преступлений в 1990-е гг. Я.И. Гилинский приходит к выводу, что вполне реалистичный рост раскрываемости тяжких насильственных преступлений в 1992 г. составлял 47,2 %, в то время как 74,4 % в 1998 г. – это были «явно мифические» показатели. Такой высокий процент раскрываемости мог объясняться регистрацией преимущественно т. н. «очевидных» преступлений и сокрытием от регистрации «неочевидных» преступлений, «глухарей», требующих больших усилий для их раскрытия. Большинство отечественных криминологов также констатировали массовое сокрытие преступлений от регистрации, начавшееся в 1993–1994 гг.² Возьмем на себя смелость предположить, что в 1960-е гг. в Башкирии также официально регистрировались только «очевидные» раскрытые преступления. Причем данное положение касалось всех видов преступлений, а не только особо тяжких, поскольку общая раскрываемость учтенных преступлений от 90 % и выше вызывает сегодня большие сомнения. Кроме того, следует учитывать тот факт, что на следственно-судебную практику существенно влиял курс на искоренение преступности, разработанный Программой КПСС 1961 г. В 1965 г. по СССР было учтено 751 801 преступление. Эти показатели были самыми низкими за все время действия уголовного законодательства 1960-х гг. Коэффициент преступности равнялся 326, а судимости 249 на 100 тыс. населения³. В определенной степени данные тенденции повлияли и на сокращение регистрируемой преступности в Башкирии.

К середине 1960-х гг. в республике наблюдалось сокращение числа учтенных преступлений в целом. В I полугодии 1965 г. было зарегистрировано 4 646 преступлений, что было меньше аналогичного периода 1964 г. на 842 преступления или на 15,3 %. Однако по линии уголовного розыска наблюдался рост числа зарегистрированных преступлений до 2 799, что было больше аналогичного периода предыдущего года на 4,5 %⁴. Кроме того, произошел рост наиболее тяжких преступлений до 1 568 случаев, что превышало аналогичный период прошлого года на 5,5 %. Увеличились кражи личного имущества граждан на 8,4 %, грабежи на 50 %, мошенничество на 73,5 %. Позитивным моментом стало сокращение отдельных видов преступлений, в т. ч. умышленных убийств на 19,7 %, умышленных тяжких телесных повреждений на 27,7 %, краж государственного имущества на 10,2 %. Чуть выше стала общая раскрываемость преступлений – 95,3 %⁵.

Интересным и показательным является анализ социально-классового состава преступников, поскольку он дает некий социальный портрет советского девианта. Среди осужденных представителей рабочего класса было 2 212 чел., почти половина всех судимых. Из них по линии ОУР проходило 1 531, по линии БХСС – 483 чел. Таким образом, около $\frac{2}{3}$ преступлений, совершенных рабочими, относилось к преступлениям чисто уголовного характера, не связанным с хищением государственной или общественной собственности. Среди 837 колхозников, привлеченных к уголовной ответственности за совершенные ими преступления, по ОУР проходило 406 чел., по БХСС – 366 чел., т. е. почти половина осужденных членов сельхозартелей

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 74. Д. 202. Л. 39–40.

² Гилинский Я.И. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. С. 146–147.

³ Лунеев В.В. Преступность в СССР: основные тенденции и закономерности // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 93.

⁴ НА РБ. Ф. 122. Оп. 74. Д. 202. Л. 147.

⁵ Там же. Л. 148–149.

разворовывала «народное добро», либо совершала различные финансовые махинации с общественной собственностью¹.

Интересно, что среди категории служащих (в большей степени, вероятно, представленных «криминализированными» сферой быта и торговли), по ОУР проходило всего 104 чел., а по линии БХСС в 4 раза больше – 424 судимых. Таким образом, здесь преобладала корыстная преступность. Среди учащихся было осуждено 223, из учащихся Министерства просвещения – 117, профтехшкол – 83, техникумов – 13, студентов – 9, причем все по ОУР. Низшие слои советского общества, а именно – тунеядцы – лица, не занимающихся общественно-полезным трудом, и «бомжи» – не имеющие места жительства предстали перед судом в количестве 470 чел., из них по ОУР – 359, по БХСС – 82 чел.² Казалось бы, последние категории населения, в силу специфики, не могли активно вовлекаться в экономические преступления, поскольку не имели широко доступа к государственным и общественным ресурсам. Однако и среди них имелись лица, «схваченные» отделом по борьбе с хищениями социалистической собственности.

Комсомольцы – авангард советской молодежи, также не избежали системы правосудия. Среди членов ВЛКСМ было осуждено 255 чел., причем, в основном «по уголовке» (по ОУР – 206, по БХСС – 32). Среди рецидивистов и ранее судимых осуждено повторно 1 012 (по ОУР – 774, по БХСС – 163) или 21,9 % к общему количеству привлеченных. В первом полугодии 1965 г. 1 399 преступлений было совершено лицами, находящимися в нетрезвом состоянии, что составляло 52,4 % к общему числу раскрытых преступлений по линии уголовного розыска и 757 или 27,0 % преступлений совершено в общественных местах³. Следует вывод, что более половины преступлений, совершенных по линии уголовного розыска относилось к категории «пьяной преступности», а общественные места представляли реальную угрозу жизни и безопасности граждан.

Неудивительно, поскольку пьянство и преступность в нашей стране – это взаимосвязанные и взаимозависимые явления. Пьянство, как распространенная форма девиантного поведения советских людей, в 1960-е гг. стало набирать обороты. В итоге, по СССР в 1966 г. удельный вес осужденных, совершивших отдельные преступления в состоянии опьянения, составил в целом 50,3 % к числу осужденных за данное преступление, за изнасилование – 70,1 %, за хулиганство – 85,0 %⁴.

Интенсивный рост «пьяной преступности» наблюдался и в Башкирии. Почти 90 % всех правонарушений в первом полугодии 1960 г. были совершены людьми в нетрезвом состоянии, в санвытрезвители было доставлено 3 651 чел.⁵ В 1965 г. во все медвытрезвители республики было доставлено 17 457 чел. Причем подвержены этому виду отклоняющегося поведения были все категории и слои советского общества. Из доставленных в вытрезвители 855 чел. являлись членами партии, 843 – комсомольцами, 13 659 – рабочими, 908 – служащими, 431 – колхозниками, 908 – пенсионерами, 38 – студентами, 47 – учащимися техникумов, 72 – профтехучилищ, 29 – школ Министерства просвещения⁶. Рабочий класс являлся наиболее криминализированной частью советского общества.

Имевшее широкое распространение хулиганство требует отдельного изучения, как некий феномен российской действительности. В 1960-е гг. хулиганство было едва ли не самым распространенным видом преступлений, совершаемых советскими гражданами, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы. Так, число лиц,

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 74. Д. 202. Л. 149.

² Там же. Л. 149.

³ Там же. Л. 153.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9492. Оп. 6. Д. 632. Л. 3.

⁵ НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 422. Л. 12.

⁶ Там же. Оп. 74. Д. 202. Л. 153.

привлеченных к уголовной ответственности за хулиганство по РСФСР в 1966 г. насчитывало 184,2 тыс. чел., что составило 236,6 % по отношению к предыдущему году, по СССР – аналогично, 257,3 тыс. чел. или 226,1 %. Коэффициент судимости за хулиганство на 100 тыс. населения составил по РСФСР – 192, по СССР – 149 на 100 тыс. населения¹.

Государственный, административный и общественный контроль над преступностью, система правоохранительных органов, органов юстиции не справлялись с возрастающими темпами роста преступности. Во второй половине 1960-х гг. по-прежнему многие работники милиции и народные судьи «увлекались» передачей дел на мелких хулиганов по месту их работы, взваливая всю ответственность на трудовые коллективы, общественность. Так, в г. Уфе за 6 месяцев 1969 г. из 1 698 направленных милицией материалов судьями было арестовано 1 282 чел. или 75,5 %, а судьи Кировского р-на города подвергли административному аресту только 52,8 % мелких хулиганов, материалы на которых были предоставлены им милицией².

Советская система борьбы с преступностью не соответствовала заявленным задачам. Гуманизация судебно-правовой системы начала 1960-х гг. дала негативный результат – число преступлений различного характера увеличилось. Правоохранительные органы были не в состоянии сдерживать рост преступности, что было связано с несовершенством правоохранительной системы. Социальный контроль над преступностью был нефункциональным, формальным, создавая лишь иллюзию контроля и способствовал обострению криминогенной ситуации.

В среде советских граждан, совершивших преступные деяния, преобладали в основном выходцы из рабочих, затем крестьяне и служащие. Набирающая темпы урбанизация промышленной Башкирии потенцировала рост представителей рабочего класса – выходцев из села, горожан первого поколения. Полумаргинальные группы рабочих становились питательной средой для различных общественных отклонений. Жизнь башкирского села была отягощена тяжелым трудом в общественном секторе, низким уровнем развития социальной инфраструктуры. Низкие профессиональные и культурно-бытовые навыки не способствовали социализации промышленных рабочих, а также колхозного крестьянства, составлявшего подавляющее большинство жителей деревни. Внутренние противоречия советского общества являлись значимым фактором роста преступности и других форм девиантного поведения.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9492. Оп. 6. Д. 632.
2. Гилинский Я.И. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000. 384 с.
3. Лунеев В.В. Преступность в СССР: основные тенденции и закономерности // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 90–97.
4. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 47. Д. 202, 206, 238, 239, 422; Оп. 190. Д. 348.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9492. Оп. 6. Д. 632. Л. 4.

² НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 239. Л. 55.

ИСТОРИЯ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В 1920 И 1923 ГОДАХ

Аннотация. В статье рассматривается история двух первых переписей населения Казахстана, проведенных с установлением Советской власти. Несмотря на трудности голода, большевистского террора и военного коммунизма переписи были проведены на высоком уровне с почти полным охватом населения республики.

Ключевые слова: демографическая ситуация, абсолютная численность населения, этнический состав, естественный прирост, миграционное развитие.

Процесс усиления многонациональности населения и другие тенденции этнодемографического развития Казахстана получили резкий толчок в послеоктябрьский период, за годы Советской власти. Это связано с осуществлением социалистической индустриализации, сплошной коллективизации сельского хозяйства «на основе ликвидации кулачества как класса», страшным голодом тридцатых годов, других социально-экономических экспериментов, последствиями Великой Отечественной войны и освоением целинных и залежных земель. Во всех этих событиях, негативно отразившихся на демографическом развитии казахского народа, отрицательную роль сыграла этнически избирательная миграционная политика коммунистического тоталитарного режима, представлявшая собой «новую» политику, в отличие от политики царизма и капитализма в России.

Руководящего и объединяющего в единый центр государственного статистического органа в Казахстане не было вплоть до 1920 г. Несмотря на то, что 25 июля 1918 г. Председателем СНК РСФСР В.И. Лениным был подписан декрет об образовании ЦСУ РСФСР, вплоть до 1920 г. на территории Казахстана продолжали функционировать разрозненные по различным административно-территориальным единицам статкомитеты, которые также были переподчинены непосредственно ЦСУ РСФСР.

10 июля 1919 г. декретом СНК РСФСР был учрежден Военно-революционный комитет по управлению Киргизским (Казахским) краем, куда вошли только Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская обл. и часть Астраханской губ. В связи с этим было образовано статистическое управление при указанном Кирревкоме на правах его отдела.

Первая советская перепись населения была проведена в августе 1920 г. под эгидой отдела переписей и текущей статистики Высшего Совета народного хозяйства РСФСР. Эта перепись проходила в условиях гражданской войны, большевистского террора и военного коммунизма. Из-за военных действий лишь 72 % населения страны, равно как и Казахстана, были охвачены переписью. Данная перепись отмечалась рядом особенностей: во-первых, она носила характер демографическо-профессиональной, т. к. в ее программе значительное внимание было уделено профессионально-производственным вопросам; во-вторых, впервые с аналогичными переписями других государств переписной формуляр содержал вопрос не только о родном языке, но и о национальной принадлежности.

Перепись 1920 г. проводилась по состоянию на 28 августа. В городах заполнение переписных формуляров производилось методом опроса в течение 7 дней, в сельских местностях – 14 дней, реже – самоисчислением. Учитывались две категории населения: наличное и постоянное.

Личный листок основного формуляра переписи, кроме данных о фамилии и имени, содержал 17 вопросов, которые вместе с подвопросами составили около 30 вопросов, основными из которых были: пол, возраст, национальность, родной язык, гражданство, для иностранцев – подданство, место рождения, продолжительность проживания в месте постоянного проживания, семейное состояние, грамотность, уровень образования, участие

в войнах 1914–1917 и 1918–1920 гг., занятость в сельском хозяйстве, другие занятия (главное и второстепенное, положение в промысле, место работы), профессия, для не имеющих занятие – источник средств существования, способен ли к труду, физические недостатки, наличие психических расстройств.

Первоначальные итоги переписи по отдельным губерниям, уездам, волостям и городским поселениям были опубликованы в пяти выпусках, изданных в 1920–1921 гг. Более полные данные по данной переписи в виде отдельного сборника были опубликованы позднее в 1928 г.

Численность населения Казахстана по переписи 1920 г. составила 5 млн 400 тыс. чел.¹

Одновременно с всеобщей переписью в сентябре–октябре 1920 г. производилась сельскохозяйственная перепись с целью получения дополнительных сведений об изменениях в сельском хозяйстве, происшедших после Октябрьской революции. И эта перепись в силу указанных объективных и субъективных причин не смогла охватить всю территорию страны и, соответственно, не могла располагать полными сведениями. В переписи в основном затрагивались два раздела:

1) фиксация всех сельхозпредприятий: хозяйств, входящих в крестьянские общества; коммун; артелей; совхозов и прочих хозяйств;

2) подворная перепись, которая отмечала сельскохозяйственное население, полевые и приусадебные посеы под культурами, поголовье скота по видам, полу и возрасту, сельскохозяйственный инвентарь, промышленные и торговые заведения, промысловые и подсобные занятия населения и др.²

В ходе проведения первой всеобщей советской переписи на базе территории, находившейся под управлением Кирревкома согласно декрета СНК РСФСР от 26 августа 1920 августа, была образована Киргизская (Казахская) Автономная Социалистическая Республика в составе РСФСР, столицей которой стал г. Оренбург. В связи с образованием Киргизской (Казахской) АССР ее Правительство (СНК) своим постановлением от 8 ноября 1920 г. утвердило «Положение о государственной статистике в Казахской АССР», а статотдел Кирревкома был преобразован в Статистическое управление Казахской АССР и первым его управляющим был утвержден И.П. Крутилин. Согласно этого положения указанное Статуправление было определено высшим статистическим органом в Казахской АССР.

С образованием Казахской АССР удалось объединить часть этнической территории казахов и в составе этого государственного образования, в процессе которого приходилось преодолевать традиционную колонизаторскую политику царизма и русского кулачества и казачества. Так, например, руководства Урала и Сибири выступили против включения в состав Казахской республики Акмолинской, Семипалатинской и Уральской обл., Кустанайского уезда и т. д.³

Эти вопросы неоднократно обсуждались Центральным Комитетом партии и Президиумом ВЦИК, которые поддержали усеченную территориальную целостность Казахстана, а казахскому населению в республике по декрету Каз. ЦИК в 1921 г. были возвращены территории десятиверстной полосы по Иртышу и Уралу, положительно решен и «Кустанайский вопрос»⁴.

¹ Труды ЦСУ. Т. 1. Вып. 3. Предварительные итоги переписи 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. М., 1921. С. 11–12.

² Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 75. Л. 15–16.

³ Нусупбеков А.Н. Объединение казахских земель в Казахской Советской Социалистической республике. Алма-Ата, 1953. С. 64–67.

⁴ ЦГА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 141. Л. 7–9.

На Статистическое управление Казахской АССР возлагалось общее руководство учетом и статистикой, организация общегосударственных статистических работ, утверждение планов и программ статистических обследований, ведение демографической и моральной статистики, а также статистики здравоохранения и санитарии, труда, промышленности и сельского хозяйства, распределения и потребления, выпуск ежегодников и других периодических изданий, сборников и обзоров по отдельным вопросам из экономической и социальной жизни республики. Местные органы Статуправления Казахской АССР были представлены губернскими и уездными статистическими бюро, а также добровольными корреспондентами по статистике на местах.

В начале 1920-х гг. демографическая ситуация была неблагоприятной: во время неурожая и джута (голода) 1921 г. часть крестьян стала стихийно переселяться в РСФСР и на Украину. ЦИК Казахской АССР обратился к крестьянскому населению республики со специальным обращением с целью сдержать отток из республики. Отметим также, что в начале 1920-х гг. из различных районов страны (например, из Саратовской, Астраханской губ.) в Казахстан переселилось или возвращалось не только крестьянское (русское, украинское, мордовское и др.), но и казахское население. В то же время преобладала стихийная миграция в годы восстановления экономики, миграции населения обуславливались комплексом исторических факторов: трудностями экономического порядка и ходом восстановительных процессов в первые годы НЭПа, последствиями неурожая и джута (голода) 1921–1922 гг., результатами земельно-водной реформы, кочевым и полукочевым бытом значительной части казахского населения и др.

Все это требовало изучения демографической ситуации. В связи с этим статистические органы Казахстана уделяли особое внимание подготовке и проведению Всероссийских переписей населения, городской торговой переписи, изучению дела народного образования и ликвидации неграмотности среди взрослого населения, бюджетному исследованию крестьянских хозяйств, исчислению хлебных ресурсов и численности скота по возрастным группам, регистрации и изучению сельского хозяйства в его текущей, повседневной изменчивости (состояние урожайности и валового сбора зерновых и кормовых культур) обеспеченности населения хлебом, учету численности и состава рабочих, и служащих и их заработной платы, учету рыночных цен по главным торговым пунктам республики, обследованию состояния питания сельского и городского населения, подготовке и проведению Всероссийского земельного обследования 1924 г., обработке данных по естественному и механическому движению населения, составлению карт Казахстана и отдельных его регионов, диаграмм и картограмм по отдельным экономическим показателям.

15 марта 1923 г. была проведена первая городская перепись населения, которая была призвана также произвести учет промышленных и торговых учреждений. Население распределено по полу, главным возрастным группам, самостоятельности и занятости. Понятно, что с началом новой экономической политики необходимо было установить полный учет больших и малых предприятий как государственных, так и частных коммерческих учреждений. Последние не спешили платить налоги и пополнять государственный бюджет. Эта перепись проводилась в пору укрепления Советской власти и имела полный географический охват территории СССР, в т. ч. Казахстана. Большую роль в разработке материалов этой переписи сыграл заведующий отделом демографии ЦСУ В. Михайловский.

После образования 17 июня 1923 г. Центрального Статистического управления при Совете Народных Комиссаров СССР (ЦСУ СССР) на правах Народного Комиссариата, всю работу по программно-методологическому руководству важнейшими статистическими работами и постановке статистического учета в СССР взял в свои руки

ЦСУ СССР, что положило начало ведению единого для всей страны статистического учета и отчетности на основе единых принципов, единой методологии и организации. При этом исходили из указаний командно-административной системы о том, что централизованная система учета и статистики в народном хозяйстве страны, является важнейшим рычагом государственного управления и планового руководства развитием народного хозяйства СССР, обеспечивающим якобы строгий контроль за выполнением государственных планов и соблюдением общегосударственных интересов.

Статистические органы Казахстана выполняли возложенные центром все виды статистических работ, как текущего характера, так и исследовательского и аналитического направления. На первый план в их деятельности выдвинулись статистические исследования земли и сельского хозяйства, необходимые для решения проблемы перевода кочевников на оседлость, систематические исследования хозяйств местного населения. Эти работы зачастую выполнялись экспедиционным способом изучения объектов исследования.

Источники и литература

1. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 года. Ч. II. Население городов Союза ССР по занятиям. Распределение городского населения по главным отраслям труда. М., 1925. 118 с.
2. Нусупбеков А.Н. Объединение казахских земель в Казахской Советской Социалистической республике. Алма-Ата: АН КазССР, 1953. 98 с.
3. Труды ЦСУ. Т. 1. Вып. 3. Предварительные итоги переписи 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. М., 1921. 19 с.
4. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 42. Оп. 1. Д. 75, 141.

НЕКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ А.П. ЧУЛОШНИКОВА И М.К. ЛЮБАВСКОГО ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. Разнообразные документы, относящиеся к научно-исследовательской деятельности Александра Петровича Чулошникова в 30-х гг. XX в. сохранились в фонде личного происхождения историка в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН. Главным образом, они представлены рукописными и машинописными копиями архивных документов, подготовленных им для многотомной публикации «Материалов по истории Башкирской АССР». Среди них нами обнаружен и впервые вводится в научный оборот рукописный вариант отзыва А.П. Чулошникова о сборнике документов «Выборы депутатов в Екатерининскую комиссию 1767 г. и данные им от различных национально-сословных групп населения наказы», составленном М.К. Любавским в период его пребывания в уфимской ссылке. Труд Матвея Кузьмича не был рекомендован к изданию. Причина, очевидно, кроется в политической обстановке 30-х гг. прошлого века, а не в личной или профессиональной мотивации рецензента.

Ключевые слова: А.П. Чулошников, М.К. Любавский, Екатерининская комиссия 1767 г., архивные документы, фонды личного происхождения.

В отечественной историографии 20–60-е гг. XX в. характеризуются началом комплексного изучения истории народов бывшей имперской России. Основные усилия советских ученых были направлены на выявление и публикацию исторических источников, главным образом, по истории классовой борьбы и национально-освободительного движения.

В Башкирии эта работа проводилась параллельно Башкирским Научно-исследовательским институтом национальной культуры (БашНИИНК), который был создан в 1932 г., и по плану Историко-археографического института Академии наук СССР в рамках подготовки материалов по истории народов СССР. И в том и в другом научном учреждении изучением истории Башкортостана и башкирского народа занимались выдающиеся ученые-историки¹.

Большую роль в поисках и публикации архивных документов по истории народов СССР сыграл сотрудник Историко-археографического института Академии наук СССР А.П. Чулошников. К выявлению и сбору источников по истории Башкортостана Александр Петрович приступил в 1930 г., с первых дней своей работы в составе Археографической комиссии, которая впоследствии была преобразована в Историко-археографический институт, а затем в Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Им было выявлено огромное количество архивных документов, имеющих отношение к башкирским восстаниям и социально-экономическому развитию башкирского общества. В 1936 г. часть из них была опубликована в сборнике документов «Материалы по истории Башкирской АССР»². Основным принципом при подборе материала для издания являлось «стремление представить по возможности все этапы революционной борьбы башкирского народа против феодально-крепостнического гнета царской России в XVII и первой половине XVIII в.»³. Несмотря на узкую тематическую направленность поставленных задач – представить все этапы революционной борьбы башкирского народа против феодально-крепостнического гнета царской России –

¹ Буканова Р.Г. История Башкортостана в советской историографии 20–60-х годов XX века // Проблемы Востоковедения. 2009. № 2. С. 56–62.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / Отв. ред. А.П. Чулошников. М.: Л., 1936.

³ Там же. С. 66–67.

учеными Историко-археографического института было положено начало формированию документальной базы для всестороннего исследования истории Башкортостана.

В развитие исторической науки в самой республике большой вклад внес выдающийся русский историк, академик М.К. Любавский. Он был сослан в Уфу в связи с т. н. «Академическим делом» – политическим процессом, сфабрикованным советской властью в 1929–1931 гг. против известных ученых-историков и академиков. В 1931 г. Матвей Кузьмич был трудоустроен научным сотрудником социально-культурного отдела БНИИ, преобразованного впоследствии в БашНИИИМК. В нем, не без участия М.К. Любавского, был организован сектор истории¹.

Если А.П. Чулошников имел доступ к огромному массиву еще не опубликованных материалов в центральных архивах страны, то М.К. Любавский, ввиду сложившихся обстоятельств, изучал историю Башкортостана на документальной базе местных архивов. В 1933–1935 гг. Матвей Кузьмич написал ряд фундаментальных работ по истории Башкортостана XVII–XIX вв. Его труды были посвящены истории башкирских восстаний XVII и XVIII вв., башкирского земледелия, землевладения и землепользования, помещичьей и заводской колонизации Башкирии. Он впервые обратил внимание на проблемы взаимоотношений помещиков-мусульман и их крепостных, вотчинников-башкир и их припущенников. Эти и другие работы М.К. Любавского по известным причинам не были опубликованы.

Кроме создания фундаментальных трудов по истории Башкирского края, Матвей Кузьмич собрал множество архивных источников и намеревался начать издание серии материалов по дореволюционной истории Башкирии и составил несколько сборников документов. В 1933 г. М.К. Любавский завершил работу над первым сборником документов «Выборы в Уфимской провинции депутатов в Екатерининскую комиссию 1767 г. и данные им от различных национальных сословных групп населения наказы»².

Сборник состоял из дел, выявленных ученым в фонде Оренбургского губернского правления. Они были разделены на 6 групп: 1) распоряжения высшей местной власти о производстве выборов с приложением списка «сходцевых» деревень; 2) частные «рапорты» уфимскому воеводе от офицеров и чиновников, командированных для избрания поверенных (выборщиков) от властей; 3) общие рапорты офицеров и чиновников об избрании поверенных и отправке их в Уфу; 4) списки поверенных, явившихся в Уфу; 5) рапорты от лиц, руководивших избранием депутатов, об избрании депутатов с приложением копий, данных им наказов от различных национально-сословных групп; 6) переписка с оренбургским губернатором по вопросам избрания депутатов³. В предисловии М.К. Любавский дал источниковедческий анализ публикуемых документов, отметил их ценность для изучения социально-экономического положения в Башкортостане накануне восстания Пугачева.

Очевидно, сборник был включен в план издания БашНИИИМК. Для рецензирования данный сборник был направлен в ленинградский Историко-археографический институт, где отзыв было поручено написать А.П. Чулошникову. Можно предположить, что отзыв был написан в 1934 г., после того, как Александр Петрович в феврале 1934 г. был принят в штат института на должность ученого специалиста⁴.

¹ Фешкин В.Н. Жизнь и научная деятельность М.К. Любавского в Уфе (1931–1936 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. С. 18.

² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (НИО ОР РГБ). Ф. 364. Любавский, Матвей Кузьмич (1860–1936). Карт. 8. Ед. хр. 1.

³ Там же.

⁴ Румынская М.Н. Чулошников Александр Петрович. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/chuloshnikov_a_p/ (дата обращения: 19.05.2019).

Рукописный вариант отзыва на 1 листе хранится в фонде личного происхождения А.П. Чулошникова Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории РАН¹. Это дело № 71 под названием «Отзыв о сборнике документов «Выборы депутатов в Екатерининскую комиссию 1767 г. и данные им от различных национально-сословных групп населения наказы», составитель М.К. Любавский. Автограф. 1 л.». Отзыв написан на плотной рыхлой желтоватой бумаге мелким убористым почерком на обеих сторонах листа. На лицевой стороне листа в верхнем левом углу есть пометка карандашом «Для машинистки». Год не указан. Фиолетовые чернила. Текст имеет исправления. Начало текста в основном заимствовано из предисловия М.К. Любавского к сборнику документов. «Сборник документов по дореволюционной истории Башкирии (Выборы депутатов в Екатерининскую комиссию 1767 г. и данные им от разных национально-сословных групп населения наказы», составленный проф. М.К. Любавским и намеченный к изданию Башкирским научно-исследовательским институтом Национальной культуры, несомненно, представляет исторический интерес, вводя в научный оборот ряд новых материалов, характеризующих положение в башкирском крае накануне Пугачевского движения и ярко обнаруживающих существующий между ними антагонизм», – пишет А.П. Чулошников. По содержанию отзыв не представляет особого интереса, т. к. в нем нет полемики, нет аргументированной критики. Мнение рецензента о нецелесообразности публикации сборника основан только на необходимости доработки представленной рукописи. Следует отметить, что в этот период Александр Петрович не имел даже ученой степени. Степень кандидата исторических наук по совокупности работ была присуждена ему только в июне 1935 г.²

Мог ли повлиять отзыв А.П. Чулошникова, будь он положительным, на издание трудов М.К. Любавского? Ответ очевиден – нет. Причину следует искать не в личной или профессиональной мотивации рецензента, а в политической обстановке 30-х гг. прошлого века. В стране усиливался террор. В Башкирском институте национальной культуры кроме Матвея Кузьмича трудились и другие, считавшиеся политически неблагонадежными, специалисты: Пригожин, Соколов, Салтыков, Альмухаметов, Вильданов. Первым пострадал как политический ссыльный М.К. Любавский: 31 декабря 1934 г. без объяснения причин он был освобожден от занимаемой должности. В 1936 г. Матвея Кузьмича не стало. В 1937 г. был арестован и в 1938 г. расстрелян директор БашНИИ НК А.Г. Амантаев (Амантай)³. Рукописи М.К. Любавского сохранились благодаря другу академика, советскому историку, члену-корреспонденту АН СССР А.И. Яковлеву, который в 1955 г. передал их в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ныне – Российская государственная библиотека). Фонды личного происхождения ученых М.К. Любавского и А.П. Чулошникова содержат уникальные источники, которые проливают свет на историю Башкортостана и на процесс становления самой исторической науки в регионе, а также позволяют восстановить малоизвестные страницы из жизни советских историков 30-х гг. XX в.

Источники и литература

1. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 262. Чулошников Александр Петрович (1894–1941). Оп. 1. Д. 71. «Отзыв о сборнике документов «Выборы депутатов в Екатерининскую

¹ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). Ф. 262. Чулошников Александр Петрович (1894–1941). Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

² Румынская М.Н. Чулошников Александр Петрович. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/chuloshnikov_a_p/ (дата обращения: 19.05.2019).

³ Буканова Р.Г. М.К. Любавский и Г.С. Амантай: их сотрудничество в период деятельности в Башкирском научно-исследовательском институте национальной культуры (1933–1936 гг.) // Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского в русской историографии. Труды межрегиональной научно-практической конференции «VII Историографические чтения памяти историка Д.И. Иловайского и М.К. Любавского (к 155-летию со дня рождения М.К. Любавского)» (г. Рязань, 23–24 апреля 2015 г.). Рязань, 2017. С. 107.

комиссию 1767 г. и данные им от различных национально-сословных групп населения наказы», составитель М.К. Любавский. Автограф. 1 л.

2. Буканова Р.Г. М.К. Любавский и Г.С. Амантай: их сотрудничество в период деятельности в Башкирском научно-исследовательском институте национальной культуры (1933–1936 гг.) // Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского в русской историографии: тр. Межрег. науч.-практич. конф. «VII Историографические чтения памяти историка Д.И. Иловайского и М.К. Любавского (к 155-летию со дня рождения М.К. Любавского)» (г. Рязань, 23–24 апреля 2015 г.). Рязань: РИАМЗ, 2017. С. 102–107.

3. Буканова Р.Г. История Башкортостана в советской историографии 20–60-х годов XX века // Проблемы Востоковедения. 2009. № 2. С. 56–62.

4. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / Отв. ред. А.П. Чулошников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 631 с.

5. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 364. Любавский, Матвей Кузьмич (1860–1936). Карт. 8. Ед. хр. 1.

6. Румынская М.Н. Чулошников Александр Петрович. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/chuloshnikov_a_p/ (дата обращения: 19.05.2019).

7. Фешкин В.Н. Жизнь и научная деятельность М.К. Любавского в Уфе (1931–1936 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. 26 с.

О МНОГОЯЗЫЧНЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ СБОРНИКАХ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН¹

Аннотация. Многоязычные мусульманские сборники, содержащие отдельные произведения на арабском, персидском и тюркских языках в археографической практике нашей страны описывались отдельно по языкам произведений в каталогах арабских, персидских и тюркских рукописей соответственно. Такая практика не раскрывала многих особенностей этих сборников: их общего числа в фонде, количественного и языкового состава их произведений, их происхождения и других, не говоря уже о тематическом однообразии или разнообразии. Некоторые результаты выявления ряда особенностей и их подсчеты сведены ниже в пять таблиц. Кроме того, сформулированы задачи дальнейшего исследования подобного рода сборников.

Ключевые слова: арабский, персидский и тюркские языки, рукопись, описание, каталог, коллекция, таблица, роспись сборников.

Организационный комитет данной конференции вынес на обсуждение между прочими и проблему «Археографическая наука [Так! — авт.] XX века: достижения и изъяны советской научной школы», которая предполагает наличие у участников не столько какого-либо мнения об этой науке, но, прежде всего, короткого знакомства с состоянием зарубежной археографии (для суждения о советских достижениях) и собственного археографического опыта (для суждения о ее изъянах). Если взять одно только направление археографии, которое посвящено исследованию и описанию рукописей мусульманских народов России и ее соседей, то автор данной статьи имеет и небольшую библиотеку европейских и ближневосточных изданий в этой области, и некоторый опыт работы в ней. И сейчас он вынужден сознаться в том, что как она (библиотека), так и он (опыт) удерживают его от какого бы то ни было участия в дискуссии на эту болезненную тему.

Вместе с тем, оставаясь в археографическом русле, автор выносит на суд читателей один из предварительных результатов своих размышлений о том, как, занимаясь изучением рукописей в Уфе, можно использовать данные таких ленинградских (санкт-петербургских) описаний, как «Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог)», «Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР. Краткий каталог» и «Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук»².

Фонд рукописей и старопечатных книг ИИЯЛ УФИЦ РАН насчитывает, как знают его исследователи, большое количество сборников различных произведений. Независимо от того, являются ли эти сборники изделиями одного пера или они представляют собой подшивку изделий разных перьев, они отличаются друг от друга основаниями, которыми руководствовались их составители, подбирая произведения на одну тему или на разные темы и отбирая среди них произведения на одном или разных языках: арабском, персидском или одном из тюркских. Письменное дву- и трехязычие в различных сочетаниях арабского, персидского и тюркского языков (последний понимается здесь как родовое обозначение всех отдельных литературных тюркских языков) — это исторический факт, это культурное достояние мусульман известных ареалов, специфический способ удовлетворения их духовных потребностей, заслуживающий особого всестороннего изучения. Этот факт с разной частотой наблюдается в их кодексах

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2019 год.

² Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии...; Арабские рукописи Института востоковедения...; Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей...

и книгах. Так, Н.Д. Миклухо-Маклай отмечал «как рукописи, целиком занятые текстом на персидском языке, так и рукописи, в составе которых наряду с произведениями на персидском языке находятся сочинения на арабском или тюркских языках. Рукописей такого смешанного в языковом отношении характера в собрании [Института народов Азии] имеется довольно значительное количество...»¹. Л.В. Дмитриева, характеризуя тюркскую рукописную книгу, указывала: «нередко списки арабских и ираноязычных сочинений входили в один сборник, одну рукописную книгу вместе со списками тюркоязычных произведений, переводов и комментариев»².

Обратимся к рукописям, хранящимся ныне в Институте восточных рукописей Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

Письменное многоязычие как сложносоставная проблема исламских рукописей привлекает внимание в первую очередь двумя своими аспектами. Назовем первый внешним, или статистико-географическим, а второй — внутренним, или содержательно-тематическим.

Основные задачи внешнего аспекта в каждом из трех названных каталогов: выявить многоязычные единицы хранения (сборники, кодексы, тома) и их полочные шифры; установить по шифрам коллекции поступления сборников (отмечая случаи разногласия); указать количество описанных произведений сборника и номера описаний в каждом каталоге; дать суммарные показатели полученных результатов.

Главные задачи внутреннего аспекта: проверить границы фолиации (т. е. нумерации листов) каждого произведения каждого сборника, чтобы убедиться в ее непротиворечивости; в случае несовпадения границ — изъять сборник из списка многоязычных; установить тематику каждого произведения (каталог персидских рукописей является алфавитным аннотированным, арабских — тематическим, тюркских — тематическим аннотированным³); сравнить тематику одно- и разноязычных произведений сборника, чтобы установить однообразие и разнообразие тематики обеих групп; установить наличие или отсутствие тематических шаблонов внутри многоязычных сборников.

Предмет данной статьи — задачи внешнего аспекта, а задачи аспекта внутреннего должны стать предметом предстоящих исследований и будущих публикаций.

Перед началом работы с каталогами мы узнали, что в арабоалфавитном фонде института, ныне называемого Институтом восточных рукописей РАН, к 1964 г. хранилось 2 897 манускриптов персидских и таджикских рукописей⁴ и было составлено 4 680 их описаний⁵, к 1986 г. — около 5 тыс. томов арабских рукописей⁶ и было составлено 10 822 их описания⁷, к 1987 г. — до 1 500 тюркских рукописей⁸ и было составлено 2 432 описания⁹ (что складывается в сумму около 9 397 рукописей и 17 934 описаний), а в апреле–мае 2005 г. в нем начитывалось 9 683 тома арабоалфавитных рукописей¹⁰. Эти цифры предстояло проверить. Следовало проверить и оценку Н.Д. Миклухо-Маклаем

¹ Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии... Ч. I. С. 4.

² Дмитриева Л.В. Тюркоязычная арабописьменная рукописная книга... С. 443.

³ Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии...; Арабские рукописи Института востоковедения...; Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей...

⁴ Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии... Ч. I. С. 4.

⁵ Там же. С. 33–613.

⁶ Арабские рукописи Института востоковедения... Ч. I. С. 6.

⁷ Там же. С. 38–522.

⁸ Дмитриева Л.В. Тюркоязычная арабописьменная рукописная книга ... С. 410.

⁹ Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей... С. 25–542.

¹⁰ Акимовский О.Ф. К истории формирования фонда... С. 211.

того, что многоязычные сборники «в своем подавляющем большинстве... среднеазиатского происхождения»¹.

Извлеченные из трех каталогов данные сведены ниже в Таблицы 1–4, а наши собственные подсчеты — в Таблицу 5.

Пояснения к первым четырем таблицам

Боковиком всех таблиц является перечень шифров сборников — единиц хранения в фонде. Литеры шифра от А до Е обозначают их формат в доле листа (*атавизм* книжной статистики XIX в.).

Тематические заголовки таблиц следуют в таком алфавитном порядке: 1) арабско-персидские, 2) арабско-персидско-тюркские, 3) арабско-тюркские и 4) персидско-тюркские сборники.

Заголовки граф во всех таблицах одинаковые и нумерованы строчными латинскими буквами: «Шифр i», «Коллекция ii», «Араб. iii» (то есть арабские сборники), «Перс. iv» (персидские) и «Тюрк. v» (тюркские).

Графа «Коллекция ii» в полукруглых скобках показывает разные указания на коллекции, содержащиеся в описания арабских (iii), персидских (iv) и тюркских рукописей (v) соответственно.

Строки таблиц сортированы в азбучном порядке названий коллекций в том виде, как они приведены в каталогах².

Итоговая строка суммирует данные в заполненных графах.

Таблица 1

Шифры единиц хранения описаний арабско-персидских сборников

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
А 1584	Алимов С.А.	7009, 7511, 7547, 7703, 7862	1119, 2480	
В 3810	Алимов С.А.	7878	2371	
В 3838	Алимов С.А. (в iii нет)	6905	2373, 2784	
В 3882	Алимов С.А.	753, 1149, 2585	3424	
В 4140	Алимов С.А. (в iii нет)	6784, 6800, 7186, 7464	2379, 2790	
В 4190	Алимов С.А.	839, 955, 2205, 3156, 3207	4592	
В 4206	Алимов С.А.	6798, 7152, 7189, 8038	2383, 2528, 2793	
В 4321	Алимов С.А.	7307	466, 2318	
В 4335	Алимов С.А.	1160, 1640, 2063, 5051, 8600	4357, 4650	
В 4434	Алимов С.А.	1009, 1294	863, 1301	
В 4435	Алимов С.А.	2071, 3607, 3670, 3680, 4408	2798	
С 2356	Алимов С.А.	4102, 4629, 4891	414, 3315	

¹ Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии... Ч. I. С. 6.

² Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии... Ч. II. С. 134–144 (156 коллекций, на выходе указателя — *номера описаний*); Арабские рукописи Института востоковедения... Ч. 2. С. 197–203, 205–236 (170 коллекций, на выходе указателя — *шифры единиц хранения, к номерам описаний* доступ возможен только через «Конкорданс шифров и номеров описаний»); Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей... С. 588–590 (102 коллекции, на выходе указателя — *номера описаний*).

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
С 2396	Алимов С.А.	793	1345, 1692, 1942, 1943	
В 2341	Анучин В.И.	6826	4396	
А 1164	Археогр. экспед.	7527	2333, 3948	
А 1184	Археогр. экспед.	10109	4568	
А 1198	Археогр. экспед.	6777, 7161	2477	
А 1199	Археогр. экспед.	1165, 3157, 3212, 5127	109*	
А 1228	Археогр. экспед.	6788, 7149	2478	
А 1235	Археогр. экспед.	7030	2609	
А 1396	Археогр. экспед.	7554, 7565	2316	
А 1398	Археогр. экспед.	6781, 6873, 7146	71*	
А 1406	Археогр. экспед.	102	1838, 1999	
А 1470	Археогр. экспед.	8659, 8668	2597	
А 1471	Археогр. экспед.	1286, 1363, 8906, 9901	2586, 2834, 3748	
А 1483	Археогр. экспед.	1000, 2723, 4637, 9583, 10574	322, 2024	
А 1493	Археогр. экспед. (в iv Алимов)	199, 658, 1364, 5275, 5991, 6239, 6243, 6309, 6487, 7398, 8667, 9191, 10079, 10575	671, 1798, 1839, 2403, 3284, 3349	
В 2706	Археогр. экспед.	6830, 6918, 7141	2709	
В 2718	Археогр. экспед.	4072, 4791	340	
В 2727	Археогр. экспед.	5513	2751	
В 2735	Археогр. экспед.	6774, 7147	2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2535	
В 2740	Археогр. экспед.	5378, 5873	4569	
В 2742	Археогр. экспед.	5379, 6580, 6581	4463	
В 2747	Археогр. экспед.	6803, 7167	4397	
В 2748	Археогр. экспед.	6770, 7168, 7381	713, 1587	
В 2750	Археогр. экспед.	2042, 8440, 8830, 10619	258, 470, 774, 775, 3671, 4258	
В 2751	Археогр. экспед.	6831, 7169, 7873	2755	
В 2756	Археогр. экспед.	6832, 6833, 7170	4398	
В 2757	Археогр. экспед.	5977	259	
В 2771	Археогр. экспед.	754, 3451, 5050, 8843, 8884, 9580	1011	
В 2781	Археогр. экспед.	685, 710, 1299, 2485, 2642, 2664, 2759, 3583, 8831, 8885, 8913, 9010, 9498, 9581	1113	
В 2788	Археогр. экспед.	1800, 1803, 2548, 3310, 4792, 4989, 10622	2647, 3510	
В 2789	Археогр. экспед.	1612, 3164	437, 4643	
В 2796	Археогр. экспед.	7874	2342	
В 2801	Археогр. экспед.	2069, 9891, 9957	438, 4644	
В 2815	Археогр. экспед.	7875	2344, 2757	

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
В 2817	Археогр. экспед.	1995, 2724, 2752	2014, 3094, 3320, 3335	
В 2827	Археогр. экспед.	329, 4963, 4996, 5211, 9664, 9722	1845, 3142	
В 2874	Археогр. экспед.	9586, 10110	4185	
В 2894	Археогр. экспед.	2078, 3165, 9907	462	
В 2898	Археогр. экспед.	6771, 6908, 7139	2504, 2505	
В 2929	Археогр. экспед.	957, 986, 2062, 3226	442	
В 2934	Археогр. экспед.	1181	2232	
В 2937	Археогр. экспед.	8614, 8915	979, 3026	
В 2941	Археогр. экспед.	341	344, 4370	
В 2954	Археогр. экспед.	6836, 6837	2699	
В 2976	Археогр. экспед.	1942, 3679, 9877	443	
В 2978	Археогр. экспед.	6997, 7783, 9709	2507	
В 2984	Археогр. экспед.	836, 850, 1955, 4869, 6723	2910	
В 2990	Археогр. экспед.	3167, 3650, 3689, 4614, 8917	26*	
В 2994	Археогр. экспед.	6782, 6900, 7145	2508	
В 2995	Археогр. экспед.	7888	2509	
В 2999	Археогр. экспед.	9678, 9713, 9717, 9793, 9812, 9823, 9858, 9859	1272	
В 3006	Археогр. экспед.	2671	296, 945, 3164, 4245	
В 3011	Археогр. экспед.	1875, 1876, 2056, 2127, 2130, 2193, 2354, 5715, 6101, 6241, 6244, 6460, 10636	4610	
В 3016	Археогр. экспед.	7885	2511, 2512, 2513	
В 3058	Археогр. экспед.	2079, 3249, 8616	444	
В 3080	Археогр. экспед.	4997	4346	
В 3087	Археогр. экспед.	1368, 4639, 4961, 4995, 6838	290, 614	
В 3093	Археогр. экспед.	4197	2347, 2759, 3040	
В 3122	Археогр. экспед.	2054, 3196, 6450, 10640	20, 148, 2404, 2439, 3672	
В 3162	Археогр. экспед.	1005, 2708, 9281	47	
В 3163	Археогр. экспед.	4990	1004	
В 3165	Археогр. экспед.	7539, 7636	1114	
В 3169	Археогр. экспед.	2289, 3321, 8618, 8886, 8919	127, 463, 3115	
В 3178	Археогр. экспед.	8619, 8879	464	
В 3203	Археогр. экспед.	6775, 7148, 7172	2515, 2516, 2536	
В 3228	Археогр. экспед.	3603	445	
В 3267	Археогр. экспед.	2757	2351, 3267	
В 3276	Археогр. экспед.	7541	2355, 2470, 3276	
В 3300	Археогр. экспед.	7890	638, 4374	
В 3322	Археогр. экспед.	1290, 9647	1050, 3393, 4375	

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
В 3340	Археогр. экспед.	207, 663, 1943	3321	
В 3379	Археогр. экспед.	1113	3423	
В 3448	Археогр. экспед.	2668	2260	
В 3452	Археогр. экспед.	6766	2519, 2772, 2933	
В 3473	Археогр. экспед.	6783, 6955	2773	
В 3516	Археогр. экспед.	9809	4633	
В 3519	Археогр. экспед.	2629, 5549, 6298, 8235, 9825	4464	
В 3532	Археогр. экспед.	6119, 6844, 6934	2775	
В 3541	Археогр. экспед.	2070, 2660, 3214, 3229, 4404, 4619, 5204	3043	
В 3559	Археогр. экспед.	3650, 7859	2362	
В 3564	Археогр. экспед.	234, 837, 1255, 10659	4227	
В 3572	Археогр. экспед.	3857, 10337	4377, 4378	
В 3576	Археогр. экспед.	1350	3981	
В 3578	Археогр. экспед.	6780, 7144, 8377	2520	
В 3590	Археогр. экспед.	6790, 6867, 7109, 7177, 7545, 7553, 8017, 8382	268, 2461	
В 3595	Археогр. экспед.	1162, 1291, 1603, 2290, 2588, 3718, 5134, 8846, 8880, 8921, 8922, 9892	4648	
В 3632	Археогр. экспед.	1143, 6846, 7178	2364, 2777	
В 3637	Археогр. экспед.	1168, 1633, 1644, 2068, 2343, 9890	4379	
В 3674	Археогр. экспед.	226, 1042, 2778, 8625	128, 449, 465, 1964, 3695, 4197	
В 3686	Археогр. экспед.	4585	4050	
В 3695	Археогр. экспед.	6500, 6503, 8854	2651, 3085	
В 3696	Археогр. экспед.	5799, 6121, 6274, 7124, 7181	2522	
В 3702	Археогр. экспед.	301, 3408, 9220, 10004, 10666	4060	
В 3739	Археогр. экспед.	6849, 7183	2523	
В 3760	Археогр. экспед.	3463	314	
В 3924	Археогр. экспед. (в iv Алимов С.А.)	6574	3203, 3213, 4151, 4356, 4575	
В 3935	Археогр. экспед. (в iv Алимов С.А.)	2515, 5145, 5253, 9914	3044	
С 2159	Археогр. экспед.	602, 665	65*, 3241	
С 2167	Археогр. экспед.	3449	573, 4540	
С 2202	Археогр. экспед.	709	640	
С 2210	Археогр. экспед.	270, 271, 6675, 8416, 10688	29, 390, 641, 668, 1807, 1925, 2016, 3096, 4520	
С 2250	Археогр. экспед.	3482, 4234	2143, 2144, 3134, 3143	
С 2276	Археогр. экспед.	4384	1954	
С 2283	Археогр. экспед.	3905, 4014	1274	
С 2294	Археогр. экспед.	5729	2418	

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
D 593	Археогр. экспед.	2632	2167	
B 4006	Бикчентеев И.М.	236, 294, 4203, 6922	2714	
A 1535	Бикчентеев И.М. (в iv Алимов С.А.)	110	1830	
B 4014	Бикчентеев И.М.	6853, 7125, 7507, 7879, 7996	2527, 2788, 3028	
B 4028	Бикчентеев И.М.	1230, 2679, 2702, 6746	82*	
B 2535	Вахидов С.Г.	1707, 3712, 6214, 6216, 6223, 6379, 6432, 6535, 6616	4453	
B 2540	Вахидов С.Г.	3515	103	
B 2554	Вахидов С.Г.	5202, 7895	2337, 2459	
B 2556	Вахидов С.Г.	6828, 7166	2496, 2707	
B 2577	Вахидов С.Г.	10041, 10042, 10063, 10065, 10067, 10088	3766	
B 2604	Вахидов С.Г.	1981	2497	
B 2626	Вахидов С.Г.	1904, 2417, 4485, 9214, 10610	637	
B 2677	Вахидов С.Г.	6898	2498	
B 2678	Вахидов С.Г.	246, 4245, 5108	725, 1795, 2636	
C 1971	Вахидов С.Г.	6578	1184, 2319, 412, 1281, 3313, 3326	
C 1982	Вахидов С.Г.	332, 1330, 8652	413, 839, 3314	
C 1999	Вахидов С.Г.	238, 6864	958, 1478, 1811, 1875, 3153, 3428	
C 2010	Вахидов С.Г.	5257, 5271	53, 223	
C 2026	Вахидов С.Г.	1260, 1314, 1318, 1320, 1322, 1329, 5315, 9284, 9468	7*, 13*, 47*, 67*	
D 458	Вахидов С.Г.	10691	4231	
B 4050	Забиров В.А.	6854, 6987, 7153	2378, 2789	
B 4390	Зарипов Х.М. (в iv Алимов С.А.)	3417	104, 952, 2945, 3045, 3118	
B 4401	Зарипов Х.М. (в iv Алимов С.А.)	587	48*, 103*	
B 3962	Юсупов Г.Г. (А. Х. Г.)	4202, 4272	3141	
Всего	141	428	263	

Таблица 2

Шифры единиц хранения описаний арабско-персидско-тюркских сборников

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
B 3808	Алимов С.А.	2401, 2602, 9501	299, 1816	314, 1410
B 4150	Алимов С.А.	2273, 2274, 3194, 3208, 6785, 7187, 10671	2791	898

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
В 4305	Алимов С.А.	2146	4051	2410
В 4327	Алимов С.А.	1313, 2580	761, 3704, 4228	515
В 2332	Анучин В.И. (в v Петровский Н.Ф.)	7942	2395, 2396	107
А 1173	Археогр. экспед.	5044, 5191, 5233	3017	742, 890, 1401, 1546, 1947, 2316
А 1202	Археогр. экспед.	590, 1087, 3383, 5150, 9898	4366	704
А 1223	Археогр. экспед.	1333	3383	286
А 1332	Археогр. экспед. (в v неизв.)	10564	179	2337
А 1490	Археогр. экспед. (в iv Алимов, в v неизв.)	109, 8610, 9560	85*	591
А 1500	Археогр. экспед. (в iv Алимов)	976, 3224, 8888	4573	2346
В 2723	Археогр. экспед.	252, 308, 3305	772	635
В 2822	Археогр. экспед.	985, 1613, 2658, 3406, 5467, 6622, 8680, 9896, 10625	439	1502, 2380
В 2863	Археогр. экспед.	1354, 2351, 3715, 5243, 8858	2896	1673, 2382
В 2867	Археогр. экспед.	2153, 2298, 2402, 2404, 2448, 6047, 9996, 10005, 10029, 10058, 10059, 10064, 10627	289	1422, 2383
В 2906	Археогр. экспед.	231, 2350, 3166, 8914, 9883	4399	326, 415
В 2982	Археогр. экспед.	871, 10635	4206	509
В 2997	Археогр. экспед.	259, 275	3336, 4371, 4646	557, 638, 1669, 1671
В 3059	Археогр. экспед.	9731	417, 3973	639, 1740
В 3226	Археогр. экспед.	4576	4196	799, 979
В 3287	Археогр. экспед.	2081, 2163, 2659, 3717	2766	1684
В 3292	Археогр. экспед.	1884, 1930, 2046, 2493, 2497, 2499, 2654, 5232, 8276, 8387, 8499, 9185, 10292, 10311	2647	1685, 2393
В 3575	Археогр. экспед.	178, 387, 7920, 8104, 8120, 8349, 8355, 8360, 8363	1455, 1598, 4303	218, 785, 2397
В 3593	Археогр. экспед.	223, 245, 293, 1598, 3239, 4622, 10055	4647	517, 1504, 1553, 1922, 2398

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
В 3597	Археогр. экспед.	2233, 2570, 2616, 2648, 2673, 3417, 3558	1259	518, 2401
В 3636	Археогр. экспед.	6847, 7179	2365, 2521, 2778	906
В 3734	Археогр. экспед. (в v неизв.)	244, 1337, 3112, 9702	1168, 1267, 3300, 3301	1692
В 3787	Археогр. экспед.	2712	471, 1027, 1950, 3665	1278
С 2040	Археогр. экспед.	1688, 1727	1938, 4208	1329
С 2288	Археогр. экспед.	4119, 4641	137, 3135	867
А 1539	Бикчентеев И.М.	2257, 2581, 2691, 2700, 2770, 3465	786, 3855	1326, 2351
В 4015	Бикчентеев И.М.	1158, 2086, 3233, 4571	15*	1552
В 4017	Бикчентеев И.М.	2066, 3593, 3594, 5000, 7997, 8602	453, 3696	1706, 1707, 1717
Д 674	Бикчентеев И.М.	3666	19	548
В 1810	Богданов Л.Ф.	546, 766, 806, 1014, 2419, 2443, 2697, 2705, 6722, 8584, 8867, 9007, 9279, 10062	150, 717, 915, 1528, 1652, 1757, 1760, 1770, 1771, 2011, 2444, 2934, 3594, 3609, 3802, 4032, 4455	1745
В 1277	Ванская коллекция	1608, 8813, 8824	3359, 3686, 3801	1748
А 1118	Вахидов Г.С.	3086, 3505, 9983, 10560	18*	1450, 1622
В 2531	Вахидов С.Г.	1604, 3085, 3648, 7159	2495, 2748, 2749	330, 2373
В 2566	Вахидов С.Г.	2031, 3684	2118	504, 633, 1662
В 2599	Вахидов С.Г.	3701, 4804, 4806, 4919, 5071, 5148	2393	2375
В 2606	Вахидов С.Г.	3183, 3663, 5216, 10608	323, 1843	210, 2376
В 2630	Вахидов С.Г.	10611	46	1542
В 2632	Вахидов С.Г.	487, 2563, 2675, 3176, 3185, 10613	2438, 3114	1664
В 2651	Вахидов С.Г.	984	99*	288
В 2675	Вахидов С.Г.	257, 322, 772, 1951, 2318, 3960, 4853, 4907, 6354, 9546, 9589	1032, 1820, 2218, 3619	2180
В 2681	Вахидов С.Г.	1611, 2643, 2656, 2701	771, 3703	519, 634, 1227, 1521
С 1924	Верещагин М.С.	8738	3469	1198, 1211, 1212, 1216
В 1019	Залеман К.Г.	4589, 7258	92, 401, 1116, 2690, 2839	458, 2364

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
С 219	Залеман К.Г.	4088	1703, 2463, 2799, 3245	1609
В 1962	Иванов В.А.	4604	974	997, 1614, 1974
В 1977	Иванов В.А.	221, 1078, 3417	1214, 1242, 3862, 4150	401, 1598, 1660, 1778, 2370
В 2105	Иванов В.А.	3308, 8836	97, 98, 1258, 1314, 1854, 2823, 2847, 2949, 3316, 4012	2372
В 2126	Иванов В.А.	1031, 1070, 2204, 3650, 3686, 3689, 4631, 4650, 5334, 7357, 8022, 9885, 9927	957, 1180, 2873, 3648, 4609	2227, 2229
С 1301	Иванов В.А.	2228, 3651, 3652, 3686, 4178	407, 2812, 3309, 3341, 3779, 4286, 4448	2422
С 1397	Иванов В.А.	3326, 3412	1005, 2115, 4242	589
С 1618	Иванов В.А.	3417, 5256, 7495, 7836, 7938	1512, 1625	1540, 1726
В 4104	Из залежей (в iv нет, в v неизв.)	992, 3092, 5151, 8733, 8873, 8877, 8925, 9511	455, 472, 1588, 3697, 4381	1591
В 4375	Из залежей (в iv нет, в v Мамедов М.М.)	188, 9300	419, 4015	1714, 1912
В 852	Кауфман К.П. (в iv нет)	8865	3263	2360
В 430	Кун А.Л.	3650, 3651, 3676	90	456
В 677	Кун А.Л.	3686	265, 2451, 2484, 3270	2282
С 667	Кун А.Л.	6045	80, 777, 840, 1048, 1083, 1253, 1688, 1781, 3047, 4307, 4418	1433
В 462	Лютш Я.Я.	3396, 3417	3856	630, 1589
С 1817	Пасхин Н.Ф.	999, 1045, 1167, 1600, 2104, 3723, 3890	780, 870, 872, 2546, 2603, 4193	513, 1070
В 349	Радлов В.В.	4587	2186, 2986, 4054, 4387	2131
В 2433	Радлов В.В. и др. (в iv нет, в v неизв.)	5375, 5512	3298, 3299	386
С 114	Руссо Ж.-Л.	8555, 8786, 8795	3812, 4383	883, 1766
В 1900	Смирнов С.М.	3417	3861	2275
С 790	Учеб. отд-ние (в iii нет)	8448	227, 1326, 3585	1851
В 4458	Юнусов Б.Д.	311, 8891, 8903, 9015, 10674	3863	1804
Всего	70	273	179	120

Шифры единиц хранения описаний арабско-тюркских сборников

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
A 1511	Алимов С.А.	2647, 10576		1531, 1545, 1639
A 1512	Алимов С.А.	3417		580
A 1562	Алимов С.А.	2313, 3394, 5207		582
A 1606	Алимов С.А.	1028		503, 680, 1400, 1593, 1643, 1644, 1645, 2353
A 1611	Алимов С.А.	588, 591		2354
B 3827	Алимов С.А.	545, 547, 2617, 2649, 2684, 2686, 2738, 3287, 3559		645
B 3829	Алимов С.А.	2403, 2446, 2604, 3410, 3464, 3525, 3544		1915
B 4088	Алимов С.А.	4871		246
B 4091	Алимов С.А.	7763		1712
B 4117	Алимов С.А. (в iii нет)	5397, 5459, 6010, 6923, 7558, 7835		555
B 4142	Алимов С.А.	6767, 7084, 8018		1325
B 4193	Алимов С.А.	2124, 2240, 3278, 10234, 10315		1246
B 4201	Алимов С.А. (в iii нет)	3113, 3250		535, 604, 897, 1908
B 4223	Алимов С.А.	1619, 5187		1893
B 4301	Алимов С.А. (в v Бикчентеев И.М.)	6355		382
B 4310	Алимов С.А.	1312, 2594		192, 666, 2411
C 1712	Анучин В.И.	6994, 7133, 7403, 7418		2421
A 1106	Археогр. экспед.	9297		275
A 1107	Археогр. экспед.	228, 265, 3650, 3689		2310
A 1108	Археогр. экспед. (в v неизв.)	93, 3597, 3598		679, 1621
A 1116	Археогр. экспед.	1023, 2677, 3202, 4596		2312
A 1127	Археогр. экспед.	1022, 1136, 3198, 3215		432, 433, 527, 617
A 1131	Археогр. экспед. (в v Вахидов Г.С.)	3216		1501, 1624, 2314
A 1135	Археогр. экспед.	3217, 4597		2315
A 1161	Археогр. экспед. (в v Вахидов Г.С.)	3420		510
A 1219	Археогр. экспед.	219, 3263, 3288, 3443, 3584, 3586, 3592, 3596, 3615, 8228, 8287, 8557, 8679, 8808, 8827, 8838, 8848, 8855, 8890, 9106, 9246, 9429, 9573		227, 1519, 1530, 1578, 2317

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
A 1224	Археогр. экспед.	7459, 7720		894
A 1232	Археогр. экспед.	4410		180, 798
A 1246	Археогр. экспед.	1151, 3187, 7140		1925
A 1263	Археогр. экспед.	51, 3384		575
A 1272	Археогр. экспед.	1903, 2111		1666, 2320
A 1283	Археогр. экспед. (в v Залкинд Е.М.)	3386		620
A 1286	Археогр. экспед.	9537, 9538		2321
A 1292	Археогр. экспед.	3199		1405, 1473, 2324
A 1298	Археогр. экспед.	3686, 10083		1627
A 1303	Археогр. экспед.	8435		2327
A 1337	Археогр. экспед.	7089, 7162, 7960, 7961		907
A 1415	Археогр. экспед.	4439		576
A 1428	Археогр. экспед. (в v неизв.)	3659		2339
A 1429	Археогр. экспед.	106		2340
A 1430	Археогр. экспед.	5581, 10570		2341
A 1433	Археогр. экспед.	107, 3458, 3672, 10571		230, 590, 1543
A 1434	Археогр. экспед.	2281		2277, 2342
A 1447	Археогр. экспед.	1362, 10573		623, 1495
A 1449	Археогр. экспед.	1026, 7117		451, 1406
A 1456	Археогр. экспед.	3223		383, 526, 2046, 2344
B 2726	Археогр. экспед.	2484		289, 1408, 1507, 1537, 1667
B 2738	Археогр. экспед. (в v неизв.)	7393		339
B 2754	Археогр. экспед.	1830, 2342, 2427, 2638, 6445, 6639		385, 2378
B 2792	Археогр. экспед.	730, 1306, 2269, 3907, 4849, 9508		2379
B 2797	Археогр. экспед.	4612		332, 737, 1357, 1569, 1668, 1670, 2136
B 2823	Археогр. экспед.	347, 843, 954, 1999, 5242, 9201		442, 1007, 2381
B 2843	Археогр. экспед.	940, 3845, 5041, 10626		1672, 1739
B 2888	Археогр. экспед.	1012, 1179, 1963, 2256, 3152, 3280, 3698, 6698, 6704, 10629		1914
B 2895	Археогр. экспед.	227, 4593, 7886, 8008		1032
B 2918	Археогр. экспед.	6572, 8034, 8657		1923, 2384
B 2938	Археогр. экспед.	232, 3182, 4403, 4613, 5047, 9207, 9219, 9575		637, 1674, 1675
B 3000	Археогр. экспед.	1602, 9895		1441, 1676, 2375
B 3003	Археогр. экспед.	5245, 9509		1801
B 3031	Археогр. экспед.	1871		908
B 3056	Археогр. экспед.	1135, 1353		397, 700
B 3068	Археогр. экспед.	2217		1238

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
В 3069	Археогр. экспед.	8683		313, 325
В 3085	Археогр. экспед.	4181, 5026, 5231, 5248		640
В 3086	Археогр. экспед.	2117, 8617, 10639		2386
В 3139	Археогр. экспед.	3601, 5249, 6452, 8866		1426, 1427, 1741, 2387
В 3200	Археогр. экспед.	1107, 3602		1579, 1680
В 3234	Археогр. экспед.	233, 268		1942, 2391
В 3253	Археогр. экспед.	1033, 8844		489, 1682
В 3335	Археогр. экспед.	6902, 7683, 7744		905
В 3351	Археогр. экспед.	3155		1813
В 3362	Археогр. экспед.	1254, 2713, 4199, 5591, 9909		1921
В 3386	Археогр. экспед.	6799, 7175		909
В 3396	Археогр. экспед.	1569		1585
В 3405	Археогр. экспед.	3309, 8529, 8685		642
В 3423	Археогр. экспед.	4999		651
В 3427	Археогр. экспед.	8663		1474
В 3435	Археогр. экспед.	1434, 2371, 6261, 9502, 10655		1503
В 3513	Археогр. экспед.	2559, 3950, 5251		1945
В 3542	Археогр. экспед.	3276, 3650, 3689, 6845, 6983, 7122, 7123		2395
В 3596	Археогр. экспед.	3231, 4417, 9912, 10660		2400
В 3600	Археогр. экспед. (в v неизв.)	819		287, 520
В 3638	Археогр. экспед.	2624, 2663, 2721		1028
В 3657	Археогр. экспед.	2655		317, 2403
В 3664	Археогр. экспед.	972, 2074, 2207, 3159, 3240, 4409, 8923		643
В 3693	Археогр. экспед.	2636		1409, 1689, 1891
В 3698	Археогр. экспед.	8732		711, 1062
В 3705	Археогр. экспед.	2635		1895
В 3735	Археогр. экспед. (в v неизв.)	350, 2644, 7435		556
В 3746	Археогр. экспед.	2221		467
В 3759	Археогр. экспед.	5215, 8924		1180, 1291, 1592
В 3773	Археогр. экспед.	130, 10003		1698
В 3799	Археогр. экспед.	842, 1944, 2378, 4757, 5252, 9876		1512, 2406
В 3936	Археогр. экспед. (в v неизв.)	3688, 5361		2407
D 548	Археогр. экспед.	4441		235
D 550	Археогр. экспед.	3877, 4327, 4890, 5263, 9835, 9845		177, 413
D 561	Археогр. экспед. (в iii нет)	1267		848
В 64	Батъянов (в v неизв.)	9153		1907

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
A 1531	Бикчентеев И.М.	977		455, 991, 1403
A 1537	Бикчентеев И.М.	3225		454, 2350
B 3996	Бикчентеев И.М.	2059, 2280		1499
B 3998	Бикчентеев И.М.	1258, 2341		1678, 1705, 2408
B 4029	Бикчентеев И.М.	4150, 4260		549
B 4031	Бикчентеев И.М.	3631		434, 682, 2409
B 1384	Ванская коллекция	823, 1609, 2017, 2020, 2334, 3339, 5054, 9513		1736
C 891	Ванская коллекция	3252, 5164, 6885		392
C 895	Ванская коллекция	2498, 2774, 6541, 8040, 8632, 9235		238, 1768, 2419
C 935	Ванская коллекция	1704, 2310		2420
C 940	Ванская коллекция	8647		1910
C 1009	Ванская коллекция	393, 653, 4833		211
C 1067	Ванская коллекция	4958		409
A 1029	Вахидов Г.С.	10048		484
A 1030	Вахидов Г.С.	3307, 3381, 3457, 3495		573, 681, 1587
A 1045	Вахидов Г.С.	2135, 2696, 3201, 3209, 3257, 4900, 9884		410, 446
A 1046	Вахидов Г.С.	3652, 3689, 8894		2307
A 1066	Вахидов Г.С.	3211, 8881, 8910		1481
A 1074	Вахидов Г.С.	2057		1305
B 2558	Вахидов С.Г.	307		1892
B 2621	Вахидов С.Г.	2592, 3316		1549, 2377
B 2631	Вахидов С.Г.	2076, 10612		173, 328, 552
B 2658	Вахидов С.Г.	7992		462
B 2680	Вахидов С.Г.	9427		37, 38, 40, 292
B 2688	Вахидов С.Г.	656, 2177, 5238		1053
B 4049	Забиров В.А.	1008, 3172, 3234		1903
B 4052	Забиров В.А.	946, 1246		647, 1415, 1708
D 683	Забиров В.А.	5159, 5172		948
B 4046	Забиров В.А. (в v Археогр. экспед.)	4474		646
B 4411	Зарипов М.З. (Зарифов)	3651, 3678, 3683		564, 1547
B 4403	Зарипов М.З. (в iv Алимов С.А.)	9993		1264
B 4415	Зарипов М.З.	1159		743, 1582
B 4418	Зарипов М.З.	1645, 2087, 5107, 5254, 8887, 8926		1716
B 4423	Зарипов М.З.	2088, 3236, 8927, 9915		2413
C 1550	Иванов В.А.	632, 636, 652, 1886, 2317, 3417, 6034, 10104, 10683		1210
A 1538	Из залежей (в v неизв.)	3521		581
A 1526	Из фрагментов (в v неизв.)	A 15263521		452

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
В 2409	Казнаков А. (в v неизв.)	7485, 7977, 8032		901
С 2479	Куфаев М.Н. (в v неизв.)	149		1095
В 4430	Лихачев П.В.	996		2142
В 1901	Мельников Вл.	2241, 2277, 3197, 3413, 5014, 9211, 9875, 10598		1523, 1525, 1600, 1738, 2031, 2368
В 1902	Мельников Вл.	7458, 7735, 7748, 7794		900
С 209	Миракбаев М.-С. (в v неизв.)	4107		387
В 809	Неизв. (в iii нет)	9738		875
С 1767	Пасхин Н.Ф.	2064, 2102, 3417, 4183, 4274, 5132, 9886		1222
В 1015	Петровский Н.Ф.	4078		376, 632
С 230	Радлов В.В.	845, 1297, 3720, 9275		480, 501
С 1877	Радлов В.В.	9703		661
В 841	Радлов В.В. (в v Ольденбург С.Ф.)	4166, 4942, 9676, 9691, 9723		2289
В 2439	Радлов В.В. и др.	6827, 7165		593
В 96	Руссо Ж.-Л.	3660, 4959, 8970, 8994, 9298		1763
В 1013	Руссо Ж.-Л. (в v неизв.)	193, 309, 1063, 3346, 3399, 3417, 8530, 10071		1754
В 2515	Руссо Ж.-Л. (в v Вахидов С.Г.)	8044		200
В 305	Руссо Ж.-Л.	3417, 3506		1746
В 309	Руссо Ж.-Л.	9217		1824
В 584	Руссо Ж.-Л. (в iii нет)	9237		915
В 978	Руссо Ж.-Л.	389, 519, 528, 529, 651, 662, 825, 1200, 1344, 1681, 1910, 1913, 1922, 1923, 1927, 1929, 1939, 2028, 2029, 2047, 2120, 2129, 2478, 2575, 2582, 2583, 2584, 4311, 4671, 4704, 4761, 4803, 4808, 4809, 4810, 4811, 4812, 4832, 4850, 4865, 4881, 4885, 4886, 4895, 4898, 4899, 4956, 4957, 4968, 4974, 4985, 5078, 5925, 6006, 6399, 6412, 6744, 7410, 7838, 8115, 8493, 8595, 9277, 9563, 10581, 10703		2362

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
В 992	Руссо Ж.-Л.	2380, 8727, 8790, 8905, 9002, 9107, 9626, 9627, 9628, 10352, 10353		233, 1655, 2202
В 993	Руссо Ж.-Л.	875, 1953, 2024, 2381, 3141, 4191, 4893, 4976, 5139, 6699, 9714		631
С 724	Руссо Ж.-Л. (в iii нет)	9740		14
В 408	Свешников Н.И.	4173, 4235, 5024, 5209		1508
В 913	Свешников Н.И.	805, 2422, 2432, 2683		516
В 1067	Учеб. отд-ние	10155–10197		2365
В 1172	Учеб. отд-ние	1932		419
В 1190	Учеб. отд-ние	8527, 10583		888, 1769
В 1205	Учеб. отд-ние	8816, 10009		1242, 1751, 2366
С 829	Учеб. отд-ние	8811		1382
В 4467	Филоненко В. И.	7244		1327, 2415
В 310	Френ Х.Д.	3417		1485, 1646
В 427	Френ Х.Д.	520, 521, 532, 533, 534, 615, 2777, 3966		1522
В 451	Френ Х.Д. (в v Франк У.)	623, 1277, 1341, 2716		511, 1883
С 687	Ханыков Н.В. (в iii нет)	2012, 2337, 2418, 2769, 4926, 9916, 9959		649
Всего	170	604		279

Таблица 4

Шифры единиц хранения описаний персидско-тюркских сборников

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
А 1495	Алимов С.А.		387	225, 226, 773
А 1558	Алимов С.А.		72*	2428
В 4063	Алимов С.А.		215, 594	1904, 1909
В 4070	Алимов С.А. (в v неизв.)		1076	273
В 4103	Алимов С.А.		1870, 4446	1252
В 4307	Алимов С.А. (в iii нет)		32*	1713
В 4325	Алимов С.А. (в iv нет)		3644, 3654	854
В 4395	Алимов С.А.		3920	1380
А 1105	Археогр. экспед.		4639	680, 1072
А 1128	Археогр. экспед. (в v неизв.)		108*	1577, 1623
А 1148	Археогр. экспед.		3328	412, 618
А 1270	Археогр. экспед.		2727	962, 969, 985, 1551, 1612, 2318

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
A 1327	Археогр. экспед. (в v неизв.)		3984	2335
A 1414	Археогр. экспед. (в v неизв.)		1208, 1245, 3329	2338
B 2800	Археогр. экспед.		2283	837
B 2904	Археогр. экспед.		3653	858
B 3315	Археогр. экспед. (в v неизв.)		3573	1852
B 3404	Археогр. экспед.		3710, 4259	1313, 1430, 1449, 1810, 1932
B 3563	Археогр. экспед.		4347	990, 2396
B 3700	Археогр. экспед.		1102, 3808	1782
C 2038	Археогр. экспед.		1105, 1256, 3056	2061
B 2765	Археогр. экспед. (в v Вахидов С.Г.)		3904	1800
A 52	Бартольд В.В.		3471	1041
B 1876	Бартольд В.В.		493, 1213, 2956, 3755	2367
C 470	Бартольд В.В. (в v Кун А.Л.)		1424, 4292	1262
C 1944	Бертельс Е.Э.		1367	1428
B 266	Библиотека Ученого комитета Минфина		207, 1067, 2669, 2879, 3002	340, 1083
B 1809	Богданов Л.Ф.		1387, 1391, 1479, 1510, 1527, 1567, 1611, 1642, 1650, 2053, 2662, 2810, 2875, 3533, 3937, 4315	1253
B 242	Богданов Л.Ф. (в v Петровский Н.Ф.)		3360	816
B 244	Богданов Л.Ф. (в v Петровский Н.Ф.)		3604	592
C 109	Богданов Л.Ф. (в iv нет)		1584	1393
A 109	Валидов А.-З.		3795	119, 1064
C 148	Валидов А.-З.		115, 937, 3346	1000, 1249, 1351, 1487, 1567
A 620	Ванская коллекция		2534	1188, 1618
B 2538	Вахидов С.Г.		3807	2374
B 2580	Вахидов С.Г.		4020	208
C 291	Вяткин В.Л. (в v Залеман К.Г.)		4192	835
C 292	Вяткин В.Л.		2538	902
B 336	Граменицкий Д.М.		42, 396, 1268, 2729, 4574	2025
B 339	Граменицкий Д.М.		311	1841
B 933	Граменицкий Д.М.		4104	2132, 2361
B 1001	Граменицкий Д.М. (в v Археогр. экспед.)		475, 657, 1930	50, 1497
B 2285	Жуковский В.А.		1178	871

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
В 4047	Забиров В.А. (в v Археогр. экспед.)		3083, 3575	565
А 391	Залеман К.Г.		1898, 3186	531, 2225
В 1018	Залеман К.Г.		3230, 4105	2037
В 1926	Залеман К.Г.		3330	553
В 286	Залеман К.Г. (в iv нет)		4053	938, 1394
В 337	Залеман К.Г.		4469	1571
В 429	Залеман К.Г.		13, 14, 397, 398, 1254, 2550, 3285, 3286, 3828	492, 628, 1653
С 113	Залеман К.Г.		3908	947
С 1160	Залеман К.Г.		233, 1357, 1586, 4253	1476
В 4412	Зарифов М.З.		3655	855
А 682	Иванов В.А.		588, 928, 2017, 2618, 3739, 4659	873
А 831	Иванов В.А.		1981, 2036, 3635, 3743	1182
В 189	Иванов В.А. (в v Учеб. отд-ние)		3480	1839
В 1934	Иванов В.А.		63*	1972
В 1944	Иванов В.А.		3197, 4316, 4641	1307, 1309
В 2059	Иванов В.А.		1747, 2551, 2562	1554
В 2067	Иванов В.А.		3436, 3804	1797
В 2157	Иванов В.А.		1091	996, 1268, 1491, 1539, 2039
С 1182	Иванов В.А.		3910	1806
С 1238	Иванов В.А.		1400, 2530, 2716, 3305, 3306, 3307, 3308, 3775, 4198, 4199, 4200	1269
С 1260	Иванов В.А.		3707	981, 1366, 1566, 1725
С 1263	Иванов В.А.		4580	1468, 1563
С 1348	Иванов В.А.		536, 3071, 3814	954, 1792
С 1357	Иванов В.А.		1539	1347
С 1365	Иванов В.А.		3956	1320
С 1398	Иванов В.А.		1306	1346, 1354
С 1400	Иванов В.А.		2881, 2882	1221
С 1404	Иванов В.А.		803, 1078, 1532, 1557, 1689, 2979, 3468	1976, 2053
С 1420	Иванов В.А.		1401, 1422	1285
С 1437	Иванов В.А.		1842, 4581	587
С 1469	Иванов В.А.		3246	2021
С 1496	Иванов В.А.		1080, 1093, 1229	1969
С 1498	Иванов В.А.		3054, 4024, 4170	1533
С 1581	Иванов В.А.		1362, 1589	1412
С 1589	Иванов В.А.		580	1008
С 1592	Иванов В.А.		3915	1786
С 1595	Иванов В.А.		1932, 2421	796, 1560

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
С 1597	Иванов В.А.		1513	971
С 1630	Иванов В.А.		847, 995, 1215, 372, 1467, 903, 2982, 3427	1080, 1348, 1561, 1727
С 1633	Иванов В.А.		1836, 2006, 2220, 2554, 3784, 4071	2423
С 1636	Иванов В.А.		1540, 3513, 4582	495, 2060
С 1648	Иванов В.А.		4269	1343, 1492, 1720, 1728, 1774, 2028, 2071
А 388	Кун А.Л.		41*, 42*	2258
А 390	Кун А.Л.		1788	2267
В 445	Кун А.Л.		3035, 3752	1271
А 99	Лерх П.И. (в v Залеман К.Г.)		1282, 3251, 3879	443
С 173	Лютш Я.Я.		1081	2001, 2041
В 4497	Музей истории религии		106, 1087, 1265, 1690, 2811, 2840, 3204, 3216, 3425, 4652	1721
Е 12	Народный комиссариат иностраных дел		3590	1078, 1107, 1126, 1129, 1149, 1155, 1201, 1218, 1232, 1756, 1978
В 4531	Неизв. (в iv нет)		3906	1791
С 2402	Неизв. (в iv нет)		3815	1365
Д 301	Неизв.		3136, 3266	718, 2230, 2426
С 1818	Пасхин Н.Ф.		597, 3072	868
С 1822	Пасхин Н.Ф.		2234, 4097	735, 980, 1319, 1390, 1729
А 421	Петровский Н.Ф.		3187	2273, 2303
В 733	Петровский Н.Ф.		1841	783, 793, 794, 1654
В 738	Петровский Н.Ф.		714, 2223, 3144, 4103	514
В 1010	Петровский Н.Ф.		152, 468, 795, 1972, 4252	430, 953, 1395, 1656
С 584	Петровский Н.Ф.		1709, 3712	1425, 1607
С 163	Радлов В.В.		1142	588, 1330, 1535, 1722
С 1922	Радлов В.В.		2876, 3400	650, 1063
С 314	Ренненкамф		3084, 3656	853
А 203	Розен В.Р.		630, 648	844, 863, 869, 887
А 91	Руссо Ж.-Л.		3887	1760
В 218	Руссо Ж.-Л.		1492	1236
В 278	Руссо Ж.-Л.		149, 1447	1074
В 279	Руссо Ж.-Л.		3606	1075
В 285	Руссо Ж.-Л.		1262, 4473	1040
В 296	Руссо Ж.-Л. (в v нет)		291, 1374, 3634	1200
В 302	Руссо Ж.-Л.		1359	1336, 1872
В 554	Руссо Ж.-Л.		3179	839
В 558	Руссо Ж.-Л.		1991, 3268, 3652, 3799	859
В 573	Руссо Ж.-Л.		1324	861

Шифр i	Коллекция ii	Араб. iii	Перс. iv	Тюрк. v
С 327	Руссо Ж.-Л. (в v неизв.)		218	923
В 4481	Самойлович А.Н.		89*	351
С 2430	Самойлович А.Н.		3222	121, 1961
В 2464	Серафимов (в v Вахидов С.Г.)		4214	186
А 1009	Султанов Ф. (в iv нет)		206	94, 2203
А 470	Учеб. отд-ние		631	843
В 1131	Учеб. отд-ние		31*	870
В 1191	Учеб. отд-ние		3859	1850
В 1196	Учеб. отд-ние		632	840
С 856	Учеб. отд-ние (в v Петровский Н.Ф.)		1595	805
Д 207	Учеб. отд-ние		1327	886
В 4471	Филоненко В.И.		1251, 3810	1787
С 90	Фонтоп Г.Р.		151	1874
А 92	Френ Р.Х.		3888	1179, 1576
В 250	Френ Х.Д.		1323, 3751	200, 862, 1753
В 4459	Юнусов Б.Д.		1088, 3580	1596, 1597
В 4460	Юнусов Б.Д.		355, 2994, 3682, 3770	1793
В 4463	Юнусов Б.Д.		3955	1265, 1493, 1536, 1562, 1584, 1599, 1615, 1616, 1718, 2084
С 2422	Юнусов Б.Д. (в v Аксаков З.А.)		9*	280, 1103
С 2425	Юнусов Б.Д.		955, 2136, 3260, 3789	1975
Всего	137		287	237

Таблица 5

Количество многоязычных сборников и описаний в них

№№	Сборники, описания, языки, единицы хранения, проценты I	Араб. II	Перс. III	Тюрк. IV
1	Общее количество сборников 518:			
2	в том числе арабско-персидских	141	141	
3	в том числе арабско-персидско-тюркских	70	70	70
4	в том числе арабско-тюркских	170		170
5	в том числе персидско-тюркских		137	137
6	Общее количество описаний в каталогах 17934:			
7	в том числе в арабском	10822		
8	в том числе в персидском		4680	
9	в том числе в тюркском			2432
10	В 141 арабско-персидском сборнике 691 описание:			
11	в том числе арабских произведений	428		
12	в том числе персидских произведений		263	

13	В 70 арабско-персидско-тюркских сборниках 572 описания:			
14	в том числе арабских произведений	273		
15	в том числе персидских произведений		179	
16	в том числе тюркских произведений			120
17	В 170 арабско-тюркских сборниках 883 описания:			
18	в том числе арабских произведений	604		
19	в том числе тюркских произведений			279
20	В 137 персидско-тюркских сборниках 524 описания:			
21	в том числе персидских произведений		287	
22	в том числе тюркских произведений			237
23	Распределение языков в сборниках:			
24	сборники с произведениями на арабском языке	381		
25	сборники с произведениями на персидском языке		348	
26	сборники с произведениями на тюркском языке			377
27	Распределение языков в описаниях:			
28	произведения на арабском языке $1305/381=3,43$	1305		
29	произведения на персидском языке $729/348=2,09$		729	
30	произведения на тюркском языке $636/377=1,69$			636
31	Среднее количество произведений в одном сборнике:			
32	произведения на арабском языке (II 28):(II 24)	3,43		
33	произведения на персидском языке (III 29):(III 25)		2,09	
34	произведения на тюркском языке (IV 30):(IV 26)			1,69
35	Общее количество описанных единиц хранения: 10016:			
36	в том числе арабских ¹	5377		
37	в том числе персидских ²		2965	
38	в том числе тюркских ³			1674
39	Общее количество единиц хранения: (I 35)-(I 1)=9498			
40	Доля многоязычных сборников: (I 1):(I 39)=5,45 %			
41	Доля сборников с арабскими произведениями в общем числе единиц хранения на трех языках: (II 24):(I 39)=4,01 %			
42	Доля сборников с персидскими произведениями в общем числе единиц хранения на трех языках: (III 25):(I 39)=3,66 %			
43	Доля сборников с тюркскими произведениями в общем числе единиц хранения на трех языках: (IV 24):(I 39)=3,97 %			
44	Доля сборников с арабскими произведениями в общем числе арабских рукописей: (II 24):(II 36)=7,06 %			
45	Доля сборников с персидскими произведениями в общем числе персидских рукописей: (III 25):(III 37)=11,74 %			
46	Доля сборников с тюркскими произведениями в общем числе тюркских рукописей: (IV 26):(IV 38)=22,52 %			

¹ Арабские рукописи Института востоковедения... Ч. 2. С. 205–236.

² Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии... Ч. II. С. 92–114.

³ Дмитриева Л. В. Каталог тюркских рукописей... С. 591–602.

Теперь нам осталось проверить оценку Н.Д. Миклухо-Маклая о доле многоязычных сборников в их общем количестве¹. Итак, в таблицах 1–4 среднеазиатское (сегодня говорят — центральноазиатское) происхождение коллекций с многоязычными сборниками указывается 94 раза, в то время как Поволжское и Приуральское их происхождение — 337 раз. Значит, первые составляют 18,15 % от установленного нами в Таблице 5 (I 1–5) общего количества многоязычных сборников 518 единиц хранения, тогда как вторые составляют 65,06 %, или превосходят своим количеством первые в 3,59 раза. Далее, среди всех коллекций Поволжья и Приуралья самой многочисленной является коллекция Археографической экспедиции АН СССР 1934 г., инициированной, судя по нашим разысканиям, письмом муфтия Ризаэддина бин Фахреддина в Президиум Академии наук от 7 августа 1932 г.² Эта коллекция указывается в названных таблицах 226 раз, а 226 составляет 67,06 % от всех 337 указаний на поволжско-приуральские коллекции.

Так в самом общем и кратком виде выглядят наши ответы на вопросы, поставленные задачами внешнего аспекта исследования тех многоязычных мусульманских сборников, которые хранятся в Институте восточных рукописей РАН. Роспись сборников — черновая работа — закончена. Теперь продолжить ее, т. е. заняться внутренним аспектом их исследования, сможет каждый желающий.

Источники и литература

1. Акимушкин О.Ф. К истории формирования фонда мусульманских рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН // Письменные памятники Востока. 2007. № 1 (6). С. 208–229.
2. Арабские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. Краткий каталог / Сост. С.М. Бациева, А.С. Боголюбов, К.А. Бойко и др.; под ред. А.Б. Халидова. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. Ч. 1: Каталог. 527 с.; Ч. 2: Указатели и приложение. 335 с.: ил.
3. Булгаков Р.М., Фархшатов М.Н. Археографическая экспедиция АН СССР 1934 г. и письмо муфтия Ризаэддина бин Фахреддина // Письменные памятники Востока. 2015. № 2 (23). С. 79–85.
4. Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук / Под ред. О.Ф. Акимушкина. М.: Восточная литература, 2002. 616 с.
5. Дмитриева Л.В. Тюркоязычная арабописьменная рукописная книга по ее ареалам // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки / Редкол.: О.Ф. Акимушкин и др. М.: Наука. ГРВЛ, 1987. Кн. 1. С. 407–450.
6. Персидские и таджикские рукописи Института стран Азии Академии наук СССР (Краткий алфавитный каталог) М.: Наука, 1964. Ч. I: Каталог / Сост. О.Ф. Акимушкин, В.В. Кушев, Н.Д. Миклухо-Маклай и др.; под ред. Н.Д. Миклухо-Маклая. 633, [1] с.; Ч. II: Указатели и приложения / Сост. О.Ф. Акимушкин, В.В. Кушев, М.А. Салахетдинова; под ред. Н.Д. Миклухо-Маклая. 146 с.

¹ Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии... Ч. I. С. 6.

² Булгаков Р.М., Фархшатов М.Н. Археографическая экспедиция... С. 79–85.

БЫТОВАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ КАЗАХОВ В XIX СТОЛЕТИИ: ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы аккультурации казахской повседневности под цивилизационным влиянием России. Акцент сделан на изучение изменений в организации и устройстве поселений и жилища, использовании предметов утвари. Автор приходит к выводу, что трансформация образа жизни казахов была обусловлена экономическим развитием Казахской степи, усилением торговых контактов, социальным и административным взаимодействием номадов с русскими. При этом кардинальных и необратимых изменений в повседневности казахов в XIX в. еще не происходило. Они носили фрагментарный и эпизодический характер, адаптируясь к условиям кочевой жизни. Исключением в этом отношении явилась Внутренняя орда, чья вовлеченность во внутреннюю жизнь Российской империи во много раз превосходила другие казахские территории.

Ключевые слова: Казахская степь, Внутренняя орда, Российская империя, повседневность, аккультурация, аул, юрта, вестернизация, номадизм.

Рассуждая о культурном влиянии, которое оказали русские на казахский социум в дооктябрьский период, следует обратить внимание на одну из самых чувствительных сфер повседневности – быт. Именно по изменениям в быту, как представляется, можно судить о глубине трансформаций традиционных представлений людей под влиянием культурного прессинга со стороны административно доминирующей нации.

В последнее время аккультурация становится довольно популярным методом исследования вопросов колониализма, региональной и национальной политики². Проблема бытовой аккультурации казахов уже поднималась автором³. Тем не менее, остались сюжеты, заслуживающие внимания, которые и будут проанализированы в настоящей статье.

Одно из наиболее ярких описаний казахской повседневности оставлено саратовским торговцем Я.П. Жарковым. Примечательно, что этот купец, не ограничиваясь созерцанием и фиксацией увиденного, пускался в рассуждения о происхождении образа жизни казахов, объясняя его отдаленность от русского и, находя общие черты его с образом жизни казаков, живших на юго-западных и южных рубежах России. При этом, конечно, не стоит сбрасывать со счетов нескрываемое чувство цивилизационного превосходства автора.

«Мы живем в домах, крепки земле, ездим в экипажах и все-таки имеем такой ли, сякой ли, большущий ли, или крохотный, а все-таки уголок, который нам дорог, потому что это наша родина. У киргизов не то. Живут они в кошах (войлочная кибитка для

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

² Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Русская власть в Туркестанском крае: визуализация имперского пространства как фактор аккультурации // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 17–26; Годова Е.В., Любичанковский С.В. Проявление объективных оснований этноидентичности в повседневном жизненном укладе тюркского населения Оренбургского казачьего войска (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 86–90; Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity // Bylye Gody, 2017, Vol. 46, Is. 4. P. 1194–1206; Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) // Bylye Gody. 2018. Vol. 49. Is. 3. P. 970–979.

³ Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.

присмотра за скотом – *авт.*), в юртах, пожалуй, или, как в наших краях русские говорят, в кибитках; земле они не крепки. Теперь мой дом стоит здесь, а захочу – я сейчас его перенесу за версту; через неделю я наверно уж, хочу ли, не хочу ли, должен буду сняться с нынешнего становища, перейти на другое место, и переезжаю не в экипажах... Какие уж тут экипажи!.. А просто сел на лошадь, либо на вола, либо на верблюда – сел да и поехал, да и дом с собой повез, сложивши его и уложивши на верблюда. Вот это-то и есть главная разница между нами и киргизами. Мы, русские, сами сидим на одном месте и скот держим на одном месте, у нас зато сено к скоту везется, а у киргизов сено стоит на месте, и человек хлопочет, чтоб скот сам к сену отправился.

Вот по случаю такой подвижности у киргиза нет родины, т. е. родины в таком драгоценном значении, как мы понимаем.

У нас родная земля, как совокупность и моей родины, и вашей, и всех и каждого... Так, у нас родная земля, общая наша мать, родной язык и родная вера, общая всем обитателям этой земли, и вся совокупность этих обитателей награждают нас высочайшим благом – ясным пониманием того, что такое есть отечество. У киргизов нет родины, нет отчества, нет того блага, которое достается в удел развитого человечества.

Отечество у нас включает в себе понятие об общности родины, общности языка, общности религии; у киргиза эти понятия не связываются в идею об отечестве. У него нет родины, а есть нечто схожее, но далеко неоднородное понятие – это однородство, единство не племенного, а родового происхождения»¹.

Действительно, род у казахов традиционно имел огромное значение и, можно условно сказать, был его родиной. А «малой родиной» являлся аул, в котором и протекал жизненный путь казаха. Объективности ради следует признать, что купец Жарков не видел в казахской повседневности непреодолимого цивилизационного барьера, сравнивая казахов с казаками, которые к середине XIX столетия уже не воспринимались инокультурным явлением.

«Что ж такое *Орда*? Не все же сообща эти татары целым миром кочевали, хоша (хотя – *авт.*) примерно на Ахтубе, у такого-то места? Это значит только, что тут была главная ставка (Сарай-Берке – *авт.*) предводителя рода или племени ногайского (скорее всего, кипчаки – *авт.*); орда, значит ставка. Где старший мурза, или там хан что ли, разобьет, бывало, свой шатер или кибитку – там и орда!

А поглядишь хорошенько – ан и у запорожцев то же. Где главная ставка была, тут их и сечь была: сечь, по моему понятию, главная запорожская ставка, где православные казаки осекались, городились от врагов басурманских. И выходит, что орда, сечь и город – почитай, что одно и то же, токмо что на разные манеры.

Опять же возьмем запорожские курени: что это такое, курень? Опять тоже не русское слово. Не от курева же оно происходит? Не потому оно курень, что тут курево курилось? А куря и до сих пор значит тоже ставку, как и слово орда, тоже городок, огороженное, укрепленное место, только не такое важное, как орда, а подначальное.

Вот и у запорожцев были такие курени: курень Уманский, курень Каневский и разные другие курени, глядя по месту; над каждым куренем было по куренному атаману в начальных людях. Коли присмотреться к киргизам – так у них эти курени называются аулами, и над каждым аулом в голове стоит бий – почетный человек, аксакал – старый человек, как у запорожцев старшина. А где стоит самый старший курень, или аул, тут и орда, тут и сечь. Как у ногайских му<р>з, у султанов и у ханов ближние люди, исполнители воли начальника, назывались ясаулами (возможно, от «йосык» – правило,

¹ Записка купца Жаркова. 1854 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века: Сб. док. и мат-лов / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин. Астана, 2012. С. 503.

дело, обоснование (тюрк.) – *авт.*), так и помощники кошевого атамана у запорожцев звались тоже есаулами. Сходства во всем много самого близкого»¹.

Тот же Я.П. Жарков оставил живописную картину казахского аула в его естественном единстве с окружающей природой. «Мы въехали на небольшую возвышенность, и перед нами открылось невиданное нами прежде зрелище... ну, словом сказать, картина.

Перед нами была, как бы сказать? – впадина; ее окружали с одной стороны дорога, пробитая верблюдами, с другой – крохотное озерко, или большая лужица, в которую скопилась вся вода от таяния вешнего снега; с третьей стороны был не то пригорок, не то простая отлогость, а так себе равнина, которая, должно быть, поднимаясь помаленечку все в гору да в гору, вдруг пошла круто обрываться: этой-то другой стороны нам и не видеть стало, а где возвышенность кончается, тут просто видно было только одно глубокое без облачков небо. Среди равнинки раскинуты были кибитки, в двух очень близких одно к другому местах; – десятка полтора с одной стороны, да столько же, видно, и с другой. Это и были два первые виденные нами аула. В стороне мелькал скот, оравы баранов, коровы, там дальше лошади, а близ их – долговязые верблюды»².

Надо признать, что казахский аул вплоть до конца XIX столетия фактически не подвергался культурному влиянию пришлого социума, чего нельзя сказать о российских административных центрах, которые стали появляться в Казахской степи в результате введения в действия Положения об управлении в степных областях 1868 г. Но если создаваемые русскими города вполне естественно приобретали облик современных им уездных и даже губернских центров, что вполне доказывают дошедшие до нас фотографии, тем больший интерес представляет административный центр Внутренней Орды, отстроенный фактически безраздельно правившим в ней казахским ханом Жангиром.

Но прежде чем кратко писать административный центр Внутренней орды в Рын-Песках (Нарын-Пески, Ханская Ставка), уместно процитировать записки самого хана Жангира. «Пример, который я подал к домообзаведению, и мои личные убеждения побудили родоначальников и некоторых старшин к постепенному устройству домов и землянок с некоторыми хозяйственными принадлежностями. Простые киргизы мало по малу начали устраивать и свои землянки. Стремление к таким постройкам при почти всегдашних холодах зимою развилось так быстро, особенно в Нарын-Песках и у Малого Узеня, что я сам изумлен был многочисленностью землянок: число их по всей степи (Внутренней орды – *авт.*) далеко заходит за тысячу. Каждый зажиточный киргиз думает и старается, несмотря на трудности доставки и дороговизну леса, сделать себе землянку. Все эти жилища в Орде можно разделить на ставки родоначальников и зимовки старшин и простых киргизов. Первые находятся на зимовых местах, занимаемых родоначальниками, и состоят из небольшого дома для самого родоначальника и двух–трех землянок для других помещений и самых необходимых небольших хозяйственных построек. Вторые – ставки старшин и простых киргизов – расположены на участках, назначенных мною *отделениям* родов для зимнего их кочевья: эти зимовки состоят из глины (глинобитных, саманных сооружений – *авт.*) и небольших домов»³.

Ханская Ставка стала уникальным примером образования поселения городского типа у бокеевских казахов. Вестернизация, активно продвигавшаяся Жангиром, привела к смене аула довольно крупным торговым и отчасти ремесленным населенным пунктом,

¹ Записка купца Жаркова. 1854 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века. С. 508.

² Записки саратовского купца Я.П. Жаркова о киргизах. 1852 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века. С. 446–447.

³ Цит. по: Очерки Зауральской степи и Внутренней, или Букеевской, орды. М., 1859. С. 85.

который к 1846 г. насчитывал 98 фундаментальных строений – жилых, торговых, административных, общественных и культовых.

«Ханская Ставка представляет селение, вытянутое в длинную линию, идущую почти прямо от запада к востоку. Дома, ее составляющие, расположены довольно правильно, что дает возможность различить несколько кварталов и улиц: так, подъезжая к Ставке с запада, взору являются три параллельные улицы, из которых в средней, весьма короткой и узкой, можно сосчитать на левой стороне три дома, а на правой видны только заборы и службы домов, выходящих в поле и образующих собою южную краевую улицу Ставки; третья улица, которую наоборот южной, можно назвать северной. Имеет правую сторону, составленную из служб и заборов домов, принадлежащих средней улице, а левую, в начале неполную – из весьма бедных киргизских домиков. Эта третья улица совпадает потом с главной улицей Ставки. Позади левой ее стороны лежит песчаная довольно узкая ложбина, в сухие годы совершенно безводная; но все лето 1846 г. она была почти полна водою, так что через это озерко был сделан в начале улицы жиденский пешеходный мостик, по которому лежал путь в кордон уральских казаков, составляющий, по положению, северо-западный угол Ставки...

Главная улица идет на всю длину селения. Правая, то есть южная ее сторона, состоит из двух неровных кварталов, из которых первый, более короткий, образован из служб ханского дома; самый же дом, с его флигелями, составляет противоположную сторону квартала, выходящую в поле и лежащую в одной линии с южной краевой улицей; но здесь квартал не оканчивается: несколько сузившись, он длинным четырехугольником выходит в поле и вмещает в себе сад, мечеть и несколько служб ханских. Второй квартал, отступив на значительное расстояние от первого, и, оставив таким образом место для второй в Ставке поперечной улицы, тянется до конца селения и вмещает в себе самое большое число домов: противоположный, обращенный в поле, край этого квартала имеет в начале до пяти довольно хороших домов, лежащих в одной линии с ханским домом и южной краевой улицей; но далее квартал становится вдвое уже, вследствие того, что дома расположены уже в один, а не в два ряда, почему и в поле выходят уже только заборы, да изредка службы... По восточным концам главная улица упирается в третью и последнюю поперечную улицу Ханской Ставки, довольно длинную и богатую домами, западная сторона которой состоит из двух неровных кварталов: южного – весьма короткого, и северного – наоборот длинного; восточная же сторона представляет непрерывный ряд домов, службы и заборы которых выходят в бугристое песчаное поле, называемое здесь «барханами»¹.

В жизни казахов юрта всегда занимала особое место. Это и их символическая модель мира, и их хранитель традиций – залог достатка и благополучия. Именно поэтому она имела почти сакральное значение, сохранялась в неприкосновенности и дожила до современности.

А.И. Левшин, посетивший Казахскую степь в 1822 г., писал: «Кибитки (юрты – *авт.*) простых киргизов обыкновенно делаются из войлоков *серых*; знатные и богатые употребляют для сего *белые* войлоки; а у некоторых сильных султанов Средней и Большой орды юрты бываюи обтянуты красным сукном и подбиты шелковыми тканями. В противоположность последним самые бедные вместо войлока покрывают жилища свои рогожами, дерном и камышом.

Часть кибитки, противоположную дверям, обыкновенно занимают сундуки, покрытые коврами; на них кладутся халаты, шубы и другие одежды; по сторонам развешиваются сабли, ружья, луки со стрелами, седла, конская сбруя, порошницы и разные снаряды; также утиральники или полотенца, чайники, кувшины, турсуки (кожаные

¹ Киттары М.Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды. СПб., 1849. С. 6–8.

мешки), иногда копченые лошадиные ноги и мясо. На полу (разумеется земляном), устланном коврами или войлоками, стоят большие чаши, котлы, деревянные изголовья, на которые кладут подушки и особого рода ящики (с разными украшениями), в коих держат мешки, наполненные *кумысом*»¹.

Описание юрты богатого казаха включил в свои записки и Я.П. Жирков. Его свидетельство интересно тем, что в нем речь идет о юрте дистаночного начальника, то есть обладателя одной из самых высоких должностей, которые могли занимать казахи в системе российской (оренбургской) пограничной администрации. В этом описании мы встречаем несколько иную компоновку внутреннего пространства юрты, которая, судя по всему была вполне приемлемой при сохранении общего символического и предметного единства жилища казахов.

«У дистаночного² в кибитке первое место, прямо против входа, занято было широкою постелью. На разостланных на полу войлоках поставили низенькие дощатые подставки, и на них положили перину, набитую верблюжьей и бычьей шерстью; но перина была не простая, а вся кругом обшита полушелковой материей, что у них зовется *сусой*; в головах положены две такие же подушки, и все это сверху прикрыто большим, толстым-претолстым стеганным шелковым же одеялом.

Сверху над кроватью спущен был красивый полог из ситцевых чистеньких занавесок, с черными букетами по пунцовому полю. По обе стороны кровати стояли, в два и в три ряда, обитые жестью и железом сундуки; самые большие стояли внизу, а которые поменьше – те повыше. Сундуки эти были простые, обыкновенные, что у нас называется сибирского манера; но те из них, которые лучше, да покрасивее обделаны, были обшиты тонкими белыми войлоками, развязанными и откинутыми с лицевой стороны для того, чтоб гости имели случай подивоваться роскоши и богатству хозяина.

По стенке решетки (стены – *авт.*) и по перекладинам, к ней приложенным, висели разные принадлежности мужской одежды: плисовые шаровары, шелковые халаты, суконные чапаны (халаты – *авт.*); далее торчала ногойга, висели три винтовки и одно французское ружье; с противной стороны развешаны были щегольские уздечки, верховая сбруя и разукрашенные седла.

По полу, по голой земле, растянуты были поверх кошом очень богатые ковры: они маленечко поплоховеет будут персидских, все же очень ладные ковры, туркменской работы, а туркмены, известное дело, промышленяют приготовлением ковров, которые жены их ткнут от утра и до вечера. <...> Такого-то изделия коврик попался мне на глаза у дистаночного начальника. Всех ковров в этой кибитке, на полу и на сундуках разостлано было, сколько я мог приметить, больше полудюжины.

У входа, с правой стороны, стоял пребольшущий *турсук* (кожаный мех – *авт.*), сшитый из кобыльей кожи и назначенный для хранения кумыза; по сторонам его стояли меньшего размера *тунуки*, или турсуки с горлышками, тоже для кумыза. Немножечко подальше красовался самовар, такой огромный, что у нас в Саратове такого, пожалуй, и не найдешь. А над ним целая полочка замещена была чайниками, блюдами и фарфоровыми и фаянсовыми небольшими мисками, вроде наших полоскательных чашек. Миски эти были частью нашего русского изделия, а частью настоящие китайские. Китайские миски киргизы предпочитают нашим...

У самой кровати, в уголку, между ею и соседними сундуками, помещался большой, ярко вычищенный медный таз, а на нем медный же *кумган* (кувшин для воды – *авт.*), вроде рукомойника, но старинного дела: высокий, с длинным изогнутым носком, как у кофейника, с крышкой на шолнерах (шарнирах – *авт.*) и с металлической ручкой. Таз и

¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. С. 20–21.

² Дистаночный начальник – глава местной администрации казахов, субъект российской административной системы в середине XIX в.

кумган – необходимые для каждого татарина вещи: ими он исправляет свои пятикратные дневные омовения при намазах, или при молитвах»¹.

Еще одно описание небогатой юрты сырдарьинских казахов дошло до нас от оренбургского купца Д.У. Белова (1869).

«Внутри кибитки (юрты – *авт.*) вырывается посередине неглубокая яма для развода огня, на которую ставится таган с котлом, в котором варят пищу. На правую сторону стелется постель старшего члена семейства из толсто сложенных войлоков, возле постели кладется в свободное время котел и вся домашняя посуда. Как то: кадка, сделанная из мелких палочек, которая называется по-киргизски *кубе*; чашки деревянные, также и блюда, употребляемые ежедневно. Наверху привешивается к кибитке вроде широкого мешка сумка, которая называется *аяк кап*, где кладутся чашки и ложки; под этой сумкой кладется из кошмы небольшой мешок вроде чемодана, что называется *баш кап*, в котором держится соль. В самом передке кибитки кладутся сундуки и связанные ковры или войлоки, одежда, как то: халаты, тулупы и прочее. Возле сундуков или тюков постилается ковер или войлок для сидения, прикладываемый во время зимы. На левой стороне кибитки внутри привязываются телята и ягнята. Мебели в кибитке не бывает, ни стола, ни стула, также и кроватей»².

Путешественники XIX в. отмечали новую тенденцию в казахском быте – распространение стационарных жилищ. Хотя их сооружение было обусловлено распространением среди казахов земледелия и укреплявшимися отношениями с оседлыми соседями, первые дома на зимовьях они строили в соответствии с многовековой традицией – в виде юртообразного сооружения (шошала, жер-кепе), землянок, основным материалом при сооружении которых были отдельные бревна, камыш, жерди, сено, дерн, плетень. Поэтому говорить здесь о каком-либо внешнем влиянии или аккультурации не приходится.

Почетный член-сотрудник Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества Б. Даулбаев так объяснял стремление казахов к стационарным жилым постройкам: «До 1870 года в двух волостях Дамбарской и Чубарской было домиков и землянок только до 100 штук, а с того времени киргизы, как и в других волостях, положительно поняв выгоду постоянных жилых строений, со всевозможной поспешностью занялись устройством для себя домиков и преимущественно землянок. Домики и землянки строили для них сначала русские и башкиры, а потом уже киргизы и сами научились строить их. Таким образом, в двух этих волостях (к 1881 г. – *авт.*) едва ли найдется до 20 семейств, живущих во время зимы в кибитках. Ныне некоторые старики, проводившие свои цветущие годы во всяких лишениях и в постоянных беспокойствах, с крайним удовольствием восхваляют настоящее положение жизни»³.

Иными словами, стремясь облегчить свои бытовые условия зимой, казахи вовсе не желали отказываться от юрты, сопровождавшей их в другое время. Землянки и даже более или менее комфортабельные дома не могли полностью вытеснить из народного обихода юрту, бывшую своего рода этническим идентификатором казахского общества. То же применимо и к казахской домашней утвари.

¹ Записки саратовского купца Я.П. Жаркова о киргизах. 1852 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века. С. 458–459.

² Записка оренбургского купца Д.У. Белова о хозяйстве, домашнем быте, обрядах и обычаях казахов долины Сырдарьи. 10 февраля 1869 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века. С. 650.

³ Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области 1830 по 1880 годы // Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / Отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы, 2014. С. 316.

А вот упомянутый выше хан Жангир, с готовностью воспринимавший западные веяния, стремясь выделиться из среды зависимого от него населения и подчеркнуть близость к российской культуре, отстроил свое стационарное жилище вполне в европейском вкусе.

Понятно, что ханский дворец как любой чертог власти возводился не только (а фактически не столько) для комфортной жизни правящего семейства, но, в первую очередь, для как свидетельство и транслятор имперской власти. Поэтому продолжим путешествие по служебным помещениям комплекса, которые тоже имеют свою цивилизационно-стилистическую окраску и своего адресата.

«Из «оружейной» комнаты дверь, противоположная входу, вела... в комнату, освещенную двумя окнами и убранную, так же как и зала, по-европейски; по смерти хана эту дверь закрыли и комната, за нею лежащая, обращена в место заседания Совета, управляющего Ордою букеевских киргизов (Временный совет по управлению Внутренней киргизской ордой – *авт.*).

Левое боковое крыльцо заднего фасада ведет на небольшую террасу, которая тянется во всю ширину флигеля и огорожена простыми деревянными перилами: на эту террасу выходят двое дверей: одна – во внутренность флигеля, другая – в пристройку, соединяющую последний с главным корпусом. Эта последняя пристройка состоит из весьма большой, но невысокой, освещенной тремя окнами комнаты, разгороженной вдоль колоннами на две неровные части; из них левая от входа, более широкая, устлана коврами: и тут-то собираются созываемые Советом султаны, беи, старшины. Отсюда два выхода: один – противоположен входу и ведет на крыльцо, выходящее в сад; а другой – помещен на правой стене и сообщает описанную комнату с залой Совета. Эта последняя освещается двумя окнами и в середине имеет довольно длинный стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой и обставленный креслами из красного дерева»¹.

Здесь следует обратить внимание на покрытие стола – не традиционное для имперских канцелярий зеленого цвета, а красного, имевшего для казахов особое символическое значение, адресующее к хану как традиционному обладателю высшего авторитета в степи.

«На стене, смежной с предыдущею комнатою, висит ханский портрет, на котором Джангер изображен во весь рост в шитой золотом тубетейке, в зеленом бархатном кафтане с воротником, грудью, краями пол и обшлагами, богато шитыми золотом; левая рука, украшенная большим перстнем, держит богатую саблю; на плечах виднеется соболья крытая барканом (плотная шерстяная ткань – *авт.*) шуба – подарок царский, дарованный Джангеру при возведении в ханское достоинство»².

Не только мы, но и современники отмечали дуализм цивилизационного образа хана и его свободное отношение к канонам ислама, что оправдывалось европейскими (российскими) цивилизационными нормами, правилами этикета и канонами государственной службы.

«При первом посещении... меня поразили изящество и драгоценность уборки (убранства – *авт.*) комнат дома ханского, оставшиеся памятником умения покойного (Жангира – *авт.*) слить оригинально азиатский и европейский вкусы»³. Знакомые с образом жизни Жангира говорили, что он «...был человек образованный, и род жизни его был столичный: достаточно взглянуть на его комнаты, убранные со вкусом. Стулья, кресла, диваны и зеркала выписаны им из Петербурга; картины, портреты семейный и его самого, развешаны по стенам, что по закону магометанскому запрещается... В особом

¹ Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз... С. 14–15.

² Там же. С. 15.

³ Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казачья орда // Букеевской орде 200 лет. Кн. 2. Алматы, 2001. С. 44.

отделении устроена зала – приемная для киргизов, коих он угощал, сидя на разостланных коврах: с ними он пил и ел. Желая нравиться своей орде, он придерживался их обычаев, так что между нами был он тот же кочующий киргиз-кайсак, между учеными – ученый, мнения и разговоры его слушали с удовольствием»¹. При этом европейских путешественников и гостей хан встречал с европейской роскошью в залитом светом дворце со слугами: «...одни с тонкими полотенцами и с большим серебряным умывальником, а другие разносили чай, кумыс и айран в больших вызолоченных чашах». Накрывал стол на европейский манер уставленный блюдами стол, на котором «...не было недостатка и в европейских красных и белых винах»². Подавали и шампанское. При этом сам хан и его султаны отказывались от вина, недозволенного правоверным³.

В нашем распоряжении есть и другое свидетельство, свидетельствующее о ханском приеме европейцев, но состоявшемся за сто лет до описанного выше события. В 1736 г. состоявший на службе в Оренбургской экспедиции британский подданный Джон Кэстль, стремясь предотвратить угрожавшее Оренбургу⁴ соединение тысяч недовольных казахов с отрядами бунтовавших башкир под командование Килмяка Нурушева⁵, совершил путешествие в Малую орду. Отправиться в ханскую ставку он решился «...зная, что комендант крепости не хочет отправлять с киргизами (казахами, посланниками от хана Малой орды Абулхаира – *авт.*) российского посланника, как того требовала крайняя необходимость, и, чувствуя себя обязанным предотвратить большое несчастье, вред и убыток империи...»⁶

Опуская излишние подробности этого предприятия, остановимся лишь на наиболее интересном для нас описании ханского быта, сделанном Дж. Кэстлем во время нескольких посещений ханских юрт.

После нескольких дней ожидания, вызванных отсутствием хана в ставке, Кэстль получил приглашение прибыть на аудиенцию «...в немецкой одежде и верхом на коне». Путешественник пишет: «Меня спросили, как я намерен выразить хану свое почтение, по-своему или согласно местному обычаю? Когда я сказал, что не знаю местных правил, вызвались сразу несколько человек, готовых меня научить. Они показали, как следует опуститься на колени и как надо три раза лбом коснуться пола перед ханом»⁷. Европейец, к тому же позиционировавший себя представителем могущественной империи, не был готов к такому повороту и решил приветствовать хана на манер, принятый в Петербурге.

Вскоре его проводили к ханской юрте. «Прямо напротив входа сидел хан. На нем была ситцевая одежда в полоску. Рядом с ним сидели два его сына и брат Нияз Султан, а кроме того в юрте находились старейшины. Я снял свою шляпу и сделал троекратный реверанс на французский манер перед ханом и всеми другими присутствующими. После этого я опять надел шляпу, и меня попросили присесть. <...> Когда я говорил, хан слушал не очень внимательно, но, кажется, был доволен. Мы беседовали еще на другие темы, а потом он меня кормил, самолично подавая баранину прямо в рот, угощал кумысом (Cumis) – так у них называется кобылье молоко. Через три часа хан меня отпустил, коснувшись правой рукой моего правого плеча, что служит у них проявлением уважения и

¹ Терещенко А. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда // Букеевской орде 200 лет. Кн. 4. 2001. С. 170.

² Очерки Зауральской степи. С. 89.

³ Иванов И.С. Джангер, хан Внутренней киргизской орды. Астрахань // Букеевской орде 200 лет. Кн. 2. С. 14.

⁴ Ныне г. Орск.

⁵ Килмяк Нурушев – башкирский абыз, старшина Юрматынской волости Ногайской дороги, вождь башкирского восстания 1735–1737 гг.

⁶ Кэстль Джон. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды / Пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого. Алматы, 1998. С. 15.

⁷ Там же. С. 23–24.

большой милости. До шатра меня провожал почетный конвой из 20 человек, но не сумел помешать большой толпе зевак, которые хотели приветствовать меня. А выглядело это так: под видом почтительного приветствия они по своему обычаю ощупывали меня, отчего на моей одежде осталось очень много киргизских гербов, т. е. эти люди, не зная ни ложек, ни вилок и ножей, едят только руками и гербы остались в виде пяти жирных пальцев»¹.

Через несколько дней Абулхаир пригласил английского путешественника на семейный ужин в обществе своих жен. «Пол в его юрте был устлан тонкими персидскими коврами. Сам он восседал на красивой подушке из бухарского бархата под трехцветным балдахинном из красно-желто-белого флера. Слева сидели три его жены под таким же балдахинном. Старшая жена, султанша, расположилась во главе, на первом месте. На ней было платье из красного шелка, украшенного золотыми цветами. На голове – высокая, похожая на турецкую чалму повязка с золотой вышивкой. Обе другие жены были одеты в красный бухарский бархат с белыми ситцевыми повязками на голове, каждая из повязок в развернутом виде была, по-моему, не короче 20 аршин (Arsinen). На ногах у всех у них были сапожки из зеленой тонкой шагреновой кожи. В юрте, кроме того, сидела, но уже не под балдахинном, молодая калмычка (calmuckisches Mägdchen), одетая в черный бархат, которая исполняла на бандуре (Bandoir) русские песни. Напротив хана устроились пожилой человек и подросток: старик играл на турецкой балалайке (türkische Balalaike), а мальчик – на ногайской двуструнной скрипке (Nogaische Violine). В трех шагах от хана, у светильника, в котором горел бараний жир, расположились старшины. В середине юрты стояла деревянная посуда емкостью в четыре ведра. В ней находился напиток, а именно кобылье молоко, или кумыс.

Прошел век, а ханские резиденции и церемонии (в рассмотренном случае) местами изменились до неузнаваемости. Однако это случай остается исключением и присущ только Внутренней орде и ее хану. В прочих казахских землях говорить о заметной трансформации было в целом преждевременно, хотя наиболее состоятельные и близкие к русским казахи перенимали и включали в свой обиход отдельные элементы европейского обихода².

Завершая разговор о бытовой (вещной, материальной) аккультурации казахов русскими, вернемся к высказанному в начале замечанию о том, что процесс культурного (в широком смысле) взаимодействия двух народов был обоюдо направленным. «Самарские губернские ведомости» еще в 1852 г. писали: «Ныне в пограничных селениях многие из русских очень хорошо изучили язык киргизов, особенное мальчишки очень свободно говорят по-киргизски. Это было одно из главных средств, послуживших к сближению русских с киргизами.

Многие из русских коротко знакомы с киргизами, и водят, как говорится, хлеб и соль: если русский приедет к киргизу, то последний приглашает его в свою кибитку, сажает на кошму, поит кумысом. Если киргиз приедет к русскому, то последний ставит лошадь его к сену, приглашает в избу, поит вином и кормит хлебом»³.

Источники и литература

1. Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.

¹ Кэстль Джон. Дневник путешествия... С. 24, 27.

² Потанин Г.Н. Путешествие на озеро Зайсан и речную область Черного Иртыша до озера Маракуль и горы Сарытау летом 1863 года Карла Струве и Григория Потанина // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков / Сост. К. Ш. Алимгазинов. Алматы, 2006. Т. 7. С. 19; Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области // Русский вестник. 1880. № 4. С. 820.

³ Леопольдов А. Отношение русских к киргизам // История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. док. и мат-лов / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы, 2002. С. 849.

2. Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Русская власть в Туркестанском крае: визуализация имперского пространства как фактор аккультурации // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 17–26.
3. Годовова Е.В., Любичанковский С.В. Проявление объективных оснований этноидентичности в повседневном жизненном укладе тюркского населения Оренбургского казачьего войска (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 86–90.
4. Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казачья орда // Букеевской орде 200 лет. Кн. 4. Алматы: Өлке, 2001. С. 29–86.
5. Иванов И.С. Джангер, хан Внутренней киргизской орды. Астрахань // Букеевской орде 200 лет. Кн. 2. Алматы: Өлке, 2001. С. 5–139.
6. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. док. и мат-лов / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1 120 с.
7. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков / Сост. К.Ш. Алимгазинов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. 7. 600 с.
8. Казахские чиновники на службе Российской империи: Сб. док. и мат-лов / Отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 415 с.
9. Киттары М.Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды. СПб.: б. и., 1849. 48 с.
10. Кэстль Джон. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой Орды / Пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого (Регистр). Алматы: Жибек жолы, 1998. 152 с.
11. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. СПб.: тип. К. Крайя, 1832. 304 с.
12. Леопольдов А. Отношение русских к киргизам // История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сборник документов и материалов / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 848–850.
13. Очерки Зауральской степи и Внутренней, или Букеевской, орды. Кн. 2. М.: изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859. 91 с.
14. Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века: Сб. док. и мат-лов / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин. Астана: Общ-во инвалидов Чернобылец. 2012. 758 с.
15. Терещенко А. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда // Букеевской орде 200 лет. Кн. 4. Алматы: Өлке, 2001. С. 155–198.
16. Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области // Русский вестник. 1880. № 4. С. 799–832.
17. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity // Bylye Gody, 2017, Vol. 46, Is. 4. P. 1194–1206.
18. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) // Bylye Gody. 2018. Vol. 49. Is. 3. P. 970–979.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Автор статьи обращается к изучению дипломатического противостояния Российской империи и западных держав накануне русско-японской войны. Раскрываются латентные механизмы влияния европейской дипломатии в Тихоокеанском регионе начала XX в.

Ключевые слова: геополитика, Российская империя, Великобритания, Франция, США, Китай, Япония.

Комплекс геополитических противоречий, накопившийся в Восточной Азии к началу XX столетия, подошел к своей логической развязке. Локальный военный конфликт, направленный на ослабление позиций России и вытеснение ее из региона, был практически неизбежен. Япония при всемерной поддержке англичан и американцев к этому времени завершила перестройку своей армии и промышленности, на верфях западных держав была завершена программа по созданию нового японского флота. Маленькая, но воинственная островная держава была практически готова для нанесения удара по Российской империи, оставалось лишь подготовить соответствующую дипломатическую почву. Именно хитросплетения международной дипломатии накануне русско-японской войны и геополитическое противостояние ведущих держав мира являются менее изученными вопросами в современной историографии. Многие исследователи достаточно часто обходят их стороной, обращаясь лишь к военным аспектам конфликта, или крайне упрощенно трактуют эти события сугубо в контексте противостояния интересов России и Японии. Примитивное и шаблонное объяснение причин войны желанием русского правительства «маленькой победоносной войны» не позволяет понять латентных причин конфликта и в полной мере оценить масштаб событий.

Изучая геополитические интересы мировых держав того времени и логику развития событий, можно с полной уверенностью сказать, что русско-японская война была выгодна всем мировым державам за исключением России. Так, Великобритания, желая ослабить конкуренцию России в Китае и постоянно опасаясь за свои индийские колонии, давно вынашивала план столкнуть японцев с русскими в кровопролитной и взаимно ослабляющей войне. Такое циничное отношение к союзникам со стороны англосаксов является нормой в их внешней политике, которая исторически заключалась в том, что у Англии никогда не было настоящих союзников. Руководствуясь своими интересами, дипломатия этой страны воспринимала другие державы лишь в качестве временных попутчиков, которых она легко предавала, используя их в качестве мелкой разменной монеты в большой геополитической игре. И Япония, так активно выстраиваемая англичанами в мощную державу, не была исключением. Более того, само усиление Японии и возрастающие экспансионистские аппетиты японского правительства начинали тревожить Великобританию. Организовав конфликт с Российской империей, можно было направить энергию самураев в Манчжурию, Корею и Приморье и обезопасить территории Гонконга, Сингапура и Австралии, которые воспринимались англичанами в качестве сферы своего влияния и интересов. С начала XX столетия на международную арену в качестве серьезного и самостоятельного игрока выходили США, которые в это время вели активную борьбу за господство в Тихом океане. Так, американцы в 1898–1899 гг. отбили у Испании Филиппинские острова и захватили Гавайи. Сильная Россия или Япония в этом регионе были для них совершенно не нужны. Сама Япония, с одной стороны, ощущая всемерную поддержку западных держав, а с

другой, вынужденная подчиняться воле своих кураторов-кредиторов, видела в будущем военном конфликте способ расширить свои владения на материке и получить доступ к богатым природным ресурсам, так необходимым для развития ее промышленности. Опоздавшая к разделу мирового колониального пирога, Германия быстрыми темпами стремилась взять реванш и, также, подтолкнуть Россию и Японию к большому вооруженному конфликту. Пока Россия будет вовлечена в войну на Востоке, немцам будет легче достигать своих политических задач в Европе, а ослабленной России намного проще диктовать свои условия. Опасаясь бурного развития Германии, французы также внимательно следили за развитием событий в Восточно-азиатском регионе. Все большее усиление России в Азии сильно беспокоило французов, опасавшихся того, что Россия останется в стороне в случае франко-германской войны, занимаясь своей восточной политикой. Поэтому, по мнению французских дипломатов, война с Японией и поражение в этом конфликте русской армии, должно было подтолкнуть Российскую империю во франко-русский союз. Что и произошло в дальнейшем. Таким образом, все крупные державы Старого и Нового света, преследуя собственные интересы, были не только единодушны в необходимости «маленькой войны» с большими последствиями для России, но и активно способствовали ее началу и нашему поражению. История многократно демонстрировала нам один и тот же урок – сильная Россия никогда не устраивала и страшила наших «западных партнеров».

После того как Китай провел неудачную войну с японскими войсками в 1894–1895 гг., Япония сильно усилилась в регионе. Первоначально китайское правительство соглашалось на крупную контрибуцию, признавало независимость Кореи (а фактически ее переход под управление японцев), уступало Формозу (Тайвань), Пескадорские острова, Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур¹. Последнее было воспринято Россией, как прямая угроза нашим Дальневосточным территориям и допустить такого развития событий наша дипломатия не могла. Используя различные каналы дипломатического давления, России удалось пересмотреть результаты Симоносекского договора и вынудить Японию отказаться от Ляодунского полуострова, уже совсем скоро китайское правительство уступит территорию полуострова в аренду России, что очень сильно обострит наши отношения с Японией. В этой ситуации очень любопытна позиция западных держав, которые не только не возразили России, но и настоятельно рекомендовали Японии уступить русским по вопросу Ляодунского полуострова и Кореи. Наиболее настойчиво об этом заявили Франция и Германия, Англия выступила с позиций нейтралитета. Такое единство в отстаивании пророссийских интересов со стороны Запада всегда должно настораживать и требует внимательного поиска скрытых интересов. Просчитать ответную реакцию Японии было не сложно, обиженная страна четко расставит приоритеты и определится с главным потенциальным противником в регионе и этим противником должна была стать Россия. Геополитическая игра Запада по сталкиванию во взаимно ослабляющей войне России и Японии начинала обретать четкие контуры. Поддерживая Россию в 1895 г. западные державы, в конечном счете играли совместно против нашего государства. Страна восходящего солнца восприняла действия России как вызов. Можно с полной уверенностью сказать, что лишившись возможности получить Порт-Артур и поняв, что русские вошли в Китай всерьез и надолго, японцы стали интенсивно готовиться к войне.

Понимала ли русская дипломатия конца XIX в. всю сложность международной игры, сказать сложно. Скорее всего, русская сторона в некоторой мере питала иллюзии по отношению к Франции и Германии, искренне воспринимая их своими надежными партнерами. Но, ввязавшись в большую борьбу за влияние в Восточно-азиатском регионе,

¹ Симоносекский договор 1895 // Историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12.

у России уже не было выбора и просто так уйти оттуда мы уже не могли. В мае 1896 г. был заключен русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии и о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) через Манчжурию (само строительство велось в 1897–1901 гг.), китайскому правительству со стороны России предоставлялись крупные кредиты¹. Весной того же года Россия подписала договор с Японией о совместном протекторате над Кореей и взяла в свои руки руководство ее финансами и подготовку армии. Япония ограничивала свои войска в Корее, а Россия получала право содержать охрану, равную по численности японскому военному контингенту в Корее. Летом 1896 г. в Москве между Россией и Японией был подписан дополнительный протокол, по которому устанавливалось юридическое равенство сторон в отношении Кореи, что позволило России укрепить свои экономические позиции на Корейском полуострове. В марте 1898 г. по инициативе России в Сеуле был открыт русско-корейский банк, в который должны были перейти вклады корейского правительства. Кроме того, русско-корейский банк получил право сбора налогов и распределения доходов. Фактически вся финансовая система Кореи оказалась в руках России. Однако такая ситуация продолжалась не долго, под давлением Англии японским дипломатам удалось пересмотреть ранее заключенные договора. В России понимали, что военные позиции нашей страны в регионе не достаточны, и втягиваться в большой конфликт за Корею не целесообразно. Поэтому использовалась тактика уступок. Так, в 1899 г. русско-корейский банк был закрыт, русский финансовый советник был отозван, также Россия отказалась от создания русского сэттльмента на территории Кореи. В результате доля Японии в корейском экспорте увеличилась до 84,2 %, в то время как доля России едва достигала 3 %. Расширяя свое колониальное влияние, японское правительство активно направляло на Корейский полуостров колонистов, которые, в нарушение корейско-японского договора, запрещающего покупать корейскую землю, захватывали участки и строили на них дома. Уже к 1901 г. на территории Кореи проживало более 30 тыс. японцев.

Следующим этапом по вытеснению России из региона и усилению влияния Западных держав в Китае и Тихоокеанском бассейне стало провоцирование китайского освободительного восстания, направленного против засилья европейцев. На первый взгляд это может показаться парадоксальным, т. к. территория Китая уже давно воспринималась западными державами в качестве своей полуколонии. Однако если внимательно изучить историю боксерского восстания, его причины и результат, то можно отчетливо увидеть тонкую геополитическую игру. В классической модели геополитики англосаксов, большие успехи достигаются не прямым воздействием, а опосредованными мерами, когда интересующие задачи выполняются другими странами и правительствами, а сам организатор включается в процесс только на финальном этапе развития событий и пожинает плоды своих хитрых комбинаций. Логика очень простая, спровоцировав вооруженное восстание китайцев, можно достигнуть еще большего усиления в регионе, путем введения войск для подавления мятежников, предъявляя китайскому правительству ультиматумы и навязывая новые кабальные договора. Так было с опиумными войнами в XIX в., этот же сценарий сработал и в XX столетии. Главное направить китайскую агрессию в нужном направлении, то есть в направлении Российской империи. В достижении этой задачи больших трудностей не было, т. к. именно с Россией у Китая имеются общие границы. До территории Англии, Франции и тем более США китайские ихэтуани физически добраться не могли.

¹ Ушаков Ю. Русско-японские отношения накануне войны 1904–1905 гг. // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2003. Т. 3. № 2. С. 143–144.

Для достижения этой цели в роли исполнителя была выбрана Япония, которая развернула активное идеологическое воздействие на корейское общество. Достаточно быстрыми темпами стала реализовываться грандиозная программа по распространению идей азиатизма. Естественно, Япония втайне надеялась возглавить такое освободительное движение в Восточной Азии, если таковое произойдет, и избавиться от зависимости своих западных партнеров. Однако Запад вполне мирно наблюдал за развитием японского национализма, совершенно не противодействуя ему, т. к. имел свои интересы в этой комбинации. Для ведения идеологической пропаганды в Корею прибывали члены японских шовинистических организаций (Общество черного океана и Восточноазиатская единая культура). Пропагандируя цивилизаторскую миссию Японии в Восточной Азии, члены этих организаций открывали школы и издавали газеты, основной целью которых являлось прославление достижений Японии и создание отрицательного образа «западных варваров»¹. Лозунг «Азия для азиатов» получил широкую популярность не только в Корее, но быстро проник в и Китай. Раздираемый на части колонизаторами Китай, на почве усилившегося азиатского национализма в 1899 г. поднял масштабное восстание. К маю 1900 г. оно быстро охватило весь Северный Китай и Маньчжурию. Важно обратить внимание, на тот факт, что восстание ихэтуаней наиболее широкий размах приобрело именно в зоне приграничного пространства с Россией. Так, в начале июля 1900 г. китайские повстанцы атаковали строящуюся КВЖД и осадили Харбин, оборонявшийся российскими войсками. 14 июля китайская артиллерия начала обстрелы Благовещенска. В ответ русские войска пересекли границу и подавили огневые точки противника и взяли крепость Хунчунь. В Благовещенске и Владивостоке по инициативе местных властей началось формирование отрядов добровольцев для защиты границы от «разбойничьих и мятежных шак». 23 июля российские моряки отбили атаку на европейский квартал Инкоу и установили контроль над городом. Ситуация начинала приобретать серьезные масштабы. В Приамурском военном округе была объявлена мобилизация солдат. Позже к ним присоединилось Уссурийское казачье войско. Если первоначально китайское правительство пыталось противодействовать повстанцам, то уже скоро поддержало его. Когда к восставшим примкнули регулярные войска, объединенные силы восставших стали штурмовать иностранный квартал Пекина, где здания европейских посольств и миссий превратились в осажденные крепости. 28 июля китайцы вновь подвергли артиллерийскому обстрелу Благовещенск, а русские войска предприняли контрнаступление и вновь пересекли китайскую границу, освободив Харбин. 3 августа началось общее наступление всех коалиционных сил, российским войскам удалось выбить китайцев из-под Благовещенска. В тот же день войска Великобритании и США, возглавляемые адмиралом Сеймуром, а также российские части с французским отрядом подошли к Пекину². Международная армия быстро возросла до 35 тыс. чел., что позволило быстро подавить восстание к сентябрю 1900 г. Европейские державы, а также Япония, как и ожидалось, начали предъявлять китайскому правительству ультиматумы, не согласуя их с другими державами коалиции. Наступил безудержный дележ Китая. Европейская коалиция моментально распалась, и каждая держава действовала самостоятельно. В этих обстоятельствах Россия ввела свои войска в Маньчжурию под предлогом охраны КВЖД. А условием вывода русских войска наши дипломаты требовали от китайского правительства предоставление России концессии на строительство и эксплуатацию новой линии железной дороги, а также запрещение держать в Маньчжурии китайские войска. С Цинским наместником в этом регионе был подписан договор о

¹ Иванов А.Ю. Столкновение интересов России и Японии на Корейском полуострове как фактор начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР: Научный журнал: гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). 2014. № 1. С. 159–171.

² Дацышен В.Г. Русско-китайская война 1900 года. Поход на Пекин. СПб., 1999.

восстановлении гражданского правления и выводе всех китайских войск из Маньчжурии. Началось восстановление разрушенной КВЖД. По результатам Боксерского протокола, который был подписан китайским правительством с одной стороны и США, Японией, Германией, Австро-Венгрией, Россией, Великобританией, Францией, Италией, Испанией, Бельгией и Нидерландами с другой, наша страна получила не так уж и много. Большая часть экономических и геополитических успехов достались западным державам. Китай стал еще слабее, чем был до начала восстания, зато противоречия между Японией и Россией за влияние в Манчжурии усилились, что собственно и было нужно Западу.

После того, как все точки противоречий и напряженности между Россией и Японией были созданы осталось подготовить военный конфликт экономически и дипломатически, чем активно и занялись западные державы. Так, если до начала военного конфликта с Россией, Японию финансировали в основном англичане, то после начала активной фазы военных действий, к этому делу подключились и американцы. В апреле 1904 г. еврейский банкир Шифф и крупный банкирский дом «Кун, Леб и компания» вместе с синдикатом английских банков, включая Гонконг-Шанхайский, предоставили Японии заем на сумму 50 млн долл.¹ Половина займа размещалась в Англии, другая половина в США. Недоверие к японскому кредиту было все же столь велико, что банкиры потребовали точного определения конкретного источника доходов японского правительства, который даст возможность исправно погашать платежи по займу. И в качестве такого источника в контракте были указаны доходы японских таможен, что автоматически ставило вопрос о суверенности государства. В ноябре 1904 г. в банках Англии и США был размещен новый японский заем на 60 млн долл., а в марте 1905 г. последовал третий англо-американский заем, уже на 150 млн долл. всего под 4,5 % годовых. В июле того же года Япония получила четвертый заем на 150 млн В размещении займа на этот раз приняли участие и германские банки. Чистая выручка японского правительства от внешних займов за вычетом комиссионных и других расходов и потерь составила 697 млн. иен и покрыла свыше 40 % всех военных расходов Японии². Приведенные цифры, а также проведенная усилиями западных держав реформа японской армии в предыдущие годы, наглядным образом показывают, на чьи средства велась война против России. Уже в годы русско-японской войны почти все тяжелые орудия, включая 11-дюймовые гаубицы, были получены Японией из-за рубежа. В 1904–1905 гг. на территорию Японии было ввезено огромное количество военно-морского вооружения, включая пушки и торпеды, и даже подводные лодки.

Не забыли западные страны и о подготовке благоприятной дипломатической основы русско-японского военного конфликта. И в этом направлении российская дипломатия показала свою наибольшую слабость, допустив серьезные просчеты. Уже с 1901 г. началась активная фаза дипломатических переговоров между Японией и англичанами. Первоначально с инициативой выступило японское правительство, которое обратилось к англичанам с предложением о заключении союзного договора против России. Однако осторожное англосакское внешнеполитическое ведомство ответило уклончиво не дав четкого ответа о своих намерениях. Главная задача англичан заключалась не только в разжигании военного конфликта между русскими и японцами, но и в желании формально остаться в стороне от него. В марте 1901 г. англичанам и японцам удалось договориться только по вопросам влияния в колониях. Так, Япония обязалась вступить в войну в случае конфликта в Индии, а Британия в случае попыток России захватить Корею. Естественно, такой договор был выгоден в большей степени англичанам, которые серьезно опасались угрозы вторжения русских войск на территорию

¹ Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905. М., 1952.

² Широкоград А.Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М., 2004.

жемчужины своих колониальных владений. В дальнейшем японское правительство сумело подкорректировать текст этого договора и уговорить англичан вступить в войну, если другая держава будет противодействовать японцам в захвате Кореи. Однако главный для японцев вопрос о разграничении влияния в Манчжурии так и не был решен. В результате чего, японское правительство направило своего дипломата в Петербург для обсуждения вопросов по заключению русско-японского договора и согласования позиций сторон. Естественно, русско-японские переговоры принципиально противоречили всей англосакской геополитической комбинации. Западу нужна была война, а не дружеские отношения между Россией и Японией. Поэтому уже 17 января 1902 г. англичане достаточно оперативно заключили с японцами союзный договор, в котором пункт о взаимопомощи был сформулирован очень осторожно, но давал всем понятный сигнал. Так, согласно пунктам этого договора, в случае войны одной из договаривающихся сторон другая соблюдает нейтралитет, и только если в войну против одного из союзников вступает третья сторона, союзники приходят на помощь друг другу. Соответственно, если в случае войны России с Японией против Японии выступила бы какая-нибудь третья держава (имелась в виду Франция или Германия), Англия была бы обязана выступить на стороне Японии¹. Это договор в полной мере устраивал японское правительство и давал ему твердые гарантии, что ни одно государство не решится оказать помощь Российской империи, опасаясь военного конфликта с англичанами.

Ответной реакцией русской дипломатии стало торжественное заключение декларации России и Франции. Россия тем самым стремилась заручиться поддержкой своих французских союзников, полагая, что они являются самыми надежными политическими партнерами в Европе на тот момент. Французская дипломатия своей задачей ставила удержание России в поле своей дипломатической игры и недопущение сближения ее интересов с Германией. Для понимания разницы русско-французских и англо-японских договоренностей необходимо внимательно посмотреть на короткий текст декларации. В ней указывалось, что правительства России и Франции усматривают в англо-японском договоре стремление обеспечить статус-кво, общий мир на Дальнем Востоке и независимость Китая и Кореи, которые открыты для торговли и промышленности всех наций, что соответствует интересам России и Франции. Далее в декларации указывалось, что будучи вынужденными учитывать возможность враждебных действий других держав либо повторения беспорядков в Китае, оба союзных правительства оставляют за собой право озаботиться в такого рода случаях принятием мер, необходимых для охраны их интересов². И на этом текст декларации заканчивался. Сама декларация была одновременно вручена представителям и России и Франции, а также австро-венгерскому, бельгийскому, великобританскому, германскому, испанскому, итальянскому, китайскому, нидерландскому, североамериканскому и японскому правительствам. Как видно из содержания декларации, французы не давали нам никаких гарантий поддержки и помощи в случае военного конфликта в Тихоокеанском регионе, однако русской дипломатии этого оказалось вполне достаточно, чтобы надеяться на своих западных «партнеров» и нерушимость франко-русской дружбы. Важно отметить, что накануне подписания этой декларации английский министр иностранных дел Лэнсдоун уведомил французского посла о том, что англо-японский союз «это простая мера предосторожности» и Англия остается нейтральным государством и зрителем русско-японских распрей. А весной 1903 г. английский король Эдуард VII посетил Париж. При этом английский монарх придал своему визиту характер довольно эффектной демонстрации англо-французского сближения, заявив, что время вражды ушло в прошлое

¹ Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. СПб., 2003.

² Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. СПб., 1906. С. 533–534.

и что теперь должна наступить эра англо-французской дружбы. Во время этого визита ставилась задача устранить острые колониальные разногласия, которые еще разделяли Англию и Францию. Основные противоречия были сняты и 8 апреля 1904 г. был подписан договор Сердечного согласия, принявший форму англо-французского соглашения о разделе колоний и заложивший основу будущей Антанты. К началу русско-японской войны английской дипломатии в полной мере удалось перетянуть на свою сторону Францию, фактически оставив Россию в полной дипломатической изоляции.

Не менее интересна и позиция Германии по вопросу потенциального конфликта в Тихоокеанском регионе. Так, 21 февраля 1901 г., представитель германской дипломатии заявил японскому послу, что Германия «совершенно не одобряет образа действий России в Маньчжурии» и «будет соблюдать благожелательный нейтралитет в случае, если дело дойдет до кризиса... эта позиция Германии будет сдерживать французский флот, между тем, как, вероятно, Англия поддержит Японию». Однако немецкий посол выразил уверенность, что Россия скорее всего не доведет дело «до крайности». Однако более подробных объяснений своей позиции о «дружественном нейтралитете» Берлин не предоставил, даже после того как от германского посла попросили прямого ответа на вопрос, сделает ли Германия соответствующее заявление в Париже в случае начавшейся войны – немецкий представитель ответил уклончиво¹. Однако даже такой позиции Германии было достаточно при наличии поддержки со стороны Великобритании и США. Более того, чтобы в сложившейся ситуации Россия не смогла сблизиться с Германией, США оказали серьезное дипломатическое давление на европейские страны. Так американский президент Т. Рузвельт впоследствии писал, «Как только настоящая война разразилась, я уведомил Германию и Францию самым вежливым и скромным образом, что в случае какой-либо комбинации против Японии... я решительно приму сторону Японии и сделаю все возможное для того, чтобы ей помочь»². Кольцо дипломатической изоляции России накануне войны сжималось. У нашей страны, как обычно, не было настоящих союзников и полагаться можно было только на самих себя. К сожалению, русская дипломатия забыла о политическом завещании Александра III. В начавшемся военном конфликте с японцами Россия вновь оказалась в международной изоляции.

Сыграли свою роль англосаксы и в отвлечении и дезенформации русской дипломатии накануне японского нападения. Так, в январе 1904 г. в Петербурге проходили русско-японские переговоры, в ходе которых Россия согласилась пойти на ряд серьезных уступок. На этом фоне очень весомо зазвучали слова британского министра иностранных дел, который заявил, что «Если Япония и теперь не будет удовлетворена, то ни одна держава не сочтет себя вправе ее поддерживать». Однако сами переговоры были фиктивными и проводились лишь для отвлечения внимания русской стороны. С подачи англичан дата нападения была уже назначена, а планы боевых действий японской армии утверждены. Получив последние заверения Запада, Совет министров Японии еще 14 декабря 1903 г. решил, что «несмотря на продолжающиеся дипломатические переговоры, действовать так, как будто их результат представляется несомненным». В январе 1904 г. на Японских островах началось планомерное сосредоточение транспорта и скрытая мобилизация. В ночь на 27 января 1904 г. без официального объявления войны японцы атаковали русскую эскадру, стоявшую на рейде у Порт-Артура.

Поражение России в этой войне является ярким примером сложной и многоходовой комбинации западных держав в геополитическом противостоянии. Англия и Франция достигли в результате максимально возможной выгоды для себя. Ослабленная войной и революцией Российская империя была вынуждена взять огромный по тем

¹ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.: Л., 1947.

² Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001.

меркам кредит в 2,5 млрд. франков золотом. Через долги нашу страну окончательно привязали к Франции, а через нее и к Великобритании, а затем включили в систему международных военных обязательств, сформировав Антанту. Англия, которая в полной мере виновата в разжигании нашей войны с японцами и Франция, которая предала Россию в самый кульминационный момент, теперь становились нашими «союзниками» в будущей мировой войне. Чего ожидала русская дипломатия от такого союза сказать сложно. Россия не только потеряла свои позиции в Китае, лишилась южного Сахалина и Порт-Артура но и перестала играть серьезную роль в Тихоокеанском и Азиатском регионе, что развязало руки англичанам. Уже по ходу русско-японской войны, англичане легко оккупировали Тибет и прочно там утвердились. Можно с полной уверенностью сказать, что хорошо спланированная Западом русско-японская война в комплексе с организованной русской революцией, перечеркнули многие успехи России в Восточно-Азиатском регионе, сделанные нами во второй половине XIX в. Агрессия Японии была направлена по линии Курилы–Сахалин–Корея–Северный Китай, где японцы наращивали свое присутствие, создавая дополнительные угрозы для России в будущем. Сама же Япония, сильно ослабленная этой войной, была вынуждена вновь брать огромные кредиты, еще сильнее попадая в зависимость от Запада. Однако наиболее серьезным уроном для России стала потеря боевых кораблей, третий по мощности флот в мире бесславно погиб в локальном конфликте. Балтийский и Тихоокеанский флот перестали существовать в полноценном их понимании, Черноморский – был деморализован и серьезно потрепан в результате революционных диверсий 1905 г. Талассократия бесспорно праздновала серьезную геополитическую победу и уже планировала следующие шаги по втягиванию России в очередной, более крупный военный конфликт, который по замыслу англосаксов должен был взаимно уничтожить две сильнейшие сухопутные державы.

Источники и литература

1. Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. СПб.: Terra Fantastica, 2003. 672 с.
2. Дацышен В.Г. Русско-китайская война 1900 года. Поход на Пекин. СПб.: Цитадель, 1999. 160 с.
3. Иванов А.Ю. Столкновение интересов России и Японии на Корейском полуострове как фактор начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР: Научный журнал: гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). 2014. № 1. С. 159–171.
4. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947. 496 с.
5. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. СПб.: Тип. А.М. Менделевича, 1906. 762 с.
6. Симоносекский договор 1895 // Историческая энциклопедия. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1969. Т. 12. 530 с.
7. Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905. М.: Воениздат, 1952. 272 с.
8. Ушаков Ю.Н. Русско-японские отношения накануне войны 1904–1905 гг. // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2003. Т. 3. № 2. С. 143–144.
9. Широкопад А.Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М.: Вече, 2004. 448 с.
10. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2001. 370 с.

РАННИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ А.П. ЧУЛОШНИКОВА

Аннотация. Статья посвящена раннему периоду жизни и неизвестным доселе обстоятельствам научной биографии А.П. Чулошников, сотрудника Историко-археографического института и Ленинградского отделения института истории АН СССР, известного специалиста по истории Башкирии и публикатора материалов, касающихся башкирских восстаний XVIII в. Привлечение новых архивных материалов позволило выяснить, что А.П. Чулошников был учеником С.В. Рождественского, занимался у последнего историей служилых людей XVI–XVII вв. и историей приказов. То, что А.П. Чулошников был родом из г. Оренбурга, объясняет его обращение к истории киргизов и казахов, произошедшее в годы гражданской войны, которые он пережил на родине. После возвращения в г. Петроград он уже не вернулся к занятиям историей Московского царства, и посвятил себя архивным изысканиям, главным образом, по истории Башкирии в XVIII и XIX вв.

Ключевые слова: А.П. Чулошников, С.В. Рождественский, Петроградский университет, Историко-археографический институт, М.Т. Тынышпаев.

В последние десятилетия не угасает интерес к жизни и научному творчеству несправедливо забытых историков, погибших в годы репрессий или умерших во время блокады Ленинграда, и потому не успевших реализовать ученые планы, опубликовать, а иногда и написать научные статьи и монографии¹. Порой от них остаются только планы статей или книг. Но в свое время они были неотъемлемой частью академического сообщества, и наше знание о 1920-х – 1930-х гг. в истории науки без изучения их творчества будет искаженным.

Одним из таких ученых был Александр Петрович Чулошников (1894 – январь 1942), в 1930-х гг. сотрудник Историко-археографического института (далее – ИАИ) и Ленинградского отделения института истории (далее – ЛОИИ), более всего известный подготовленным под его редакцией сборником «Материалов по истории Башкирской АССР», первый том которого увидел свет в 1936 г., а второй – спустя 80 лет после этого. Недавно вышла статья Артура Аетбаева, посвященная этим сюжетам². Автор статьи работал с материалами А.П. Чулошникова, отложившимися в архиве Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) и Архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПБНИИ РАН). Цель данной статьи – дополнить сведения о ранних годах жизни А.П. Чулошникова и выяснить, как и почему он стал заниматься историей Башкирии.

В момент создания ИАИ³ занятия политической историей еще не приветствовались, но актуальна была история социальная, в т. ч. история народов и их борьбы с режимом на фоне представления о России как о «тюрьме народов». Для бывшей Археографической комиссии (АК) казалось естественным заниматься сбором и публикацией документов, поскольку в ней работали сотрудники, специализировавшиеся именно на этом. Поэтому перед ИАИ поставили задачу сбора документов по истории

¹ См., напр.: «Что вы делаете со мной!». Как подводили под расстрел: Документы о жизни и гибели В.Н. Кашина / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб., 2006; Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о школах А.А. Шахматова и В.Н. Перетца: Степан Антонович Еремин // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2. С. 495–520; Она же. В.Л. Комарович – исследователь русских летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 359–367; Она же. Н.Ф. Лавров за чтением А.А. Шахматова // Российская история. 2009. № 4. С. 132–146.

² Аетбаев Артур. А.П. Чулошников и подготовка к печати «Материалов по истории Башкирской АССР» // Ватандаш. 2018. № 9. С. 40–47.

³ Так с 1931 г. стала называться бывшая Археографическая комиссия.

народов России¹. Эти материалы следовало определенным образом отбирать и готовить, чтобы историки, не имевшие тогда возможности ходить в архивы, опираясь на эти материалы, делали правильные с точки зрения марксистской теории выводы. В г. Ленинграде располагался Централхив, в нем А.П. Чулошников работал до ИАИ. Возможно, этот опыт работы и был причиной того, что его взяли на работу в ИАИ. Но все это не объясняет, каким образом историк уже смолodu оказался специалистом по истории киргизов и казахов, автором книги по их древней и средневековой истории, а затем занимался историей Башкирии периода башкирских восстаний и кантонного управления, не будучи тюркологом и не получив специальной подготовки.

Ответы на эти вопросы можно получить, обратившись к личному делу А.П. Чулошникова как студента Петербургского университета, которое хранится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) в фонде Университета². Из других архивных документов, например, из его автобиографии 1930-х гг., хранящейся в СПбФ АРАН, известно, что он родился в Черноострове и был сыном военного³. Но упомянутое студенческое дело включает копию метрического свидетельства Подольской духовной консистории, из которой явствует, что хотя А.П. Чулошников действительно родился в местечке Черноостров Проскуровского уезда Подольской губ. 8 августа 1894 г., а крещен 13 августа 1894 г., но он был сыном войскового старшины и помощника командира 3-го Оренбургского казачьего полка Петра Алексеевича Чулошникова и его жены Екатерины Алексеевны. Восприемниками при крещении стали сотник того же полка Михаил Петров Кипиченков и жена полковника Мария Александрова, крестили же священник Феофан Веселовский с диаконом Шагикевичем в церкви Преображения Господня⁴. Поскольку при крестинах присутствовал казачий сотник и полковничья жена, видимо, в момент рождения А.П. Чулошникова весь полк временно находился в Подольской губ., почему А.П. Чулошников и увидел свет на берегах Буга. Но в дальнейшем полк вернулся в г. Оренбург, где Чулошниковы имели собственный дом. В документах, поданных для поступления Александра Петровича в Петербургский университет в 1911 г., значится адрес: г. Оренбург, 13-я часть, Мастерской переулоч, дом Чулошниковой. Отец А.П. Чулошникова сделал карьеру и на момент поступления сына в университет был уже генерал-майором, поэтому во всех университетских документах А.П. Чулошников значится не иначе, как «сын генерал-майора», например, в прошении о зачислении в университет⁵.

В материалах личного дела имеется фотография А.П. Чулошникова, представленная при поступлении в С.-Петербургский университет. Внизу фотографии имеется надпись (за подписью полицмейстера), переходящая на оборот: «Личность изображенного на сей карточке есть действительно сын генерал-майора Александр Петрович Чулошников, что сим и свидетельствуется. г. Оренбург. 11 июня 1911».

¹ Подробнее см.: Вовина-Лебедева В.Г. Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ (Серия: Санкт-Петербургский институт истории РАН. Доклады и сообщения). СПб., 2015. С. 6–67.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57888. Личное дело студента А.П. Чулошникова.

³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 117. Чулошников А.П.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57888. Л. 34.

⁵ Там же. Л. 3.

А.П. Чулошников в 1911 г. Фотография, представленная для поступления в С.-Петербургский университет. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57888. Л. 1.

Любопытно, что А.П. Чулошников просил зачислить его «на историко-филологический факультет, если же не окажется вакансии, то на юридический», т. е. готов был учиться на любом гуманитарном факультете. Свое желание поступить именно в Петербургский университет он объяснял тем, что имел в Петербурге родственников, а именно, действительного статского советника г-на Гапича¹, начальника отделения Главного Управления Уделов, у которого он и жил после поступления в университет в Коломне на Английском проспекте в доме № 39. В деле также наличествует аттестат 2-го Оренбургского кадетского корпуса, в котором «названный кадет вполне удовлетворительной нравственности» окончил полный курс, имея высшие оценки по Закону Божьему, географии, законоведению и истории, а также свидетельство Оренбургской мужской гимназии. В гимназии А.П. Чулошников сдавал дополнительный экзамен по латинскому языку, необходимый для поступления в университет. Греческий язык он обязался сдать во 2-м полугодии по поступлении в университет². В студенческие годы Александр Петрович несколько раз получал отсрочку от несения воинской службы и при этом был обозначен как «казак Пречистенской станицы 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска»³. Свидетельства об отсрочке во всех случаях были заверены подписью атамана 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, причем в 1916 г. это был «вр.и.д. атамана 1-го военного отдела войсковой старшина Чулошников». В 1914 г. на документе стояла подпись генерал-майора Н.П. Мальцева. Также в 1916 г. А.П. Чулошникову было выдано удостоверение в том, что он является «сыном отставного генерал-майора» и «действительно происходит из офицерских детей Оренбургского казачьего войска»⁴. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что А.П. Чулошников был выходцем из оренбургских казаков, провел детство и юность в

¹ Речь идет о Гаврииле Кирилловиче Гапиче.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57888. Л. 5.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 35–36.

г. Оренбурге, и что его родственники также были связаны с Оренбургским казачьим войском.

Университет был окончен в 1915 г. Имеется свидетельство о 8-ми зачетных полугодиях¹. В это время на историко-филологическом факультете преподавал цвет гуманитарной науки. Большой интерес представляет зачетная книжка студента А.П. Чулошникова². Из нее явствует, что русскую историю ему читал С.Ф. Платонов, историю русской церкви – М.Д. Приселков, историю Византии – А.А. Васильев, методологию истории – А.С. Лаппо-Данилевский, историю церкви – И.Д. Андреев, введение в языкознание – И.А. Будуэн де Куртенэ, историю русского языка – А.А. Шахматов, всеобщую историю – Н.И. Кареев и Э.Д. Grimm, философию – А.И. Введенский, русское искусство – Д.В. Айналов, Древний Восток – Б.А. Тураев, тексты греческих авторов и историю греческого права – С.А. Жебелев, историю Рима – М.И. Ростовцев, Средние века – И.М. Гревс и пр.

Историю удельной Руси и просемнарий по русской истории вел С.В. Рождественский. Он и должен считаться главным учителем Александра Петровича. Сам С.В. Рождественский был учеником С.Ф. Платонова, тогдашнего лидера петербургской исторической школы. Было принято, что темы ученикам давались, исходя из интересов научных занятий профессора. С.Ф. Платонов исследовал историю Московской Руси XVI–XVII вв. Не удивительно, что магистерская диссертация С.В. Рождественского была посвящена служилому землевладению в Московском государстве в XVI в. И своим ученикам он также давал темы по этой эпохе. У С.В. Рождественского А.П. Чулошников написал зачетное сочинение «Нетство и нетчики в служилом классе Московского государства XVI–XVII вв.», удостоенное высшей оценкой «весьма удовлетворительно». В фонде А.П. Чулошникова в Архиве СПбИИ РАН сохранилась рукопись, озаглавленная «Нетство и нетчики. Историко-бытовой очерк»³. Это автограф А.П. Чулошникова на 275 л. На первом листе имеется дата: февраль–ноябрь 1917 г. Судя по этой дате, рукопись представляет собой уже переработанный текст дипломной работы А.П. Чулошникова, возможно, предназначенный к публикации, но так и не опубликованный.

В 1916 г. А.П. Чулошников был оставлен при университете на кафедре русской истории. Сохранилось дело, включающее, в частности, представления ректору Петроградского университета Э.Д. Гримму и попечителю Н.Н. Кульчицкому об избрании факультетом А.П. Чулошникова для «оставления по кафедре русской истории для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности и ученой степени» сроком на 2 года, с 26 ноября 1916 г. по 26 ноября 1918 г. В деле имеется также разрешение управляющего Петроградским учебным округом от 1 декабря 1916 г. оставить А.П. Чулошникова при университете, при условии, что он не подлежит военному призыву, удостоверение о политической благонадежности, о здоровье, разрешение наказного атамана Оренбургского казачьего войска (имени нет, но в это время им был М.С. Тюлин) продлить отсрочку от армии до 1 декабря 1916 г., разрешение из Главного штаба о продлении отсрочки до 26 ноября 1918 г. и т. д.⁴ Есть основание предполагать, что с 1916 по 1918 г. А.П. Чулошников под руководством С.В. Рождественского занимался исследованием древнерусской приказной системы. Сохранился его автограф, датированный апрелем 1918 г. под названием «Панский приказ, как предшественник Иноземского (1610–1624). Страничка из истории московских приказов». Это большая

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57888. Л. 1–12.

² Там же. Л. 18–26.

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 262. Оп. 1. Д. 38.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11277. Об оставлении А.П. Чулошникова при университете по кафедре русской истории. 1916–1918 гг.

статья, рукопись на 38 листах формата F с оборотом, убористым почерком. На первом листе запись: «Черновой экземпляр. Беловой сдан для напечатания в 9-м номере «Русского исторического журнала». Дата: апрель 1918 г.¹ Статья так и осталась ненапечатанной, а номер журнала не вышел. Тем не менее, совершенно ясно, что А.П. Чулошников по окончании университета собирался заниматься историей Московского царства. Многие проблемы в этой области были на то время недостаточно исследованными, и не удивительно, что после работы о нетчиках он продолжил заниматься тем же периодом. Никаких следов того, что в это время А.П. Чулошников интересовался историей Башкирии или каких-то других народов России, не имеется.

Революция, гражданская война и голод в Петрограде изменили судьбу историка. Академическая элита стремилась бежать из бывшей столицы, чтобы выжить. Те, кто имел пристанище в каких-то более благополучных краях бывшей империи, стремились переждать там лихолетье. Но для выезда из Петрограда нужно было разрешение. Сохранилось прошение С.В. Рождественского от 21 мая 1918 г. о том, что «оставленный при Университете по кафедре Русской истории А.П. Чулошников имеет надобность для своих научных занятий в течение лета сего года выехать из Петрограда в разные города России». Внизу приписано: «Оренбург, Казань и Москва»². На основании этого прошения было выдано удостоверение, подписанное последним ректором Петроградского университета Э.Д. Гриммом: «Выдано сие удостоверение А.П. Чулошникову для предоставления ему беспрепятственного выезда из г. Петрограда, въезда в означенные города и, по окончании командировки, обратного возвращения в Петроград». Удостоверение действовало с 26 мая по 1 сентября 1918 г. Имея его в кармане, А.П. Чулошников смог выехать на летние месяцы из Петрограда домой, в г. Оренбург. Представляется, С.В. Рождественский понимал, что для работы над своей темой его ученику должны понадобится московские архивы, но вряд ли необходимо посещение Казани и Оренбурга. Такое удостоверение было просто способом спасти молодого талантливого ученого для науки. Впрочем, не исключено и то, что ни С.В. Рождественский, ни сам А.П. Чулошников весной 1918 г. не предполагали, что разлука затянется, и что А.П. Чулошников вернется в Петроград лишь в 1921 г., а его научные интересы к тому времени совершенно переменятся.

Оренбург в годы гражданской войны, как известно, не был тихой гаванью, но там находился дом и семья А.П. Чулошникова. Тогда это было крайне важно. С 1920 г., когда советская власть прочно утвердилась в этом крае, город стал столицей только что образованной Киргизской АССР, переименованной в 1925 г. в Казакскую АССР. В автобиографии, хранящейся в СПбФ АРАН, А.П. Чулошников писал: «1919–1921 г. 2 года в Институте Наробраза Казакской ССР, преподаватель. Затем в 1920–1921 г. – Народный комиссариат просвещения Казакской ССР. Председатель ученой комиссии, зав. Научным отделом, затем научным сектором. В 1920–1921 г. Председатель Общества изучения Казакстана»³. Значит, когда А.П. Чулошников писал, что работал в Казакской ССР, это значит, что он находился дома, в г. Оренбурге. Здесь А.П. Чулошников стал «председателем местного Института наробраза и лектором Оренбургского отделения Московского Археологического института, в 1919–1920 гг. заведующим Историческим отделением Историко-статистического Отдела при штабе Киргизского Краевого комиссариата»⁴.

Не удивительно, что А.П. Чулошников оказался столь востребован в Оренбурге в годы гражданской войны. Ведь он был местным жителем, наверняка, связанным

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 262. Оп. 1. Д. 40.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11277. Л. 18.

³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 117. Чулошников А.П.

⁴ Там же.

многочисленными узлами с оренбургским сообществом. Любопытно другое: его происхождение генеральского сына (правда, отец умер в 1916 г., находясь в отставке) и выходца из офицерского сословия не помешало ему стать совслужащим. Возможно, имелись некие обстоятельства, нам пока неизвестные. Так или иначе, но многочисленные приработки дали А.П. Чулошникову возможность прожить «в годы наибольших продовольственных затруднений», как сказано в автобиографии, когда люди брались за любую работу. Работа лектором Оренбургского отделения Московского Археологического института была далека по теме от прежних занятий А.П. Чулошникова, зато востребована новой властью Киргизской АССР, которой нужно было срочно создавать национальную историю киргизского и казахского народов как историю эксплуатации и борьбы.

Первая книга А.П. Чулошникова, написанная на основе его лекций 1921 г., вышла в свет в Оренбурге через 3 года¹. В качестве приложения был добавлен текст доклада «Вопрос о происхождении киргизской (казахской) народности в исторической науке и народные казахские предания как источники дальнейшего его освещения», прочитанного А.П. Чулошниковым на публичном открытии Общества изучения киргизского края 1 декабря 1920 г. В предисловии к книге сказано, что она была сначала задумана «в виде краткого популярного учебника для средней школы», но автор от этой мысли отказался, т. к. материал оказался разбросанным и не систематизированным. Получился «синтезирующий очерк». Предисловие подписано 15 июля 1921 г., из чего можем заключить, что книга просто лежала в издательстве в течение трех лет, и сколько-нибудь серьезно работать над ее текстом у А.П. Чулошникова не было возможности. Он выражал надежду на «достойную и благожелательную критику специалистов», таким образом, сам себя специалистом еще не считал, и это было справедливо. Сначала книгу оценили высоко. По сути, она была одной из первых работ по истории народов Русского Востока, вышедших при советской власти. 12 августа 1921 г. текст обсуждался на заседании специальной комиссии, протокол которой сохранился. Заседание проходило уже по возвращении А.П. Чулошникова в Петроград. Судя по почерку, протокол вел сам А.П. Чулошников. Присутствовали кроме него А. Кенжин, А.С. Лазов и Б.Б. Каратаев, по-видимому, не бывшие специалистами в данном вопросе, во всяком случае с научной точки зрения книга на этом заседании не разбиралась². Труд А.П. Чулошникова был одобрен и признан «весьма ценным и полезным для Киргизского края». Комиссия решила выдать автору премию «в 1 млн или даже 1,5 млн рублей как за учебник для школы». Любопытно, что А.П. Чулошников потребовал, чтобы его работу оценили как «солидную научно-популярную работу», и «не ниже простого учебника», и просил выдать премию натурой: мукой или мануфактурой. Члены комиссии просили А.П. Чулошникова продолжить его исследования в Петербурге и написать историю киргизского народа в новое время, обещая «сделать ему все возможное для действительно продуктивной его работы в надлежащих материальных условиях».

Но когда книга попала в руки других специалистов по данной теме, отзыв о ней оказался совершенно другим. На нее откликнулся известный казахский общественный и политический деятель М.Т. Тынышпаев (1879–1937). Он был связан с родным краем А.П. Чулошникова как член правительства Алашской автономии, провозглашенной в Оренбурге в декабре 1917 г. и существовавшей до 1920 г. Вероятно, они с А.П. Чулошниковым были знакомы. После ликвидации Алаш-Орды, в 1920-е гг.

¹ Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи и общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1: Древнее время и средние века. Лекции, читанные в Оренбургском отделении Московского Археологического института в 1921 году. Оренбург, 1924.

² СПБ ИИ РАН. Ф. 262. Д. 100. Протокол заседания Комиссии по оценке труда А.П. Чулошникова «Очерки по истории казак-киргизского народа в древнее время и средние века».

М.Т. Тынышпаев, как и А.П. Чулошников, начал исследовать историю местных народов. Сходство состоит даже в том, что труды М.Т. Тынышпаева, как и книга А.П. Чулошникова, выросли из публичных лекций. В 1924 и 1925 гг. М.Т. Тынышпаев читал в Туркестанском отделении Русского географического общества лекции на тему «Материалы к истории киргиз-казакского народа». В результате, в Ташкенте в 1925 г. появились статьи по древней истории киргизов и казахов, а потом М.Т. Тынышпаев печатался уже в Кзыл-Орде, ставшей с 1925 г. столицей Казахстана, когда Оренбургская губ. была выделена из ее состава и передана в РСФСР¹.

Отзыв М.Т. Тынышпаева на работу А.П. Чулошникова увидел свет в 1926 г.² М.Т. Тынышпаев имел перед А.П. Чулошниковым то преимущество, что был сам представителем народа, о котором писал. Его отзыв оказался разгромным. Он оспорил всю этимологию названий в книге А.П. Чулошникова, указал на незнание автором нужных языков, например, китайского языка. Фактически, было указано, что А.П. Чулошников взялся за дело, к которому был профессионально не подготовлен. Отзыв изобилует оценками следующего рода: то, что пишет автор, «истории неизвестно», это «несостоятельные легенды», «автор неясно представляет себе историю возвышения Тимура», «взаимоотношения и характеристика Тимура и Тохтамыша представлены странно», «автор бесцеремонно обращается с географией», «составные части распавшейся Золотой Орды автор определил слишком детально, но неверно», история взаимоотношений орд у автора «получилась настолько запутанной, что понять тут что-нибудь положительно невозможно», «как образчик нагромождения малозначащих, сумбурных, противоречивых мыслей привожу...», «в дальнейшем автор почти дословно переписывает из Вельяминова-Зернова, на которого, однако, ссылается очень редко и неохотно». М.Т. Тынышпаев увидел в книге множество фактических ошибок и указал на незнание автором историографии. Сам он выше всего оценил работы по данной теме В.В. Вельяминова-Зернова, А.Н. Харузина, А.И. Левшина и В.Г. Тизенгаузена. Не удивляет после этого вывод М.Т. Тынышпаева: «Автор не разобрался в главнейших исторических событиях, неверно представляет себе происхождение киргиз-казаков, не разобрался в родовых делениях, во взаимоотношениях их друг к другу, смешивает историю династий с историей народа... немалым недостатком является незнание языка, неумелое пользование преданиями, бесцеремонное обращение с терминами...», в виду чего «книгу А.П. Чулошникова, как солидный научный труд, рекомендовать мы не можем». Единственное, за что рецензент похвалил автора, это за желание «дать описание кочевого быта», которое «безусловно, заслуживает внимания», поскольку «в настоящее время прежний строй под напором новых условий жизни рушится, и в этот момент очень важно зафиксировать то, что было раньше, чему мы были свидетелями еще недавно». На эту сторону мало обращалось внимания ранее, тогда как «автор собрал разрозненные материалы, кое-где дополнил сам и вообще эту часть работы выполнил вполне удовлетворительно»³.

Когда вышел этот отзыв, А.П. Чулошников уже работал в Петрограде. В своем отчете 1921 г., поданном, вероятно, в университет вскоре по возвращении из Оренбурга,

¹ См., напр.: Тынышпаев М.Т. Материалы к истории киргиз-казакского народа. (Читано в Туркестанском отделении Русского географического общества в 1924 и 1925 гг.). Ташкент, 1925; Он же. Историческая справка и племенной состав коренного населения Ташкентского уезда. Из материалов к национальному размежеванию в Туркестане. Кзыл-Орда, 1926; Он же. Киргиз-казаки в 17 и 18 веках. (Доп. к «Материалам к истории киргиз-казакского народа»). Кзыл-Орда, 1926.

² Тынышпаев М.Т. Отзыв о труде А.П. Чулошникова по истории казак-киргизского народа. Кзыл-Орда, 1926. Книга была подписана автором к печати 20 февраля 1925 г.

³ Там же. С. 14.

он писал: «Сейчас же по прибытии моем, осенью прошлого года¹ в г. Петроград и по устройстве моих домашних и служебных дел принялся за осуществление моей задачи: изучения истории казак-киргизского народа в новое время и прежде всего в XVIII в.». Видимо, в это время как раз и состоялось обсуждение его книги на вышеупомянутом заседании 12 августа 1921 г., когда ему было рекомендовано исследовать именно эти сюжеты. А.П. Чулошников фактически признал, что предмет его научных интересов совершенно переменялся по сравнению с прежним. Но теперь он хотел серьезной работы, без спешки и уже не преследуя цели популяризации. В том же отчете А.П. Чулошников писал о начале своей работы в архивах: Сенатском (ныне Российский государственный исторический архив), в Рукописном отделе БАН и Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки (ныне – РНБ). Прежде всего им были просмотрены более 500 государственных указов. Затем он обратился к материалам Секретной экспедиции Сената, содержащим дела за 1730-е – 1760-е гг. Уже на этом этапе А.П. Чулошников пришел к мысли, что труду по истории казаков и киргизов в новое время «должна прежде всего предшествовать отдельная монографическая разработка разных ее сторон и может быть ранее всего новое, оснащенное целиком на архивном материале, освещение древнейшей казак-киргизской истории до XVIII в., в особенности сношений этого народа с русскими; без этого не будет понятна вся его новейшая история и русская политика на Урале и Иртыше». Так, А.П. Чулошников в РО РАН², «роясь в Миллеровских списках Тобольского архива, вывезенного из Сибири в начале XVIII в., обнаружил в нем ряд ценных и редких данных, совершенно иным светом осветивших для меня все древнейшие сношения Казачьей Орды с Московским государством...»³ Об этом открытии А.П. Чулошников собирался доложить на заседании Исторической секции Научно-исследовательского института при Петроградском университете, сотрудником которого он был в 1922–1923 гг. Тогда в научной карьере А.П. Чулошникова сыграл роль С.В. Рождественский. Сохранился отзыв последнего о научной работе своего ученика среди других отзывов о сотрудниках упомянутого института, датированных 27 января 1923 г. С.В. Рождественский писал: «А.П. Чулошников, еще студентом обнаруживший серьезный научный интерес и способность к самостоятельной исследовательской работе, в настоящее время может быть признан молодым ученым, стоящим уже на твердой почве определенных научных тем и заданий <...> Сделанные им в разных научных собраниях доклады свидетельствуют о напряженной работе над избранными темами, главным образом, над историей колонизации юго-восточной окраины, для которой А. П. собрал большой новый материал»⁴.

Изучение «юго-восточной окраины» закономерно привело А.П. Чулошникова и к оренбургским башкирам, о которых он знал с детства, а значит, и к истории Башкирии в целом. Этому способствовала и близость к архивным материалам. С 1923 г. по 1929 г. А.П. Чулошников работал в Ленинградском отделении Центрархива РСФСР: сначала как научный сотрудник-архивист, затем как заместитель управляющего 1-ым отделением экономической секции. Таким образом, он смог начать работу с материалами по истории Башкирии эпохи башкирских восстаний еще до разделения Центрархива и до увоза материалов по XVIII в. из Ленинграда в Москву, который состоялся во второй половине 1930-х гг., и из-за которого впоследствии при работе над материалами по истории

¹ Здесь, вероятно, ошибка, т. к., судя по автобиографии А.П. Чулошникова, он вернулся в Петроград не в 1920 г., а в 1921 г.

² Имеется в виду современный СПбФ АРАН.

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 262. Оп. 1. Д. 92. Отчет о занятиях А.П. Чулошникова с 1 окт. 1921 по 1 окт. 1922. Автограф.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11277. Л. 20.

Башкирии А.П. Чулошникову пришлось просить себе в помощники московских коллег¹. Одновременно он публиковал статьи по истории восточных народов России, в частности, Оренбурга и Башкирии в разные эпохи. Занятия этими сюжетами вывели его и на тему Пугачева².

С сентября 1930 г.³, согласно его личному делу в ИАИ, А.П. Чулошников «поступил на работу в Археографическую комиссию, позднее Историко-Археографический институт Академии наук», сначала в качестве сверхштатного сотрудника, с 1932 г. работал в ИАИ по договору, затем с 1934 г. вошел в штат ученым специалистом, позднее старшим ученым специалистом. Принятие А.П. Чулошникова на работу в ИАИ полностью соответствовало возложенному на институт заданию заниматься историей народов России. А.П. Чулошников уже был специалистом по истории Русского Востока, причем, за разные периоды времени. Так, по плану ИАИ им была подготовлена академическая публикация материалов о торговле Средней Азии с Московским государством⁴. Кроме него в подготовке тома участвовал А.Ю. Якубовский, подготовивший раздел «Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв.»⁵. Каждый из разделов начинался большой исследовательской статьей, после которой были помещены тексты публикуемых документов. В Археографическом введении сказано, что текст составлялся под общим руководством А.Н. Самойловича, С.Г. Томсинского⁶ и Б.Д. Грекова. Переводы текстов и их редактирование кроме А.Н. Самойловича осуществляли Е.Э. Бертельс, К.Д. Ильина и В.А. Забиров. Карта, как отмечено во введении, была выполнена А.П. Чулошниковым.

Уже по набору исследователей (А.Н. Самойлович, Е.Э. Бертельс), готовивших данный том, видно, что ИАИ работал в тесном сотрудничестве с Институтом востоковедения. Численность собственно сотрудников ИАИ была тогда сравнительно небольшой. Научные сотрудники делились на разряды: к первому разряду относились 6 чел., в т. ч. А.П. Чулошников, ко второму разряду – 4 чел., в т. ч. Н.В. Тимофеев, жена которого принимала потом участие в издании «Материалов по истории Башкирской АССР»⁷. История последнего издания в основных моментах раскрыта в упомянутой выше статье А. Аетбаева. После преобразования ИАИ в ЛОИИ в 1936 г. А.П. Чулошников продолжал работать над последующими томами «Материалов» и над монографией о Башкирии в период кантонной системы управления. Как издание, так и книга готовились не без трудностей, работа А.П. Чулошникова встретила критику некоторых коллег, которые нашли ее недостаточно марксистской. Но это должно быть темой отдельного исследования.

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 262. Оп. 1. Д. 23.

² Чулошников А.П. Кочевые инородцы на работе в Поволжье и Зауралье в начале 19 в. // Труд в России. Ист. Сб. 1924. № 1; Чулошников А.П. Казнь Пугачева 10 янв. 1775 // Русское Прошлое. 1923. № 3; Он же. Казак-киргизские кочевые орды и Пугачевщина. 1773–1774 гг. // Новый Восток. 1929. Кн. 25. С. 201–215; Он же. К истории восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. 1926. Т. 16. С. 53–75.

³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 117.

⁴ Чулошников А.П. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII в. Л., 1932. С. 61–88.

⁵ Там же. С. 1–60.

⁶ Отметим, что имя С.Г. Томсинского в принадлежащем библиотеке СПбИИ РАН (преемник ИАИ и ЛОИИ) экземпляре вымарано, видимо, после 1935 г., когда бывший директор ИАИ был снят со всех постов и арестован, хотя это не коснулось имен арестованных в 1936 г. В.А. Забирова и в 1937 г. А.Н. Самойловича (все трое были расстреляны).

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. № 1318. 1933 г. Переписка по личному составу.

Источники и литература

1. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 262. Оп. 1. Д. 38, 40, 92, 100.
2. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 133. Оп. 3. Д. 117.
3. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11277; Оп. 3. Д. 57888.
4. «Что вы делаете со мной!». Как подводили под расстрел: Документы о жизни и гибели В.Н. Кашина / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб.: Нестор-История, 2006. 270 с.
5. Аетбаев Артур. А.П. Чулошников и подготовка к печати «Материалов по истории Башкирской АССР» // Ватандаш. 2018. № 9. С. 40–47.
6. Вовина-Лебедева В.Г. В.Л. Комарович – исследователь русских летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 359–367.
7. Вовина-Лебедева В.Г. Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ (Серия: Санкт-Петербургский институт истории РАН. Доклады и сообщения). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 6–67.
8. Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о школах А.А. Шахматова и В.Н. Перетца: Степан Антонович Еремин // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2. С. 495–520.
9. Вовина-Лебедева В.Г. Н.Ф. Лавров за чтением А.А. Шахматова // Российская история. 2009. № 4. С. 132–146.
10. Тынышпаев М.Т. Материалы к истории киргиз-казакского народа. (Читано в Туркестанском отделении Русского географического общества в 1924 и 1925 гг.). Ташкент: Вост. отделение Киргизского гос. издательства, 1925. 75 с.
11. Тынышпаев М.Т. Историческая справка и племенной состав коренного населения Ташкентского уезда. Из материалов к национальному размежеванию в Туркестане. Кзыл-Орда: Общество изучения Казакстана, 1926. 12 с.
12. Тынышпаев М.Т. Киргиз-казаки в 17 и 18 веках. (Доп. к «Материалам к истории киргиз-казацкого народа»). Кзыл-Орда: Общество изучения Казакстана, 1926. 14 с.
13. Тынышпаев М.Т. Отзыв о труде А.П. Чулошникова по истории казак-киргизского народа. Кзыл-Орда, 1926. 15 с.
14. Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи и общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1: Древнее время и средние века. Лекции, читанные в Оренбургском отделении Московского Археологического института в 1921 году. Оренбург: Киргизское гос. издательство, 1924. 291 с.
15. Чулошников А.П. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII в. Л., 1932. С. 61–88.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ВОСПИТАННИКОВ НЕРУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ К УСЛОВИЯМ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье рассмотрен процесс социокультурной адаптации воспитанников нерусского происхождения к условиям закрытых военно-учебных заведений Российской империи. Автор приходит к выводу, что значительные социокультурные различия вкупе с особенностями правительственной политики существенно затрудняли процесс вливания малолетних горцев и детей закавказских народов в кадетскую среду и способствовали их выделению в особую группу. Впоследствии такие кадеты составляли специфическую категорию офицеров русской императорской армии.

Ключевые слова: Российская империя, военное образование, кадетские корпуса, горцы, Кавказская война, социокультурный облик, традиции.

Кадетские корпуса Российской империи представляли собой сложный социокультурный феномен, образованный причудливым переплетением официальных порядков и правил поведения с неофициальными традициями и обычаями, создаваемыми корпорацией воспитанников. Условия жизни в заведении строились на принципе нивелирования личности каждого отдельного кадета, подчинении его многочисленным начальникам и товарищеской массе. С одной стороны, официальная военно-культурная парадигма начиная с павловских времен требовала, чтобы на воспитанника смотрели не как на ребенка, а как на солдата; последний же, по выражению Павла I, представлял собой «простой механизм, артикулом предусмотренный». С другой стороны, коллективная психология детского коллектива стремилась к уничтожению любых проявлений индивидуального начала, а условия закрытого учебного заведения способствовали многократному усилению давления массы на личность. Продуктом интерполяции начальственной политики и товарищеского влияния был максимально обезличенный кадет, ритм жизни которого задавался барабаном, а мысли и желания представляли собой точную копию мыслей и желаний его однокашников.

Воспитанники, не желавшие подчиняться установленным порядкам, безжалостно отбраковывались. Причем наибольшую непримиримость в этом отношении демонстрировало не начальство (свидетельством чему служат многочисленные «закалы» и «отчаянные», открыто бросающие вызов руководителю любого уровня), а товарищеский коллектив. Если кадету, чьи устремления шли вразрез с настроением массы, удавалось удержаться в заведении, он превращался в «белую ворону», подвергался гонению и унижениям, и эта недобрая слава преследовала его и после выпуска в офицеры.

Однако подлежащая приведению к общему знаменателю кадетская масса была очень пестрой, что делало полную нивелировку невозможной. При этом «свое лицо» чаще всего сохраняли не представители аристократических фамилий (на них товарищи смотрели как на равных), а представители иных национальностей, чьи стартовые различия были обусловлены принадлежностью к принципиально иной социокультурной и этноконфессиональной среде. Начальственные усилия и давление основной массы кадет могли скорее сломать их, чем «перепрограммировать».

Говоря о нерусских воспитанниках кадетских корпусов, мы обращаем внимание главным образом на представителей кавказских и закавказских народов, резко выделявшихся из общей кадетской массы. Поляки, которых в корпусах было значительно больше, чем кавказцев, быстро теряли прежде присущую им специфику, «русели» и к моменту выпуска уже мало чем отличались от своих русских товарищей. Это было вызвано не столько достаточно жесткой политикой русификации (влияние которой,

разумеется, нельзя сбрасывать со счетов), сколько культурной близостью поляков и русских, которая сохранялась вопреки конфессиональным различиям и обусловленной целым комплексом факторов взаимной неприязни. Еще легче вливались в кадетскую среду немцы, о происхождении которых напоминали лишь принадлежность к протестантизму (обычно к лютеранству) и широко распространенная кличка «колбасник». На удивление безболезненно проходила адаптация к условиям русских военно-учебных заведений представителей экзотических национальностей. В 1902 г. Пажеский корпус окончил сиамский принц Чакробон, по желанию отца проходивший вместе со своим товарищем Най-Пумом обучение на общих основаниях и даже принимавший участие в традиционных шалостях пажей. В начале XX в. в Николаевском кавалерийском училище учился абиссинец Теризэ, отличавшийся от своих однокашников лишь цветом кожи, а в Михайловском артиллерийском училище – другой представитель абиссинской аристократии, Петр Текле Хавариати, застенчивый и добрый молодой человек, находившийся в прекрасных отношениях с товарищами.

Совершенно иначе проходила адаптация к корпусным условиям малолетних горцев, которые стали зачисляться в военно-учебные заведения начиная с 1829 г. Руководство, понимая, что столкновение кавказских воспитанников с жесткими условиями пребывания в Дворянском полку и кадетских корпусах будет для них культурным шоком, сделало все возможное для того, чтобы адаптация проходила максимально безболезненно. Поскольку помещение горцев в корпуса преследовало цель не столько их подготовки к офицерскому званию (в специальные классы, где изучались военные дисциплины, кавказские воспитанники переводились лишь в порядке исключения), сколько воспитания в духе преданности российскому правительству и приобщения к культуре, командующий Императорской Главной квартирой генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф решил изолировать кавказцев от основной массы воспитанников. К этому же понуждала и суровость нравов тогдашних кадет: тех, кто не вписывался в разработанную ими систему координат, ждали насмешки, издевательства, побои. Горцы, которые априори составляли в массе воспитанников незначительное меньшинство, были бы не в силах противостоять притеснениям. Наконец, стремление привлечь на сторону правительства представителей кавказской элиты – а именно к ним принадлежало подавляющее большинство новых кадет – требовало наделять их рядом привилегий, демонстрация которых остальным кадетам была крайне нежелательной. Итогом стало фактическое выделение зачисленных в кадетские корпуса малолетних горцев в особую группу, обособленную от прочих воспитанников, но вместе с тем не изолированную от них полностью.

В августе 1829 г. Бенкендорф направил Главному директору Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка генерал-адъютанту Н.И. Демидову правила воспитания кавказцев в Дворянском полку:

- «1. Не подавать им свинины и ветчины.
2. Запретить, чтобы над ними дворяне не насмеялись и никаких им оскорбительных названий не давали, а стараться сколь возможно, чтобы они подружились.
3. Ружием и маршировке не учить, а довести их помалу до того, чтобы они сами просили сим заниматься в свободное время.
4. Выговоры и наказания арестом им не делать самим начальникам, а приказывать о сем прапорщику Туганову, которому известно лучше, с которым народом как обращаться.
5. Не заставлять их самих чистить свое платье, а на этом им дается два служителя из их крепостных.
6. Не воспрещать им по их обычаю по несколько раз в день умываться.

7. Дозволить каждому класть свое оружие и платье подле своей постели, как пожелает.

8. Не воспрещать надевать оружие, а прапорщик Туганов постарается постепенно их от сего отучить.

9. Дозволять им курить трубки вне классов.

10. Эфендию (их духовная особа) позволять их посещать, когда он пожелает, даже и в классах.

11. Наблюдать, чтобы во время их молитвы дворяне им не мешали.

12. В свободное время от учения позволять ездить им верхом на их лошадях, за которыми будет присылать прапорщик Туганов.

13. Их единоплеменникам не воспрещать их посещать в часы, свободные от ученья.

14. Наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет их веры ничего худого не говорили и не советовали переменять оную.

15. Дозволить буде пожелают иметь свои постели»¹.

Как видим, малолетние горцы сохранили привычный для них жизненный уклад: они могли беспрепятственно выполнять все религиозные предписания, на них не распространялись суровые казарменные условия. Демидов, со своей стороны, настоял на том, чтобы кавказцы проживали не совместно с другими кадетами, а в отдельных помещениях – в этом случае разница в их положении не столь сильно бросалась в глаза, а возможность других воспитанников задирать горцев была бы сведена к минимуму. Кроме того, Главный директор, известный своей демонстративной набожностью, стремился избежать конфликтов на религиозной почве: по его мнению, «...появление в каморах людей в необыкновенной одежде, отправляющих молитвы, а тем более частые омовения свои совсем особенным образом, должно непременно породить в воспитывающихся любопытство и суждения; но кто поручится, чтоб... дворяне... не в состоянии будут воздержаться от насмешек»². По этой же причине горцев было решено водить в баню отдельно от прочих кадет: кавказцы-мусульмане, в подавляющем большинстве своем уже прошедшие процедуру обрезания, неизбежно бы привлекли внимание товарищей, которые бы стали расспрашивать их, дразнить и т. п.

Поскольку среди корпусного начальства в николаевскую эпоху было немало свирепых «секунов», а все горцы весьма трепетно относились к ограждению своего человеческого достоинства от посягательств, кавказских воспитанников было решено избавить от порки. Бенкендорф распорядился подвергать их за проступки и шалости «тем же наказаниям, как и дворян (имелись в виду воспитанники Дворянского полка – *авт.*), только телесных наказаний не делать»³.

Кроме того, горцам было позволено сохранить национальное платье, которым они очень гордились. Чтобы кавказские воспитанники не позабыли свой родной язык, один из офицеров лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона должен был регулярно навещать их и беседовать с ними.

В то же время помещение горцев в столичные военно-учебные заведения осуществлялось «с той целью, дабы малолетние дворяне присоединенных к России земель получили воспитание под Высочайшим надзором и чтобы они привыкали с юных лет к отеческим милостям государя императора и возвращались на родину с чувствами благодарности и преданности к Его Императорскому Величеству»⁴. Успешное этих задач могло быть достигнуто лишь в контексте культурной ассимиляции горцев. В 1834 г. Николай I, заслушав доклад новороссийского и бессарабского генерал-губернатора

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 945. Оп. 1. Д. 76. Л. 2–3.

² Там же. Л. 11 об.–12.

³ Там же. Л. 7 об., 9 об.

⁴ Там же. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5460. Л. 78–78 об.

генерал-адъютанта графа М.С. Воронцова «о пользе, которая происходила бы от постоянного помещения в кадетские корпуса сыновей татарских мурз и помещиков Крымского полуострова», отозвался, что, «имея в виду *точную пользу готовить к русским нравам и службе* (выделено нами – авт.) детей магометанских помещиков», им следует предоставить вакансии в корпусах. Данная установка предусматривала постепенную русификацию и, по возможности, христианизацию воспитанников. Поэтому правительство стремилось к тому, чтобы особый статус горцев не препятствовал их контактам с другими кадетами. Живое общение, перераставшее в товарищеские отношения и дружбу, должно было помочь кавказским воспитанникам со временем стать составной частью российской политической и военной элиты, что, безусловно, облегчило бы инкорпорацию Кавказского региона в социокультурное пространство Российской империи. Эти же правила действовали и в отношении детей грузинских дворян и почетных мусульман Закавказского края, которых стали привозить в Петербург начиная с 1840-х гг. Правительство постановило правилом, чтобы помещаемые в корпуса дети «азиатцев» должны были быть «не старше 10 лет, так как поступление туда взрослых не приносит им никакой пользы, и по многим отношениям вредит заведениям, где они помещаются»¹.

В некоторых случаях ассимиляция была вполне успешной. Сын имама Шамиля Джамалуддин в 1839 г. в возрасте 9 лет прибыл в Россию в качестве заложника и был помещен на воспитание в Александровский сиротский кадетский корпус, а в конце того же года переведен в 1-й кадетский корпус. Однокашник Джамалуддина С.П. Зыков вспоминал, что Шамиль (как называли его товарищи), «...совершенно обрусев, был прекрасным товарищем и участвовал вместе с другими в разных проделках»². Другой товарищ Джамалуддина, Н.А. Крылов, бывший его соседом по спальне, считал, что сын знаменитого имама быстро свыкся со своим новым положением потому, что попал в Россию ребенком и сразу был прислан в Александровский корпус, где «научился говорить по-русски и усвоил кадетскую жизнь»³. Примечательно, что Крылов, хорошо знавший Джамалуддина, не был склонен считать его полностью свыкшимся со своим новым положением: так, «Шамиль» крайне болезненно воспринял распоряжение сменить национальную одежду на обычный кадетский мундир. Однако дальнейшая жизнь Джамалуддина убедительно доказывает, что он действительно «совершенно обрусел»: после выпуска в офицеры не стремился на Кавказ, а успешно служил во Владимирском 13-м уланском полку, дислоцировавшемся в г. Торжке Тверской губ., и получил там чин поручика, увлекался гимнастикой и танцами, с упоением решал математические задачи и даже собирался перейти в христианство и жениться на Е.П. Олениной – дочери генерал-майора. В 1855 г. в результате обмена заложниками по воле отца Джамалуддин вернулся на Кавказ, где, разлученный с невестой и лишенный ставшими привычными занятий, впал в депрессию и умер три года спустя. С отцом он не ладил: имама раздражала любовь старшего сына к России. Вместе с тем следует отметить, что к началу 1850-х гг. родители некоторых кавказских воспитанников одобряли помещение своих детей в корпуса и даже, не желая выделять сыновей из общей массы воспитанников, просили одевать их не в национальное платье, а в обыкновенные кадетские куртки⁴. В 1858 г. в статье для журнала Совета о военно-учебных заведениях было отмечено, что «...горцы очень русеют и даже

¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 586. Л. 3 об.

² Зыков С.П. Наброски из моей жизни // Русская старина. 1910. № 3. С. 631.

³ Крылов Н.А. Кадеты сороковых годов (Личные воспоминания) // Исторический вестник. 1901. № 9. С. 944.

⁴ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2477. Л. 7.

отвыкают от своих народных нравов, что с одной стороны хорошо, а с другой вредно; пример сына самого Шамиля служит очевидным тому убеждением»¹.

Однако в большинстве случаев процесс адаптации к условиям корпуса проходил нелегко. Перу детского писателя рубежа XIX–XX вв. Л.Ф. Черского принадлежит рассказ «Черкес. Воспоминания кадета». Судя по ряду деталей, действие относится к 1840-м или 1850-м гг. Это не воспоминания самого писателя, родившегося в 1866 г., а, как и в случае с «Кадетским монастырем» и «Инженерами-бессребрениками» Н.С. Лескова, беллетризованная версия записанного с чьих-то слов рассказа. Положение главного героя – горца Карабича – в корпусе ничем не отличалось от положения его товарищей. Сразу же после прибытия он был встречен, как и все новички, насмешками, а затем острижен и переодет в кадетский мундир, что изуродовало стройного, красивого мальчика до неузнаваемости: «Форменное платье, наскоро подобранное, неуклюже и мешковато сидело на нем; коротко обстриженная голова приняла клинообразные очертания, а лоб и нос резко выдались вперед, придав его лицу какое-то смешное, птичье выражение»². В первые дни своего пребывания в корпусе Карабич напоминал пойманного орленка, но затем мало-помалу стал втягиваться в кадетскую жизнь, сумел близко сойтись с товарищами, принимал участие в играх и гимнастических упражнениях и даже охотно танцевал лезгинку по просьбе начальства. Молодой горец, вдохновленный подвигами русских солдат, открыл в себе драматический талант: он разыгрывал перед собравшимися кадетами мини-спектакли, в которых мастерски играл умирающего унтер-офицера Семена Старичкова, передающего товарищу спасенное им знамя Азовского мушкетерского полка, и рядового Архипа Осипова, взрывающего пороховой погреб. Если бы не петербургский климат, погубивший Карабича за несколько месяцев, он со временем стал бы отличным офицером русской армии. Но граница, отделявшая его от товарищей, все же не исчезла полностью: Карабич тяготился своим кадетским званием, тосковал по родине и страстно мечтал вернуться туда и увидеть своих родных.

Подавляющее же большинство горцев и после нескольких лет пребывания в заведении не утрачивало присущей им изначально социокультурной специфики и было настроено враждебно по отношению к корпусным порядкам, руководству и товарищам. А.Н. Куропаткин, учившийся в 1-м кадетском корпусе в 1858–1864 гг., вспоминал: «К нам в корпус привозили горских мальчиков в их живописных костюмах. Не зная ни слова по-русски, попавшие из гор в гнилой Петербург, дети эти страдали и душевно и физически. Стройные, красивые, они напоминали орлят, посаженных в клетку. Держались особняком. Сами других не обижали, но в обиду и себя не давали. К ним, зная легкость, с которой они готовы были пырнуть в обидчика ножом, относились с некоторым страхом и уважением»³. Отсев кавказцев был весьма значительным: они исключались по неспособности к учению, по болезни, по желанию родителей. Многих воспитанников, уже зачисленных в корпуса, отказывались отпускать их отцы. Других, спустя несколько месяцев после прибытия в Петербург, начинали мучить легочные заболевания, нередко завершавшиеся летальным исходом. Так, в январе 1838 г. скончался воспитанник 1-го кадетского корпуса Умар Аджиев, уже давно страдавший «болезненными припадками груди»⁴. Другой кадет 1-го корпуса, Алибек Пензулаев, в сентябре 1840 г. был уволен в отпуск на родину на полгода по причине одержимости «слабостью груди, угрожающей расстройством легких»⁵.

¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 740. Л. 112 об.

² Черский Л. Черкес: Воспоминания кадета. СПб., 1901. С. 8–9.

³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 30.

⁴ Там же. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5460. Л. 68.

⁵ Там же. Л. 72.

Значительную роль в социокультурной адаптации кавказских воспитанников играла религия. По общему правилу, мусульмане могли беспрепятственно следовать всем предписаниям своего учения и до 1852 г. даже освобождались от занятий по пятницам. Руководство, предоставляя им широкие возможности для отправления культа, стремилось превратить ислам в средство политической и культурной ассимиляции горцев. Так, заведующий кавказскими воспитанниками в кадетских корпусах штабс-ротмистр Дударов внушал своим подопечным, что они должны заменять в пятничной молитве (хутбе) имена султанов и халифов именем русского императора, которому они обязаны своим благополучием, а в 1851 г. по разрешению Николая I его имя и имя великого князя Михаила Павловича были внесены в текст хутбы.

К переходу в христианство горцев не понуждали, однако если кто-либо из них изъявлял желание креститься, то ему оказывалось ненавязчивое содействие. В 1834 г. во 2-й корпус поступил малолетний горец Магмет Мартузали-Оглы, не скрывавший своей приверженности к христианству и даже утверждавший, что уже принял крещение. Еще во время пребывания этого кадета в Александровском корпусе мулла Хантемиров обратил внимание на то, что он, «забывая закон свой, часто ходит в греко-российскую церковь»¹. В сентябре 1835 г. Мартузали-Оглы, несмотря на угрозы Хантемирова, принял решение о переходе в христианство, после чего по распоряжению военного министра генерал-адъютанта графа А.И. Чернышева ему был предоставлен «6-месячный срок на решительное объявление желанья своего принять христианскую веру или остаться в вере своих праотцов»². Принятие крещения по православному обряду состоялось в ноябре следующего года. Горцы-христиане по своему статусу уже ничем не отличались от прочих кадет: они не находились в ведении заведовавшего кавказскими воспитанниками ротмистра Дударова и носили обычное кадетское платье. В 1856 г. им открыт доступ к получению военного образования в специальных классах.

Вместе с тем религия, бывшая важным инструментом ассимиляции, использовалась весьма осторожно, чтобы не вызвать недовольство на Кавказе и не уничтожить тем самым плодов многолетнего труда. Так, в мае 1839 г. командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенант Е.А. Головин обратил внимание министра народного просвещения С.С. Уварова на то, что в заведенных при войсках корпуса школах военных воспитанников, призванных «доставить туземцам средства хотя к некоторому образованию юношества и чрез то сблизить с нами разноплеменных жителей сего края, смягчить нравы их и уничтожить закоснелые предрассудки»³, мусульмане обучаются по книгам, в которых напечатаны, в числе прочих текстов, христианские молитвы. Генерал опасался, что «чтение молитв наших может произвести в мусульманах подозрение, а в родителях возбудит недоверчивость к намерениям Правительства»⁴, и ходатайствовал о замене этих хрестоматий новыми, в которых христианские молитвы были бы заменены текстами из Корана. Поскольку пособий такого рода в России не было, составление книги было поручено ординарному профессору Императорского Казанского университета А.К. Казембеку, впоследствии известному востоковеду. Вскоре требуемый букварь был составлен, отпечатан и вместе с изготовленными Казембеком прописями отослан в штаб Отдельного Кавказского корпуса.

Выше уже отмечалось, что горцы лишь в исключительных случаях допускались в специальные классы корпусов, где изучались военные дисциплины. Это было вовсе не случайно: в разгар Кавказской войны правительство вовсе не собиралось заниматься подготовкой своих потенциальных противников. Учебные успехи кавказских

¹ РГВИА. Ф. 315. Оп. 1. Д. 10232. Л. 1 об.

² Там же. Л. 5–5 об.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 737. Оп. 1. Д. 140. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Л. 1 об.

воспитанников не радовали, а, напротив, пугали их. Воспитанник 2-го кадетского корпуса Арслан Мирза Дударов, в 1839 г. не выпущенный из общих классов в офицеры по малолетству, был переведен в 1-й артиллерийский класс, а в 1840 г. успешно его окончил. При этом воспитанник обнаружил великолепные способности и вместе с тем «характер предприимчивый, дерзкий, настойчивый, хитрый и даже, можно сказать, злой»¹. Поэтому во 2-й артиллерийский класс он переведен не был. Полученная Дударовым специальная подготовка была сочтена недостаточной для выпуска в артиллерию, а отправлять его на службу на Кавказ руководство считало опасным. Поэтому местом его службы был избран один из полков, расквартированных на западной границе России. Многочисленные ходатайства прапорщика Дударова о переводе на новое место, ближе к родственникам, не были уважены.

В дальнейшем руководство придерживалось такой же позиции. В 1844 г. полевой провиантский комиссионер губернский секретарь Тарутин направил на высочайшее имя записку о плане военных действий для покорения Кавказа, в которой отмечал: «в учебных наших заведениях образуются многие из кавказских пород; образование ума не всегда бывает образованием сердца, влечение которого всегда родина, любовь к ней никогда не изглаживается. Азиатский ум бывает пламенен и хитер; одна нега его усыпляет. Со временем из этих ученых беглецов может найтись такой, который заразясь славой, высшим назначением человека, найдет себе подобных подручных, сольет все породы Кавказа в одну, устроит заводы и фабрики и учредит правильное управление. Кавказ всем изобилует по царству ископаемому: есть сера, селитра, медь, свинец, железо, чугун, серебро и золото. Недостает ученых мастеров; но для этого найдутся удалые беглецы, и если руки природных жителей неспособны к работе, то они употребят на то пленных»². Николай I, когда ему было доложено содержание записки, отметил: «Мысль эта не без основания, и надо строго обращать внимание на нравственные качества горских воспитанников, производя тех только, которые с сей стороны благонадежны»³. Глава военно-учебного ведомства великий князь Михаил Павлович, со своей стороны, также одобрил мнение Тарутина, добавив, что «воля Государя Императора, изложенная в резолюции, отчасти уже приводится в исполнение по военно-учебным заведениям на основании последовавшего в 1839 г. Высочайшего повеления на предположение Мое по предмету воспитания горцев в подведомственных мне заведениях»⁴. В соответствии с этим повелением пребывание горцев в кадетских корпусах должно было ограничиваться общим курсом, а в специальные классы переводились лишь те из них, кто обладал исключительными способностями. После выпуска в офицеры они должны были проходить службу не на Кавказе, а во внутренних губерниях России или на западной границе.

По мере затухания Кавказской войны помещение горцев в кадетские корпуса утрачивало актуальность. К тому же стало ясно, что оно так и не принесло ожидаемых плодов. В мае 1853 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказский генерал-адъютант князь М.С. Воронцов направил Главному начальнику военно-учебных заведений великому князю Александру Николаевичу письмо, в котором охарактеризовал неудобства, сопряженные с пребыванием кавказцев в военно-учебных заведениях. По его мнению, резкая перемена обстановки и климата губительно воздействовали на психику и физическое здоровье малолетних горцев. Их родители, за весьма редкими исключениями, также не стремились отправлять своих сыновей на воспитание в Петербург. В целом нахождение в корпусах приносило горцам более вреда,

¹ РГВИА. Ф. 724. Оп. 56. Д. 513. Л. 4 об.

² Там же. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5557. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 1 об.–2.

⁴ Там же. Л. 3–3 об.

нежели пользы: они «...большою частью, тяготясь своим положением и теряя охоту к учению... отдаляются от русских до того, что даже свободно объясняться на языке нашем не могут. Таким образом, одни из них остаются почти в первобытном состоянии, воздерживаясь несколько от врожденных склонностей к лени и своеволию, уверенностью, что по достижении совершенного возраста их выпустят из корпуса офицерами, другие, менее благоразумные, не заботясь даже о сохранении этого преимущества, предаются привычкам дикой жизни вполне, чтобы получить скорее свободу и воротиться на родину»¹. После выпуска на службу они не становились частью русского офицерского корпуса, а держались особняком и по-прежнему тосковали о вольной жизни. Воронцов полагал, что такие привилегии, как ношение национального платья и возможность верховой езды, поддерживали в горцах во все время их пребывания в кадетских корпусах память о Кавказе и мешали их слиянию с кадетской массой. Исходя из этих соображений, наместник Кавказский полагал ограничить число горцев, помещаемых в столичные военно-учебные заведения, и расширить способы получения ими образования непосредственно на Кавказе. Великий князь Александр Николаевич согласился с мнением Воронцова (возражение цесаревича вызвало лишь утверждение, что горцы не выучиваются русскому языку) и присовокупил, что «военное воспитание для горцев не совсем удобно в политических видах и более вредно, чем полезно»². Итогом стало сокращение числа обучавшихся в Петербурге кавказцев на треть и предоставление им вакансий в Ставропольской и Екатеринодарской гимназиях.

Адаптация кавказцев к социокультурным реалиям Российской империи продолжалась и после их выпуска из корпусов. Так, горцы, получившие образование, первоначально прикомандировывались к линейному казачьему Кавказскому войску с зачислением по кавалерии. Таким образом начальство рассчитывало «сблизить их с русской службой и тем положить влияние на других их соотечественников»³. Мера эта, однако, своей цели не достигала: офицеры из горцев фактически лишь числились в полках и часто отпрашивались домой, где, вместо того, чтобы служить проводниками культуры, быстро утрачивали все то, что успели приобрести в Петербурге. Поэтому с 1842 г., прежде чем отбыть на Кавказ, выпускники корпусов должны были начинать свою службу в полках регулярной кавалерии, «впредь до аттестации ближайшего начальства в познаниях службы и нравственном образовании»⁴, сохраняя при этом свою национальную форму, и лишь затем переводиться на Кавказ. Необходимо отметить, что были зафиксированы всего два случая бегства офицеров из числа бывших кавказских воспитанников в горы, причем один из них впоследствии вернулся обратно.

Что касается неофициальных традиций военно-учебных заведений, то потомки кавказской и закавказской знати, которым было присуще обостренное чувство собственного достоинства, не считали их требования обязательными для себя и, в отличие от большинства кадет, активно выступали против грубых бурсацких обычаев, зачастую сопряженных с откровенным насилием. Например, резкое недовольство вызывала традиция подчинения младших воспитанников старшим, в разное время именовавшаяся «приставанием к новичкам», «подтяжкой», «цуком». Кавказцы, не расстававшиеся с оружием, могли постоять за себя, и это ограждало их от притеснений. В мемуарах бывшего директора Пажеского корпуса Н.А. Епанчина приводится любопытный рассказ поручика Кирасирского Ея Величества полка Бебутова. Бебутов, принадлежавший к одной из старейших армянских княжеских фамилий, вскоре после своего поступления в Николаевское кавалерийское училище стал, как и все новички («звери»), подвергаться

¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 740. Л. 3 об.–4.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Ф. 724. Оп. 56. Д. 513. Л. 33 об.

⁴ Там же. Л. 35 об.

нападкам со стороны юнкеров старшего курса («корнетов»). Когда один из старших юнкеров в очередной раз принялся «цукать» Бебутова, гордый армянин «выхватил из кармана кинжал и решительно потребовал, чтобы «корнет» влез на печку в помещении эскадрона и сидел бы там до тех пор, пока Бебутов не разрешит ему спуститься, угрожая в противном случае зарезать «корнета»¹. Несмотря на то, что при этом присутствовало множество юнкеров, в том числе и старшекурсников, «цукатель» не рискнул ослушаться и покорно залез на печь, где просидел достаточно долго. После этого Бебутов уже не подвергался никаким нападкам.

Таким образом, воспитанники нерусского происхождения резко выделялись из кадетской массы, и их адаптация к условиям заведения проходила иначе, чем у подавляющего большинства обучавшихся. Это обуславливалось как действиями начальства, сознательно наделявшего кавказцев особым статусом, так и социокультурными особенностями самих горцев и представителей народов Закавказья. Хотя полного обособления от других кадет не было, кавказские воспитанники всегда держались особняком и сохраняли изначально присущие им менталитет, систему ценностных ориентиров и привычки. После выпуска в офицеры они становились особым компонентом русского офицерского корпуса.

Источники и литература

1. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. 573 с.
5. Зыков С.П. Наброски из моей жизни // Русская старина. 1910. № 3. С. 622–643.
6. Крылов Н.А. Кадеты сороковых годов (Личные воспоминания) // Исторический вестник. 1901. № 9. С. 943–967.
7. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740; Ф. 314. Оп. 1. Д. 5460; Ф. 315. Оп. 1. Д. 10232; Ф. 724. Оп. 56. Д. 740, 513, 586, 2477, 5557; Ф. 737. Оп. 1. Д. 140; Ф. 945. Оп. 1. Д. 76.
8. Черский Л. Черкес: Воспоминания кадета. СПб., 1901. 31 с.

¹ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 275.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ ХАКАСИИ В 1930-е гг.

Аннотация. В статье рассматривается значение делопроизводственной документации как одного из источников изучения истории советской партийной школы (СПШ) в Хакасской автономной обл. в 1930-е гг. Отмечается, что данная группа источников является одной из самых многочисленных, поскольку в советское время возросло количество документов. Подчеркивается, что в документах фонда СПШ архива Республики Хакасия отложилась важная информация о создании и функционировании данного учреждения, сложностях набора слушателей, об их социальном составе, о материально-бытовых условиях жизни обучающихся. Автором выявлен высокий потенциал отчетной документации, в которой сохранились сведения об изменениях в учебных планах, в преподавательском составе.

Ключевые слова: делопроизводственная документация, советская партийная школа, архив, статотчет, контингент.

Важным условием исследования истории советской партийной школы Хакасии в 1920–1930-е гг. является формирование соответствующей источниковой базы, позволяющей осветить различные стороны ее функционирования. Проблема адекватности и репрезентативности источников вызвана тем, что каждый источник субъективен, поскольку является продуктом деятельности человека, он передает событие через мировосприятие автора, который его создал. Более того, источники советского периода были созданы под воздействием господствующей идеологии, для преодоления которой требуется критический анализ.

Делопроизводственная документация представляет собой многочисленную группу источников и обладает высоким информационным потенциалом. В советское время количество документов значительно увеличилось, неизмеримо возросла их роль в отражении изменений, происходивших во всех сферах общественной жизни. Решающее значение в характере этих процессов сыграли особенности становления Советского государства, формирования нового государственного аппарата на принципах соединения законодательной и исполнительной функций, жесткой централизации, привлечения к управлению широких масс населения, далеких от управленческой работы¹.

Национальный архив Республики Хакасия содержит документы по истории советской партийной школы (далее – СПШ) с 1930 по 1936 гг. Возможности открытия СПШ в Хакасии ранее 1930 г. отсутствовали в связи с крайне шатким положением хозяйственной жизни, нестабильностью в сфере политики, изменениями в сфере ее правового статуса и сложностями в организационной части. В 1924 г. Хакасский уезд был образован в результате выделения его частей из состава Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губ. В 1925 г. он был переформирован в округ, а в 1930 г. – в Хакасскую автономную обл. Повышение политико-правового статуса Хакасии создало возможность открытия собственной партийной школы, основой для которой послужило хакасское отделение межокружной Красноярской СПШ². Фонд данного учреждения, представленный 48 делами, содержит значительный объем регулярных статистических отчетов, поскольку этого требовала установленная в СССР единая система отчетности

¹ Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997. С. 239.

² Мамышева Е.П. Материально-бытовые условия жизни учащихся Советской партийной школы в 1930-е г. (на материалах Хакасской автономной области) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6. Ч. 2. С. 121.

государственных предприятий, организаций и учреждений, необходимая для публичного подведения итогов выполнения многочисленных планов. Определенной информативностью обладают списки и характеристики слушателей школы, заявления, приказы о зачислении, с 1934 г. – доклады о работе совпартшколы и областной колхозной школы, личные дела преподавателей и учащихся.

Вышеперечисленные разновидности документов сохранились до наших дней в печатном виде. Трудности изучения и анализа материалов возникли из-за выцветшей краски и плохо пропечатанных страниц. Однако, общий смысл того или иного документа остался ясным. Отдельные списки, заявления и характеристики слушателей школы сохранились в рукописном виде. Некоторые трудности во время исследования возникали из-за неразборчивости почерка, отсутствия инициалов и пр. Но, в целом, сохранность источников можно расценивать, как удовлетворительную, чернила имеют стойкий цвет. Большая заслуга работников архива заключается в хорошей сохранности документов, расположенных в строгом хронологическом порядке.

Анализ переписки и статотчетов в период от 01.07.1931 г. по 29.09.1933 г. показал, что вопрос о подготовке партийных и советских кадров в стране в 1930-е гг. был одним из злободневных, поэтому наиболее важным для школы оставался вопрос о перспективном наборе курсантов. В тоже время руководство СПШ было заинтересовано в правильном, на их взгляд, распределении контингента выпускников. Отчетная документация составлялась три раза в год за периоды: с 1 ноября по 28 февраля, с 1 марта по 30 апреля, с 1 июня по 31 октября. В процессе составления отчетности учебных заведений по подготовке кадров учитывались такие пункты, как специальность учащихся, социальный, национальный и партийный состав¹.

В материалах фонда сохранились свидетельства об изменениях, которые происходили в учебных планах, к примеру, на основе постановления ЦК ВКП (б) от 04.09.1933 г. Хакасская совпартшкола была переведена с трехгодичного срока обучения на восьмимесячный курс. По рекомендации крайкома ВКП (б) на 1933–1934 г. контингент был установлен в количестве 163 чел. В документах нашли отражение организационно-методические сложности, к примеру, учебный год школа начала, не имея ни одного стабильного учебника и установленных программ. Ситуация выправлялась в процессе учебы, в частности, была получена часть программ по общеобразовательным дисциплинам. Учебный план, установленный для совпартшкол с 1 января по 20 сентября 1934 г., не был выполнен по двум причинам: во-первых, занятия с январским набором хакасская совпартшкола начала не с 1 января, а с 20 января, что было связано с опозданием посылки людей из районов; во-вторых, учащиеся партийного отделения целиком были сняты на посевную компанию, где пробыли на протяжении полутора месяцев, с 15 апреля по 1 июня.

В 1931–1933 гг. из средств школы дифференцированно выплачивались семейные пособия от 15 до 30 руб. Впоследствии, с 1934 г. в целях экономии бюджетных средств руководство отказалось от данной практики и в условиях приема в школу было отмечено, что «СПШ не берет никаких обязательств по обеспечению семей студентов»².

Данные ежегодных отчетов содержат информацию о социальном составе студентов. В начале деятельности школы жесткого отбора среди поступающих не было, поскольку из года в год отмечался их низкий общеобразовательный уровень, не отвечающий условиям приема, в связи с этим обстоятельством предлагалась организация подготовительных курсов. Эти мероприятия привели к повышению общего уровня грамотности населения, что позволило ежегодно ужесточать условия приема в школу.

¹ Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

² Там же. Оп. 5. Д. 21. Л. 13.

К примеру, в 1935 г. отмечалось, что к вступительным испытаниям на все отделения допускаются имеющие «подготовку в объеме четырех классов по общеобразовательным предметам и начальной политшколы по общественно-политическим предметам». Обязательными требованиями к поступающему на партийное отделение были членство в рядах ВКП (б) не менее трех лет, а также стаж низовой руководящей работы не менее года¹.

В период с 23.01.1936 по 24.12.1936 гг. высшая колхозная школа занималась подготовкой квалифицированных кадров для управления работой председателей, бригадиров и полеводов по животноводческому и растениеводческому направлениям. На двухгодичное обучение в колхозную школу принимались молодые люди старше 18 лет. В выводах к отчетам подчеркивалось, что «качество студентов в школе по партийности, национальности, социальному положению с каждым годом улучшается. В 1931–1932 гг. членов и кандидатов партии было 76 чел., а в 1932–1933 гг. – 97 чел. Но, по партийности студенты очень молоды» (стиль сохранен – *авт.*)².

Материалы архива сохранили информацию и об изменениях стипендии. В 1932 г. в СПШ назначалась ежемесячная стипендия: 40 руб. для учащихся подготовительного отделения, 45 – для первокурсников, 50 – для второкурсников. Однако из стипендии высчитывалась плата за питание в сумме 31 руб., средства на различные нужды, такие как: заем, покупка спортивной формы, празднование Первомая. На руки студенты получали 11 руб. К 1935 г. стипендия составляла 130 руб.³

Архивные материалы передают сведения о преподавательском коллективе, который состоял из 11 чел. Из них пять человек были представителями коренного населения. Преподавательский стаж характеризовался так: 1 чел. – девятнадцать лет, 5 чел. – от 4-х до 7-ми лет, 5 чел. от 1-го года до 2-х лет. Непосредственный педагогический стаж от 4-х до 7-ми лет имели 5 чел., 6 чел. – от 1-го до 2-х лет. По образованию: высшее имели 3 чел., 6 чел. – среднее, один окончил хакасскую СПШ⁴.

При совпартшколе было организовано три отделения: партийное, советское, политпросветское. На 1933–1934 учебный год набор студентов был установлен в 180 чел., практически же было набрано 162, к концу обучения контингент сократился до 129. Сводка выпуска студентов СПШ 1934 г. показывает, что процент женщин в нем вырос, он составил 30,2 %, тогда как в прошлом выпуске было 25 %⁵.

Достаточно сложной проблемой для школы оставался уровень успеваемости, в отчетах за 1933–1934 уч. годы отмечалось его падение до 71 % в 1–3 группах, в 4–6 группах он составил 20 % и выше, в остальных группах – 9 %⁶. По мнению руководства школы, данные показатели были вызваны отступлениями от условий набора, поэтому при приеме на 1934–1935 учебный год было рекомендовано «держаться твердо установленных правил».

Несмотря на низкий общеобразовательный уровень поступивших в СПШ и отсутствие большинства программ, а также недостаточное количество учебников в конце года были получены неплохие результаты⁷.

Кроме того, из документов фонда видно, что, несмотря на наличие четких директив по обучению, передаваемых из центрального аппарата ВКП (б), многие решения принимались на местах в обход заданных нормативов. Данное обстоятельство было

¹ ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 38. Оп. 5. Д. 20. Л. 54.

² Там же. Д. 22. Л. 44.

³ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 20. Л. 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 7.

вызвано процессом становления совпартшкольных программ и нехваткой как студенческих, так и преподавательских кадров.

Таким образом, документы делопроизводства СПШ 1930-х гг. вносят значительный вклад в исследование. Данная группа источников имеет свою специфику, свой угол отражения исторической реальности, запечатлевают отдельные факты, вместе с тем требуют критического анализа, сопоставления имеющихся в них сведений с информационным материалом, содержащимся в других источниках. Только в комплексе с такими источниками, как нормативные акты, материалы периодической печати, хроникально-документальные сборники, документы личного происхождения, делопроизводственная документация докажет соответствие критериям достоверности и искренности, позволит создать репрезентативную основу для объективного освещения сложного и противоречивого процесса образования и развития советской партийной школы Хакасии.

Источники и литература

1. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив». Ф. 38. Оп. 1 Д. 1, 8; Оп. 5. Д. 20–22.
2. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997. 385 с.
3. Мамышева Е.П. Материально-бытовые условия жизни учащихся Советской партийной школы в 1930-е гг. (на материалах Хакасской автономной области) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6. Ч. 2. С. 121–124.

ШОҚАН УӘЛИХАНОВ МҰРАСЫНЫҢ КЕҢЕСТІК ДӘУІРДЕ ЗЕРТТЕЛУІ

Аннотация. В статье рассматривается степень изученности наследия Шокана Валиханова в советской историографии. На основе воспоминаний русских ученых о Ш. Валиханове изучается влияние русских ученых на его формирование как ученого и оценка современниками его научной деятельности.

Ключевые слова: наследие, Шоқан Валиханов, ученый, вклад, советская историография.

Шоқан Шыңғысұлы Уәлиханов – қазақтың ұлы ғалымы, ХІХ ғасырдың екінші жартысында Қазақстанда туған демократтық, ағартушылық мәдениеттің тұңғыш өкілдерінің бірі, шығыстанушы, тарихшы, этнограф, географ, ағартушы. Оның ғылыми мұрасы тек қазақ халқының тарихы мен мәдениетін зерттеуде емес, сонымен қатар жалпы әлемдік шығыстық зерттеулерде маңызын жойған жоқ.

Өз Отанына қызмет етуге ынтасы жоғары Шоқан ерінбеген. Ш.Ш. Уәлихановтың еңбектері тарих, мәдениет, Орталық Азия этностарының дәстүрлері, мемлекеттік дамудың тарихи факторлары, мемлекет шекараларының бекітілуі, қазақ халқына, сондай-ақ көршілес халықтар мен мемлекеттерге қатысты Ресей саясаты жөніндегі зерттеулерде өзекті болып отыр. Шоқанның Қашқарияға сапары ғалымдық, ағартушылық саласындағы еңбегінің жаңа белеске көтерілуіне жол ашты. Қоқан хандығының Қашқардағы консулы әрі саяси резидентінің көмегімен Қашқардың экономикалық саяси құрылымын зерттеп, бұл халықтың тарихы мен этнографиясынан көптеген материалдар жинайды. Қашқар сапарынан «Алты шаһардың, яғни Қытайдың Нанлу провинциясының шығыстағы алты қаласының жайы» атты еңбегі дүниеге келеді. Бұл Шығыс Түркістан халықтарының тарихына, әлеуметтік құрылысына арналып, сол заман ғылымының биік деңгейінде жазылған әлемдегі тұңғыш зерттеу жұмысы еді. Ұзамай ол Германияда, Англияда жарияланады. Шоқан Шыңғысұлы Уәлиханов қазақ мәдениеті мен әдебиетінің тарихында ерекше орын алады. Аса дарынды қазақ халқының ғалымы және ағартушының өмірі мен қызметі ерекше таң қалдырады. Өзінің қысқа өмірінің ішінде ғылым саласында орасан зор табыстары сол кездегі өзінің орыс достары мен жолдастарын, орыс ғалымдарын мойындатты¹.

ХІХ ғасырда біздің отандық ғылым үшін Ш. Уәлихановтың мәні ерекше белгілі болғандығы туралы академик Н.И. Веселовский былай деп жазды: «...Шоқан Уәлиханов шығыстану әлемінің үстінен құйрықты жұлдыздай жарқ ете қалды. Орыстың Шығысты зерттеуші ғалымдарының бәрі де ерекше бір құбылыс деп танып, одан түрік халықтарының тағдыры туралы ұлы және маңызды жаңалықтар ашуды күткен еді. Бірақ Шоқанның мезгілсіз өлімі біздің бұл үмітімізді үзіп кетті». Академик Н.И. Веселовский бұл пікірінде Шоқанның дара талантты ғалым болғанын айта отырып, егер Шоқан келте ғұмыр кешпегенде бұданда биік белестерден көрінетін еді деп өкініш білдіреді. Белгілі ғалым және саяхатшы П.П. Семенов-Тянь-Шанский Уәлихановты «ұлттық аймақтардың ішінде ең оқыған, білімді адамдардың бірі еді» дей отырып, «Шоқан Уәлиханов Омскідегі кадет корпусын үлкен табыспен бітірді, одан соң Петербург университетінде менің ықпал етуіммен лекциялар тыңдады, француз және неміс тілдерін жақсы меңгерді, Шығыс тарихы, әсіресе, қазақтармен туысқан халықтардың тарихы бойынша аса қабілетті

¹ Абусейтова М. Шоқанның сегіз томдық жинағын жариялау // Қазақ тарихы журналы. 2016. № 7–8. 14 б.

оқымысты болып қалыптасты. Жиырма сегіз жасында мезгілсіз қайтыс болмағанда, ол тамаша ғалым болып шығатын еді»¹.

П.П. Семенов-Тянь-Шанский Шоқанның бойындағы дарынын, білімін, қабілетін байқаған соң, оған генерал Г.Х. Гасфорттың ықыласын аудартады.

1860–1861 жылдары Петербургте Бас штабтың тапсырысы аясында жұмыс істейді. Ф.М. Достоевскийдің ұсынысымен «Мұқтаж әдебиетшілер мен ғалымдарды қолдау» қоғамына мүшелікке қабылданады. Ф.М. Достоевскиймен бірге аталған ғалымдардың жұмысына белсене араласады, тарих профессоры Костоморовтың лекцияларын тыңдайды.

Ш.Ш. Уәлиханов Шығыс Түркістанға жүргізілген экспедиция нәтижесінде алынған жазба және ауызша дереккөздерге, эпиграфиялық естерткіштер мен артефактілер, материалдық және рухани мәдениет, тіл және жазба, бейнелеу өнері тарихын зерттеуде зор ғылыми маңызға ие жаңалықтар ашты.

Оның түрлі отандық және шетелдік қорларда сақталған қолжазба еңбектерін іздестіру бойынша көп еңбекті қажет ететін жұмыс жүргізілді. Оның ішінде Британ кітапханасы, Францияның Ұлттық кітапханасы, РҒА-ның мұрағатының Санкт-Петербург бөлімшесі, РҒА-ның Шығыс қолжазбабалары институты (Санкт-Петербург), Орыс географиялық қоғамының мұрағаты, Ресей Мемлекеттік тарих мұрағаты (Санкт-Петербург), Ресей империясының Ішкі саясат мұрағаты, Ресей Мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағаты, Ресей Мемлекеттік әскери-тарихи мұрағат (РМЭТМ) (Мәскеу), Омбы облысының Мемлекеттік тарихи мұрағаты, ҚР Орталық мемлекеттік мұрағаты, РҒА орыс әдебиеті институтының қолжазба бөлімі (Санкт-Петербург), Томскі мемлекеттік университетінің Ғылыми кітапханасының қолжазба және ескерткіштері бөлімі мен «Ғылым ордасының» ғылыми кітапханасынан (ҒК) алынып жинақталған, бұрындары жарық көрмеген еңбектері бар. Ғалымның Қазақстан мен көрші елдердің тарихы мен мәдениетіне қатысты ғылыми мұраларын кешенді, әрі жүйелі түрде зерттеу жұмыстары жүргізілді².

Ш.Ш. Уәлихановтың қолжазбалық мұрасының неғұрлым толық құжаттық жинағы Санкт-Петербурдағы РҒА мұрағат филиалының № 23 қорында сақтаулы. ҚР ОММ және ҰК қоры Қазақстандағы Ш.Ш. Уәлихановтың ғылыми мұрасының жинақтарын толықтыра түсуде.

Ғалымдар Орыс географиялық қоғамының мұрағатында сақтаулы Т.П. Матвеевтің Ш. Уәлихановтың өмірі мен шығармашылығына арналған жарияланымдарындағы құжаттардың өзектілігі жайлы бірнеше рет айтқан болатын.

Омбы облыстық Мемлекеттік тарихи мұрағатында Ш. Уәлихановтың қызметтік биографиясына, отбасына қатысты (Әжесі Айғаным, әкесі Шыңғыс Уәлиханұлына және Сырымбет шатқалындағы қожалыққа байланысты материалдар) құжаттар шоғырланған.

Революцияға дейінгі «Северная пчела», «Русский инвалид», «Записки Русского географического общества» және т.б. газеттер мен журналдар қазақ ғылымының зерттеулерін жариялап отырды.

Аталмыш томда Ш. Уәлихановтың зерттеулері мен оның тіршілік қамы шет тілдерінде (ағылшын, неміс, француз, жапон, қытай және т. б.) берілген. Ш.Ш. Уәлихановтың Қашғарға жасаған экспедициясы шет елде үлкен серпіліс тудырды. Жекелей алғанда, 1860 ж. Ш. Уәлихановтың Адольф Шлагинтвейттің өлімі туралы қысқаша үзінділері ағайынды Шлагинвейттердің көлемді еңбектерінің алғашқы шығарылымдарында жарияланып отырды.

Ресейлік және әлемдік ғылыми орта оның Тянь-Шаньға, Жоңғарияға, Шығыс Түркістанға жасаған саяхаттары мен Еуразияның тарихы мен мәдениетіне арналған

¹ Дәдебаев Ж. Шоқан Уәлиханов // Қазақ тарихы журналы. 2016. № 7–8. 42 б.

² Абусейтова М. Шоқанның сегіз томдық жинағын жариялау // Қазақ тарихы журналы. 2016. № 7–8.

ғылыми еңбектеріне тәнті болды. Ол алғаш рет өзінің замандастарының арасынан еуропалық әлемге Орталық Азияның жекелеген түркі халықтарының тарихын ашады.

Ш. Уәлихановтың алғашқы еңбектерін жарыққа шығаруда Шоқанның Омбы қаласы кадет корпусында бірге оқыған досы, әрі әріптесі Г.Н. Потаниннің атқарған еңбегі зор болды, соның өтініші бойынша Шоқан еңбектері Петербор университетінің профессоры Н.И. Веселовскийдің жетекшілігімен басып шығарылды. Қолжазба материалдары және қолжазбаның алғашқы түрін іздестіруде, редакциялық түзетулерде, оны басып шығаруға қажет қаржы мәселесін қарастыруда көптеген жұмыстар атқарылды. Серіктестері мен замандастарының біріккен еңбектерінің арқасында 1904 жылы «Императорлық Орыс География Қоғамының хаттарында» Ш.Ш. Уәлиханов шығармалары жарияланды.

Шоқан Уәлихановтың шығармашылық мұрасы зерттеуде академик А.Х. Марғұланның орны ерекше. 20 жыл бойына ол Санкт-Петербург, Мәскеу, Қазан, Омбы, Томск, Ташкент, Алматы және т.б. қалалардың мұрағаттарынан Шоқанның документалдық материалдарын жинаумен болды. Соның нәтижесінде Шоқан Уәлихановтың көптеген еңбектері жинақталып, Шоқанның шығармалар жинағының бес томдығы жарық көрді¹.

Н.М. Ядринцев, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Ф.М. Достоевский, А.Н. Майков, Г.Н. Потанин секілді достары мен жанашырларының айтқан тілектері мен пікірлері бүгінгі күнге дейін өзектілігін жойған жоқ. Өз заманының аса зиялыларының мұндай құрметіне ие болу Шоқанның білімі мен тәрбиесінің, адамгершілік қасиетінің арқасы.

Пайдаланған әдебиеттер

1. Абусейтова М. Шоқанның сегіз томдық жинағын жариялау // Қазақ тарихы журналы. 2016. № 7–8. 14–16 бб.
2. Адильгиреев Х. Чокан Валиханов (библиографический очерк). Алма-Ата, 1958.
3. Дадебаев Ж. Шоқан Уалиханов // Қазақ тарихы журналы. 2016. № 7–8. 42 б.
4. Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Собрание сочинений в пяти томах (1984–1985). Алматы, 1984. Т. 1. 99 б.

¹ Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Собрание сочинений в пяти томах (1984–1985). Алматы, 1984. Т. 1. 99 б.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса эволюции библиотечного дела в Красноярском крае через призму становления и развития Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края. Раскрыты механизмы исследования библиотечной истории как насущной потребности профессионального сообщества, требующей принципиально нового осмысления пройденного пути центральной библиотекой края. Утверждается, что история является информационной наукой, поскольку ее задача – информировать о прошлом и представлять собой синтез предметной области исторического исследования, компьютерных методов, а также информационных технологий, которые сфокусированы на анализе информации исторических источников, структур и коммуникаций. Автор приходит к выводу, что рост информационных ресурсов, совершенствование аналитических и информационных методов работы с источниками открывает перед библиотекарями-исследователями новые возможности в изучении развития библиотечной отрасли региона и этапов эволюции центральной библиотеки края.

Ключевые слова: история, библиотека, научно-исследовательская работа, библиотечное дело, культура.

История библиотек страны является предметом изучения ведущих российских библиотековедов, которые в своих исследованиях обосновали применение системного подхода к изучению истории библиотечного дела территории, выявили особенности становления и развития региональных централизованных библиотечных систем¹. Быстрые темпы развития библиотечной отрасли требует изучения процесса эволюции библиотек Сибирского региона на основе комплексного применения исторических, культурологических и регионоведческих концепций, анализа явлений, происходящих в библиотечном мире в контексте развития последовательно сменяющихся периодов истории².

Красноярский край – один из наиболее крупных по территории и экономически значимых регионов России, обладающий огромным природно-ресурсным, промышленным и научным потенциалами. Сегодня становится очевидным, что научно-исследовательский и образовательный потенциалы Красноярского края создают основу для развития высокопроизводительных отраслей, призванных стать платформой инновационной экономики сибирского региона.

В этих условиях особое значение приобретает деятельность Государственной универсальной научной библиотеки (ГУНБ) Красноярского края как социального института, обеспечивающего распространение и использование информации с целью полного и своевременного удовлетворения потребностей специалистов различных сфер социальной деятельности. В современных условиях ГУНБ Красноярского края является важнейшим центром информации, дополнительного образования, широкого культурного общения. Библиотечные услуги, удовлетворяя потребности в информации, образовании и культуре, становятся каналами социальной коммуникации.

Научно-исследовательская работа, как органическая составляющая развития библиотечного дела в крае, выступает средством оценки проблем и поиска наиболее эффективных путей их разрешения в центральной библиотеке края, оказывает существенное влияние на темпы социального развития сибирского региона.

Полноценная разработка научных проблем требует разрешения не только силами

¹ Карташов Н.С. Формирование библиотечно-территориальных комплексов. Новосибирск, 1978.

² Крейденко В.С. Библиотечные исследования: учеб.-метод. пособие. М., 2007.

библиотековедов-исследователей, но и библиотекарей-практиков. Научно-исследовательская работа становится неотъемлемой частью библиотечной профессии, а библиотекари-практики – полноправными участниками процесса созидания нового библиотековедческого знания.

Библиотечное дело – важное звено информационной и культурно-просветительской деятельности сибирского региона, которая тесно взаимодействует со всеми сферами общественной жизни края. Библиотечное дело неотделимо от истории отечественной культуры. В определенной мере история центральной библиотеки края – это история развития культуры Красноярского края и всей Сибири в целом.

Изучение истории региональной библиотеки, как составляющей историко-культурного наследия, значительно обогащает представление об определенном этапе исторического развития Красноярского края. Осознание роли и значения библиотеки в жизни края на протяжении всей его истории представляется важной задачей и поэтому изучение истории библиотеки отражает объективно существующую общественную потребность. Освоение истории библиотечного дела приобретает особое значение в современный период социально-культурного развития края, когда центральная библиотека края становится системообразующем краевым библиотечным центром, занимает авторитетное место в системе социальных коммуникаций края¹. Обращение к библиотечной истории – насущная потребность профессионального сообщества, требующая принципиально нового осмысления пройденного пути центральной библиотеки края, которая, опираясь на традиционные функции и технологии, осуществляет переход в иное качество, вовлекаясь в процессы глобальных социальных и технических перемен, связанных с информатизацией общества.

В 2020 г. Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края готовится отметить свой 85-летний юбилей. В честь этого предстоящего события было решено подготовить издание книги, которая бы освещала историю и современное состояние центральной библиотеки края. Эта книга – справочное издание, актуальность подготовки которого определяется необходимостью обобщить значительный потенциал накопленного профессионального знания о центральной библиотеке края и, представив его во всем многообразии, сделать доступным для широкой библиотечной общественности и читателей, а также для дальнейшего развития науки и практики библиотечного дела. Это попытка воссоздания объективной картины развития библиотеки на фоне исторических процессов; восстановление истории библиотеки от самых первых ее дней до событий нового века, освещение основных вех ее развития, происходивших на протяжении многих лет и имен тех, кто внес свой вклад в процветание библиотеки.

Различные аспекты библиотечной истории представляют сегодня интерес для достаточно широкого круга людей – это специалисты и исследователи в области библиотечного дела, а также историки, библиофилы, книговеды, специалисты других областей. Неразрывная связь с прошлым, стремление сохранить преемственность отечественных традиций является отличительной особенностью современной культуры и научной среды Красноярского края.

Библиотека уже в течение ряда лет занимается научно-исследовательской работой по выявлению и сбору материалов об истории возникновения, становления и развития краевой научной библиотеки. Сотрудники библиотеки собирают материалы не только по

¹ Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края: исторический очерк, хроника событий / Авт.-сост. Л.Н. Жуковская. Красноярск, 2009.

истории библиотеки, но и о людях, которые создали и берегли культурные ценности края¹.

Одним из направлений научно-исследовательской деятельности Красноярского края является проведение региональных и всероссийских научно-практических конференций, организованных библиотеками г. Красноярска. Наиболее значительными из них стали Юдинские чтения, посвященные исследованию жизни и деятельности крупнейшего библиофила России Геннадия Васильевича Юдина (1840–1912). Юдинские чтения проводятся с 1990 г. и являются площадкой для обсуждения научных изысканий о жизни и деятельности сибирского книжника и его уникальной библиотеки. На Юдинских чтениях работает секция по современным проблемам чтения и библиотечного дела, на которой обсуждаются вопросы продвижения чтения, информационные технологии в деятельности библиотек, библиотечные кадры, профессия и образование. По итогам каждой конференции издаются сборники материалов, которые получили высокую оценку библиотечного сообщества. За последние пять лет (2014–2018 гг.) в профессиональных и научных изданиях было опубликовано более 60 статей сотрудников ГУНБ Красноярского края, посвященных истории и современным направлениям работы библиотеки.

Современные ученые утверждают, что история является информационной наукой, поскольку ее задача – информировать о прошлом. Она представляет собой синтез предметной области исторического исследования, компьютерных методов и технологий, а также информационных технологий, которые сфокусированы на анализе информации исторических источников, структур и коммуникаций².

В условиях развития информационного общества факторами эволюции ГУНБ Красноярского края являются создание собственных электронных ресурсов и использование сетевых продуктов. Формирование информационных ресурсов как исторических источников – новое направление деятельности ГУНБ Красноярского края, что позволяет профессиональному сообществу расширять диапазон исследовательских методов и подходов в работе над документальными материалами, использовать возможности различных методик и инструментов: анализ текста, аннотирование, тезаурусы, интеллектуальный анализ данных. Развитие деятельности такого рода помогает участникам исследовательского процесса получить доступ к широкому спектру электронных данных первичных и вторичных источников, использованию компьютера для поиска и извлечения информации, а также возможности проводить ее анализ с помощью самых современных методов³.

Создание собственных информационных ресурсов в библиотеке, обеспечение онлайн-доступа к ним способствует использованию исследователями библиотечного дела в крае тематических баз данных. Оцифровка и публикации в сети Интернет оцифрованных документов, библиотечных фондов, научной периодики, сборников, монографий дает исследователям новые возможности для сравнительных характеристик; возрастает объем материалов современных БД, которые существуют только в цифровой форме. Все это расширяет спектр методологических, методических и технологических составляющих исторического исследования, позволяет получить новые знания в исторической библиотечковедческой науке.

По утверждению О.М. Медушевой, исторический источник теперь определяется через понятия информационного ресурса и интеллектуального продукта, а

¹ Жуковская Л.Н. Изучение истории региональной библиотеки как неотъемлемая часть освоения историко-культурного наследия Красноярского края // Библиотека в контексте истории: Мат-лы 9-й Междунар. науч. конф. М., 2011. С. 99–105.

² Гарскова И.М. Информационные технологии и информационный подход в исторической науке // Вестник РУДН. Серия «История России». 2011. № 4. С. 11–124.

³ Там же. С. 117.

информационный объем интеллектуального продукта значительно шире, чем запас информации, который требует извлечения, «актуализации» информации¹. В связи этим, библиотекари-исследователи стали использовать в своей работе такие новые понятия как «актуальная информация», «отложенная информация», характеризующие проблемы информационного потенциала исторического источника.

В процессе работы над книгой по истории центральной библиотеки края была использована логическая структура историзма В.С. Крейденко, включающая следующие основные компоненты:

- настоящее – ключ к прошлому и будущему, исходный пункт исторического рассмотрения предмета;
- генезис предмета – выявление взаимосвязи его предпосылок (условий возникновения, начала и становления);
- этапы развития предмета, выделение основных периодов его истории;
- будущее как необходимый результат прошлого и настоящего, предвидение будущего, основных тенденций развития предмета – завершающий этап исторического исследования².

В истории развития ГУНБ Красноярского края библиотечные специалисты условно выделили четыре основных периода: предпосылки создания библиотеки (1917–1935 гг.), период становления (1936–1959 гг.); превращение библиотеки в крупный информационно-культурный центр (с 1960 по 1991 гг.) и дальнейшее развитие библиотеки в условиях внедрения новых технологий (с 1991 г. по настоящее время).

Библиотекари-исследователи, используя принцип объективности, в исследовании этапов становления библиотеки проводят всесторонний анализ совокупности фактов и тенденций исторического процесса в хронологических рамках истории библиотеки, что способствует адекватному отражению исторического процесса; применяют системный и эволюционный подходы, базирующиеся на понимании исторической реальности как совокупности взаимосвязанных и развивающихся объектов³.

ГУНБ Красноярского края – важное звено в сохранении и возрождении культурного наследия народов с помощью книги, общения, поисковой деятельности и развития собственного творчества. Библиотека является посредником в передаче научной и культурной памяти последующим поколениям, и способствует пробуждению интереса населения к истории народа, родному языку, литературе. Изменение роли библиотеки отражается на взаимоотношениях ее с другими социальными институтами, меняет профессиональные ценности и профессиональное сознание библиотечного сообщества.

Работая над подготовкой издания о Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края, сотрудники библиотеки ведут работу в архивах, изучают опубликованные и неопубликованные документы по истории библиотеки, опирались на свидетельства современников, публикации в газетах и журналах, стремились восстановить хронологию деятельности библиотеки с 1935 до 2018 г. Основными историческими источниками стали приказы, постановления и решения местных органов власти, библиотеки; отчеты, справки о деятельности библиотеки, воспоминания сотрудников.

Библиотекари стремятся исследовать историю деятельности библиотеки в неразрывном единстве его временных состояний, как прошлое, настоящее и будущее: с точки зрения современного уровня развития библиотечной теории и практики и с учетом

¹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

² Крейденко В.С. Библиотечные исследования: учеб.-метод. пособие. М., 2007. С. 27.

³ Ванев А.Н. О принципе историзма и историческом подходе в библиотечных исследованиях // Библиосфера. 2010. № 2. С. 3–7.

уровня развития библиотечного дела в тот исторический период¹. Результаты исследований по истории библиотечного дела, по всем направлениям деятельности библиотека стала не только активно представлять на научно-практических конференциях всероссийского и международного уровня, но и популяризировать в местной печати.

История ГУНБ Красноярского края постоянно дополняется, время событий прошлых лет уточняется. Исследование становления и развития библиотечного дела в крае предполагает не только систематическое выявление источников, овладение различными методами их исследования, раскрытие содержательной части, заложенной в источниках, но и развитие взаимосвязи источниковедения и информатики. Развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет прогнозировать дальнейшее расширение возможностей информационного подхода в исторических исследованиях, посвященных ГУНБ Красноярского края. Рост информационных ресурсов, совершенствование аналитических и информационных методов работы с источниками открывает перед библиотекарями новые возможности по изучению развития библиотечной отрасли региона и этапов эволюции центральной библиотеки края.

Источники и литература

1. Ванев А.Н. О принципе историзма и историческом подходе в библиотечных исследованиях // Библиосфера. 2010. № 2. С. 3–7.
2. Гарскова И.М. Информационные технологии и информационный подход в исторической науке // Вестник РУДН. Серия «История России». 2011. № 4. С. 11–124.
3. Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края: исторический очерк, хроника событий / Авт.-сост. Л.Н. Жуковская. Красноярск: Версо, 2009. 84 с.: ил.
4. Жуковская Л.Н. Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Румянцевские чтения – 2010: Мат-лы Междунар. науч. конф. М., 2010. С. 128–132.
5. Жуковская Л.Н. Изучение истории региональной библиотеки как неотъемлемая часть освоения историко-культурного наследия Красноярского края // Библиотека в контексте истории: Мат-лы 9-й Междунар. науч. конф. М.: Пашков Дом, 2011. С. 99–105.
6. Жуковская Л.Н. Повышаем информационную культуру: проекты формирования информационно-образовательного пространства // Библиотечное дело. 2013. № 6 (192). С. 14–15.
7. Карташов Н.С. Формирование библиотечно-территориальных комплексов. Новосибирск: ГПНТБ, 1978. 240 с.
8. Крейденко В.С. Библиотечные исследования: учеб.-метод. пособие. М.: Рус. шк. библ. ассоц., 2007. 352 с.
9. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
10. Семеновкер Б.А. Возникновение библиотек как историко-культурный феномен // Библиотека в контексте истории: Материалы 9-й Междунар. науч. конф. М.: Пашков Дом, 2011. С. 36–43.

¹ Семеновкер Б.А. Возникновение библиотек как историко-культурный феномен // Библиотека в контексте истории: Материалы 9-й Междунар. науч. конф. М., 2011. С. 36–43.

КАНТОННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В БАШКИРИИ И СИСТЕМА РЕЗЕРВАЦИЙ В США: АНАЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. В статье обосновывается позиция, согласно которой, кантонная система управления в Башкирии и система резерваций в США, явились объективно продиктованными политико-административными мерами правительств, как результат поиска наиболее оптимальной политики по оперативному управлению, окончательному освоению и ускорению интеграции башкир и индейцев в государственные системы. Эпохи башкирских восстаний и индейских войн закончились с введением этих систем. Несмотря на многие их отличия, по целям их учреждений и средствам реализации политики правительств в них они были весьма схожи. Различия, которых все же было больше, заключались в организационной стороне и правовом статусе населения.

Ключевые слова: интеграция, конники, мишари, единство, переселенцы, вотчинные права, особенности, различия.

Нет ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое».

Но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Екклесиаст. I. 9–10

История и цели введения кантонов и резерваций

Уроки грандиозных военных выступлений башкир и индейцев Северной Америки, против ущемления их земельных и социальных прав, соответственно в 1773–1775 гг. и в 1862–1890 гг., явившиеся последним звеном эпохи башкирских восстаний и индейских войн, в XVII–XVIII и XIX вв., правительства России и США вынудили прибегнуть к кардинальным мерам. Их основная цель – устранение дальнейших возможностей для антиправительственных выступлений этих народов.

Эти меры не нуждались в поиске. Уже много лет, они с большим или меньшим успехом применялись правительством России в Башкирии и Англии в Северной Америки, а позже и США, существенно помогая им обеспечивать свою власть над этими народами. Необходимо было лишь централизовать их, придав им полномочия законов.

В Башкирии, этой силой, способной обуздать мятежных башкир, а заодно и упрочить позиции правительства, являлась военная служба башкирских конников в составе русской регулярной армии. В Северной Америке, аналогичной мерой правительства, стала возникшая в силу объективной закономерной необходимости, система резерваций и частичная служба индейцев проводниками и следопытами в английских, французских, позже и американских войсках.

Чуть забегаая вперед, отметим, что к этим мерам правительства России и США прибегли как к наиболее приемлемому варианту сотрудничества при освоении обширных, и во многом труднодоступных территорий. В обоих случаях правительства не несли больших затрат.

Так, башкиры и мишари в короткие сроки, могли выставлять за свой счет чрезвычайно мобильные, легкие конные полки, своим вооружением и амуницией, с характерной тактикой и особенностями стремительной степной кавалерии. Они были способны по первому требованию военного ведомства, форсированным маршем отправиться в военный поход.

Поэтому они привлекались к участию почти во всех войнах и походах российской армии. Так, уже в 1558 г. башкирская конница в составе русских войск участвовала в

Ливонской войн¹. В 1570–1583 гг. башкиры участвовали в войнах с Крымским ханством, в 1604–1610 гг. – против вторжения Польши и Швеции², в 1611–1612 гг. – сражались в ополчении К. Минина и Д. Пожарского³, в 1695–1696 гг. – отличились в Азовском походе Петра Первого, в 1700–1721 гг. – приняли участие в Северной войне, в 1756–1763 гг. – в Семилетней войне с Пруссией, в 1790 г. башкиры воевали в финляндской армии под командованием М.И. Кутузова⁴.

Военная служба башкирских и мишарских конников, была вдвойне выгодна русскому правительству. На войну и военные походы, как правило, отвлекалась самая активная и боеспособная часть мужского населения. Отличившиеся в войнах и походах воины и их лидеры, щедро награждались подарками, званиями, титулами и т. д. Большинство таких «обласканных» властями конников, впоследствии становились верными сторонниками политики властей в крае. Кроме того, как справедливо отмечал А.П. Чулошников, «верные» башкиры действовали часто с большей результативностью против своих же собратьев, чем русские войска⁵.

Однако потенциальная угроза новых военных выступлений башкир и таких же воинственных мишарей, против царской администрации в крае, продолжала сохраняться – в течение XVII–XVIII вв. в Башкирии не было единой правительственной администрации⁶.

После Крестьянской войны 1773–1775 гг., в которой названные народы приняли самое широкое участие, царскому правительству стало очевидно, что пока их военный потенциал не будет под жестким контролем, а сами они будут сохранять элементы самоуправления и иметь возможность свободно общаться, условия для их активного выступления против властей будут сохраняться.

Таким образом, у правительства возникла объективная необходимость в установлении жесткого, повседневного, гарантированного военной силой, контроля над мужской частью башкир и мишарей. Было очевидно, что среди башкир, традиции полувоенного, общинного уклада жизни, даже с некоторыми отголосками военной демократии, будут и впредь являться стабильным источником пополнения рядов их чрезвычайно мобильных конников, формируемых по принципу военного ополчения.

Осуществление такого контроля ужесточило бы личную свободу мишарей и башкир. В то же время, это способствовало бы ослаблению еще достаточно прочных позиций волостных старшин, зачастую проводивших независимую политику⁷. Жесткий контроль смог бы облегчить решение земельного вопроса путем создания благоприятных условий для более активного освоения обширных земель края.

В этих целях, Указом от 22 апреля 1789 г. все башкирские селения были разделены на 103 юрты. Они должны были управляться назначенными военным губернатором юртовыми старшинами, 63 походными старшинами и 213 сотниками, которые должны были следить за военно-сторожевой службой башкир и мишарей⁸. Позже, Указом от 10 марта 1798 г., историческая территория Башкирии, входящая в Оренбургскую и Пермскую губ., была разделена на 11 кантонов. Все башкирское и

¹ Филоненко В. Башкиры. Уфа, 1915. С. 37.

² Там же. С. 64–65.

³ Рахматуллин У.Н. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. М., 1988, С. 27.

⁴ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 285–286.

⁵ Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII – первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1936. Ч. 1. С. 67.

⁶ Рахматуллин У.Н. Указ. соч. С. 27.

⁷ Шакурова Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX века. Уфа, 1992. С. 67.

⁸ Акрам Биш. История башкирского народа и его борьба за свободу (на баш. яз.) Уфа, 1993. С. 148.

мишарское население этих кантонов, было отнесено к военно-казачьему сословию во главе с кантонными начальниками, которые решали все вопросы их жизни.

Таким образом, Российским государством была найдена удачная форма привлечения башкир и мишарей к несению воинской повинности. Решающую роль в этом, сыграло то обстоятельство, что проведение этой административной реформы поддержала основная часть башкирской и мишарской элиты, волостные старшины¹. Соглашаясь с этим, отметим, что, на наш взгляд, успех был обусловлен и тем, что эту форму несения военной службы, в основной массе поддержали и рядовые массы башкир и мишарей, на причины чего, укажем ниже.

Структура кантонов, напоминая жизнь в казачьих станицах и округах, все же не имела аналогов в Российской империи, хотя служивый статус и тех и других, в войнах и походах отличался мало.

Кантоны объединяли башкир и мишарей уезда, внутри них проживало и другое население. Уезды с небольшим количеством башкирского населения группировались по два в один кантон. Во главе кантонов, делившихся на юрты (команды), стояли кантонные начальники, назначаемые из наиболее преданных властям представителей башкирской и мишарской знати (в основном бывшие старшины)². Кантонные начальники подчинялись непосредственно оренбургскому генерал-губернатору, а с 1834 г. – командующему Башкиро-мещерякским войском³.

Введение кантонной системы управления в Башкирии не только укрепило позиции России на юго-востоке⁴, но и впервые, явилось наиболее результативным и удачным шагом по насильственной интеграции башкир и их собратьев мишарей, в состав российского государства, по их окончательному подавлению и усмирению, разрушению их традиционного общества.

В Северной Америке, практика образования резерваций для индейцев, возникла еще во времена английской колонизации в Нью-Йорке, Массачусетсе, Коннектикуте и Род-Айленде. Их создание являлось компромиссным решением, обеспечивало временную безопасность белого населения, его экономические, политические и военные интересы⁵. Индейцы в резервациях, как и неведомые им башкиры в кантонах, также получали передышку от наступления на их земли.

Однако, надо признать, что создание всех резерваций, сопровождалось жестокими войнами с индейцами, их физическим истреблением или безжалостным вытеснением на запад в пустынные места Оклахомы⁶. В Башкирии же, процесс учреждения кантонов, не сопровождался столь тяжелыми мерами, хотя безусловной подоплекой, здесь являлась многочисленная череда башкирских восстаний, начавшиеся уже через несколько десятилетий после признания ими власти русского царя.

Прокламацией английского короля Георга III от 7 октября 1763 г., изданной после освободительной войны индейцев области Великих Озер под руководством вождя племени оттава Понтиака, огромные территории к западу от Аппалачских гор, между р. Миссисипи и Великими Озерами, были объявлены Индейской территорией⁷.

Но уже к 1840 г. основная масса индейцев, живущих на Востоке, была изгнана за Миссисипи. Лишь в отдельных местах удержались немногочисленные остатки некогда

¹ Шакурова Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX века. Уфа, 1992. С. 69.

² Там же. С. 71.

³ Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1997. С. 332.

⁴ Шакурова Ф.А. Указ. соч. С. 72.

⁵ Robert M. Utley. Encyclopedia of the American West. N.Y., 1997, p. 366–368.

⁶ Словарь американской истории. СПб., 1997. С. 500.

⁷ Story of the American West. N.Y., 1997, p. 226.

мощных племен – индейцы ирокезской и алгонкинской групп, чероки, крики и семинолы¹.

После образования в 1774 г. США, молодое правительство немедленно приняло меры по урегулированию отношений с индейцами.

Так, уже 12 июня 1775 г. в Конгрессе были учреждены 3 департамента для ведения дел с индейскими племенами. 17 сентября 1778 г. правительство США заключило свой первый «индейский» договор с делаварами. После войны за независимость, в октябре 1784 г., правительство США заключило договоры по отдельности с каждым из 6 членов Лиги Ирокезов, что существенно подорвало их единство (племена могаук, онейда, каюга, сенека и с 1722 г. тускарора).

Примечательно, что с целью скорейшего подавления индейских восстаний, поправкой к пункту 15 статьи 1 Конституции США от 17 сентября 1787 г., Конгрессу было предоставлено право «...принимать меры для сбора милиции – для исполнения союзных законов, подавления восстаний и отражения неприятельских нашествий»².

Однако даже эта конституционная мера не решила индейскую проблему. Хотя белое население каждый раз активно принимало участие в жестоких подавлениях выступлений индейцев, индейский вопрос все более обострялся, и это вынуждало последних, снова и снова выходить на «тропу войны»³.

Сущность и структура кантонов и резерваций

Молодая республика США сразу же после своего образования заняла резко негативную и еще более жесткую, чем английские колониальные власти, позицию по отношению к индейцам. Так, еще в Декларации о Независимости США, принятой 4 июля 1774 г., было указано, что «он (английский король – *авт.*), пытался поднять против жителей нашей приграничной полосы жестоких индейских дикарей, которые ведут войну, уничтожая поголовно всех, независимо от возраста, пола и состояния»⁴.

7 августа 1786 г. Конгресс США принял Ордонанс о регулировании индейских дел, предусмотревший порядок создания резерваций. Согласно его положениям, все индейские дела в резервациях находились в ведении Военного министерства. В 1835 г. при нем было специально учреждено Бюро по делам индейцев⁵.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что по своим целям и задачам Бюро было прямым аналогом Комиссии башкирских дел, учрежденной сто лет назад, 5 августа 1735 г.⁶ В обоих случаях это были узкоспециализированные, военизированные ведомства под руководством опытных военных.

Так, первым начальником Комиссии башкирских дел был назначен генерал-лейтенант А.И. Румянцев, с боевым опытом русско-турецкой войны. Первым начальником Бюро по делам индейцев – полковник Мак-Кенни, участник войны за независимость против английских войск.

Основными целями и задачами этих ведомств, являлось оперативное управление этими народами, в первую очередь, их усмирение с целью ускорения их интеграции, более активной и успешной реализации все обостряющегося земельного вопроса. Кроме того, мера была направлена и на упорядочение неконтролируемого потока переселенцев на эти территории, отнюдь не способствовавшего бесконфликтным отношениям.

Начиная со времени создания в 1835 г., всеми делами индейцев в резервациях

¹ Фостер У.З. Очерки политической истории Америки. М., 1953. С. 293–294.

² Бабин А.В. История Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб., 1912. Т. 1. С. 333.

³ Вильям Диксон. Новая Америка. СПб., 1867. С. 35.

⁴ Декларация Независимости США от 4 июля 1774 г. // Словарь американской истории. СПб., 1997. С. 699.

⁵ D'Arcy McNickle. Native American tribalism. N.Y., 1973, p. 79–80.

⁶ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1898. Т. 1. С. 144.

непосредственно ведал назначаемый правительством агент из Бюро по делам индейцев. К началу 1860-х гг., периода последних индейских войн, на территории США насчитывалось около 50 федеральных резерваций¹.

Однако единого закона, регулирующего деятельность резерваций, не было. Поэтому в 1867 г., Конгрессом был принят Закон о резервациях², которому правительство США отводило примерно ту же роль, что и царское правительство Указу от 10 марта 1798 г. о введении кантонной системы управления в Башкирии.

В целом, на наш взгляд, в пору становления США как государства, резервациям, находящимся в ведении Военного министерства, в насильственной интеграции индейцев в американское общество отводилась главная роль. Видимо, именно данное обстоятельство имел в виду американский историк Герберт Аптекер, отмечая, что отношения с индейцами «составили главное содержание американской военной истории на протяжении первых десятилетий существования республики»³.

Суть резервации состояла в том, что поселенные на четко ограниченной территории, индейцы не могли без разрешения агента из Бюро по делам индейцев покидать ее пределы. Различными предписаниями регламентировались все стороны их жизни, однако самоуправление было сохранено.

На наш взгляд, резервации и кантонную систему относительно социальных прав индейцев и башкир, весьма сближало то обстоятельство, что в кантонах башкиры сохранили вотчинные права на землю. За индейцами резерваций, поначалу также была сохранена племенная собственность на землю.

Кроме того, как уже отмечалось выше, и те, и другие, находились в ведении военного ведомства. Поэтому мы полагаем, что Закон о резервациях 1867 г. по своей сути во многом был аналогичен Указу от 10 марта 1798 г., вводившему кантонную систему управления в Башкирии.

Но была и существенная разница. Она заключалась в том, что индейцев не принуждали к военной службе. В лице кантонного начальника здесь выступал агент из Бюро по делам индейцев, назначаемый Военным министерством и непосредственно подчиненный только ему. Существенной разницей, по нашему мнению, являлось и то обстоятельство, что башкиры и мишари в кантонах жили без изоляции от проживавших с ними по соседству других народов, которых кантонная система не касалась. Впоследствии упомянутая разница была сведена к минимуму.

Когда к началу 70-х гг. XIX в. большинство индейцев было загнано в резервации, Военное министерство стало привлекать наиболее активных, авторитетных воинов и вождей, к наемной службе в регулярной армии США в качестве скаутов (разведчиков) и следопытов. Однако осуществлялось это на сугубо добровольных началах и за весьма неплохую по тем временам оплату.

Индейцы-скауты и следопыты, использовались в основном лишь в войнах против своих же неукротимых соплеменников, но не в столь широких масштабах, как башкиры из кантонов в военной службе. Однако правительство здесь достигло того же желанного результата, которого ранее добилась русская администрация в Башкирии после привлечения на свою сторону многих лидеров башкир-батыров, старшин, тарханов, мулл, ахунов и т. д.

Немаловажно и другое обстоятельство, свидетельствующее о весьма осторожном подходе правительства США к военной службе индейцев. Если первыми скаутами в

¹ Robert M. Utley. *Encyclopedia of the American West*. N.Y., 1997, p. 368.

² История США (1608–1877). М., 1984. Т. 1. С. 496; Донелли А.С. *Завоевание Башкирии Россией 1552–1740*. Уфа, 1995. С. 125–126.

³ Herbert Aptheker. *A history of the American people: an interpretation (The American Revolution 1763–1783)*. N. Y. 1960, p. 252.

армии США первой половины XIX в., становились трапперы Канады и Северных штатов США, (свободные охотники из белых и метисов), то начиная с 60-х гг. XIX в., их в основном стали набирать из индейцев резерваций.

Относительно странной и быстрой переориентации морали индейцев-скаутов, выступивших против своих сородичей, вчерашних соратников против натиска белых, мы вправе отметить следующее. Очевидно, что на эту стезю, их толкало не желание услужить порабощателям своей свободы, а прежде всего, такие атрибуты уже утраченного вольного быта, как вольный ветер прерий, боевая общинная жизнь, уходящие в прошлое моральные и общинные традиции. В резервациях индейцы интуитивно все это связывали с утерей личной свободы.

По данным Ю.П. Аверкиевой, именно все упомянутое, являлось образом их жизни, поскольку «индейцы степей – это народ-воин»¹. К тому же, служба скаутом была несопоставима с унылой и голодной жизнью в резервации, где воины и их вожди быстро деградировали.

В самом конце XIX в. правительство США из индейцев резерваций стало формировать военно-полицейские отряды, которые (в основном против своих соплеменников) действовали весьма успешно и высоко ценились властями.

Так, по свидетельству американского этнографа XIX в. Джеймса Муни: «...прерийный индеец – прирожденный солдат, с присущим чувством долга, если он поступил на службу, то ему можно всецело доверять»².

Вместе с тем, индейцы-скауты сыграли трагическую роль в судьбах своего народа, своих выдающихся вождей и лидеров, значительно ускорив конец борьбы.

К примеру, именно в сражении с американскими солдатами, ведомыми индейцами-скаутами, погиб у Бичер-Айленд знаменитый в те годы лидер южных чейенов Римский Нос (Вокуини), чей талант военного лидера был признан и американским командованием³.

Позже, самые неукротимые из прерийных дакота, знаменитый воин из оглала-сиу Бешеный Конь, (Ташунка Витко)⁴, и один из самых выдающихся лидеров индейцев XIX в., вождь и шаман хункпапа-сиу Сидящий Бык (Татанка Йотанка)⁵, погибли при содействии или от рук своих недавних ближайших соратников – вождя Маленький Большой Человек⁶ и лейтенанта-скаута Бычья Голова⁷.

Почти аналогично действовала царская военная администрация против мятежных башкир. В ходе самого крупного башкирского восстания, которое по массовости и охвату территорий, впору бы назвать войной, неоценимую помощь властям оказывали старшины Козяш Рахмангулов, Зайсан Карабашев, Шиганай Бурчаков, тарханы Теперишев и Шаимов. Но еще задолго до кантонной системы, правительство умело и результативно использовало военный потенциал башкир против их же непокорных сородичей. К примеру, против знаменитого тархана Алдара Исекеева, (башкирское восстание 1704–1711 гг.), властям удалось привлечь на свою сторону Кусюма Тулекеева, ближайшего сподвижника Алдара, который написал письмо башкирам, предлагая сложить

¹ Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество XVII–XVIII веков. М., 1970. С. 109–110.

² Джеймс Муни. Пляска духов и восстание сиу в 1890 г. // Индейцы Северной Америки. М., 1996. С. 206.

³ The story of the Great American West. N.Y., 1977, p. 124.

⁴ Говорит Черный Лось (История жизни святого мужа из племени оглала-сиу) // О сути жизни. Якутск, 1989. С. 182–183.

⁵ Benjamin Capps. The great chiefs / Virginia, 1975, p. 62–64.

⁶ Схороните мое сердце у Вундед-Ни (История американского запада, рассказанная индейцами. М., 1972. С. 275.

⁷ Джеймс Муни. Указ. соч. С. 204–207.

оружие¹. (Но надо признать – споры о том, что сие письмо подметное, среди историков не утихают).

В 1738 г., при содействии «верных башкир», был выманен в Оренбург и казнен, скрывавшийся у казахского хана Абулхайра, Кусяп Султангулов – один из главных военных лидеров восстания 1737–1738 гг. Также, при активном содействии властям «верных» башкирских старшин, и бывших ближайших соратников, оказался захваченным властями и казнен один из главных идеологов восстания 1737–1738 гг. Бепеней Торопбердин. Аналогичным образом, были устранены многие другие лидеры башкир, отстаивавшие свои вотчинные и социальные права на основе жалованных грамот царя: Юсуп Арыков, Тюлькучура Алдагулов, Алдар Исекеев. Мишарским старшиной Сулейманом Диваевым был пленен и оказался в Шлиссельбургской крепости, мишарский мулла Абдулла Галеев– Батырша, идейный вдохновитель восстания 1755–1756 гг.

Необходимо отметить, что Батырша знаменитый в ту пору теолог и проповедник мусульманства, к тому же не башкир, был первым, кто из лиц такого сана открыто выступил на стороне башкирских мятежников, хотя в социально-имущественных правах, он был никак не ущемлен.

Эта же традиции сохранились и при кантонной системе управления. Но теперь, малейшее неповиновение башкир, грозило неотложным использованием военной силы, в основном состоящей из самих башкир и мишарей.

Таким образом, мы вправе заключить, что кантонная система управления и система резерваций, явились объективно продиктованными, политико-административными мерами русского и американского правительств и результатом поиска наиболее оптимальных мер по управлению, окончательному покорению и сотрудничеству с этими народами для ускорения их интеграции в российское и американское общества.

Однако будем справедливы. Во внутреннем содержании и структуре этих систем, все же было больше различий, чем аналогий. Но, здесь важно другое. Их цели и задачи были обусловлены схожими обстоятельствами, а именно: необходимостью на государственном уровне ускорить интеграцию этих народов в свои устоявшиеся системы, узаконив путь принудительного сотрудничества. В Башкирии это осуществлялось путем жесткой военизированной системы управления, в США – жестким ограничением личной свободы и навязыванием благ цивилизации в резервациях.

Политика правительств России и США в кантонах и резервациях

Политика русского и американского правительств в кантонах и резервациях вкратце сводилась к следующим факторам.

Если в кантонах Башкирии в 1798–1864 гг. основным способом усмирения и удержания в покорности башкир являлись военно-административный режим и военно-сторожевая служба за свой счет, то в индейских резервациях этим средством являлась безжалостно жесткая военно-административная политика правительства в отношении их обитателей.

Важным элементом сходства двух систем, было жесткое ограничение личной свободы. Указами от 10 апреля 1798 г. и 24 сентября 1806 г. свобода передвижений башкир и мишарей была полностью ограничена. Они могли выехать с места жительства лишь по специально оформленным «плакатным паспортам», получение которых было чрезвычайно хлопотным и обременительным делом. В 1828 г. были запрещены всякие сборища башкир. Нарушителей данных запретов подвергали жестоким телесным

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII века. М., 1936. С. 253–254.

наказаниям, сажали в тюрьмы¹.

В 1834 г. в целях совершенствования кантонной системы, все кантоны были разделены на 6 попечительств во главе с капитан-исправником². Все мужчины от 20 до 60 лет, считались находящимися на военной службе. Ежегодно с 15 мая до 15 ноября, они со своим снаряжением и за свой счет несли обременительную военную службу³. Мальчики от 14 до 20 лет отбирались у родителей и определялись в батальоны «младших кантонистов».

Все дети башкир и мишарей мужского пола, как родившиеся, так и не родившиеся, (в утробе матери), состояли на учете в кантонном ведомстве, за укрытие их полагался штраф в 25 руб.⁴

Почти аналогичным образом, принятым Конгрессом США в 1867 г. Законом о резервациях, ограничивалась личная свобода индейцев: «...их держали за заборами, запрещали устраивать обрядовые и религиозные церемонии»⁵. Ни один из них, без разрешения агента из Бюро по делам индейцев не мог покинуть резервацию. Если такие факты и случались, то виновные подвергались аресту и предавались суду. (Так, в 1879 г. вождь понка-сиу Стоящий Медведь увел своих людей из резервации на западном берегу р. Арканзас. Уход был вынужденным – агент из Бюро по делам индейцев их покинул, обеспечение продуктами прекратилось. Стоящий Медведь и его люди были преданы суду. Вождь другой группы этого племени, Большая Змея, также покинувший резервацию, был убит солдатами и скаутами во время ареста).

Как и в неведомой для индейцев Башкирии, власть чиновников из Бюро по делам индейцев распространялась и на малолетних детей. По данным индейского историка Пылающего Медведя, (Уильям Мейер), «шестилетних детей забирали у их родителей, коротко стригли и отправляли в так называемые интернаты, где их обучали бессмысленным и чуждым им наукам, жестоко наказывали за малейшие нарушения школьных правил или за то, что они говорили на языке своих племен»⁶. Другой индейский историк, Лерой Б. Селам писал: «...жестокая палочная дисциплина сокрушила дух независимости, искони присущий индейцам... Я бы сравнил эти интернаты с воинскими казармами, исправительными домами и тюрьмами... Вырванные из безопасного мира общинной жизни маленькие индейцы чувствовали себя потерянными...»⁷.

Однако более тяжелые последствия для башкир и американских индейцев имела политика их жесткого социально-экономического притеснения и принуждения. В первые годы их жизни при новых системах и те, и другие, находились на грани голода. При этом в отношении башкир, и чуть позже мишарей, эта политика осуществлялась при помощи их же соплеменников в лице кантонных начальников, которые «...принуждая их заниматься сельским хозяйством наподобие русских крестьян, бесчинствовали, разоряли население, ...заставляли насильно пахать землю... стремились искоренить в них все башкирское. ...Подобная ломка племенного характера, ломка кочевого строя жизни, чуждые ненавистные занятия, к которым старались принудить башкир, могли поддерживаться только непрерывными применениями порки...»⁸

Согласно Указу оренбургского генерал-губернатора Обручева и командующего Башкиро-мещерякским войском Циолковского, башкиры должны были «выезжать на

¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996. С. 342.

² Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1997. С. 322.

³ Хрестоматия по истории Башкортостана. Уфа, 1996. С. 169.

⁴ История государства и права Башкортостана. Уфа, 1996. С. 144.

⁵ История США (1608–1877). М., 1984. Т. 1. С. 496; Джейн Б. Катц. Дайте мне стать свободным человеком. М., 1984. С. 160.

⁶ William Meyer. Op. cit. p. 44.

⁷ Джейн Б. Катц. Указ. соч. С. 161–162.

⁸ Филоненко В. Башкиры. Уфа, 1915. С. 64–65.

летнюю кочевку лишь в пределах кантона, и лишь после обработки выделенного участка земли и засеивания его хлебом». В результате большинство башкир, не будучи земледельцами, способными прокормиться таким путем, лишались домашнего скота и всех его продуктов, что в свою очередь приводило к голоду и разорению¹. Кроме всего этого, свободных от сторожевой службы башкир и мишарей со своими лошадьми, забирала в «рабочие команды» для тяжелых работ на лесоразработках, строительстве дорог, шахт и т. д.²

По мнению В. Филоненко, назвавшего в начале XX в. кантонную систему «башкирской опричниной», башкирский народ был испорчен тем, что ему хотели привить другую, чуждую, ему не свойственную культуру, хотели сделать его иным, чем он всего естественнее мог быть, то есть скотоводом... Один из самых энергичных и воинственных народов, по его мнению, превратился, (на начало XX в. – *авт.*), в народ недеятельный, морально дряблый и ленивый³.

Бюро по делам индейцев, подобно своим далеким российским «коллегам», в отношении индейцев резерваций также проводило политику, направленную на ликвидацию традиционной индейской общинно-племенной организации, коллективного владения землей, что являлось главным средством разложения индейской общины.

Так, в 1887 г. Конгрессом был принят Закон о Генеральном распределении индейских земель, Закон Дауэса, (General Allotment Act), разрешивший частное землевладение в резервациях⁴. Многочисленные торговцы спиртным, спекулянты, с ведома и попустительства чиновников из Бюро, поставляли индейцам по высоким ценам испорченные товары, приучали их к пьянству и иждивенчеству. При этом чиновники из Военного министерства США, в целях наживы и обогащения, стремились монополизировать торговлю с индейцами.

К примеру, актами 1790, 1793, 1796, 1799 и 1802 гг., торговля была ограничена только товарами, произведенными на специальных мануфактурах, принадлежащих Военному министерству. Таких крупных мануфактур было всего тридцать⁵.

Согласно данным индейского историка Вайн-Делория Младшего, из резервации Пайн-Ридж, «...для сиу особенно тяжелы были первые годы жизни в резервациях. Они почти целиком зависели от пайков, которые присылало им правительство. Многие умерли от голода... Опасаясь новой индейской войны, белые разрешали держать оружие лишь немногим... дичи было мало... Находясь на грани отчаяния, многие семьи были вынуждены есть бродячих собак и кошек...»⁶.

Из-за особого статуса управления индейцы резерваций без согласия Военного министерства, а позже Министерства внутренних дел не могли обращаться за защитой своих интересов к американскому правосудию. Правительство могло в законодательном порядке прекратить всякие отношения с любым племенем, отменив дальнейшую помощь, лишит его земли статуса индейских. В этом случае они становились доступными для свободного использования переселенцами.

В конце XIX в. резервации были перенаселены, обычными явлениями в них были голод и заразные болезни. По свидетельству упомянутого индейского историка Вайн-Делория, порой выдачу продовольственных пайков в резервациях задерживали до тех пор,

¹ Акрам Биш. История башкирского народа и его борьба за свободу (на баш. яз.) Уфа, 1993. С. 148.

² Abdullah-Battal Taymas. Kazan turkleri (на тур. яз). Ankara, 1966, 80 s.

³ Филоненко В. Башкиры. Уфа, 1915. С. 65.

⁴ Robert M. Utley. Op. cit, 121.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. С. 238.

⁶ Джейн Б. Катц. Дайте мне стать свободным человеком. Документальная история индейского сопротивления. М., 1984. С. 160.

пока мужчины не соглашались обработать клочок земли, выделенный каждой семье¹. Нетрудно заметить, что в отношении своих земельных прав башкиры все же были более защищенными.

Названный выше индейский историк Уильям Мейер, (Йонв Ут Сисла – Пылающий Медведь), пишет, что правительство, экспериментируя на индейцах, в резервациях проводило серию программ, обреченность которых была заранее очевидна. Но когда индейцы добились успехов в животноводстве, власти, усмотрев в этом угрозу конкуренции белым скотоводам, отменили программу. Также была отменена программа лесоразработок².

В результате этих целенаправленных мер индейское общество стремительно деградировало. Так продолжалось до 1934 г., когда Конгрессом был отменен Закон Дауэса о частном землевладении в резервациях. Индейским реорганизационным актом, известным как Закон Уилера-Говарда, (Indian Reorganization Act), индейцам было возвращено общинное (племенное) землевладение. Предоставив индейцам некоторые политические и экономические права, этот закон существенно облегчил их жизнь³.

Отметим и другие существенные стороны статуса кантонов и резерваций. Как уже упоминалось, жизнь башкир в кантонах была военизирована, с жестким режимом, который в отличие от резерваций здесь осуществляли сами башкиры в лице кантонных и других начальников. Резервации, хотя и не делали из индейцев военных, также находились в военном ведомстве: с 1849 г. они управлялись Военным министерством, а затем Министерством внутренних дел⁴. Однако это не изменило ситуацию: в обоих случаях сохранялась возможность применить в отношении индейцев, башкир и мишарей, в случае их неповиновения, вооруженную силу.

И башкиры в кантонах, и индейцы в резервациях сохранили особый статус землевладения, столь отличный от землепользования другого местного населения, (вотчинное землевладение у башкир, племенная собственность на землю у индейцев). Как бы это ни было экономически невыгодно российскому и американскому правительствам, они вынуждены были пойти на это, поскольку рассчитали наверняка: сохранение за ними особого статуса землевладения свидетельствовало бы об особом отношении властей к ним, о желании сотрудничать с ними и т. д. Кроме того, по мнению властей, это способствовало бы безопасности белых переселенцев, и более успешной интеграции индейцев в общество.

Но Правительство США все еще было в поисках оптимальной меры для своей политики в резервациях, хотя об их упразднении не могло быть и речи, поэтому, именно в этих целях, в 1934 г. Конгрессом был отменен упомянутый выше пресловутый Закон Дауэса. Но сразу же был принят Закон Уилера-Говарда, вернувший общинное (племенное) землевладение индейцев⁵.

В России, аналогичную меру правительство предприняло почти одновременно со введением кантонной системы в 1798 г., оренбургскому генерал-губернатору Бахметьеву был направлен именной Указ от 11 апреля 1802 г., о защите земельных прав вотчинников-башкир и мишарей от притеснений⁶.

Доступ в кантоны и резервации другого (небашкирского и неиндейского) населения не был запрещен. Однако внутри них действовал особо установленный

¹ Джейн Б. Катц. Дайте мне стать свободным человеком. Документальная история индейского сопротивления. М., 1984. С. 161–162.

² William Meyer. Op. cit, p. 43–44.

³ America's Fascinating Indian Heritage. N.Y., 1978, p. 393–394.

⁴ William Meyer. Op. cit, p. 46.

⁵ America's Fascinating Indian Heritage. Op. cit, p. 393.

⁶ История государства и права Башкортостана. Уфа, 1996. С. 137.

правительством порядок, который, в кантонах распространялся только на башкир, мишарей, а в резервациях, на индейцев. Обеспечение этого порядка в обоих случаях находилось в ведении военных ведомств, которым было дано право применять оружие, в случае любого неподчинения с их стороны. Необходимо отметить, что административный надзор в резервациях все же не представляется таким жестким, как в кантонах, где на учете были даже еще не родившиеся младенцы.

Результаты и последствия введения кантонов и резерваций

Несмотря на тяжелые условия жизни в кантонах и резервациях, былой воинственный дух и стремление к вольной жизни, воспоминания о которой еще свежи были в памяти, башкиры и индейцы сохраняли еще достаточно прочно. Именно поэтому, как мы полагаем, в Отечественной войне России против вторжения Наполеона, башкиры и мишари смогли сформировать и выставить за свой счет 28 кавалерийских полков со всей амуницией и оружием. Вооруженные луком и стрелами, удивив просвещенную Европу, вместе с русскими казаками, которым они ничуть не уступали в удали и храбрости, башкиро-мишарское иррегулярное войско, вступило в Париж.

Индейцы резерваций, подобно неведомым им башкирам, в годы первой мировой войны сражались в Европе под Верденом и на бельгийских границах за интересы безжалостно подмявшей их свободу страны.

Однако правительство США, заинтересованное в оптимизации индейской политики, оценило это должным образом. По закону от 6 ноября 1919 г., Конгресс, индейцев – участников этой войны, наградил американским гражданством¹.

В обоих случаях вести речь о патриотизме башкир и индейцев, представляется сомнительным. Этот феномен может быть объяснен лишь моральным фактором, и фактором принуждения.

Моральный фактор, на наш взгляд, заключался в следующем. Согласно вековым традициям столь отличных друг от друга башкир и индейцев, участие в войнах и набегах, в военных походах и сражениях неизменно являлось одним из главных атрибутов их свободы². В данных обстоятельствах участие в войнах России и США, для них теперь было лишь желанной возможностью восполнить утраченную свободу. Войны и походы для обоих народов в данной ситуации были единственной возможностью и способом самовыражения, поддержания сплоченности народа, его этнического самосознания. Именно в такие периоды особо оживали предания о знаменитых вождях, подвигах предков.

Фактор принуждения выражался в том, что только жесткие условия режима в кантонах и резервациях могли обеспечить русским и американским властям такую крупную мобилизацию совсем еще недавних противников в ряды своей армии, против которой они совсем недавно столь яростно выступали. Очевидно, что от этой мобилизации, они, подвергнутые поголовному учету, буквально никуда не могли деться. Сопротивляться же в изменившихся условиях жизни, у них не уже было организованной возможности.

В этом контексте можно утверждать, что эпоха башкирских восстаний и индейских войн, вошедшие в истории России и США яркими и трагичными страницами, закончилась с введением кантонной системы управления в Башкирии, а в США, поголовным размещением индейцев в резервациях в конце XIX в.

Изложенный материал позволяет констатировать, что и кантонная система управления в Башкирии, и система резерваций в США, несмотря на многие их

¹ Милослав Стингл. Индейцы без томагавков. М., 1978. С. 348.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1996. Т. XI. С. 57; Т. XII, С. 554–557; Милослав Стингл. Указ. соч. С. 104.

отличительные стороны, по целям учреждений и средствам реализации политики правительств в них, были все же весьма близки. Различия, которых, однако, было больше, чем сходств, в основном касались организационной стороны деятельности и правового статуса.

Вместе с тем, мы должны отметить и те положительные, стороны кантонной системы и системы резерваций, впоследствии сыгравшие в судьбах этих народов определенную благотворную роль. Так, при всех их отрицательных сторонах, они способствовали сохранению как бы в «законсервированном» виде традиций, обычаев и культуры предков, явились существенным препятствием на пути ускоренной ассимиляции. Если до введения кантонной системы, башкирам угрожала потеря права на вотчинное землевладение, то индейцы США, перед водворением их в резервации стояли перед реальной угрозой потери всех общинных (племенных) земель, а кое-где, и физического уничтожения.

Кантонная система и система резерваций способствовали сохранению относительного морального единства и сплоченности народа. Участие в войнах и походах как нельзя лучше объединяло эти народы. Так, после принятия в 1934 г. упомянутого Закона Уилера-Говарда некоторые племенные институты самоуправления индейцев, как например, племенной совет, племенной суд и другие, получили дальнейшее развитие¹.

Но важнейшей положительной стороной двух разных, но по многим позициям объективно схожих систем, явилось то обстоятельство, что они позволили этим народам сохранить более или менее значительные части своих исконных территорий, с наличием которых связана жизнеспособность и выживаемость любого народа.

Источники и литература

1. Robert M. Utey. Encyclopedia of the American West. N. Y., Wings books, 1997, 460 p.
2. The story of the Great American West. N. Y., Readers Digest Association, 1977, 385 p.
3. Abdullah-Battal Taymas. Kazan turkleri (на тур. яз.). Ankara, Yeni matbaa, 1966, 180 s.
4. America's Fascinating Indian Heritage. N. Y., Readers Digest Association. 1978, 425 p.
5. Benjamin Capps. The Great Chiefs. Virginia, Time-Life books, 1975. 240 p.
6. D'Arcy McNickle. Native American tribalism. N. Y., Oxford University Press, 1993, 215 p.
7. Herbert Aptheker. A history of american people: an interpretation (The American revolution 1763–1783). N. Y., International Publishers, 1960, 435 p.
8. William Meyer. Native americans. N. Y., International Publishers, 1971, 120 p.
9. Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество XVII–XVIII веков. М.: Наука, 1970. 280 с.
10. Акрам Биш. История башкирского народа и его борьба за свободу (на башк. яз.). Уфа: Китап, 1993. 245 с.
11. Бабин А.В. История Северо-Американских Соединенных Штатов (1607–1829). СПб.: Трынке и Фюсно, 1912. Т. 1. 380 с.
12. Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: Китап, 1997. 525 с.
13. Вильям Диксон. Новая Америка. СПб.: Типография и Литография Н. Тиблена и Комп., 1867. 320 с.
14. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1889. Т. 1. 176 с.
15. Говорит Черный Лось (История жизни святого мужа из племени оглала-сиу) // О сути жизни. Якутск: Якутское книжное издательство, 1989. 340 с.
16. Декларация Независимости США от 4 июля 1774 года // Словарь американской истории. СПб.: Издательство Д. Буланин, 1997. 720 с.
17. Джеймс Муни. Пляска Духов и восстание сиу в 1890 г. // Индейцы Северной Америки. М.: Зеленогр. обыватель, 1996. 310 с.
18. Джейн Б. Катц. Дайте мне стать свободным человеком. Документальная история индейского сопротивления. М.: Прогресс, 1984. 290 с.
19. Джон Вильям Дрэпер. Природа и жизнь Америки и их отношение к происхождению войны. СПб.: Типография М. Хана, 1871. 295 с.

¹ Милослав Стингл. Индейцы без томагавков. М., 1978. С. 349–351.

20. Ди Браун. Схороните мое сердце у Вундед-Ни (История американского Запада, рассказанная индейцами). М.: Прогресс, 1972. 381 с.
21. Донелли А.С. Завоевание Башкирии Россией 1552–1740. Уфа: Гилем, 1995. 290 с.
22. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа: Китап, 1996. 440 с.
23. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 1996. 220 с.
24. История США (1608–1877). М.: Наука, 1984. Т. 1. 420 с.
25. Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.: Издательство АН СССР, 1936. Ч. 1. 631 с.
26. Милослав Стингл. Индейцы без томагавков. М.: Прогресс, 1978. 454 с.
27. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1956. Т. 1. 268 с.
28. Рахматуллин У.Н. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988. 120 с.
29. Словарь американской истории. СПб.: Издательство Д. Буланин, 1997. 638 с.
30. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1996. Т. XI. 580 с.; Т. XII. 550 с.
31. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. 285 с.
32. Филоненко В. Башкиры. Уфа: Электр. тип.-лит. Ф.Г. Соловьева, 1915. 85 с.
33. Фостер У.З. Очерк политической истории Америки. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. 388 с.
34. Хрестоматия по истории Башкортостана. Уфа: Китап, 1996. 290 с.
35. Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.: Издательство АН СССР, 1936. Ч. 1. 631 с.
36. Шакурова Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX века. Уфа: ИИЯЛ БНЦ УРО РАН, 1992. 110 с.

ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ОЛИМПИИ ОДУАР

Аннотация. В статье представлены фрагменты путевых заметок французской путешественницы Олимпии Одуар, в которых она характеризует население России в целом и описывает нравы и обычаи некоторых народов. Произведение О. Одуар было рассчитано на широкий круг читателей-современников путешественницы. Автор статьи указывает, что наличие в произведениях иностранных авторов сведений об отдельных народах России показывает глубокие культурные исторические связи между народами Европы.

Ключевые слова: путевые заметки Олимпии Одуар, народы Российской империи, Россия в зарубежной литературе XIX в.

Французская аристократка Олимпия Одуар (1832–1890) (Olympe Audouard), урожденная де Жуваль (de Jouval), одна из самых ярких представительниц движения феминисток во Франции второй половины XIX в. В 1855 г. О. Одуар отправилась в долгое путешествие по Египту, Сирии, Палестине и Турции. Оттуда она отправилась в Россию, и возвратилась во Францию через Германию и Польшу. В России Олимпия Одуар была дважды: в 1864 и 1876 гг.

Путевые заметки Олимпии Одуар «Путешествие в стану бояр. Очерки о России наших дней»¹, увидевшие свет в Париже в издательстве «Dentu» в 1881 г., явились своеобразным руководством, содержащим сведения по истории, литературе и современной ситуации в России конца XIX в. В книге прослеживаются передовые взгляды автора, ее осведомленность в вопросах политики и юриспруденции, знание европейской литературы. Произведение было рассчитано на широкий круг читателей-современников О. Одуар, язык путевых заметок простой и выразительный, в тексте нет пространных размышлений автора, зато много ярких эпитетов, сравнений и иногда ироничных замечаний.

Далее представлен перевод фрагментов вышеупомянутого произведения, в котором О. Одуар характеризует население России в целом и описывает нравы и обычаи некоторых народов. Иллюстрации, представленные в статье, взяты из французского издания путевых заметок 1881 г. Перевод снабжен краткими постраничными комментариями, составление которых определено содержанием и характером текста оригинала.

* * *

Россия представляет собой суровую северную страну. Российская империя – самое обширное государство на земном шаре, она простирается в Европе, Азии, и Америке, говорят, это могучий великан на трех глиняных ногах². Но в тех землях, где этот гигант прошел на своих ногах, говорят, что его ноги железные.

Население России, включая Польшу и Финляндию, составляет 75 млн чел., но эта огромная численность имеет оборотную сторону. Среди 75 млн подданных российского государя имеется так много непокорных, что требуется более 200 тыс. чел., чтобы держать их в руках. И в этом заключается одна из причин слабости правительства России.

¹ Audouard, Olympe. Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle / Olympe Audouard. Paris, 1881.

² Колосс на глиняных ногах – крылатое выражение, которым характеризуется что-либо величественное с виду, но по существу слабое. «Колоссом на глиняных ногах» Российскую империю назвал Д. Дидро (фр. *un colosse aux pieds d'argile*). «...на трех глиняных ногах» – вероятно О. Одуар указывает на три континента – Европу, Азию и Америку.

В эти 75 млн входят люди самых странных нравов, люди жестокие и дикие. Население России составили два великих народа: *славяне*, к которым относят русское население Великого княжества Московского, поляков Курляндского герцогства, литовцев, и *финны* или *чудь*¹, к которым относятся финны, саамы, самоеды, черемисы, ханты, чуваша, коми-пермяки, татары, калмыки, алеуты и т. д. Добавим еще к этим народам монголов, армян, турок, грузин и дикие племена Кавказа. Следовательно, это не совсем однородная нация, она образует народ, состоящий из людей с противоположными нравами и инстинктами.

Как и в знаменитом библейском предании о Вавилонской башне, в России говорят на тридцати трех языках, что является далеко не лучшим способом понимать друг друга!

Народ *чудь* есть древние скифы.

Славяне пришли и обосновались к западу от Волги более чем за двенадцать столетий до Рождества Христова. Как мы видим, эти земли находятся во владении славян с древних времен.

Великой Русью или Великороссией называют север и центр европейской части России, в древности эти земли назывались Московия.

Малой Русью называют весь юго-запад европейской части России.

Новороссия состоит из новоприобретенных южных земель, они составляют Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губ., Бессарабию, территории Донских и Черноморских казаков.

Черной Русью называют западную часть Литвы, в нее входят Минская и Гродненская губ. Белая Русь – это часть Польши, отделенная в 1772 г.² Она состоит из Смоленской, Могилевской и Витебской губ.

Те земли, которые когда-то занимало польское воеводство, а именно города Лемберг, Хелм и Белз³, носят название Червонная Русь, часть ее теперь принадлежит Австрии.

Россия имеет многочисленное население, и как я отметила ранее, это скорее ее слабая сторона, чем сильная.

Необъятность – вот особенность России. Издалека эта необъятность ослепляет, вблизи – огорчает. Необъятность России ослабляет ее. Российские города разделяют сухие степи, сообщение между городами ненадежное и медленное, а что касается земель для возделывания, качество, безусловно, предпочтительнее количества, и у русского народа в этом есть печальный опыт.

* * *

Славянская раса очень красива: высокого роста, стройные, хорошо сложенные, у них темно-синие глаза, с мечтательным, а иногда горьким, взглядом. Но в Петербурге расы настолько смешаны, что нужно удержаться от того, чтобы делать заключение о славянской расе по людям, которых мы там видим. Петербург – это город-космополит, его народ тоже космополит. Славянская раса была образована финнами или чудью шведами, немцами, ливонцами. Лапландцы⁴ и калмыки тоже немного поработали над этой расой, как и татары.

* * *

¹ Чудь – собирательное древнерусское название ряда племен и народов прибалтийско-финской группы финно-угорской общности. Среди этих народов называют также водь, весь, сумь, емь, мера.

² В конце XVIII в. в результате трёх разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.), практически вся территория современной Белоруссии отошла к России.

³ Лёмберг – немецкое название г. Львов. Хелм (Холм) – город на берегу р. Угерка на юго-востоке Польши. Белз – город районного значения в Сокальском районе Львовской области Украины.

⁴ Лапландцы (лопарь или саами) – малочисленный финно-угорский народ; коренной народ Северной Европы.

Но если зима чудесное время года в Петербурге, весна, осень и лето там ужасны. В январе или в феврале нужно уже думать о приближающихся противных оттепелях. Нужно разбивать лед, покрывающий улицы, и вывозить его за город. Если этого не сделать, то с приходом тепла лед превратит улицы в мутные ручьи, а площади – в огромные болота. Финские крестьяне приезжают в Петербург, чтобы проделать эту работу. Финны едут лежа в своих санях, имеющих форму лады. За свою работу финны получают около франка в день, а ведь они должны питаться и покупать лопаты, кирки, сани. В марте пять или шесть тысяч финских крестьян заняты очисткой улиц, и по улицам просто невозможно проехать. Они также сбивают лед с крыш, предупреждая прохожих о глыбах льда, которые могут свалиться на голову. Дворники колют лед перед своими дверьми, и вам в ноги летят ледяные крошки. Если вы осмелитесь сделать дворнику замечание, к летящим льдинкам добавится поток несправедливых обвинений.

* * *

Чтобы сохранить под своим началом миллионы подданных, всегда готовых восстать и бороться за свою независимость, Россия, даже во время войны с чужеземными завоевателями, должна отвлекать часть своих войск от военных действий.

Кавказ с его гордыми вершинами, многочисленными горными цепями, дикими и восхитительными пейзажами был известен еще в глубокой древности. Все хорошо знают, что он играл важную роль в греческой мифологии – на одной из вершин кавказских гор произошла казнь Прометея. Все люди Кавказа, живущие кто в горах, кто в долинах, были свободными и независимыми. Например, царь Митридат был настолько могущественен, что даже туркам не удалось установить на Кавказе единую власть.

Тем не менее, в 1722 г. русский самодержец, искушенный лавровым венком Митридата, начал войну с Кавказом. России потребовалось 139 лет, чтобы поработить половину гордых кавказских народов. Это очень хорошо показывает, насколько сильна любовь кавказцев к свободе и независимости. Шамиль отличился храбростью, защищая независимость своей родины – Черкесии.

Различные провинции Кавказа вместе с Черкесией насчитывают около четырех миллионов жителей.

Черкесы живут в небольших селениях-аулах на вершинах самых высоких гор. Они выбирают самые дикие и недоступные места. Их селения напоминают орлиные гнезда, свитые у самых облаков.

В своих селениях они живут в хижинах из войлока, безразличные ко всему, сладострастные. Они превозносят красоту своих женщин, самых прекрасных в мире, красоту и скорость своих маленьких лошадей – «стальных» скакунов. Черкесы опьянены своей животной любовью, но они также свирепы и беспощадны. Вечерами, сидя возле хижин, когда небо голубое, а луна смотрит на них меланхолично, они разговаривают о прошедших днях, когда они жили свободно и необузданно. Они говорят кощунственные речи против России, которая их поработила, потом они начинают мечтать, что возможно когда-нибудь они смогут отомстить своим ненавистным угнетателям.

Бросаясь в атаку, черкесы издают боевой клич, резкий и пронзительный.

Они жестокие и беспощадные. Несчастен тот русский солдат, который попадетс я им на пути и станет их пленником.

Черкесы – охотники, но прежде всего разбойники. Грабеж их очень привлекает.

Ногайцы (ногаи), ветвь татар или туркменов, живут на севере Кавказа, в степях Крыма, в Тавриде и Екатеринославле. Их насчитывается триста тысяч. Они

магометане, у них распространены полигамные браки. Довольно часто можно встретить мужчину, у которого пять или даже шесть жен.

Одни живут племенами, не меняющими своего местоположения, другие кочуют и живут только охотой, рыбалкой и грабежами.

Ногайцы яростно оберегают свое древнее варварство, цивилизация никогда не будет иметь для них ценность. Чтобы эти народы оставались подданными царя, нужно держать здесь всегда вооруженную армию.

Осеты¹, кавказский народ, живут на берегах р.р. Риони, Терека, Арагви и Урупа. Среди них около десяти тысяч чел., способных держать оружие. Они считаются самыми дикими на земле, они грубы и обожают разбой. Воровство почитается ими как искусство, а человек, невероятно искусный в кражах, вызывает восторг и уважение своих сородичей, как в цивилизованных странах вызывают восторг истинно умные люди. У осетов есть вождь, которого все остальные слушаются беспрекословно и которому выказывают свое почтение. Вождь живет на горе Казбек.

Русские, сопровождающие обоз с боеприпасами или каким-либо провиантом для русской армии на Кавказе, договариваются с предводителем одного из кавказских племен, который получив авансом определенную сумму, отправляет своих людей сопровождать этот самый обоз, чтобы защитить его от других головорезов.

Этот предводитель выполняет функцию страховщика за определенную премиальную плату, поскольку он возвращает русским товары, которые его люди изловчились украсть.

На юге Кавказа в той части, которая идет вдоль Черного моря, находится огромная Абхазия. Ей принадлежат несколько городов, обладающих неоспоримой важностью. Анапа, Сухум-Кале и Пицунда – вот самые главные города Абхазии.

Земли Абхазии очень плодородные, здесь можно встретить как горы, так и долины, богатые азиатской растительностью. Кедр, бук, миндаль, персики, фиги растут в горах, где скалы защищают от холода, образуя естественные оранжереи. Айва, абрикосы, финики и зизифус – местные продукты. Болота, находящиеся в долине, украшены самыми красивыми растениями, такими как рододендрон понтийский и рододендрон желтый.

Но если природа прекрасна и поэтична в этих местах, сами абхазцы, напротив, грубы и страшны. Они живут кочевой жизнью и добывают себе пропитание только грабежом. Когда-то эти дикари были христианами. Поняли ли они, что не достойны религии Иисуса? Я не знаю, каким образом, но они обратились в мусульманство. Они крадут женщин и детей, делая их своими рабами. На Кавказе их боятся так же, как и ненавидят, и русские, в конечном счете, пресекут их разбой.

В Сибири живет много разных народов: остяки, киргизы, вотяки, камчадалы и другие. Все они стали подданными царя против своей воли, и поэтому царю необходимы многочисленные военные отряды, чтобы поддерживать порядок. Если вдруг начнется война, царь должен будет не только обеспечить охрану Сибири, защитить страну от опасности нападения со стороны Китая, обеспечить защиту Кавказа и особенно Польши. Согласитесь, что большое число разных народов становится для России причиной ее слабости.

¹ Осеты или осетины (фр. *les Assètes*).

Сани камчадалов, запряженные собаками

Наряду с этими народами, покоренными только что, в центральной части России проживают народы, которые покорены давно, но они не утратили своих особенностей и образуют небольшие группы внутри другого народа. Чуваши, например, сохранили свой язык, нравы, привычки и национальный костюм. Они ничего не заимствуют у славян, они живут среди них, но не смешиваются с ними. Их насчитывается около трехсот тысяч. Живут они между Волгой и Сурой, в Нижегородской, Казанской и Оренбургской губ. Они принадлежат к финской расе. Они не очень высокого роста, с русыми волосами, маленькими голубыми глазами, насмешливым и хитрым взглядом. Они женятся между собой и поддерживают свои древние традиции и обряды. Национальные костюмы у них очень своеобразные и живописные, в костюмах преобладают золотой и ярко-красный цвета.

Женщины и мужчина чуваша

Татарская женщина из Казани в праздничном костюме

Начиная с XVIII в., половина чувашей постепенно стала христианами. Они придерживались греко-русской религии, в то время, как другая половина все еще поклоняясь языческим богам, почитала магометанство и полигамию.

Богатые татары из Казани

Черемисы

Чуваши не кочуют, живут в своих хижинах, сделанных наполовину из земли и наполовину из веток. Они возделывают землю, но питают такую большую страсть к охоте, что объединяясь в группы, проводят недели в лесах. Правительство разрешает им даже платить часть налогов в виде шкур.

Чувашский язык отличается от русского. В целом, люди, которые образуют Российскую Империю, говорят на тридцати трех различных языках. Что является еще одной причиной отсутствия взаимопонимания.

Черемисы относятся также к финской расе. Их численность составляет двести тысяч чел. Большая их часть живет в Пермской, Симбирской Оренбургской и Казанской губ. Они мало образованы, поклоняются идолам, но мягкие по характеру. Они занимаются земледелием и владеют большими знаниями о разведении пчел.

Европейский город России, столица одноименной губернии – Казань, была основана в 1259 г. Сайном, сыном хана Батыея, как татарская крепость. Захваченная и разрушенная Василием в 1397 г., она была снова отстроена татарами и вновь захвачена Иваном VI, и стала русским городом. В 1774 г. город был разграблен бунтарем Пугачевым, после чего был сожжен в 1820 г. В 1842 г. он снова возродился после всех несчастий. Потомки монголо-татар, которые так долго находились в рабстве у русских, обосновались в этом городе. Эти татары, численностью около десяти тысяч чел., знакомы с европейской культурой. Они мусульмане, у них есть гаремы, в которых живут, вдали от нечестивых взглядов, их жены, окруженные, тем не менее, роскошью и комфортом.

Слияние русского и татарского народов едва ли произойдет. У татар – потомков народа, когда-то покорившего Русь, настолько обостренные отношения с русскими, что каждый день между ними возникают кровавые стычки.

Если мы добавим к четырем миллионам кавказцев три миллиона жителей Сибири и другие разрозненные племена, то мы получим более пятнадцати миллионов царских подданных, которые удерживаются в повиновении только силой.

Польша, завоеванная и подавленная, но всегда готовая восстать, требует значительных военных сил для ее сохранения в составе России. Это указывает на

незавидную ситуацию в случае войны, и российские правители должны понимать, что чрезмерно увеличивать свои владения – это лучший способ ускорить распад государства.

Источники и литература

1. Audouard, Olympe. Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle / Olympe Audouard. Paris: Dentu, 1881. 336 p. URL: https://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Audouard_-_Voyage_au_pays_des_Boyards.pdf (дата обращения: 05.05.2019).
2. Одуар, О. Путешествие в страну бояр. Очерки о России XIX века [Текст] / О. Одуар; пер., предисл. и коммент. Л.Е. Ильиной. Москва: ИНФРА-М, 2019. 261 с.: ил.

ВОЗВЕДЕНИЕ ЧУЛОШНИКОВЫХ В ДВОРЯНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Аннотация. В статье раскрывается вопрос возведения в потомственное дворянство Российской империи представителей рода Чулошниковых. Определением Оренбургского дворянского депутатского собрания от 2 декабря 1840 г. и Указом Департамента герольдии Правительствующего Сената от 18 октября 1848 г. за № 890 был признан и утвержден потомственным дворянином Иван Ефимович Чулошников (1795–?) – прадед выдающегося российского историка-археографа А.П. Чулошникова. Александр Петрович Чулошников (8 августа 1894 г. – январь 1842 г.) был признан потомственным дворянином Определением Оренбургского дворянского депутатского собрания от 9 июня 1903 г.

Ключевые слова: потомственное дворянство, Чулошников, дело о дворянстве, прошение, родословная книга, утверждение, причисление.

23 декабря 1839 г. в Оренбургское дворянское депутатское собрание поступило Отношение Оренбургской войсковой канцелярии от 15 декабря 1839 г. за № 7 358, гласившее: «Вследствие просьбы войска сего хорунжего Чулошникова о выдаче ему грамоты на право дворянства, приобретенного им службой, и о внесении его с родом в дворянскую родословную книгу, войсковая канцелярия, препровождая у сего в Дворянское депутатское собрание копии с формулярного списка о службе хорунжего Чулошникова и патента на настоящий его чин, покорнейше просит внести его, Чулошникова, с родом в дворянскую родословную книгу с выдачей ему грамоты², которую и прислать в канцелярию. Следующие же по сему делу деньги в казну Чулошников обязывается пред-//ставить чрез сию канцелярию по требованию, сколько таковых будет подлежать, а потому о количестве оных не оставить здешнее место уведомить»³. Кто же являлся соискателем дворянских прав?

Иван Ефимович Чулошников (1795–?) – выходец из оренбургских казаков. На момент подачи прошения о возведении в российское потомственное дворянство – 45-летний полковой хорунжий Оренбургского казачьего войска. Служить в данной войске начал 20 марта 1813 г. в чине урядника. 29 марта 1814 г. был произведен в зауряд-хорунжие, 9 августа 1833 г. – зауряд-сотником, 17 июля 1835 г. – полковым хорунжием. С 14 мая 1830 г. по 23 марта 1832 г. находился в составе 10-го Оренбургского казачьего полка на службе в Москве. 15 августа 1833 г. был назначен комендантом Сорочинской крепости Оренбургской губ. России. 7 января 1835 г. на инспекторском смотре за отличное состояние крепости временно исполняющим должность командующего Оренбургским казачьим войском подполковником И.В. Подуровым И.Е. Чулошникову была объявлена благодарность⁴. Был женат на мещанке Прасковье Николаевне. Отец 6 детей: сыновей Автонома (1820–?), Алексея (1823–?) и Федора (1827–?), дочерей Матрены (1827–?), Василисы (1833–?) и Елизаветы (1837–?). Все вышеперечисленные лица, включая И.Е. Чулошникова, были людьми «греко-русского исповедания»⁵. В собственности Иван Ефимович имел деревянный дом в

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 18-49-020018 «Алфавитные списки утвержденных и сопричисленных дворян-башкир Уфимской и Оренбургской губерний Российской империи: источниковедческое исследование и публикация документов».

² В документе ошибочно: грамоту.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 158 об., 159 об., 161, 162; Д. 499. Л. 3 об.–5.

⁵ Там же. Д. 499. Л. 5, 11.

станции Тоцкой Бузулукского уезда Оренбургской губ., а супруга – 6 крестьян, в т. ч. 2 м. п. и 4 ж. п. (1850 г.)¹.

В качестве доказательств прав И.Е. Чулошникова на дворянство Оренбургская войсковая канцелярия направила в Оренбургское дворянское депутатское собрание заверенные ею копиянные экземпляры формулярного списка о службе И.Е. Чулошникова за 1838 г. и патента на чин полкового хорунжего, выданного Министерством иностранных дел из Инспекторского департамента Военного Министерства 15 октября 1837 г. за № 8 866 о том, что проситель произведен в чин полкового хорунжего 17 июля 1835 г.²

Оренбургское дворянское депутатское собрание Определением от 8 января 1840 г. предписало Оренбургской войсковой канцелярии доставить в Собрание метрические свидетельства о рождении сыновей просителя³. Спустя 3 месяца подлинные метрические свидетельства, выданные Оренбургской духовной консисторией 29 мая 1839 г. за №№ 3 082, 3 083 и 3 084 о рождении Автонома (1820–?), Алексея (1823–?) и Федора (1827–?) Ивановичей Чулошниковых, были доставлены в Собрание⁴. При этом Оренбургская войсковая канцелярия Отношением Оренбургскому дворянскому депутатскому собранию от 5 апреля 1840 г. за № 2 045 уведомило Собрание, что «эти дети рождены до получения Чулошниковым настоящего офицерского достоинства»⁵.

По российскому законодательству до издания закона от 5 марта 1874 г. при приобретении человеком прав потомственного дворянства по обер-офицерскому чину, его дети, рожденные до получения им обер-офицерского чина, правами потомственного дворянства пользоваться не могли. Дворянское достоинство распространялось только на детей, рожденных в обер-офицерстве, а в случае их отсутствия потомственное дворянство жаловалось одному из сыновей – по выбору и просьбе отца⁶. На основании ст. 32 9 т. Свода законов Российской империи издания 1832 г. И.Е. Чулошников мог внести в дворянскую родословную книгу одного сына по своему усмотрению⁷.

Отношением Оренбургской войсковой канцелярии Оренбургскому дворянскому депутатскому собранию от 14 октября 1840 г. за № 6 489 войсковая канцелярия уведомила Собрание, что И.Е. Чулошников «желает внести в родословную книгу из троих сыновей своих старшего Автонома» и препроводило в Собрание пошлинные деньги за грамоту на дворянство 14 руб. 28 4/7 коп. сер. (на ассигнации 50 руб.)⁸.

Определением Оренбургского дворянского депутатского собрания от 2 декабря 1840 г. И.Е. Чулошников с сыном Автономом были признаны потомственными дворянами и внесены во 2-ю часть родословной книги дворян Оренбургской губ.⁹ Документ гласил: «... Определено: как представленные Г.¹⁰ Чулошниковым [документы] достаточно доказывают право его и одного из сыновей на потомственное дворянство, то Депутатское собрание полагает на основании Свода законов т. 9 Ст. 18, 20 (п. 3), 32, 40 (п. 4), 973 и 977 внести просителя Ивана Ефимовича Чулошникова, согласно изъясненному им желанию,

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13140/35. Л. 21; Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 3 об.

² Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 2, 3–6, 16.

³ Там же. Л. 7–8.

⁴ Там же. Л. 10, 11, 16.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был, п. 15 // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 64; Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе. СПб., 1876. Т. 49. Отд. 1. № 53224; Блосфельд Г. Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901. С. 13.

⁷ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 13.

⁸ Там же. Л. 14.

⁹ Там же. Л. 20–21.

¹⁰ Господином.

с сыном Автономом во 2-ю часть дворянской родословной книги и выдать просителю Грамоту...»¹.

Отношением Оренбургского дворянского депутатского собрания Оренбургской войсковой канцелярии от 10 января 1841 г. за № 15 Собрание выслало в Оренбургскую войсковую канцелярию грамоту на дворянство и 3 метрических свидетельства для вручения И.Е. Чулошникову. Данные документы были получены Иваном Ефимовичем 26 января 1841 г. под расписку². Оказалось, что в грамоте на дворянство была допущена ошибка: вместо «Ефимовичу» написано «Федоровичу»³.

И.Е. Чулошников просил Собрание исправить допущенную ошибку⁴. 8 апреля 1842 г. дворянское собрание выслало в войсковую канцелярию исправленную грамоту⁵. 12 мая 1842 г. она была получена И.Е. Чулошниковым под расписку⁶.

Департамент герольдии Правительствующего Сената Указом от 1 июня 1844 г. за № 9 598 предписал Оренбургскому дворянскому депутатскому собранию немедленно доставить в Герольдию «копии с документов о дворянстве Чулошниковых»⁷. Дело о дворянстве И.Е. Чулошникова поступило на рассмотрение Герольдии 10 августа 1844 г. за № 313⁸.

Указом Департамента герольдии Правительствующего Сената от 18 октября 1848 г. за № 890 Иван Ефимович Чулошников был утвержден в потомственном дворянстве Российской империи⁹. И внесен во 2-ю часть родословной книги дворян Оренбургской губ.¹⁰ В вопросе признания в дворянском достоинстве Автонома Ивановича Чулошникова Определение Оренбургского дворянского депутатского собрания от 2 декабря 1840 г. не было утверждено. И.Е. Чулошникову было предписано о возведении сына его в дворянство «на основании 40 ст. 9 т. Свода законов [Российской империи] издания 1842 г. обратиться с просьбой куда следует по порядку»¹¹.

Ст. 40 9 т. Свода законов Российской империи издания 1842 г. гласила: «Получивший потомственное дворянство достижением обер-офицерского чина в воинской службе, сообщает оное одним детям его, в обер-офицерстве рожденным; когда же таковых детей не будет, то потомственное дворянство жалуется, по собственному избранию и просьбе отца, или, за смертью его, по просьбе матери или родного деда, одному из прежде прижитых сыновей, исключая, однако, тех из них, кои до поступления еще отцов их в военную службу рождены были в крепостном или податном состоянии, хотя бы они в последствии из него и вышли»¹².

Департамент герольдии Правительствующего Сената Указом от 26 июня 1857 г. за № 3 501 признал «войскового старшину Ивана Ефимова [сына] Чулошникова по настоящему чину его с сыновьями сотником Автономом и хорунжием Алексеем в потомственном дворянском достоинстве»¹³.

¹ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 21.

² Там же. Л. 24.

³ Там же. Л. 22–22 об.

⁴ Там же. Л. 22 об.

⁵ Там же. Л. 28 об.

⁶ Там же. Л. 30.

⁷ Там же. Л. 31–31 об.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647. Л. 417 об.

⁹ Там же. Л. 310, 339, 349, 371, 403 об., 417 об.–418; ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 158 об., 160; Д. 499. Л. 16, 34–34 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647. Л. 310, 339, 349, 371, 417 об.–418; ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 158 об.–162; Д. 499. Л. 18, 21.

¹¹ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 34 об.

¹² Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: издание 1842 г.: в 15 т. СПб., 1842. Т. 9: Свод законов о состояниях. С. 9–10.

¹³ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 37 об., 39–40.

Определениями Оренбургского дворянского депутатского собрания к роду И.Е. Чулошникова были причислены следующие лица: 4 сентября 1863 г. – Иван (1 октября 1843 г.–?) и Александр (8 июня 1845 г.–?) Автономовичи¹, 16 октября 1872 г. – Алексей (1823–?) и Федор (1827–?) Ивановичи, Петр Алексеевич (9 июня 1852 г.–?) и Василий Федорович (18 марта 1853 г.–?)², 27 августа 1874 г. – Иван Алексеевич (15 июня 1856 г.–?)³, 20 сентября 1874 г. – Григорий Федорович (22 января 1856 г.–?)⁴, 26 марта 1879 г. – Виталий Алексеевич (?–?)⁵, 9 июня 1903 г. – Александр (8 августа 1894 г. – январь 1842 г.) и Константин (2 октября 1897 г.–?) Петровичи⁶.

Причисление потомков утвержденных Герольдией дворянских родов осуществлялось Определениями дворянских собраний. К прошению соискателя дворянства о причислении к роду предка необходимо было приложить документы, доказывающие правомерность причисления. В материалах «дела по прошению Оренбургской войсковой канцелярии о внесении хорунжего Ивана Чулошникова с родом в дворянскую родословную книгу»⁷ сохранились подлинные прошения представителей дворянской ветви рода Чулошниковых о признании их в дворянстве⁸.

Ко всем прошениям о причислении к дворянскому роду Чулошниковых приложены подлинные метрические свидетельства духовных консисторий: Оренбургской за № 1 626 о рождении Виталия Алексеевича, за № 2 500 о рождении Григория Федоровича, за №№ 3 083 и 3 084 о рождении Алексея и Федора Ивановичей, Московской за № 9 684 о рождении Ивана Алексеевича, Подольской за №№ 11 480 и 11 482 о рождении Александра и Константина Петровичей⁹.

В большинстве случаев метрическое свидетельство о рождении было основным документом, доказывающим дворянское происхождение причисляемого лица. Но в отдельных случаях в качестве доказательств правомерности причисления просителями в дворянское собрание подавался пакет документов. Так, например, Автоном Иванович Чулошников к прошению, поданному в Оренбургское дворянское депутатское собрание 21 марта 1863 г., об «утверждении его сыновей Ивана и Александра в потомственном дворянстве» приложил 4 документа: копию Указа Департамента герольдии Правительствующего Сената от 26 июня 1857 г. за № 3 501 об утверждении его потомственным дворянином¹⁰, 2 метрических свидетельства Оренбургской духовной консистории за №№ 4 401 и 4 402 о рождении вышеупомянутых детей¹¹ и формулярный список о своей службе от 12 февраля 1862 г.¹²

Все прошения, дошедшие до нас в материалах дела о дворянстве Чулошниковых, написаны представителями рода собственноручно и были доставлены в Оренбургское дворянское депутатское собрание чрезвычайно оперативно. Так, вышеупомянутое прошение Автонома Ивановича Чулошникова было написано 14 марта 1863 г., получено

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647. Л. 371; ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 160; Д. 499. Л. 46, 47.

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647. Л. 349–349 об.; ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 160; Д. 499. Л. 5, 11, 16, 70.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647. Л. 339; ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 160.

⁴ Там же.

⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647. Л. 310. Ходатайствовал о его причислении к роду покойного отца его брат Петр Алексеевич Чулошников. ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 87–87 об.

⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647. Л. 113 об.

⁷ В данном деле представлены документы, охватывающие 65-летний промежуток времени (23 декабря 1839 г. – 28 октября 1904 г.). Дело на 106 листах.

⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647. Л. 37–38 об., 58–58 об., 61, 77–77 об., 83–83 об., 87–87 об. и др.

⁹ Там же. Л. 113 об., 310, 339, 349–349 об., 371; ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 160.

¹⁰ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 39–40.

¹¹ Там же. Л. 46, 47.

¹² Там же. Л. 41–45.

Собранием 21 марта 1863 г.¹, прошение Петра и Василия Федоровичей Чулошниковых о внесении их в дворянскую родословную книгу – 11 и 12 октября 1872 г.², прошение Ивана Алексеевича Чулошникова о выдаче ему свидетельства на дворянство – 23 и 24 августа 1874 г.³, прошение Григория Федоровича Чулошникова об утверждении его в потомственном дворянстве – 18 и 19 сентября 1874 г.⁴, соответственно.

Продолжительность процедуры причисления вышеперечисленных лиц с момента написания ими прошения до признания их дворянами составляла 44,92 дня, в т. ч. Ивана и Александра Автономовичей – 175,00 дней, прочих – 4,67 дня⁵.

Как видим, основателем дворянской ветви рода Чулошниковых является Иван Ефимович Чулошников (1795–?) – офицер Оренбургского казачьего войска. Выслуга им чинов полкового хорунжего и войскового старшины стала юридическим основанием для отыскания им прав российского дворянства. Определением Оренбургского дворянского депутатского собрания от 2 декабря 1840 г. и Указом Департамента герольдии Правительствующего Сената от 18 октября 1848 г. за № 890 он был признан и утвержден потомственным дворянином Российской империи и внесен во 2-ю часть родословной книги дворян Оренбургской губ. России. Все потомки И.Е. Чулошникова мужского пола были признаны потомственными дворянами Российской империи.

Источники и литература

1. Блосфельд Г. Сборник законов о российском дворянстве. СПб.: Д.В. Чичинадзе, 1901. 443 с.
2. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13140/35; Ф. 38. Оп. 1. Д. 3, 499.
3. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1876. Т. 49. Отд. 1. С. 325–326.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647.
5. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: издание 1842 г.: в 15 т. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. 9: Свод законов о состояниях. С. 9–10.
6. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4. С. 56–66.

¹ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 37–37 об.

² Там же. Л. 58, 61.

³ Там же. Л. 77–77 об.

⁴ Там же. Л. 83–83 об.

⁵ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 647. Л. 113 об., 310, 339, 349–349 об., 371; ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 160; Д. 499. Л. 37–37 об., 46, 47, 58, 61, 77–77 об., 83–83 об.

«ВЕДОМОСТЬ О ЮРТОВЫХ ОБЩЕСТВАХ ЧЕЛЯБИНСКОГО КАНТОНА» ЗА 1863 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. В статье рассматриваются в качестве исторического источника ведомости о юртовых (волостных) обществах 4-го Челябинского кантона за 1863 г. Сравниваются сведения ведомостей с данными ревизских сказок 1859 г. по отдельным деревням. В результате, автор приходит к заключению, что, скорее всего, в ведомостях демографические сведения близки к реальной действительности, нежели в ревизских сказках. Делается вывод, что ведомости – важный исторический источник по демографии, административно-территориальному устройству Башкортостана середины XIX в. В конце статьи приводятся сведения о количестве дворов и населения по Челябинскому кантону по всем населенным пунктам.

Ключевые слова: ведомость, ревизские сказки, население, башкиры, волость, сельское общество, исторический источник.

После принятия именного указа от 14 мая 1863 г., утвердившего «Положение о башкирах», в кантонах начался процесс создания волостных (юртовых) и сельских обществ. К осени 1863 г. были составлены покантонные ведомости об образовании этих обществ, в том числе по 4-му Челябинскому кантону. Эти ведомости в целом нами были подвергнуты специальному источниковедческому анализу¹.

Ведомости по Челябинскому кантону еще в 1860-е гг. были опубликованы, возможно, для служебного пользования. Однако, являясь ныне библиографической редкостью, данное издание практически не используется в научных и краеведческих работах². В современный период сведения по архивному первоисточнику по 4 кантонам (Белебеевскому, Бирскому, Мензелинскому, Красноуфимскому) были опубликованы историком А.З. Асфандияровым³. По всем кантонам ведомости вошли также в сборник документов и материалов «История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001)», однако в нем нет цифровых данных (числа домохозяев, мужчин и женщин), то есть наиболее ценных сведений⁴. Таким образом, ведомости о юртовых обществах по Челябинскому кантону за 1863 г. до сих пор остаются полностью неопубликованным.

Ведомость сохранилась в Национальном архиве Республики Башкортостан в фонде Оренбургского генерал-губернатора (Ф. И-2). По 4-му Челябинскому кантону ведомость включала следующие графы: 1) «Названия юртовых обществ»; 2) «В каком селении находится юртовая квартира»; 3) «Через какие станции, города должны быть адресованы бумаги»; 4) «Какие в состав юртового общества входят общества сельские»; 5) «Из каких деревень состоит каждое сельское общество»; 6) «[Число] вотчинников»; 7) «[Число] припущенников»; 8) «В каких управлениях находятся сельские управления»; 9) «Примечание». 6-я и 7-я графы делились на подграфы: «число домохозяев» (т. е. дворов) и «число наличных душ» (мужчин и женщин)⁵. Численность населения давалось в ведомостях на основе сведений ревизии 1859 г.⁶

¹ Исянгулов Ш.Н. Ведомости об образовании башкирских волостных и сельских обществ 1863 г. как демографический источник // Проблемы востоковедения. 2019. № 1. С. 52–57.

² Список башкирских деревень с разделением их на волостные и сельские общества. Б. м., б. г.

³ Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. / Асфандияров А.З., Абсалямов Ю.М., Роднов М.И. Уфа, 2001. С. 378–404, 407–410.

⁴ История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001): Сб. док. и мат-лов. Уфа, 2003. С. 368–427.

⁵ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15158. Л. 188–199.

⁶ Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. С. 378.

Ниже приводится сравнительная таблица по деревням будущего Метелевского сельского общества Метелевской волости Челябинского уезда Оренбургской губ. (ныне Аргаяшского р-на Челябинской обл.), составленная по сведениям ведомости и ревизских сказок 1859 г. (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная таблица по деревням Метелевской волости Челябинского кантона¹

№	Названия деревень	По ревизским сказкам 1859 г.				По ведомостям			
		дворов	муж.	жен.	чел. на 1 двор	дворов	муж.	жен.	чел. на 1 двор
1	Метелево	37	200	187	10,5	73	201	207	5,6
2	Левашево	28	172	170	12,2	58	179	167	6,0
3	Селяево	34	173	174	10,2	68	181	187	5,4
4	Битюково	9	62	52	12,7	27	85	67	5,6
5	Малое Битюково	9	23	19	4,7	–	–	–	–
6	Ултраково	24	168	135	12,6	61	172	143	5,2
7	Сураково	12	99	80	14,9	35	106	86	5,5
8	Супхангулово	5	32	33	13,0	13	35	34	5,3
9	Ишалино	24	144	137	11,7	52	155	78	4,5
10	Мратово	12	77	60	11,4	30	73	73	4,9
11	Абдырово	20	140	123	13,2	50	141	134	5,5
12	Бажикаево	21	163	157	15,2	53	188	148	6,3
13	Сатлыково	26	175	145	12,3	60	168	145	5,2
14	Кусимбаево	10	49	46	9,5	16	50	45	5,9
15	Суфино	9	66	74	15,6	25	70	68	5,5
16	Соболево	32	189	184	11,7	72	203	174	5,2
17	Дербишево	24	216	202	17,4	79	204	193	5,0
18	Маржимбаево	20	113	89	10,1	39	112	87	5,1
19	Тогузбаево	17	76	75	8,9	27	77	76	5,7
20	Накаево	28	166	152	11,4	60	163	138	5,0
	Всего	401	2 503	2 294	12,0	898	2 563	2 250	5,4

Как видно, число дворов ни по одному населенному пункту не совпадает. Численность населения полностью совпадает лишь по д. Битюково с д. Малое Битюково (в ведомостях д. Малое Битюково не значится, а показана в составе д. Битюково), по женщинам – в д. Сатлыково, близки данные по д. Кусимбаево, Маржимбаево, Тогузбаево. По остальным деревням сведения и ведомостей, и ревизских сказок несколько разнятся. Данное обстоятельство ставит перед исследователями несколько вопросов. Во-первых, можно ли в таком случае использовать ревизские сказки 1859 г. при изучении форм, структуры и состава башкирской семьи, если число дворов по ним и по ведомостям не совпадают. Ведь, скорее всего, действительное положение вещей в вопросе количества дворов в той или иной деревне отражено в ведомостях, нежели в ревизских сказках².

¹ Составлена по: НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15158. Л. 189; Ф. И-138. Оп. 2. Д. 767. Л. 4–10, 30–42, 115–125, 131–144, 570–580, 586–598, 613–645; Д. 767а. Л. 25–32, 61–68; Д. 768. Л. 21–35, 180–190, 194–197, 208–218, 231–244; Д. 769. Л. 116–128.

² Исянгулов Ш.Н. Ведомости об образовании башкирских волостных и сельских обществ 1863 г. как демографический источник // Проблемы востоковедения. 2019. № 1. С. 52–57.

Во-вторых, на какие же источники опирался составитель ведомостей (они идут за подписью начальника кантона), кроме ревизских сказок. Очевидно, это были сведения текущего учета населения, который проводили кантонные власти и представляли ежегодно вышестоящим инстанциям.

Приведем еще одну сравнительную таблицу по деревням будущей Сарт-Калмыцкой волости Челябинского уезда (ныне Сафакулевского р-на Курганской обл.) (табл. 2).

Таблица 2

**Сравнительная таблица по деревням Сарт-Калмыцкой волости
Челябинского кантона¹**

№	Названия деревень	По ревизским сказкам 1859 г.				По ведомостям			
		дворов	муж.	жен.	чел. на 1 двор	дворов	муж.	жен.	чел. на 1 двор
1	Машакаево	14	95	84	12,8	32	109	100	6,5
2	Абултаево	18	99	85	10,2	30	101	84	6,2
3	Абдряшиново ²	33	233	221	13,8	54	144	145	5,4
4	Баязитово	–	–	–	–	33	100	109	6,3
5	Арасланово	10	90	78	16,8	26	83	73	6,0
6	Аптыкаево	23	192	184	16,3	59	198	194	6,6
7	Сибишево ³	55	334	268	11,0	58	191	143	5,8
8	Уртеево	–	–	–	–	55	168	191	6,5
9	Абдулменево	39	239	190	11,0	82	250	201	5,5
10	Кутлубаево	37	217	174	10,6	70	223	198	6,0
11	Шафиево	56	288	272	10,0	122	317	272	4,8
12	Азналино	39	176	163	8,7	60	168	160	5,5
13	Мухаметево	9	83	68	16,8	27	80	81	6,0
14	Куйсаново	53	255	216	8,9	75	268	247	6,9
15	Буйларгыр (Бурыл- Айгырово)	26	116	91	8,0	32	112	97	6,5
16	Бакаево	71	272	237	7,2	90	306	281	6,5
	Всего	483	2 689	2 331	10,4	905	2 818	2 576	6,0

Подобные результаты дает и эта таблица. Если по числу дворов нет ни одного совпадения, то по численности населения сведения близки друг к другу (полностью совпало число женщин в д. Шафиево).

Таким образом, ведомости дают возможность проверить сведения X ревизии 1859 г. в вопросах численности дворов и населения. Значительное превышение количества дворов в том или ином населенном пункте по ведомостям от таковых цифр в ревизских сказках ставит вопрос о достоверности ревизских сказок в части структуры и состава семей.

Ведомости 1863 г. также являются ценным источником по административно-территориальному делению Башкирского войска в конце эпохи кантонного управления.

¹ Составлена по: НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15158. Л. 193–194; Ф. И-138. Оп. 2. Д. 771. Л. 1–21, 38–52, 117–122, 160–169, 200–209, 212–257, 646–683, 734–772.

² В ревизских сказках вместе учтены жители д. Абдряшиново и выселка Баязитово.

³ В ревизских сказках вместе учтены жители д. Сибишево и выселка Уртеевского.

Несмотря на ряд работ¹, административно-территориальное устройство Башкортостана, как в кантонный, так и в пореформенный период изучено еще недостаточно. Ведомости дают возможность установить первоначальное разделение башкирского населения на территориальные волости и сельские общества. Материалы графы «Где находится волостное управление» были опубликованы в 2003 г.² Отметим те населенные пункты, где находились сельские управления: Метелевского – в д. Метелево, Султаевского – в д. Султаево, Исянгильдинского – в д. Исянгильдино, Кулсаринского – в д. Кулсарино 1-й, Байгазинского – в д. Байгазино, Черлинского – в д. Курманово, Аджитаровского – в д. Аджитарово, Абултаевского – в д. Абултаево, Уртеевского – в д. Уртеevo, Ичкинского – в д. Альменево, Катайского – в д. Манатово, Течинского – в д. Муслюмово, Салзатского – в д. Бурино, Устьбагарякского – в д. Нижней, Улукатайского – в д. Тюляково, Карабольского – в д. Карабольке, Мякотинского – в д. Алабуга, Балакатайского – в д. Сарино, Ичкинского – в д. Ичкино. Деревня, где находилось правление Терсютского сельского общества, в источнике не указана.

В графе «Примечание» обычно содержались сведения о волостном старшине, определении жалования должностным чинам: старшине, писарям и т. д. Для примера приведем сведения по Черлинской волости: «Старшиной в Черлинское юртовое общество избран урядник Шарыпов. Жалованье старшине назначено 70 р[ублей], помощнику его – 25 р., на наем писаря – 80 р. и на канцелярские расходы 30 р. сер[ебром] в год»³.

Далее приводим таблицу, составленную по ведомостям 1863 г. по всем башкирским (вотчинников и припущенников) населенным пунктам Челябинского уезда (Табл. 3).

Таблица 3

Ведомость о юртовых обществах 4-го Челябинского кантона⁴

Названия юртовых обществ	Какие в состав каждого юртового общества входят общества сельские	Из каких деревень состоит каждое сельское общество	Вотчинники, припущенники	Число домохозяев	Число наличных душ	
					муж.	жен.
Метелевское	Метелевское	Метелево	припущенники	73	201	207
		Левашево	припущенники	58	179	167
		Сеяево	вотчинники	68	181	187
		Битюково	припущенники	27	85	67
		Ултраково	припущенники	61	172	143
		Сураково	вотчинники	35	106	86
		Супхангулово	припущенники	13	35	34
		Ишалино	припущенники	52	155	78
		Мамбетево	припущенники	11	35	23

¹ Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005; Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2011.

² История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001): Сб. док. и мат-лов. Уфа, 2003. С. 384–388.

³ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15158. Л. 192.

⁴ Составлена по: НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15158. Л. 188–199.

		Мратово	припущенники	30	73	73
		Абдырово	вотчинники	50	141	134
		Бажикаево	вотчинники	53	188	148
		Сатлыково	вотчинники	60	168	145
		Кусимбаево	вотчинники	16	50	45
		Суфино	вотчинники	25	70	68
		Соболево	вотчинники	72	203	174
		Дербишево	припущенники	79	204	193
		Маржимбаево	припущенники	39	112	87
		Тугузбаево	вотчинники	27	77	76
		Накаево	вотчинники	60	163	138
		Старособолево	вотчинники	16	37	31
	Султаевское	Султаево	вотчинники	111	300	308
		Ишимбетево	вотчинники	45	118	101
		Кузубаево	вотчинники	92	254	240
		Токтамышево	вотчинники	26	72	72
		Даутово	вотчинники	25	60	64
		Итимганово	припущенники	54	144	141
		Саккулово	припущенники	17	43	41
		Исаево	вотчинники	81	258	206
		Тляукаево	вотчинники	47	136	121
		Сураково	вотчинники	92	268	239
		Каипкулово	вотчинники	31	82	69
		Мансурово	вотчинники	23	72	60
		Муртазино	припущенники	22	69	55
			вотчинники	86	302	235
		Нугманово	припущенники	19	62	55
	вотчинники		85	280	261	
	Ачелекулево	припущенники	59	195	210	
	Итого	вотчинники	1 226	3 586	3 214	
		припущенники	614	1 764	1 574	
	Мухамет-куллуевское	Исянгильдинское	Исянгильдино	вотчинники	116	314
Куйсарино			вотчинники	135	386	335
Токтубаево			вотчинники	82	223	209
Сирюмино			вотчинники	35	94	115
Кадырово			припущенники	35	93	95
Мустафино			припущенники	35	87	84
Мухамедкулуево			вотчинники	16	60	74
Кулсаринское			Кулсарино 1-е	вотчинники	63	185
Кулсарино 2-е		вотчинники	46	134	110	
Ялтырово		вотчинники	64	172	141	
Яраткулово 1-е		вотчинники	33	99	82	
Яраткулово 2-е		вотчинники	31	86	73	
Байрамгулово		вотчинники	77	208	203	
Утебаево		припущенники	8	26	24	
Ракаево 1-е		припущенники	56	166	126	

		Ракаево 2-е	припущенники	20	43	56
		Мавлютово	вотчинники	80	167	198
		Кузяшево	вотчинники	91	263	260
	Байгазинское	Байгазино	припущенники	60	153	132
		Айбатово	припущенники	34	81	72
		Малое Исянгильдино	припущенники	16	51	42
		Ишкинино	припущенники	46	126	125
		Курамшино	припущенники	35	101	71
		Давлетбаево	припущенники	34	89	99
		Имангулово	припущенники	6	20	11
		Кулукаево	припущенники	30	91	81
		Сутюково	припущенники	32	81	96
		Мамаево	вотчинники	25	73	68
		Тляукаево	припущенники	13	29	30
		Туйгуново	припущенники	29	76	67
		Алишево	припущенники	51	135	137
		Альмеево	вотчинники	47	118	107
		Усманово	припущенники	36	112	80
		Медияково	вотчинники	43	107	88
		Хамитово	припущенники	7	24	14
Акбашево	вотчинники	71	232	197		
	Итого	вотчинники	1 055	2 921	2 701	
		припущенники	583	1 584	1 442	
Черлинское	Черлинское	Курманово	вотчинники	78	227	180
		Изяшево	вотчинники	43	122	101
			припущенники	1	4	2
		Абилькаево	вотчинники	24	77	60
		Масеево	вотчинники	50	133	141
			припущенники	4	9	14
		Кужебаево	вотчинники	40	117	108
		Шамгуново	вотчинники	16	35	29
		Яумбаево	вотчинники	60	193	128
		Аязгулово	вотчинники	25	55	55
		Курткачиково	вотчинники	14	37	17
вотчинники	7		13	15		
Утябаево	припущенники	3	8	5		
	Итого	вотчинники	357	1 009	834	
		припущенники	8	21	21	
Аджитаровское	Аджитаровское	Сюлюклино	припущенники	82	251	240
		Аджитарово	припущенники	190	631	632
		Мансурово	припущенники	135	437	412
		Каксерлино	припущенники	82	263	231
		Сафакулево	припущенники	92	300	295
		Карасево	припущенники	138	470	451
		Новобахарево	припущенники	91	295	250
	Итого	припущенники	810	2 647	2 520	

Сарт-Калмыцкое	Абултаевское	Султаново	вотчинники	190	592	408
		Мышакаево	вотчинники	32	109	100
		Абултаево	вотчинники	30	101	84
		Баязитово	вотчинники	33	100	109
		Абдряшитово	вотчинники	54	144	145
		Арасланово	вотчинники	19	56	49
			припущенники	7	27	24
		Мурзабаево	вотчинники	34	106	100
		Абдряшитово	вотчинники	32	91	108
		Аптыкаево	вотчинники	59	198	194
	Уртеевское	Абдулменево	вотчинники	35	108	90
			припущенники	47	142	111
		Уртеево	припущенники	55	168	191
		Кутлубаево	припущенники	70	223	198
		Сибешево	припущенники	58	191	143
		Шафиево	вотчинники	19	59	61
			припущенники	103	258	211
		Азналино	вотчинники	25	64	64
			припущенники	35	104	96
		Мухаметево	припущенники	27	80	81
Бикбердино		припущенники	105	335	296	
Куйсаново		припущенники	75	268	247	
Бурыл-Айгырово		припущенники	32	112	97	
Бакаево		припущенники	90	306	281	
Итого	вотчинники	562	1 728	1 512		
	припущенники	704	2 214	1 976		
Ичкино-Катайское	Ичкинское	Альменево	вотчинники	220	648	558
		Тузово	вотчинники	100	318	298
		Иванково	вотчинники	101	275	253
		Учкулево	вотчинники	95	297	294
		Вишняково	вотчинники	90	259	227
	Катайское	Казаккулово	вотчинники	69	194	175
			припущенники	1	1	1
		Гаитово	вотчинники	40	115	99
		Танрыкулово	вотчинники	49	149	123
		Шигаево	припущенники	25	74	75
		Зейнигабдиново	вотчинники	21	58	50
		Байганино	вотчинники	28	111	88
			припущенники	23	100	86
		Убалино	вотчинники	19	57	38
			припущенники	23	78	73
		Кулсарино	припущенники	20	72	69
		Шарипово	вотчинники	26	75	69
			припущенники	26	85	73
		Килеево	вотчинники	17	45	37
		Темяково	припущенники	11	40	31
		Штаново	вотчинники	19	58	52
			припущенники	10	39	34

		Манатово	вотчинники	42	137	115
			припущенники	11	32	21
		Искандарово	вотчинники	23	70	52
			припущенники	8	28	20
		Сулейманово и Туйгуново	вотчинники	32	81	73
		Подьясово	вотчинники	25	75	77
		Ильясово	вотчинники	54	158	147
		Куйбаково и Юламаново	вотчинники	43	144	120
		Аскароро	вотчинники	22	61	66
			припущенники	56	161	150
		Бухарово	вотчинники	33	117	91
			припущенники	10	29	25
		Итого	вотчинники	1 168	3 502	3 102
			припущенники	224	739	658
		Течинское	Течинское	Муслюмово	вотчинники	281
припущенники	9				29	27
Кунушак	вотчинники			424	1 438	1 328
	припущенники			14	113	102
Борисово	вотчинники			70	240	233
	припущенники			3	8	9
Султаново	вотчинники			49	184	175
	припущенники			— ¹	6	5
Курманово	вотчинники			271	930	908
	припущенники			3	8	11
Итого	вотчинники			1 095	3 824	3 645
	припущенники			29	164	154
Буринское	Салзаутское	Бурино	вотчинники	80	254	262
		Кызымово	вотчинники	68	211	215
		Чекурово	вотчинники	33	110	95
		Мурино	вотчинники	40	138	132
		Серкино	вотчинники	36	121	124
		Баязитово	вотчинники	31	94	86
		Иксаново	вотчинники	42	119	99
		Карино	припущенники	24	75	72
		Кунакбаево	вотчинники	35	166	144
		Султанаево	вотчинники	16	65	52
		Казакбаево	вотчинники	30	130	115
		Хамитово	вотчинники	60	173	167
		Байбускарово	вотчинники	30	111	114
		Кубагушево	вотчинники	22	75	64
		Капканово	припущенники	42	106	93
		Махмутово	припущенники	28	78	72
		Амирово	припущенники	25	84	72
Алинкулово	припущенники	22	68	57		

¹ В документе – прочерк.

		Мосеево	припущенники	23	109	100
		Юмагулово	припущенники	22	58	33
		Бараково	вотчинники	53	127	95
		Ильчигулово	вотчинники	9	22	21
	припущенники		16	42	27	
	Устьбагарякское	Новая	вотчинники	186	687	640
			припущенники	14	49	50
		Нижняя	вотчинники	264	942	898
			припущенники	8	38	36
		Усманово	вотчинники	100	329	306
			припущенники	20	68	63
	Улукатайское	Тюляково	припущенники	45	157	122
		Иркабаево	припущенники	47	181	147
		Мансурово	припущенники	70	194	140
		Серикаево	припущенники	35	119	92
		Сагильжино	припущенники	25	84	72
		Зырянкуль	припущенники	30	88	84
		Кульмяково	припущенники	5	12	8
		Юлдашево	припущенники	26	69	58
		Кулужбаево	припущенники	34	104	99
		Ямантаево	припущенники	18	60	55
		Биктемирово	припущенники	35	100	95
		Ильтиндиново	припущенники	17	54	43
		Канзафарово	припущенники	74	230	182
		Арыково	припущенники	44	140	115
		Соболево	припущенники	20	89	79
		Итого	вотчинники	1 135	3 874	3 629
припущенники			769	2 456	2 066	
Карабольшое	Карабольшое	Караболька	вотчинники	259	963	998
		Мусекаево	вотчинники	25	44	56
		трех Иткульских деревень	вотчинники	30	62	60
			припущенники	60	181	174
	Мякотинское	Алабуга	вотчинники	46	168	173
		Нурушево	вотчинники	22	66	59
		Галикаево	вотчинники	43	146	131
	Балакатайское	Сатлыково	вотчинники	27	85	82
		Бердениш	вотчинники	80	249	256
		Сарино	вотчинники	85	277	258
			припущенники	1	2	1
		Таскино	вотчинники	42	141	136
		Сулейманово	вотчинники	22	59	61
		Назарово	вотчинники	14	39	43
		Шарипкулово	вотчинники	24	67	60
		Асаново	вотчинники	97	309	348
		Итбаево	вотчинники	10	27	24
		Булатово	вотчинники	35	98	90
		Каипкулово	вотчинники	27	64	78

		Серикульмяково	вотчинники	74	204	197
		Ибрагимово	вотчинники	45	149	136
		Суртаньш	вотчинники	19	55	43
		Карагайкуль	вотчинники	25	154	142
		Кармаскалино	вотчинники	15	34	37
		Апаково	вотчинники	13	79	65
		Аmineво	вотчинники	51	136	147
		Акчувашево	вотчинники	45	149	158
		Ибрагимово	вотчинники	33	111	96
		Ятиково	вотчинники	13	43	34
		Итого	вотчинники	1 221	3 978	3 968
припущенники	61		183	175		
Кызылбаевское	Ичкинское	Ичкино	вотчинники	181	651	598
		Сибиркино	вотчинники	41	152	159
	Терсютское	Кызылбаево	вотчинники	125	618	573
		Керчино	вотчинники	12	73	91
		Терсютская	вотчинники	120	585	555
	Итого	вотчинники	479	2 079	1 976	
Всего в 4 Челябинском кантоне	вотчинники	8 298	26 501	24 581		
	припущенники	3 802	11 772	10 586		

Следует отметить, что большинство населенных пунктов входило в Челябинский уезд Оренбургской губ. Д.д. Курткачиново, Утябаево Черлинской волости, д.д. Сагильжино, Зырянкуль, Кульмяково, Юлдашево, Кулужбаево, Ямантаево, Биктимирово Улукатайского общества Буринской волости, все населенные пункты Карабольского, Мякотинского обществ, большинство деревень Балакатайского общества Карабольской волости входили в Екатеринбургский уезд Пермской губ. Д. Исаево Султаевского общества Метелевской волости, все населенные пункты Течинской волости, Устьбагаряжского общества Буринской волости, Кызылбаевской волости, д.д. Кунакбаево, Султанаево, Казакбаево, Юмагулово Салзаутского общества Буринской волости, д.д. Тюляково, Иркабаево, Мансурово, Серикаево, Ильтиндиново, Канзафарово, Арыково, Соболево Улукатайского общества Буринской волости, д.д. Аmineво, Акчувашево, Ибрагимово, Ятиково Балакатайского общества Карабольской волости территориально относились к Шадринскому уезду Пермской губ.

Таким образом, ведомости 1863 г. являются ценным историческим источником, особенно в изучении демографии, административно-территориального устройства башкирского населения.

Источники и литература

1. Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005. 256 с.
2. Асфандияров А.З., Абсалямов Ю.М., Роднов М.И. Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Уфа, 2001. 712 с.
3. История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001): Сб. док. и мат-лов. Уфа, 2003. 536 с.
4. Исянгулов Ш.Н. Ведомости об образовании башкирских волостных и сельских обществ 1863 г. как демографический источник // Проблемы востоковедения. 2019. № 1. С. 52–57.
5. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 15158; Ф. И-138. Оп. 2. Д. 767, 767а, 768, 769, 771.
6. Список башкирских деревень с разделением их на волостные и сельские общества. Б. м., б. г. 71 л.
7. Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2011. 164 с.

МЕРОПРИЯТИЯ ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО УКАЗУ 9 НОЯБРЯ 1906 г.¹

Аннотация. Статья посвящена деятельности земских участковых начальников Уфимской губ. согласно указу 9 ноября 1906 г. Земские начальники играли важную роль в деле землеустройства, разъясняли основы законодательства, проводили укрепительную работу, были действительными проводниками аграрного курса правительства Уфимской губ.

Ключевые слова: земский начальник, деятельность, Уфимская губ., закон 9 ноября 1906 г., аграрная политика.

В начале XX в. меняется правительственный курс в аграрной сфере. Новая аграрная политика правительства стала реализовываться на основе указа от 9 ноября 1906 г. По новому закону «каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли»². Отныне крестьянин мог потребовать объединения всех его участков (пашня, сенокос, выгон и т. д.) в одном месте. Вышедший из общины крестьянин имел право свести, соединить свои разбросанные пашни в единый участок – отруб, или же перенести туда жилье и образовать хутор. Механизм укрепления земли был максимально упрощен. Заявление подавалось через старосту сельскому обществу, которое в месячный срок должно было вынести большинством голосов на сходе решение (приговор) и указать участки, переходящие в личную собственность домохозяина (для образования отруба или хутора требовалось уже $\frac{2}{3}$ голосов). Если решение сходом не принималось, земский начальник в принудительном порядке производил выдел³.

На основании указа 4 марта 1906 г. в Уфимской губ. были открыты уездные землеустроительные комиссии в Бирском, Уфимском, Белебеевском, Мензелинском и Стерлитамакском уездах. В 1907 г. приступила к работе губернская землеустроительная комиссия.

В Уфимской губ. развернулись крупномасштабные землеустроительные работы. 27 мая 1906 г. под председательством уфимского губернатора А.С. Ключарева состоялось совещание, на котором в соответствии с указом 4 марта 1906 г. было принято решение о необходимости открытия землеустроительных комиссий в Уфимском, Мензелинском, Бирском, Стерлитамакском и Белебеевском уездах.

9 ноября 1906 г. был издан «Именной Высочайший указ о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». По указу 9 ноября 1906 г. любой крестьянин – общинник получил право укрепить свои пахотные наделы в личную собственность. В первой статье говорилось, что каждый домохозяин, владевший надельной землей на общинном праве, мог во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части надельной земли. Следовательно, община разрушалась, а крестьянин – общинник превращался в крестьянина – собственника.

Все крестьянские общества были разделены на две группы: общины не производившие переделов земли в течение 24 лет, и общины, производившие переделы.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта СФ БашГУ, проект № В 19-78.

² ПСЗ РИ III. Т. XXVI. № 28529.

³ Мазитов Э.А. Деятельность Уфимского губернатора А.С. Ключарева (1905–1911 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2008. С. 140.

В первых, так называемых «беспредельных» обществах, за каждым домохозяином, заявившем о желании перейти от общинного владения к личному, укреплялось в личную собственность все количество земли, находившееся в его постоянном (не арендном) пользовании. В обществах, где переделы производились, за каждым сделавшим такое заявление домохозяином укрепилось в личную собственность все по количеству общинной земли, которое было представлено ему последнему переделу. Но если в фактическом пользовании домохозяина находилось земли больше, чем принималось на его долю по числу разверсточных единиц в семье, то излишки закреплялись за ним при условии уплаты обществу первоначальной выкупной стоимости земли. Таким образом, выделяющиеся из общин крестьяне по указу 9 ноября получали то количество излишней земли, которое указывалось у них к моменту подачи заявления о выходе из общины. Причем эти излишки доставались им в «беспредельных» общинах бесплатно, а в общинах, где были произведены переделы – по средней выкупной цене, которая была в несколько раз ниже существующих цен.

Земские начальники становятся ключевой фигурой в укреплении наделных земель в частную собственность в процессе землеустройства. Указом 9 ноября 1906 г. предусматривалось несколько способов укрепления земли в личную собственность. Требования об укреплении в личную собственность части из общинной земли могло быть предъявлено через сельского старосту обществу, которое на сельском сходе постановляло приговор простым большинством голосов о разрешении или отказе в укреплении земли в личную собственность. Если сельское общество отказывало в укреплении, то домохозяин мог обратиться к земскому начальнику, который и разбирал по существу все возникающие при этом споры и объявлял по свое по сему предмету постановления¹. Таким образом, практически все дело по укреплению наделных земель было отдано в руки земских начальников. Жалобы на общественные приговоры и постановления земских начальников могли поступать в течение месяца в уездный съезд. Все постановления уездного съезда по поступившим жалобам были окончательными и подлежали немедленному исполнению.

В 1906 г. циркуляром МВД губернаторам было предложено доставить в земский Отдел МВД сведения о последовавших заявлениях отдельных домохозяев о желании выйти из общины. Уфимский губернатор А.С. Ключарев в циркуляре земским начальникам отмечал, что, со времени издания закона 9 ноября 1906 г. по 1 января 1908 г. заявлений о выходе из общины по отдельным земским участкам поступило настолько мало, что, я не могу не обратить на это особого внимания².

Земские участковые начальники Уфимской губ. установили для крестьянского населения специальные дни по разъяснению политики правительства. На уездных съездах земских участковых начальников утверждались формы приговора об укреплении участков общинной земли в личную собственность, если укрепление земли происходило по приговору схода. В том случае, если сход отказывал домохозяину в укреплении земли, и в действие вступала административная власть земского начальника, то принималось постановление об укреплении³. Земские участковые начальники были обязаны составлять отчет о развитии реформы.

Органы государственного управления подчеркивали необходимость ускорения производства дел по применению закона 9 ноября 1906 г. В отчете государю уфимский губернатор А.С. Ключарев докладывал, что по Уфимской губ. за 1907 г. от крестьян поступило 4 381 заявление об укреплении земли в личную собственность. Однако по этим требованиям число домохозяев, укрепивших землю и вышедших из общины было

¹ ПСЗ РИ III. Т. XXVI. 1906. Отд. 1. СПб., 1909. С. 970–971.

² Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 18. Л. 1–2.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 129. Оп. 63. Д. 136. Л. 11–16.

невелико. Губернатор указывал, что «слабое проведение в жизнь законодательного акта объясняется обстоятельством, что обыватели и крестьянские учреждения оснащены вопросами об удовлетворении продовольственных потребностей из-за неурожая 1906 г.¹ К 1 января 1908 г., писал губернатор число домохозяев, заявивших требование об укреплении земли в личную собственность увеличилось до 14 165.

Министерство внутренних дел убедительно указывало земским начальникам и уездным съездам рассматривать дела об укреплении земли в самый минимальный срок. Была запрещена всякая пропаганда и агитация против указа 9 ноября 1906 г. Уфимский губернатор А.С. Ключарев издал обязательное постановление, по которому лица, противодействующие осуществлению закона об укреплении надельных земель в личную собственность, карались арестом до трех месяцев или денежным штрафом до 500 руб. За агитацию против выделения на хутора и отруба было выслано несколько крестьян из с. Куганак Стерлитамакского уезда².

Служебная карьера земских участковых начальников Уфимской губ. ставилась в прямую зависимость от количества выделившихся из общины крестьян. Губернатор А.С. Ключарев в циркуляре от 7 февраля 1908 г. указывал земским начальникам, что «при оценке служебной деятельности их правильная постановка дела проведения в жизнь закона 9 ноября 1906 года будет иметь решающее значение». Земские начальники оказывали воздействие на волостных старшин и писарей, а последние – на сельских старост и крестьян³.

Земский участковый начальник Уфимской губ. С.Р. Минцлов отмечал своим писарям, «что если они хотят оставаться на службе, то дело укрепления у них должно гореть, как по щучьему велению. Между тем, громадное большинство крестьян враждебно относилось к закону. Башкиры же и слышать о нем не хотели. Что же оставалось делать? Да то, что делали: подлоги. В этом признались мне все мои писаря».

Анализ архивных материалов подтверждает наличие таких дел в Уфимской губ. Например, припущенник д. Новой, Сафаровской обл., Уфимского уезда Нурлахмет Хуснуризанов укрепил по закону 9 ноября 1906 г. в личную собственность два душевых пая земли в количестве 7 дес. 1 120 саж., с сохранением за ним права на пользование покосами, землей в лесном наделе, общественными пастбищами и другими непеределанными угодиями в размере 2 паев. Данное укрепление было зафиксировано постановлением земского участкового начальника 9 участка Уфимского уезда А.П. Толстым. Александр Петрович Толстой исполнял обязанности земского начальника с 1894 по 1914 гг. Он получил образование в Казанском университете на физико-математическом факультете. До службы в должности земского начальника занимал должность мирового судьи. В 1899 г. граф А.П. Толстой произведен в титулярные советники, в 1904 г. становится коллежским советником⁴.

14 января 1909 г. Уфимский уездный съезд 10 апреля 1909 г. данное постановление земского начальника отменило, так как в пользовании Нурлахмета Хуснуризанова находится не два надела, а 1 ½. Земский начальник А.П. Толстой установил фактически, что во владении Хуснуризанова находится два укрепленных надела. Согласно постановлению общества Нурлахмет Хуснуризанов пытался захватить два надела, хотя ему полагался 1 и ½ надела. Уфимский земский начальник 9-го участка внес дело в рассмотрение Уфимского Уездного съезда, а съезд представил дело в губернское правление. 10 апреля 1909 г. было отменено постановление земского участкового начальника 9 участка А.П. Толстого и 14 января 1909 г. прекращено производство дела об

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 73. Л. 7.

² Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958. С. 74.

³ НА РБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 18. Л. 1–2.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 81.

укреплении двух наделов земли за припущенником д. Новой Нуриахметом Хуснуризовым¹.

Губернская администрация проводила ревизии для выявления проблем и недостатков деятельности земских начальников по приведению указа 9 ноября в жизнь. Например, в протоколе ревизии делопроизводства земского участкового начальника 5-го участка С.К. Лейдекера от 30 ноября 1908 г. отмечалось, что книга заявлений для регистрации дел по закону 9 ноября 1906 г. ведется неправильно. В ней нет отметок о времени передачи заявления на обсуждения схода и времени составления приговора. Из поданных 354 заявлений было составлено 200 приговоров, из которых 147 предоставлены земским начальником. Вместе с тем, в протоколе ревизии отмечалось, что за время заведывания участком С.К. Лейдекер административных дел общего характера не разрешал, так как «все внимание обратили на скорейшее исправление возвращенных Уездным съездом дел по закону 9 ноября, коих за время заведывания представлено в съезд 58»². Представленные приговора ⁷/₂ домохозяев д. Адзитаровой, Мунасыповой, Боголюбовой, Бузовьязи. В документе отмечалось, что на укрепление идут охотно, поэтому можно ожидать, что в недалеком будущем весь участок будет укреплен, при энергичном земском начальнике. Дело тормозится только отсутствием средств»³.

В губернаторских ревизиях указывалось и на то, что в некоторых участках до сих пор отсутствуют книги для регистрации дел по закону 9 ноября. Губернская администрация рекомендовала как можно быстрее исполнять свои обязанности земским начальником в деле укрепления земли за крестьянами в личную собственность. Органы власти земских начальников просили не допускать приостановки укрепления земли в личную собственность домохозяина на основе голословного заявления членов семьи, владеющей укрепляемой землей. В рекомендациях также отмечалось, что земские начальники не должны допускать никакого промедления в разрешении дел по закону 9 ноября 1906 г. из-за въезда на места для проверки сведений об укрепляемых в личную собственность участках и не ожидать, при этом, поступления нескольких дел, в целях одновременного выезда по ним на места⁴.

В связи с тем, что земские начальники были включены в проведение аграрной политики правительства и их деятельность значительно увеличилась и усложнилась, Министерство Внутренних дел вводит специальные экзамены для кандидатов, ходатайствовавших о предоставлении должности земского начальника.

В январе 1907 г. МВД отмечало, что земские начальники выполняют сложные и разнообразные функции по взиманию окладных сборов, по землеустройству сельского населения, по народному продовольствию. К тому же ряды местного землевладельческого класса значительно уменьшились. Поэтому МВД для улучшения деятельности земских начальников утвердило новый порядок назначения на должность. В циркуляре МВД от 22 июня 1907 г.⁵

За девять лет проведения реформы (1907–1915 гг.) заявления об укреплении земли в частную собственность в Уфимской губ. подали 65 833 домохозяев, из них вышли из общины 46 482 чел. с общей площадью 319 388 дес. В беспредельных общинах еще 1 812 крестьян получили документы на укрепление земли (13 281 дес.).

¹ НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2551. Л. 8–18.

² Там же. Д. 2484. Л. 2.

³ Там же. Л. 2–6.

⁴ Звонцова А.В. Особенности российского менталитета: проблема взаимодействия земских начальников и крестьян в конце XIX – начале XX вв. в контексте формирования государственной аграрной политике // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: IX Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов / Отв. ред. С. Л. Егорова. Сыктывкар, 2005. С. 91–92.

⁵ НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1783. Л. 12.

Таким образом, земские участковые начальники в деле землеустройства играли важнейшую роль. Они разъясняли основы законодательства, проводили укрепительную работу, предупреждали крестьянские волнения, боролись с сопротивлением населения. Земские начальники были действительными проводниками в жизнь аграрного курса правительства в Уфимской губ.

Источники и литература

1. Звонцова А.В. Особенности российского менталитета: проблема взаимодействия земских начальников и крестьян в конце XIX – начале XX вв. в контексте формирования государственной аграрной политике // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: IX Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов / Отв. ред. С.Л. Егорова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2005. С. 91–92.
2. Мазитов Э.А. Деятельность Уфимского губернатора А.С. Ключарева (1905–1911 гг.): Дис. ... канд. ист. наук, Уфа: БГУ, 2008. С. 140.
3. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19, 1783, 2484, 2551; Оп. 2. Д. 18.
4. ПСЗ РИ III. Т. XXVI. Отд. 1. СПб., 1909. С. 970–971.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 129. Оп. 63. Д. 136; Ф. 1276. Оп. 17. Д. 73.
6. Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1958. С. 74.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ Н. БАЙРАМКУЛОВА И Ш. УЗДЕНОВА)

Аннотация. В данной статье рассматривается утверждающаяся новационная форма поэтического мировоззрения и принцип художественного изображения в творчестве молодых авторов. При этом основное внимание направлено на проблему национальной идентификации, решение которой позволит определить связь национальных литератур с инонациональными в контексте общекультурного диалога, взаимодействия и взаимовлияния.

Ключевые слова: Н. Байрамкулов, Ш. Узденов, карачаево-балкарская новейшая поэзия, идентичность, этнонациональное сознание.

Эволюция национальных литератур в контексте российской художественной культуры является одной из важнейших проблем литературоведения. В поэтическом языке с наибольшей полнотой и концентрированностью выражается дух народа¹.

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения основных тенденций в творчестве новой плеяды поэтов. При этом важно выявить соотношение национального, общечеловеческого и общекультурного в художественном сознании молодого поколения авторов.

Несмотря на все большую популярность гибких синтетических форм, которая применяется поэтами современности, и употребление термина «неотрадиционализм»², для карачаевских авторов до сих пор актуальны заданные их предшественниками литературные каноны. Современная карачаевская поэзия основана на синтезе истории и вековых национально-культурных традиций карачаево-балкарского этноса. Для новой плеяды авторов актуально как развитие устоявшихся художественных образов, так и совершенствование и представление их в индивидуально-авторской интерпретации. Большая часть поэтических произведений современных художников слова посвящены местности, в которой они проживали, ее природным ландшафтам, родительскому дому: Н. Байрамкулов «О, край родной», «Кечеги шахарда» (В ночном городе), Ш. Узденов «Табигъхатда» (На природе), «Къарачай-Черкес республикасы гимни» (Гимн Карачаево-черкесской республики).

В связи с актуализацией интереса к нравственно-этическому и философскому облику героя, происходит обогащение жанровой системы карачаевской лирики. В этом аспекте нельзя обойти творчество молодого карачаевского писателя Науруса Байрамкулова. Эволюция жанров наблюдается именно в религиозно-дидактической поэзии. Один из наиболее активно развивающихся жанровых форм это *тилек* (молитва). *Тилек* занимает особое место в творчестве молодого автора, в этом жанре созданы многие стихотворения, такие как «Джокъмуд бир мадар?» (Нет ли возможности?), «Толурму тилегим?» (Исполнится ли моя молитва?), «Тезе билсек» (Если научимся терпеть), «Ышаную» (Вера), «Муратыма джетерме» (Я достигну своей мечты), «Ариулукъга табыныу» (Поклонение красоте), «Джашау жолда» (На жизненном пути), «Тилейме»

¹ Байрамкулов Н. Корабли воспоминаний. Стихотворения и проза. Черкесск, 2012. С. 3.

² Неотрадиционализм – обозначение широкой совокупности художественных явлений в культуре XX в., связанных с непосредственной опорой на исторические традиции искусства. Термин родился во 2-й половине XX в., когда это явление было осознано как пласт культуры, противостоявший авангардизму, занимавший подчас господствующее место в искусстве ряда стран и явившийся одним из крупнейших художественных направлений XX в. Неотрадиционализм не был однороден по своему характеру и составу, не обладал единой теоретической программой.

(Прошу), «Аллахдан тилек» (Молитва, обращенная к Богу), «Уллу Аллах, сен бизни сакъла» (Великий Аллах, храни нас) и др.

Поэзия Н. Байрамкулова является новационной, об этом свидетельствуют стихи, содержащие ассоциативную и афористическую мысль. Особенно это проявляется в интимной лирике. Реализм лирики выражается и в достоверности, естественности интонации с использованием приемов одушевления природы, персонификации вещного мира:

«Нек саталла сатмагъанны?»
Деп, мен сордум шош кекден.
Аууаз келди: «Джашчыкъ, аны
Бютюн кеч билликсе, сен...»¹.
«Почему продают, то что не продается?»
Спросил я у мирного неба.
И голос мне ответил: «Мальчик, это все ты поймешь позже...»
(Подстрочные переводы здесь и далее наши – *авт.*).

Самобытная национальная форма миропонимания представлена Н. Байрамкуловым в стихотворении «Я преклоняюсь перед Вами, горы»:

Я преклоняюсь перед вами, горы
От верховья Архыза до верховье Теберды
За то, что вы не знаете позора
За то, что седоглавы и горы².

Здесь автор подчиняет поэтическому замыслу каждое слово, стремясь в точности передать величественность седоглавых вершин.

Н. Байрамкулову не чуждо саморазвитие и самосовершенствование, процесс которого невозможен без сохранения характерных национальных черт, их кодекса чести – жизнелюбие, скромность, трудолюбие, храбрость и мужество. Развитие данной тематики можно найти в стихотворении «О, край родной»:

Горы устрашают только трусов
Горы только надо полюбить
Нужно на подъемах и на спусках
В трусости себя разубедить³.

Стремление выразить самобытность карачаевцев, описать испытываемую гордость за свой народ, достигают пика эмоциональности в этом стихотворении.

Лирический герой Н. Байрамкулова – современник, стремящийся к сохранению исторического и культурного наследия своего народа:

Инглиз джурт бек сейирлик болса да,
Тубанлыды, джарашмайды хауасы.
Бери келиб бир муратым толса да,
Сел болмайды джюрегими къаугъасы⁴.
Какая бы не была прекрасная Англия,
Она туманная, климат мне ее не подходит.
Если даже там я достигну своих целей,
Мое сердце не сможет найти покой.

Здесь автор моделирует образ современного горца-романтика, который находится на чужбине. Образы родного края, матери, гор рисуют пейзажную миниатюру, насыщенную духовными ценностями карачаево-балкарской культуры.

¹ Байрамкулов Н. Корабли воспоминаний. Стихотворения и проза. Черкесск, 2012. С. 190.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 117.

⁴ Там же. С. 204.

Рассматривая поэзию молодых художников слова, мы приходим к пониманию, что характер их поэтического самовыражения относительно тематики и проблематики носит онтологический характер. В творчестве современного поколения авторов широкого спектра достигли философские, этические, эстетические проблемы, их стихотворения глубоко психологичны. При этом наглядно прослеживается стремление ярко представить концепцию национальной истории в широком общекультурном контексте, соединив ядро этноментального и общечеловеческого начала в художественном пространстве. Поэты акцентируют внимание на духовно-нравственных ценностях народа. Так раскрывается в стихотворении Ш. Узденова «Атамы айтыуу» (Поговорка отца) тема моральных установок и ориентиров, выступающих в качестве идеала/эталона взаимоотношений в обществе:

«Бергенинги эде тутма,
Алгъанынги чырт унутма!» –
Дейди меннге атам.
Ол айтханча этелсем а,
Келюне мен джетелсем а,
Сора не эди хатам?..¹
«Не думай о том, что отдал,
Не забывай о том, что взял!» –
Сказал отец мне.
Если бы я мог поступать так,
Если бы мог сделать, так чтобы он

был мною доволен.

Что могло быть лучше? (Разве было бы плохо?)...

В стихотворении автор выражает своеобразие этнической психологии карачаево-балкарского народа и особенности национального художественного мышления при помощи фольклорной лексики: *адет, намыс (обычай/традиции, нормы поведения)*. В обществе, где угасают народные традиции, утрачивают свою незыблемость национальные основы бытия, важно прислушаться к совету старших, слова которых заключают в себе мудрость и опыт предков. Именно эти мысли определяют тематику этих произведений.

В современной карачаево-балкарской поэзии означенных лет актуализируются такие жанры как *миниатюра* Н. Байрамкулова «Заман» (Время) и *юмористическая* форма стиха, которая активно развивается в творчестве молодого карачаевского стихотворца Ш. Узденова «Сандыракъны джыры» (Шуточная песня), «Сандыракъгъа сезюм» (Послание болтуну):

Сандыр-сандыр-сандыракъ,
Келмей эсенг, джетейим;
Сенден бола онглуракъ,
Сени джесир этейим.
Болтун-болтун-болтун,
Если не идешь, то я приду;
Буду лучше тебя,
Возьму тебя в плен².

Жанровая модель сатиры в лирике Ш. Узденова имеет фольклорное начало. Но вместе с тем важно отметить оригинальность данной жанровой формы в творчестве молодого поэта, заключающаяся в синтезе традиционной национальной основы и

¹ Узденов Ш.А. Чекде (На границе). Стихи. Черкесск, 2008. С. 9.

² Байрамкулов Н. Корабли воспоминаний. Стихотворения и проза. Черкесск, 2012. С. 19.

новационной формы поэтического мировоззрения¹. При этом на данном этапе своего развития современная карачаевская поэзия XXI в. характеризуется обращением не столько к фольклорным образам-объектам, сколько к углубленному осмыслению основных принципов национального сознания. Национальная литература стала «свободнее», в ней нет более тех рамок определенных предшественниками, но все-таки в поэзии карачаевских авторов традиционная связь не нарушена, но уже представлена обновленная форма художественного мышления и авторского самовыражения. Современный писатель не боится быть откровенным и не понятым общественностью при выборе острых тем действительности, очень часто затрагивая именно злободневные проблемы человечества, он находит и предлагает пути их решения. Доводом к сказанному является стихотворение Н. Байрамкулова «Бюгюнню суратлары» (Портрет современности): // Дамсыз джашау! Джюрекледе басым джокъ... / Радио да анны айтыб кюрешед. / Бек кеблени билгенлери – бычакъ, окъ... / Бош зат ючюн биреу бир бла ечешед² // (Неспокойное время! Нет терпеливости в сердцах... / Радио постоянно об этом говорит. / Большинство знают только – нож, пуля... / Из-за пустяка спорят друг с другом //.

Внутренний мир, ощущения, чувства, рефлексии у молодых авторов вышли на первый план, оттеняя окружающую действительность³. Глубоко философские произведения, думающий и размышляющий герой с утверждением авторской позиции, отражающий художественное осмысление трансформации человеческого сознания, определяют специфику новейшей карачаевской поэзии.

Источники и литература

1. Байрамкулов Н. Корабли воспоминаний. Стихотворения и проза. Черкесск: Аланский эрмитаж, 2012. 256 с.
2. Керимова Р.А. Современная карачаевская поэзия (на примере лирики Н. Байрамкулова и Ш. Узденова) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2018. № 5 (85). С. 97–100.
3. Керимова Р.А. Карачаево-балкарская поэзия конца XX – начала XXI века: тенденции и особенности // Кавказология. 2018. № 4. С. 170–181.
4. Тюпа В.И. Между архаикой и авангардом // Классика и современность / Под ред. П.А. Николаева, В.Е. Хализева. М.: МГУ, 1991.
5. Узденов Ш.А. Чекде (На границе). Стихи. Черкесск. 2008. 136 с.

¹ Керимова Р.А. Карачаево-балкарская поэзия конца XX – начала XXI века: тенденции и особенности // Кавказология. 2018. № 4. С. 170–181.

² Байрамкулов Н. Корабли воспоминаний. Стихотворения и проза. Черкесск, 2012. С. 203.

³ Керимова Р.А. Современная карачаевская поэзия (на примере лирики Н. Байрамкулова и Ш. Узденова) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2018. № 5 (85). С. 97–100.

Д.С. Кидирниязов
(ИИАЭ ДФИЦ РАН, г. Махачкала),

Н.Д. Чекулаев
(ИИАЭ ДФИЦ РАН, г. Махачкала),

ОСНОВАНИЕ КРЕПОСТИ КИЗЛЯР И ЕЕ ФОРПОСТОВ НА ЮГЕ РОССИИ

Аннотация. В статье на основе материалов, извлеченных авторами из Центрального государственного архива Республики Дагестан, рассматривается история основания г. Кизляра, который с 1735 г. являлся административным центром Северного Кавказа. Кизлярский комендант фактически был правителем Терского края. Показана роль Кизляра во внутренней и внешней политике России.

Ключевые слова: Кавказ, народы, города, правительство, торговля, комендант, войска, достопримечательность.

Важнейшим событием не только низовой Терека, но и всего Кавказа было возникновение в 1735 г. г. Кизляра, ставшего более чем на сто лет главным экономическим, политическим и культурным центром обширного края. Основание его связано с событиями первой трети XVIII в., развернувшимися на Северном Кавказе.

В начале XVIII в. над Кавказом вновь нависла реальная угроза нападения османской Порты. Ведя деятельную подготовку к войне, османы задумали поднять местные народы на антирусскую борьбу. С этой целью на Кавказ было заслано большое число эмиссаров. Одновременно по указанию султана крымские татары и кубанские ногайцы начали наступление на Северо-Восточный Кавказ. Основной их удар был направлен против городков терско-гребенских казаков и г. Терки, служивших главной опорой России на Кавказе. Нападения совершались почти ежегодно и причиняли местным жителям большой ущерб. В 1701–1702 гг. кубанский наиб Амирхан напал на гребенские городки, разграбил и сжег многие из них. От набегов страдало и нерусское население края.

В последующие годы набеги крымцев и кубанцев на Северный Кавказ еще более усилились. По словам «тогдашнего» астраханского губернатора А.П. Волынского, они начали «явную войну» против Терского города и терско-гребенских казаков. В результате этих нападений только с ноября 1720 г. по май 1721 г. русские потеряли убитыми и пленными 139 чел. Кроме того, было захвачено в плен 950 кибиток ногайцев и 30 дворов местных народов, живших слободами при Терском городе, угнано много скота.

Одновременно участились нападения крымских татар и жителей Кубани на южнорусские земли. В 1715 г. крымцы и кубанцы под командой Бакты-Гирея произвели набег на Астрахань и разорили часть Поволжья. В следующем году они напали на Казанскую губ. и увели в плен несколько тыс. чел., в т. ч. женщин и детей, которых как ясырей (невольников) продали в рабство на Восток. Все усиливающейся агрессии Османской империи на Кавказе благоприятствовала сложившаяся обстановка. Шахская Персия, раздираемая внутренними противоречиями, переживала экономический и политический кризис и поэтому не могла оказывать какое-либо сопротивление султанской Турции. Учитывая это, правящие круги Порты решили активизировать распространение своего влияния на весь Кавказ. Чтобы не допустить этого, Россия вынуждена была активизировать свою кавказскую политику¹.

В этих условиях азербайджанцы, армяне, грузины и народы Северного Кавказа стали, как и ранее, обращаться с просьбой к русским о помощи и покровительстве. В 1718–1720 гг. подданство России подтвердили большинство владельцев Дагестана.

¹ Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: Досоветский период. Махачкала, 1986. С. 137.

Россия вела переговоры с грузинским царем Вахтангом VI и армянскими меликами о совместной борьбе с османским султаном. После победоносного окончания войны со Швецией за выход в Балтийское море, Петр I с целью не дать османам утвердиться на Кавказе, решил предпринять поход в Прикаспий. Непосредственным поводом к походу послужил т. н. шемахинский инцидент, в результате которого пострадали русские купцы. Поход Петра I на побережье Каспия начался летом 1722 г.¹ 18 июля русский флот, состоявший из 247 (не считая более мелких) судов во главе с царем, под общим начальством генерал-адмирала П.М. Апраксина, вышел из Астрахани в море. Корабль, на котором находился Петр I и его императорский флаг, входил в состав русской эскадры, которой командовал генерал-адъютант С.Г. Нарышкин, шурин императора. Предназначенная к участию в походе русская конница, а также 2 корпуса донских и украинских казаков, двигались через калмыцкие и северокавказские степи. 23 июля передовые суда, среди которых находился и корабль императора, подошли к устью одного из южных рукавов Терека, верстах в семи от впадения которого в Аграханский залив, находился тогда Терский город. Осмотрев город и его укрепления, Петр I остался недоволен его расположением и оснащением.

Высадка была осуществлена на южном берегу Аграханского залива, недалеко от устья Сулака. Сюда же подошли двигавшиеся через степи донские и украинские казаки, русская конница, а также калмыцкие конные отряды, присланные ханом Аюкой. Правители прикаспийских владений по-разному реагировали на поход Петра I. На место высадки Петра I явились Тарковский шамхал Адиль-Гирей, владельцы Костековский, Аксаевский и др. Они преподнесли Петру богатые подарки. Только Эндиреевский владелец, «ожидая мщениия», пытался оказать сопротивление русской кавалерии, шедшей «сухим путем». 12 августа передовой отряд русских войск, всюду встречая радушный прием, достиг «приготовленного шамхалом места недалеко от Тарков». Затем Петр и царица нанесли ответный визит, посетив его резиденцию в Тарках. Положение этого города, по словам участника событий, «императору очень понравилось». 23 августа русские войска подошли к Дербенту, его правители торжественно преподнесли Петру I ключи от «железных ворот».

Народы Южного Кавказа также радостно встречали русские войска. Император получил письма от владельцев Южного Кавказа. Одни из правителей просили Петра I «укоротить захватнические руки турков, протянутые к нашей земле и охранить эту землю». Вскоре, однако, царь, оставив в Дербенте и в других местах гарнизоны, отбыл в Россию. Осенью 1722 г. Петр I осмотрел берега Аграхани и Сулака и нашел, что «сие место зело довольно конским кормом, водою и лесом», «зело изрядное, крепкое и нежитое», «Терка сто раз удобнее». Здесь решено было «регулярную и достойную главную крепость построить», которую назовут Святой Крест. При царе был построен полевой ретраншемент. Что касается самой крепости Святой Крест, то ее строительство началось весной 1723 г.²

5 октября 1722 г. император отплыл в Астрахань. Начальствование над русскими войсками в прикаспийских землях Кавказа было поручено генералу М.А. Матюшкину. Командование южной группой этих войск с самого начала похода возглавлял В.Я. Левашов, талантливый сподвижник царя.

Османская империя, задолго до похода Петра I, вела деятельную подготовку к захвату Кавказа, весной 1723 г. направила огромное войско на Кавказ, захватила Грузию. Напуганный вторжением османов на Кавказ шахский Иран начал переговоры с Россией, в

¹ Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). М., 2011. С. 152–154.

² Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – нач. XX в. Грозный, 2017. С. 234.

итоге которых в сентябре 1723 г. был подписан Петербургский договор, по условиям которого шах отказывался от приморских районов Восточного Кавказа. Между тем войска османов двигались на Дагестан. Казавшуюся неизбежной русско-турецкую войну все же удалось отвести благодаря заключенному в Стамбуле в 1724 г. мирному трактату с Турцией. Однако Россия вынуждена была укрепить свои позиции на Кавказе.

В соответствии с указом Петра I Терский город был упразднен, а все его жители и остатки гарнизона, в т. ч. и жившие в нем терские городовые казаки, были переведены в крепость Святой Крест, как и жившие при Терках представители нерусских народностей. К крепости Святого Креста перенесли свои кочевья, обитавшие в окрестностях Терков ногайцы, состоявшие в подданстве России. Тогда же император переселил сюда с Дона 1 тыс. семей казаков. Это были первые казаки, прибывшие на Кавказ с семьями. Они поселились несколькими городками по р. Аграхани и вверх от нее по Сулаку, образовав т. н. Аграханское казачье войско. Царь хотел также переселить на Сулак грбенских казаков, но эта его попытка вызвала с их стороны такое недовольство, что царскому правительству пришлось отказаться от своего намерения. На месте Терков в том же году был сделан редут на 150–200 чел. гарнизона с 12 пушками и 1 мортирой. Он должен был служить для охраны Терской линии и сухопутной дороги в Дагестан. В гарнизон редута из Святого Креста присылалась рота регулярного войска, сменявшаяся каждые 3 месяца.

У крепости Святого Креста поселилось 450 армянских и грузинских семей, где они «на собственный кошт построили дома и лавки», а также несколько семей восточных купцов вдобавок к тем, которые были переведены сюда из Терского города.

Известно, что в Каспийском походе Петра I активное участие принимали князь из Большой Кабарды Э.Б. Черкасский, родной брат сподвижника Петра I А.Б. Черкасского, а из Малой Кабарды – владелец Асланбек Келеметов. По возвращению из похода они со своими подданными поселились отдельной слободой при крепости Святого Креста. С их поселением число жителей Черкасской слободы возросло до 300 семей. За оказанные услуги император произвел князя Черкасского в подполковники и назначил начальником т. н. иррегулярного войска, состоявшего из живших при крепости Святого Креста кабардинцев, окочен, новокрещен и других северокавказцев.

Однако вскоре внешнеполитическая обстановка изменилась. Пришедший к власти в Персии Надир-шах открыто заявил о своих притязаниях на Кавказ. Обострились также отношения с султанской Турцией. Российское правительство решило вывести войска из Южного Кавказа. 10 марта 1735 г. с Персией был подписан Гянджинский договор, по условиям которого Россия обещала свои границы перенести на Терек, а все крепости и поселения, находившиеся по правую сторону Терека, упразднить до конца октября того же года¹.

Таким образом возникла необходимость в сооружении новой крепости, которая должна была заменить крепость Святого Креста. Решение вопроса о выборе места под строительство новой крепости и осуществлении перевода в нее войск и жителей из крепости Святого Креста было «по высочайшему поведению» возложено на генерала В.Я. Левашова, талантливого полководца, на тот момент командующего русскими войсками на Кавказе. При этом В.Я. Левашову было вменено следующее условие: место это должно находиться недалеко от Аграханского залива (в него впадал южный и самый глубокий в то время рукав Терека – нынешняя Кордонка) и иметь удобное сообщение с Каспийским морем, через которое тогда поддерживалась связь русских владений на Кавказе с Россией. Перед новой крепостью ставились следующие конкретные задачи: она

¹ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середина XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала, 2016. С. 273.

должна была выполнять роль пограничной крепости, защищать путь, который шел вдоль западного побережья Каспия и служить опорным пунктом для казачьих станиц, расположенных вдоль левого берега Терека¹.

Неудивительно, что после решения об упразднении крепости Святой Крест в 1735 г. «Верховный правитель Поморских провинций В.Я. Левашов» вспомнил о Кизляре. Он сам отправился на Терек, чтобы «выбрать место для новой крепости, долженствовавшей заменить собою старые, упраздненные Терки»².

Прибыв весной 1735 г. на Терек, и лично ознакомившись с этой местностью, генерал В.Я. Левашов выбрал под новую крепость и город, участок на левом берегу старого Терека при выходе из него истока р. Кизлярки в 60 верстах от моря. Это было как раз по соседству с нынешней «мусульманской слободкой», куда несколькими годами раньше перекочевали остатки жителей старого Кизляра. И если принять во внимание исторические условия, в каких происходило основание г. Кизляра, то выбор места под него, сделанный В.Я. Левашовым, следует признать удачным. Несмотря на некоторые отрицательные моменты природно-климатического характера, особенно сказавшиеся впоследствии – близость подпочвенной воды, частые разливы Терека и т. п. – место это было наиболее выгодно как в политическом, так и в экономическом отношении. Как указывалось выше, здесь исстари проходила сухопутная торговая дорога, а также морской путь, по которым осуществлялись в то время дипломатические, культурно-политические и торговые связи России с народами Северного и Южного Кавказа, Ближнего и Среднего Востока.

После посещения «урочища Кизляр», В.Я. Левашов издал «Ордер полковнику Юрлову на строительство крепости и переселения в нее из слободы войск и жителей из крепости Святой Крест на реке Сулак», в котором значилось следующее:

«1. Новой пограничной крепости место изображено на реке Терек, на левой стороне, где из Терека-реки течение река Кизляр имеет, и близ той крепости за Кизляром на берегу ж реки Терека до потоку реки Прорвы – Базар и Терских дворян, и казаков, и новокрещенных, и грузинских, и армянских, и оконенских слободы поселены быть надлежат, а поверх от упомянутой крепости по Тереку-реке и Курдюкову – семейных казаков три станичных города построены будут, как обо всем этом на плане обстоятельно изображено...

2. Посылается при нем, полковнике Юрлове, с картою и планом и с чертежами крепости и слободами инженер – поручик Строгов сотоварищи...

3. Когда вышеупомянутые поселения строиться станут, тогда-б всяк, по чертежу строился, как от упомянутого инженер-поручика Строгова показываться будет, а прихотничать и изменений земли захватывать ничего не допускать...

6. На огороды обывателей особливые земли отвести, а меж дворов отнюдь огородов не было, и под огороды особые земли отвести...

7. На сенные покосы всем луга отвести, а около крепости и вверх по Тереку на казенный расход для послов и прочих, и на генералитет, и на прочих офицеров луга показать...»³.

Так, выполняя «высочайшее повеление», В.Я. Левашов изложил основные направления развития новой пограничной крепости Кизляр и возникшего вокруг него города. Сама крепость по плану должна была иметь форму правильного пятиугольника с 5 бастионами и 3 рavelинами. Длина одной стороны пятиугольника составляла примерно 200,5 м, высота – 3,5 м, толщина бруствера главного вала – 5,5 м, высота ravelина – 4 м.

¹ Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801 гг.). Т. 2. Владикавказ, 1912. С. 190.

² Там же. С. 191.

³ Гарунова Н.Н., Чекулаев Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала, 2011. С. 349.

Вдоль стен были установлены пушки, существовало трое ворот, к которым примыкали на чугунных цепях мосты, убиравшиеся на ночь¹.

Собственно г. Кизляр обосновался восточнее крепости, между левым берегом Терека и правым берегом р. Кизлярки. Его составили 8 разноязычных кварталов, отделенных друг от друга земляными валами. В.Я. Левашовым был также разработан план строительства крепости и города Кизляр и перевода на Терек войск и жителей из подлежавшей упразднению крепости Святого Креста. План этот изложен в его «ордере» (письменном распоряжении) на имя инженер-полковника Юрлова. Крепость намечалось построить в углу между левым берегом Терека и левым (западным) берегом р. Кизлярки (нынешней р. Тополки), а собственно город – чуть ниже крепости между левым берегом Терека и правым (восточным) берегом Кизлярки.

В «ордере», чтобы «избежать обиды и ссоры между разных наций жителей», давались подробные предписания по поводу строительства новой крепости и города, в т. ч. такие: какой нации, где селиться (каждая из них, образовывала особый квартал), каких размеров должны быть дворы («чтобы всяк по чертежу строился... а прихотничать и излишней земли захватывать никому не допускать»), как должен решаться вопрос о соседстве внутри одной нации («кому подле кого усадьбу иметь приказать жребий метать, а будет, кто подле кого добровольно селиться похотять... и в том спору не будет... таковым возбраненя не чинить»), кому и в каких местах должны быть отведены земли под огороды и сенокосы (тоже по жребию), в каком месте должны останавливаться иностранные посольства, которые будут следовать через Кизляр из стран Востока и Кавказа в Петербург (для них было отведено место в нынешнем «Угольнике») и т. д.

Непосредственный контроль за производством всех работ по возведению крепости и города на начальном этапе строительства был возложен на полковника Юрлова и инженер-поручика Стогова. Строительство крепости началось летом 1735 г. и велось в спешном порядке (существовала опасность нападения на Терек нового персидского шаха Надира). Из Астрахани днем и ночью прибывали к устью Терека суда, груженные строительными материалами, провиантом и людьми. Рубился и сплавался к строившейся крепости лес, росший выше по Тереку. Крепость сооружалась силами солдат, терско-гребенских казаков, арестантов и разного рода беглых и гулящих людей.

К началу осени того же года главные сооружения крепости, в том виде в каком их намечал в своем проекте В.Я. Левашов, были в основном закончены, хотя строительство ее продолжалось в течение многих лет (с целью расширения и усиления). Что же касается собственно города, то все главные работы по его возведению были еще впереди и их предстояло выполнить самим жителям, переводимым сюда из крепости Святого Креста. Первую зиму после своего переселения в Кизляр всем им пришлось жить в землянках, шалашах и других временных сооружениях².

Из-за опасности нападения на Терек крупного военного полководца НаDIR-шаха, строительство крепости шло быстрыми темпами. В.Я. Левашов первым комендантом города назначил полковника Красногородцева, дав ему наставления об обращении с горцами, аманатами, пленными, поселенцами, подчинении Государственной Военной Коллегии и непосредственно военному губернатору Астраханской губ.³

27 октября 1735 г. крепость Святого Креста была окончательно оставлена, и огромные обозы, перевозя тяжелую артиллерию, запасы и имущество жителей,

¹ Гарунова Н.Н., Чекулаев Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала, 2011. С. 349.

² Кидирниязов Д.С. Роль северокавказских городов в развитии торгово-экономических связей местных народов с Россией // Провинциальный город в XVIII–XX вв. (история, экономика, культура): Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. Кизляр, 2008. С. 98.

³ Гарунова Н.Н., Чекулаев Н.Д. Указ. соч. С. 357.

потянулись через Кумыкскую степь к Кизляру. Вместе с войсками двинулись на Терек и остатки казачьих войск. Эта дата считается днем основания г. Кизляра.

К Кизлярской крепости были переведены жившие при крепости Святого Креста кабардинцы, окочены, новокрещены, армяне, грузины, дагестанцы, восточные тетики и казанские татары – участники похода. Сюда же переселились бывшие терские городовые казаки, жившие в Терках и соединившиеся в начале XVIII в. со служившими при этом городе окоченными, новокрещенными и другими кавказцами. Все они стали называться терско-кизлярскими казаками. При переселении к Кизлярской крепости из них было сформировано новое Терско-кизлярское казачье войско, насчитывавшее в этот момент 210 чел. служилого состава. Придерживаясь старой традиции, этих казаков поселили в самом Кизляре, в его южном предместье, где они составили особый квартал, именуемый также Кизлярской станицей.

Из тысячи семей донских казаков, поселенных Петром I на Сулаке и образовавших Аграханское казачье войско, уцелело всего 452 семьи. Из них было сформировано особое Терско-семейное казачье войско, расположившееся по левому берегу Терека между гребенскими городками и Кизляром, образовав 3 новых городка – Бороздиновский, Дубовский и Каргалинский. Ногайцы, которые до переселения их Петром I на Сулак проживали вблизи Терского города, обосновались ниже Кизляра по левой стороне Терека до Каспийского моря. В 1735 г. их насчитывалось 420 котлов, или казанов (семейств), разделенных на 13 аулов.

В самой крепости разместились регулярные войска, составившие ее гарнизон под начальством коменданта. В состав гарнизона входили артиллерийская, инженерная и казацкая команды, т. е. Терско-кизлярское казачье войско. Постоянную охранную службу на пограничном рубеже по Тереку несли также гребенские и терско-семейные казаки, поставленные в подчинение Кизлярского военного коменданта. Военное командование над находившимися на русской службе магометанскими народностями, проживавшими в Кизляре, принадлежало кабардинскому князю Э.Б. Черкесскому (и его потомкам). Здесь князья Черкасские имели свое подворье с домом, а неподалеку от города (к востоку от него) большое земельное владение, дарованное им за службу царским правительством.

Важно отметить, что Кизляр в отличие от других городов Северного Кавказа, возникших позже него, сразу же получил статус города. Уже в плане его основания, составленному В.Я. Левашовым, он мыслился и именовался не только крепостью, но и городом. Кизляр суждено было сыграть важную роль в истории юге России.

Для сообщения Кизляра с морем было решено возвести отдельное укрепление – фельшанец – в устье самого южного рукава Терека в 50 верстах от крепости. Строительство его началось в 1738 г., и было закончено в 1739 г. Фельшанец приобрел с тех пор особо важное значение как главный складочный пункт для довольствия русских войск на Кавказе. Необходимо учесть, что в тот период, благодаря высокому стоянию Каспия, Аграханский залив и впадавший в него южный рукав Терека были настолько глубоки, что морские суда свободно доходили до фельшанца, а более мелкие из них могли подниматься вверх по реке до самого Кизляра. С окончанием постройки фельшанца, Терский редут, подвергавшийся частым наводнениям, был уничтожен, а имевшаяся в нем артиллерия со всеми запасами переведена в фельшанец.

Заселение Кизляра в момент основания города шло быстро. Русское правительство, будучи заинтересовано в увеличении его населения, предоставляло льготы всем, пожелавшим в нем поселиться. В дальнейшем население Кизляра, как и всего края, пополнялось за счет переселенцев из России, Украины, бывших солдат Кавказской армии, а также притока кавказцев: армян, грузин, горцев Дагестана и др. Кизляр делился на 4 части: крепость, солдатскую слободу, город и полевое строение. Несмотря на то, что строительство Кизлярской крепости первоначально велось в спешном порядке,

сооружение ее продолжалось очень долго. Объяснялось это отчасти плохими свойствами грунта и частыми разливами Терека, размывавшими крепостные сооружения. По этой причине составленные планы крепости приходилось часто изменять, а уже возведенные укрепления чинить или отстраивать заново. Не хватало также денежных средств и рабочих рук.

Собственно проект крепости, представленный основателем Кизляра В.Я. Левашовым, не предусматривал сооружения грандиозной крепости, а намечал постройку ретраншемента, т. е. оборонительной ограды из фашинов с глубоким рвом. Причем сначала предполагалось соорудить ограду и ров, только с напольной стороны, т. е. с северной и западной, так как с юга и востока крепость должна была защищаться Терекон и Кизляркой. Но вскоре пришли к выводу, что эти реки не могут служить надежной защитой, ни самой крепости, ни поселившимся между левым берегом Терека и правым берегом Кизлярки жителям. Поэтому было решено возвести крепостную ограду и с этих сторон.

По мере роста гарнизона крепость несколько раз видоизменялась: расширялась и укреплялась. Сюда присылались лучшие инженеры-фортификаторы, но в основном строительство крепости велось по проекту, разработанному в 1744 г. инженер-генералом Люберасом. Полностью строительство крепости было закончено к концу 50-х гг. XVIII в. В окончательном виде крепость представляла собой довольно грандиозное сооружение, имевшее форму правильного пятиугольника с пятью бастиями и тремя рavelинами. Ее окружали прочные стены с бойницами и сторожевыми башнями, земляной вал и глубокий ров, наполненный водой. Крепость имела 5 фронтов (сторон) и 3 из них, обращенные в поле, были усилены рavelинами, поскольку две другие стороны защищались дополнительно Терекон и Кизляркой. Длина одной стороны пятиугольника составляла примерно 200,5 м, высота главного вала (крепостной стены) – около 6 м, глубина главного рва – 3,5 м, толщина бруствера главного вала – 5,5 м, высота стен рavelина – 4 м, толщина наружных построек (стен рavelина) – 4,5 м. На стенах крепости были установлены пушки, у которых день и ночь стояли часовые. Крепость имела трое ворот: северные, восточные и южные. К воротам примыкали подъемные на чугунных цепях мосты, убиравшиеся на ночь и во время тревоги. Ворота всегда охранялись стражей. Внутри крепости размещались гарнизонные команды, сооружения специального военного назначения, острог, соляной и провиантский магазины. Там же находилась каменная соборная церковь и глубокий колодец, служивший для снабжения гарнизона крепости питьевой водой. Кизлярская крепость считалась хорошо укрепленной и о ней знали далеко на Востоке.

Солдатская слобода находилась в нескольких сотнях метров к юго-западу от крепости (позже Русская слободка). Здесь жили отставные солдаты и военнослужащие, гражданские чиновники, инвалиды, солдатские жены и многие мещане. Здесь же помещалась почтовая контора со станцией. По первоначальному плану построения Кизляра эта часть города вовсе не значилась. Образовалась стихийно. Постоянно прибывавшая вода в Терекон в продолжение лета 1738 г. разрушила часть берега, прилегавшего к крепости, и смыла в нескольких местах крепостную ограду, обращенную к этой стороне. Этот обрыв вместе с другими повреждениями предшествовавших годов настолько уменьшил и без того уже небольшую территорию крепости, что командование, по предварительному согласованию с правительством, оказалось вынужденным вывести из крепости и поселить отдельной слободкой несколько солдатских семей. Собственно город лежал восточнее крепости, между левым берегом Терека и правым берегом речки Кизлярки, а к концу XVIII в., по мере своего роста, занял и территорию к северу от последней. После основания города р. Кизлярка, обсаженная тополями и превращенная в оросительную канаву, стала именоваться р. Тополкой.

Город состоял из 8 кварталов, обычно отделенных друг от друга земляным валом. Самый большой квартал города – Армянский. Русские называли его Армянской слободкой, а мусульмане – Арментир. Он был населен исключительно армянами. Часть из них проживала еще в старом Кизляре, другие были переселены сюда из крепости Святой Крест. Приток армян в Кизляр продолжался в течение всего XVIII в. Согласно статистическим данным, в начале XIX в. в Кизляре жило около 4 тыс. армян обоого пола. Они составляли почти треть населения города. Грузинский квартал, называвшийся у русских Грузинской слободкой, а у мусульман Курже-аул, населен был только грузинами. Первые грузины поселились в Кизляре в 1735 г., были переведены сюда из крепости Святой Крест. По неполным данным, в 1748 г. в Кизляре было 200 дворов грузин, т. е. приблизительно 600 чел. В 1782 г. их насчитывалось здесь 1 551 чел. В квартале терских казаков жили русские казаки многонационального Терско-Кизлярского казачьего войска. Нерусские казаки (кавказских народностей), входившие в состав этого войска, жили в других кварталах. Именно этот квартал составлял Кизлярскую станицу, располагавшуюся в южном предместье Кизляра.

Еще один квартал был заселен различными местными народами, принявшими православную веру. Многие из них, вернее их предки, жили еще в Терском городе (где существовала такая слобода) и при крепости Святого Креста. Все они состояли в Терско-Кизлярском казачьем войске и получали казачий оклад. Окочирский квартал, или Окочир-аул населяли потомки тех ококов, или окочен, которые в Терском городе составляли Окоцкую слободу, затем находились при крепости Святого Креста. Правда их численность к этому времени значительно уменьшилась. По свидетельству очевидцев (И. Гильденштедта, Ю. Шидловского и др.) здесь жили также многие кумыки и ногайцы, которые вместе с ококами служили в Терско-Кизлярском казачьем войске. Известно, что число собственно окочен, проживающих в Кизляре в 1820 г., составляло 291 чел., причем большая их часть к этому времени уже не состояла в Терско-Кизлярском казачьем войске и занималась «частью хлебопашеством на землях из найма содержимых, частью извозом» и другими работами. Черкесский квартал, или Черкес-аул населен был кабардинцами, переведенными сюда из крепости Святой Крест. Большая часть их продолжала служить Русскому государству в составе кабардинской конницы, входившей в состав Кизлярского гарнизона. Начальствование над ними как в военном, так и в гражданском отношении принадлежало генерал-майору Э.Б. Черкасскому.

Квартал Казанте-аул (Казанская деревня) населяли казанские татары. Всего их было около 50 семей. На Кавказ попали по причине участия в Персидском походе Петра I в качестве переводчиков. После окончания похода их сначала поселили при крепости Святого Креста, откуда потом перевели в Кизляр.

Квартал Тезик-аул (Таджикская деревня) занимал самую восточную окраину Мусульманской слободки. Это самая старая часть Кизляра, которая сформировалась задолго до строительства города в 1725 г. Ее основателями и первыми жителями, как мы уже знаем, была часть тех самых тезиков, которые жили еще в старом Кизляре и переселились сюда после разрушения его наводнением. В 1735 г. к ним присоединилось еще несколько семей восточных купцов (среднеазиатских, персидских и др.), переведенных сюда из крепости Святого Креста. Все они являлись подданными России и, живя в Кизляре, составляли т. н. «тезикское общество». Они занимались земледелием, скотоводством и мелкой торговлей, податей военной службы не несли. Здесь же стали селиться постоянно прибывавшие в Кизляр персы, искавшие лучшей жизни. Но в отличие от тезиков, принявших русское подданство, они считались подданными Персии. Число собственно тезиков в Кизляре в самом начале XIX в. составляло около 220 семей (668 чел.).

Почти в каждом из названных магометанских кварталов, особенно в Окочирском и Тезикском, проживали кумыки, ногайцы и другие дагестанцы. Все эти кварталы с полевой стороны, в целях лучшей обороны при нападениях, были окружены высоким земляным валом и глубоким ровом, наполненным водой.

Четвертая часть Кизляра, также не предусмотренная по первоначальному плану постройки города, лежала к северу от р. Кизлярки и находилась там, где сейчас проходит железная дорога и расположены прилегающие к ней улицы. До конца XVIII в. она не была соединена с городом, поэтому мусульмане называли ее Кирдагы-уйлер, т. е. «дома за городом». В процессе роста Кизляра и застройки его центральной части, остававшейся долгое время пустырем внутри города, эта часть слилась с Армянским и Грузинским кварталами¹. В начале XIX в. здесь возвели здесь каменную церковь, окружив ее большим церковным двором. На осушенной части третьего болота еще во второй половине XVIII в. была построена небольшая церковь для Терско-Кизлярского казачьего войска.

Кроме перечисленных выше кварталов, в Кизляре имелась особая Индийская колония, хотя о ее существовании известно не много. Это была вторая в России индийская колония после астраханской. Располагалась она около бывшего русско-грузинского монастыря. В ней жили индийские купцы, принимавшие активное участие в торговле России с Востоком, в т. ч. Индией. По своему характеру она почти не отличалась от астраханской и выполняла ту же роль посредницы в торговле России со странами Востока. Проживающие в Кизляре индийцы вместе с астраханскими купцами часто посещали восточные и русские города, торговали с горскими народами. В январе 1744 г. поручик И. Шапкин пишет в Кизлярскую гражданскую канцелярию рапорт об отбраковке неполноценных иностранных денег, где, в частности, упоминает о выявлении фальшивых денег индийцем Маликом Суханандовым. В марте 1763 г. тарковский шамхал Магомед направляет кизлярскому коменданту А.А. Ступишину письмо с просьбой разобрать претензию его визиря Абдуллы к индийскому купцу Чанту. В 1746 г. из Кизляра в Астрахань было доставлено индийскими купцами 8 партий восточных товаров. Как видим, эта колония также содействовала расширению экономических связей, но деятельность ее слабо изучена².

Со временем Кизляр стал большим городом. В первой четверти XIX в. в нем проживало около 15 тыс. чел. (без войск и пришлых). После Астрахани он считался самым крупным городом на юге нашей страны. Так, в 1811 г. он был в 5 раз больше Симферополя, в 3 раза больше Новочеркасска и Таганрога, чуть больше Одессы, Полтавы и Харькова. На Кавказе крупнее Кизляра был Тифлис, насчитывавший в 1825 г. 30 тыс. чел. и приближался к нему по количеству населения Дербент, в котором в то время проживало свыше 11 тыс. чел.

В этническом отношении Кизляр, пожалуй, был самым многонациональным. Здесь жили русские, армяне, грузины, народности Дагестана, кабардинцы, чеченцы, ингуши, черкесы, осетины, тежики, азербайджанцы, татары, ногайцы, персы, таты и др. Можно даже сказать, что не было ни одного кавказского народа, представители которого в том или ином количестве не проживали бы в Кизляре. Не случайно же современники называли его «вавилонским столпотворением». Своим внешним обликом Кизляр, больше походил на азиатский, чем на европейский город. Дома строились чаще по восточному образцу: с плоскими земляными крышами, фасадами и окнами во двор. Летом крыши домов покрывались травой и на них иногда паслись овцы и козы. Каменные дома имелись только в крепости, остальные были деревянные, саманные и плетневые (обмазанные глиной), в

¹ Гарунова Н.Н., Чекулаев Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала, 2011. С. 359–360.

² Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 2. Д. 5. Л. 36; Д. 543. Л. 1.

большинстве своем огороженные высокими стенами, иногда с бойницами. Только в начале XIX в. в Кизляре появляются большие и красивые деревянные дома на каменном фундаменте, с фасадами на улицу, принадлежавшие богатым садовладельцам, виноторговцам, помещикам и купцам. Лес для постройки таких домов привозился из Астрахани.

Дома богатых жителей Кизляра, вышедших из стран Кавказа и Востока, строились большей частью с двумя выходящими во двор крыльцами, соединенными галереей и большим навесом. Одну половину дома занимало женское отделение, которое отличалось от мужского окнами с железными решетками. Ворота всегда были на замке. Для прислуги внутри двора стояли сакли. Проживавшие в Кизляре русские (не военные) в одежде часто подражали кавказцам, одеваясь в платье то грузинского, то армянского, то горского покроя.

В 1850 г. в Кизляре было около 2 300 домов, в т. ч. деревянных – 450, турлучных (из плетня, обмазанные глиной) – 1 521, композиционных (из самана и глины) – 228. В городе было 214 торговых лавок (до пожара 1847 г. их было более 300) и 62 складских помещения, 10 церквей (5 русских, 3 армянских и 1 грузинская), 7 мечетей, 1 синагога и 1 русско-грузинский монастырь (древнейший и единственный в Кавказской губ.). В окружности город имел не менее шести верст.

Главной архитектурной достопримечательностью города были два каменных соборных храма – русский и армянский.

Несмотря на важное значение, которое Кизляр имел в то время, он оставался крайне неблагоустроенным. Улицы были тесными, грязными, с множеством переулков и тупиков. Многие из них были так узки, что на них невозможно было разъехаться. Скот в мусульманских кварталах из-за отсутствия дворов содержался смежно с жилыми помещениями. Не было ни одной мощеной (камнем или деревом) улицы. Не существовало также никакого освещения в ночное время. Из-за тесноты в городе часто случались пожары. Особенно сильный пожар произошел в 1847 г., в результате которого сгорело несколько сотен домов. Только с 30-х гг. XIX в. в Кизляре начали кое-где прокладывать деревянные тротуары для пешеходов и устанавливать первые осветительные фонари. Причем, за образец была взята Астрахань, куда специально с этой целью выезжала делегация кизлярцев. Но дело это продвигалось чрезвычайно медленно, поскольку государство никаких средств на благоустройство города не отпускало. Водопровода не было. Ближайшие к Тереку жители пользовались водой из реки, а прочие из колодцев, которых в то время насчитывалось 250. Существовала специальная категория людей, чаще из персидских поданных, которые развозили воду в бочках за плату¹.

Этот город задумывался не только как военно-стратегический объект России, опорный пункт своей политики в регионе. Правительство отводило ему «важную роль в развитии и укреплении торговых отношений с народами Северного Кавказа, рассматривая их как одно из средств укрепления своего влияния в данном регионе»². Приемы и методы кавказской политики, исходившей из российских городов Северо-Восточного Кавказа, были достаточно разнообразны и гибки. Россия в изучаемый период предпочитала пользоваться не столько силовыми методами, сколько политическими и дипломатическими. Российские государственные деятели вынашивали идею прочного обустройства на Кавказе, слияния его с империей, провозглашая в своих проектах и программах принципы уважительного отношения к местным народам, призывая «ловить сердца горцев Кавказа и привязывать к себе». Там же, где требовалось, не гнушались и подкупом местной элиты, стараясь различными способами привлечь кавказскую знать на

¹ ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 5, 7.

² Вайдемейр А.А. Царствование Елизаветы Петровны. СПб., 1835. С. 61.

свою сторону, дабы сделать ее проводником российского влияния в регионе. Однако было бы ошибкой видеть процесс политического утверждения Российской империи на Кавказе как прямопоступательный и благополучный.

Политические настроения местных народов по отношению к России иногда резко менялись и не только из-за просчетов российской администрации в Терском городе, крепости Святого Креста, затем в Кизляре, но и из-за политического влияния извне соперничавших из-за Кавказа держав.

Многие замечательные, великие люди оставили свой след в Кизляре. И не только потому, что этот город в XVIII – первой половине XIX в. невозможно было миновать, отправляясь по суше из Европы в Дагестан и Южный Кавказ. Чем-то притягивал этот городок к себе. В этот период Кизляр являлся своеобразной базой для научных экспедиций Российской Академии наук и отдельных ее сотрудников. Известный историк В.Н. Татищев, будучи астраханским губернатором в 1741–1745 гг., хорошо знал Кизляр, бывал в Кизлярском регионе, входившим в Астраханскую губ. В начале 70-х гг. XVIII в. отряд академика П.П. Фалька изучал природные богатства Астраханской губ., в т. ч. и бассейн р. Терека. И. Гюльденштедт, который в 1770–1773 гг. путешествовал по Кавказу, свою экспедицию начал с Кизляра. Из Кизляра в 1770 г. отправилась экспедиция академика С.Г. Гмелина изучать географию, экономию и политический строй Северо-Восточного Кавказа и Азербайджана. В 1771–1772 гг. в Кизляре был вождь крестьянской войны Е. Пугачев.

В Кизляре в 1765 г. родился прославленный полководец, герой Отечественной войны 1812 г. Петр Иванович Багратион. Он получил свое образование, обучаясь в русской гарнизонной школе, предназначенной для детей офицеров командиров Кизлярской крепости. Так, в именном списке «Астраханского полка... проходящих учение...» под номером 41 значится «Иван Петр Багратион, лет 15, грузинской нации, поступил в 1783 г. мая, 1 дня». В 1779 г. Кизляр с инспекционной миссией посетил А.В. Суворов. Посетили город и Л.Н. Толстой, и Н.И. Пирогов, и многие другие. В памяти старшего брата Льва Николаевича Толстого, Николая Николаевича остались кизлярские виноградные сады, которые он описал в своей единственной книге «Охота на Кавказе», вышедшей в 1852 г. «Когда я хожу по этим фруктовым аллеям, по этим чистым и правильным дорожкам, смотрю на эти хорошенькие домики, – писал он, – мне все кажется, что я не охочусь, а просто гуляю...».

Позже здесь бывал А.П. Ермолов и другие военачальники.

А Александр Дюма оставил нам следующее описание Кизляра: «Мы вступили на улицы города. Ничего нет живописнее этих улиц с деревьями, высаженными без симметрии, с их болотами, где крикают гуси и утки, и где верблюды запасаются водой на дорогу... Художник обнаружит в Кизляре много очаровательного и живописного»¹. Сопровождавший французского писателя художник Муане сделал множество рисунков Кизлярской жизни, но, к сожалению, пока ни один из них не известен.

Что представлял собой Кизляр в 70-х гг. XVIII в. можно увидеть на акварелях известного русского художника М.М. Иванова. С начала XIX в. в административном отношении в регионе произошли изменения. С 1802 г. центром Кавказской губ. стал Георгиевск, с 1822 г. это Кавказская обл., а с 1847 г. – Ставропольская губ. Теперь роль административных центров крупного масштаба перешла к городам, занимавшим более выгодное положение – Ставрополю, Владикавказу, Екатеринудару, через которые были проведены главные магистрали, связывающие Кавказ и Закавказье с Россией. Вышеперечисленное постепенно привело к снижению политического значения Кизляра.

¹ Гарунова Н.Н., Чекулаев Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала, 2011. С. 62–63.

Так завершился «Кизлярский» этап в развитии русско-кавказских взаимоотношений, который показывает, что в исследуемый период Кизляр был «русской столицей» на Кавказе.

Источники и литература

1. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терка: Досоветский период. Махачкала: Дагкнигиздат, 1986. 246 с.
2. Вайдемейр А.А. Царствование Елизаветы Петровны. СПб., 1835. 251 с.
3. Гарунова Н.Н., Чекулаев Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала: ДГУ. 2011. 620 с.
4. Кидирниязов Д.С. Роль северокавказских городов в развитии торгово-экономических связей местных народов с Россией // Провинциальный город в XVIII–XX вв. (история, экономика, культура): Матлы Междунар. науч.-практич. конф. Кизляр, 2008. С. 99–115.
5. Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). М.: Парнас, 2011. 456 с.
6. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середина XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН; АЛЕФ, 2016. 490 с.
7. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – нач. XX в. Грозный, 2017. 400 с.
8. Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801 гг.). Владикавказ, 1912. Т. 2. 248 с.
9. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 339. Оп. 1. Д. 5; Ф. 379. Оп. 2. Д. 5, 543.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ: ИЗ ОПЫТА АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Аннотация. В статье представлена информация об опыте создания в Архиве Российской академии наук баз данных к отдельным документальным комплексам на базе различного программного обеспечения. Разработана многофункциональная база данных «Архив РАН» на базе своего программного обеспечения, преобразованная в дальнейшем в информационную систему. В 2013–2015 гг. в Архиве РАН создавался электронный Центральный фондовый каталог РАН – информационная система о составе фондов академических архивов. В Архиве сложились 3 электронных научно-информационных блока, которые в 2015 г. были размещены в глобальной сети Internet на созданном Архивом РАН портале «Mnemosyne»: «Информационная система Архива РАН», состоящая из основных подразделов: база данных «Учет и каталог», «История учреждений РАН», «Персональный состав РАН»; «Информационная система Архива РАН», содержащая Центральный фондовый каталог РАН и информацию о системе научных архивов, библиотек и музеев Российской академии наук и Федерального агентства научных организаций; «Виртуальный музей истории РАН». Таким образом, в Архиве Российской академии наук создана электронная научно-информационная система, которая позволяет расширить возможности использования источниковедческой базы, извлечения информации из источников по истории науки, обеспечить исследователей различного уровня ретроспективной информацией для проведения фундаментальных исследований.

Ключевые слова: Российская Академия наук, архив, история, источник, информационная система, база данных.

Архив Российской академии наук (РАН) по праву считается одним из старейших архивохранилищ и крупнейших информационных центров по истории Российской академии наук, ее учреждений и организаций, отечественной и зарубежной науки и культуры, научного наследия российских ученых. Одним из основных фундаментальных направлений деятельности Архива РАН является обеспечение ретроспективной информацией, имеющей научное и социокультурное значение, исследователей различного уровня, отечественных и зарубежных учреждений и организаций.

Первоочередным направлением в работе Архива РАН является информационное обеспечение научных исследований. В решении этой задачи наиболее эффективным для Архива РАН являлось создание информационной системы, который, реализуя все функции традиционной системы научно-справочного аппарата, предоставляет по сравнению с ней более широкие возможности оперативного и многоаспектного поиска архивных документов и представления его результатов¹.

В Архиве РАН сложился комплекс элементов научно-справочного аппарата: путеводитель, справочники, описи, каталоги и картотеки, базы данных к отдельным документальным комплексам. Однако, он не позволял решать ряд проблем: низкая оперативность поиска и предоставления архивной информации; отсутствие возможности одновременной работы нескольких пользователей с одним и тем же документом; использование трудозатратных традиционных («ручных») способов описания документов и ведения картотек и каталогов; отсутствие оперативной возможности получения информации о текущем состоянии учета, научного описания и сохранности документов.

Попытка использовать возможности информационных технологий в практической работе, когда в архиве появились первые персональные компьютеры, предпринималась в

¹ Киселев М.Ю. Электронный научно-справочный аппарат к документам Архива Российской академии наук: этапы создания // Отечественные архивы. 2008. № 4. С. 42–45.

конце 1980-х гг. Однако общий кризис 1990-х гг. привел к свертыванию этого многообещающего направления деятельности, а в дальнейшем к их недостаточному использованию в архиве. Только в 1998–2000 гг. при участии Института проблем передачи информации РАН и поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в архиве были созданы первые две базы данных: персональный состава Академии наук (1724–1999 гг.) и коллекция медалей и знаков.

С 1999 г. по гранту архивных проектов Института «Открытое общество» Фонда Дж. Сороса архив приступил к созданию базы данных «Коммунистическая Академия при ЦИК СССР. 1924–1936 гг.» Основу документального массива Комакадемии составляли неструктурированные источники, сведения о которых первоначально были организованы в форме традиционного для некомпьютерного источниковедения перечня документов. Для перевода работы в режим базы данных потребовалось специальное программное обеспечение, позволяющее преобразовать уже имевшуюся информацию в машиночитаемый формат с возможностями автоматизированного поиска данных.

Компьютерная программа «Архивариус», разработанная программистом В.Б. Блиновым специально для базы данных «Коммунистическая академия ЦИК СССР», предусматривала гибкую систему работы с рубрикаторм. Она позволяла редактировать, изменять названия, переносить предметные понятия (поисковые образы) из раздела в раздел рубрикатора, а также создавать необходимое количество вложений в каждое предметное понятие (то есть строить иерархическую систему), что открывало неограниченные возможности для ввода в базу данных информации по степени ее надобности¹.

В 2001–2003 гг. в соответствии с целевой программой Отделения историко-филологических наук РАН на базе программного обеспечения «Евфрат» были закаталогизированы документы по трем архивным фондам: № 394 «Отделение общественных наук АН СССР», № 457 «Отделение истории АН СССР» и № 1731 «Секция общественных наук АН СССР». Составлено более 4 тыс. аннотированных машиночитаемых документов.

В настоящее время описательные статьи, входящие в базы данных, созданные в 1999–2003 гг., конвертированы в базу данных «Учет и каталог» информационной системы «Архив РАН».

В рамках целевой программы Президиума РАН «Информатизация научных учреждений и Президиума РАН» Архив РАН принял участие в создании единой информационной системы РАН. В соответствии с программой Отдел страхового документального фонда Архива РАН в 2003–2008 гг. разместил на интернет-портале РАН базы данных и документы фондов известных российских ученых: академиков В.И. Вернадского, С.И. Вавилова, В.Л. Комарова, почетного академика Н.А. Морозова, ученого-изобретателя К.Э. Циолковского.

Создание баз данных к отдельным документальным комплексам с использованием различного программного обеспечения не позволяло решать задачи многоаспектного поиска документной информации по истории российской науки. Первая попытка разработки многофункциональной базы данных была сделана в 2004 г. по целевой программе Отделения историко-филологических наук РАН на базе программного обеспечения «Евфрат».

В 2005 г. в архиве разработаны и утверждены Ученым советом Архива «Концепция и перспективная программа развития Архива РАН на период до 2015 г.», предусматривающие внедрение информационных технологий и создание

¹ Савина Г.А. Создание электронной базы данных «Коммунистическая Академия ЦИК СССР (1924–1936)» в Архиве Российской академии наук: новые исследовательские возможности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 76–82.

информационной системы. В соответствии с ними Архив РАН развивается как многопрофильное учреждение, применяющее современное компьютерное оборудование и информационные технологии для использования научной, научно-организационной и иной документации. Главной особенностью развития Архива РАН является его полифункциональность, предусматривающая, в частности, расширение работ по созданию информационно-поисковых средств, использование документов с помощью СМИ и Интернета, внутриакадемических сетей; включение Архива РАН в единую информационную систему РАН, а в перспективе – и в информационную систему Федерального архивного агентства России.

В соответствии с целевыми программами Президиума РАН и Отделения историко-филологических наук РАН по информатизации, концепцией и перспективной программой в архиве в 2005 г. началась работа по созданию многофункциональной базы данных «Архив РАН» на базе своего программного обеспечения, разработанного методами экстремального программирования в программной среде «Delphi 7.0» (программист А.В. Драчков). При выборе архитектуры многофункциональной базы данных планировалось включение в нее как учетно-статистических данных, так и возможностей ведения электронного каталога, постоянно пополняемого новыми массивами¹.

Попытка использования функций ведения учета и создания электронного каталога на тиражируемой Федеральным архивным агентством третьей версии программного комплекса «Архивный фонд» встретила в Архиве РАН трудности. Особенности индексации описей фондов архива, специфика систематизации документальных комплексов РАН, необходимость наличия современного классификатора документной информации, а также использование устаревшей программной платформы «FoxPro» в программном комплексе «Архивный фонд», не позволили ее использовать в качестве базовой информационной системы. Ранее при разработке базы данных с этой проблемой столкнулись сотрудники научного архива Коми филиала Уральского отделения РАН².

Архив РАН является академическим учреждением со статусом научно-исследовательского института, который, помимо архивоведческих задач, обязан решать научно-исследовательские задачи. Основным же недостатком тиражируемых программ под базы данных в архивной отрасли и близких к ней (напр., музейной), по нашему мнению, является их главное назначение для учета и обеспечения сохранности при достаточно ограниченных возможностях использования информации. Задача Архива РАН, как академического учреждения – по возможности полное удовлетворение информационных потребностей исследователей, работающих на источниковедческой базе.

В программный комплекс базы данных «Архив РАН» входили три больших блока, которые соответствуют трем направлениям в работе архива: «Учет», «Комплектование», «Каталог». Все разделы базы данных имеют функции поиска и фильтра, статистику и формы отчетов – итоговых документов на определенную тему, которые в готовом виде можно выводить на принтер. Создание в архиве многофункциональной базы данных «Архив РАН» проходило в контексте задач по сбережению документов по истории российской науки, как составной части документальной памяти России. В этой связи несколько подробнее о поисковых возможностях программного обеспечения, положенного в основу работы с базой данных.

Раздел базы данных для работы с двумя уровнями архивного описания документов (дело и документ) назван «Каталог», задача которого – осуществление поиска

¹ Савина Г.А. Информационные технологии в Архиве РАН: итоги и перспективы // Вестник архивиста. 2006. № 6. С. 255–261.

² Самарин А.В., Чупрова Э.Г. Разработка системы баз данных Научным архивом Коми филиала Уральского отделения РАН // Отечественные архивы. 2003. № 6. С. 37–38.

информации по условиям запроса. Так же как и при традиционной каталогизации, одна запись, попадающая в электронный каталог, может описывать группу дел, дело, группу документов, документ или его фрагмент. В «Каталоге» базы данных «Архив РАН» предусмотрена, во-первых, возможность поиска по заголовкам дел из архивных описей, введенных в базу данных, и, во-вторых, по всему массиву каталога, куда попадают отдельные записи целевой или попутной каталогизации. Таким образом, предоставляется возможность последовательно опуститься по вертикали «Фонды» – «Описи» – «Дела» – «Документы» до уровня документа и осуществлять привычную каталогизацию, причем архивный шифр автоматически генерируется. Также предоставляется возможность ввода информации непосредственно в форму «каталожной карточки», которая никак не привязана к упомянутой вертикали, и вручную заполнять поле «архивный шифр», и такие данные тоже будут участвовать в поиске по запросу. В базе данных «Архив РАН» заложена еще одна важная возможность – запись цифрового изображения, начиная с описи и кончая документом или его фрагментом.

В формировании каталога программным обеспечением базы данных «Архив РАН» заключена очень важная для архива возможность: все описи, которые составляются в архиве в результате научного описания фондов личного происхождения, а также описи на управленческую и научную документацию, поступающие в архив из академических учреждений, сразу же после подключения данных к основному массиву базы данных могут участвовать в поиске по электронному каталогу. Для этой цели разработан отдельный от программы, но совместимый с ней, программный модуль «Наборщик» («Турег»), в который вводятся заголовки дел описей. Создание электронного каталога базы данных «Архив РАН» не требует специального администрирования; поисковые образы не привязаны к классификаторам, словарям или рубрикаторам; запрос осуществляется по ключевым словам, привычен и удобен любому человеку, знакомому с поиском в глобальной сети Интернет.

В процессе усовершенствования, расширения информационных и технических возможностей база данных преобразована в информационную систему «Архив РАН», которая включает следующие разделы: база данных «Учет и каталог»; учреждения-фондообразователи; лица-фондообразователи; архивы и сотрудники; база данных «Персональный состав»; наборщик («Турег»). Возможности поиска информации о составе и содержании документальных комплексов Архива РАН заложены в базе данных «Учет и каталог» на уровнях: фонд; опись; дело; документ.

По состоянию на 1 мая 2019 г. в информационную систему «Архив РАН» включены: краткие сведения о фондообразователях, исторические справки и обзоры на фонды архива, прошедшие научное описание; реестр 2 718 описей. Контент электронного каталога включает 214 214 записи, из которых 171 399 дел, 11 141 документа и 31 674 каталожных карточек, что составляет более 31 % от общего количества заголовков дел.

Сайты архивных учреждений в сети Интернет являются наиболее оперативной и доступной неограниченному числу пользователей формой информирования о составе и содержании документальных комплексов. С ноября 2006 г. в сети Интернет функционирует вторая версия сайта Архива РАН (www.arran.ru), зарегистрированного в качестве средства массовой информации.

В структуру электронного каталога включен список фондов (и их частей): номера и названия фондов и описей. Поиск информации по каталогу осуществляется набором каждого слова, хотя бы одного слова или фразы в целом. Результатом поиска в каталоге является таблица со списком дел (документов), в разделы которой включены: архивный шифр (номера фонда, описи, дела, листов), содержание (заголовки), крайние даты. Кроме того, в разделе «Архив РАН» размещен подраздел «Публикации». С 1933 г. по 1986 г.

Архивом АН СССР изданы 8 выпусков справочников «Обозрение архивных материалов», которые являлись справочниками типа путеводителя по фондам архива. Полные оцифрованные тексты семи выпусков обозрений размещены в блоке подраздела «Публикации». В разделе «Выставки» размещены оцифрованные изображения экспонатов выставок, подготовленных и проведенных Архивом РАН.

В 2008–2015 гг. Архив РАН являлся участником общеакадемической программы по созданию информационной системы «Электронная библиотека «Научное наследие России». В рамках программы Архив РАН выступил с инициативой создания подсистемы «Электронный архив научного наследия России». С целью предоставления более широкого доступа членов академического сообщества и зарубежных ученых к Архивному фонду Российской академии наук, Архив РАН создавал как полнотекстовые электронные фонды, так и проводил работу по интеграции существующих и создаваемых в архиве электронных информационных ресурсов в Единое научное информационное пространство РАН. Работа в этом направлении проводилась совместно с Вычислительным центром им. А.А. Дородницына РАН.

В 2008 г. Архив РАН совместно с Историко-архивным институтом РГГУ осуществил ряд образовательных проектов по созданию электронных источниковых комплексов. С использованием программного модуля «Наборщик» («Турег»), разработанного в архиве, студентами института созданы базы данных научного наследия фондов академика М.Н. Тихомирова, В.В. Максакова, А.Т. Николаевой с записями цифровых изображений отдельных документов.

Высокоэффективная информационная системы поиска документной информации в архиве реализована в 2009 г. в «Информационной системе Архива РАН», которая позволяет пользователям в режиме удаленного доступа в сети Internet на сайте isaran.ru ознакомиться со списком фондов, реестром описей и каталогом к документам Архива РАН, электронными путеводителями по личным фондам и фондам учреждений.

Для реализации возможности изучения пользователями архивных описей архива через Информационную систему Архива РАН была поставлена задача создания базы данных «Электронные описи Архива РАН». В течение 2011–2015 гг. были оцифрованы 2 685 описей фондов Архива РАН. Создание базы данных «Электронные описи Архива РАН» позволяет исследователям читального зала Архива РАН и пользователям сети Интернет просматривать и изучать описи в режиме реального времени. Одновременно расширилась источниковедческая база для поиска информации в разделе «Учет и каталог» информационной системы Архива РАН¹.

Информационная система Архива РАН отличается удобством в пользовании от тиражируемой Федеральным архивным агентством четвертой версии программного комплекса «Архивный фонд». Особенностью программного комплекса «Архивный фонд» является его «привязка» к специальному классификатору Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД)², который значительно осложняет его использование.

В век использования информационных технологий Архив РАН создал информационную систему, которая позволяет решать ряд задач: поиск ретроспективной информации в автоматизированном режиме по ключевым словам; просматривать архивные описи в режиме реального времени; создавать тематические базы данных; организовать единую информационно-поисковую систему академических архивов; подготовку архивных справочников о составе и содержании документов и других.

¹ Киселев М.Ю. База данных «Электронные описи Архива РАН»: этапы создания и перспективы развития // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 271–276.

² Единый классификатор документной информации Архивного фонда Российской Федерации. М., 2007.

База данных «Учет и каталог» внедрена в научно-отраслевом архиве Института археологии РАН, архиве Коми научного Центра Уральского отделения РАН, отделе рукописей и архиве А.М. Горького Института мировой литературы и искусства РАН, Дагестанском научном центре¹.

Очевиден путь дальнейшего развития информационной системы Архива РАН. Нет никаких технических или технологических препятствий к объединению информационных систем архивов учреждений и организаций РАН в единую информационную систему. Необходимо, конечно, при этом соблюдение единой методики построения и заполнения объединяемых систем, единых электронных форматов описаний архивных документов. Таким образом, после объединения мы получим систему электронного НСА Архивного фонда Российской академии наук, как составной части Архивного фонда Российской Федерации.

Последняя методическая разработка ВНИИДАД, опыт работы Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук и других архивных учреждений страны позволяют утверждать, что в России складывается единое архивное информационное пространство. Нам представляется очень точным определение положения, сложившееся в отечественной архивной отрасли, приведенное в аналитическом обзоре ВНИИДАД: «Создание информационных ресурсов на основе научно-справочного аппарата и электронных копий архивных документов, а также организация многоканального доступа к ним (читальные залы архивов, Интернет) – это одно из генеральных направлений деятельности отечественных архивов. Архивные информационные ресурсы позволяют «расширять границы читальных залов архивов до размеров всемирной паутины», что, с одной стороны, обеспечивает сохранность подлинников архивных документов, а с другой стороны, «делает информацию, заключенную в архивных документах, – достоянием всего человечества»².

В большинстве стран мира идет интенсивное развитие информационных технологий, создание так называемого «информационного общества». Все больше отмечается действительная роль науки в обществе, в том числе и научных архивов в жизни общества и граждан, новыми методами обеспечивается широкий доступ к архивной информации. Быстрыми темпами происходит информатизация всех направлений архивной деятельности.

В соответствии с этими тенденциями Архив РАН развивается как общеакадемический научный информационный центр, осуществляющий следующие задачи: обеспечение сохранности документов путем создания фонда пользования на электронных носителях; электронный централизованный государственный учет документальных комплексов Архива РАН; электронный учет документов, требующих реставрации; совершенствование автоматизированного научно-справочного аппарата; обеспечение ретроспективной информацией исследователей различного уровня, учреждений и организаций РАН как путем подготовки различного типа электронных справочников по составу и содержанию фондов Архива РАН, так и совершенствования и использования информационной системы; научно-исследовательская работа по истории РАН с использованием современных информационных технологий³.

¹ Киселев М.Ю. Автоматизированный учет документов в Архиве Российской академии наук // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Мат-лы Всерос. науч. конф. Ростов-на-Дону, 2015. С. 422–427.

² Изучение опыта представления системы научно-справочного аппарата государственных и муниципальных архивов Российской Федерации в сети Интернет. Аналитический обзор. М., 2014. С. 59.

³ Киселев М.Ю. Научно-справочный аппарат Архива РАН: новые возможности в информационном обществе // Документ. Архив. История. Современность: Мат-лы V Междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2014. С. 132–135.

Другой путь интеграции архивных ресурсов заключается не в объединении информационных систем архивов в единое целое на значительном информационном пространстве, а в создании точек доступа к информационным ресурсам родственных архивов, ссылок и иных переходов от ресурса к ресурсу, что тоже способно привести исследователя к искомым результатам без лишних затрат времени и усилий. Оба пути правомерны и будут развиваться параллельно, потому что нереально привести все информационные системы архивов к общему знаменателю, да и нецелесообразно концентрировать усилия только на этом направлении¹.

В 2013–2015 гг. в Архиве РАН создан электронный Центральный фондový каталог (ЦФК) РАН – информационная система о составе фондов академических архивов. Проводился комплекс работ по переводу традиционного (на бумажной основе) ЦФК в электронный формат, приведению данных в актуальное состояние, подключению к каталогу новых участников из тех академических архивов, которые не имеют статуса научно-отраслевых архивов, но фактически хранят архивные собрания и коллекции. В дальнейшем представлена возможность конвертации ЦФК РАН в программный комплекс «Автоматизированный ЦФК» Федерального архивного агентства, как составной части Архивного фонда Российской Федерации².

Таким образом, в Архиве РАН сложились информационная система, включающая три электронных научно-информационных блока, размещенных в 2015 г. в глобальной сети Internet на портале «Mnemosyne»:

«Информационная система Архива РАН», состоящая из основных подразделов: база данных «Учет и каталог», «История учреждений РАН», «Персональный состав РАН»;

«Информационная система Архивы РАН», содержащая Центральный фондový каталог РАН и информацию о системе научных архивов, библиотек и музеев Российской академии наук и Федерального агентства научных организаций;

«Виртуальный музей истории РАН», в котором демонстрация основных научных открытий, изобретений и достижений выдающихся ученых, научных коллективов, учреждений и руководящих органов Академии наук, их действительной роли в истории страны и мирового сообщества в прошлом, преимуществ академической формы организации научных исследований в формировании научного, технического, экономического и социокультурного потенциала России должна способствовать созданию научно-обоснованного и целостного образа истории Российской академии наук³.

Одним из основных преимуществ информационной системы Архива РАН является возможность ознакомиться с отсканированным первоисточником в режиме реального времени. В настоящее время созданы цифровые копии из 447 фондов личного происхождения объемом 34 914 листов (80 034,6 Мб) и 67 фондов академических учреждений и коллекций объемом 24 797 листов (56 926,4 Мб).

Таким образом, в Архиве Российской академии наук создана и развивается автоматизированная научно-информационная система, которая включает как элементы традиционного, так и электронного научно-справочного аппарата. Система позволяет

¹ Савина Г.А. Проблемы использования архивных документов через Интернет и интеграция электронных ресурсов институтов памяти // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов: Сб. науч. ст. к 60-летию Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар, 2013. С. 319–336.

² Киселев М.Ю. Информационная система Архива Российской академии наук на современном этапе // Документация в информационном обществе: архивоведение и документоведение в современном мире: Докл. и сообщ. на XXIII Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 50-летию ВНИИДАД. М., 2017. С. 315–320.

³ Киселев М.Ю. Автоматизированный научно-справочный аппарат в Архиве РАН: становление и развитие // Документальная память России: проблемы сбережения и трансляции: Мат-лы круглого стола. М., 2017. С. 72–86.

сохранить документальную память России, расширить возможности использования источниковедческой базы, извлечения информации из источников по истории науки, обеспечить исследователей различного уровня ретроспективной информацией для проведения научных исследований.

Источники и литература

1. Единый классификатор документной информации Архивного фонда Российской Федерации. М., 2007. 662 с.
2. Изучение опыта представления системы научно-справочного аппарата государственных и муниципальных архивов Российской Федерации в сети Интернет: Аналитический обзор. М.: ВНИИДАД, 2014. С. 59.
3. Киселев М.Ю. Автоматизированный научно-справочный аппарат в Архиве РАН: становление и развитие // Документальная память России: проблемы сбережения и трансляции: Мат-лы круглого стола. М., 2017. С. 72–86.
4. Киселев М.Ю. Автоматизированный учет документов в Архиве Российской академии наук // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Мат-лы Всерос. науч. конф. Ростов-на-Дону, 2015. С. 422–427.
5. Киселев М.Ю. База данных «Электронные описи Архива РАН»: этапы создания и перспективы развития // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 271–276.
6. Киселев М.Ю. Информационная система Архива Российской академии наук на современном этапе // Документация в информационном обществе: архивоведение и документоведение в современном мире: Докл. и сообщ. на XXIII Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 50-летию ВНИИДАД. М., 2017. С. 315–320.
7. Киселев М.Ю. Научно-справочный аппарат Архива РАН: новые возможности в информационном обществе // Документ. Архив. История. Современность: Мат-лы V Междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2014. С. 132–135.
8. Киселев М.Ю. Электронный научно-справочный аппарат к документам Архива Российской академии наук: этапы создания // Отечественные архивы. 2008. № 4. С. 42–45.
9. Савина Г.А. Информационные технологии в Архиве РАН: итоги и перспективы // Вестник архивиста. 2006. № 6. С. 255–261.
10. Савина Г.А. Проблемы использования архивных документов через Интернет и интеграция электронных ресурсов институтов памяти // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов: Сб. науч. ст. к 60-летию Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар, 2013. С. 319–336.
11. Савина Г.А. Создание электронной базы данных «Коммунистическая Академия ЦИК СССР (1924–1936)» в Архиве Российской академии наук: новые исследовательские возможности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 76–82.
12. Самарин А.В., Чупрова Э.Г. Разработка системы баз данных Научным архивом Коми филиала Уральского отделения РАН // Отечественные архивы. 2003. № 6. С. 37–38.

СИСТЕМА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1917–1925 гг.

Аннотация. В статье предпринята попытка воссоздать целостную картину казахстанской действительности с октября 1917 г. до 1925 г., времени необычайного динамизма общественных процессов и острых социальных конфликтов. Определен социальный, образовательный и возрастной состав учительства, произведен анализ его политического поведения, раскрыты условия вхождения учителей и учащихся в советскую систему образования, выявлена специфика учебно-воспитательной работы школ Западного Казахстана, осуществлен анализ основных проблем, связанных с началом ликвидации массовой неграмотности в Западном Казахстане.

Ключевые слова: Западный Казахстан, советская система образования, трудовая школа, ликпункты, казахский аул.

Развитие советской системы образования происходит в условиях формирования новых ценностных установок. После Октября 1917 г. развитие образовательных учреждений в Казахстане основывались на принципах, изложенных в «Декларации о единой трудовой школе» и «Положении о единой трудовой школе», принятые декретом ВЦИК РСФСР от 16 октября 1918 г.¹ В них провозглашались основные демократические принципы единой школы: это прежде всего доступность образования для всех слоев населения, ее бесплатность и светский характер, совместное обучение мальчиков и девочек, исключение из преподавания богословских дисциплин, отмена всех видов наказания, школьное самоуправление. Также ставились задачи по развитию политехнического образования и введения ручного и производительного труда в промышленности и в сельском хозяйстве. Первой «Устав единой трудовой школы КазССР» был принят в мае 1926 г., в котором был сделан акцент на соединение учебы с производственной практикой². По новому положению все школы делились на две ступени – первую, для детей 8–13 лет и вторую, для детей 13–17 лет. Началась активная работа по преобразованию медресе, мектебов и русско-казахских школ в советские. Главной задачей строительства новой школы был охват первоначальным обучением основного контингента детей школьного возраста и переростков, ликвидация неграмотности среди взрослого населения. На пути становления новой системы образования стояло много трудностей, связанных, прежде всего, с экономическими и культурными особенностями развития края. Но, несмотря на это, трудящиеся республики активно включились в работу по ликвидации неграмотности. Даже в годы гражданской войны, несмотря на разруху и экономические трудности, расширялась сеть школ, росло число учащихся. За школьные парты садились не только дети, но и неграмотные, и малограмотные взрослые.

Согласно протоколу № 32 от 3 июля 1919 г. заседания коллегии отдела народного образования при Уральском областном революционном комитете, на повестке дня был заслушан вопрос о преобразовании школ г. Уральска и Уральской обл. в единую трудовую школу. Коллегия постановила: преобразовать с осени все школы г. Уральска и Уральской обл. в единую трудовую школу. Была составлена комиссия из трех человек для распределения школ по ступеням согласно «Положения о единой трудовой школе». В комиссию были избраны Чучко, Утехин и Дорофеева. Указанной комиссии было поручено разработать вопрос о наиболее целесообразном соединении учащихся по классам и группам, также предоставлено право организации подкомиссий с приглашением

¹ Хрестоматия по истории СССР 1917–1925 гг. / Под ред. Д.А. Чугаева. М., 1963. С. 379–382.

² Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.): Сб. док. и мат-лов. Алма-Ата, 1965. Т. 1.

компетентных лиц. Для выработки программы обучения была избрана комиссия в составе пяти человек – Дорофеева, Чучко, Утехин, Денисова и Городецкий¹. Прежде всего, решения требовал вопрос: Что это за школа «единая трудовая»? Каковы ее цели? Итак, уже само название этой школы свидетельствовало о том, что она должна преследовать две цели: принцип единства и труда. Главной задачей трудовой школы являлось развитие не одной, какой либо стороны человека, а гармоничное развитие всех полезных сил и способностей присущих каждому ребенку². И так новая реформа производит реформу старой школы. Она ставит учащихся в трудовую обстановку. Труд свободный и труд творческий – основа единой трудовой школы. Трудовая школа ставила задачи, дать учащимся не только известную сумму знаний, но старалась выработать у них навыки и умения работать. Но чтобы организовать трудовые процессы в школе, необходимы были мастерские всех видов: столярная, слесарная, сапожная, картонажная и другие. Также единая трудовая школа должна была быть тесно связанной с трудовым населением. Поэтому при всех школах 1 и 2 ступени организовываются школьные Советы из школьных работников с представительством от трудового населения³. Так, в Западном Казахстане в Букеевской степи в Урде первые советские школы были организованы в 1918 г. Киргизским (Казахским) Комиссариатом по военным делам. Такая же реорганизация старых и строительство новых советских школ происходила по всему Западному региону.

Но введенная в октябре 1918 г. школьная система в начале восстановительного периода подверглась некоторым изменениям в соответствии с решением первого партийного совещания по народному образованию, проходившего в декабре 1920 г. в Москве. Было решено все школы 2 ступени и девятилетки реорганизовать в семилетки из двух концентров: первого – с четырехлетним и второго с трехлетним курсом обучения. Окончившие семилетку должны были поступать в техникумы с 3–4-летним курсом обучения для получения профессионального образования. Общее политехническое образование для учащихся завершалось седьмым годом обучения в возрасте 15 лет, а не 17, как указывалось в программе партии. Это отступление от программы партии было вызвано недостатком технических кадров средней квалификации в стране и являлось только временной мерой. В результате в советском Казахстане были организованы следующие ступени образования: школы 1 ступени с 4-х летним сроком обучения; школы-семилетки, состоящие из двух концентров: первого – четырехлетнего, соответствующего школе 1 ступени, и второго – трехлетнего: школы 2 ступени (девятилетки) с тремя концентрирами, причем первой соответствовал школе 1 ступени, а первый и второй вместе – школе-семилетке; и рабочие факультеты, как общеобразовательные средние учебные заведения, дававшие законченное среднее образование рабочей и крестьянской молодежи, не имевшей раньше возможности его получить. Выпускники семилетней школы могли продолжить образование в средних специальных учебных заведениях техникумах с трех–четырёхгодичным сроком обучения, а часть поступала в 8 группы школ 2 ступени. Окончившие школы 2 ступени, техникумы и рабфаки поступали в вузы. А позднее возникли и школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Также были открыты школы крестьянской молодежи с трехлетним сроком обучения. Вместе с тем, довольно успешного развития получили и школы-коммуны, куда принимались дети с десятилетнего возраста. Казахские школы-коммуны на первых этапах были только начальными, а в последующие годы они постепенно реорганизовывались в семилетние и девятилетние школы. Первые же школы были организованы еще в 1920–1921 учебном году. Перед ними

¹ Сембаев А.И., Храпченков Г.М. Очерки истории школ Казахстана. 1900–1917. Алматы, 1965. С. 139–140.

² Государственный архив Западно-Казахстанской области (ГАЗКО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

³ Там же. Д. 5. Л. 5.

ставилась задача в течении 1 года дать малограмотной молодежи образование в объеме школ 1 ступени¹. Начиная с 1923 г., при техникумах и рабфаках были организованы подготовительные отделения для обучения казахской молодежи. Все вышеуказанные типы образовательных учреждений функционировали, как в Казахстане в целом, так и в ее западном регионе. Уже в годы Гражданской войны 18 января 1919 г. на заседании Ревкома в поселке Шипово происходит распределение функций по образовательной системе.

Функции заведующего ОблОНО были возложены на товарища Паэгле Фрица Петровича. Областной отдел народного образования начал функционировать 3 февраля 1919 г.² Эту дату и надо считать началом работы народного образования Уральского облревкома. Первыми членами президиума коллегии ОблОНО были утверждены Яковлев, Утехин, Исупов и другие. Первым заведующим школьным подотделом был назначен Чучко Нестор Иванович. Заведующий сектором школ II ступени – Утехин Петр Николаевич, руководителем инородческой секции школьного подотдела – Тухватуллин Мухамед Гариф Мутегулиевич, посланный в Ревком общим собранием татарской части населения г. Уральска. Уездные отделы народного образования организовывались в разное время, в зависимости от времени освобождения того или иного уезда от белоказахских войск. Например, Лбищенский уездный отдел народного образования (ныне Чапаев) был организован в середине марта 1919 г. в составе подотделов: школьного, внешкольного и дошкольного³. В конце декабря 1919 г. организуется Калмыковский УОНО. На должность заведующего Калмыковского УОНО назначается Тухватуллин Мухамед Гариф Мутегулиевич. В начале 1920 г. организуется УОНО в Джамбейте и в Уиле. Джамбейтинский Уотнаробраз, хотя и был организован в 1920 г., но развернуть работу по открытию школ он не мог, так как в уезде была эпидемия сыпного тифа. На протяжении 1919–1920 гг. проходила организация отделов народного образования. Одновременно с организацией УОНО областным отделом народного образования под руководством Областного Ревкома проводится ряд мероприятий по реорганизации школ и учебно-воспитательной работы в них. Эта работа, как мы указывали выше, протекает в условиях гражданской войны. Как только какой-либо пункт освобождался от белогвардейцев, туда направлялся школьный инструктор для организации школьного дела. На третий день своего существования 5 февраля 1919 г. на заседании Президиума ОблОНО обсуждается вопрос об открытии школ, о начале занятий в них и выносится решение «Открыть школы без коренной ломки, но с некоторыми изменениями, как в программе, так и в составе служащих». Учебные заведения становятся доступными для всех. Принимаются меры к полному охвату всех детей школьного возраста. Уже на 1 июня 1919 г. по г. Уральску и четырем уездам: Уральскому, Лбищенскому, Гурьевскому и Темирскому, открыто 493 школы I ступени с 41 066 учащимися и 16 школ II ступени с 2 235 учащимися. Эти данные являются далеко не полными, так как территория Уральской обл. была еще занята белогвардейцами. Эти цифры говорят только о том количестве школ и учащихся, которые были на освобожденной территории.

Таким образом, первым мероприятием Советской власти было открытие школ для обучения грамоте всех детей школьного возраста, как об этом записано в цитируемом выше протоколе Президиума ОблОНО «без коренной ломки» дать возможность учиться детям трудящихся. Однако «ломка» начинается после того, как школы были открыты и в них начались занятия. Она выразилась в проведении ряда мероприятий, направленных на упразднение разнообразных типов ведомственных учебных заведений и на создание новой школьной системы с новым содержанием и новыми методами обучения. 9 февраля 1919 г.

¹ Сембаев А.И. История развития советских школ в Казахстане. Алматы, 1962. С. 128.

² ГАЗКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

³ Там же. Протокол от 11 апреля 1919 г.

Коллегия ОблОНО постановляет: разделить школы на I и II ступени; отнести к I ступени одноклассные и двухклассные начальные школы, как войсковые, так и земские, к этой ступени отнести и Уральское мужское духовное училище, которое должно быть преобразовано в другое учебное заведение; отнести ко II ступени средние учебные заведения: учительскую семинарию, сельскохозяйственное училище, фельдшерскую школу, высшее начальное училище и женское епархиальное училище¹. При этом намечаются следующие задачи школьного подотдела ОблОНО: 1. Проведение в жизнь принципов единой трудовой школы в пределах области. 2. Устройство краткосрочных перманентных курсов для учителей существующих школ в целях подготовки их к работе в единой трудовой школе. 3. Устройство годичных курсов для подготовки новых учителей. 4. Организация курсов по вопросам проведения в жизнь школы трудовых процессов. 5. Организация съездов по школьному образованию. 6. Разработка программ и планов преподавания предметов в единой трудовой школе. 7. Разработка вопросов, связанных с общей школьной обстановкой. Так Президиум ОблОНО ставит ряд проблем и приступает к их решению. Вопрос о том, чему учить и как учить, весьма остро встал в связи с ломкой старой школы и созданием новой советской школы. В старой школе, как известно, главным предметом преподавания, поглощавшим большую часть учебного времени, был Закон божий. Вероучение пронизывало собой и остальные предметы (русский язык, природоведение и др.). На новом этапе школам даются следующие указания: «На основании декрета народных комиссаров, отдел народного образования предлагает всем заведующим школам I ступени немедленно принять к сведению и руководству и неуклонному исполнению нижеследующее: 1. Преподавание закона божьего отменяется. 2. Упраздняется молитва перед и после ужина. 3. Иконы должны быть убраны из класса 4. Задание на дом отменяется².

В ходе большой кропотливой работы, специально организованная комиссия по разработке временных программ закончила свою работу к августу 1919 г. Но и в последствии заседания коллегии ОблОНО были также посвящены рассмотрению и утверждению проектов временных программ для школ Уральской обл. Вместо исключенного из учебного плана школы Закона божьего были введены новые предметы: физическое воспитание, рисование, пение, история, естествознание, которые в большинстве начальных школ до революции не преподавались, как самостоятельные предметы. Еще одной большой проблемой при организации школ были вопросы оборудования школ всеми необходимыми материальными средствами, начиная от парт и классных досок, и заканчивая книгами, тетрадями и карандашами. Вопросы снабжения школ не могли быть решены без участия самого населения. Поэтому на местах создаются волостные и сельские советы народного образования, которые, согласно инструкции, проводят ремонт школьных зданий, приобретают школьную мебель, снабжают топливом, получают от уездных отделов народного образования все средства и распределяют их по школам. Однако самой трудной задачей при организации школ являлась проблема кадров. Уже не говоря о том, что учителей было вообще недостаточно для комплектования растущей школьной сети. Их не хватало еще и потому, что появились новые участки работы, требовавших педагогических сил, дошкольное и внешкольное образование, детские дома-приюты. Существующие же кадры учителей не были готовы работать в новых условиях, а учителей выходцев из буржуазии Советская власть не всегда привлекала к педагогической деятельности, считая их политически неблагонадежными, хотя многие из них готовы были идти на службу новой системе. Кроме того, многие учителя были заняты работой в необразовательных учреждениях, о чем свидетельствуют

¹ ГАЗКО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 2. Протокол № 1.

² Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.

документы¹. В связи с этим, с первых дней своего существования коллегия ОблОНО стала также заниматься вопросами рассмотрения анкет и заявлений учителей и их назначением. Первая группа учителей была назначена 20 февраля 1919 г. согласно протоколу № 1 заседания коллегии Народного образования. Изучая дело каждого учителя, ОблОНО не только знакомится с ними по анкете, но и привлекает к этой работе органы власти на местах, и все население. В целях его привлечения к управлению и контролю за деятельностью должностных лиц вводится выборность всех работников просвещения, в том числе учителей и школьных инструкторов. Как указывалось выше, с установлением Советской власти в 1918–1919 гг. занятия в школах были начаты 23 февраля 1919 г. Но в середине апреля в период осады г. Уральска занятия в школах были прерваны. Были прерваны они так же с 27 мая по 18 июня вследствие призыва школьных работников на общественные работы по укреплению города.

При подготовке к новому 1919–1920 учебному году была большая потребность в школьных работниках и для школ I ступени. Так, из-за недостатка учителей в 1920 г. Уральский Уотнароб по решению Ревкома сливается с Губотнаробразом. Также в 1920 г. область становится губернией и ОблОНО соответственно ГУОНО. 20 ноября 1919 г. в коллегии ОблОНО обсуждался вопрос «О снятии школьных работников с должностей в отделах народного образования и других учреждений и назначение их учителями школ»². Согласно обязательному постановлению Уисполкома произведена регистрация школьных работников, занимавших должности не по специальности. 2 августа 1919 г. выносится решение коллегии ОблОНО об организации 2-х месячных курсов для учителей с 25 августа 1919 г.³ 24 июля 1919 г. на коллегии обсуждался вопрос о командировке представителя отдела в города России (Саратов, Самару, Москву) для приглашения лекторов на учительские курсы. По решению Ревкома в Саратов, а затем в Москву едет заведующий ОблОНО Паэгле для приглашения лекторов в Уральск для чтения лекций на курсах. Вопрос о кадрах стоял, с одной стороны, в плоскости переподготовки имеющихся учителей, а с другой, в подготовке новых кадров. Итак, 1918–1919 учебный год не был цельным. Первая половина проходила при власти белогвардейского казачьего войскового правительства. Вторая половина учебного года прошла при Советской власти, и то с перерывами, и учебный год закончился 1 июня 1919 г. Но за это короткое время были проведены большие преобразования в системе народного образования в г. Уральске и в целом области. Первым полным учебным годом советской школы в г. Уральске и Уральской обл. был 1919–1920 учебный год. За этот первый учебный год школьная сеть на территории бывшей Уральской обл. выросла следующим образом. Общее количество школ – 436, из них школ I ступеней – 431, II ступеней – 5. Количество учащихся всего – 61 941; их них учащихся I ступеней – 57 659, II ступеней – 4 282. А в 1915 г. всего учащихся было 24 273, а школ всего 504⁴. Сравнивая, видим, что количество школ в 1919–1920 учебном году меньше, чем в 1915 г., но по количеству учащихся значительно превышает. 1920 г. был также ознаменован событиями, сыгравшими большую роль в развитии Советского Казахстана. 26 августа 1920 г. был подписан декрет «Об Автономии Киргизской Советской Социалистической республики», были созданы Наркоматы, в том числе Наркомат просвещения. В октябре 1920 г. в Оренбурге открылся I съезд Советов КазАССР. Съезд принял Декларацию прав трудящихся КазАССР, в которой указывалось на необходимость проведения мероприятий по обеспечению ликвидации неграмотности и дальнейшего национального развития. В 1920 г. Советская власть окончательно установилась в бывшей Уральской, ныне Западно-Казахстанской обл., и началось новое

¹ ГАЗКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

² Там же. Ф. 13. Оп. 195. Д. 5. Л. 12.

³ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

⁴ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.

строительство уже в мирных условиях. 1920–1921 год был вторым полным учебным годом при Советской власти в Уральской обл. Этот учебный год характеризуется следующими отличительными чертами: сильная тяга населения региона к образованию и стремление органов Советской власти осуществить всеобщее начальное обучение. Имеющиеся документы, относящиеся к данному периоду, свидетельствуют о чрезвычайно трудных условиях работы по советскому строительству вообще, и по народному образованию в частности. Уездные отделы народного образования, хотя и были организованы, но занятия во многих школах по разным причинам не проводились. Многие школьные здания в период гражданской войны были разрушены, а помещения были заняты воинскими частями. Посещаемость учащихся была плохая, учебников и учебных пособий было не только недостаточно, но порою их не было совершенно. Об этом можно судить по следующим данным из отчета Наркомпроса за 1920–21 учебный год, опубликованном в газете «Красный Урал» за № 58 от 26 апреля 1922 г., под заголовком «Государственные ресурсы в деле снабжения школ». Если к этим проблемам добавить нехватку педагогических кадров, то легко представить чрезвычайно тяжелое, порой катастрофическое положение школьного дела в области в эти годы. Кроме того, территория области не была четко разграничена в административно-территориальном плане, вследствие этого школы Илецкого и Калмыковского уездов не знали, кому они должны подчиняться, так как поступали директивы для первых школ и из Уральска и Оренбурга, а для второй группы школ и из Калмыкова и Гурьева. О положении школ в отдаленных поселках в УОНО сведений мало, так как была плохая связь с ними. Но, несмотря на все имевшиеся проблемы, органы образования при поддержке населения настойчиво проводили в жизнь задачи строительства новой школы. Большую роль в деле организации народного образования стали играть уездные съезды. Так, I губернский съезд Советов проходил в сентябре 1920 г. На съезде обсуждался вопрос «О широком открытии школ для взрослых и привлечении школьных работников к преподавательской деятельности». И в течение 1920–21 учебного года УОНО направляет свою деятельность на выполнение задач, намеченных I губернским съездом Советов, то есть решается вопрос о развертывании сети школ. В Уральском уезде, по данным доклада о деятельности школьных подотделов ГУОНО, за период с 18 сентября 1920 г. по 10 февраля 1921 г., к существовавшим в уезде 81 школе, прибавилась еще 21 школа I ступени и 1 школа II ступени. В Илецком уезде вновь открыто 13 школ. В Гурьевском УОНО насчитывалось 56 школ I ступени и 1 школа II ступени. Уильское УОНО начало функционировать еще позже, там насчитывалось всего 63 школы I ступени. Джамбейтинское УОНО было организовано в 1920 г. На этот год в уезде функционировали 56 школ I ступени¹. Строительство советской школы проходило также и в Актюбинском уезде. 7 ноября 1919 г. в г. Актюбинске состоялся уездный съезд мугалимов, который принял резолюцию о поддержке Советской власти. По всем населенным пунктам уезда проходили собрания граждан с повесткой дня об открытии школ. Так, решением общего собрания граждан аул № 2 в Буртинской волости Актюбинского уезда одной из первых в уезде была открыта школа. Впоследствии по всему уезду реорганизовывались старые и открывались новые советские школы². Но к 1921 г. Гражданская война повлияла на общее состояние школ. Так, из отчета Актюбинского ГубОНО можем констатировать, что из имеющихся школьных помещений было отремонтировано только 25, и то они не были снабжены топливом и освещением. Уровень педагогического персонала тоже был низок. Только в двух имеющихся в городе школах II ступени занятия велись удовлетворительно, если не считать недостатка в преподавателях и учебниках. Задержка в получении средств

¹ ГАЗКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 436. Л. 52.

² Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Т. 1. С. 157–158.

заставили ГубОНО сократить число школ с одной стороны и увеличить количество детских домов в связи с развитием детской беспризорности. Из общего числа школ 941 (из них 282 русских и 659 казахских) осталось три школы II ступени и 171 I ступени (из них 80 русских и 91 казахских). Число учащихся с 54 253 чел. сократилось до 9 135, из них казахов 3 664. Число учителей I ступени с 1 290 упало до 272, из них казахов 109¹.

Таким образом, первые годы при Советской власти, хотя и были сложными, но в тоже время были годами интенсивной деятельности органов народного образования и работы населения области по развертыванию школьной сети и ликвидации неграмотности взрослого населения, коренной перестройки дела народного образования. Закладывался фундамент советской школьной системы, но в трудных условиях послевоенной разрухи.

Одной из главных задач Советской власти была ликвидация неграмотности. 26 декабря 1919 г. за подписью председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР В. Ульянова (Ленин) был принят декрет «О ликвидации безграмотности» среди населения РСФСР². В июле 1920 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности, а затем и местные комиссии в губерниях, уездах и волостях. На основании декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 26 декабря 1919 г., 24 июня 1920 г. была утверждена инструкция отдела народного образования Кирревкома о ликвидации неграмотности в киргизском (казахском) крае, и издан приказ Кирревкома о мерах по ликвидации неграмотности в крае. Согласно пункту 1 инструкции обучению подлежало все неграмотное население в возрасте от 14 до 50 лет. По приказу все лица способные к преподаванию в школах мобилизуются на ликвидацию безграмотности³. Ликвидация безграмотности становится первой задачей и для Уральской губ. Особенно острой была проблема подготовки педагогических кадров. Губком труда мобилизовал 1 008 советских служащих для исполнения декрета по ликвидации безграмотности, все они привлекались в качестве учителей. Были организованы также курсы для подготовки работников по ликвидации неграмотности. 26 мая 1920 г. газета «Красный Урал» сообщила о первом выпуске 100 чел., окончивших учительские курсы. Широкая программа борьбы за всеобщую грамотность встретила горячую поддержку трудящихся Казахстана. В 1921 г. правительством республики была создана центральная чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. К этому делу привлекались и учащиеся старших классов. Обучающиеся грамоте в день занятий освобождались от работы на 2 часа раньше. Все принятые меры повышали интерес к учебе и число пунктов ликбеза из года в год росло. И если в 1917 грамотных среди взрослого населения в Уральской губ. насчитывало 6 %, то к 1924 г. их стало вдвое больше. В ликвидации неграмотности и подготовке национальных кадров из числа казахской молодежи большую заслугу имела Урдинская средняя школа им. М. Горького. В 1918 г. она была преобразована в среднюю школу II ступени. Это одна из старейших в республике школ⁴. В Актюбинском уезде также активно велась работа по ликвидации неграмотности. В районах создавались специальные комиссии. В сборнике документов приводятся копии архивного документа протокола заседания коллегии Мартукского районного отдела народного образования Актюбинского уезда о создании комиссии о ликвидации неграмотности. В состав комиссии были утверждены Мягченко, Попович и Сабитов. Собрание неграмотных рабочих продтранспорта и хлебопекарни в г. Актюбинске приняло постановление поддержать политику власти по ликвидации неграмотности⁵. В правительство поступали

¹ Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Т. 1. С. 171–172.

² Хрестоматия по истории СССР 1917–1925 гг. / Под ред. Д.А. Чугаева. М., 1963. С. 384–385.

³ Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Т. 1. С. 102–104.

⁴ Чаганов В., Пономарев Е., Жолдасов А., Сысо Н. От ликбеза до всеобщего среднего // Приуралье. 1970, 10 апр.

⁵ Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Т. 1. С. 116.

благодарственные письма за обучение в школах по ликвидации неграмотности. Одной из них является письмо с выражением благодарности Советской власти В.И. Ленину работницей Актюбинского участка Ташкентской железной дороги в связи с успешным окончанием школы по ликвидации неграмотности. Но ощутимые сдвиги в работе по ликвидации неграмотности наметились лишь в 1923 г., когда в основном были преодолены последствия голода и произошел перелом в восстановлении народного хозяйства. Большое значение имели решения X Всероссийского съезда Советов (1922 г.), потребовавшего прекратить дальнейшее сокращение школьной сети и уделить особое внимание ликвидации безграмотности и просвещению масс. Одним из методов широкого вовлечения трудящихся в школы ликбеза стало заключение договоров между комиссией по ликвидации безграмотности и профсоюзами. Именно таким путем многие казахские рабочие стали овладевать грамотой. Активно в работу включились комсомольские организации. Комсомольцы города брали шефство над своими товарищами в ауле и деревне. Пункты ликвидации неграмотности в деревне содержались за счет сельских общин, с которыми органы Наркомпроса заключали договора. Работа по ликвидации безграмотности постепенно ширилась. Тяга трудящихся к знаниям все более возрастала, что являлось верным залогом дальнейших успехов в искоренении безграмотности. В отчете правительства республики V Всеказахскому съезду Советов говорилось, что в 1924 г. сотни подростков казахов, жаждавших учиться, устремились в Оренбург из районов Букеевской, Уральской, Актюбинской губ. В Казахстане и в ее Западном регионе по примеру РСФСР было организовано добровольное общество «Долой неграмотность». На средства, полученные от членских взносов, организации концертов, киносеансов, лотерей, общество «Долой неграмотность» приобретало учебники, совместно с органами Наркомпроса открывало ликпункты, проводило большую разъяснительную работу в массах. О популярности ОДН свидетельствует их постоянный количественный рост. В казахских аулах основной формой работы были занятия с небольшой группой неграмотных и даже с одним человеком. Эти индивидуально-групповые занятия проводились передвижными ликпунктами. К работе по ликвидации неграмотности привлекались и студенты техникумов и вузов, школьники старших классов, демобилизованные красноармейцы. Для обучения женщин казашек создавались специальные красные юрты. Из отчетного доклада председателя КазЦИК в ЦИК РСФСР о ликвидации неграмотности среди населения республики от 24 мая 1924 г. отмечено, что на 1922 и 1923 гг. Кирнаркомпросом было намечено по сети 539 ликпунктов, но вследствие последствий голода и недостатка денежных средств открыт 171 ликпункт. В результате, к концу 1923 г. всего неграмотных было обучено 3 000 чел., оставалось неграмотных в возрасте 14–30 лет 1 200 000, из них 800 000 казахов и 400 000 русских. В отчете отмечено, что ликвидация неграмотности за 1920, 1921, 1922, 1923 гг. ввиду сложной политическо-экономической ситуации носили эпизодический характер. И только в декабре 1923 г. Кирнаркомпрос разработал план по ликвидации неграмотности. По плану должны были быть открыты 1 003 ликпункта, из них в Актюбинской обл. 145 ликпунктов с количеством учащихся 13 050 чел., в Уральской 140 ликпунктов с количеством учащихся 12 600 чел. Распределение рабочих единиц для деятельности был следующий. По Уральской всего 22 единицы, из них профсоюзов – 10, допризывников – 5, членов РКСМ – 5, делегатов женотдела – 2. По Актюбинской 15 единиц из них профсоюзов – 3, допризывников – 4, членов РКСМ – 6, делегатов женотдела – 2. Таким образом только за отчетный 1923 г. по губерниям было открыто: по Актюбинской 36 ликпунктов с 972 учащимися, по Уральской 10 ликпунктов с 276 учащимися и Букеевской 18 ликпунктов с 480 учащимися¹. По Западно-Казахстанской обл. за 5 лет, с

¹ Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Т. 1. С. 119–122.

1923 по 1928 гг. было обучено грамоте более 23 тыс. чел.¹ Важным периодом развития советской школы была вторая половина 20-х гг. XX в. Количественные показатели на 1925/1926 учебный год по г. Уральску, таковы: школ I ступени – 17, из них русских – 15, татарских – 2, школ II ступени – 2 (смешанные), школ семилеток – 1 (казахская), учреждений профобразования – 5 (педтехникум, сельскохозяйственный техникум, профтехшкола, детская школа рабочих подростков), 3 мастерских при детском доме, совпартшколы – 2 (I и II ступени), школ взрослых – 1, ликпунктов и школ малограмотных – 20, школ политграмоты – 29. Охват учащихся обучением нижеследующий: сетью школ I ступени были охвачены по г. Уральску дети школьного возраста (от 8 до 11 лет) – 1 652 чел., т. е. 44 % общего числа детей этого возраста, кроме того 1 544 чел., это переросшие школьный возраст (от 12 и старше лет). По Уральскому уезду по данным за 1924/1925 год охвачено детей школьного возраста 38,8 %, то есть 5 976 чел. разного возраста. Процентный анализ охвата учащихся и по другим уездам не достигает и 50 %. А для того, чтобы охватить всех детей школьного возраста по губернии в течении 5-летнего периода при нормальной нагрузке 160 чел. и нормальном выпуске 30 чел., на школу путем прогрессивного увеличения последних потребовалось бы к 1930 г.: сети школ I ступени по губернии 532 (69 из них интернатных), для обслуживания этих школ необходимо было 2 128 рабочих единиц, 14 чел. на школу, а содержание этих школ обошлось бы в 2 463 497 руб. 67 коп.² При уездном отделе народного образования Гурьевской обл. также была создана комиссия по ликвидации неграмотности. Ею были открыты 24 школы, которые охватили обучением 600 чел. В 1924/1925 учебном году были открыты 40 школ I ступени, из них 4 интерната. В местных областях, в частности, Гурьевской, были свои опытные учителя, которые получили большую известность благодаря своему честному и качественному труду. Это: Амангали Асылалиев, Хамидолла Наубетов, Хамза Сапбаев, Казмагамбет Карашин, Мукангазы Сирапов, Зулкарнай Шакилипов, Масат Курмангазиев, Жумабай Мырзагалиев, Кабижан Абаканов, Сабыр Казыбаев, Жанаш Нурмаканов, Ораз Саргунанов, Нур Кусайынов, Биржан Канатбаев, Щокан Каржауов и др.³ В 1924 г. на территории Западного Казахстана в г. Уральске была открыта первая казахская школа семилетка. Эта школа была связана с именем известного общественного и государственного деятеля, писателем и акыном Сакеном Сейфуллиным. Во время своего визита в г. Уральск в октябре месяце 1923 г. Сакен Сейфуллин внес предложение об открытии казахской школы. На эту мысль акына навело отсутствие на тот момент в г. Уральске ни одной казахской школы, которая к тому же являлась областным центром. Губернский исполнительный комитет в октябре 1924 г. открывает семилетнюю школу I и II ступени и общежитие. Школа была укомплектована детьми из Гурьева, Илецка, Калмыкова, Жымпиты и других уездов. Помимо этого в казахскую семилетнюю школу было принято 40 детей из детского дома № 1 и 16 девочек из казахской коммуны для девочек. Для этой школы было отдано здание, построенное из красного кирпича. Сегодня это здание располагается на углу улиц Некрасова и Почиталина. Общежитие находилось в окрестности педагогического института, которое на сегодняшний день разрушено. В конце 1924 – начале 1925 г. количество учащихся достигло в школе 100 чел. Первыми учителями школы были Каратаев Гали, Камалов Суйиндик, Варлов Лев Михайлович, Баймухамедов Абдрахман, Шагтев Исмензен, Кондрахин Александр. К концу 1925 г. численность учащихся достигла уже 162 чел. В 1926 г. директором школы был назначен Муньянов Хусни. В школе было 5 групп. В то время было очень мало казахских детей, которые бы имели законченную I (начальную)

¹ Бартыков А. Народное образование в Западном Казахстане // Приуральская правда. 1947, 31 окт.

² ГАЗКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 341. Л. 51, 77.

³ Атырау: энциклопедия / Бас редакторы З. Кабдолов. Алматы, 2000.

ступень образования, но даже и на этот небольшой контингент не хватало учебных помещений. Вследствии этого обучение проводилось и днем, и вечером. Начиная с 1926/1927 учебного года, в школе начали оборудовать библиотеку. При школе стало функционировать общежитие, где в рассматриваемый период уже проживало около 160 учеников.

Таким образом строительство новой школы в Западном Казахстане после Октября 1917 г. главной задачей являлся охват первоначальным обучением основного контингента детей школьного возраста и переростков, ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Система школьного образования, учрежденная «сверху» в 1920-е гг., продолжала адаптироваться, прежде всего под воздействием социально-экономических и политических требований. Она состояла из следующих типов учебно-воспитательных учреждений: начальная школа I ступени (4 года обучения), семилетка с ее разновидностями: фабрично-заводская в промышленных районах и школа крестьянской молодежи. Основными типами образовательных учреждений, ориентированных на профессиональную установку, были школы ФЗУ и рабфаки. Непосредственно профессиональную подготовку вели профессионально-технические учебные заведения, техникумы и высшие учебные заведения.

Источники и литература

1. Атырау: энциклопедия / Бас редакторы З. Кабдолов. Алматы: Атамұра, 2000. 384 б.
2. Бартыков А. Народное образование в Западном Казахстане // Приуральская правда. 1947, 31 окт.
3. Государственный архив Западно-Казахстанской области. Ф. 7. Оп. 1. Протокол от 11 апреля 1919 г.; Д. 3; Ф. 12. Оп. 1. Д. 2, 341, 436; Ф. 13. Оп. 1. Д. 2, 5; Оп. 195. Д. 5; Ф. 56. Оп. 1. Д. 33; Ф. 596. Оп. 1. Д. 2.
4. Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.): Сб. док. и мат.-лов. Алма-Ата: Казахстан, 1965. Т. 1. 564 с.
5. Сембаев А.И. История развития советских школ в Казахстане. Алматы, 1962. 365 с.
6. Сембаев А.И., Храпченков Г.М. Очерки истории школ Казахстана. 1900–1917. Алматы: Казахстан, 1965. 343 с.
7. Хрестоматия по истории СССР. 1917–1925 гг. / Под ред. Д.А. Чугаева. М.: Соцэклит, 1963. 695 с.
8. Чаганов В., Пономарев Е., Жолдасов А., Сысо Н. От ликбеза до всеобщего среднего // Приуралье. 1970. 10 апр.

АБДУРРЕЗАК БАДРХАН И РОССИЙСКО-КУРДСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В настоящей статье освещены основные аспекты деятельности видного представителя курдского национального движения начала XX столетия Абдуррезака Бадрхана. На основе комплексного анализа разнообразных источников и материалов выявлены те факторы, которые способствовали становлению политических взглядов Абдуррезака. Дан анализ его тактической программы освобождения Курдистана от иноземного господства. Особое внимание уделено характеру российско-курдских взаимоотношений в начале XX в. В работе определено место, которое Абдуррезак отводил России в достижении своих целей, показаны причины неоднозначного отношения высшего российского руководства к курдскому освободительному движению и деятельности Абдуррезака Бадрхана.

Ключевые слова: Абдуррезак Бадрхан, Россия, Турция, Османская империя, Иран, курды, Курдистан, курдский вопрос.

Начало XX столетия стало поворотным моментом в истории курдского освободительного движения. Именно в этот период оно постепенно утратило черты локальных антиправительственных выступлений отдельных представителей курдской феодально-племенной верхушки и все более стало приобретать характер общенациональной борьбы. Это, в частности, нашло свое отражение в возникновении первых курдских политических организаций и периодических изданий, разработке единой программы, появлении различных течений и направлений.

В освободительной борьбе курдского народа той эпохи особое место занимала русская ориентация. Причины ее возникновения во многом были обусловлены объективными внешнеполитическими условиями жизни курдов. Победоносные войны царской России с Турцией и Ираном, государств, в состав которых входили земли этнического Курдистана, в течение всего XIX в. способствовали формированию образа России как освободительницы курдов. Неслучайно известный российский востоковед академик В.А. Гордлевский, основываясь на своих личных наблюдениях, писал: «Курды как будто чувствовали, что решение их судьбы лежит на севере и потому охотно шли на сближение (с Россией – *авт.*), поскольку враг Турции был для них другом»¹. Подобная позиция проявилась не только в убеждениях части курдских лидеров, но и в таких фактах, как, например, массовое переселение курдских племен в пределы Российской империи.

Накануне Первой мировой войны прорусская ориентация в курдском национальном движении рассматривалась уже как ведущее направление. Оформление этого течения справедливо связывают с деятельностью Абдуррезака Бадрхана.

Абдуррезак-бей Бадрхан родился в 1864 г. в Стамбуле. Род Бадрханидов считался одним из самых древних и знатных во всем Курдистане. Многие из его выходцев были руководителями крупнейших курдских восстаний². В силу этих обстоятельств авторитет семьи Абдуррезака среди курдов был довольно велик.

Благодаря хорошему образованию и знанию восточных и европейских языков, Абдуррезак проработал несколько лет в Министерстве иностранных дел, затем занимал административные посты при султанском дворе. Однако, несмотря на это, на протяжении всей своей жизни он оставался самым непримиримым противником османского

¹ Гордлевский В.А. Из жизни курдов // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1913–1914. Т. 22. Вып. 4. С. 457.

² Минорский В.Ф. Заметки о курдах // Курды Западной Азии (XX–начало XXI в.). Проблема курдского самоопределения: Сб. ст. М., 2012. С. 9–10.

правительства. Все его усилия были направлены на то, чтобы освободить курдов от иноземного господства и в дальнейшем создать самостоятельную курдскую державу. При этом основные надежды в реализации своих планов Абдуррезак возлагал на помощь со стороны России.

Сторонником России он являлся с самого начала своей активной политической деятельности, чему в немалой степени способствовала его дипломатическая служба в качестве третьего секретаря турецкого посольства в Петербурге. Во время пребывания в российской столице Абдуррезак-бей изучил русский язык, познакомился с русской культурой и установил связи с российскими дипломатическими чиновниками. По-видимому, он пользовался доверием официальных лиц Российской империи, о чем свидетельствует награждение его орденом Святого Станислава II степени¹.

В начале 1890-х гг. Абдуррезак был назначен церемониймейстером султанского двора. Однако уже в 1901 г. он, возмущенный отказом турецкого правительства вернуть ему родовые имения, подал в отставку и вступил в переговоры с русским послом в Турции И.А. Зиновьевым. Он обратился к нему с просьбой о покровительстве и предоставлении ему возможности выехать в Россию, обещая «служить ей верой и правдой и побудить к тому же курдов»². Но российское посольство отклонило эту просьбу.

Имя Абдуррезака Бадрхана получило широкую известность в 1906 г. в связи с убийством префекта Стамбула Равдан-паши. Арестованный по обвинению в убийстве стамбульского градоначальника, Абдуррезак в числе 25 других видных курдов был сослан в Триполи. В ссылке он провел более четырех лет³. Лишь в конце 1910 г. после младотурецкой революции (1908 г.) и объявленной младотурками амнистии ему предоставили возможность вернуться в Стамбул. По мнению начальника дипломатической канцелярии Кавказского наместничества Кохановского, чувство непримиримой вражды к туркам возникло у Абдуррезака из-за тяжелых условий, в которых он оказался во время ссылки⁴.

Сразу же после освобождения в ноябре 1910 г. Абдуррезак Бадрхан вновь поднял перед новым русским послом в Турции Н.В. Чарыковым вопрос о возможности его переселения в Россию и о принятии его в российское подданство. Еще до получения согласия, он 8 декабря 1910 г. выехал в Тифлис, а затем перебрался в Иран⁵.

Весной 1911 г. он объехал все населенные курдами приграничные области Восточной Турции и Западного Ирана, пытаясь сколотить прорусский блок, вел переговоры с местными властями и российскими дипломатами. Деятельность Абдуррезака в этот период сводилась главным образом к получению моральной и материальной поддержки России в реализации его планов. Он неоднократно излагал свои взгляды русским властям на Кавказе и консульским работникам в Турции и Иране. Наиболее полное представление о планах Абдуррезака содержатся в донесении российского вице-консула в Ване С.П. Олферьева от 2 апреля 1911 г.

Тактическая программа освобождения Курдистана, предложенная Абдуррезакком, была рассчитана на поэтапное развитие борьбы. В качестве первого шага предусматривалось создание повстанческой базы на территории Ирана, далее планировалась организация всеобщего восстания турецких и иранских курдов и, наконец,

¹ Минорский В.Ф. Заметки о курдах // Курды Западной Азии (XX–начало XXI в.). Проблема курдского самоопределения. С. 10.

² Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в.–1917 г.). М., 1964. С. 69.

³ Reynolds M.A. Abdülrezzak Bedîrhan: Ottoman Kurds and Russophile in the Twilight of Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Spring 2011. Vol. 12. № 2. P. 423.

⁴ Somakian M.J. *Empires in conflict: Armenia and Great Powers 1895–1920*. London, 1995. P. 426.

⁵ Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 10.

образование единого и независимого курдского княжества при непосредственном содействии и под прямым протекторатом царской России¹.

Однако курдское восстание и создание независимого Курдистана не входило в планы российского правительства. Так, в письме временно управляющего Министерством иностранных дел послу в Стамбуле от 14 июня 1911 г. ясно давалось понять о недопустимости ведения какой-либо антитурецкой агитации среди курдов². Поэтому российские дипломаты максимально стремились отстраниться от замыслов Абдуррезака, неоднократно предупреждая его о «нежелательности подобных политических затей»³.

Осторожная позиция Петербурга во многом была вызвана опасениями, что поддержка Россией курдского движения может привести к серьезным осложнениям во взаимоотношениях с Турцией, что не соответствовало интересам российского руководства. В целом, политика России в Курдистане в этот период носила пассивный характер и преследовала в качестве основной цели сохранения статус-кво в этом беспокойном регионе, непосредственно примыкавшего к ее закавказским владениям.

В то же время царское правительство стремилось использовать Абдуррезака для распространения своего влияния на курдские племена, проживавших вблизи кавказской границы и для борьбы с турецкой интервенцией в Западном Иране. Русские власти искали поддержку курдских старшин на случай вооруженной конфронтации на Кавказе. Ввиду этого Абдуррезаку было разрешено поселиться в Эривани. Однако кавказское начальство постаралось ограничить его активности и, во всяком случае, не связывать себя с ним конкретными обязательствами⁴.

По мере роста напряженности на Ближнем Востоке, вызванного обострением конфликта Османской империи с балканскими странами, российские правительственные круги стали уделять гораздо больше внимания курдской проблеме. Осенью 1912 г. в разгар так называемой первой Балканской войны в Петербурге впервые заинтересовались возможностью привлечения на свою сторону курдов не только в случае вооруженного столкновения с Турцией, но и в мирное время. В связи с этим перед русскими дипломатами встал вопрос о поиске новых методов и средств в реализации «курдской» политики.

Среди различных предложений по усилению влияния России в Курдистане следует особо выделить указания на необходимость культурно-просветительской работы среди курдов. С подобными инициативами, например, выступал С.П. Олферьев. Эта точка зрения нашла поддержку и у Абдуррезака.

В начале 1913 г. при его непосредственном участии в г. Хое (Северо-Западном Иране) было открыто курдское культурно-просветительское общество «Гехандини» («Просвещение»). Главная задача этого общества заключалась в просвещении курдов и формировании у них чувства национального самосознания. Планировалось основать курдскую газету, типографию, школу. Абдуррезак обратился к русскому вице-консулу в Хое Чиркову с просьбой взять общество под свое покровительство⁵.

В феврале 1913 г. Абдуррезак представил на рассмотрение царскому правительству докладную записку, в которой была намечена серия мероприятий по развитию российско-курдских культурных связей. Он советовал командировать в Курдистан молодого российского ученого (в будущем видного этнографа и филолога) И.А. Орбели для составления курдской грамматики и словаря. По его мнению, Орбели должен сделать «перевод с русского на курдский интересных произведений русской литературы и

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Оп. 482. Д. 719. Л. 50–51.

² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3572. Л. 76.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Ф. 144. Оп. 488. Д. 1024. Л. 9.

⁵ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3573. Л. 24–25.

перевести с курдского известные сочинения курдских поэтов, которые еще никогда не были переведены ни на один из европейских языков». Как указывал Абдуррезак, это должно было способствовать сближению двух народов¹.

В другой докладной записке Абдуррезак, ссылаясь на свои беседы с профессором Н.Я. Марром, отмечал желательность открытия в Петербурге центра по изучению курдского языка и литературы, первоочередной задачей которого было бы создание курдского алфавита на русской основе. Он также настаивал на посылке в Россию молодых курдов для получения ими там образования².

Идеи Абдуррезака нашли полное сочувствие у вице-консула Чиркова. При его непосредственном участии в Хое 4 ноября 1913 г. была открыта первая курдская школа, на средства, собранные самими курдами. Воодушевленные успехом, Абдуррезак и Чирков намеревались открыть новые школы в других иранских городах. В Эривани был даже организован специальный семинар с целью подготовки учителей для этих школ³.

Однако призывы к культурно-просветительской работе среди курдов не находили отклика у руководящих кругов царской России. Традиционная косность и консерватизм правительственного аппарата мешали российскому правительству применять в Курдистане более гибкие методы распространения своего влияния.

По-прежнему одной из главных проблем русской политики в Курдистане было отношение к курдскому национальному движению, потрясавшему Османскую империю в последний год перед мировой войной. Как и прежде, позиция России в этом вопросе была осторожной. Все попытки курдских лидеров, в том числе и Абдуррезака, добиться поддержки от России в организации всеобщего антитурецкого восстания заканчивались провалом. Более того, российские власти не только стремились отстраниться от какого-то ни было участия в курдских восстаниях, но и делали все возможное, чтобы удержать курдских вождей от выступлений против турок.

В конце 1913 г. ввиду явного нежелания России помочь в организации антитурецкого восстания Абдуррезак предложил наместнику на Кавказе графу И.И. Воронцову-Дашкову превратить Иран в главную базу общекурдского движения. Сам Абдуррезак изъявил готовность отказаться от турецкого подданства и перейти в иранское при условии, если персидское правительство назначит его на соответствующую его положению должность. Кавказский наместник поддержал новые замыслы курдского деятеля⁴. Однако его взгляды не разделяли ни посол в Стамбуле М.Н. Гирс, ни министр иностранных дел С.Д. Сазонов.

В марте 1914 г. Абдуррезак добился разрешения на поездку в Петербург, где имел ряд встреч с руководящим составом российского внешнеполитического ведомства. Высшие российские дипломатические чиновники ознакомились с новой политической программой Абдуррезака и довольно четко определили свое отношение к ней. Так, заведующий отделом Среднего Востока В.О. Клемм в беседах с курдским деятелем подчеркнул, что ему следует обратить особое внимание на укрепление дружбы между курдами, армянами и ассирийцами, что должно послужить интересам самих курдов. Абдуррезак вполне разделял мнение о важности такого союза, наладив в Петербурге связи с местными армянскими кругами. В результате этих усилий было создано общество армяно-курдского сближения.

¹ Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в.–1917 г.). М., 1964. С. 227.

² Там же.

³ Саркисян Е.К. Политика османского правительства в Западной Армении и державы последней четверти XIX и начале XX вв. Ереван, 1972. С. 250.

⁴ Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ). М.; Л., 1933. Сер. III (1914–1917). Т. 2. (14 марта – 13 мая 1914 г.). С. 250–251.

Однако главные цели политической программы Абдуррезака и на этот раз не получили поддержки в России. Так, идея Абдуррезака на счет легализации его деятельности в Персии и получения им при поддержке царского правительства высокого административного поста была признана «неосуществимой»¹.

Поездка Абдуррезака в Петербург, несмотря на неудачу политической программы, была положительной в своей культурно-просветительской части, так как стимулировала изучение в России курдского языка, истории и этнографии. 6 июля 1914 г. в Петербургский университет поступило письмо от управляющего Петербургским учебным округом, в котором говорилось, что в связи с соображениями, изложенными Министерством иностранных дел, «желательно ввести на факультете восточных языков преподавание курдского языка и курдской этнографии»².

Первую мировую войну Абдуррезак Бадрхан встретил в Иране. С открытием военных действий на Кавказском фронте он появился в Тифлисе, надеясь на помощь российских властей в создании независимого Курдистана. Однако и на этот раз его усилия не увенчались успехом.

Таким образом, деятельность Абдуррезака Бадрхана во многом осталась безрезультатной. Ему не удалось добиться поддержки правительства России в реализации своей программы. Главная причина неудачи Абдуррезака состояла в том, что он не всегда реально оценивал те факторы, которые, по его мнению, могли привести к осуществлению его планов. В сложной международной обстановке тех лет идея создания независимого Курдистана была практически неосуществимой. Вместе с тем, деятельность Абдуррезака способствовала дальнейшему подъему курдского освободительного движения и росту национального самосознания курдского народа.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144. Оп. 488. Д. 1024; Ф. 151. Оп. 482. Д. 719; Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3572, 3573.
2. Гордлевский В.А. Из жизни курдов // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1913–1914. Т. 22. Вып. 4. С. 456–461.
3. Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1964. 400 с.
4. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архива царского и Временного правительств. 1878–1917. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издание, 1933. Сер. III (1914–1917). Т. 2. (14 марта – 13 мая 1914 г.). 360 с.
5. Минорский В.Ф. Заметки о курдах // Курды Западной Азии (XX – начало XXI в.). Проблема курдского самоопределения: Сб. ст. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 9–24.
6. Саркисян Е.К. Политика османского правительства в Западной Армении и державы последней четверти XIX и начале XX вв. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1972. 331 с.
7. Reynolds M.A. Abdülrezzak Bedirhan: Ottoman Kurds and Russophile in the Twilight of Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Spring 2011. Vol. 12. № 2. P. 411–450.
8. Somakian M.J. Empires in conflict: Armenia and Great Powers 1895–1920. London: I.B. Tauris, 1995. 544 p.

¹ МОЭИ. Т. 2. С. 250–251.

² Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в.–1917 г.). М., 1964. С. 228.

О.В. Кочукова

(Саратовский государственный университет, г. Саратов)

С.А. Кочуков

(г. Саратов)

**«БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК» ИЛИ «ГНИЛОЕ ДЕРЕВО»:
ОБРАЗ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
В РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ГРАФИКЕ 1870-х гг.**

Аннотация. В статье рассматривается роль сатирической графики в формировании общественного восприятия образа Османской империи в период Балканского кризиса середины 1870-х гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Источниковую основу формирует комплекс политических карикатур периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., опубликованных на страницах сатирических журналов. Показаны основные направления и исторический смысл развития сюжетной линии «больного человека» и «гнилого дерева» в отношении Османской империи. В статье отмечены параллели в сюжетах и образах российской и западноевропейской политической карикатуры.

Ключевые слова: сатирическая графика, политическая карикатура, пресса, сатирические журналы, внешняя политика, Османская империя, Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

В XIX столетии политические и общественные деятели уже прекрасно понимали, что внешняя политика имеет и такую свою сторону, как информационные войны, а сила общественного мнения и прессы проявлялась в качестве новой реальности в международных отношениях.

К середине XIX в. политика России в области Восточного вопроса стала устойчиво восприниматься европейскими державами как агрессивная и враждебная. Настороженное отношение стран Западной Европы особенно проявилось после успеха, достигнутого николаевской внешней политикой в 1833 г., после заключения Ункяр-Искелесийского мирного договора, крайне выгодно для России решавшего вопрос о проливах. Руководствуясь на словах принципом европейского политического равновесия, а на деле собственными интересами, европейские державы стали противопоставлять русской «агрессии» против Османской империи защиту со своей стороны ее территориальной целостности. В действительности, Англия и Франция перешли к политике экономического проникновения в Турцию. В середине XIX в. накопившееся напряжение Восточного вопроса разразилось в Крымской войне, в которой Россия оказалась в состоянии дипломатической изоляции. При этом в европейском общественном мнении значительно усилились антироссийские настроения. В западной прессе делали акцент на желании России овладеть Константинополем. Николай I не рассматривал печать в качестве правительственного инструмента формирования общественного мнения за рубежом, и только в 1854 г., в условиях вступления в войну против России Англии и Франции, был одобрен проект создания отстаивающего интересы России журнала в Европе – «Le Nord» (первый его номер вышел уже после смерти Николая I)¹.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в этом отношении существенным образом отличалась от Крымской войны. Общественное мнение оказалось вовлеченным еще в процесс подготовки участия России в разрешении Великого восточного кризиса

¹ Соловьев Д.В. Проекты изданий политических журналов и газет в России в 1830–1850-е гг. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники. СПб., 2009. С. 254.

1875–1878 гг.¹. В 1875 г. началось восстание в Боснии и Герцеговине, а в 1876 г. – в Болгарии. Апрельское восстание в Болгарии было подавлено с небывалой жестокостью и «турецкие зверства» стали самой волнующей темой европейских известий. Весь 1876 г. общественное мнение в России было захвачено заветной мечтой об освобождении «братьев-славян», и славянская тема не покидала страниц периодической печати.

На страницах газет и журналов началась информационная война. Турецкая и западноевропейская пресса изображала Российскую империю страной варварской, мрачной и дикой. Сначала раздавались заявления, что «болгарская резня» и «турецкие зверства» спровоцированы российской стороной. Потом, уже в ходе самой войны, стали распространяться мифы о «русских ужасах». Иностранные средства массовой информации старались изображать Турцию как объект агрессии, а на Россию переложить всю вину за развязывание боевых действий².

Реакция русских газетчиков не заставила себя ждать. Россия успешно вела войну не только на фронтах, но и на страницах прессы, и одним из мощных средств формирования общественного мнения стала политическая журналистика. Подъем российской прессы в 70-е гг. XIX в. проявился не только открытием новых периодических изданий, но и изменением самой формы информации, которая преподносилась российскому обществу. Наряду с уже зарекомендовавшими себя журналами и газетами появились новые типы изданий, в числе которых иллюстрированные еженедельники. Иллюстрированные издания быстро приобретали популярность и активно использовались как инструмент влияния на общественное мнение. В поле зрения их редакций оказались самые разные злободневные темы политики, культуры и даже международной дипломатии.

В распоряжении исследователей имеется богатейший корпус визуальных источников: произведения живописи и графики; фотоальбомы; иллюстрации, гравюры и карикатуры в периодических изданиях. Но эти источники, как и сама проблема визуального восприятия войны, сравнительно редко и фрагментарно попадали в поле зрения историков. Война 1877–1878 гг. была первым вооруженным конфликтом, в котором русская пресса имела своих аккредитованных представителей – военных корреспондентов, среди которых были и художники, и фотографы. В изобразительном искусстве складывалось новое направление – появилась профессия иллюстратора-журналиста. Новая «картина» войны была запечатлена новым «взглядом», а самая широкая и значительная реакция деятелей общественного движения и культуры России сформировала среду для рождения и жизни многочисленных художественных образов. События на Балканах стали творческой темой целого ряда выдающихся русских художников. Войну за освобождение славян очень многие художники восприняли не по рассказам очевидцев и газетным сообщениям, они и сами были ее участниками. В русской армии находились В. Верещагин, П. Соколов, Н. Каразин, П. Ковалевский, Н. Дмитриев-Оренбургский, В. Поленов, Н. Ольховский, М. Загоров, Е. Макаров и др. Созданные «по горячим следам» зарисовки оперативно помещались на страницах периодических изданий.

Славянская тема стала ведущей в политических разделах газет и журналов, и ее непременно сопровождали визуальные образы в графике. В многочисленных произведениях графики, опубликованных на страницах газет и журналов, утверждался образ справедливой, благородной и жертвенной, освободительной войны за свободу

¹ Кочуков С.А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 196.

² Кочукова О.В., Кочуков С.А. Военные корреспонденты в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: Сб. мат-лов IV Поволжского науч. конгр. Самара, 2017. С. 135.

братьев-славян и за православную веру¹. В направлении формирования образов угнетенных славян и их мужественных и благородных освободителей (армии и общества Российской империи) применялись как возвышенно-трагические, а порой и пафосные, изобразительные приемы батальной живописи, так и новое, предьявленное реализмом, требование правдивости. Но в отношении создания образа врага (турок-угнетателей и разжигающих их воинственность европейских политиков) явным преимуществом обладали средства сатирической графики².

Появление в России карикатуры как самостоятельного жанра было сравнительно поздним явлением. Если в Европе возникновение карикатуры связано с буржуазными революциями XVI–XVIII вв. в Нидерландах, Англии, Франции и Крестьянской войной 1524–1526 гг. в Священной Римской империи германской нации, то в России этот жанр появился лишь во время Отечественной войны 1812 г. Политическая карикатура в российской прессе становится ярким явлением непосредственно перед Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Условием небывалого расцвета карикатуры в России стало ослабление цензуры – вещь не мыслимая до 60-х гг. XIX в. Художники-карикатуристы получили сравнительную свободу в выборе тем, делая объектами сатиры даже официальную позицию страны по балканской проблеме. Отдельные карикатурные эстампы и их публикации в периодических изданиях «были не только эффективным способом передачи новостей, но использовались как средство политической пропаганды»³.

По мере нарастания очередного балканского кризиса, русские сатирические журналы начинали помещать на своих страницах все больше информации о ситуации на юге Европы⁴. Карикатурные эстампы особенно востребованы в период внутренних потрясений или военных действий⁵. Журнал «Будильник» полностью предоставил свои страницы для обозрения Русско-турецкой войны, а ряд периодических изданий («Стрекоза», «Малляр», «Развлечение», «Свет и тени») старались совместить реакцию на внешнеполитические события со своей основной тематикой. Содержание всех карикатур было направлено, с одной стороны, на высмеивание образа «Большого человека» – Османской империи и, с другой, на обличение европейских политиков, выступавших в роли турецких покровителей (главным образом, Великобритании).

Общественный интерес к карикатурным образам политического противостояния в балканских пределах Османской империей подогревался не только первостепенной значимостью Восточного вопроса в международных отношениях этого периода, но и фактором исторической памяти, так как ни с одной страной Россия не вела столько войн как с Турцией, и «экзотикой» ориенталистского дискурса, расцветившей, например, российской мемуаристикой о войнах 1828–1829 гг. и 1853–1854 гг.⁶

Османская империя, разумеется, была главным объектом сатирической графики на страницах периодических изданий. Как правило, русские карикатуристы старались представить Порту в виде тучного восточного деспота, подразумевая под этим «Большого человека Европы», страну, которая по широко известному выражению императора

¹ Кочукова О.В. Визуальные образы войны в творчестве В.Д. Поленова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2018. Т. 18. № 2. С. 156.

² Кочукова О.В., Кочуков С.А. Восточный кризис середины 1870-х гг. и славянский вопрос в изображении «Всемирной иллюстрации» // Национальные интересы и внешняя политика России: история и современность: Сб. мат-лов VI Всерос. науч. конф. Самара, 2018. С. 135.

³ Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталева Д.Г. Медведи, Казаки и Русский мороз. Россия в английской карикатуре первой трети XIX века. СПб., 2016. С. 9.

⁴ Кочукова О.В., Кочуков С.А. Указ. соч. С. 66.

⁵ Цыкалов Д.Е. «Русский медведь» в европейской карикатуре второй половины XIX – начала XX века // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012. С. 105.

⁶ Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М., 2017. С. 159.

Николая I, «разваливалась на части». Политическая карикатура откликнулась не столько на саму метафору «больного человека», сколько на продолжение образного ряда, связанного с темой «лечения». «Больному человеку» оказывали посильную медицинскую помощь, то в виде антирусской коалиции в период Крымской войны, то методом формирования антирусского общественного мнения Европы в ходе Сербо-турецкой войны 1876 г. и последовавшей за ней Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сатирические издания пройти мимо такого колоритного образа не могли. В результате уже в 1876 г. в № 40 «Будильника» на титульном листе издания появилась цветная карикатура на данную тему. Название самой карикатуры простое, но достаточно емкое, чтобы отразить сущность проблемы – «Консультация у больного» (рис. 1), кроме того, тут же присутствует комментарий для лучшего понимания ситуации. Османская империя в лице умирающего турка возлежит на диване. По всей видимости, больной страдает хроническим запором и гипертонией, а основная причина хвори заключается в невозможности переварить «поглощенные» территории: Болгарию, Сербию, Черногорию и Герцеговину, что явствует из повязок, наложенных на живот больного. В качестве врачей на карикатуре изображены представители трех европейских держав: Великобритания в лице Дизраэли, Австро-Венгрия в лице Андраши и Россия в лице князя Горчакова. Каждая из стран-докторов предлагает свой метод лечения. Но если Великобритания и Австро-Венгрия желают все проблемы решить паллиативными консервативными мерами (первая предлагает английскую соль или магнезию для снятия давления, а вторая приписывает «Венское питье»), думая, что этим слабительным можно поднять Османскую империю на ноги), то Горчаков более радикален. Он полагает, что дни Порты сочтены «Она питалась все время неудобоваримыми веществами, – надо попробовать прописать русскую баню».

В 1878 г. «Больной человек Европы» выглядел на страницах журнала «Будильник» уже несколько иначе. Если в 1876 г. вся болезнь заключалась лишь в желании удержать Болгарию, Сербию, Черногорию и Герцеговину, то карикатура два года спустя рисует совсем другую картину. Журнал № 5 1878 г. изображает Османскую империю как совсем умирающую (рис. 2). И желание спасти ее изъявила лишь Великобритания, изображенная на карикатуре в виде сестры милосердия, успокаивающей больного: «Не беспокойся! Мы уже позаботились об издержках за лечение и за похороны». Подтекст сатирического образа заключается в том, что Англия больше заботилась не о том, чтобы поставить «больную Порту» на ноги, а о том, чтобы вернуть вложенные в нее деньги.

Вообще, тема Турции в образе больного человека была популярна не только в России. В частности, в австрийском сатирическом журнале «Der Flop» («Блоха») в сентябрьском номере журнала за 1877 г. была помещена карикатура на эту же тему под названием «Heut todt, morgen roth» («Сегодня мертвый, завтра возрожденный»). Тему карикатуры можно понять как своеобразный ответ «Будильнику». Точно так же, как и в русском журнале, изображены те же самые действующие лица: Россия – Горчаков, Австро-Венгрия – Андраши, Великобритания – Дизраэли и Германия – Бисмарк. Но есть и существенные различия. Османская империя в австрийском журнале изображена как женщина. Горчаков собирается больную зарезать, для чего достал большой нож. Интересно то, что Австро-Венгрия выступает не как противник России, что в отечественных сатирических журналах неоднократно подчеркивалось, а по-своему радуется скорой кончине Османской империи, танцуя на похоронах последней.

Достаточно часто в русской сатирической графике в отношении Османской империи использовался образ гнилого, трухлявого дерева. «Будильник» поместил в № 39 за 1876 г. карикатуру художника М. Виноградова (рис. 3). Чахлое дерево-Турцию собираются реанимировать Англия и Австро-Венгрия, интенсивно ее поливая. Карикатуру сопровождает диалог главных персонажей:

«Поливающий садовник: Какая жалость! Любимое мое дерево гибнет с каждым днем... Теперь и не знаю даже, как помочь этому горю...

Моряк: Да, брат, я согласен с тобой: все наши искусства оказывают мало действия.

Русский мужик: А по-моему вот что: «худая трава из поля вон!»

В русской периодике было в порядке вещей в балканских делах обвинять не столько Турцию, так как ее существование, по мнению русского общества, клонилось к закату, сколько европейские державы. Но если с Великобританией было все, по меньшей мере, ясно, так как «Владычица морей» хотела усиления своего влияния в проблеме черноморских проливов, то с Австро-Венгрией ситуация представлялась гораздо сложнее. Дело в том, что на территории Австро-Венгрии проживало значительное количество славянского населения, и официальная Вена рассматривала будущую войну с Портой как решение в благожелательном для себя духе «славянского вопроса». По сути, Австрия и Россия рассматривали балканские проблемы в качестве жизненно важных, «своих», чем была обусловлена их конкуренция в понимании «славянского вопроса».

Параллельно с «Будильником» австрийский сатирический журнал «Die Bombe» («Бомба») также обращался к этой проблеме в одной из карикатур. В декабрьском номере за 1877 г. журнал из Австрии поместил на своем титульном листе сатирический эстамп, посвященный будущей гибели Османской империи при полном попустительстве европейских государств. Россия изображалась в образе медведя, ломающего гнилое дерево – Турцию, а Великобритания в типичном образе льва, безмятежно дремавшего под деревом и охранявшего Порту. По всей видимости, австрийскому изданию было совершенно ясно, что дни Османской империи сочтены, и ей предстоит выкинуть белый флаг в войне с Россией. Более того, журнал полагал, что Великобритания не вмешается в русско-турецкий конфликт ни при каких условиях и бряцание оружием джентльменов с «Туманного Альбиона» является только блефом. Расценивая славянский вопрос как личный интерес австрийской дипломатии, рассматривать вмешательство Лондона в дела на Балканском полуострове Австро-Венгрии было не выгодно. И дело не в том, что интересы Петербурга и Вены были схожи, а в том, что Османская империя была для Австрии столько же противником, сколько и для России.

Здесь стоит отметить немаловажный аспект: как российские, так и европейские создатели карикатурных образов исходили из посыла о том, что реальными актерами большой исторической игры являются европейские державы (Британская и Российская империи, Австро-Венгрия), а непосредственные участники конфликта (Турция и балканские славяне) – объектами их направленного воздействия.

Ни для кого не было секретом, что Британия оказывала финансовую помощь Османской империи, а Россия – славянским инсургентам. Но формы этой помощи в корне различались. На эти различия как раз и откликнулась русская карикатура. В этом отношении показательна карикатура в № 37 журнала «Развлечение» за 1877 г. (рис. 4). Эстамп изображает Дизраэли, который повязывает галстук на шею турка. В качестве повязанного галстука выступает веревка-удавка, на концах которой висят гири, символизирующие очередной заем в полмиллиона фунтов стерлингов, по 250 тыс. с каждой стороны. Эта финансовая помощь настолько для Турции обременительна, что персонаж, изображающей Османскую Порту, вывернул свои карманы, как бы говоря, что отдавать долг нечем. Тем не менее, заем уже выделен. Специально для разъяснения читателям под карикатурой помещена надпись: «Goddam! Этот галстук будет к тебе к лицу, особенно если я сделаю красивую петлю». Эта карикатура как нельзя лучше отображает позицию Великобритании по вопросу войны 1877–1878 гг. – усидеть на двух стульях, сохраняя позицию нейтралитета, но одновременно субсидируя конфликт Турции с Россией.

Финансовые вливания Британии через банковскую систему превращаются под карандашом карикатуриста в кредитную «удавку» для турок. В тоже время сбор

добровольных пожертвований от населения в пользу балканских славян и русской армии на Балканах, организованный Славянскими комитетами, выглядит как исключительно благородная, гуманная и бескорыстная акция. Ярким примером этого является добродушный шарж художника А.С. Лебедева на пламенного агитатора Московского славянского благотворительного комитета И.С. Аксакова из «Карикатурного альбома современных русских деятелей» (рис. 5). Карикатурист представил Аксакова в образе русского былинного богатыря, который своим щитом закрывает от опасностей представителей различных славянских этносов. Славяне ищут спасения под щитом, не только олицетворяющим мощь и покровительство России, но и символически отсылающим к историческим воспоминаниям о щите князя Олега на вратах Царьграда и отголоскам идеологии Третьего Рима.

Попытки проставить акцент на определяющее значение европейских игроков большой политики, влияющих разными способами на Турцию, совершенно типичны для русских сатирических журналов. Причем «доставалось» на страницах периодических изданий не только Великобритании, но и Австро-Венгрии. Характерна карикатура, опубликованная на титульном листе журнала «Развлечение» № 41 за 1877 г. (рис. 6). Османская империя на этой карикатуре представлена в облике канатоходца, который с помощью шеста-балансира (Восточного вопроса) пытается преодолеть пропасть между двумя потенциальными союзниками: «англичанами» и «мадьярами». У каждой из стран, вовлеченных в конфликт, были свои интересы и задачи. Вот и в конкретном случае Османская империя должна была балансировать между британскими интересами и симпатиями Австро-Венгрии. Эстамп сопровождается стихотворным пояснением: «По канату с *Восточным вопросом*, При поддержке Мадьяр, Англичан, Переходит через пропасть Осман – И, пожалуй, останется с носом». Карикатуристы всякий раз подчеркивали, что интересы Турции в сущности совершенно не учитываются и по большому счету европейским странам все равно, что станет с некогда грозной Турцией.

Заключение Сан-Стефанского мирного договора и решения Берлинского конгресса вызвали новую волну активизации сатирической графики. Начало политического диалога между Российской империей и Портой в Сан-Стефано нашло отражение в карикатуре на страницах журнала «Будильник». Это эстамп «Незванная гостья», помещенный в № 5 за 1878 г. (рис. 7). На переговоры между Россией и Турцией пытается пробраться Европа – в облике старой дамы. Русский солдат преграждает ей вход в палатку, где проходят переговоры. Основная причина столь резкого поведения русского солдата, по всей видимости, заключается в том, что «старушка Европа» в своей корзине несет уже подготовленные мирные проекты с выгодными лишь ей условиями прекращения войны. Это должно было выглядеть как попытка реанимировать условия «Парижского трактата».

В 1878 г. происходила настоящая журнальная война европейских изданий по отношению к России. Согласиться с условиями Сан-Стефанского мира европейские державы не могли, и этим определяется воинственное настроение ряда иностранных сатирических изданий. В частности, немецкий журнал «Kikeriki» («Петушок») уже в январском номере за 1878 г. в карикатуре «Мирные переговоры» обвинял Россию в поглощении Османской империи. Российская империя, представленная в образе людоеда-калмыка, съедает за обедом несчастного турка, которому, конечно же, просто необходима поддержка и сочувствие Европы. На титульном листе австрийского сатирического журнала «Die Bombe» была помещена карикатура, изображающая происходящий в Берлине тривиальный раздел сфер влияния. За обеденным столом уселись участники конгресса, приготовившись отведать свой кусок. Единственная страна, представитель которой не был допущен на эту трапезу – Османская империя, наблюдает за происходящим из окна.

Таким образом, политическая карикатура периода Русско-турецкой войны проделала свой путь от анализа причин и истоков Балканского кризиса середины 1870-х гг. до объяснения обстоятельств его разрешения. Российская и западноевропейская сатирическая графика выполняли важные функции формирования общественного мнения,

становясь орудиями информационной войны, но конкретное содержание сюжетов и образов карикатур существовало в едином смысловом поле. Одним из системообразующих элементов этого смыслового поля сатирической графики постоянно оставались образы «больного человека» и «гнилого дерева» в отношении Османской империи.

Рис. 1. Консультация у больного. Будильник. 1876. № 40

Рис. 2. Больной и сестра милосердія. Будильник. 1878. № 5

Рис. 3. Чахлое дерево. Будильник. 1876. № 39

Рис. 4. Новый турецкий заем. Развлечение. 1877. № 37

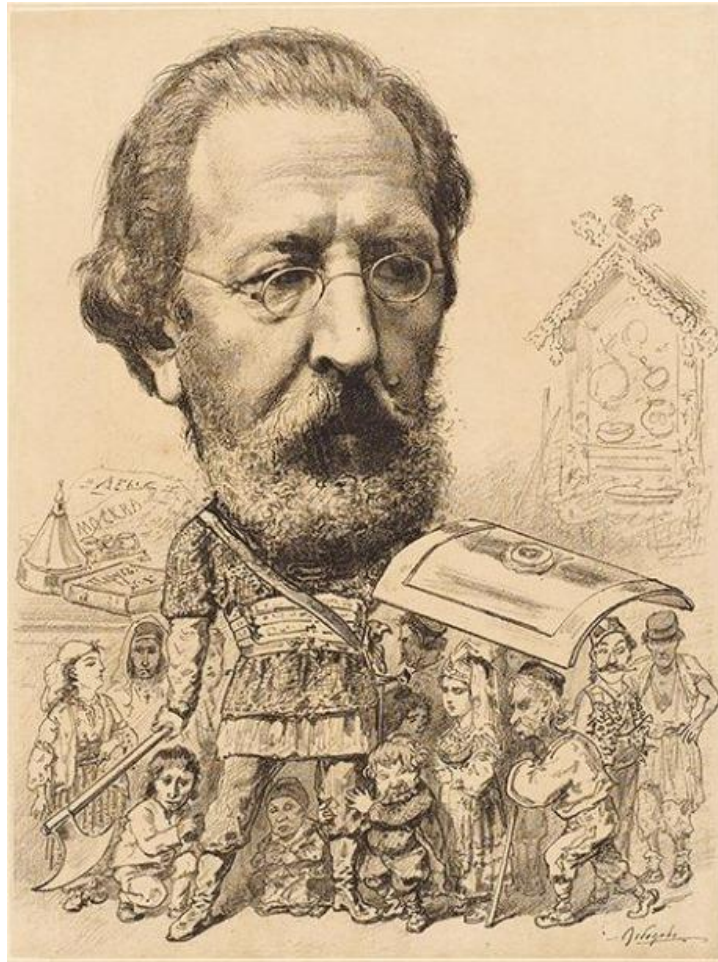

Рис. 5. И.С. Аксаков. Карикатурный альбом современных русских деятелей

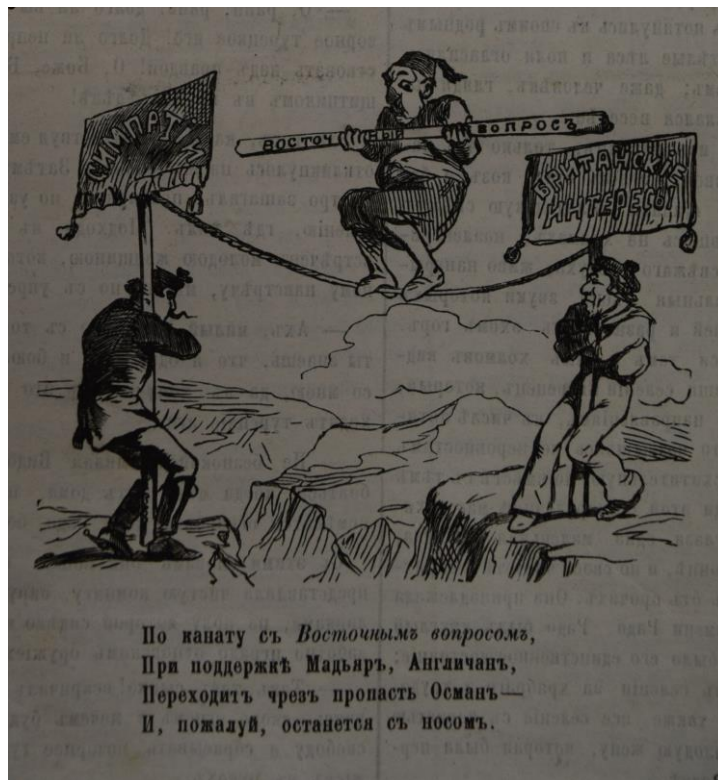

Рис. 6. По канату съ Восточнымъ вопросомъ. Развлечение. 1877. № 41

Источники и литература

1. Кочуков С.А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2012. 300 с.
2. Кочукова О.В., Кочуков С.А. Военные корреспонденты в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: Сб. мат-лов IV Поволжского науч. конгр. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. 286 с.
3. Кочукова О.В., Кочуков С.А. Восточный кризис середины 1870-х гг. и славянский вопрос в изображении «Всемирной иллюстрации» // Национальные интересы и внешняя политика России: история и современность: Сб. мат-лов VI Всерос. науч. конф. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. 134 с.
4. Кочукова О.В. Визуальные образы войны в творчестве В.Д. Поленова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2018. Т. 18. № 2.
5. Соловьев Д.В. Проекты изданий политических журналов и газет в России в 1830–1850-е гг. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники. СПб.: Нестор-История, 2009. 396 с.
6. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 320 с.
7. Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталеv Д.Г. Медведи, Казаки и Русский мороз. Россия в английской карикатуре первой трети XIX века. СПб.: Арка, 2016. 252 с.
8. Цыкалов Д.Е. «Русский медведь» в европейской карикатуре второй половины XIX – начала XX века // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 368 с.

ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС В МАЛЬТИЙСКОМ ОРДЕНЕ 2017 ГОДА ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ

Аннотация. Мальтийский Орден, являющийся уникальным субъектом международных отношений, столкнулся с внутренним кризисом, причиной которого стала борьба консерваторов и реформаторов. Конфликт затронул не только Орден, но и Ватикан, обнажив целый ряд проблем, касающихся как суверенитета Ордена, так и его основополагающих правил. Статья написана по результатам анализа Интернет-источников, освещавших данную политическую ситуацию. Показан практический метод использования информационных технологий для изучения конкретного исторического события. Для российского исследователя и читателя тема представляется малоизученной. Между тем, для католического мира проблема имела серьезные и политические, и теологические последствия.

Ключевые слова: Мальтийский Орден, Ватикан, Католическая церковь, политический кризис, политическая борьба.

Международно-правовая субъектность Суверенного Военного Ордена Госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты

Современный Мальтийский Орден является прямым наследником религиозного рыцарского ордена крестоносцев-госпитальеров, основанного в XI в. в Иерусалиме. Уникальность Мальтийского Ордена, как субъекта международного права, объясняется тем, что, несмотря на отсутствие собственной территории и населения, Орден обладает признаками суверенного государства. Положения о суверенитете Ордена включены в его Конституцию, а международная правосубъектность подтверждена установлением дипломатических отношений с сотней государств по всему миру, в том числе и Россией. Конституция Ордена предполагает, что высшие посты в нем могут занимать лишь рыцари, являющиеся потомками известных дворянских родов Европы и исповедующие христианскую веру¹. Поскольку Мальтийский Орден является религиозным, то он подчинен Святому престолу. Главой Ордена является Великий Магистр, который избирается Общим Государственным Советом до конца жизни. Формально Великий Магистр обладает правами главы суверенного государства, в деятельность которого не может вмешиваться даже папа. Однако на деле Ватикан на протяжении всей истории Ордена, так или иначе, пытался влиять на его внутреннюю политику. Текущий кризис в Мальтийском Ордене вызван вмешательством Папы Франциска во внутренние дела Ордена.

Отставка Великого Магистра Фра Мэттью Фестинга

28 января 2017 г. Суверенный Совет Ордена принял отставку Фра Мэттью Фестинга с поста Великого Магистра. Последний случай отставки Великого Магистра со своего поста случился в 1798 г. после того, как французские войска под предводительством Наполеона Бонапарта захватили Мальту. Великий Магистр Фердинанд фон Гомпеш лишился поста за потерю острова. Отставка Мэттью Фестинга произошла из-за конфликта с Ватиканом, причиной которого стала раздача презервативов и противозачаточных средств в Мьянме Мальтийской службой помощи в рамках

¹ Constitutional charter and code of The Sovereign Military Hospitaller Order of St. John of Jerusalem of Rhodes and of Malta // Order of Malta. URL: <https://www.orderofmalta.int/wp-content/uploads/2016/07/Sovereign-Order-of-Malta-Constitutional-Charter-and-code.pdf> (дата обращения: 03.05.2019).

программы по борьбе со СПИДом¹. Поскольку официально католической церковью использование презервативов запрещено, санкционировавший данную акцию барон Альбрехт фон Бозелагер был смещен М. Фестингом с поста Великого Канцлера. В свою очередь, А. Бозелагер обратился за поддержкой к Франциску, который назначил папскую комиссию для расследования произошедшего. М. Фестинг отказался сотрудничать с папской комиссией, считая это вмешательством во внутренние дела Ордена². По всей видимости, Франциск решил использовать А. Бозелагера для установления контроля над Орденом. По некоторым данным отставка М. Фестинга произошла в результате беспрецедентного давления со стороны Святого престола³. Выборы нового главы Ордена были назначены на 29 апреля. Ватикан продолжил оказывать давление на М. Фестинга, вынуждая его отказаться от участия в новых выборах. В письме от 15 апреля специальный представитель Папы Римского при Мальтийском Ордене архиепископ Анджело Беччу рекомендовал М. Фестингу воздержаться от присутствия на Общем Государственном Совете, посвященном выбору нового Великого Магистра⁴. Позднее, когда стало понятно, что М. Фестинг все же придет в Рим, несмотря на данную ему рекомендацию, Ватикану пришлось поменять свою позицию⁵.

Внутрицерковная борьба

Ситуация вокруг Мальтийского Ордена еще раз продемонстрировала отсутствие единства внутри католической церкви. В противостояние между Франциском и М. Фестингом включился американский кардинал Рэймонд Берк, который просил М. Фестинга не подавать в отставку с поста Великого Магистра и продолжить борьбу. По сообщению Великого Командора Мальтийского Ордена Людвиг Хоффманн фон Румерштейна, именно Берк на частной встрече 6 декабря 2016 г. предложил фон Бозелагеру добровольно уйти в отставку⁶. Сам Берк категорически отвергает данное заявление, утверждая, что решение об отставке принимал лично Великий Магистр М. Фестинг⁷. Эти заявления необходимо рассматривать в контексте существующей вражды между Папой Франциском и кардиналом Берком, т. к. целью Румерштейна было создать видимость несамостоятельности принимаемых М. Фестингом решений. Именно Р. Берк является одним из наиболее яростных и последовательных критиков Франциска, обвиняя его в отходе от традиционного учения и католических ценностей. Осенью 2016 г. четыре влиятельных кардинала направили Франциску письмо с просьбой разъяснить его

¹ Pullella Ph. The Knights of Malta-Vatican feud: a tale of chivalry and sovereignty // Daily Mail Online. URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-4167334/The-Knights-Malta-Vatican-feud-tale-chivalry-sovereignty.html#ixzz4X5TqB35v> (дата обращения: 01.05.2019).

² Заявление Великого магистра Мальтийского Ордена // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/2016/12/24/zayavlenie-velikogo-magistrata-maltijskogo-ordena/> (дата обращения: 31.07.2017).

³ Новости Мальтийского Ордена // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/2017/02/18/novosti-maltijskogo-ordena/> (дата обращения: 31.07.2017).

⁴ Pentin E. Vatican Orders Matthew Festing Not to Travel to Rome for Order of Malta Election // National Catholic Register. URL: <http://www.ncregister.com/blog/edward-pentin/vatican-orders-matthew-festing-not-to-travel-to-rome-for-order-of-malta-ele> (дата обращения: 02.05.2019).

⁵ Pentin E. Vatican Reverses Decision, Allows Festing to Take Part in Order of Malta Election // National Catholic Register. URL: <http://www.ncregister.com/blog/edward-pentin/vatican-reverses-decision-allows-festing-to-take-part-in-order-of-malta-ele> (дата обращения: 01.05.2019).

⁶ Новости Мальтийского Ордена // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/2017/02/18/novosti-maltijskogo-ordena/> (дата обращения: 31.07.2017).

⁷ Кардинал Бёрк: Слова Великого командора Мальтийского ордена – клевета // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/2017/02/21/kardinal-byork-slova-velikogo-komandora-maltijskogo-ordena-kleveta/> (дата обращения: 31.07.2017).

тезисы, касающиеся церковного учения¹. Папа не стал отвечать на данное послание, после чего Р. Берк допустил возможность исправления учения Римского Понтифика². Фактически Р. Берк заявил о наличии признаков ереси в учении Франциска.

Конфликт внутри Ордена, помимо простой борьбы за власть также связан с расколом между традиционалистами, поддерживающими М. Фестинга, и либеральными реформаторами, возглавляемыми А. фон Бозелагером.

Реформа Мальтийского Ордена

После отставки М. Фестинга до новых выборов Орденом руководили Великий Командор Л.Х. фон Румерштейн и папский посланник архиепископ А. Беччу. Подобное вмешательство со стороны Ватикана во внутренние дела Ордена позволило некоторым специалистам заявить о попытке фактической аннексии суверенного субъекта международных отношений. Профессор канонического права Курт Мартенс даже призвал ООН вмешаться в ситуацию вокруг Ордена³. Партия либеральных реформаторов во главе с А. фон Бозелагером стремится кардинально изменить политическую систему Мальтийского Ордена. В их планах ограничить полномочия Великого Магистра, срок его пребывания у должности, а также отменить древние правила Ордена, в соответствии с которыми высшие посты могут занимать только обетные рыцари, принявшие монашеские обеты бедности, целомудрия и послушания⁴. А. фон Бозелагер пользуется поддержкой влиятельных и богатых немецких епископов, которые имеют большой вес в Ватикане⁵. Реформаторы стремятся изменить Конституцию Ордена до выборов Великого Магистра, вот почему многие обозреватели предсказывали, что 29 апреля Великий Магистр не будет избран, а вместо него назначат временного местоблюстителя. В свою очередь, традиционалисты, поддерживающие М. Фестинга, хотят оставить древние правила Ордена. Несмотря на отставку М. Фестинга, в Ордене имеется до сих пор большое количество лично преданных ему людей⁶.

Состоявшиеся 29 апреля выборы продемонстрировали, что сторонники А. фон Бозелагера все же взяли верх. Общий Государственный Совет решил не избирать нового Великого Магистра, назначив на должность временного главы – Лейтенанта Великого Магистра бывшего Великого приора Рима 72-х летнего Фра Джакомо Далла Торре дель Темпио ди Сангвинетто⁷. Д. Торре имеет тесные связи с ватиканской элитой – его брат Джузеппе занимает пост Председателя Трибунала (суда) Ватикана. Д. Торре избран сроком на один год, но теоретически, если выборы Великого Магистра снова не состоятся, то он может задержаться на посту и дольше этого срока. Перед выборами А. фон Бозелагер лично написал письма выборщикам с просьбой избрать временного лидера, что

¹ Pentin E. Full Text and Explanatory Notes of Cardinals' Questions on 'Amoris Laetitia' // National Catholic Register. URL: <http://www.ncregister.com/blog/edward-pentin/full-text-and-explanatory-notes-of-cardinals-questions-on-amoris-laetitia> (дата обращения: 01.05.2019).

² Кардинал Бёрк допустил возможность акта формального исправления Франциска // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/2016/11/15/kardinal-byork-dopustil-vozmozhnost-akta-formalnogo-ispravleniya-franciska/> (дата обращения: 31.07.2017).

³ Martens K. @DrKurtMartens // Twitter. URL: <https://twitter.com/DrKurtMartens/status/824257713693687808> (дата обращения: 31.07.2017).

⁴ Hitchens D. Knights do battle over Order of Malta // Catholic Herald. URL: <https://catholicherald.co.uk/commentandblogs/2017/05/04/knights-do-battle-over-order-of-malta/> (дата обращения: 01.05.2019).

⁵ Pentin E. Vatican Reverses Decision, Allows Festing to Take Part in Order of Malta Election.

⁶ Hitchens D. Analysis: why are emotions running high in the Order of Malta election? // Catholic Herald. URL: <https://catholicherald.co.uk/commentandblogs/2017/04/27/analysis-why-are-emotions-running-high-in-the-order-of-malta-elections/> (дата обращения: 02.05.2019).

⁷ Giacomo Dalla Torre, chi è il nuovo luogotenente dell'Ordine di Malta. Le foto // Formiche: analisi, commenti e scenari. URL: <https://formiche.net/gallerie/giacomo-della-torre/> (дата обращения: 01.05.2019).

в итоге и произошло¹. 23 июня Франциск принял временного главу Мальтийского Ордена в своей резиденции. На встрече было объявлено о планирующейся реформе Конституции Ордена, а также обсуждены гуманитарные проекты в различных странах². В своем новом качестве Д. Торре уже успел провести ряд встреч с министрами иностранных государств. 5 июля было подписано соглашение о сотрудничестве с Коста-Рикой, со стороны Ордена соглашение подписывал А. фон Бозелагер³. Папа Франциск традиционно пользуется большой популярностью в Латинской Америке, а гуманитарные программы Ордена могут еще больше упрочить его позиции в регионе.

Мальтийский Орден и Россия

В конфликте вокруг Мальтийского Ордена Россия выступала в качестве наблюдателя. Российская «Свободная католическая газета» выступила на стороне традиционалистов и М. Фестинга, обличая Франциска в своем специальном проекте «Кризис в Церкви»⁴. Несмотря на то, что в 1992 г. Б.Н. Ельцин своим указом восстановил дипломатические отношения с Мальтийским Орденом, серьезного двустороннего взаимодействия за эти годы не наблюдалось. Именно М. Фестинг был первым Великим Магистром, посетившем в 2015 г. Россию⁵.

В 1798 г. Российский Император Павел I был избран 72-м Великим Магистром Мальтийского Ордена. В его планы входило возвращение Мальты под власть Ордена, а также размещение на ней российского флота. Англичане, захватившие остров у Наполеона, отказались возвращать его мальтийским рыцарям, а потом и вовсе поучаствовали в организации убийства императора. В свете этих событий роль Российской Империи и Павла I официальными историками Ордена традиционно занижается, а английская версия трактует их отрицательно⁶.

Идея открыть полноценное подразделение Мальтийского Ордена в России оказалась популярной с начала 1990-х гг. Однако мечты российских поклонников Мальтийского Ордена на возрождение в стране Российского православного приорства до сих пор не осуществились, а эту нишу до сих пор занимают всевозможные фальшивые Ордена, во всех подробностях описанные русским исследователем В.А. Захаровым⁷.

Реформы в Ордене могут теоретически сказаться и на активизации отношений с Россией. Альбрехт фон Бозелагер уже успел встретиться 5 июня с заместителем министра иностранных дел России Мешковым Алексеем Юрьевичем. На встрече обсуждалась гуманитарная ситуация в Сирии, Ливии, а также проблемы христианских общин на Востоке⁸.

¹ Hitchens D. Analysis: why are emotions running high in the Order of Malta election?

² Papa Francesco riceve Fra' Giacomo Dalla Torre del Tempio di Sanguinetto e il Sovrano Consiglio // Dire: Agenzia di stampa nazionale. URL: <http://www.dire.it/23-06-2017/129693-papa-francesco-riceve-fra-giacomo-dalla-torre-del-tempio-sanguinetto-sovrano-consiglio/> (дата обращения: 01.05.2019).

³ Cooperation with Costa Rica stepped up // Order of Malta. URL: <https://www.orderofmalta.int/2017/07/05/cooperation-costa-rica-stepped/> (дата обращения: 01.05.2019).

⁴ Кризис в Церкви // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/crisis> (дата обращения: 31.07.2017).

⁵ Великий магистр Мальтийского ордена посетил РФ впервые со времен Павла I // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/660024> (дата обращения: 03.05.2019).

⁶ Fra Lucie-Smith A. How inept leadership nearly destroyed the Knights of Malta – in 1798 // Catholic Herald. URL: <https://catholicherald.co.uk/commentandblogs/2017/04/28/how-inept-leadership-nearly-destroyed-the-knights-of-malta-in-1798/> (дата обращения: 31.07.2017).

⁷ Захаров В.А., Пчельников Е.А. Суверенный мальтийский орден и подделки под него. М., 2002.

⁸ The meeting with the Russian Federation focussed on the international situation // Order of Malta. URL: <https://www.orderofmalta.int/2017/06/07/meeting-russian-federation-focussed-international-situation/> (дата обращения: 02.05.2019).

Источники и литература

1. Constitutional charter and code of The Sovereign Military Hospitaller Order of St. John of Jerusalem of Rhodes and of Malta // Order of Malta. URL: <https://www.orderofmalta.int/wp-content/uploads/2016/07/Sovereign-Order-of-Malta-Constitutional-Charter-and-code.pdf> (дата обращения: 03.05.2019).
2. Pullella Ph. The Knights of Malta-Vatican feud: a tale of chivalry and sovereignty // Daily Mail Online. URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-4167334/The-Knights-Malta-Vatican-feud-tale-chivalry-sovereignty.html#ixzz4X5TqB35v> (дата обращения: 01.05.2019).
3. Заявление Великого магистра Мальтийского Ордена // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/2016/12/24/zayavlenie-velikogo-magistrata-maltijskogo-ordena/> (дата обращения: 31.07.2017).
4. Новости Мальтийского Ордена // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/2017/02/18/novosti-maltijskogo-ordena/> (дата обращения: 31.07.2017).
5. Pentin E. Vatican Orders Matthew Festing Not to Travel to Rome for Order of Malta Election // National Catholic Register. URL: <http://www.ncregister.com/blog/edward-pentin/vatican-orders-matthew-festing-not-to-travel-to-rome-for-order-of-malta-ele> (дата обращения: 02.05.2019).
6. Pentin E. Vatican Reverses Decision, Allows Festing to Take Part in Order of Malta Election // National Catholic Register. URL: <http://www.ncregister.com/blog/edward-pentin/vatican-reverses-decision-allows-festing-to-take-part-in-order-of-malta-ele> (дата обращения: 01.05.2019).
7. Новости Мальтийского Ордена // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/2017/02/18/novosti-maltijskogo-ordena/> (дата обращения: 31.07.2017).
8. Кардинал Берк: Слова Великого командора Мальтийского ордена – клевета // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/2017/02/21/kardinal-byork-slova-velikogo-komandora-maltijskogo-ordena-kleveta/> (дата обращения: 31.07.2017).
9. Pentin E. Full Text and Explanatory Notes of Cardinals' Questions on 'Amoris Laetitia' // National Catholic Register. URL: <http://www.ncregister.com/blog/edward-pentin/full-text-and-explanatory-notes-of-cardinals-questions-on-amoris-laetitia> (дата обращения: 01.05.2019).
10. Кардинал Берк допустил возможность акта формального исправления Франциска // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/2016/11/15/kardinal-byork-dopustil-vozmozhnost-akta-formalnogo-ispravleniya-franciska/> (дата обращения: 31.07.2017).
11. Martens K. @DrKurtMartens // Twitter. URL: <https://twitter.com/DrKurtMartens/status/824257713693687808> (дата обращения: 31.07.2017).
12. Hitchens D. Knights do battle over Order of Malta // Catholic Herald. URL: <https://catholicherald.co.uk/commentandblogs/2017/05/04/knights-do-battle-over-order-of-malta/> (дата обращения: 01.05.2019).
13. Hitchens D. Analysis: why are emotions running high in the Order of Malta election? // Catholic Herald. URL: <https://catholicherald.co.uk/commentandblogs/2017/04/27/analysis-why-are-emotions-running-high-in-the-order-of-malta-elections/> (дата обращения: 02.05.2019).
14. Giacomo Dalla Torre, chi è il nuovo luogotenente dell'Ordine di Malta. Le foto // Formiche: analisi, commenti e scenari. URL: <https://formiche.net/gallerie/giacomo-della-torre/> (дата обращения: 01.05.2019).
15. Papa Francesco riceve Fra' Giacomo Dalla Torre del Tempio di Sanguinetto e il Sovrano Consiglio // Dire: Agenzia di stampa nazionale. URL: <http://www.dire.it/23-06-2017/129693-papa-francesco-riceve-fra-giacomo-dalla-torre-del-tempio-sanguinetto-sovrano-consiglio/> (дата обращения: 01.05.2019).
16. Cooperation with Costa Rica stepped up // Order of Malta. URL: <https://www.orderofmalta.int/2017/07/05/cooperation-costa-rica-stepped-up/> (дата обращения: 01.05.2019).
17. Кризис в Церкви // Skgnews. URL: <http://skgnews.com/crisis> (дата обращения: 31.07.2017).
18. Великий магистр Мальтийского ордена посетил РФ впервые со времен Павла I // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/660024> (дата обращения: 03.05.2019).
19. Fra Lucie-Smith A. How inept leadership nearly destroyed the Knights of Malta – in 1798 // Catholic Herald. URL: <https://catholicherald.co.uk/commentandblogs/2017/04/28/how-inept-leadership-nearly-destroyed-the-knights-of-malta-in-1798/> (дата обращения: 31.07.2017).
20. Захаров В.А., Пчельников Е.А. Суверенный мальтийский орден и подделки под него. М.: Русская панорама, 2002. 168 с.
21. The meeting with the Russian Federation focussed on the international situation // Order of Malta. URL: <https://www.orderofmalta.int/2017/06/07/meeting-russian-federation-focussed-international-situation/> (дата обращения: 02.05.2019).

**К МАТЕРИАЛАМ ТОПОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭТИМОЛОГИЯ ТОПОНИМА «МОЧАЛЕЙ»**

Аннотация. Статья посвящена вопросам происхождения топонима «Мочалей» в Нижегородской обл. РФ. Автор рассматривает различные современные версии этимологии топонима. Изучаются предложенные в разное время славянское и мордовское толкования названия. Рассматривается происхождение аналогичных топонимов в других регионах. Исходя из особенностей этноконфессиональной истории изучаемого региона, предлагается версия тюркского происхождения топонима «Мочалей».

Ключевые слова: топонимика, Нижегородская обл., мордва, тюрки, Мочалей.

Изучение топонимики Нижегородского края – популярный и востребованный в настоящее время сюжет¹. Топонимика юга Нижегородской обл. включает в себя названия из языков всех народов, проживавших здесь. Большинство из них легко этимологизируются, и их происхождение не вызывает сомнений. Но некоторые топонимы, не смотря на казалось бы очевидные толкования, скрывают совсем иной смысл и указывают на иные корни.

Такими, например, являются названия «Новомочалеи» и «Старомочалеи». Эти села, расположенные в Пильнинском р-не были когда-то одним большим селом, называвшимся «Мочалей». Село известно с начала XVII в. и с самого своего основания было заселено татарами-мишарями (представителями отдельного субэтноса татар Поволжья и Приуралья со своим диалектом и своими этнографическими особенностями).

Несмотря на то, что село основано татарами, в местной, «народной» этимологии бытует версия, что название селения происходит от русского *мочала* (лыка), как память о промысле по его заготовке. То есть, топоним имеет как будто бы русскую основу². Эта версия нашла свое отражение и в областных топонимических словарях, как наиболее подходящая по смыслу³. Более того, другое подобное название – озера Мочалы в Сосновском р-не, составители словаря также связывают с мочальным промыслом.

Эта версия, безусловно, заслуживают право на существование. В русской ономастике основа *мочало* представлена и как гидроним (например, озеро Мочалы в Сосновском р-не Нижегородской обл.), и как ойконим (напр., д. Мочала в Вологодской обл.), и как микротопоним (урочище Мочалище близ с. Теплово Нижегородской обл.). Однако расположение нашего Мочалея в землях, куда русская колонизация пришла довольно поздно, а также его коренное население, состоящее из тюрков, заставляют усомниться в русскоязычном происхождении этого названия. Очевидно, русская версия возникла здесь как результат «народной этимологии», основанной на созвучии терминов.

Более предпочтительной выглядит другая местная версия – мордовская. Юг Нижегородской обл. – древняя родина мордвы, и топонимы, связанные с этим народом, расположены по всей данной территории. В другой местной легенде о

¹ Малышев А.В. Иллюстрация к исследованию этногенеза жителей Нижегородского Поволжья // Карповские чтения. Вып. 7. Арзамас, 2017. С. 178–200; Сорокин А.А. Топонимическое наследие Русской революции 1917 года: проблемы восприятия // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: Вып. 2 / Под ред. А.А. Корнилова. Нижний Новгород, 2018. С. 46–53; Сорокин А.А., Малышев А.В. Сельская микротопонимия как исторический источник (на примере с. Теплово Кулебакского района Нижегородской области) // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Вып. 5. Нижний Новгород, 2018. С. 329–340.

² Мучали Я. История Мочалея. URL: <https://muchali.ucoz.ru/index/0-9> (дата обращения: 13.05.2019).

³ Морохин Н.В., Арзамазов А.А. Наши реки, города и села. Н. Новгород, 2014. С. 365.

происхождении названия говорится, что в его основу положено или мордовское имя *Мучнай*, соединенное с распространенным мордовским топоформантом *-лей* (*ручей*), или эрзянское *мочь* – «сила». Хотя, именно в случае Мочалея возникают сомнения. Дело в том, что если эрзянский топоформант *-лей* действительно представлен очень широко, то основа *мочь* встречается только в этом единственном случае. Закрадывается сомнение: а так ли продуктивна эрзянская лексема *мочь* в топонимике? Конечно, по территории Среднего Поволжья, в местах расселения средневековой мордвы, можно встретить еще несколько аналогичных топонимов: это с. Мочалейка и д. Мочалейка Каменского и Вадинского р-нов Пензенской обл., стоящие на берегах одноименных речушек, а также с. Мочалей Дрожжановского р-на Татарстана и Мочалеевка Похвистненского р-на Самарской обл. Да и пензенский топонимист М. Полубояров не сомневается, что в основе гидронима Мочалейка лежит мордовский антропоним *Мача*¹. Это подводит к выводу, что все подобные топонимы созданы с помощью *мочь* и его производных, и форманта *-лей*, если бы не одно «но». Все эти населенные пункты основаны татарами-мишарями, и проживают в них татары-мишари.

Надо сказать, что в каждом из названных выше населенных пунктов местная, «народная» этимология также говорит о происхождении названия от русского *мочала*. Где-то была липовая роща, в которой добывали лыко-мочало, где-то продавали мочало на ярмарке, но всюду эта версия превалирует.

Отметим, что татары-мишари являются тюркским субэтносом, наиболее рано попавшим под влияние Московского государства. Мишари были первыми «служилыми татарами» у русских государей, они были на переднем крае борьбы со степняками, участвуя в строительстве и обороне засек, были в первых рядах российской колонизации «Дикого Поля». То есть, русский язык знаком мишарям издавна. А.М. Орлов отмечает, что за большое количество русских слов в своем языке, мишари даже получили от казанцев прозвище «ярым-урус» (полурусский)². Отсюда и вытекает такая приверженность «народной» этимологии к русскому толкованию основы топонима *Мочалей*, даже несмотря на явный мордовский топоформант. Хотя, на самом деле, здесь скрыта подлинно тюркская этимология.

Дело в том, что этноним *мишар* есть современная форма древнейшего этнонима *мажар*, известного из средневековых документов. Производными от него являлись также упоминаемые в источниках этнонимы *мачар*, *мочар* и *мещеряк*. Все они остались как память о древних кочевниках уграх-мадьрах, пришедших в Среднее Поволжье в IX–X вв. Даже название географической области Мещеры включает в себе этот древний этноним. Догадку об идентичности этих этнонимом высказал, еще в XIX в. известный русский исследователь В.В. Вельяминов-Зернов: «Слово мочарин и мочар сохранилось до сих пор в татарском имени «мишар», которым называет себя часть татарского по языку населения (мещеряки) губерний: Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской, составляющая, как думать можно, отатарившиеся остатки прежней мещеры (мочаров и мочаров)»³.

Каким же образом этноним *мочар* превратился в *мочало*? Очевидно, что здесь изначально название селений звучало как «*мочар-ли*», где *ли* – это одна из форм старейшего тюркского топоформанта *-лы*, *-иле*, *-эль*, возможность перехода которого в мордовский *-лей*, в рамках народной этимологии обосновал еще Мурзаев⁴. То есть, в

¹ Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М., 2010. С. 132.

² Орлов А.М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. URL: http://mishare.narod.ru/books/Ethnic_roots/6.htm (дата обращения: 29.05.2019).

³ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 30–31.

⁴ Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974. С. 162–163.

древности, место поселения татар-мишарей (мочаров) называли «Мочар-лы». Постепенно, звук «р» редуцировался, и остался «Мочалы», который в говорах окружающей мордвы звучал уже как «Мочалей», и был так записан русскими чиновниками, где-то оформившись еще русским *-ка* (Мочалей-ка).

На возможность такого перехода указала в свое время еще Р. Мухамедова, подчеркнув, что подобные селения населены «ц-окающими» мишарями: «Как увидим ниже, «ц-окающие» мишари живут также в быв. Буинском уезде Симбирской губернии (Дрожжановский и Шаймурзинский кусты). Некоторые следы культуры этой группы заметны также в языке и быту керенских мишарей, которые образовались на месте, и отчасти очевидно, на основе древних селищ с «красной круговой керамикой». Заметим, что на территории проживания всех «ц-окающих» групп мишарей (сергачской, буинской, керенской) имеются населенные пункты под названием «Мочалы». Мы полагаем, что топоним «мочалы» этимологически восходит к этническому термину «мочар» (от «мочар-лы»)»¹. Между собой татары действительно называют свои селения именно так – *Мочали*. Например, в пензенской Мочалейке свое село местные называют «Мочали», а не Мочалейка, и хранят предание, что это название было дано в честь с. Мочали Верхнеломовского уезда, тоже ставшего теперь Мочалейкой (современный Вадинский р-н Пензенской обл.)². Видимо, эти реликты остались от тех времен, когда села носили первоначальное название.

Следует отметить, что язык мишарей делится на «ц-окающий» и «ч-окающий» диалекты, и все указанные села, за исключением Мочалейки Каменского р-на населены мишарями носителями «ц-окающего» говора. Во всех из них живут «цокающие» мишари, и только в Мочалейке Каменского р-на татары «чокают». Возможно, это связано с более поздними миграциями мишарей, но можно с уверенностью утверждать, что все эти населенные пункты основаны выходцами из земель Восточной Мещеры, ставших Нижегородчиной и Рязанщиной. Так, например, исход своих предков, жители татарского Мочалея выводят из Нижегородских пределов³. Да и название нашего Мочалея, по мнению А.М. Орлова, было принесено переселенцами с запада⁴.

Таким образом, данная этимология не только показывает, насколько близки исторические судьбы жителей Среднего Поволжья, но и открывает новые горизонты для исследования этнических и миграционных процессов, протекавших в этом регионе.

Источники и литература

1. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. 558 с.
2. Дорогой мой Мочалей... // Республика Татарстан. URL: <http://rt-online.ru/dorogoj-moj-mochalej/> (дата обращения: 14.05.2019).
3. Малышев А.В. Иллюстрация к исследованию этногенеза жителей Нижегородского Поволжья // Карповские чтения. Вып. 7. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. С. 178–200.
4. Морохин Н.В., Арзамасов А.А. Наши реки, города и села. Нижний Новгород: Книги, 2014. 479 с.
5. Моя малая родина Мочалейка // Региональное Духовное управление мусульман Пензенской области. URL: <http://muslim-penza.ru/index.php/news/885-2011-07-21-11-24-26> (дата обращения: 14.05.2019).
6. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.
7. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М.: Наука, 1972. 248 с.

¹ Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М., 1972. С. 17.

² Моя малая родина Мочалейка // Региональное Духовное управление мусульман Пензенской области. URL: <http://muslim-penza.ru/index.php/news/885-2011-07-21-11-24-26> (дата обращения: 14.05.2019).

³ Дорогой мой Мочалей... // Республика Татарстан. URL: <http://rt-online.ru/dorogoj-moj-mochalej/> (дата обращения: 14.05.2019).

⁴ Орлов А.М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. URL: http://mishare.narod.ru/books/Ethnic_roots/6.htm (дата обращения: 29.05.2019).

8. Мучали Я. История Мочалея. URL: <https://muchali.ucoz.ru/index/0-9> (дата обращения: 13.05.2019).
9. Орлов А.М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. URL: http://mishare.narod.ru/books/Ethnic_roots/6.htm (дата обращения: 29.05.2019).
10. Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М., 2010. 224 с.
11. Сорокин А.А. Топонимическое наследие Русской революции 1917 года: проблемы восприятия // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: Вып. 2 / Под ред. А.А. Корнилова. Нижний Новгород, 2018. С. 46–53.
12. Сорокин А.А., Малышев А.В. Сельская микротопонимия как исторический источник (на примере с. Теплово Кулебакского района Нижегородской области) // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: Науч. ежегодник фак-та права Нижегородского филиала Национального исследовательского ун-та «Высшая школа экономики». Вып. 5. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2018. С. 329–340.

Н.В. Митюков

(УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск; МЭИ, МИП, г. Москва; INCFAR, Washington (DC), USA)

С.Л. Баутина

(УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск)

РАСШИФРОВКА СТАТИСТИЧЕСКИХ ОТЧЕТОВ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СУДОВОГО СОСТАВА

Аннотация. На основе статистических отчетов производится реконструкция судового состава Управления по транспортному освоению и эксплуатации малых рек при Совмине УАССР. Методика расшифровки представляет собой формализацию данных отчетов в виде системы однородных алгебраических уравнений. Полученная система, включающая около пяти десятков уравнений дает однозначное решение для Ижевской и Воткинской эксплуатационных контор и предположительное для Сарапульской. Проведенная реконструкция судового состава периода 1948–1955 гг. показала, что в этот период на Ижевском пруду идут два взаимосвязанных процесса: укрупнение хозяйств путем передачи эксплуатационной конторе судов других хозяйств, а также техническое перевооружение (получение крупных пассажирских теплоходов). Аналогичные процессы в Воткинске идут с опозданием на 5–7 лет.

Ключевые слова: статистический отчет, исторический источник, формализация, судоходство, речной транспорт, Удмуртия.

Создание эксплуатационных контор при Управлениях по транспортному освоению и эксплуатации малых рек при Совете Министров автономных республик РСФСР имело главной целью решение транспортной проблемы регионов. Хотя формально все Управления входили в структуру Речтранса, им была дана широкая автономия, что, по замыслу организаторов, могло способствовать нахождению наиболее оптимального способа решения транспортной проблемы. Однако при изучении истории эксплуатационных контор и их влияния на экономику регионов получилась парадоксальная ситуация, когда весь массив делопроизводственной документации, вопреки установленным нормам, не дублировался в центральных органах власти. А учитывая, что на местах после ликвидации контор их документация могла по несколько раз передаваться от одного собственника к другому, она зачастую оказалась либо уничтоженной, либо утерянной.

В этой связи одним из наиболее информативных источников по истории эксплуатационных контор могут стать ежегодные отчеты Госкомстата. Ежегодно они отсылались в статистические службы и потому сохранились в их архивных фондах.

В форме № 26-вод имелись, например, следующие строки для заполнения (рис. 1):

1. Самоходный флот, всего;
2. В т. ч. грузопассажирский;
3. В т. ч. буксирный;
4. Несамостоятельный флот, всего;
5. В т. ч. сухогрузный;
6. В т. ч. нефтеналивной.

По каждой статье требовалось указать количество судов и для самостоятельных их суммарное число лошадиных сил, а для несамостоятельных – суммарный тоннаж.

В разные годы форма немного различалась, например, там могло включаться и исключаться количество перевозимых пассажиров, убирать конкретизацию по несамостоятельным плавсредствам, добавлять сведения по промысловому флоту, путейскому, парусному и т. д., но в целом, подаваемая форма оставалась неизменной на протяжении ряда лет.

На основе первичных бланков формы № 26-вод, ЦСУ Госплана СССР заполняло итоговую «Таблицу по форме № 26-вод» с указанием всех перевозчиков республики, области или края. В ЦГА УР имеются указанные таблицы, заполненные по Удмуртской АССР.

Большой интерес представляют также пояснительные записки к отчетам, в которых могут содержаться сведения, поясняющие изменение информации, по сравнению с предыдущим годом.

При сравнении отчетов за определенный период появляется возможность реконструировать зашифрованную там информацию по судовому составу. То есть, если составитель, имея первичную информацию, считал суммарную цифру, можно провести обратное действие, определив по суммарным данным первичную информацию.

Таблица № 6

Итоги разработки отчетов по форме № 26-вод за 1949 год

Основные показатели речного флота

Управления по транспортному освоению малых рек

Удмуртская АССР области (края, АССР)

I. Наличие собственного флота
(на конец 1949 года)

№ по порядку	Типы флота	Количество судов в единицах	Мощность самоходных судов в индикаторных силах и грузоподъемность несамоходных судов в тоннах	Средняя мощность в индикаторных силах, или средняя грузоподъемность в тоннах судна
I. Транспортный флот и флот его обслуживающий:				
1.	Самоходный — всего	9	540	60,0
2.	в т.ч.: грузо-пассажирский	4	310	77,5
3.	бухсерный	5	230	46,0
4.	Несамоходный флот — всего	5	220	44,0
5.	в т.ч. сухогрузный	5	220	44,0
6.	II. Путейский технический флот — всего	-	X	X
III. Флот обслуживающий путевые работы:				
7.	Самоходный	-	-	-
8.	Несамоходный	-	-	-

Рис. 1. Вид формы № 26-вод статистического отчета

Математическая постановка задачи

Нетрудно убедиться, что на основании формы № 26-вод и пояснительных записок можно сформировать систему однородных алгебраически уравнений, суммирующих мощность судов. Каждое из уравнений имеет следующий вид:

$$N = \sum_{i=1}^n N_i .$$

Здесь N — суммарная мощность, n — количество судов, указанных в отчете, N_i — мощность i -го судна.

Применительно для Ижевской эксплуатационной конторы отчеты не дают достаточной информации для однозначного ее решения. По ряду лет они приводят лишь суммарное значение по всему Управлению по транспортному освоению и эксплуатации малых рек при Совете Министров УАССР. А поскольку туда входили три

эксплуатационные конторы: Ижевская, Воткинская и Сарапульская, оказалось возможным составить и решить систему уравнений для всего Управления за период с 1948 по 1955 г.

Хронологические рамки объясняются весьма тривиальными соображениями: нижняя граница – дата организации эксплуатационных контор и всего Управления, верхняя граница – дата сохранившихся в архивных фондах документации по личному составу, которые также дают возможность восстановить эксплуатационную информацию и по содержанию являются намного более информативными.

В качестве примера формализации рассмотрим часть стат. отчетов, периода 1948–1950 гг. по самоходным судам, сведенные в табл. 1. Здесь ИЭК – Ижевская эксплуатационная контора, СЭК – Сарапульская эксплуатационная контора, Воткинская эксплуатационная контора (ВЭК) образована лишь в 1952 г.

Таблица 1

Фрагмент отчетов Госкомстата

	Грузопассажирский		Буксирный	
	Штук	Мощность	Штук	Мощность
1948 г. ¹	8	420	0	0
1949 г. Всего ²	4	310	5	230
ИЭК ³	3			
СЭК	2		4	
1950 г. Всего ⁴	5	360	6	302

Строка 1948 г. имеет особенность – все самоходные суда в ней сведены в группу грузопассажирских. Это объясняется тем, что представитель регистра освидетельствовал их лишь в 1949 г. Кроме того, имеются расхождения в общем отчете по Управлению и в отдельных по конторам: одно судно в 1949 г. в одном из отчетов ошибочно отнесено не к той категории.

Тем не менее, на основе этого фрагмента формируются следующие уравнения (Б – буксирное судно, П – грузопассажирское):

$$1. 1948 \text{ г.: } П1 + П2 + П3 + Б1 + Б2 + Б3 + Б4 + Б5 = 420$$

$$2. 1949 \text{ г.: } П1 + П2 + П3 + П4 = 310$$

$$Б1 + Б2 + Б3 + Б4 + Б5 = 230$$

$$3. 1950 \text{ г.: } П1 + П2 + П3 + П4 + П5 = 360$$

$$Б1 + Б2 + Б3 + Б4 + Б5 + Б6 = 302$$

Всего уравнений за период с 1948 по 1955 гг. получилось около пяти десятков. Для решения системы можно использовать любой из математических методов, напр. метод Гаусса.

Из приведенного выше фрагмента однозначно определяются три неизвестные: $П4 = 120$, $П5 = 50$, $Б6 = 72$.

Дополнительные корни уравнения получаются при анализе пояснительных записок, где нередко прямо может быть указано, что списан такой-то катер или принят на баланс такой-то. В частности, из них можно заключить, что $П4$ – судно с мощностью 120 л. с. – это переданный от завода № 71 пароход «Свобода».

¹ Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1287. Л. 8.

² Там же. Д. 1568. Л. 21.

³ Там же. Д. 1567. Л. 25.

⁴ Там же. Д. 1941. Л. 6.

Возможности ошибок при составлении отчета практически исключается, поскольку ответственный работник в стат. управлении обычно их легко определял и запрашивал исправления. Но иногда в ведомостях могут быть «системные сбои», которые выявляются лишь при сопоставлении отчета, пояснительной записки или какого-то дополнительного источника.

Пример такого «сбоя» виден из отчета 1950 г., судя по пояснительной записке. В этом году СЭК получила два катера «Красноярец» в 90 л.с. и «Стрела» в 32 л. с. Поскольку суммарное количество увеличившихся лошадиных сил совпадает, получается, что кроме зачисления одного вновь поступившего судна в буксирные и одного в пассажирские, произошла рокировка между группами пары ранее полученных судов. Это дает дополнительное уравнение, и, как следствие, дополнительный определенный корень. В данном случае, оказалось, что в СЭК катер «Коммунар» (30 л. с.) из буксирного стал пассажирским, а катер «Голубь» (70 л. с.) – наоборот.

Итогом решения полученной системы уравнений стала полная реконструкция судового состава ИЭК и ВЭК в указанных хронологических рамках. Для СЭК реконструировать все суда не представилось возможным, поскольку там сформировалась группа судов, одновременно принятая на баланс и проходящая по всем отчетам.

Таблица 2

Реконструированный судовой состав по ИЭК и ВЭК

Катер	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955
Ярославец 70	П70	П70	П70	П70	П70	П70	П70	П70
Пионер 50	П50	П50	П50	П50	Пут50	П50	П50	–
Свобода 120/170	–	П120	П120	П170	П170	П170	П0	–
Комсомолец 60	–	–	–	П60	П60	П60	П60	П60
Звезда 115					П115	П115	П115	П115
Искра 80							П80	П80
Герой 80							П80	П80
ИЭК	П120	П240	П240	П380	П300	П465	П455	П405
					Пут50			
Освод 30				П30	П30	П30	П30	П30
Волна 50						Б50	Пут50	П50
ВЭК	Нет	Нет	Нет	Нет	П30	П30	П30	П80
						Б50	Пут50	

Примечание: катера с индексом П проходят в графе как грузопассажирские, Б – буксирные, Пут – путейские. Цифра – мощность машин в л. с.

Обсуждение

Из реконструированного списка (табл. 2) видно, что в составе контор нет специализированных путейских судов. При возникновении надобности в путейском судне его функции могли исполнять как грузопассажирский, так и буксирный катер. Также нет четкой специализации между катерами. По сути они универсальные, и зависимости от необходимости могут быть как пассажирскими, так и буксирными (катер «Волна» ВЭК).

Кроме того, реконструкция списка смогла ответить на один спорный вопрос. 23 мая 1950 г. газета «Удмуртская правда» вышла с сообщением: «Много лет по Ижевскому пруду курсировал пароход «Свобода». Им охотно пользовались трудящиеся. Но вот в 1949 году, когда понадобилось капитально отремонтировать пароход, Управление по

освоению малых рек решил почему то списать его на лом. Начальник Управления т. Хаминтов не захотел утруждать себя хлопотами по ремонту парохода и постарался доказать представителю судназора, что он совершенно непригоден. Между тем, основные части парохода – машина и котел – вполне пригодны для эксплуатации. Управление же решило отправить их в Молотов, а оснастку, такелаж и цинковые тросы – в Саранул. Пока занимались разборкой парохода, неизвестно куда исчез пожарный инвентарь, спасательные круги и другое имущество судна. Между тем, вопрос о пополнении судов, курсирующих по пруду, все еще не решен. Уже сейчас, например, поездка на Воложку сопряжена с большими трудностями. Необходимо, чтобы республиканские организации, пока еще не поздно, приняли меры для восстановления парохода или позаботились об увеличении количества судов на пруду»¹. Столь категоричный стиль заметки поставил в недоумение многих ижевских краеведов, например, заставив передатировать фотографию в своем собрании известного ижевского краеведа О.В. Севрюкова². На фотографии, где был изображен пароход «Свобода», в правом нижнем углу он подписал: «1952 г. Ижевск» и на обороте: «Ижевск, 1952 г. Иж». Записи сделаны перьевой ручкой. После чего запись на обороте зачеркнута шариковой ручкой, что доказывает ее более позднее нанесение, и также шариковой ручкой написано: «Пароход «Свобода» разобран зимой 1949/50 гг. (см. газ. «Удм. правда» 23 мая 1950 г.)».

Как видно из табл. 3, в 1950 г. на пароходе «Свобода» произведена замена паровой машины. Была машина в 120 л. с., стала 170 л. с. Однако в 1955 г. пароход списали. Из этого можно сделать вывод, что в 1950 г. он получил старые машины, состояние которых было лучше, чем оригинальных. Это продление срока службы имело значение лишь до получения современных катеров. В 1954 г. в Ижевске получили катера типа К-80 «Герой» и «Искра», на которые легла основная нагрузка в пассажирских перевозках.

Выводы

Анализ судового состава, показывает, что на период 1948–1955 гг. на Ижевском пруду идут два взаимосвязанных процесса:

1. Процесс укрупнения хозяйств-перевозчиков. В ИЭК передаются все более-менее значащие суда других хозяйств: пароход «Свобода» в 1949 г. от завода № 71, пароход «Звезда» от треста «Удмуртлес» в 1952 г. В результате, если ИЭК и не стала монополистом в перевозках на Ижевском пруду, то самым крупным хозяйством однозначно.

2. Идет процесс технического перевооружения. Если первые полученные ИЭК катера «Ярославец» и «Пионер» явно хуже имеющихся у других хозяйств, то «Герой» и «Искра» – пассажирские суда нового поколения. Кроме того, это первые на пруду крупные пассажирские теплоходы. До этого там были либо пароходы, либо суда с бензиновым двигателем.

3. Модернизация хозяйств на Воткинском пруду идет с небольшим опозданием от Ижевска. Первый катер («Освод») там появился в 1951 г. Чуть позже рассматриваемых рамок в Воткинске появился и первый крупный пассажирский теплоход («Победа»).

Источники и литература

1. Удмуртская правда. 1950. 23 мая.
2. Центральный государственный архив Удмуртской республики. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1287, 1567, 1568, 1941; Ф. Р-1539. Оп. 2. Д. 279.

¹ Удмуртская правда. 1950. 23 мая.

² ЦГА УР. Ф. Р-1539. Оп. 2. Д. 279.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БАШКОРТОСТАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация. В статье рассматривается участие рабочих различных национальностей в промышленном производстве Башкортостана в первой половине XIX в. Именно в процессе совместной работы накапливался общий жизненный и хозяйственный опыт, происходила интеграция народов в социально-экономическое пространство Российского государства.

Ключевые слова: Оренбургская губ., Урал, Башкортостан, горные заводы, золотые промыслы.

Складывание многонационального населения в Башкортостане проходило в период строительства горных заводов в XVIII в. Заводы располагали значительным числом рабочих, среди которых уже выделялись потомственные, основным средством существования которых была работа на заводах. На протяжении первой половины XIX в., с ростом промышленности, численность рабочих возрастала. Владельцы промышленных предприятий использовали различные источники для увеличения числа работников своих предприятий. Национальный и социальный состав рабочих был неоднородным и комплектовался в начале XIX в. из крепостных крестьян, купленных к заводам, собственных владельческих крепостных, приписных, казенных и вольнонаемных. Обезземеливающаяся и разоряющаяся часть крестьян разных национальностей (русских, башкир, татар, мишарей, казахов) в поисках дополнительных средств существования шла работать по найму в промышленность, увеличивая свободный рабочий рынок.

Расширение применения в первой половине XIX в. вольного найма было связано и с ростом рынка рабочей силы в связи с социальным расслоением среди крестьян. Этот процесс, будучи общим для Урала в целом, имел некоторые специфические особенности в Башкортостане. Сравнительное многоземелье в крае, наличие доступных к аренде дешевых башкирских земель сдерживали крестьян от отходничества на вольные заработки в промышленность. Между тем заводы Башкортостана остро нуждались в вольнонаемных рабочих. Привлечение их из других губерний было затруднительно из-за отдаленности края.

В сложившихся условиях существенным источником для найма являлось местное башкирское население. Необходимость в деньгах вынуждала башкир работать на горных заводах. В использовании их на горнозаводских работах в не меньшей степени были заинтересованы и заводовладельцы. Без привлечения башкир горные заводы не смогли бы полноценно существовать. В.М. Черемшанский писал, что «многие из рудоплавильных заводов, основанные на башкирских землях, существованием своим единственно обязаны башкирцам»¹. Это признавали и сами горнозаводчики. В 1813 г. владелец Белорецкого завода писал, что «к числу способов, облегчающих производство заводского действия, должно относиться и то, что живущие в окрестностях башкирцы каждую зиму по найму принимают на себя перевозку с рудника в завод руды весьма в значительном количестве». В 1832 г. управляющий этого же завода Семенов доносил начальнику штаба Оренбургского корпуса, что исправник Магнитной крепости В.К. Пустошин запретил башкирам возить руду и тем самым нанес большие убытки заводу². Исключительно

¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 400.

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 43. Оп. 2. Д. 1892. Л. 62.

весомым был труд башкир в Воскресенском и Верхоторском медеплавильных заводах, куда они ежегодно доставляли до 20 тыс. подвод медной руды¹.

Кроме доставки руды и различных грузов на заводы башкиры занимались рудодобычей, что требовало от них высокой квалификации. В 1830 г. горный инженер А.И. Антипов писал, что работа на рудниках «такое же мастерство, как слесарное, кузнечное и всякое другое и часто требует от рабочего много сметливости, знания и умения»². Надо сказать, что башкиры добывали руду в весьма значительных объемах. Управляющий Симским округом Ф.П. Мевинус, обследовавший в 1841 г. Каноникольский медеплавильный завод, обнаружил там несколько тыс. пудов руды, заготовленной башкирами. Для Богоявленского завода башкиры вместе с другими вольнонаемными рабочими ежегодно добывали до 500 тыс. пудов медной руды. Извозничеством и другими работами на горных заводах занимались преимущественно башкиры 7-го, 8-го, 9-го, 10-го, 13-го кантонов, расположенных в Оренбургском, Верхнеуральском, Стерлитамакском и Уфимских уездах.

В целом, труд вольнонаемных рабочих-башкир имел важное значение для горных заводов, особенно медеплавильных, нуждавшихся в добыче и доставке большого количества руды. В то же время значительной была роль горных заводов в экономической жизни башкирского населения.

Основным источником рабочей силы в частной золотопромышленности Башкортостана в дореформенный период являлись крестьяне, приходившие на заработки из Оренбургской, Казанской, Вятской, Пермской и Тобольской губ. России и работавшие по вольному найму. Жандармский штабс-капитан Корф, обследовавший в 1850 г. промыслы Оренбургской губ., указывал, что на разрабатываемых в Верхнеуральском и Троицком уездах 23-х приисках добыча золота производилась «вольнонаемными людьми по большей части киргизцами и башкирами». Чиновник Земляничин, характеризуя состав рабочей силы на частных промыслах Оренбургской губ., отмечал, что целое лето постоянными работами занимаются: $\frac{1}{3}$ государственных крестьян разных уездов Вятской и Пермской губ., $\frac{1}{3}$ татар Казанской губ. и до $\frac{1}{3}$ тептярей, казахов и казаков³. Так, в 1860 г. из 14 336 рабочих на золотых промыслах Оренбургской губ. было 9 360 крестьян, 3 508 башкир и разночинцев, 1 080 женщин, 358 мещан и купцов и 31 отставной чиновник. При этом следует иметь в виду, что в числе крестьян, учтенных в документе, были как русские, так и башкиры, татары, чуваша, а также представители других народов⁴. Так, на Бурзянских промыслах генерал-лейтенанта Жемчужникова в 1861 г. работали 399 государственных крестьян, в большинстве своем татары Казанской и Вятской губ. и до 40 русских тех же губерний⁵.

На 32 приисках Оренбургской губ. в 1852 г. совместно трудились 3 336 русских крестьян и 893 представителя других национальностей (башкир, татар, казахов). Доля последних в общей численности рабочих на частных промыслах составляла 21,1 %. В 1860 г. численность башкир и разночинцев увеличилась на 2 615 чел. и составляла уже 30 % от общей численности рабочих в золотодобывающей промышленности⁶.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 5. Д. 42. Л. 2197.

² Антипов А.И. Характер рудоносности и современное положение горного, то есть рудного дела на Урале // Горный журнал. 1860. № 1. С. 61–62.

³ Шилов А.В. О численности и составе рабочих Уральской золотопромышленности в первой половине XIX в. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1982. С. 99.

⁴ Мударисов Р.З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века (1800–1861). Уфа, 2003. С. 260–261.

⁵ Горный журнал. 1862. № 2. С. 86.

⁶ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3224. Л. 1.

Из архивных документов видно, что на некоторых приисках большая часть рабочих состояла из башкир, татар, тептярей и казахов. Так, в 1852 г. на Каменно-Павловском прииске купца П. Бакакина из 470 рабочих 338 (72 %) были «из киргиз, башкир и татар», 132 являлись русскими. Причем главную рабочую силу на этом прииске составляли казахи. Они начали здесь работать с 1845 г.¹ С 1847 г. на Каменно-Павловском прииске возросли объемы работ, «увеличилась и потребность в киргизах, от навыка которых к промысловым работам он (П. Бакакин – *авт.*) не имеет нужды нанимать казанских или других рабочих»². Казахи являлись дешевой рабочей силой. Нанимать их было выгодно. Нанимались они зимой с октября по январь без всяких формальностей, часто просто «по словесным условиям» и добросовестно выполняли их, являясь на прииски сами без принудительных мер. Приходили на прииск в апреле–мае и должны были работать в основном до 1 октября. Некоторые из них оставались на приисках на зиму в своей кибитке и со своим небольшим стадом. Главной целью казаха было заработать сумму, необходимую для покупки скота и лошадей. Они редко нанимались на прииск более 2–3-х лет подряд³.

На Каменно-Александровском прииске компании Ахматова и Бакакина постоянно работали 80 русских рабочих и 140 башкир и татар. Исключительно башкирами были укомплектованы Архангельский и Иоаннокрестительный прииски купца Т. Зотова. На первом работали 92 башкира, на втором – 50. На Казнахтинском прииске купцов Козицина и Болотова работали 90 «киргиз и тептярей». На Бурзянских промыслах «Жемчужникова и К°» трудились 183 татарина и 100 русских.

На Бурзянских промыслах «окрестные башкиры-вотчинники» нанимались ежегодно на работы по вскрытию торфа. На работы башкиры приходили в мае, перед отправлением на кочевку, и уходили в июне. В сентябре они снова являлись на прииски, но уже в меньшем количестве. На работу приходили обычно со своими лошадьми и упряжью. В мае 1861 г. на прииске работали до 300 башкир. В той же Бурзянской волости на приисках статского советника Шипова работали 71 башкир и 9 русских, на Троицких промыслах «Жуковской и К°» – 603 чел., в основном башкиры из 14-го, 15-го, 16-го кантонов Бирского уезда, а также до 70 русских рабочих⁴.

В целом, по нашим подсчетам, в конце 50-х гг. XIX в. на частных золотых промыслах Южного Урала в среднем ежегодно работали 2 759 рабочих-башкир, что составляло 23,6 % всех рабочих, занятых в частнокапиталистической золотодобыче, и 749 (6,4 %) разночинцев, в число которых входили татары, мишари, тептяри, казаки и казахи.

Человек, нанимавшийся на работу, должен был получить разрешение мирского общества, в котором он числился. Относительно явки нанятых людей на место работы в законе говорилось: «Если из одного селения, волости или города нанято несколько человек», то они обязаны отправляться на место работы артелями, избрав для поддержания порядка старосту с двумя или более помощниками. Члены артели отдавали свои паспорта старосте, а также давали письменное согласие на установление в артели круговой поруки, обязывались не отлучаться из артели и повиноваться ее старосте. Прибыв на место, рабочий должен был отдать свой паспорт хозяину и получить взамен расчетный лист, написанный на простой бумаге. В билете и паспорте указывался срок возможного пребывания отходников на золотых промыслах. Больше этого срока золотопромышленники не имели права их нанимать. Для сохранения порядка между рабочими и большего удобства при организации работ хозяину прииска разрешалось

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 6786. Л. 58 об.

² Там же.

³ Вестник золотопромышленности. 1894. № 9. С. 170.

⁴ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1892. Л. 62.

делить их на новые артели. В каждую артель владелец прииска назначал своего старосту, а рабочие со своей стороны – двух выборных¹. Этой артельной «расправе» с согласия промышленника или его приказчика давалось право «умеренного, домашнего исправления» артельных рабочих.

Таким образом, в первой половине XIX в. внесли лепту в развитии промышленности Башкортостана участвовали представители разных народов России. Именно в процессе совместной работы накапливался общий жизненный и хозяйственный опыт, происходило взаимовлияние материальной и духовной культур, формирование дружеских отношений между народами России.

Источники и литература

1. Антипов А.И. Характер рудоносности и современное положение горного, то есть рудного дела на Урале // Горный журнал. 1860. № 1. С. 2–71.
2. Вестник золотопромышленности. 1894. № 9. С. 164–185.
3. Горный журнал. 1862. № 2. С. 358–378.
4. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 32. Д. 6786; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1892, 1895.
5. Краткий очерк развития частной золотопромышленности с начала допущения ее в России по настоящее время // Горный журнал. 1861. № 7. С. 61–124.
6. Мударисов Р.З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века (1800–1861). Уфа: Гилем, 2003. 395 с.
7. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3224.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 5. Д. 42.
9. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. 456 с.
10. Шилов А.В. О численности и составе рабочих Уральской золотопромышленности в первой половине XIX в. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1982. С. 95–99.

¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1895. Л. 62, 63, 67.

РОССИЙСКАЯ И СОВЕТСКАЯ АРХЕОГРАФИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОШИБОК И ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются принципиальные недостатки российской истории и археографии. Одним из главных недостатков российских (особенно столичных) историков, источниковедов и археографов является почти поголовное незнание языков коренных народов России, их письменных традиций и пренебрежение их культурами.

Ключевые слова: палеография, текстология, хронология, датировка, подложные документы.

Как исследователь, который в своей работе имеет дело с источниками различных стран и регионов, должен отметить, что недостатки, о которых пойдет речь в данной статье, характерны для большинства национальных исторических школ. Хочу оговорить, что излагаемый материал не снижает ценности произведенных предшественниками работ, напротив, именно их усилиями были выявлены многие упущения в сфере палеографии и текстологии. Именно поэтому я, критикуя ряд недостатков отечественной археографии, не клеймлю позором отдельных ученых, а акцентирую внимание на системных ошибках и недостатках.

В рамках национальной исторической концепции факты и события трактуются редактором в пользу своей страны, нации, религии. Эта позиция настолько естественна и ярко выражена, что для получения объективной картины историк зачастую обращает внимание на те «признания» автора источника, которые тот делает вопреки своей основной позиции.

Наибольший эффект достигается при сопоставлении сведений нескольких желательно максимально независимых и нейтральных источников. Вот здесь и выявляются глубинные проблемы нашей истории, в т. ч. и вспомогательных наук. История многонациональной страны обслуживается сугубо национальной историей. Причем, начальные этапы ее обслуживаются многократно искаженными легендами, которые возводятся до устойчивости религиозных догм. Так, например, можно не сомневаться в судьбе абитуриента, который не ответит на вопросы «когда призвали Рюрика?», «в какие годы князь Олег объединил Русь?», «как русские победили печенегов?» и т. п. Это в то время, когда давно известно, что деяния Рюрика и Олега не подтверждены независимыми источниками, русские летописи являются произведениями позднего средневековья, а термин «русские» отмечается в литературе в качестве имени существительного в XVIII в.

Во всех доступных нам «древних» исторических произведениях и актах мы выявляли яркие следы XVI, XVII и XVIII вв. Обычно они трактуются как «интерполяции». Однако с периода становления российской исторической науки некоторыми отечественными учеными высказывались мнения о «баснословном» характере исторического описания деяний «первых князей». Мы, представители московской т. н. «скептической школы» источниковедов, именуем их «честными». Да и позиция Н. Карамзина выглядит совершенно по-иному, если прочитать примечания к его «Истории...» как самостоятельное произведение, адресованное к более вдумчивому читателю. Это же можно сказать о произведениях некоторых других палеографов. Даже в самые суровые годы они имели смелость писать о том, что время написания текстов летописей и актового материала существенно отличается от датировки, желательной для официальной истории. Так, например, ранние списки «Русской правды» (нет древнего документа с таким названием) палеографы датировали XVI в. Более того, уже на начальном этапе становления российской исторической науки европейского типа известна

критика старообрядцев фальшивого документа, созданного архимандритом предположительно по заказу Петра I, т. н. «ответы поморских старцев».

Ключевыми проблемами российской истории и археографии, влияющими на качество всех исторических знаний о раннем этапе Русского государства, являются:

1) Датировка «древних» источников объективными методами естественных наук не проведена или не опубликована. Трудно понять, почему до сих пор не опубликованы данные объективных методов хронографии. Тем более, что директор Курчатовского института М. Ковальчук лет 5 назад (по своей наивности?) предлагал историкам сделать это быстро на основе радиоизотопного метода. Результаты, насколько нам известно, не опубликованы до сих пор.

2) Ограниченный период рассмотрения российской истории. Всем известно, что многие «древнерусские» города были основаны до условного времени образования «Киевской Руси». Названия многих из них не переводятся со славянских языков. Но предки современного населения проживали на этой территории. Также многие столетия до «князя Рюрика» в источниках упоминалась «Русь». Эти обстоятельства объективно иллюстрирует тот факт, что, история отечественной государственности и культуры не рассматривает период около 1,5 тыс. лет.

3) Ограниченная территория, охватываемая историческим повествованием по отношению к территории РФ и населяющим ее народам. Так, например, до XVII в. большая часть территории России охватывалась другими державами, которые не могли не оказывать влияния на события и формирующуюся культуру Древней Руси.

4) Узконациональная трактовка событий. Хорошо иллюстрируется на примере генетических исследований. Так, гаплотип R1a1, сформировавшийся около 8 000 лет назад, среди части отечественных генетиков и парагенетиков безосновательно называется «славянским» или «русским». Кстати, и несколько различных археологических культур также безосновательно именуются «славянскими». Например, т. н. «Именьковская» или «Волынцевская» культуры. В источниках, избирательно рассматривается преимущественно та информация, которая может быть приобщена к «русскости» в ее современном понимании, несмотря на то, что древние русы не были славянами. Одно из следствий этого – трактовка ряда летописных терминов, принадлежащих языкам коренных народов РФ, как «тайнопись», «ошибка» или «европейское заимствование». Основная причина – нежелание признавать поликультурный характер древнерусской общности, а также практически полное отсутствие у столичных научных авторитетов знаний истории и языков коренных народов страны.

Конечно, выше указаны далеко не все проблемы отечественной историографии и источниковедения. Мы лишь приведем несколько примеров, иллюстрирующих заявленные проблемы.

В российской истории древние русы традиционно противопоставляются «кочевникам», хотя последние составляли элиту «Киевской Руси» (торки, караалпаки, берендеи, ковуи и др.). Интересны, например, эпизоды, где их правители направляют действия русских князей в походе. Историками часто скрывается неславянская культура Древней Руси и черты ее преемственности по отношению к предшествующим североазиатским империям. К тому же народ *рус/рос* упоминался за сотни лет до условной даты образования Древней Руси и времени «варягов». Именно поэтому концепция «Русского каганата», продвигаемая рядом ученых, не только имеет право на существование, но и способна стереть эти противоречия и границы.

Осознание вышеуказанных проблем способно открыть исследователю целый ряд перспектив в исследовании исторических источников и устранить недостатки в их составлении, изучении и опубликовании. Например, сопоставление источников разных стран со сведениями русских летописей, освещающих деяния «князя Олега», позволяет

прийти к выводу о том, что «начальный летописец» выводил начало русской династии к аварскому «*кагану-сыроядцу*», а первой датой ранней русской истории следует считать год штурма Константинополя аваро-булгарским войском в 626 г.¹ Признание этого факта, в свою очередь, позволяет узнать в «имени» *Олег* алтайский термин *олуг/улуг* – «старший, главный», а также по-новому пересмотреть целый ряд устоявшихся взглядов на историю нашего Отечества.

В свете настоящей темы важным представляется вывод, что составители «Повести временных лет», действительно, изначально опирались на более древние хроники, неадекватная трактовка которых может быть объяснена языком первоисточника, отличным от славянского. В русских летописях сохранился ряд терминов этих древних языков. Русские ученые иногда способны учитывать тюркский вклад в формирование лексикона летописей. Но чувашский уровень уже не принимается во внимание, не говоря о мордовском или марийском языках. Тунгусо-маньчжурский или китайский вклад не учитывается совершенно. А он есть. Например, отмечались такие термины, как *амбал*, *жупан*, *цьяшос*, *угауби*, *ямен* и др. Для этой группы слов наиболее правдоподобными представляются переводы с маньчжурского и эвенкского языков, топонимия которых широко представлена в северной Евразии. Более того, в составе сводов сохранились и целые произведения «Закон судный людем» (болг.), «Временник болгарских князей» (гуннский?), созданные с обильными включениями алтайских и дальневосточных терминов.

Многие древнерусские документы содержат явные признаки подделки (реконструкции?). Таковы, напр., «Духовные и договорные грамоты...»². «Древние» русские летописи порой содержат неологизмы. Так, «Хроника литовская и жмойтская» содержит неологизмы типа *штион* и фамилии, к которым относятся по странному стечению обстоятельств современные апологеты церковных сказаний. Наиболее ярким примером последовательного внедрения фальшивых документов в исторический оборот остаются «документы» т. н. «Кремлевского клада» 1843 г.³ На территории одной из церквей на берегу Москвы-реки были обнаружены пергаментные и бумажные документы в медном сосуде, наполненном водой. Этот клад сразу же прославился тем, что самые авторитетные ученые Российской империи, в т. ч. химики, оптики, археографы и другие пытались прочесть эти объекты. Частично это удалось, но документы не получили широкого применения, хотя считались чрезвычайно важными и датировались временем Дмитрия Донского. Сомнения вызвала, в частности, сохранность чернил на бумажных «документах». В настоящее время их обработкой и публикацией занимается авторитетный в русской медиевистике ученый. На мой вопрос о вероятности сохранности документов столь длительное время он ответил, что считает это возможным. Автор этих строк изучал следопытство и криминалистику. Бумага полностью разлагается в воде от 3 часов до 3 месяцев в зависимости от ее сорта. Материальный подлог очевиден. Остается лишь некоторая вероятность того, что фальсификаторы вместе с бумажными документами положили в сосуд для правдоподобности подлинные нечитаемые пергаменты. В целом XIX в. богат на введенные в оборот фальшивки. Это и целый ряд значимых монет и некоторые «актовые печати», и «древнерусская посуда» Оружейной палаты и многое другое. Наверное, внедрение в исторический процесс огромного объема фальшивок можно назвать господствующей тенденцией того времени. Впрочем, и в наше время

¹ Набиев Р.Ф. Князь Олег // *Bulgar Times* (Венгрия). 2015. № 3/4. С. 14–16.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнина; ред. С.В. Бахрушина. М.; Л., 1950.

³ Кучкин В.А. Кремлёвская находка 1843 года // *Вестник истории, литературы и искусства*. 2010. Т. 7. С. 299–312.

почитаемые ученые осознанно читают уверенно читаемое болгарское имя князя на печати (*Озонтаг*), как *Изяслав*, а монеты и именем *Дамир* – как *Владимир*...

Среди историков-романтиков большую популярность имеет т. н. «Влесова книга». Ее молодость очевидна: нет нерусского языка Древней Руси. Кроме того исследователи не учитывают еще одного важного обстоятельства: книги, действительно, могли храниться в виде досок и дощечек. До сих пор эта традиция продолжается на Тибете. Но хранятся не читаемые тексты, а клише.

Попытки введения в научный оборот фальшивок продолжаются. Так, несколько лет назад широкую огласку в СМИ получили изыскания священников, обнаруживших на штукатурке (!) своей церкви в Переславле-Залесском «древние» граффити с именами первых известных героев Москвы, казнивших Андрея Боголюбского – *Амбал*, *Кучка* и др.¹ Очень примечательна критика В.А. Чудиновым ученых РАН, признавших древность надписи на штукатурке². Мы не разделяем альтернативного прочтения В.А. Чудинова, но его критические замечания по анализу текста ученых РАН заслуживают внимания. Свой вклад в развенчание очередного подлога мы видим в доведении следующей информации: татарский термин *амбал*, проникший в маргинальные диалекты русского языка относительно недавно с речью бурлаков и крючников не является именем и происходит от маньчжурского *амбань* – «начальник, предводитель».

Следует отметить, что использование маньчжурского языка при чтении «Повести о зачале Москвы» позволяют выявить новые детали в этом старом детективном деле о захвате Юрием Долгоруким болгарского городка и восстании против его сына.

Целый ряд искажений и ошибок выявлен нами при исследовании проблемы т. н. «Куликовской битвы». Мы предложили свою реконструкцию основных положений произведения *ре'занца* Софония Алтыкулаевича с опорой на тюркизмы текста «Сказания...»³

Но для нас более важными являются следы использования летописцами тюркских письменных источников. Их довольно много, но по отдельности они малоказательны, но в совокупности они бесспорны. Общую тенденцию обозначили еще русские историки, занимавшиеся историей «Золотой Орды». Ими было подмечена высокий уровень надежности сведений русских летописей об обстановке «в Орде» (проявляя очень высокую информативность), и хорошее знание тюркских языков. Анализ текстов летописей позволяет предполагать, что одним из источников, описывающих завоевание монголами Восточной Европы, была история, подобная «Чингиз-намэ». Дальше – больше. Так, примечательная информация, описывающая период «великой замятни» в ханской Орде. Летописец явно переводит информацию источника, находившегося в Орде, отмечая, что Мамай увел Орду и цариц на другой берег «за Волгу на горную страну»⁴. Очевидно, что автор первоисточника описывал эти события, находясь на левобережье Волги.

То же самое наблюдается и в некоторых других эпизодах. Принципиально важна для российской истории Повесть «О пленении и приходе Тохтамыша царя и о московском взятии»⁵, которая впоследствии стала называться «о нашествии...».

¹ Российские археологи обнаружили список убийц князя Андрея Боголюбского. 29 декабря 2015 г. URL: <http://rosnauka.ru/news/1261> (дата обращения: 12.04.2019).

² Чудинов В.А. Сказочники из ИА РАН читают граффити на штукатурке. URL: <http://www.runitsa.ru/publications/1184/#comments> (дата обращения: 12.04.2019).

³ Набиев Р.Ф. Объединение Золотой Орды Тохтамыш-ханом и проблема «Куликовской битвы» / Под ред. А.Г. Мухамадиева. Казань, 2010.

⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 1965. ПСРЛ. Т. 10. С. 233.

⁵ Новгородская и псковская летописи. СПб., 1848. ПСРЛ. Т. 4; Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1; Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского / Подг. текста О.Л. Новиковой. М., 2004. ПСРЛ. Т. 43. С. 138.

Вторичное название является свидетельством полной дезориентации редактора в обстановке того времени. О каком «нашествии» может идти речь при описании прибытия «царя» – верховного правителя огромной империи. Современные интерпретаторы пытаются выдать бунтующих москвичей за народное восстание против ордынской власти, возглавляемое князем. Но он бежал, «Софийская» летопись «оправдывает» бегство ВКМ Дмитрия: *«не хотя стати противу самого царя»*¹. Бежала и его семья, и митрополит, а инсургенты кидали на них со стен камни, пытаясь препятствовать их исходу. Автор повести отнюдь не симпатизировал им, называя их *«мятежницы недобрши человеци, люди крамольницы»*². Историк Москвы невольно отметил, что *«клирик митрополита возлагает всю вину на возмутившийся народ»*³. Это очень важно и, учитывая архаичные тюркизмы повести типа *«силик град»*, свидетельствует о том, что «они» в повести – не татары, а инсургенты. Поэтому и *пороки* и *тюфяки* били не по войскам Тохтамыш-хана, а по горожанам, преступно выступившим против своего князя. Весьма примечательно в этом отношении свидетельство Якова Рейтенфельса, использовавшего целый комплекс источников и исторических работ. Немец прямо указывал: *«...Москва была отнята у него на глазах... татарским ханом Тохтамышем»*⁴.

Не следует забывать и о том, что после проведения расследования город разрешено было восстановить, Дмитрия и его сына поощрить. Чего, конечно не было бы в случае непослушания. Таким образом, мы вновь видим принципиальную коррекцию первоначально смысла произведения.

О возможности использовании московской школой летописания татарских источников может служить и эпизод спасения Москвы от разгрома войсками Тимура Самаркандского. И самаркандский и русский источники объясняют уход войск Тимура приснившимся сном, в котором высшие силы не рекомендовали ему уничтожать это небольшое княжество. Источник этой информации должен был находиться в ставке Тимура.

Многие отдельные эпизоды, свидетельствующие о использовании русскими летописцами восточных источников можно оспаривать в отдельности, но в совокупности они представляют собой заметное явление в составе фактологической базы и языка русского летописания и требуют специального изучения.

Одним из главных недостатков российских (особенно столичных) историков, источниковедов и археографов является почти поголовное незнание языков коренных народов России, их письменных традиций и пренебрежение их (по сути – своими) культурами. Профанация науки осуществляется огромными масштабами. Так, в архивах Москвы и Петербурга изъятые в 30-е гг. XX в. в Волго-уральском регионе книги в каталогах часто отмечены как арабские, несмотря на то, что они созданы на языках местных народов.

Источники и литература

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнина; ред. С.В. Бахрушина. М.; Л.: АН СССР, 1950. 585 с.
2. Забелин И.Е. История города Москвы [репр. воспроизв. изд. 1905 г.]. М.: Столица, 1990. 651 с.
3. Кучкин В.А. Кремлевская находка 1843 года // Вестник истории, литературы и искусства. 2010. Т. 7. С. 299–312.
4. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М.: АН СССР, 1965. ПСРЛ. Т. 10. 244 с.

¹ Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 473.

² Новгородская и псковская летописи. СПб., 1848. ПСРЛ. Т. 4. С. 85–86.

³ Забелин И.Е. История города Москвы [репр. воспроизв. изд. 1905 г.]. М., 1990. С. 26–39.

⁴ Рейтенфельс Я. Сказания Светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии (De Rebus Moschoviticis Ad Serenissimum Magnum Ducem Cosmum Tertium) / Пер. А.И. Станкевича. С. 274. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Reutenfels/text12.shtml?id=1180> (дата обращения: 12.04.2019).

5. Набиев Р.Ф. Князь Олег // *Vulgar Times* (Венгрия). 2015. № 3/4. С. 14–16.
6. Набиев Р.Ф. Объединение Золотой Орды Тохтамыш-ханом и проблема «Куликовской битвы» / Под ред. А.Г. Мухамадиева. Казань: Иман, 2010. 492 с.
7. Новгородская и псковская летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. ПСРЛ. Т. 4. 363 с.
8. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского / Подг. текста О.Л. Новиковой. М.: ЯСК. 2004. ПСРЛ. Т. 43. 367 с.
9. Рейтенфельс Я. Сказания Светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии (*De Rebus Moschoviticis Ad Serenissimum Magnum Ducem Cosmum Tertium*) / Пер. А.И. Станкевича. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Reutenfels/text12.phtml?id=1180> (дата обращения: 12.04.2019).
10. Российские археологи обнаружили список убийц князя Андрея Боголюбского. 29 декабря 2015 г. URL: <http://gosnauka.ru/news/1261> (дата обращения: 12.04.2019).
11. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. 312 с.
12. Чудинов В.А. Сказочники из ИА РАН читают граффити на штукатурке. URL: <http://www.runitsa.ru/publications/1184/#comments> (дата обращения: 12.04.2019).

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ ПАШКОВЦЕВ В ФОНДАХ БОГОРОДИЦКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ И ПАРКА

Аннотация. В статье рассматриваются материалы Богородицкого дворца-музея и парка, относящиеся к А.П. Бобринскому – правнуку Екатерины II, генерал-лейтенанту, министру путей сообщений (1871–1874), активному деятелю движения пашковцев и его жене А.А. Бобринской. Среди комплекса материалов музея анализируются дневник А.А. Бобринской и папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)». Дневник содержит сообщения о В.А. Пашкове и его семье во время их нахождения за границей, повествует о положении пашковского движения в России. Материалы папки А.П. Бобринского также содержат интересную, разностороннюю и важную информацию. Выявлено, что рассмотренные документы ранее практически не использовались в отечественной историографии пашковского движения и совсем не использовались в зарубежной. Упомянутые документы содержат важные сведения как по пашковскому движению, так и по истории семьи А.П. Бобринского.

Ключевые слова: А.П. Бобринский, А.А. Бобринская, Бобринские, Богородицкий дворец-музей и парк, движение пашковцев.

Движение пашковцев является неотъемлемой частью русского религиозного диссидентства второй половины XIX в. Оно возникло в петербургской аристократической среде и затем распространилось в средних и низших слоях русского общества¹. Своим зарождением оно обязано английскому проповеднику лорду Г. Редстоку, приехавшему в Санкт-Петербург в 1874 г.² Изучение пашковского движения важно для понимания истории русского протестантизма, т. к. оно является одним из истоков евангельского движения, возникшего во второй половине XIX в.³ Передовые пашковцы активно взаимодействовали с различными евангельскими течениями того времени: молоканами, баптистами, штундистами и др. Они оказывали им материальную поддержку, снабжали их литературой, защищали от преследования со стороны государства⁴. Импульсы к единству и объединению российских евангельских религиозных групп также исходили со стороны пашковцев. Наибольшую активность во всем этом проявлял В.А. Пашков⁵, который возглавил движение после отъезда Редстока из Петербурга в 1878 г.

Пашковское движение привлекало внимание различных групп исследователей в дореволюционный, советский и постсоветские периоды. Однако по ряду причин большое количество источников осталось слабо изученным, что породило использование компиляционного метода в историографии, а за ним – ряд ошибок, которые повторяются из публикации в публикацию.

Одним из практически неизученных источников в историографии движения пашковцев являются документы, хранящиеся в Богородицком дворце-музее и парке. Он находится в г. Богородицке Тульской обл. Музей был основан в октябре 1988 г. Ранее

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 2. Д. 63. Л. 1.

² Краткую историю и основные моменты пашковского движения см.: Никитин Ф.Н. Движение пашковцев как феномен в религиозной жизни высшего петербургского общества второй половины XIX века // TERRA Incognita (журнал студентов-историков). 2019. № 3. С. 4–9. Более подробно см.: Попов В.А. Евангельские христиане-пашковцы: Возникновение и духовно-просветительское служение (1874–1884 гг.) // Богомыслие. Вып. 7. Одесса, 1997. С. 128–152.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 709. Л. 221 об.–223.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 2831.

⁵ См.: Никитин Ф. К вопросу о взаимодействии В.А. Пашкова с религиозными диссидентами Российской империи (по архивным источникам) // Богомыслие. 2019. № 24. С. 223–237.

в Богородицке находилось имение графов Бобринских. Род берет свое начало от А.Г. Бобринского (1762–1813) – сына Екатерины II и ее фаворита Г.Г. Орлова¹.

Одним из представителей этого рода был гр. Алексей Павлович Бобринский. В 1874 г. он стал последователем английского проповедника лорда Г. Редстока. Бобринский был активным деятелем пашковского движения, членом Общества поощрения духовно-нравственного чтения², Общества распространения Священного Писания в России³, а также Общества для улучшения в Петербурге помещений для рабочего и нуждающегося населения⁴. Он проводил свою религиозную деятельность в Петербурге⁵, в своем имении в Тульской губ.⁶, а также за границей⁷. Летопись пашковцев⁸ характеризует Бобринского «как второго лидера петербургских верующих, в какие-то периоды времени не уступавшего по влиянию Пашкову»⁹.

Сведения о А.П. Бобринском и его жене, которая также была участницей движения пашковцев, содержатся в архивной коллекции (большой красной папке) с надписью: «1.3. Род графов Бобринских. Алексей, Павел, Василий Алексеевичи и их семьи». Материалы поступили в музей разными путями, в том числе из семейного архива Бобринских. В коллекции находятся еще более мелкие белые папки, распределенные по тематике. В большой папке приводится лист с описью документов. Папки имеют следующие названия: «Дневник гр. Александры Алексеевны Бобринской (урожд. Писаревой): 1884–1888 гг.¹⁰», «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)¹¹», «Алексей Александрович Бобринский (1852–1927): (министр земледелия, археолог)¹²», «Журнал «Нива». № 37, 1916 г. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни¹³», «Карикатуры Алексея Ал-дровича Бобринского (1852–1927) на депутатов Гос. Думы (7 листов)¹⁴», «Павел Александрович Бобринский (1801–1830) и его семья¹⁵»,

¹ Подробнее о роде Бобринских см.: Жерздева М.В. Родословие графов Бобринских. Тула, 2012.

² Центральный государственный архив республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Оп. 1. Д. 409. Л. 2.

³ Валькевич В.А. Записка о пропаганде протестантских сект в России и, в особенности, на Кавказе. Тифлис, 1900. С. 180.

⁴ Raber M. Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929. Eugene, 2016. P. 32.

⁵ Степанов В.А. Разномыслие в общине пашковцев. URL: http://spb.hecrus.ru/blog/?raznomyslie_v_obs_hhine_pashkovcev (дата обращения: 13.08.2019).

⁶ Победоносцев К.П. – Толстому Д.А., 26 декабря 1882 г. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma-ot-tolstom/letter-99.htm> (дата обращения: 27.08.2019).

⁷ Там же.

⁸ Летопись пашковцев – документ, найденный историком В. Степановым в Рукописном отделе Государственного музея истории религии и, по его аргументированному мнению, написанный В.А. Пашковым. Документ повествует об истории пашковцев. В. Степанов в 2019, 2020 гг. планирует издать этот документ в виде книги с комментариями в издательстве «Библия для всех».

⁹ Степанов В.А. Летопись пашковцев (1874–1886): уникальный архивный первоисточник и новые сведения о Петербургском пробуждении: Доклад автора на конференции «Феномен российского протестантизма» (7–9 сентября 2018 г., г. Великий Новгород). Личный архив Ф. Никитина.

¹⁰ На папке имеется надпись карандашом «п. – 1.3».

¹¹ На папке имеется надпись карандашом «п. – 1.3». К слову «Алексей» сверху карандашом приписано «А. г. – Павел». Внутри папки находится еще одна серая папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894), Ал-дра Алексеевна Писарева (1843–1905)». На папке написано «папка 1, 3; НВ – 613, 614 (ф); КП 1151–1153; Ф – 22, 418, 331; фотографии».

¹² На папке имеется надпись карандашом «папка 1.3». К слову «Александрович» сверху ручкой приписано: «А. г. – Алексей – Александр».

¹³ На папке имеется надпись карандашом: «п. «Бобринские» 1.3». Присутствуют также следующие надписи: «КП – 3756; Д – 776; НВ 685/1–2; Письмо И.В. Цветаева. 1912 г.».

¹⁴ На папке имеется надпись карандашом: «папка 1.3». Написано также: «НВ – 681/1–7; РГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 234, лл. 2, 4, 7, 8, 22, 26, 31, 44».

¹⁵ На папке имеется надпись карандашом: «папка 1.3». К слову «Павел» сверху карандашом приписано «А. Г.».

«Алексей Алексеевич Бобринский (1800–1868), Софья Александровна (1799–1866)¹», «Василий Алексеевич Бобринский (1804–1874) и потомки²». В некоторых папках присутствует некая внутренняя классификация (материалы собраны в мультифорку (файл), скрепку и т. д.). Папки Бобринских в фонде музея начали формироваться в 1992 г.³ Основная информация по интересующей нас теме содержится в дневнике А.А. Бобринской и папке А.П. Бобринского.

Отметим, что в историографии пашковского движения хранящиеся в музее материалы практически не отразились. В зарубежной историографии ссылки на них, по нашим данным, отсутствуют⁴, в отечественной историографии встречаются очень редко⁵.

Дневник А.А. Бобринской описывает жизнь семьи Бобринских в 1884–1888 гг. Необходимо отметить, что история жизни главных деятелей пашковского движения за границей очень слабо изучена, вследствие чего дневник Бобринский представляет особую ценность. В музее представлена копия дневника. «Копию (перевод) дневника А.А. Бобринской передал в музей Н.Н. Бобринский в 1997 г.»⁶. Дневник содержит предисловие и примечания правнука А.П. Бобринского Н.Н. Бобринского. В первую очередь это дневник матери-христианки, которая переживает за своих детей, чтобы они все жили согласно Библии и стали христианами. Она повествует также о собственной духовной жизни, духовных переживаниях. В дневнике упоминается семейство Пашковых и их взаимодействие с семьей Бобринских; Корфы; госпожа Троттер⁷; петербургская церковь пашковцев; Д. Муди⁸; Р. Радклиф⁹; Л.Н. Толстой; Философовы; князь Трубецкой; графиня Панина; княгиня Голицына; великий князь Михаил Николаевич. В целом, дневник содержит информацию о повседневной жизни семьи Бобринских, их религиозной деятельности как в России, так и за границей. Он является отличным источником по истории семьи А.П. Бобринского.

¹ На папке указано, что она принадлежит папке «1.3». Написано «Документы», затем зачеркнуто и сверху написано «Прочее». Имеется подпись «НВ» с цифрами (плохо читаемы).

² Также написано: «Бобрики, все публикации, отдельная папка».

³ Информация получена из переписки автора с М.В. Жерздевой, заведующей Богородицким дворцом-музеем и парком в 2019 г.

⁴ Хейер Э. Религиозный раскол в среде российских аристократов в 1860–1900 годы. Редстокизм и пашковщина. 2-е изд. М., 2009; Коррадо Ш. Философия служения полковника Пашкова. СПб., 2011; Пузынин А. Традиция евангельских христиан. Изучение самоидентификации и богословия от момента ее зарождения до наших дней. М., 2010; Фунтин Д. Лорд Редсток и духовное пробуждение в России. Минск, 2001; Элисс Д., Джонс У. Другая революция: российское евангелическое пробуждение. СПб., 1999; Николс Г. Каргель: развитие русской евангельской духовности. СПб., 2015. Материалы музея не значатся в списке использованных источников в непереведенных зарубежных работах. См.: Mark McCarthy, *Religious Conflict and Social Order in Late Nineteenth Century Russia: Orthodoxy, the Protestant Challenge and Sectarianism, 1861–1905*. Ph.D. dissertation, Notre Dame University, 2004; Raber M. *Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929* / Mary Raber. Eugene, 2016; Wardin A. W. *On the Edge*. Eugene, Oregon, 2013 и др.

⁵ На них есть ссылки только в книге В.А. Попова «Святые из царского дома» (Черкассы, 2017). Автор ссылается только на одну папку – дневник А.А. Бобринской. Находясь в музее, В.А. Попов работал только с этой папкой (информация получена из переписки автора с В.А. Поповым в 2019 г.). С материалами коллекции работали также сотрудники музея: М.В. Жерздева (заведующая Богородицким дворцом-музеем и парком) и В.А. Дутова (хранитель отдела учета и хранения фондов). Они и формируют фонды музея (информация получена из переписки автора с М.В. Жерздевой в 2019 г.). На основании материалов музея сотрудниками изданы некоторые публикации. См., напр.: Жерздева М.В. Алексей Павлович Бобринский: 1826–1894 // Богородицкие вести. 1 апреля, 2006 г. С. 7.

⁶ Информация получена из переписки автора с М.В. Жерздевой в 2019 г.

⁷ По-видимому, та самая Троттер, что написала биографию лорда Г. Редстока. См.: Trotter E. *Lord Radstock: An Interpretation and a Record*. London, 1914.

⁸ Известный проповедник. Он был знаком с лордом Редстоком.

⁹ Реджинальд Радклиф – участник съезда евангельских верующих, проходившего в Петербурге в апреле 1884 г.

В папке «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)» содержатся следующие документы: справка об А.П. Бобринском, составленная заведующей Богородицким дворцом-музеем и парком М.В. Жерздевой; машинописный лист, имеющий следующие заголовки: «Об отыскании в Богородицком уезде костей допотопного животного»¹, «Формулярный список о службе почетного смотрителя Богородицкого уездного училища графа Бобринского»²; папка с фотографиями; файл (мультифорка) с фотографиями (А.А. Бобринской, А.П. Бобринского и его виллы в Ницце (см. илл. 1), сахарного завода в Богородицке); «письмо Алексея Павловича Бобринского к Софье Андреевне и Александру Алексеевичу Бобринским»³; два письма Н.Н. Бобринского⁴ Людмиле Александровне Ковшовой⁵; «Древности. Труды Археологической Комиссии Императорского Московского Археологического Общества»⁶; статьи М.В. Жерздевой в «Богородицких вестях» об А.П. Бобринском⁷.

Анализ папки в целом, с одной стороны, показывает, что в ней содержится компилятивный материал. Например, в ней содержатся материалы Государственного архива Тульской обл. (ГАТО), Богородицкой периодической печати, дореволюционной литературы. С другой стороны, папка содержит новые сведения об А.П. Бобринском и его семье. Например, в письме Н.Н. Бобринского к Л.А. Ковшовой сообщается, что сохранилось «громадное собрание писем и телеграмм Алексея Павловича, Александрины, их детей и прочих родственников, в общей сложности – тысячи писем»⁸. В папке также хранятся фотографии, в т. ч. не встречающиеся в историографии пашковского движения. Об источниках пополнения папки можно судить по хранящимся в ней документам. Судя по переписке Н.Н. Бобринского с Л.А. Ковшовой, первый присылал материалы о Бобринских в музей. Он пишет следующее: «Посылаю Вам фотографии, снятые Саймоном в Богородицке <...> я ограничился тем, что переслал письма моего отца к моей матери»⁹ <...> посылаю Вам выписки данных о хозяйстве Алексея Павловича¹⁰. А в следующем письме надеюсь послать Вам затерявшуюся статью. Потом буду продолжать присылать выписки их архивных писем. С фотографиями, простите, тоже еще не разобрался: где-то у меня есть негативы, надо их напечатать. Надеюсь это сделать в Толстовском музее <...> и пришлю Вам»¹¹. Возможно, отправляли материалы и другие родственники. Скорее всего, именно они прислали имеющиеся в папке фотографии.

В справке, состоящей из 10 страниц, описывается жизнь А.П. Бобринского. Ее анализ показывает, что автор, по всей видимости, использовала имеющиеся материалы архивной коллекции. В справке отсутствуют ссылки на цитирующие в ней слова. Упоминается о родителях А.П. Бобринского, его учебе в Царскосельском лицее, обустройстве им Богородицка и постройке там свеклосахарного завода. Отмечается, что этот завод был «самый северный в России <...> к 1883 году <...> на нем числилось

¹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 239.

² Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 319. Начато 15.06.1855 г.

³ 1874 г., перевод с французского.

⁴ Правнук А.П. Бобринского, перевел дневник А.А. Бобринской с французского языка на русский.

⁵ Работник Богородицкого дворца-музея и парка.

⁶ Т. 111, Москва, 1913. С. 307–314. К истории помещичьего хозяйства в Тульской губ.

⁷ Некоторая информация относительно А.П. Бобринского есть и в других папках.

⁸ Письмо Н.Н. Бобринского к Людмиле Александровне // Богородицкий дворец-музей и парк. Папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)».

⁹ Там же.

¹⁰ Возможно, это «Древности. Труды Археологического Комиссии Императорского Московского Археологического Общества», в которых как раз говорится о хозяйстве А.П. Бобринского.

¹¹ Письмо Н.Н. Бобринского Л.А. Ковшовой // Богородицкий дворец-музей и парк. Папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)». На письме имеется дата: 14.11.89.

830 рабочих и мастеровых»¹. Благодаря своим действиям имение Бобринского «превратилось в крупное сельскохозяйственное предприятие»². Еще до отмены крепостного права он «осуществляет переход от крепостного к вольнонаемному труду»³. А.П. Бобринский имел также самый большой в Тульской губ. конезавод, две шахты, которые приносили каждый год добычу в 5 млн пудов угля⁴. Помимо того, что Алексей Павлович являлся почетным смотрителем Богородицкого уездного училища, он еще и несколько раз избирался «богородицким благородным дворянством уездным предводителем»⁵. А.П. Бобринский участвовал в Крымской войне, служил в Севастополе начальником собственного ополчения, в 1855 г. он был назначен на службу в стрелковый Императорской фамилии в чине штабс-капитана, в 1858 г. пожалован флигель-адъютантом Александра II, принимал активное участие в крестьянском вопросе, работал над «Положением улучшения быта помещичьих крестьян»⁶, после крестьянской реформы 1861 г. был мировым посредником в Богородицком уезде⁷. Жерзднева отмечает, что А.П. Бобринский стал известен как один из главных авторов проекта, получившего название «флигель-адъютантского»⁸. В нем Бобринский «требовал свободы для крестьян без прикрепления их к земле и без крестьянского самоуправления, предлагал правительству вознаградить помещиков за освобождение своих крестьян и за наделение последних земель с даровым наделом по 1 десятина на ревизскую душу»⁹.

М.В. Жерздева, описывая общественную деятельность А.П. Бобринского в Богородицке, отмечает, что она была «разносторонней»¹⁰, «на протяжении многих лет жизнь Бобринского была тесно связана с императором Александром II»¹¹. Отмечается его плодотворная деятельность на должности министра путей сообщений. Автор указывает, что, несмотря на то, что А.П. Бобринский стал последователем Редстока, он помогал православным верующим: «Как-то на торжествах по поводу 50-летия пасторской службы священника Казанского храма Алексея Ивановича Краснопевцева Бобринский радовался более других и крепко расцеловал старца. Усердием графа церковь и колокольня всегда поддерживались в должном порядке»¹². Описывая его взаимоотношения с Л.Н. Толстым, автор отмечает, что их последняя встреча состоялась в 1891 г., они решали вопросы о помощи голодающим вследствие неурожая 1891–1892 гг.¹³ В 1894 г. Бобринский скончался в Каннах, на своей вилле Святого Георгия¹⁴. Жерзднева заключает свою справку такими словами: «Анализируя жизнь и деятельность Алексея Павловича Бобринского, можно смело утверждать, что личность эта заслуживает огромного уважения. В делах служения отечеству с него следует брать пример»¹⁵. Отметим, что автор приводит список источников и литературы по А.П. Бобринскому, что очень ценно,

¹ Жерзднева М.В. Алексей Павлович Бобринский (1826–1894) // Богородицкий дворец-музей и парк. Папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)». В документе страницы не указаны.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) хранится этот документ: Бобринский гр. «Проект Положения об улучшении быта помещичьих крестьян и дворовых людей Тульской губернии, [1858–1859], писарская рукопись, 42 лл.».

⁷ Жерзднева М.В. Алексей Павлович Бобринский (1826–1894).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. На тот момент автор была в должности зав. культурно-образовательным отделом БДМ.

особенно тем, что там есть ссылки на государственные архивы. Справка содержит интересные сведения о Бобринском, в особенности о его общественной и государственной деятельности. Заметим, что автор подходит к описанию своего героя небеспристрастно. Вот, что она пишет касательно того, что Бобринский стал последователем Редстока: «Грустно осознавать, что человек такого ума смог заблудиться в вере и сделался по существу членом секты¹»².

В машинописном листе сообщается о письме некоего Петра Дорошина на имя начальника Тульской губ. И.И. Бессомыкину от 02.07.1854 г. об отыскании в Богородицком уезде в приходе С. Стубленок костей допотопного животного в «верстах в двух от реки Шата»³. На этом же листе приводится формулярный список о службе Бобринского. Сообщается, что он является штабс-капитаном, православного вероисповедания, не имеет знаков отличия, из дворян и жалованье из казны не получает. В родовом имении имеет 3 333 души, в 1849 г. избран Богородицким Благородным Дворянством в уездные предводители, в 1854 г. Николай I приказал произвести его в коллежские асессоры, в 1855 г. определен в стрелковый полк Императорской фамилии. Сообщается, что он холост, находясь в отпуске в 1845 г., прислал прошение об увольнении от службы, с 2 января 1846 г. по 16 декабря 1849 г. находился в отставке⁴.

В папке содержатся статьи М.В. Жерздевой о А.П. Бобринском в «Богородицких вестях»⁵, по содержанию они, за исключением одной⁶, точь-в-точь повторяют справку об А.П. Бобринском, упомянутую выше. В данных статьях содержится очень мало сведений о его религиозной деятельности.

В папке также хранятся несколько фотографий А.П. Бобринского и его жены, фото их виллы во Франции и несколько фотографий завода в Богородицке. В Труды Археологической Комиссии Императорского Московского Археологического Общества (хранятся в папке) отмечается, что А.П. Бобринский «оставил по себе память, как прекрасный хозяин, умевший извлекать из имения крупный доход. При имении, как показывают материалы архива, велась обширная и обстоятельная конторская переписка. <...> Хозяйство графа А.П. Бобринского наглядно показывает нам, как крупные землевладельцы еще при крепостном праве приспособлялись к изменившимся хозяйственным условиям»⁷. В двух письмах⁸ Н.Н. Бобринского к Л.А. Ковшовой обсуждается тема комплектации музея.

А.П. Бобринский в письме к С.А. и А.А. Бобринским сообщает интересные подробности своей отставки с поста министра путей сообщений. Он пишет: «Вот как все

¹ В научном обороте не принято употреблять термин «секта». Думается, что употребление этого понятия формирует у читателя заведомо отрицательное отношение к обозначаемым этим термином конфессиям.

² Там же.

³ Об отыскании в Богородицком уезде костей допотопного животного. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 239 // Богородицкий дворец-музей и парк. Папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)».

⁴ Формулярный список о службе почетного смотрителя Богородицкого уездного училища графа Бобринского. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 319 // Богородицкий дворец-музей и парк. Папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)». Начато 15.06.1855 г.

⁵ Богородицкие вести 1, 8, 15, 29 апреля 2006 г. // Богородицкий дворец-музей и парк. Папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)».

⁶ Богородицкие вести. 20.07.96 г. // Богородицкий дворец-музей и парк. Папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)».

⁷ Древности. Труды Археологической Комиссии Императорского Московского Археологического Общества С. 1, 6 // Богородицкий дворец-музей и парк. Папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)».

⁸ На одном письме написан отправитель – Н.Н. Бобринский, на другом нет. Однако сходство тематики писем, получателя и подписей на письмах говорит о том, что автором двух писем является Н.Н. Бобринский. На одном письме стоит дата: 14.11.89.

произошло. Император мне ничего не сказал ни при отправлении за границу, ни по возвращении оттуда. Итак, возвращаясь с ним вечером из Варшавы, я не знал ничего определенного, а точнее, совершенно ничего, за исключением городских толков, о которых я вам уже говорил. В четверг, т. е. в день моей работы с императором, после моего доклада император спросил меня, сочту ли я полезным, если он заменит меня моряком. Захваченный врасплох этим вопросом, я отвечал, что если это будет порядочный и умный человек, то будь то моряк или кто-либо иной, он может стать хорошим министром путей сообщения»¹. Такие подробные сведения о его отставке отсутствуют в историографии движения пашковцев. Заслуживают внимание следующие слова Бобринского, характеризующие его преданность Родине: «Я генерал-лейтенант русской армии и горжусь этим, я граф Бобринский, у меня есть свое место в стране, в отношении которой я всегда исполнял свой долг»².

Таким образом, материалы папки «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)» содержат информацию об А.П. Бобринском как о государственном, общественном и религиозном деятеле, представителе рода Бобринских, помещике и дворянине.

Дневник А.А. Бобринской вызывает наибольшее внимание. Он является интересным источником для изучения истории пашковского движения. Фрагментарные сведения об известных пашковцах, которые сообщает Бобринская, дополняют ту небольшую информацию, которую мы имеем относительно их жизни после высылки Пашкова и Корфа из России (1884 г.). Именно тогда движение перешло в новую фазу.

Дневник показывает, что Пашковы за границей продолжали общаться с семьей Бобринских. Вот что пишет Александра Алексеевна 30 марта 1885 г.: «Алеша (сын Бобринской – *авт.*) написал короткое письмо из Шортгроув, Пашковы его очень хорошо приняли»³. 15 апреля того же года мы читаем следующее: «Пашков мне написал хорошие слова в отношении Алеши, какое горячее сердце у этого брата»⁴. В апреле 1886 г. Бобринские были в гостях у Пашковых в Париже⁵. В 1888 г. А.А. Бобринская вместе с Пашковыми было на воскресном богослужении⁶.

Бобринские приезжали из-за границы в Россию. 9 июля 1886 г. Бобринская ездила в Сергиево⁷. Там было имение В.Ф. Гагариной, известной последовательницы В.А. Пашкова. А.А. Бобринская пишет, что там «свободно происходили собрания и беседы»⁸. 15 августа 1886 г. она записала следующее: «Говорят, что будут запрещать «Русский рабочий»⁹, следует ожидать, что запретят читать Слово Божье»¹⁰. Находясь на Юге России, А.А. Бобринская раздавала «листки со Словом Божиим и «Русский рабочий»»¹¹. 4 июня 1887 г. А.А. Бобринская «имела радость видеть княгиню Ливен»¹² с

¹ Письмо Алексея Павловича Бобринского к Софье Андреевне и Александру Алексеевичу Бобринским // Богородицкий дворец-музей и парк // Папка «Алексей Павлович Бобринский (1826–1894)». Перевод с французского. На письме имеется дата: [6?]. VIII 1874.

² Там же.

³ Дневник гр. Александры Алексеевны Бобринской (урожд. Писаревой): 1884–1888 гг. С. 17 // Богородицкий дворец-музей и парк. Папка 1.3. Род графов Бобринских. Алексей, Павел, Василий Александрович и их семьи.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 63.

⁷ Тульская губ.

⁸ Дневник гр. Александры Алексеевны Бобринской (урожд. Писаревой): 1884–1888 гг. С. 45.

⁹ «Русский рабочий» – журнал, издававшийся пашковцами. Учрежден в 1875 г., закрыт в 1886 г.

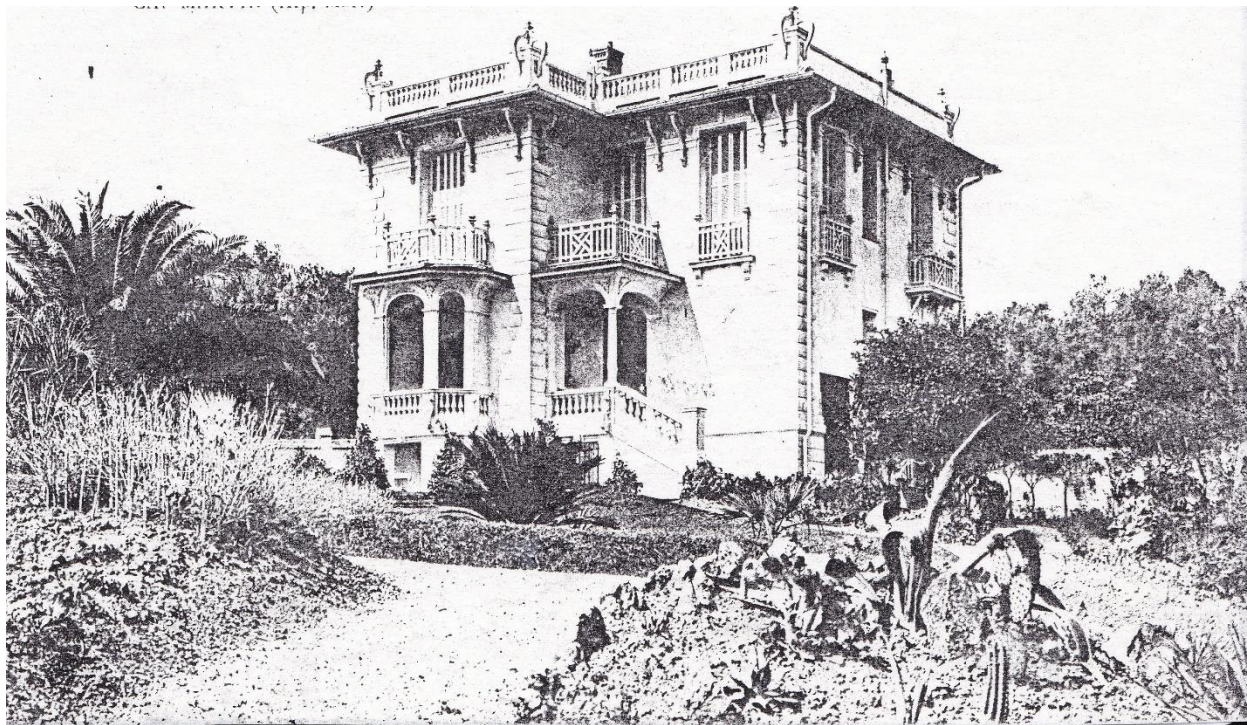
¹⁰ Дневник гр. Александры Алексеевны Бобринской (урожд. Писаревой): 1884–1888 гг. С. 47.

¹¹ Там же. С. 55.

¹² Н.Ф. Ливен – княгиня, одна из первых последователей Редстока. Подробнее см: Кузнецова М. Наталья Ливен – придверница. URL: <http://bogoiskatelstvo.ru/natalya-liven.html> (дата обращения: 21.05.2018).

двумя ее сыновьями. Какая свежесть в ее вере. Мы имели с ней очень хорошее собрание»¹. В общине пашковцев после высылки Пашкова происходили разногласия². Вот что пишет Бобринская в 1888 г.: «В петербургской церкви происходят тягостные вещи, я много молюсь, чтобы Господь наставил и указал Алексею (мужу – *авт.*), что он должен делать»³.

Таким образом, в Богородицком дворце-музее и парке содержатся материалы по истории пашковского движения, которые практически не были использованы в историографии. Часть документов является ценным источником по движению пашковцев и истории семьи А.П. Бобринского⁴.

Вилла А.П. Бобринского в Нице. На фото имеется надпись: «CAP MARTIN (Alp. – Mar.)»

Источники и литература

1. Валькевич В.А. Записка о пропаганде протестантских сект в России и, в особенности, на Кавказе. Тифлис: Типография Канц. Главногоначальствующего. гражд. ч. на Кавказе, 1900. 236 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2831.
3. Жерзднева М.В. Родословие графов Бобринских. Тула: Свамия, 2012. 28 с.
4. Кузнецова М. Наталья Ливен: придверница. URL: <http://bogoiskatelstvo.ru/natalya-liven.html> (дата обращения: 21.05.2018).
5. Никитин Ф.Н. Движение пашковцев как феномен в религиозной жизни высшего петербургского общества второй половины XIX века // TERRA Incognita (журнал студентов-историков). 2019. № 3. С. 4–9.
6. Никитин Ф. К вопросу о взаимодействии В.А. Пашкова с религиозными диссидентами Российской империи (по архивным источникам) // Богомыслие. 2019. № 24. С. 223–237.
7. Папка «1.3. Род графов Бобринских. Алексей, Павел, Василий Алексеевичи и их семьи» // Богородицкий дворец-музей и парк.

¹ Дневник гр. Александры Алексеевны Бобринской (урожд. Писаревой): 1884–1888 гг. С. 55.

² Степанов В.А. Разномыслие в общине пашковцев. URL: http://spb.hectus.ru/blog/?raznomyslie_v_obshhine_pashkovcev (дата обращения: 13.08.2019).

³ Дневник гр. Александры Алексеевны Бобринской (урожд. Писаревой): 1884–1888 гг. С. 62.

⁴ Автор благодарен сотрудникам Богородицкого дворца-музея и парка, в особенности его заведующей М.В. Жерздневой за любезное разрешения поработать с материалами музея и последующую консультацию по электронной почте.

8. Победоносцев К.П. – Толстому Д.А., 26 декабря 1882 г. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma-ot-tolstom/letter-99.htm> (дата обращения: 27.08.2019).
9. Попов В.А. Евангельские христиане-пашковцы: Возникновение и духовно-просветительское служение (1874–1884 гг.) // Богомыслие. Вып. 7. Одесса, 1997. С. 128–152.
10. Попов В.А. Святые из царского дома. Черкассы: Смирна, 2017. 356 с.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 445. Д. 709; Ф. 1574. Оп. 2. Д. 63.
12. Степанов В.А. Летопись пашковцев (1874–1886): уникальный архивный первоисточник и новые сведения о Петербургском пробуждении. Доклад автора на конференции «Феномен российского протестантизма» (7–9 сентября 2018 г., г. Великий Новгород). Личный архив Ф. Никитина.
13. Степанов В.А. Разномыслие в общине пашковцев. URL: http://spb.hecrus.ru/blog/?raznomyslie_v_obshhine_pashkovcev (дата обращения: 13.08.2019).
14. Центральный государственный архив республики Казахстан. Ф. 369. Оп. 1. Д. 409.
15. Raber M. Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929. Eugene, OR: Pickwick Publ., 2016.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ МАМБЕТ-АЛИ СЕРДАЛИНА (1889–1904)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии прогрессивных идей политических ссыльных на формирование общественно-политических взглядов первого казахского революционера, демократа, историка и экономиста Мамбет-Али Сердалина. Видный общественно-политический деятель Северного Казахстана М. Сердалин не только поддерживал связь с политическими ссыльными, но и занимался изучением и решением общественных проблем.

Ключевые слова: демократические идеи, политический ссыльный, Омское техническое училище, Омское жандармское управление, полицейский надзор, рапорт, Кокчетавский Уездный начальник.

Казахстан в конце XIX – начале XX в. находился в революционной общероссийской ситуации. Революционная мысль проникала в глухие уголки казахской степи. В 80-е гг. XIX в. начинается активное преследование участников революционного движения, что привело к резкому увеличению числа ссыльных. 25 августа 1881 г. было принято решение распространить административную ссылку и на области Степного генерал-губернаторства.

Таким образом, с 1882 г. в Акмолинскую и Семипалатинскую обл. начинают ссылать и выдворают на поселение административным порядком под гласный надзор полиции в г. Кокчетав, Акмолинск, Павлодар, Атбасар, Семипалатинск политических ссыльных¹.

Все уездные города Акмолинской обл. были важными пунктами общественной и революционной жизни края. Участники революционных кружков и студенческих движений в Акмолинском уезде появились в конце 90-х гг. XIX в. Так, еще в 1899 г. уездный начальник жаловался: «Точно определить срок необходимый для собрания сведений о политической благонадежности вновь поступающих на службу лиц является весьма затруднительно, ибо это зависит от расстояния места жительства лица от уездного управления, в особенности, если лицо это будет происходить из киргиз южных волостей...»². Центром революционной пропаганды в Северном Казахстане являлись г.г. Омск, Петропавловск, Кокчетав. Здесь политические ссыльные жили компактными группами. Поэтому полиция вела слежку не только за политнадзорными, но и за местным населением.

Как известно, большинство участников русского революционного подполья отбывало в казахских степях солдатчину, занимались в крае научными исследованиями, педагогической, медицинской деятельностью. Так, в начале 80-х гг. XIX в. ссылку в Акмолу отбывали: И.А. Рафаилов, высланный за «распространение сочинений преступного содержания», П.В. Румянцев, выпускник Московского фельдшерского училища, В.Н. Бобохов, участвовавший в «недозволенных сходках» студентов, а также В.А. Вановский, Д.Д. Бекарюков, Л.М. Богомолец и др. Также здесь находились в ссылке А.И. Головачев, И.А. Зеленский – участник революционного движения 90-х гг. XIX в., А.Н. Седельников – выпускник Омской учительской семинарии, находившийся под негласным надзором полиции. В основном это были студенты, принадлежавшие к

¹ Касымбаев Ж., Агубаев Н. История Акмолы. Алматы, 1998. С. 130.

² Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА Республики Казахстан). Ф. 369. Оп. 1. Д. 811. Л. 18.

«Объединенной социал-демократической организации студентов Петербургского университета»¹.

В Кокшетау и в Акмоле, несмотря на малочисленность населения и слабое промышленное развитие в городах, также наблюдалась тенденция к образованию подпольных кружков социал-демократического направления². Значительное количество политических ссыльных находилось в Кокчетавском уезде. В числе политических ссыльных в Кокчетаве с 1883 по 1889 гг. были сестры Августина Исаковна и Софья Исаковна Каминер, получавшие по почте книги на французском и немецком языках, продолжавшие в ссылке заниматься революционной пропагандой, Э. Красурский как член польской рабочей партии «пролетариат» выслан на 5 лет и был выдворен в Кокчетав с 1888 по 1893 гг., также отбывали здесь ссылку народовольцы В.И. Колобов, В.П. Маслов-Стокос и В.Д. Мельников³.

Согласно архивным данным в этот период в Кокчетаве проходили ссылку: И.И. Иваницкий – дворянин Харьковской губ., выдворен на 5 лет за государственную преступность; П.И. Чернышева – дворянка из Витебской губ.; а также Ч. Худайбергенов, К. Канаев, И. Баймурзин и др.⁴ За время пребывания в ссылке за ними был установлен тщательный надзор местных властей, полиции. По словам военного губернатора Кржыжановского: «Пребывание в областях лиц, политически неблагонадежных, готовых пропагандировать вредные для правительства идеи. Такие лица всегда могут найти для своей пропаганды благоприятную среду в легко воспламеняющем населении киргизских степей»⁵.

Но, несмотря на тщательное наблюдение жандармерий, они продолжали свою деятельность, даже если им приходилось менять свои фамилии, или находиться в бегах. Например: Ф. Иваницкий в 1886 г. был в бегах, и проживал в Севастополе по поддельному паспорту на имя Николаева. Однако «никаких данных к изобличению его в совершении государственных преступлений не добыто в виду чего дознание было прекращено»⁶.

В ряду казахских прогрессистов конца XIX – начала XX в. был общественно-политический деятель Северного Казахстана, первый казахский революционер, демократ, историк, и экономист Мамбет-Али Сердалин (1865–1914). Будучи студентом, он начинает свою политическую деятельность, в своих трудах отстаивает интересы населения края. Впервые им были затронуты вопросы о земле, о незаконном устройстве переселенческих участков в степи, проблемы традиционного хозяйства и культуры. М. Сердалин не мог оставаться в стороне от политической жизни края. Годы учебы в Омске 1885–1889 гг. сыграли заметную роль в формировании его общественно-политических взглядов. В студенческие годы М. Сердалин активно включился в политическую жизнь города, установил связь с политическими ссыльными, участвовал в их нелегальных собраниях. Здесь, общаясь со студентами из других районов, вникая в политические дела государства, знакомясь с новинками литературы, он уже вполне разбирался в политических течениях. К тому же особенностью того периода являлось широкое распространение социалистических учений. Находясь в постоянном контакте с политическими ссыльными и социал-демократами, читая их литературу, М. Сердалину были близки и понятны идеи демократического развития общества, которые были популярны на Западе и в России.

¹ ЦГА Республики Казахстан. Ф. 369. Оп. 1. Д. 811. Л. 29.

² Там же. Д. 671. Л. 38.

³ Рошевская Л.П. Сибирская каторга и ссылка в народнической нелегальной печати. Тюмень, 1977.

⁴ ЦГА Республики Казахстан. Ф. 369. Оп. 1. Д. 400. Л. 6.

⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 740. Л. 14.

⁶ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 412. Л. 14.

В основу его общественно-политических взглядов вошли национальные, прогрессивные, религиозные демократические идеи. В дальнейшем это все отразилось в его деятельности.

Характеризуя участников Омского демократического кружка, полиция отмечала его стремление подорвать доверие к правительству. Напуганная ростом политического движения полиция вела тщетное наблюдение за политическими ссыльными, устраняя их из сферы деятельности, и предоставляли его в такие условия «где бы они не могли распространять на окружающих своего вредного влияния»¹.

Таким образом, опасаясь влияния ссыльных на общественность, жандармерия вела слежку за местным населением, и за студенческой молодежью. Омское жандармское управление ведало розысками и производством дознания по политическим делам и стояло на страже охраны устоев самодержавия, и являлось опорой царизма в его борьбе со всеми проявлениям и революционного и общественного движения². Что касается полицейского управления, то на них возлагалась охрана «тишины и порядка», осуществление предварительного следствия по уголовным преступлениям³.

Согласно архивным данным, М. Сердалин упоминается в списке лиц неблагонадежных, где представлены ведомости о результатах наблюдения за состоявшими под негласным надзором полиций. К примеру, в рапорте от 21 января 1887 г., Кокчетавский уездный начальник Акмолинской обл. доносит Господину технического училища г. Омска «до сведения моего дано, что воспитанник Мамбет-Али Сердалин сообщает киргизам Кокчетавского уезда письменно и по телеграфу разные справки и распоряжения начальства, касающиеся из интересов и части преждевременно, отчего встречаются недоразумения между киргизами, вызывающие беспорядки»⁴.

Среди архивных материалов имеется также рапорт Петропавловского полицмейстера от 2 января 1889 г., в котором тот сообщает Омскому полицмейстеру «что ученик Омского технического училища Мамбет-Али Сердалин, проездом через г. Петропавловск к своим родным в Кокчетавский уезд, имел прибежище у состоящих под надзором полиции политических ссыльных, и у одного из них ночевал, затем выехал в Кокчетав с Ясаулом Панковым. Что за надобность была Сердалину сталкиваться с этими лицами неизвестно, но, во всяком случае, набрасывается тень подозрения на недобрую цель»⁵. Из выше приведенного документа становится ясным, что М. Сердалин поддерживал связь с политинадзорными не только Омска, Кокшетау но и Петропавловска.

Во второй половине 80-х гг. XIX в. в г. Петропавловске сложился нелегальный народовольческий кружок политических ссыльных. В него входили А. Анненков, Н. Пахолков, М. Песис, К. Белиловский, Аргунтинский-Долгоруков, А.П. Гончаренко, Рудометов, Н. Иванов, Е.С. Колмакова, Е. Корпухова, К.Н. Гораев и др.⁶ Как известно М. Сердалин был в тесных отношениях с Д. Аргунтинским и А. Гончаренко.

Согласно материалам по истории административно-политических ссыльных в Степной край, по статейному списку известно, что Александр Михайлович Аргунтинский-Долгоруков, был князем, родился в Тифлисе, был студентом Петровской академии. В 1884 г. он был исключен из академии и выслан из Москвы за участие так называемой Катковской демонстрации. В 1888 г. был выдворен в г. Петропавловск. Александр Павлович Гончаренко, мещанин, был родом из Одессы, привлекался по делу революционных кружков, в 1883 г. над ним был учрежден гласный надзор и выслан в

¹ ЦГА Республики Казахстан. Ф. 15. Оп. 2. Д. 70. Л. 61.

² Исторический архив Омской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1277. Л. 2, 10.

³ Там же. Ф. 270. Оп. 1. Д. 32. Л. 13.

⁴ Государственный архив Акмолинской области. Ф. 714. Оп. 2. Д. 7. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Справочник по г. Петропавловск на 1925 г. Петропавловск, 1925. С. 21.

Нижний Новгород, где распространял прокламации народной воли. В 1885 г. был переведен из Атбасара в г. Петропавловск¹.

Комиссия, расследовавшая деятельность этого кружка, доносила: «При обысках отобраны у поднадзорных О. Гофмана и А. Аргутинского-Долгорукова несколько писем заключающих в себе сведения об арестах лиц, через которых возможно пересылка писем и пособии политическим ссыльным»². Отсюда следует предположить что, М. Сердалин, участвовал в переписках политических ссыльных города.

В рапорте Петропавловского полицмейстера на имя Акмолинского губернатора от 4 марта 1889 г. докладывалось: «В тоже лето в Петропавловск прибыл ученик Омского технического училища Сердалин, который усердно стал днем и ночью посещать политических ссыльных Анненкова, Аргутинского-Долгорукова, Казанского, Гончаренко. Уездный начальник Ковзалов, заметив это, ввиду 11 инструкции доложил мне, я в свою очередь, пригласив Сердалина, предупредил, но он еще чаще стал там бывать, даже ночевать у Аргутинского и Гончаренко. Я обо всем этом сообщил начальнику училища»³. Политические ссыльные в письме к Акмолинскому губернатору заявили протест против действий надзирателя Ковзалова, который их притеснял, допускал вымогательство, шантаж, и вмешательство в личную жизнь. Однако губернатор наложил резолюцию о том, что якобы жалобы не подтвердились. Неоднократно рапорты о том, что М. Сердалин продолжал связь с политнадзорными, доходили все чаще и чаще до Омского уездного начальника, директору ОТУ, от Петропавловского уездного начальника и полицмейстеров. Однако цель посещения М. Сердалиным политических ссыльных оставалось неизвестной для царской охраны. Тем не менее, по распоряжению Акмолинского губернатора было установлено «совершено секретное наблюдение, по отношению Сердалина как в отношении образа жизни, занятия, так и его знакомств»⁴. Результаты наблюдения ежемесячно доносились военному губернатору.

Таким образом, за действиями М. Сердалина была установлена секретное наблюдение. Сам он знал о наблюдениях, но к этому относился спокойно, и, несмотря на слабое здоровье, на преследования как со стороны администрации училища и полицмейстеров, он продолжал в тайне поддерживать связи с политическими ссыльными.

После исключения из Омского технического училища Мамбет-Али Сердалин, вернувшись на свою родину, не свернул с намеченной дороги. Его не испугали ни надзор полиции, ни угрозы со стороны властей. Наоборот, он еще более активнее продолжил свою политическую деятельность, по-прежнему встречался с политнадзорными г.г. Кокшетау, Атбасара. Известно, что М. Сердалин был причастен к деятельности социал-демократов, участвовал в их тайных собраниях, исполнял различные поручения, иногда выезжал вместе с ними за город. М. Сердалин был знаком с некоторыми членами социал-демократической партии. Как нам известно, это были А.П. Горбунов и Е.И. Зеленский.

Под воздействием нарастающих революционных событий он открыто критиковал старый режим и призывал казахский народ подняться на борьбу за свои права отнятые правительством. Он совместно с ссыльными организовывал протесты среди населения, распространял нелегальную литературу. М. Сердалин часто подвергался обыскам полицией, последние надеялись обнаружить у него запрещенные книги или прокламации. Однако полиция не достигала своих целей.

Имя Мамбет-Али также упоминается в списке лиц, находящихся под негласным надзором полиций в Акмолинской обл. составленном в Омском Жандармском

¹ ЦГА Республики Казахстан. Ф. 369. Оп. 1. Д. 536. Л. 156.

² Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 5187. Л. 13.

³ Государственный архив Акмолинской области. Ф. 714. Оп. 2. Д. 7. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 24.

управлении, где указывается, что «М. Сердалин состоит под негласным надзором полиции с 15 июня 1889 г. по 12 мая 1904 г. проживает в 4-м ауле Челкарской волости Кокшетауского уезда.

– Образ жизни: скромный

– Занятие: скотоводство, частная торговля и адвокатура

– Знакомства и связи: с купцами г. Кокшетау Соколовым, П. Кузнецовым, и Шаймардановым.

Общий результат наблюдения: в политическом отношении сомнительный»¹. Из выше приведенного, следует предположить, что, М. Сердалин занимался торговой деятельностью, что позволяло часто выезжать в город по своим делам, где и встречался с поднадзорными. Об этом сказано в тайном письме Шалкарского волостного, который сообщает о том, что Мамбет-Али общается с сомнительными людьми, распространяет мнение против властей, и часто ездит в г. Кокшетау.

В городе Мамбет-Али встречался с политическими ссыльными Ф.И. Иваницким, Е. Панковым, Э. Красуцким, А. Яковлевым, П. Чернышевой, о чем свидетельствует следующее донесение Кокчетавского уездного начальника Акмолинскому губернатору от 1 марта 1889 г. «Вашему Превосходительству имею честь донести, что бывший ученик Омского Технического училища Мамбет-Али Сердалин пробыл в г. Кокчетаве 28–29 января, заходил в квартиру, состоящего под надзором политическому-ссылному Иваницкому. Цель посещения неизвестна. За ним имеется секретное наблюдение»².

Положение политических ссыльных было тяжелым, многие из них не имели материальных средств для существования, что заставляло их каждый год писать прошение Кокчетавскому уездному начальнику «о выдаче ежемесячного пособия и единовременного на обувь и одежду»³. Однако бывали случаи, когда власть отказывала в пособии. Мамбет-Али Сердалин, понимая ущемленное положение своих единомышленников, старался помочь им материально.

В мае 1889 г. Мамбет-Али Сердалин был призван к Кокчетавскому уездному начальнику Канавалову, который запретил вести знакомство с политнадзорными людьми. На что М. Сердалин отвечал, что «ничего предвзятительного в этом не находит, и считает ссыльных людей хорошими, поэтому и ходит к ним пить чай, и что убеждениям он не сочувствует»⁴. Видя упорство М. Сердалина, уездный начальник выслал его из Кокчетавы к родителям в Челкарскую волость, проведя тщательный обыск в его доме. Вместе с тем, вышло распоряжение, «чтобы волостной управитель за ним наблюдал и доносил Уездному начальнику»⁵. В одном из рапортов Кокчетавский уездный начальник от 10 июня 1889 г. извещает Акмолинскому губернатору следующее: «Надзиратель по наблюдению за административными ссыльными, состоящими под надзором полиции в Кокчетаве урядник Красноусов сего числа доставил мне 2 письма от 26–27 мая на имя поднадзорной Пелагеи Чернышевой, посланное со станичной почтой исключенным из Омского технического училища Мамбет-Али Сердалиным. Хотя в письмах ничего особенного не заключается, кроме сведений о жизни отправителя – Сердалина, о его отношениях к отцу и намерении снова приехать в Кокчетав, но находя неудобным передать им по назначению и с этими сведениями, при сем имею честь предоставить Вашему превосходительству на благоусмотрения и покорнейшее просить не оставить во

¹ Государственный архив Акмолинской области. Ф. 714. Оп. 2. Д. 7. Л. 23.

² Там же. Л. 20.

³ ЦГА Республики Казахстан. Ф. 369. Оп. 1. Д. 412. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Государственный архив Акмолинской области. Ф. 714. Оп. 2. Д. 7. Л. 22.

внимание и дать мне знать как поступить на будущее время с Сердалиным, если не прекратит свои отношения с поднадзорными»¹.

Кроме того, рапорт уездного начальника свидетельствует о том, что М. Сердалин не только выезжал в Кокшетау, но и часто бывал в Атбасаре и в других волостях, и при этом «проводил какие-то совещания», что вызывало недоверие властей². Но, несмотря на наблюдение местных властей, Мамбет-Али продолжал в тайне встречаться и писать письма. Например, в одном из писем, адресованной ссылке женщине Пелагее Чернышевой, он пишет: «...я в ауле не знаю что делать, не знаю, что творится в мире, мне не разрешают ездить в город, общаться с вами. Напишите подробно о том, что происходит в Кокчетаве, в Омске, кто приехал, кто уехал...»³ Таким образом, находясь в заточении, и не имея возможности приехать в город, М. Сердалин продолжал свою активную связь со своими друзьями.

Однако М. Сердалин не только поддерживал связь с политическими ссылными, но и занимался изучением и решением общественных проблем. Следует заметить, что многие политические ссылки были образованными людьми. Некоторые из них участвовали в экспедиции Ф. Щербины, статистических комитетах, и в других исследованиях. Например, в составе экспедиции были негласно поднадзорные такие как Е. Добровольский, В.А. Владимирский, Л.К. Чермак, А.Г. Бутковский. Среди переводчиков и регистраторов были студенты различных высших учебных заведений Казани, Москвы, Петербурга: Я. Акпаев, Д. Сатубалдин, У. Базанов, И. Жаксылыков, И. Кудайкулов, И. Глекеев, Г. Саркин, Е. Итбаев, М. Бекетаев, А. Турлыбаев⁴. Занимаясь изучением теоретических вопросов, они давали ответы на события текущей жизни, находили решения на злободневные проблемы настоящего положения дел. Также они решали политические, экономические проблемы, например, затрагивали вопросы крестьянского переселения, разложение общественного строя, рассматривали вопрос оседания казахских шаруа. Например, народник В.А. Остафьев занимался землеотводными проблемами, в своих статьях он пишет о действительности, о неурожае и голоде 1891–1892 гг. в Казахстане. Также он поднимал проблему тяжелого положения казахских шаруа и ставил вопрос не только о землеустройстве переселенцев, но и о землеустройстве казахского населения. Вслед за В.А. Остафьевым исследованием переселенческого вопроса занимался К.А. Вернер, политический ссылный, работавший агрономом. В своих статьях он пишет о рациональности казахского хозяйства. Считал, что крестьянское переселение разрушает внутреннее равновесие казахских общин и казахского общества. Все эти работы, опубликованные в открытой печати, имели большой резонанс. Под влиянием политических ссыльных в Казахстане, их понимание положения на этой окраине, вынудило царское правительство пойти на сплошное обследование казахского хозяйства во всем огромном Степном крае. Специально для этого были выделены большие средства, специалисты. Параллельно с работой экспедиции по обследованию Степных областей над сбором материалов, анализом состояния казахского общества и казахского хозяйства занимались известные ссылки исследователи П.М. Кашинский и Н.Я. Коншин. Последний разъяснял состояние разложения казахского общества после присоединения Казахстана к России, пытался объяснить причины обеднения казахов и появления джатаков, указывая, что причиной этому являлось изъятие отрезков земель у казахов под колонизацию, и бесправное положение казахского народа. По мнению политических ссыльных, решающее значение в изменении жизни казахского

¹ Государственный архив Акмолинской области. Ф. 2123. Оп. 1. Д. 136. Л. 8.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Волкова В. Экспедиция по исследованию степных областей // Степной край: Зона взаимодействия русского и казахского народов. XVIII–XX вв. Омск, 1999. С. 184.

общества сыграла реформа 1867–1868 гг. Вполне возможно, что Мамбет-Али Сердалин, знакомясь с публикациями исследований социал-демократов, уже тогда интересовался вышеназванными вопросами и изучением земельной проблемы. Это отразилось в его трудах, посвященной земельному вопросу.

Таким образом, по мере роста национально-освободительного движения в 90-е гг. XIX в., демократические идеи распространялись через политических ссыльных на окраины России самыми различными каналами, начиная от газетной корреспонденции до непосредственных бесед социал-демократов в казахских степях с прогрессивными общественными деятелями.

Пребывание политических ссыльных на территории Степного края не прошло бесследно. Они внесли свою лепту в общественную мысль Казахстана, в исследование злободневных вопросов того времени. А прогрессивные взгляды ссыльных социал-демократов оказали заметное влияние на формирование политических взглядов М. Сердалина. Следует добавить, что общение с политическими ссыльными также сыграло немаловажное значение на формирование прогрессивно демократических идей казахских общественно-политических деятелей А. Букейханова, Науан-Хазрета, Ш. Косшегулова и многих других современников М. Сердалина.

Источники и литература

1. Волкова В. Экспедиция по исследованию степных областей // Степной край: Зона взаимодействия русского и казахского народов. XVIII–XX вв. Омск: Омский государственный университет, 2001 г. 270 с.
2. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 714. Оп. 2. Д. 7; Ф. 2123. Оп. 1. Д. 136.
3. Исторический архив Омской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1277; Ф. 270. Оп. 1. Д. 32.
4. Касымбаев Ж. Агубаев Н. История Акмолы. Алматы: Жеты жаргы, 1998. 174 с.
5. Рошевская Л.П. Сибирская каторга и ссылка в народнической нелегальной печати. Тюмень, 1977. 127 с.
6. Справочник по г. Петропавловск на 1925 г. Петропавловск, 1925. 180 с.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 15. Оп. 2. Д. 70; Ф. 69. Оп. 1. Д. 5187; Ф. 369. Оп. 1. Д. 400, 412, 536, 671, 740, 811.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН В 1917 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ)¹

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса о деятельности епархиального духовенства по организации приходской жизни, а также подготовке и проведению Всероссийского съезда духовенства и мирян в 1917 г. на материалах Уфимской епархии. Автором рассмотрены обстоятельства созыва Съезда, а также круг вопросов, обсуждавшихся в рамках его работы.

Ключевые слова: Уфимская епархия, духовенство, Всероссийский съезд духовенства и мирян, епископ Уфимский и Мензелинский Андрей (Ухтомский).

В условиях общественно-политического подъема в 1917 г. важным этапом на пути формирования программы общецерковных реформ стал созыв Всероссийского съезда духовенства и мирян, который проходил с 1 по 12 июня 1917 г. в Москве. Открытию съезда предшествовали повсеместно проводимые в апреле–мае местные съезды духовенства, которые продемонстрировали активную общественно-политическую позицию в вопросах переустройства церковного управления, взаимоотношений государства церкви и общества².

В ходе подготовки съезда, Святейший Синод принял ряд положений, в числе которых 1–5 мая 1917 г. было издано постановление «О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении»³. Такая позиция Святейший Синода способствовала оживлению общественных дискуссий на местах, ярким примером чему стала Уфимская епархия. Епископ Уфимский и Мензелинский Андрей (Ухтомский), будучи заметной фигурой в высших правительственных кругах и церковной иерархии, был введен Временным правительством 14 апреля в состав Святейший Синода, и своей позицией выразил желание значительной части представителей высшего духовенства оправдать революционные события февраля 1917 г. и не допустить реставрации в России монархии⁴. Заявленная им позиция нашла отражение и в том, что епископ Андрей прилагал значительные усилия к объединению общества и формированию единой программы дальнейших действий на уровне собственной епархии. В этой связи интерес представляет анализ содержания материалов «Уфимских епархиальных ведомостей»⁵, а также журнала «Заволжский летописец» за 1917 г., который издавался от имени Восточно-русского культурно-просветительного общества, основанного и возглавляемого епископом Андреем. На страницах «Заволжского летописца» в связи с произошедшими событиями в феврале 1917 г., епископ Андрей приветствовал новую власть, охарактеризовав реалии общественно-политической жизни так: «...мы стоим лицом к лицу с величайшими возможностями в истории России и в истории Русской Церкви»⁶.

Когда епископ Андрей был приглашен новой властью в Петроград и отклонил предложение стать митрополитом Петроградским, он побывал в действующей армии и результаты своей поездки подробно изложил на страницах «Заволжского летописца». О своей встрече с русскими офицерами и солдатами на фронте он сообщал в заметке под

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В 19-78.

² Каиль М.В. Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255.

³ Там же.

⁴ Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011. С. 239.

⁵ Уфимские епархиальные ведомости за 1917 г. Уфа, 1917.

⁶ Заволжский летописец. 1917. № 6. С. 151.

названием «Мои воспоминания о поездке в Петроград и в армию» следующее: «4 марта, получив срочную телеграмму от обер-прокурора свят. Синода В.Н. Львова о немедленном прибытии в Петроград, я того же числа и выехал туда... 12 марта, по просьбе военного министра А.И. Гучкова, я выехал из Петрограда в Ригу и Двинск для того, чтобы посетить войска передовых позиций нашей армии и благословить их на новый подвиг ратный, на защиту каждой сажени земли родной, при новом строе русской жизни. Проехав сначала в Псков, я посетил генерала Рузсаго, который удивил меня своим смирением и простотою. Очень понятно, что такие начальники при всяких режимах останутся общими любимцами». Далее епископ Андрей, призывая к поддержке новой власти, прежде всего, взывал к патриотическому чувству каждого солдата: «...теперь все наше помышление, все силы должны быть направлены на защиту родины от внешнего врага, ...мы все должны руководствоваться этою мыслью. “Бог, совесть чистая и родина”, – вот все, что должно занимать наши умы и сердца»¹.

Отметим, что передовая пресса страны не обошла вниманием данное событие. Так, по поводу приезда епископа Андрея в Петроград, газета «Русское слово» от 14 марта сообщала следующее: «...вчера в Казанском соборе, в присутствии многотысячной толпы молящихся Епископ Уфимский, Андрей, произнес горящую проповедь, в которой призывал солдат и народ к созидательной работе, к объединению всей России, к достижению одной общей цели, к окончательной победе над внешним врагом. Закончил епископ следующими словами: «Сегодня я вызван генералом Рузским на фронт. Верьте Рузскому – он русский в полном и прекраснейшем смысле этого слова и вас, православные, не предаст»².

В одном из номеров «Заволжского летописца» епископ Андрей в своем обращении «К русскому духовенству», адресованному, прежде всего сельскому духовенству, призывал к активному участию в организации приходской жизни: «Итак, настал последний час, когда духовенство, столкнувшись с действительною жизнью, и незагипнотизированное своими близорукими руководителями, может настроить приходскую жизнь – вернее: удержать народ в церковной ограде для пользы самого же народа.

Духовенство должно дать себе клятву, ни в какую политику не лезть, никаких политических речей не произносить, а только делать свое великое церковное дело организации народа вокруг Церкви»³.

По возвращении из Петрограда весной 1917 г. епископ Андрей приступил к осуществлению приходской реформы с введением приходского самоуправления (через приходские советы) и выборности всего духовенства. Примечательно, что многие видные деятели Восточно-русского Общества из числа интеллигенции активно участвовали в общественно-политической деятельности, а с лета 1917 г. возглавили приходские советы и вошли в состав Правления уфимских православных приходов⁴.

Как уже было отмечено, особое внимание в сложившейся политической ситуации он уделял вопросу консолидации общества и видел возможность осуществления этого через организацию приходской жизни. В одном из обращений к пастве епископа Андрея,

¹ Заволжский летописец. 1917. № 7. С. 178–180.

² Там же. № 6. С. 146.

³ Там же. С. 147–148.

⁴ Зими́на Н.П. Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества в г. Уфе (1916–1919 гг.) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Сб. докл. Междунар., Общерос. и Межрег. науч.-практич. семинаров и конф. 2004–2005 гг. М., 2005. Вып. 2С. 220.

православный приход должен был стать объединяющим центром для выработки христианского отношения к современным событиям¹.

По инициативе епископа Андрея был созван экстренный съезд духовенства и мирян Уфимской епархии 25 апреля в Уфе, в рамках которого была утверждена программа съезда, главные цели которой определялись призывом к возрождению церковно-приходской жизни при современной свободе вероисповедания, и мерами к укреплению церковной жизни².

Примечательно, что наиболее остро обсуждаемые вопросы в рамках епархиальных съездов, в том числе и уфимского, легли в основу деятельности Всероссийского съезда духовенства и мирян. Положения о приходе были выработаны самой обширной секцией Съезда, которой руководили известные ревнители церковно-приходского обновления, в числе которых были А.А. Папков, Н.Д. Кузнецов и епископ Андрей³. Центральным был вопрос о важности возрождения приходских собраний и советов. Одновременно обсуждалась необходимость активизации внутренней миссии Русской Православной церкви. Участники Съезда отмечали, что миссионеры-проповедники должны расширять свое дело, как в осуществлении миссионерской работы по отношению к раскольникам и представителям иных вер, так и в отношении всесторонней помощи приходским пастырям в реорганизации приходской жизни⁴. Отметим, что идеи, которые легли в основу «Положения о приходе», были предложены и активно разрабатывались и воплощались в жизнь епископом Андреем на территории Уфимской епархии. По мнению владыки, необходимо решительное вмешательство со стороны клира в общественную жизнь, священник обязан вносить духовное начало во все сферы функционирования прихода, в состав которого должна входить школа, больница, богадельня, библиотека, ремесленное училище и другие учреждения. Именно священник является связующим звеном с внешним (за пределами прихода) миром и возглавляет приходские отделения общественных организаций государственного масштаба: т. е. вся общественная жизнь должна проходить под контролем и с благословения настоятеля. Само собой разумеется, что обладание подобной духовной властью требует полной самоотдачи и высоконравственной жизни. Священник должен пользоваться абсолютным доверием прихожан, поэтому, делал вывод епископ Андрей, приход пользуется правом выбора и смещения своего пастыря⁵. Этому моменту владыка придавал большое значение и подробно разработал рекомендации акта избрания и ввел их повсеместно на территории своей епархии с июля 1916 г. Еще в апреле 1916 г. были опубликованы «Правила для избрания настоятелей храмов Божиих Уфимской епархии», в предисловии к которым Епископ писал: «решаюсь просить вашей, братие, помощи в выборе и отыскании таких добрых пастырей, таких рабов Господних, которые были бы приветливы ко всем, учительны, незлобивы, наставляли бы всех с кротостью, чтобы были образцом в слове, в жизни, в любви, в вере, в чистоте». Весной 1917 г. епископ Андрей осуществил приходскую реформу с введением приходского самоуправления (через приходские советы) и выборности всего духовенства⁶.

Также одним из самых дискуссионных вопросов, обсуждавшихся в рамках Съезда, был вопрос об отделении церкви от государства. Мнение епископа Андрея (Ухтомского)

¹ Заволжский летописец. 1917. № 6. С. 153.

² Зеленогорский М. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991. С. 183.

³ Потехин С.М. Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве по личным впечатлениям. Киев, 1917. С. 6–8.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Зеленогорский М. Указ. соч. С. 18–19.

⁶ Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 7. С. 219–220.

по этому поводу было следующим: «Съездом уже предрешен вопрос о том, что отделение церкви от государства не произойдет, и что обеспечение духовенство будет получать от государства. Я сочувствую такой точке зрения, но почти уверен, что в жизни этого никогда не будет, и прежнее сожитие между церковью и государством не восстановится»¹. Опыт деятельности Поместного Собора подтвердил актуальность этого вывода.

Результатом работы Съезда стало практически единогласное принятие Декларации на его заключительном заседании 12 июня, которая представляла собой обобщение резолюций российских епархиальных съездов. В ней падение монархии признавалось закономерным. В частности, она гласила: «Приветствуем совершившийся политический переворот, давший церкви вместе со свободой самоуправления, возможность подобных настоящему собраний, в тесном единении духовенства с мирянами. Чтим, как граждане, память самоотверженно страдавших и умиравших в борьбе за права народа и благословляем имена живых, ставших во главе народного движения к свержению прежней, потерявшей общее доверие власти»².

Таким образом, изучение материалов деятельности духовенства Уфимской епархии по разработке проекта церковной реформы и обсуждению вопросов о судьбах Православной церкви позволяет глубже понять сущность отношения представителей церковных кругов к переживаемым событиям 1917 г. в общероссийском масштабе и на региональном уровне, а также увидеть прямую преемственность обсуждаемых вопросов и принятых решений в работе Съезда и Поместного Собора.

Источники и литература

1. Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. 920 с.
2. Заволжский летописец. 1917. № 6, 7.
3. Зеленогорский М. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М.: Терра, 1991. 334 с.
4. Зимина Н.П. Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества в г. Уфе (1916–1919 гг.) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Сб. докл. Междунар., Общерос. и Межрег. науч.-практич. семинаров и конф. 2004–2005 гг. М., 2005. Вып. 2. С. 220.
5. Каиль М.В. Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255.
6. Потехин С.М. Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве по личным впечатлениям. Киев: Тип. Киево-Печер. лавры, 1917. 15 с.
7. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной церкви) / Сост., автор предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М.: Индрик, 2008. 504 с.
8. Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 7.
9. Уфимские епархиальные ведомости за 1917 г. Уфа: Уфимская электрическая типография, 1917.

¹ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной церкви) / Сост., автор предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М., 2008. С. 134.

² Там же. С. 185.

А.П. ЧУЛОШНИКОВ И ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ КИРГИЗСКОГО КРАЯ В «ОРЕНБУРГСКИЙ» ПЕРИОД

Аннотация. Начальный «оренбургский» этап деятельности Общества изучения Казахстана напрямую связан с именем известного советского историка, специалиста по истории Казахстана, Средней Азии и Башкирии А.П. Чулошникова и его подвижнической деятельностью. В период его руководства Обществом изучения Киргизского края были практически заложены основы всех последующих научных краеведческих обществ Казахстана.

Ключевые слова: А.П. Чулошников, Общество изучения Киргизского края, Оренбургская Ученая Архивная комиссия, Оренбургский отдел Русского географического Общества, Оренбург, библиотека.

В 1920 г. Оренбургская губ. вошла в состав автономной Киргизской (Казахской) ССР, а г. Оренбург стал административным центром вновь образованной Республики. К этому времени на территории Оренбургской губ. уже прекратили существование местные научные общества – Оренбургская Ученая Архивная комиссия и Оренбургский отдел Русского Географического Общества. Безусловно, молодой республике в числе прочих задач было необходимо реанимировать и научную жизнь в крае, но в связи с тем, что речь шла об Оренбурге как столице автономии, то было принято решение не о воссоздании прежних, а о создании нового научного общества, получившего название «Общество изучения Киргизского края» (далее – Общество). Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что новое научное общество было создано по инициативе членов бывшей Оренбургской Ученой Архивной комиссии и Оренбургского отдела Русского Географического Общества на тот момент еще остававшихся в г. Оренбурге. По замыслу организаторов каждый член нового общества, интересующийся той или иной отраслью науки, «должен был бы свободно и независимо ни от каких канцелярий, прилагать свой труд, свои знания и свои умения к изучению далеко еще неизученного и необследованного Киргизского Края»¹.

15 октября 1920 г. в помещении Музея Оренбургского края состоялось первое учредительное собрание Общества, на которое были приглашены «все желающие работать в области местного края»². В итоге на первом заседании присутствовали 38 чел., изъявивших желание вступить в члены Общества. На собрании был заслушан и утвержден с поправками редакционного характера проект Устава и избрано временное Правление, которому было поручено оформить регистрацию Устава в надлежащих учреждениях, согласно действующих законов Республики. Фактически Общество изучения Киргизского края было зарегистрировано 1 ноября 1920 г. Согласно Уставу, Общество существовало на правах Ученого Общества и являлось прямым преемником Оренбургской Ученой Архивной Комиссии и Оренбургского отдела Российского Географического Общества впредь до возобновления их деятельности³.

Своей главной задачей Общество ставило всестороннее изучение вопросов, касающихся Киргизской народности, причем не исключалась и возможность изучения областей сопредельных с Кирреспубликой⁴. Однако, несмотря на широко заявленную задачу, в связи с отсутствием денежных средств на научные экспедиции, все изыскания

¹ Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1921. Вып. 1. С. 99.

² Коммунар. 1920. 14 окт. С. 3.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 841. Л. 1.

⁴ Коммунар. 1920. 27 нояб. С. 3.

проводились исключительно на местном оренбургском материале. При этом даже то, что делалось, делалось на личные сбережения самих членов Общества.

Правление Общества состояло из 5 чел., председателем Правления был избран А.П. Чулошников, его заместителем – А.П. Гра. За первый год деятельности Обществом было организовано 10 заседаний, несколько из них были посвящены вопросу его торжественного открытия, которое состоялось 1 декабря 1920 г. В соответствии с программой торжественного заседания было заслушано 6 докладов, два из которых были представлены непосредственно председателем А.П. Чулошниковым – один из них организационный – «История возникновения Общества и его общие задачи», другой – непосредственно касающийся его научных пристрастий «Вопрос о происхождении киргиз-кайсацкой народности в исторической науке и народные казакские предания как источники дальнейшего освещения»¹.

Первоначально в Обществе было образовано 3 основных отдела (секции): историко-археологический, естественно-географический и этнографический. В 1921 г. в связи с увеличением количества членов были созданы экономический и агрономический (сельскохозяйственный) отделы, а в 1924 г. вследствие перехода трудовой школы на новую программу – отдел школьного краеведения². В первый же год работы были выработаны основные положения деятельности отделов. Естественно-географический отдел занимался изучением природы и богатств края, а также отслеживанием современного состояния естествознания путем рефератных сообщений. Этнографический отдел своей основной задачей ставил изучение Киргизской Республики в этнографическом и антропологическом отношении; сбор материала на эту тематику; содействие устройству и развитию этнографических отделов при музеях и отдельным лицам, посещающим Киргизский край с научной целью; «сближение между собой лиц, интересующихся этнографией края». Историко-археологический отдел вел работы по изучению археологии края, проводил раскопки имеющихся в степи курганов, составлял археологическую карту региона, осуществлял сбор всякого рода исторических материалов у частных лиц (записок, грамот, мемуаров, легенд, имеющих историческое значение) и их обработку путем написания статей, очерков, заметок³. Следует отметить, что обязанности заведующего историко-археологического отдела исполнял председатель Общества А.П. Чулошников. В 1922 г. на должности председателя Общества его сменил К.К. Саковский, однако А.П. Чулошников был избран членом-корреспондентом от Общества в Центральное бюро Краеведения и продолжал выступать на заседаниях Общества с докладами, тематика которых в основном касалась истории киргизского народа⁴.

Анализируя имеющиеся в распоряжении опубликованные отчеты Общества изучения Киргизского края за 1920–1924 гг. можно сделать вывод о том, что наиболее продуктивно работала естественно-географическая секция. Ее председатель П. Воронцовский, исследуя этнофауну окрестностей г. Оренбурга, довел коллекцию насекомых до 284 экземпляров и обнаружил 6 новых видов. С.Е. Рожанец-Кучеровская изучала флору, определив все гербарные сборы 1923–1924 гг.⁵ В 1924 г. данной секцией был разработан и принят пятилетний план работы, предусматривающий систематизацию

¹ Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1921. Вып. 1. С. 101–102.

² Там же. С. 100, 104; Труды общества изучения Казакстана (Киргизского края). Оренбург, 1925. Т. 4. С. 296.

³ Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Вып. 1. С. 105 – 107.

⁴ Труды общества изучения Казакстана (Киргизского края). Т. 4. С. 295.

⁵ Чибилев А.А. На границе Европы и Азии / А.А. Чибилев, Д.А. Сафонов, Ф.Н. Мильков. СПб.; Оренбург, 2003. С. 58.

картографического материала по Кирреспублике и издание школьной карты республики по заданию Кирнаркомпроса¹.

С первых же дней своего существования Правление Общества пыталось установить деловые контакты с другими научными организациями Кирреспублики с целью обмена с ними своими трудами и изысканиями, но в связи с несовершенством почтового сообщения эта задача была решена лишь частично. Хотя Обществу удалось создать свои отделения в Иргизе, Уральске и Урде.

Однозначным успехом Общества и его первого председателя А.П. Чулошникова следует считать открытие в 1921 г. в г. Оренбурге отделения Московского Археологического Института, в котором затем Чулошников читал курс лекций².

Одним из главных вопросов, стоявших перед первым составом правления Общества являлся вопрос издания его научных материалов. В целях информирования населения Кирреспублики о деятельности Общества и его научных достижениях рассматривался вопрос о выпуске «Бюллетеня Общества», первый номер которого был составлен уже в первый год его работы секретарем Правления И.М. Расторгуевым. К сожалению, данное печатное издание так и не вышло в свет в связи с отсутствием достаточных средств на него и затруднительными условиями, в которых в целом находилась оренбургская печать того времени. Также одним из рассматриваемых вариантов была публикация статей в журнале, который планировал издавать Кирнаркомпрос, однако в связи с тем, что появление этого журнала затягивалось на неопределенный срок, общество решило издавать свои «Труды» самостоятельно.

Выпуск первого номера «Трудов Оренбургского общества изучения Киргизского края» был намечен на январь 1921 г., но из-за отсутствия бумаги и элементарной невозможности достать ее где-либо, а также волокиты с получением всевозможных разрешений на работу с типографиями, осуществить эту задачу в срок не удалось³. Первый выпуск был опубликован в конце 1921 г. в типографии М.Н. Махова. Изыскание средств для издания «Трудов» Общества неизменно оставалось актуальной проблемой. Так, для издания IV выпуска, включающего в себя 1 000 киргизских народных мотивов, собранных и записанных музыкантом-этнографом А.В. Затаевичем, пришлось ходатайствовать о выделении из краевого фонда субсидии в размере 6 048 руб.; а в расходах по публикации VI выпуска принимали участие Кирнаркомзем и Госиздат⁴. Тираж издаваемых книг был небольшим, например, тираж VI тома Трудов Общества изучения Казакстана (Киргизского края) составил 500 экз.

Еще одним достойным уважения направлением деятельности Общества была систематизация богатой научной библиотеки края. Забота о книгах была вызвана, прежде всего, их крайне плачевным состоянием. Книги находились в ведении Губотнароба, сваленными в кучу на полу в помещении, совершенно непригодном для хранения книг, и постепенно расхищались⁵. По свидетельству библиотекаря отдела народного образования С.М. Петрова, начальники всех проходивших на Ташкент воинских частей Красной Армии считали своим долгом что-нибудь увезти с собой. В результате пропал весь картографический материал, исчезли наиболее ценные монографии о Средней Азии. Когда же Петров, как писал позднее очевидец событий П. Воронцовский, «пробовал протестовать, ему просто показывали наган». В итоге, по самым приблизительным

¹ Труды общества изучения Казакстана (Киргизского края). Т. 4. С. 297–298.

² Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Вып. 1. С. 102, 104.

³ Там же. С. 102, 103.

⁴ Труды общества изучения Казакстана (Киргизского края). Т. 4. С. 296.

⁵ Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Вып. 1. С. 102–103.

подсчетам, от общего количества книг, хранящихся в Оренбургском губоно, оставалось около половины¹.

Вновь созданному научному обществу Кирнаркомпросом были переданы все чудом уцелевшие книги. В виде основного ядра в состав библиотеки вошли книги, оставшиеся от бывших библиотек Оренбургского отдела Русского Географического общества (около 20 тыс. томов), Оренбургской Ученой Архивной комиссии (около 15 тыс. томов) и Оренбургского отделения Московского Археологического института (около 5 тыс. томов), что в целом составило около 40 тыс. книг². Систематические работы по приведению в порядок библиотеки, каталогизация и инвентаризация книг начались с 1 июля 1923 г., когда для этой цели была выделена ставка профессионального библиотекаря³.

В 1924 г., после очередного административно-национального размежевания Средней Азии, Казахстан приобрел южные территории, и перед властями республики встала задача переноса столицы в центр республики – в г. Кзыл-Орду. В свою очередь Оренбургский губисполком поставил вопрос о восстановлении Оренбургской губ. и возвращении ее в состав РСФСР, что и было сделано в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 6 апреля 1925 г⁴.

Общество изучения Киргизского края продолжило свою работу в новой столице республики, где вышли в свет новые тома «Трудов», вполне естественно, что оренбургская тематика в них уже отсутствовала. Всего же за период деятельности Общества в г. Оренбурге на основе исследований местного материала было издано шесть томов (пятый том состоял из двух частей)⁵.

Одним из щепетильных вопросов при переезде Общества стал вопрос о судьбе библиотеки. К этому времени в г. Оренбурге был восстановлен Оренбургский отдел Российского географического общества который начал активно вести переговоры о возвращении законному владельцу библиотеки Отдела. Однако, 7 июля 1925 г. по личному распоряжению заместителя наркома просвещения КССР все книги библиотеки общества изучения Казахстана были в спешном порядке отправлены в Кзыл-Орду. В Государственном архиве Оренбургской обл. сохранился акт, ярко иллюстрирующий внезапность перевозки: «книги упакованы преимущественно в старые рогожи, не обернуты ни холстом, ни бумагой и не перевязаны в пачки; упаковка слабая, не плотная, что должно вызвать трение и сказаться на целостности и сохранности книг; рогожи не плотные, просвечивающие и не прочные». По словам библиотекаря Общества Е. Чубинской, «подсчетов не производилось по распоряжению Кирнаркомпроса, так что определение их количества невозможно»⁶.

Вплоть до 1927 г. велась переписка между Оренбургским губисполкомом и Наркомпросом Казахстана⁷, оренбургские власти даже обращались с соответствующими ходатайствами в ВЦИК. В итоге, 7 февраля 1927 г. из Казахстана был получен официальный ответ о том, что претензии оренбургской стороны беспочвенны и бесперспективны, поскольку спорные книги уже включены в состав библиотеки научного Общества изучения Казахского края⁸.

¹ Чибилев А.А. На границе Европы и Азии / А.А. Чибилев, Д.А. Сафонов, Ф.Н. Мильков. СПб.; Оренбург, 2003. С. 57.

² ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 841. Л. 147.

³ Труды общества изучения Казакстана (Киргизского края). Т. 4. С. 299–300.

⁴ Чибилев А.А. Указ. соч. С. 58–59.

⁵ Сафонов Д.А. Очерки историографии оренбургской истории. Оренбург, 2005. С. 318–321.

⁶ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 841. Л. 17.

⁷ Там же. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–7.

⁸ Там же. Ф. Р-2554. Оп. 1. Д. 4. Л. 13–14.

Таким образом, оренбургский период деятельности Общества изучения Киргизского края заложил практические основы всех последующих научных обществ краеведческой направленности в Казахстане. Общество продолжало функционировать до 1929 г. В целом, за время его существования было опубликовано 10 томов «Трудов». Все материалы, опубликованные в них, интересны и сейчас. Это уникальный источник по изучению разноаспектных сторон формирования киргизской (казахской) народности.

Источники и литература

1. Коммунар. 1920. 14 окт., 27 нояб.
2. Сафонов Д.А. Очерки историографии оренбургской истории. Оренбург: Оренбургская губерния, 2005. 364 с.
3. Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург: Типография М.Н. Махова, 1921. Вып. 1. 110 с.
4. Труды общества изучения Казакстана (Киргизского края). Оренбург: Русско-Казакская типография Казгосиздата, 1925. Т. 6. 310 с.
5. Чибилев А.А. На границе Европы и Азии. СПб.; Оренбург: УрО РАН; Оренбургская губерния, 2003. 158 с.
6. Государственный архив Оренбургской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 841; Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 3; Ф. Р-2554. Оп. 1. Д. 4.

ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.¹

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты изменения социально-экономического статуса «иностранного» населения Крыма после присоединения его к России в конце XVIII – начале XIX в. Проанализированы законодательные акты и постановления, принятые российским правительством в отношении крымских татар, евреев-раввинистов, караимов. Выявлены архивные документы, в которых отражена история изменения российского законодательства в отношении вышеуказанных категорий населения. Сделан вывод о том, что в правовом поле Российской империи крымские татары и караимы получили новый юридический статус, по которому им предоставлялись различные права и свободы. С другой стороны, усиливалось налоговое бремя и социальный гнет в отношении еврейского населения, а также проводилась недальновидная политика в отношении земельных прав крымско-татарского населения, что вызвало эмиграцию части крымских татар.

Ключевые слова: Крым, караимы, крымские татары, евреи, российское законодательство.

Конец XVIII – начало XIX в. ознаменовался для Крыма существенными изменениями в этнической и конфессиональной сферах. Переселение крымских христиан за пределы полуострова, проведенное А.В. Суворовым по приказу русских властей, и длившееся с мая по ноябрь 1778 г., внесло серьезные коррективы в политическую и экономическую сферы. Из 8 городов и 66 сел полуострова было выселено 31 386 чел., среди которых насчитывалось 18 395 греков, 12 609 армян, 156 валахов, 140 грузин; 12 валахов и 78 грузин были освобождены из плена². В связи с этими событиями многие населенные пункты Крыма практически обезлюдели. Сократилось число жителей таких городов, как Кафа, Бахчисарай, Карасубазар, Гезлев, Ак-Мечеть, Старый Крым, Балаклава. Полностью или частично опустели 67 горных селений. Массовые эмиграции крымских татар в Турцию в 1783 г. и в последующие годы привели к тому, что заброшенными также оказались многие сады, виноградники и пахотные земли Крыма.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг., военные действия, которые велись на полуострове в период правления Шагин-Герая, эпидемия чумы, свирепствовавшая в Крыму в 1783–1784 гг. (вспышки болезни были зафиксированы в Ак-Мечети, Перекопе, на Керченском полуострове; по всей линии черноморского побережья до Сиваша учреждалась пограничная стража, которая обязана была следить за тем, чтобы никто не мог покинуть и въехать в Крым без разрешения и специального досмотра), крайне негативно отразились на состоянии экономики в регионе.

Манифест императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г., по которому Крымский полуостров провозглашался частью Российской империи, определял статус старожильческого населения. В документе сообщалось, что его местные жители будут находиться под защитой правительства; им будут предоставлены те же права, что и «природным подданным» Российской империи. Императрица обещала «охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру <...> позволять каждому из них

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0013 «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

² Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества (историческая справка) // Таврический церковно-общественный вестник. Симферополь, 1910. № 11. С. 534, 535.

состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в России пользуется»¹. Именным указом от 28 июля 1783 г. «О принятии Крымских жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство» Новороссийскому генерал-губернатору князю Г.А. Потемкину предписывалось следить за соблюдением ранее обещанных прав и свобод. Местным жителям гарантировалась и свобода религиозная («при соблюдении неприкосновенности их природной веры»). Помимо этого, указом устанавливался ряд налогов и сборов: перечислялись доходы «таможенные, с соли с озер продаваемые, с земли вместо поголовных и десятинные с произрастаний», причем документом предписывалось, чтобы налогообложение «не было в тягость народную». К тому же часть доходов предполагалось отпускать на «надлежащее и нескудное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные полезные дела». Дальновидной мерой правительства стало и специально оговоренное право не призывать на воинскую службу представителей старожильческого населения (и прежде всего, крымских татар), без их «собственной доброй воли и желания»².

Закрепить ранее полученные права и привилегии предполагалось указом от 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства», в соответствии с которым представители крымско-татарской знати, после надлежащего подтверждения «жалованных предкам их Государевых грамот», приравнивались к дворянству российскому, за исключением права «приобретать, покупать и иметь крепостных или подданных Христианского исповедания»³.

В соответствии с указом Сената от 9 ноября 1794 г. «Об оставлении владельцев Таврической обл. в свободном распоряжении их поместьями, вотчинами и тому подобными дворянскими имениями с распространением права сего на их наследников», лицам из числа крымских татар был дарован ряд льгот, в т. ч. представителям мусульманского духовенства, кадиям, мурзам, ранее владевшим собственностью («землями, деревнями, садами и прочими угодьями»), а также их наследникам, подтверждалось ранее данные права и привилегии. Однако дальнейшие продажа и приобретение такового имущества могла осуществляться исключительно теми, кто имел на это право в рамках российского законодательства, т. е. лицами дворянского происхождения⁴.

В соответствии со сведениями, собранными в «Камеральном описании Крыма», на полуострове в 1783 г. насчитывалось 56 796 муж. нехристианского населения, в т. ч. 1 407 «жидов» (евреев-раввинистов, или крымчаков, а также караимов) при общей цифре населения 140 тыс. чел. (мужчин и женщин)⁵. Численность крымских татар после эмиграции части населения в Турцию оценивалась в 1793 г. в 112 200 чел.⁶ Вскоре в Крым было переселено значительное число представителей различных этносов и конфессий. С 1791 г. евреям-раввинистам (или т. н. «польским евреям») разрешили селиться в Новороссии (в Екатеринославской, Херсонской губ. и Таврической обл., а с 1812 г. и в Бессарабской обл.); с 1794 г. они получили право на проживание в северо-восточных губерниях Украины (Черниговской и Полтавской). На Крымский полуостров переселялись евреи-ашкеназы, которые обосновались в Керчи, Симферополе,

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. 21. С. 898.

² Там же. С. 896.

³ Там же. Т. 22. С. 51.

⁴ Там же. Т. 23. С. 585, 586.

⁵ Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 159; [Лашков Ф. Ф.] Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 6. С. 39.

⁶ Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М., 2003. С. 120.

Севастополе, Евпатории, Феодосии (отчасти они вливались в местные крымчакские общины). Ко времени присоединения Крыма к России крымчакская община Крыма составляла около 800 чел.¹

23 июня 1794 г. для евреев Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губ. и Таврической обл. устанавливалась двойная норма налогообложения: «Позволив евреям отправлять мещанские и купеческие промыслы их <...> записываться по городам в мещанство и купечество, повелеваем с тех из упомянутых евреев, которые таковым дозволением пользоваться желают, собирать с 1 числа следующего июля установленные подати вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий»². Отметим, что данный шаг правительства негативно отразился на экономическом положении евреев Российской империи. Вскоре евреи получили, согласно указа 21 января 1796 г., право откупа (по 500 руб. за 1 чел.) от обязанности предоставлять рекрутов для военной службы³.

Вскоре к правителю Новороссии и Бессарабии графу П.А. Зубову с ходатайством об освобождении их от уплаты двойного налога обратились крымские караимы – в связи с тем, как указывалось в прошении, что для них это было «сколько отяготительно, столько и постыдно»⁴. С этой целью в 1795 г. в Санкт-Петербург отправилась делегация, уполномоченная представлять интересы караимов. В ее состав вошли такие влиятельные члены караимской общины, как: купец Шломо «Чабак» Бабович, бывший управляющим финансами и заведующий монетным двором последнего крымского хана Шагин-Герая Биньямин бен Шмуэль Ага, а также караимский гахам Чуфут-Кале Исаак бен Шломо.

Визит этот закончился для караимов благоприятно, поскольку заключение, представленное П.А. Зубовым (где, в частности, утверждалось, что караимы, в отличие о евреев-раввинистов, «живут на местах пребывания своего мирно и постоянно, упражняются в разных рукоделиях трудолюбиво, поведением своим, тишиною и доставляемою пользою всей Тавриде со стороны распространения полезных рукоделий и торговли, заслужили от начальства особливую похвалу и уважение», а также «отправляют по выборам службу и должности с возможным усердием»), было рассмотрено Екатериной II, подписавшей специальные рескрипты и указы, на основании которых члены крымских караимских общин получили ряд прав и привилегий⁵.

Например, 8 июня 1795 г., в соответствии с высочайшим рескриптом крымские караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты т. н. «рекрутских» денег и солдатского постоя. «Всемилоостивейше повелеваем не брать с них [караимов] двойных податей, каковые положены на всех вообще евреев, – говорилось в документе, – а взыскивать оные по-прежнему наравне с прочими купцами и мещанами, в области Таврической живущими, предоставляя вашему распоряжению об оказании им по возможности и других выгод и облегчений с предостережением только, чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Раббинов, и о которых изданные от Нас высочайшие узаконения должны исполняемы быть во всей точности»⁶. Таким образом караимы освобождались от уплаты дискриминационного

¹ Куповецкий М.С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С. 82.

² ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 23. С. 532.

³ Там же. С. 857, 858.

⁴ [Кириенко Г.К.] Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области // ИТУАК. Симферополь, 1895. № 23. С. 20, 21.

⁵ Прохоров Д.А. Правовые основы организации конфессионального самоуправления караимов в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Учёные записки Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. Симферополь, 2015. № 1. С. 76–88.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 23. С. 705, 706.

налога, установленного для российских евреев; караимам также разрешалось приобретение земельной собственности. В разъяснении, направленном графом П.А. Зубовым правителю Таврической обл. генерал-майору С.С. Жегулину, речь шла о том, что караимы имеют право владеть и наследовать недвижимое имущество, а также о равных с «прочими обывателями повинностях по расположению постоя в домах». Что касалось «платежу рекрутских денег», П.А. Зубов сделал пояснение, что «через таковое их облегчение не могло быть обременения прочим обывателям, с которыми они по законам должны нести равные повинности»¹.

В результате IV и V «народных ревизий» (переписей податного населения) 1792 и 1796 гг. выявлено, что общее число жителей на полуострове составило 156 400 чел. Из них 87,6 % приходилось на долю крымских татар, 4,3 % – русских, 1,9 % – греков, 1,7 % – цыган, 1,5 % – караимов, 1,3 % – украинцев, 0,8 % – евреев, 0,6 % – армян, 0,1 % – немцев, и 0,1 % составляли болгары².

Конец XVIII – первая половина XIX в. ознаменовались для крымских татар, евреев-раввинистов и караимов существенными изменениями в их социально-экономическом и правовом статусе. Шел процесс укрепления российской правовой базы в отношении крымско-татарского населения. Однако, несмотря на ряд принятых правительством законов, администрация на местах вскоре стала испытывать определенные проблемы не только в сфере инкорпорации крымско-татарских мурз в российское общество (вызванные, прежде всего, отсутствием необходимых документов, подтверждающих их статус), но и в отношении урегулирования вопросов землевладения. Фактически бесконтрольная и бессистемная раздача земель полуострова российским вельможам и помещикам вскоре привела к тому, что даже созданная в 1802 г. «Комиссия для разбора поземельных споров» в Крыму ничего существенного в деле урегулирования этого вопроса не сделала³. Ключевым фактором, вызвавшим последующие волны эмиграции крымских татар, стало возрастающее малоземелье и прямое обезземеливание крымских татар в результате недальновидной политики русских властей. Напротив, караимы, приобретая ранее брошенные и пустующие земельные участки, а также скупая их у крымских татар смогли значительно укрепить свое материальное положение.

В 1804 г. в Таврической губ. провели перепись еврейского населения, приуроченную к изданию высочайше утвержденного 9 декабря 1804 г. «Положения об устройстве Евреев». Документ, разработанный для «умеренности и попечению об истинном благе Евреев, столько и основанными на пользах коренных обывателей тех губерний, где людям сим жить дозволяется», состоял из нескольких глав и подпунктов, в которых определялись права и свободы еврейского населения Российской империи. В частности, были перечислены территории, где евреи могли жить и торговать. Тем самым правительство ограничивало их расселение во внутренних губерниях Российской империи, создав т. н. «черту оседлости» (в число губерний, в которых евреям дозволялось жить, вошла и Таврическая губ.). Реформа призвана была решить две основные задачи: улучшить материальное благосостояние евреев, и, что более важно, защитить христиан от т. н. «еврейской эксплуатации»⁴.

¹ [Кириенко Г.К.] Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области // ИТУАК. Симферополь, 1895. № 23. С. 21–23.

² Водарский Я.Е., Елисева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М., 2003. С. 121, 122.

³ Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. 12. Т. 2. С. 627–635.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 28. С. 731, 732, 734; Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев: происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М; Иерусалим, 2000. С. 98, 109–111, 132.

Что касается непосредственно экономических приоритетов, то по свидетельству путешественников, посетивших Крымский полуостров в конце XVIII – начале XIX в., евреи и караимы занимались «торговлей, променом монеты, соляным промыслом» и «мелким торгашеством». Практически вся мелкая торговля в крымских городах была сосредоточена в руках караимских купцов. Кроме того, среди представителей караимских общин Симферополя, Феодосии и Карасубазара было немало ростовщиков, которые давали под большие проценты денежные ссуды, как утверждалось, «разоряющимися татарским мурзам и простым татарам, и приобретая от них потом за ничто их земли»¹.

О представителях еврейского населения Таврической губ. в официальных изданиях того времени писали, что после переселения в конце XVIII в. в «южный край» «они находятся почти повсюду, занимаются торговлею, ремеслами, маклерством, а главное, водочною и другою питейною продажею. С некоторого однакож времени занялись они и другими видами промышленности, содержанием почтовых станций и мелкими подрядами», а также огородничеством и извозом². Но избежать негативной оценки при упоминании о деятельности представителей крымской общины евреев-раввинистов не удалось даже представителям Таврического губернского статистического комитета – официальной инстанции, созданной при Таврическом губернском правлении. Так, в очерке, помещенном в первом издании «Памятной книги Таврической губернии» (1867 г.) сообщалось, что лишь некоторые из евреев «стремятся стать в числе передовых в стремлении к общеевропейскому образованию»; остальные же, по мнению автора очерка, мало отличалась от своих единоверцев, проживавших в других губерниях, и занимались «с той же лихорадочной деятельностью и какой-то неестественной торопливостью торговлей, крупной и мелкой промышленностью, ремеслами и факторством»³.

Необходимо заметить, что в первой половине XIX в. официальные власти относились с выраженным предубеждением к «инородцам», населявшим «национальные» регионы империи, что отразилось и в официальной печати. Например, в «Военно-статистическом обозрении Российской Империи» 1849 г. в разделе, посвященном Таврической губ., сообщалось: «Всего разительнее нравственное различие у Караимов и Евреев, Меннонитов и Татар... Евреи, Перекопские Греки и Ногаи имеют все противные качества... их [крымских татар и ногайцев] нечистота, беспечность невыразимы, и сельских хозяев из них никогда не будет. Помещики Южного берега называют их тунеядцами, лишаями и болезненными наростами Крыма». Далее о крымских татарах автор очерка отзывался как о надменных и дерзких клязниках, при этом делая вывод, что Таврическая губ. «давно преобразилась бы так, что нельзя было бы узнать, если бы главная часть населения состояла не из татар»; а главными препятствиями в развитии экономики губернии назывались недостаток воды и «всего более лень и праздность татар». Отметим, что подобные проявления ксенофобии были не редкостью в официальной прессе того времени⁴.

В соответствии с данными, собранными в «Окладной книге о числе душ по V ревизии» на 1 января 1800 г., в уездах Новороссийской губ. проживало 106 купцов евреев и караимов (в 1804 г. – 111), причем наибольшее их число приходилось на Херсонский уезд – 39 чел. (в 1804 г. – 44). В 1801 г. они уплатили в казну налоговых сборов 2 134 руб. 71 коп. Что касается мещан, то их было 1 750 чел. (уплачено окладного

¹ Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1896. № 24. С. 132.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. Т. XI. Ч. 2: Таврическая губерния. СПб., 1849. С. 111.

³ Памятная книжка Таврической губернии / Под ред. К.В. Ханацкого. Симферополь, 1867. Вып. 1. С. 202.

⁴ Военно-статистическое обозрение... С. 106.

сбора и подушной подати на сумму 7 875 руб. – из расчета двойного налогообложения по 4 руб. 50 коп. с чел.)¹. Не «положенных в оклад» в соответствии с предоставленной по указам правительства 1795, 1796 и 1796 гг. 10-летней льготе в Новороссийской губ. насчитывалось 505 купцов, 1 341 мещанин и 297 евреев².

Купцов из числа крымских татар в 1796 г. среди купечества 1-й и 2-й гильдий не было. Купцов 3-й гильдии всего в Таврической обл. насчитывалось 1 149, при этом среди них 293 были крымскими татарами. В процентном отношении купцы крымские татары составили 25,5 % от общего числа купцов 3-й гильдии³. При этом «не положенных в оклад» крымско-татарских крестьян было 50 519 чел., а дворян – 564 чел.⁴

После того, как 8 октября 1802 г. указом Сената Новороссийскую губ. разделили на Екатеринославскую, Николаевскую и Таврическую губ. (Херсонский уезд вошел в состав Николаевской губ.), налоговая статистика по региону выглядела так: в Херсонской губ. в 1805 г. насчитывалось 43 купца (платили налог 1 236 руб.) и 1 153 мещанина из евреев и караимов (их вновь не разделяли по этноконфессиональному признаку); в Таврической губ. числилось 29 купцов и 451 мещанин из евреев и караимов⁵.

Манифестом императора Александра I от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» статус «именитого гражданства» упразднялся, а вместо него вводилось более престижное «первостатейное купечество». К этому разряду причислялись только купцы 1-й гильдии, ведущие оптовую торговлю, судовладельцы и банкиры. «Первостатейный купец» получал право приезжать к царскому двору (лично, без членов семьи), ездить каретой парой и четвериком, им разрешалось носить шпагу, записываться в т. н. «бархатную книгу» знатных купеческих родов (по примеру дворянской)⁶.

«Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле других сословий», изданное 14 ноября 1824 г., расширило права купцов 2-й гильдии. Отныне для тех, кто проживал в Волынской, Киевской, Подольской, Екатеринославской и Херсонской губ., вводилась 10-летняя льгота по уплате гильдейского сбора (1,5 % вместо 2,5 % с объявленного капитала); также разрешалось вести заграничную торговлю (однако с оговоркой – ее объем не должен был превышать 300 тыс. руб.)⁷. Если в 1815–1833 гг. прирост населения в губерниях юга России составлял 16 %, то численность представителей купеческого сословия увеличилась на 77 %; в городах южных и юго-западных губерний в 1816 г. проживало 9 400 купцов⁸. Что касается Таврической губ., то в 1808 г. здесь насчитывалось 874 купца всех трех гильдий, в 1816 г. – 200, в 1824 г. – 131, в 1827 г. – 497, а в 1854 г. – 2 955 купцов⁹. Резкое сокращение представителей купеческого сословия на полуострове во второй и третьей декадах XIX в. обусловлено двумя факторами. Во-первых, освоением крымскими купцами таких более выгодных в торговом

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 72 об., 73.

² ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 23. С. 807–809; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 73 об., 74; Д. 4. Л. 95 об.

³ Хайрединова З.З. Крымскотатарское купечество в конце XVIII – начале XIX вв.: по материалам архивных источников // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филологические науки. Т. 2 (68). № 3. 2016. С. 211.

⁴ РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 74 об.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 84, 86 об.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 29. С. 971–978.

⁷ Донік О.М. Соціальний статус купецької верстви в підросійській Україні наприкінці XVIII – у XIX ст. // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Київ, 2004. № 8. С. 90.

⁸ Донік О. М. Чисельність та етнічно-конфесійний склад купецтва України в XIX – на початку XX ст. // Український історичний журнал. 2009. № 5. С. 73.

⁹ Там же. С. 73; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 18. Л. 75 об.

отношении городов, как Херсон и Одесса, а во-вторых – выселением, согласно правительственным указам, представителей еврейского населения (значительную часть которого составляли купцы) из Севастополя и Николаева. В дальнейшем торговая экспансия крымских караимов распространилась и на другие крупные промышленные центры Российской империи – Киев, Москву, Санкт-Петербург.

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. «инордческое» население Крымского полуострова в результате масштабных мероприятий, осуществлявшихся российским правительством, постепенно интегрировалось в правовое и экономическое пространство Российской империи. Принятием соответствующих законов и постановлений власти стремились ускорить процесс вовлечения крымско-татарского, еврейского и караимского населения в гражданско-правовую и фискальную государственные системы. В числе первых преобразований после присоединения Крыма к России стала организация управления вновь созданной Таврической обл.: началась работа по формированию органов администрации и бюрократического аппарата, был утвержден штат Таврической обл., подготовлены необходимые финансовые сметы и т. д. Наряду с этим правительство Екатерины II принимало необходимые меры по обеспечению скорейшего экономического возрождения региона.

Параллельно с этим осуществлялся процесс инкорпорации крымских татар в российское правовое поле. Однако начавшаяся вскоре эмиграция крымских татар стала результатом тяжелого материального положения, связанного со злоупотреблениями со стороны российских чиновников. Помимо религиозного фанатизма, низкого культурного уровня, националистических тенденций, преобладавших в среде эмигрантов, важным фактором эмиграции стало все возрастающее малоземелье и даже прямое обезземеливание крымских татар.

В это время караимские светские и духовные лидеры предпринимали шаги, направленные на дистанцирование от евреев-раввинистов в связи с проводившимся в государстве антиеврейским курсом. Главным доводом в борьбе караимов за свои гражданские права стал тезис о непризнании ими Талмудического учения. В итоге российское правительство в первой половине XIX в. принимает ряд законов и постановлений, в которых закреплялись права караимского населения. Например, за караимами закреплялись права, которых были лишены евреи, что не могло не повлиять негативно на взаимоотношения этих двух этноконфессиональных общностей. Причем усугублялись именно те противоречия, которые впоследствии ярко проявились в теологических и научных дискуссиях конца XIX в. (в первую очередь, это касалось вопросов этногенеза караимов и времени их появления на Крымском полуострове). Вскоре законодательные инициативы правительства привели к созданию в 1837 г. Таврического и Одесского караимского духовного правления – центрального органа конфессионального самоуправления караимов середины XIX – начала XX в. А в 1863 г. караимы были полностью уравнены в правах с христианским населением России.

Источники и литература

1. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М.: Институт российской истории РАН, 2003. 159 с.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. Т. XI. Ч. 2: Таврическая губерния. СПб.: тип. Генерального Штаба, 1849.
3. Донік О.М. Соціальний статус купецької верстви в підросійській Україні наприкінці XVIII – у XIX ст. // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Київ: Інститут історії України НАН України, 2004. № 8. С. 86–108.
4. Донік О.М. Чисельність та етнічно-конфесійний склад купецтва України в XIX – на початку XX ст. // Український історичний журнал. 2009. № 5. С. 71–96.

5. Кириенко Г.К. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области // ИТУАК. Симферополь, 1895. № 23. С. 1–23.
6. Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев: происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2000. 190 с.
7. Конкин Д.В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. 12. Т. 2. С. 627–640.
8. Куповецкий М.С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С. 76–94.
9. Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 6. С. 36–63.
10. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1896. № 24. С. 72–137.
11. Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 158–176.
12. Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества (историческая справка) // Таврический церковно-общественный вестник. Симферополь, 1910. № 11. С. 442–543.
13. Памятная книжка Таврической губернии / Под ред. К.В. Ханацкого. Симферополь: тип. Таврич. губ. Правления, 1867. Вып. 1. 519 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 21. 1 083 с.; Т. 22. 1 168 с.; Т. 23. 969 с.; Т. 28. 1 328 с.; Т. 29. 1 372 с.
15. Прохоров Д.А. Правовые основы организации конфессионального самоуправления караимов в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Ученые записки Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. Симферополь, 2015. № 1. С. 76–88.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1, 4, 5, 18.
17. Хайрединова З.З. Крымскотатарское купечество в конце XVIII – начале XIX вв.: по материалам архивных источников // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филологические науки». Т. 2 (68). № 3. 2016. С. 209–214.

ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: ОТ ФИНАНСОВ К ЭКОЛОГИИ¹

Аннотация. Материалы Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка за 1874–1898 гг. свидетельствуют о неуклонном подъеме экономики Уфимской губ., обороты капиталов выросли в 4 раза. Показатели третичного сектора (финансы, услуги) отражают общий прогресс народного хозяйства. Лишь во второй половине 1880-х гг. наблюдались кризисные явления, спад деловой активности, вызванный природно-климатическими факторами. Но затем роль их сокращается, корреляция между колебаниями климата и развитием экономики ослабевает.

Ключевые слова: финансы, экономика, банки, окружающая среда, экология, Южный Урал, Уфа.

В современном информационном пространстве постоянно присутствуют различные показатели экономического развития, в первую очередь рост или уменьшение валового внутреннего продукта (ВВП). Высокий уровень технологий позволяет высчитывать различные параметры состояния промышленности и агробизнеса, банковской сферы, внешнего и внутреннего долга. Получаемые данные имеют важнейшее общественное значение, а суммарные, итоговые показатели (ВВП и др.) напрямую влияют на политическую ситуацию в государстве.

В научной литературе предпринимались попытки определить общий уровень экономического развития в историческом прошлом², в т. ч. Российской империи³. В обобщающих историях приводятся расплывчатые формулировки о кризисах, подъемах, застое в различные эпохи. При этом почти нет сведений в региональном разрезе, хотя в самом большом по территории государстве планеты отличия неизбежно значительные.

Главным препятствием для достаточно достоверной реконструкции экономики прошлого является плохая статистика, разрозненные, часто несопоставимые данные, которые, конечно, открывают широкое поле для политических манипуляций ради доказательства процветания Империи⁴ или, наоборот, ее неизбежного краха (обширная советская литература).

Предпринимаются интересные попытки определить доминирующие тренды в экономическом развитии Российской империи по урожайной статистике, показывающей состояние главной отрасли экономики⁵. Другим важным источником являются финансовые материалы.

Финансовая система в Уфимской губ. во второй половине XIX в. позволяет с

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00015.

² Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.: очерки по макроэкономической истории. М., 2015; Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013.

³ Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001; Он же. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003; см. также: Беспалов С.В. Экономическая модернизация России в конце XIX – начале XX в.: Современная историография: Аналитический обзор. М., 2014.

⁴ См.: Кузнецов И.А. Аграрная революция 1917 года в России: стоит ли изучать экономическую историю, забыв о печальном конце? // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 1.

⁵ Кузнецов И.А. Урожайная статистика губернаторских отчетов как источник для изучения динамики зернового производства в России в XIX веке // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2018.

достаточно большой долей точности проследить общую динамику экономического развития региона. Первым в Уфе возникает в 1865 г. отделение Государственного банка. Затем в конце 1873 г. открывается отделение Волжско-Камского коммерческого банка (далее: ВККБ)¹, в 1876 г. начинает работу Уфимский городской общественный банк и, наконец, в 1879 г. создается в столице края Общество взаимного кредита. Кроме того действовали структуры поземельных банков, занимавшиеся исключительно ипотекой. В уездных городах открываются городские банки (кроме Златоуста).

На 1890 г. оборот Уфимского отделения Госбанка составил 27,6 млн руб., отделения ВККБ – 58,1 млн руб., Уфимского городского банка – 8,5 млн руб., Уфимского общества взаимного кредита – 2,8 млн руб., всех прочих уездных банков – 1,3 млн руб. Почти 60 % финансовых ресурсов региона аккумулировало Уфимское отделение ВККБ. На долю Госбанка приходилось 28 %, уфимского городского банка – около 9 %, у остальных было лишь 4 % оборота капиталов всех региональных банковских структур (без ипотеки)².

Коммерческая деятельность Уфимского отделения Государственного банка исследована немного и крайне поверхностно³. Управляющий же отделением П.И. Маслов в отчете за 1871 г. сообщал, что векселя были только из других отделений и контор Госбанка, принимались вклады, осуществлялись переводы, имелись текущие счета, выдавались ссуды, проводились операции с ценными бумагами⁴. Но появившееся через два года отделение частного коммерческого банка стремительно оттеснило казенную структуру, взяв на себя основную часть финансирования местных предпринимателей.

Более-менее заметный Уфимский городской общественный банк сам долгое время осуществлял переводы через отделение ВККБ и его операции зафиксированы в отчетности последнего. Остальные финансовые структуры были просто невелики.

Таким образом, с учетом поправки на неизвестную пока коммерческую деятельность Уфимского отделения Государственного банка, проанализируем собранный массив данных.

В таблице 1 показаны обороты Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка в 1874–1898 гг. Под оборотами понимается сумма актива и пассива по всем видам операций, от вкладов до текущих счетов предпринимателей, покупка ценных бумаг и т. д. Это был основной показатель работы отделения, он всегда указывался на первом листе официального отчета, отправлявшегося в главную контору банка в Санкт-Петербург.

Таблица 1

Год	Оборот капиталов (руб.)	Прирост или убыль в процентах по сравнению с предыдущим годом
1874	25 178 507,38	–
1875	31 297 497,80	+ 24 %
1877	34 163 223,20	+ 9 %

¹ Попытку анализа материалов Волжско-Камского банка также см.: Роднов М.И. Критерии экономического роста в России (провинциальный аспект) // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 3 (9) / Отв. ред. М.А. Колеров. М., 2019. С. 24–30.

² История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века: В 2 т. Уфа, 2006. Т. I. С. 189–191.

³ См.: Ишкинина А.А. Деятельность уфимского отделения Государственного банка Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (1865–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2010.

⁴ Маслов П.И. Сведения об операциях и оборотах Уфим. отделения Государственного Банка // Памятная книжка Уфимской губернии с статистической картой губернии / Под ред. Н.А. Гурвича. Уфа, 1873. Ч. I. С. 222, 224.

Год	Оборот капиталов (руб.)	Прирост или убыль в процентах по сравнению с предыдущим годом
1878	39 513 886,18	+ 16 %
1879	56 096 582,36	+ 42 %
1880	51 011 233,52	– 9 %
1881	59 494 455,50	+ 17 %
1882	60 064 611,44	+ 1 %
1883	49 299 006,90	– 18 %
1884	47 646 572,64	– 3 %
1885	65 182 771,98	+ 37 %
1886	73 625 745,44	+ 13 %
1887	63 097 039,66	– 14 %
1888	59 157 196,04	– 6 %
1889	61 164 536,70	+ 3 %
1890	58 116 870,56	– 5 %
1891	65 935 240,10	+ 14 %
1892	91 233 322,00	+ 38 %
1893	102 996 020,18	+13 %
1894	95 636 800,20	– 7 %
1895	97 053 774,10	+ 2 %
1896	99 301 740,28	+ 2 %
1897	86 723 351,26	– 13 %
1898	102 022 721,36	+ 18 %

Источники: РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 1; Д. 1178. Л. 1; Д. 1180. Л. 1; Д. 1181. Л. 1; Д. 1182. Л. 1; Д. 1183. Л. 1; Д. 1184. Л. 1; Д. 1185. Л. 1; Д. 1186. Л. 1; Д. 1187. Л. 1; Д. 1188. Л. 1; Д. 1189. Л. 1; Д. 1190. Л. 1; Д. 1191. Л. 1; Д. 1193. Л. 1; Д. 1195. Л. 1; Д. 1197. Л. 1; Д. 1198. Л. 1; Д. 1199. Л. 1; Д. 1201. Л. 1; Д. 1203. Л. 1; Д. 1204. Л. 1; Д. 1206. Л. 1; Д. 1207. Л. 1. Сведения за 1876 г. не сохранились, есть только приложения к отчету.

За 4 века оборот капиталов Уфимского отделения ВККБ вырос почти в четыре раза. Таблица показывает неуклонное поступательное развитие региональной экономики. Широко распространенные в литературе оценки пореформенного периода как эпохи аграрного кризиса и сложной перестройки посткрепостнического хозяйства не получают подтверждения по финансовым показателям. Надо учитывать, что в конце XIX в. экономика Уфимской губ. держалась на трех китах: сельском и лесном хозяйстве, а также горнометаллургической промышленности. Но и другие отрасли оказывали воздействие (страхование, местная и общероссийская торговля), особенно после проведения в 1888–1892 гг. железной дороги через Уфу за Урал и в Сибирь. Приход рельсового пути оказал революционное воздействие, в начале 1890-х гг. обороты капиталов почти удвоились. На смену медленному постепенному подъему пришел качественный рывок.

Среди показателей прироста финансовых ресурсов Уфимской губ. выделяются годы, когда, по сравнению с предыдущим годом, наблюдался резкий скачок (более 20 %) оборота капиталов: 1875, 1879, 1885, 1892 гг. Частично это связано с компенсационным механизмом восстановления экономической жизни после предыдущих «неудачных» лет. Но, заметим, что падений подобного масштаба не было никогда.

Колебания в оборотах всегда естественны и неизбежны, на них влиял целый комплекс факторов, вплоть до ситуации в отдельных крупных компаниях, которые по разным причинам наращивали или сокращали свое присутствие на уфимском рынке.

Если принять уменьшение оборотов на величину свыше 10 % как проявление сильных кризисов, то таковых за анализируемый период было всего три: в 1883, 1887 и

1897 гг.

Единственная в историографии попытка установить уровень и динамику хозяйственного развития на Южном Урале во второй половине XIX в. была предпринята Х.Ф. Усмановым по материалам сельскохозяйственного производства. Хамза Фатыхович проанализировал губернаторские отчеты по Уфимской и Оренбургской губ. Собранные сведения были разбиты по пятилетиям, приведем основные показатели только по Уфимской губ. и только по зерновым (без картофеля, которого сажали мало), средние данные за каждое пятилетие.

Таблица 2

Годы	Валовые сборы (в четвертях)	+ / –	Чистые сборы (тыс. четвертей)	+ / –
1871–1875	5 351 642		3958	
1876–1880	4 046 111	– 24 %	2849	– 28 %
1881–1885	5 138 682	+ 27 %	3780	+ 33 %
1886–1890	4 328 622	– 16 %	2833	– 25 %
1891–1895	6 423 681	+ 48 %	4906	+ 73 %

Источник: Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981. С. 330, 335.

Конечно, автор прекрасно понимал всю условность губернаторской статистики, собиравшейся полицией и волостными писарями, издания ЦСК МВД он здесь не использовал. Тем не менее, хотя бы динамику собранные Х.Ф. Усмановым сведения отражали. Валовые и чистые сборы зерна в Уфимской губ. падали во втором и четвертом пятилетиях.

Сравнение информации из двух таблиц, данных строгой финансовой отчетности и приблизительной аграрной статистики показывает не совпадение по пятилетию 1876–1880 гг. Если по Х.Ф. Усманову сельское хозяйство Уфимской губ. находилось в тяжелом положении, сборы хлебов падали, то оборот капиталов Уфимского отделения ВККБ стабильно возрастал, сократившись лишь в самый последний год.

Зато по пятилетию 1886–1890 гг. динамика близкая, наблюдалось падение сборов зерновых и одновременно три года из пяти уменьшаются обороты капиталов в банке. Последнее пятилетие в обеих таблицах показывает, что экономическая жизнь в крае была на подъеме.

Аграрная и финансовая статистика весьма разнородны. Если сельскохозяйственное производство жестко зависело от природно-климатических явлений, то на оборотах банка сказывались и другие факторы. Тем не менее, только в 1880-е гг. отчетность Уфимского отделения ВККБ фиксирует 2 раза падение оборотов по 2 года подряд (1883–1884 и 1887–1888 гг.). Такое больше никогда не отмечалось, даже после сильных неурожаев 1890-х гг.

Можно предполагать, что 1880-е гг. стали самыми сложными для региональной экономики. Поэтому попробуем выяснить состояние климата на Южном Урале, что крайне сложно, государственной (официальной) системы сбора сведений о погоде еще не существовало. Этим занимались энтузиасты, в основном преподаватели учебных заведений¹. Единственным исключением являлось изучение рек – главных транспортных артерий до 1888 г.

В Уфе 9 сентября 1877 г. был специально учрежден водомерный пост на правом

¹ Историю метеорологических (климатических) наблюдений см.: Гурвич Н.А. Климат Уфимской губернии // Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–1883 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел III. С. 27–44; Он же. Хронология и статистика замерзания и вскрытия реки Белой у города Уфы // Там же. С. 34–39. К сожалению, именно с 1883 г. прекратились активные публикации местных статистиков.

(гористом) берегу Белой. Сначала он находился у Оренбургского (плашкоутного) моста, в августе 1881 г. его перенесли выше по другую сторону моста, в сентябре 1882 г. перестроили. Пост состоял из двух чугунных свай: верхней – репер¹ и нижней – нулевой. Данные о горизонтах воды соотносились с уровнем Балтийского моря. Реперами уфимского водомерного поста являлись площадка верхней чугунной сваи, первая ступень паперти церкви Св. Троицы, пол паперти и цоколь столба ограды той же церкви².

Наиболее подробные сведения о климате в районе г. Уфы собрал и опубликовал директор Уфимского реального училища Павел Иванович Свешников (1860 г. р., выпускник Санкт-Петербургского университета)³. В отличие от предшественников, П.И. Свешников обобщил разнообразную информацию. Его данные о замерзании и вскрытии р. Белой возле г. Уфы за 1883–1888 гг. (табл. 3) подтверждают более ранние наблюдения Н.А. Гурвича⁴. Все даты приведены по современному (григорианскому) календарю, а не по юлианскому (старому стилю), официальному тогда в Российской империи. «Время считается по новому стилю», специально указал автор⁵.

Таблица 3

Год	Замерзание	Вскрытие	Год	Замерзание	Вскрытие
1883	20 ноября	19 апреля	1886	6 ноября	22 апреля
1884	25 ноября	21 апреля	1887	19 ноября	21 апреля
1885	12 ноября	19 апреля	1888	3 ноября	8 апреля

Источник: Свешников П. Очерк климатических условий города Уфы. Уфа, 1909. С. 50.

Очень ранняя зима наблюдалась в 1886 и 1888 гг., бурная и теплая весна приходила в 1888 г. Во все остальные года лед вскрывался на Белой примерно в одно и то же время. Природно-климатические и географические условия создавали вблизи уфимских холмов, на которых стоит Уфа (южная оконечность Уфимского плато), специфическую ситуацию. Здесь весной встречалось несколько водяных «валов». Сначала снега таяли на юге и вскрывалась ото льда Белая в верховьях с притоками, текущими с юга Демой и Уршаком, затем сбрасывала воду главный и очень большой приток Белой р. Уфимка с севера, после таяния снега в горах Южного Урала восточные притоки (Сим, Инзер, Лемеза и пр.) добавляли свои массы воды. Поэтому в старину именно возле города, стоящего на высоком плато, наблюдались огромные разливы, половодья затапливали левобережную низину иногда почти до горизонта.

Более точную информацию (табл. 4) о климатических колебаниях дают сведения о среднем уровне р. Белой под городом над сваей № 0 (в сантиметрах), которые приводит П.И. Свешников по месяцам (выделены рекорды за время наблюдений с 1877 по 1908 гг.).

Таблица 4

Год	Янв	Фев	Март	Апр	Май	Июнь	Июль	Авг	Сент	Окт	Ноя	Дек
1883	195	120	109	329	486	123	66	28	16	55	96	108
1884	95	81	70	253	529	303	157	80	203	182	142	174

¹ Репер (геодез.) – прочно укрепленная площадочка для постановки рейки, с точно определенной высотой над уровнем моря, служащая отправной или поверочной точкой при нивелировке.

² Роднов М.И., Дегтярёв А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008. С. 99. Навигационная обстановка здесь же: С. 94–97.

³ Буравцов В.Н. Уфимские гимназии и средние специальные училища (очерки по истории учебных заведений Уфы первой половины XIX – первой четверти XX вв.). Уфа, 2013. С. 89.

⁴ Гурвич Н.А. Хронологическо-статистические заметки о замерзании и вскрытии реки Белой у города Уфы за 121 год (1780–1901 гг.). Уфа, 1902. С. 8–11.

⁵ Свешников П. Очерк климатических условий города Уфы. Уфа, 1909. С. 2.

Год	Янв	Фев	Март	Апр	Май	Июнь	Июль	Авг	Сент	Окт	Ноя	Дек
1885	123	101	99	315	496	172	110	57	102	121	166	181
1886	131	100	89	275	672	283	265	160	186	294	200	158
1887	149	130	114	482	671	210	143	165	100	183	207	225
1888	195	151	131	682	328	172	89	76	67	114	175	152

Источник: Свешников П. Очерк климатических условий города Уфы. Уфа, 1909. С. 66.

Навигационная обстановка главной судоходной артерии края – р. Белой – зависела от климатических условий весьма обширного региона, от гор Южного Урала до степей Оренбуржья и лесных районов юга Пермской губ. Бассейн р. Белой очень большой. В апреле–мае сталкивающиеся возле уфимских холмов водяные «валы» с юга, севера и востока приводили к резкому подъему уровня реки, который затем также резко спадал и в летние месяцы Белая часто становилась непригодной для судоходства.

Нередко в считанные дни вода у города резко поднималась и также быстро уходила. Например, наибольшая суточная прибыль воды в Белой наблюдалась в 1885 г. С 7 часов утра 19 апреля до 7 часов утра 20 апреля уровень воды в Белой поднялся с 341 до 570 см¹.

После катастрофического наводнения на Белой в 1882 г., современники отмечали полноводный сезон в 1886 г., а не в 1888 г., когда был установлен рекорд по уровню апрельской воды. Таблица 4 четко показывает, что водяной вал в 1888 г. уже в мае упал в 2 раза, а к июню вообще наступило мелководье. Тогда как в 1886 г. высокая вода держалась сразу 4 месяца подряд, с апреля по июль, чего не случилось ни разу за выбранный период.

Материалы таблицы 4 свидетельствуют, что в 1883–1886 гг. отмечались сравнительно малоснежные зимы, стоял низкий уровень воды в Белой в январе – марте. А в 1883 г. вообще случилась сильная засуха, в сентябре 1883 г. отмечен навигационный минимум за весь выбранный период.

П.И. Свешников вывел средний показатель уровня воды за год (сумма всех месяцев поделенная на 12). Действительно, первые 3 года были самыми маловодными (1883 г. – 144 см, 1884 г. – 189 см, 1885 г. – 170 см). А затем шли 3 многоводных года (1886 г. – 234 см, 1887 г. – 232 см, 1888 г. – 194 см)².

Повторимся, сведения об уровне воды возле города это своеобразный комплексный показатель климата большого бассейна Белой, обильные дожди на севере или юге губернии, за сотни верст от Уфы приводили к половодью здесь. Например, в 1877 г. при Думе даже существовала комиссия по прорытию канала от Уфимки через луку, которую огибает Белая (за Каменной переправой). Обильные осадки на севере губернии привели к мощному напору воды из р. Уфы, в результате начал размываться левый берег Белой, возникла угроза, что она пробьет новое русло через низину Цыганской поляны и соединится с Демой, обойдя город. Столица региона могла остаться без водоснабжения и судоходства, сообщал М.В. Лоссиевский³.

Поэтому важное значение имеет информация об осадках, которую собрал П.И. Свешников. В 1886 г. 6 июня было зафиксировано наибольшее суточное количество – 56,0 миллиметра⁴. А общие сведения по годовой сумме осадков в Уфе у Свешникова (многолетняя средняя – 561,3 мм) полностью подтверждали вышеприведенные выводы по уровню воды в Белой.

¹ Свешников П. Очерк климатических условий города Уфы. Уфа, 1909. С. 32.

² Там же. С. 66.

³ Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / Сост. М.И. Роднов. Уфа, 2014. С. 88–89.

⁴ Свешников П. Указ. соч. С. 25.

Первые 3 года были крайне маловодными и засушливыми, в 1883 г. сумма осадков в Уфе составила всего 404,6 мм, в 1884 г. – 479,9 мм, в 1885 г. опять упала до 409,0 мм. Затем наступили «дождливые» года, в 1886 г. сумма осадков составила 621,5 мм, в 1887 г. – 511,5 мм, в 1888 г. – 568,4 мм¹.

Наибольший интерес имеют сведения о температуре воздуха, но надежные наблюдения в Уфе начались только в марте–апреле 1886 г.², а фактически регулярные данные имеются лишь с августа 1887 г. За период до начала XX в. сентябрь 1887 г. был самым теплым со среднемесячной температурой по столбцовому термометру в +15,6° и таким же рекордно теплым был апрель 1888 г. (+8,8°)³. Можно утверждать, что тяжелые в финансовом отношении 1887 и 1888 гг. отличались жаркими весной и летом.

Климатические колебания охватывают большие территории, состояние погоды зависит от различных планетарных процессов. И главным событием в 1883 г. стало извержение вулкана Кракатау в совр. Индонезии. Первое извержение началось в мае, а 27 августа произошел грандиозный взрыв, сила которого составила 6 баллов по шкале вулканической активности или от 100 до 200 мегатонн в тротиловом эквиваленте (в 10 раз больше атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму). Утверждается, что снизилась средняя температура на планете, к нормальному состоянию она вернулась только в 1888 г.⁴

А перу П.И. Свешникова принадлежит ряд других работ по климату. Особенно интересны сведения из Златоуста, здесь в горах Южного Урала располагался один из крупнейших металлургических казенных заводов, снабжавший армию разнообразным оружием. Вывоз продукции осуществлялся весной по горным рекам, поэтому «надежные наблюдения в Златоусте» за погодой начались еще 13 декабря 1836 г.

Интересны показатели средней температуры воздуха в Златоусте по столбцовому термометру. За весь период наблюдений с 1837 по 1910 г. выделяется 1884 г. В этом уникальном году сразу 4 раза были установлены температурные рекорды (на втором месте стоял 1890 г. – 3). В 1884 г. в горах Южного Урала стояло беспрецедентно холодное второе полугодие, в июне, августе, сентябре и декабре зафиксированы самые низкие среднемесячные температуры. Немногим более теплым было и лето следующего 1885 г. Кроме того, наблюдения по Златоусту подтвердили засуху в 1883 г., здесь годовая сумма осадков составила всего 313,2 мм. За весь период наблюдений с 1837 по 1910 г. меньше осадков в Златоусте зафиксировали лишь в 1864 г. – 218,2 мм⁵.

Более достоверные данные по метеонаблюдениям в Златоусте позволяют утверждать, что, начиная с 1837 г., в 1883 г. было самое сухое и маловодное лето, а в 1884 г. стояло самое холодное лето.

Таким образом, собранная информация показывает, что в 1883 г. на Южном Урале установилась сильная засуха, в следующем, 1884 г. на ее последствия, возможно, наложились следы катастрофического извержения в Голландской Ост-Индии (холодное лето). В 1887–1888 гг. в Уфимской губ. вновь наблюдалась жаркая, засушливая погода. И финансовые показатели Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка показывают падения оборотов в 1883–1884 и 1887–1888 гг.

Учет природно-климатических факторов при изучении истории Южного Урала (Башкирии) еще не стал нормой. Так, Х.Ф. Усманов в 1970-е гг. отмечал роль природы лишь при анализе урожайности, посевных площадей и сборов хлебов. Он зафиксировал стагнацию посевных площадей во второй половине 1880-х гг. в Уфимской губ. и сокращение в Оренбургской, предполагая ошибку в своих подсчетах. «Но ясно, что

¹ Свешников П. Очерк климатических условий города Уфы. С. 61.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 40.

⁴ Ресурсы интернета.

⁵ Свешников П. Очерк климатических условий гор. Златоуста Уфимской губ. Уфа, 1911. С. 1, 65, 95.

посевы расширились тогда незначительно»¹.

В последующие десятилетия примат социально-экономических факторов по-прежнему доминирует в местной литературе, которая пока не воспринимает достижения развивающейся экологической истории². Но роль природно-климатических факторов в развитии региональной экономики не оставалась постоянной и, скорее всего, по мере модернизации общества и перехода от традиционной к индустриальной экономике их влияние падало.

Уже в 1870–1880-х гг. не было полного совпадения между состоянием сельского хозяйства (целиком зависевшего от климатических явлений) и финансовыми показателями Уфимского отделения ВККБ. И далее этот разрыв сохранялся, что показывает таблица 1 (оборот капиталов в 1890–1892 гг.).

В 1890 г. природа не скупилась на сюрпризы. После рекордно холодного мая установилась сильная жара. Метеорологи в Златоусте зафиксировали максимально высокую температуру июля (+20,5°) и даже в ноябре средняя температура составила +13,6°³! По Х.Ф. Усманову 1890 г. завершал неблагоприятную вторую половину 1880-х гг.

Но обороты отделения ВККБ сократились всего на 5 %, а со следующего года начался быстрый рост капиталов, хотя 1891 г. войдет в историю России как один из самых неурожайных, засуха, массовые голодовки, помощь земства и государства, обличение интеллигенции «проклятого самодержавия», при котором народ-кормилец страдает.

А показатели Уфимского отделения ВККБ просто радовали, +14 % в 1891 г. и +38 % в 1892 г. (с 58,1 млн руб. в 1890 г. до 91,2 млн руб. в 1892 г.). В Уфу в конце 1888 г. пришла железная дорога и путейцы бодро прокладывали стальную магистраль через южноуральские горы, в 1890 г. открыв сообщение до Златоуста, а инженеры проектировали трассу дальше и дальше на восток, в Сибирь. Начиная работу великий Транссиб.

Уфа не просто получила круглогодичное сообщение со всей Империей, она оказалась на важнейшей транспортной коммуникации, стала крупным центром перевалочной торговли и, соответственно, финансового обслуживания бизнеса. Показательны являются текущие счета крупнейших предпринимателей, осуществлявших через Уфимское отделение ВККБ безналичные платежи (объединены простые и специальные текущие счета).

В 1889 г. самые большие суммы переводили через Уфимское отделение ВККБ торговый дом «Братья Груздевы» (797 721,64 руб.), А. Абдулхакимов – 686 274 руб., Уфимский городской общественный банк – 647 436,02 руб., В.И. Березин – 539 980,93 руб., Ф.Е. Чижов – 466 084,55 руб., Н.А. Першин – 456 071,29 руб., Г.С. Соловьев – 442 032,48 руб., В.К. Мирецкий – 403 135,25 руб. и казанский купец П.В. Щетинкин – 365 336,4 руб.⁴ Почти все торговали хлебом и лесом, Соловьев – металлами, половину бизнес-элиты составляли местные (Груздевы, Чижов, Першин, Соловьев), остальные из соседних приволжских губерний.

В 1890 г. лидером стал Уфимский городской общественный банк (ему открыли беспроцентный счет) – 1 185 976,78 руб., а на второе место вышла Антонина Ивановна

¹ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981. С. 327.

² См. журналы «Environment and History» (Окружающая среда и история), «Историко-биологические исследования» (СПб.), др.; сайт Лаборатории экологической и технологической истории НИУ ВШЭ (<https://spb.hse.ru/humart/chr/eth/news/225252879.html>); Дементьев И.О. Современная зарубежная историография об экологической истории России // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России: Сб. ст. к 70-летию проф. В.Н. Никулина. Калининград, 2018.

³ Свешников П. Очерк климатических условий гор. Златоуста Уфимской губ. С. 65.

⁴ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1194. Л. 7–9 об., 12.

Грибушина (1840–1911) с оборотом в 609 000 руб., вдова одного из крупнейших чайных торговцев из Кунгура М.И. Грибушина, который скончался накануне в 1889 г. Он первый увидел выгодное положение Уфы и еще в 1888 г. открывает здесь счет. В Уфе возникает мощный центр переработки китайского чая. Караваны из Кяхты теперь шли до ближайших станций железной дороги (в 1890 г. Златоуст), где чай перегружался в вагоны и направлялся в Уфу и далее на запад. В Уфе возникает финансовый центр чайной торговли, перехвативший грузы Кунгура и Ирбита.

В 1890 г. не одна Антонина Ивановна Грибушина увидела блестящие перспективы Уфы. Именно в этом году в отделении ВККБ открывают свои счета купцы Стахеевы, конторы Белорецких и Симских заводов, но пока не очень значительные.

А среди крупнейших вкладчиков преобладали по-прежнему местные торговцы Г.С. Соловьев – 433 457,54 руб., Н.А. Першин – 385 785,49 руб., В.К. Мирецкий – 378 050,06 руб., В.И. Березин – 363 848,62 руб., Бр. Груздевы – 360 639,77 руб.¹ Если сравнить их обороты в 1889 и 1890 гг., видно как сократились масштабы торговых операций, у Груздевых почти в два раза. 1890-й г. был «в минусах», сложные природно-климатические условия ударили по хлебной и лесной торговле, но новые предприниматели из чайной и металлургической отраслей почти уравнили показатели.

В еще большей мере это проявилось в печально знаменитом 1891 г., когда Россию потряс сильнейший недород. Из всех местных хлебо и лесоторговцев на высоком уровне сохранили бизнес лишь Щетинкин с Першиным, да вернулся Абдулхакимов. Наиболее крупные безналичные расчеты через Уфимское отделение ВККБ в 1891 г. провели снова Уфимский городской общественный банк – 1 312 628,96 руб., Контора Симских Гг. Балашевых заводов – 1 218 000 руб., Торгово-промышленное товарищество А. Кузнецов и К^о (со следующего года именовалось как Торгово-промышленное товарищество «Преимник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о») – 903 000 руб., Н.А. Першин – 624 845,1 руб., П.В. Щетинкин – 585 965,94 руб., Торговый дом «Григория Стахеева сыновья» – 537 518,65 руб., Контора Белорецких заводов – 443 187,34 руб., А. Абдулхакимов – 403 892 руб., А.И. Грибушина – 394 308,83 руб.²

Следом за Грибушиной на уфимский рынок вышла одна из крупнейших в России чаеоторговых фирм, основанная кунгурским купцом Алексеем Семеновичем Губкиным (1816–1883), которую наследовал внук Александр Григорьевич Кузнецов. Крупные обороты имели две горнопромышленные компании и, видимо, воспользовавшись кризисным годом и крахом конкурентов, на рынке Уфы обосновалась одна из фирм богатейшего семейного клана купцов Стахеевых из Елабуги. Они вели широкую комплексную торговлю от закупок зерна и муки до реализации промышленных товаров.

Приток капиталов из отраслей не связанных с аграрным производством (чайная торговля, металлургия, страхование, золотопромышленность и др.) компенсировал упадок традиционной вывозной торговли сельскохозяйственным сырьем. Неурожай и голод в деревне проходил на фоне мощного подъема третичного (финансового) сектора экономики. В продвигающейся по пути трансформации аграрного в индустриальное общество Российской империи воздействие природно-климатических факторов уже не являлось абсолютной доминантой.

Таким образом, материалы финансовой отчетности Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка с 1874 по 1898 гг. свидетельствуют о неуклонном развитии экономики Уфимской губ. Оборот капиталов вырос в 4 раза. Показатели третичного сектора (финансы, услуги) отражают общий подъем народного хозяйства края.

¹ РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1196. Л. 6–8 об., 10.

² Там же. Д. 1197. Л. 75–79.

Особенно быстрый рост оборотов капитала наблюдается после прихода в Уфу в конце 1888 г. железной дороги. В оказавшийся на великой транспортной коммуникации из Европы в Сибирь город приходят крупные компании общероссийского масштаба.

Кроме небольших естественных колебаний деловой активности, лишь во второй половине 1880-х гг. дважды происходили падения оборотов капиталов по два года подряд (1883–1884 гг. и 1887–1888 гг.). Этот период можно охарактеризовать как своеобразный кризис региональной экономики.

Основным фактором послужили природно-климатические колебания, сильная засуха в 1883 г., на которую, возможно, наложились последствия планетарной катастрофы, извержения вулкана Кракатау в Голландской Ост-Индии в августе 1883 г. Наиболее точные метеорологические наблюдения в Златоусте в 1884 г. зафиксировали сразу 4 температурных рекорда (похолодание во второй половине года), чего не было никогда, ни до, ни после.

Но факторы развития техногенной цивилизации начинали играть более важную роль, что показала ситуация в 1891 г. Несмотря на сильнейшую засуху и голод, обороты капиталов Уфимского отделения ВККБ выросли. Упадок деловой активности в хлебо- и лесоторговле, напрямую связанных с климатическими колебаниями (сборы зерна, уровень воды в сплавных реках), компенсировали инвестиции чаеоторговцев, металлургических компаний, страховщиков и золотодобытчиков. Природно-климатические факторы отходят на второй план.

Источники и литература

1. Беспалов С.В. Экономическая модернизация России в конце XIX – начале XX в.: Современная историография: Аналитический обзор. М., 2014. 118 с.
2. Буравцов В.Н. Уфимские гимназии и средние специальные училища (очерки по истории учебных заведений Уфы первой половины XIX – первой четверти XX вв.). Уфа: МИГ, 2013. 129 с.
3. Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 7–97.
4. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 256 с.
5. Гурвич Н.А. Климат Уфимской губернии // Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа: печатня Н.К. Блохина, 1883. Отдел III. С. 27–44.
6. Гурвич Н.А. Хронология и статистика замерзания и вскрытия реки Белой у города Уфы // Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа: печатня Н.К. Блохина, 1883. Отдел III. С. 34–39.
7. Гурвич Н.А. Хронологическо-статистические заметки о замерзании и вскрытии реки Белой у города Уфы за 121 год (1780–1901 гг.). Уфа: печатня Н.К. Блохина, 1902. 13 с.
8. Дементьев И.О. Современная зарубежная историография об экологической истории России // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России: Сб. ст. к 70-летию проф. В.Н. Никулина. Калининград, 2018. С. 406–422.
9. Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / Сост. М.И. Роднов. Уфа, 2014. 182 с.
10. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т.: Т. I / Отв. ред. И.М. Гвоздикова, М.И. Роднов. Уфа: Гилем, 2006. 302 с.
11. Ишкинина А.А. Деятельность уфимского отделения Государственного банка Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (1865–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2010. 26 с.
12. Кузнецов И.А. Аграрная революция 1917 года в России: стоит ли изучать экономическую историю, забыв о печальном конце? // Крестьяноведение (М.). 2019. Т. 4. № 1. С. 22–44.
13. Кузнецов И.А. Урожайная статистика губернаторских отчетов как источник для изучения динамики зернового производства в России в XIX веке // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М.: ИСл РАН, 2018. С. 107–109.
14. Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 109 с.

15. Маслов П.И. Сведения об операциях и оборотах Уфим. отделения Государственного Банка // Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / Под ред. Н.А. Гурвича. Ч. I. Уфа: губ. типогр., 1873. С. 222–225.
16. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.: очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015 [2014]. 581 с.
17. Роднов М.И. Критерии экономического роста в России (провинциальный аспект) // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 3 (9) / Отв. ред. М.А. Колеров. М., 2019. С. 24–30.
18. Роднов М.И., Дегтярев А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа: Уфимская государственная академия экономики и сервиса, 2008. 258 с.
19. Российский государственный исторический архив. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177, 1178, 1180–1191, 1193–1199, 1201, 1203, 1204, 1206, 1207.
20. Свешников П. Очерк климатических условий города Уфы. Уфа: пар. типо-лит. Торг. Дома Л.Е. Милюков и И.А. Медведев, 1909. 72 с.
21. Свешников П. Очерк климатических условий гор. Златоуста Уфимской губ. Уфа: паровая типо-литография Товарищества Л.Е. Милюков и К°, 1911. 112 с.
22. Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1981. 372 с.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРКЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье анализируются на основе статистических данных сведения о миграционном притоке различных национальностей на территорию Туркестана. В начале XX в. Туркестан являлся ареной мощных столкновений различных идей, в т. ч. политических, экономических и религиозных. В результате осуществления политики переселения Российской империей в Туркестан в конце XIX – в начале XX в. стали прибывать различные нации. Автором проанализировано их расположение в регионе.

Ключевые слова: миграция, нация, политика, Туркестан, переселение, голод.

В начале XX в. территория Туркестана и Степного края (нынешнего Казахстана), входящих в состав Российской империи, стала ареной мощного и своеобразного столкновения и взаимодействия идей и массовых движений, политических инноваций и традиций. Между тем, не были выявлены даже базовые этнодемографические характеристики региона Туркестан – как одна из территорий. Комплексное исследование социально-экономической, политической и культурной жизни народов Туркестана было немыслимо без восстановления объективной картины демографического и этнического развития среднеазиатского общества, что, в свою очередь, предполагало проведение системного анализа данных демографической статистики, определение особенностей и характерных черт ее развития (табл. 1).

Таблица 1

Население Туркестанской АССР в 1897 и 1911 гг.

Области	Пространство в кв. км	Население по переписи 1897 г.	Население к 1911 г.
Сырдарьинская	429 890	1 478 398	1 816 500
Ферганская	125 470	1 572 214	20 420 000
Самаркандская	76 940	860 021	960 500
Семиреченская	335 250	987 863	1 201 500
Закаспийская	525 540	382 487	472 500
Итого	1 493 090	5 280 983	24 871 000

В Туркестан довольно значительно стали прибывать евреи, пострадавшие от произвола царизма, погромов, голода. Среди прибывших свирепствовали эпидемиологические заболевания (сыпняк, туберкулез, малярия, сифилис, холера)¹, что указывает, в каком положении оказались в Туркестане прибывшие евреи, среди которых было значительное количество круглых сирот и вдов, беспомощных стариков, нуждавшихся в помощи.

К 1917 г. в Туркестане (лишь на территории современного Узбекистана) проживали представители более 20 наций и народностей. По национальному составу преобладали узбеки, процент которых к общему числу населения республики равнялся 41,4 %; затем

¹ Ташгосархив. Ф. 23. Оп. 3. Д. 153. Л. 88; Д. 48. Л. 88; Орлов И.И. О клинике туберкулеза костей // Туркестанский медицинский журнал. Ташкент, 1922. № 4. С. 3–10; К статистике холеры в Туркестанской Республике в эпидемию 1921 г. // Туркестанский медицинский журнал. Ташкент, 1922. № 4. С. 337; К вопросу о малярийных полиневритах // Туркестанский медицинский журнал. Ташкент, 1923. № 36. С. 202; Малярийное обследование Средней Азии // Бюллетень Первого Среднеазиатского Государственного Университете. Ташкент, 1923. № 2. С. 44.

казахи – 19,3 %; киргизы – 10,8 %; таджики – 7,7 %; туркмены – 4,7 %; каракалпаки – 1,4 %.¹

Киргизы занимали Каракольский (Пржевальский), Пишпекский, Нарынский уезды Семиреченской обл., часть Аулие-Атинского уезда Сырдарьинской обл. и некоторые районы Ферганской обл. (Ошский уезд, Джалал-Абадская волость Андижанского уезда)². В целом, национальная картина была очень пестрой (табл. 2).

Таблица 2

Мусульманские национальности, проживавшие в Туркестане³

№	Наименование национальностей	По полу		Итого обоого пола
		мужчин	женщин	
1	Тюрки	11 047	9 714	20 761
2	Туркмены	11 669	10 146	21 815
3	Киргизы	36 590	31 238	37 858
4	Каракалпаки	12 467	12 206	26 473
5	Кипчаки	17 322	15 560	33 882
6	Афганцы	275	83	358
7	Дунган	81	43	124
8	Таджики	196 339	154 686	351 625
9	Иранцы	4 789	4 381	9 169
10	Индусы	32	8	40
11	Уйгуры	17 541	14 399	31 940
12	Турки	156	153	309
13	Узбеки	172 734	156 442	3 294 806

В Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Закаспийской обл. Туркестанского края проживало не менее 100 тыс. татар. По Туркестану общее число татар достигало 37 тыс. чел.⁴ Не меньше их было и в областях Степного края. Заниженность официальных данных связана с тем, что татары часто выдавали себя за представителей других народностей. Следовательно, татары составляли не менее 1 % численности населения Туркестана⁵. Большинство проживавших в Туркестане татар переселилось из приволжских губерний и в целом из восточной России. В результате голода в 1921–1922 гг. татары в поисках защиты были вынуждены переселиться на территорию Туркестанской АССР. Так, например, за сентябрь–октябрь месяцы 1921 г. прибыло 50 тыс. чел. взрослого населения⁶.

Увеличение численности населения наблюдалось в Амударьинской обл., где число жителей в Турт-Куле (единственном городе, бывшем в Амударьинском отделе в 1897 г.) возросло в 2,5 раза – на 165 %. В Туркменской обл. наблюдался неравномерный рост

¹ Иноятов Х.Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. Ташкент, 1958. С. 305; Турсунов Х.Т. Образование Узбекской Советской Социалистической Республики. Ташкент, 1957. С. 32.

² Киргизы // Жизнь национальностей. М., 1919. № 13 (21). С. 77.

³ ЦГА РУз. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 3332. Л. 24–25. Согласно переписи за 1926/1927 гг.

⁴ Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925. С. 13.

⁵ Литвинов П.П. Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 378.

⁶ Расулов А. Такдир тақозаси билан Туркистонга келиб қолган татарлар // Жамият ва бошқарув. Тошкент, 2003. № 4. С. 73.

отдельных городов: в Мерве население увеличилось на 174 %, в Теджене – на 160 %, в Полторацке – на 88 %. Только в Красноводске прирост населения составил всего 4 %¹.

В Сырдарьинской обл. особенное увеличение показано в Ак-мечети (Перовске) на 87 % и г. Ташкент – 58 %. Убыль населения наблюдалась в г. Казалинске, значение которого падает, т. к. он располагался несколько в стороне от железной дороги, и часть его жителей перешли в поселок Ново-Казалинск, непосредственно располагавшийся у самого вокзала (табл. 3).

В Самаркандской обл. значительный рост населения наблюдалось в г. Самарканде, где число жителей увеличилось на 61 %. Убыль была обнаружена в г. Джизаке на 10 %, что объяснялось действительным падением численности городского населения в связи с бедствием, особенно резко обрушившимся на Джизакский уезд (табл. 3).

В сельских же местностях наблюдалась огромная убыль населения, число мужчин уменьшилось гораздо больше, чем женщин, районы с преобладающим кочевым населением дали гораздо более значительную убыль. Возможно, что часть кочевого населения, расселенная на огромной территории и потому трудно уловимая, действительно уклонялась от регистрации.

Таблица 3

Население Туркестанской АССР к 1918 г.

По областям	По городу	По уезду	Число жителей	Площадь в дес.
Сырдарьинская обл.	Ташкент	576 603	18 325	290 000
	Перовск	190 391	7 120	14 528
	Казалинск	258 271	16 222	17 915
	Петро-Александровск	–	102	4 622
	Арысь	–	–	6 048
	Туркестан		13 889	19 905
	Черняев (Чимкент)	407 270	21 653	22 516
	Аулие-ата	371 627	12 950	21 035
Ферганская обл.	Скобелев	460 369	895	11 892
	Старый Маргилан	–	1 868	49 319
	Ош	241 567	1 742	48 136
	Наманган	505 265	3 750	78 942
	Чуст		834	19 856
	Андижан	444 623	4 167	82 235
	Коканд	462 488	2 151	118 854
Самаркандская обл.	Самарканд	312 338	3 580	96 400
	Катта-Курган	145 017	4 360	11 500
	Джизак	259 295	2 865	14 600
	Ходжент	235 536	1 445	41 600
	Ура-Тюбе	–	3 642	23 000
	Педжекент	–	106	5 500
Семиреченская обл.	Верный	231 306	3 280	41 366
	Пишпек	203 844	4 139	173 994
	Копал	179 801	2 208	4 053

¹ Отчет о деятельности СНК и Экономического Совета Туркестанской Республики. Ташкент, 1922. С. 42.

По областям	По городу	По уезду	Число жителей	Площадь в дес.
	Лепсинск	143 147	2 149	8 264
	Джаркент	156 026	11 335	22 617
	Пржевальск	165 492	6 471	14 290
Закаспийская обл.	Асхабад	69 475	–	46 540
	Красноводск	58 527	–	6 672
	Мерв	150 509	–	19 507
	Форт-Александровск	–	–	1 154
	Байрам-Али	–	–	18 500
	Чаржуй	–	–	123 000
	Керки	–	–	3 000
	Новая Бухара	–	–	10 200
	Термез	–	–	750

Отчетные данные о деятельности СНК и Экономического Совета Туркесреспублики свидетельствуют, что в Джейтунской обл. особенный прирост произошел в г. Алма-Ате и Пишкеке – почти на 100 %.

В Джетысуйской обл. среди переселенцев из центральной России русские преобладали в Аулие-Атинском уезде: здесь насчитывалось 3 246 русских и 485 украинских хозяйств; в Каракольском уезде – 1 983 русских и 1 176 украинских хозяйств. В Сырдарьинской обл.: в Алма-Атинском уезде было 549 русских и 2 440 украинских хозяйств; в Ташкентском уезде – 338 русских и 2 622 украинских хозяйств; в Наманганском уезде в двух поселках 390 русских хозяйств. По неполным данным, в Туркестанской АССР к 1920 г. насчитывалось 7 367 русских и 7 822 украинских хозяйств¹.

Численность населения в русских и украинских поселках варьировалась от 200 чел. до 4 тыс. в зависимости от времени поселения. В Джетысуйской обл. наиболее крупными поселками были: русские – Богородицкое (2,7 тыс. чел.), Троцкое (около 3 тыс. чел.), Надеждинская столица (4,5 тыс. чел.); украинская – Беловодское (3,5 тыс.), Теплоключинское (2,9 тыс.), Сазоновка (2,2 тыс.). В Алма-Атинском уезде Сырдарьинской обл. число украинцев преобладало над русскими. Здесь русские жили только в с.с. Кара-Болты и Ключевом, а в остальных 12 переселенческих поселках – в Грозном, Дмитриевке, Степном и др. – жили украинцы².

Значительное большинство населения Туркестана проживало за пределами городов, занималось земледелием и скотоводством. Городское население составляло в русских областях всего лишь 13,8 % общего числа жителей, причем более значительные города были сосредоточены главным образом в южной части края, где с давних времен проживало более культурное население и существовали крупные населенные торговые и административные центры³.

В 1918 г. большинство населения Туркестана составляли тюрки, составлявшие 88,4 % всех жителей пяти областей республики. Наиболее отуреченной областью являлась Сырдарьинская – 96 %, за ней следовала Ферганская обл. – 91,7 %, Семиреченская – 88,5 %, Закаспийская – 85,7 % и Самаркандская, где тюркские народы составляли всего

¹ Статистический ежедневник. 1917–1923. Ташкент, 1924. Т. 1. С. 76.

² Там же. С. 70–71.

³ Юсупов Э. Туркистон халклари ва маънавиятининг муштарак илдизлари // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1996. № 6. Б. 58–59.

70,9 % населения. За тюрками по численности следовали народы иранского происхождения (таджики и персы), составлявшие 6,9 % общего числа жителей, проживавшие преимущественно в Самаркандской и Ферганской обл. Третье место по численности принадлежало русским, число которых не превышало 3,7 % всего населения, при колебаниях по областям от 0,6 % (Ферганская) до 9,7 % (Семиреченская). Далее следовали монгольские народы (дунганцы, китайцы и калмыки), проживавшие главным образом в Семиреченской обл. и составлявшие 0,3 % населения.

Таким образом, на территорию Туркестана в начале XX в. усилился приток населения, как мусульманской, так и европейской национальностей. И он стал ареной мощных столкновений в духовном, экономическом, политическом и религиозном плане.

Источники и литература

1. Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925. С. 13.
2. Иноятов Х.Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. Ташкент: Госполитлитер, 1958. С. 305.
3. Киргизы // Жизнь национальностей. М., 1919. № 13 (21). С. 77.
4. Литвинов П.П. Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 378.
5. Отчет о деятельности СНК и Экономического Совета Туркестанской Республики. Ташкент: ТЭС, 1922. С. 42.
6. Расулов А. Тақдир тақозаси билан Туркистонга келиб қолган татарлар // Жамият ва бошқарув. Тошкент, 2003. № 4. С. 73.
7. Статистический ежедневник. 1917–1923. Ташкент, 1924. Т. 1. С. 76.
8. Ташгосархив. Ф. 23. Оп. 3. Д. 48, 153.
9. Турсунов Х.Т. Образование Узбекской Советской Социалистической Республики. Ташкент, 1957. С. 32.
10. ЦГА РУз. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 3332.
11. Юсупов Э. Туркистон халклари ва маънавиятининг муштарақ илдизлари // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1996. № 6. Б. 58–59.

К ПРОБЛЕМЕ БАШКИРО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVII ВЕКЕ

Аннотация. В исторической науке слабо изучена проблема отношений между башкирским и калмыцким народами в XVII в., когда их кочевья находились в Урало-Поволжском регионе в непосредственной близости друг от друга. В статье на основе анализа изменений политической обстановки на юго-восточной границе России и изучения проблемы башкиро-калмыцких отношений выясняется, что политика калмыцких тайшей в отношении башкир в первой половине XVII в. была направлена на обложение их данью в пользу калмыцких владетелей. Однако ко второй половине XVII в. характер отношений между башкирами и калмыками начал меняться, когда на фоне взаимных набегов появилась тенденция на выстраивание союзных отношений, особенно во время башкирских восстаний, которые находили поддержку среди некоторых калмыцких тайшей, продолжавших надеяться на привлечение к себе на службу восставших башкир. Установлена сложность и противоречивость башкиро-калмыцких отношений на примере временных объединений и взаимных набегов.

Ключевые слова: башкиры, калмыки, межэтнические взаимоотношения, Урало-Поволжский регион.

Башкиро-калмыцкие отношения XVII в. в той или иной степени входили в орбиту научных изысканий ряда исследователей¹. Однако до сих пор некоторые аспекты научной проблемы остаются нерешенными. В первую очередь это касается отсутствия точной оценки характера башкиро-калмыцких отношений: были ли это исключительно военные столкновения или между тем имелись и договоренности о союзе, или же башкиры в XVII в. вовсе не имели самостоятельной от российских властей политики в отношениях с воинственными соседями.

В период междуцарствия (1611–1613 гг.) под натиском калмыков из Башкирии были изгнаны ногайцы. В этом принимали участие и башкиры. Уже в 1611 г. ногайцы были заняты отражением нападений башкир. Очевидно, что в тот момент были все предпосылки для возникновения союзнических отношений между башкирами и калмыками. Однако калмыцкая аристократия еще не видела в башкирах равноправную политическую силу, о чем свидетельствуют нападения на башкир джунгарского тайши Сенгила в 1619 и 1623 гг.²

Вторжение калмыков в пределы Уфимского уезда в конце 20-х – 30-х гг. XVII в., по мнению И.И. Булякова, было связано с тем, что калмыки не признали российское подданство башкир. Известно, что в 1623 г. от набегов калмыков сильно пострадали башкиры Тамьянской волости. В результате таких военных компаний в середине 30-х гг. XVII в. началось башкиро-калмыцкое военное противостояние³. Видимо, калмыки стали атаковать башкир за отказ перейти под протекторат тайшей, ударяя, в первую очередь, по родам, придерживавшихся пророссийской ориентации.

В 1640 г. *торгоуты* напали на Уфу и захватили в плен группу русских и башкир. Но в 1643 г. башкиры и уфимские служилые люди во главе с воеводой Л.А. Плещеевым

¹ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005; Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010; Джунджужов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург, 2014; Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014.

² Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М., 2009. С. 103.

³ Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении башкирским краем во второй половине XVI – первой трети XVII в. Уфа, 2012. С. 135–136.

разгромили *торгоутов* близ Саратова¹. Этот поход уфимского воеводы Л.А. Плещеева имел большое значение в русско-калмыцких отношениях².

Можно предположить, что благодаря военному натиску калмыков, отдельные башкирские племена и роды Ногайской дороги начали принимать, видимо повторно, российское подданство. Ш.Н. Исянгулов, изучив имеющиеся в его распоряжении источники, пришел к выводу о том, что русское подданство в Приуралье в 10–30 гг. XVII в. приняло племя *мин*, а в 1649 г. – племя *юрматы*. Исследователь заключил, что причиной принятия русского подданства башкирами стал исход ногайцев из левобережья Волги в 1610–1630 гг. и появление новых врагов – калмыков³.

В первой половине XVII в. даже завожские степи не воспринимались местными народами как российская территория⁴. Видимо поэтому, в процессе присоединения и освоения Сибири «ненадежная» старая Казанская дорога использовалась лишь в экстренных случаях (для посылки гонцов, переброски войск и т. д.)⁵. Но с 40-х гг. XVII в. русское правительство берется за утверждение своей власти в Поволжье и Приуралье, в том числе и на башкирских землях. Как известно, строительство крепостей было оптимальным инструментом в деле обороны от набегов кочевников, но самое главное, это был эффективный метод для «наступления на степь». Следствием такой политики, принятой властями в 40-х гг. XVII в., является вспыхнувшее в 1645 г. восстание закамских башкир, направленное против строительства Мензелинской крепости⁶. До этого периода в истории башкир можно говорить только о фиктивном характере вхождения башкирских племен в Русское государство.

После разгрома калмыков Л.А. Плещеевым, в отряде которого были и башкиры, на башкиро-калмыцкой границе наступило затишье. Однако, в 1648 г. возобновились вооруженные стычки между башкирами и калмыками. Зачинщиками выступили калмыки, совершившие в том году набег на Уфимский уезд⁷. Но если сначала уфимская администрация оказывала военную и дипломатическую помощь башкирам, то с конца 40-х гг. XVII в. российская власть намеренно дистанцировалась от башкиро-калмыцкого конфликта⁸. Башкиры были вынуждены сами мобилизоваться для борьбы и уже самостоятельно отражали нашествия калмыков⁹. Так, младший брат калмыцкого тайши Дайчина Сюнке жаловался посланному к калмыкам А. Казанцеву, что «дурно и войну почали башкиры, а не мы», на что посланник был вынужден ответить, что «башкиры приходят без государева указа украдом»¹⁰. Известно, что башкиры и калмыки при набеге постоянно захватывали пленных, что, по предположению В.Т. Тепкеева, стало рассматриваться как средство для обмена захваченных родственников¹¹.

В конце 40-х гг. XVII в. башкирские племена *кипчак*, *мин*, *айле*, *табын* и другие, самостоятельно от уфимского воеводы, организовали отряд для защиты от калмыков,

¹ Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М., 2009. С. 103–104.

² Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 162.

³ Исянгулов Ш.Н. Проблема вхождения башкирских племен в состав русского государства // Малоизученные аспекты истории дореволюционного Башкортостана: Сб. ст. Уфа, 2008. С. 61.

⁴ Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 156.

⁵ Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 18.

⁶ Буканова Р.Г. Указ. соч. С. 165–166.

⁷ Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014. С. 207.

⁸ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии... С. 108.

⁹ Буканова Р.Г. Указ. соч. С. 56.

¹⁰ Тепкеев В.Т. Указ. соч. С. 124.

¹¹ Там же.

который, судя по источникам, действовал довольно успешно¹. Одним из организаторов обороны от набегов калмыков и *ногаев* был князь и тархан Акбулат Сулейманов, возглавивший 560 воинов из указанных племен². В 1648 г. башкирами были разбиты *торгоуты* при нападении на «Курпеч-Табынский Соловарный городок». В результате действий башкирских отрядов калмыки стали жаловаться российским властям на башкир, говоря, что «злее всех башкирцы»³. Дайчин в 1649 г. при переговорах с уфимцем И.И. Онучиным жаловался, что после договоренности о сдерживании башкир с В.К. Голубцовым, последние лишь за один год совершили четыре набега. Действительно, набеги продолжались. Так, в 1651 г. башкиры отогнали из улуса Дайчина только в одном набеге 3 000 лошадей⁴.

По мнению Б.А. Азнабаева, в начале 40-х гг. XVII в. стал отчетливее намечаться военный перевес в пользу башкир. Именно башкирский натиск был одной из главных причин, побудивших тайшу Дайчина обратиться к царскому правительству с просьбой о принятии калмыков в российское подданство. Русские историки отмечали боеспособность башкир: «Только башкиры умели наносить поражение калмыкам»⁵. В конечном счете, калмыки были вынуждены отказаться от планов завоевания башкир⁶. Так, в 40–50-е гг. XVII в. у калмыков появилась тенденция к отказу воевать с башкирами. Они аргументировали это воинственностью башкир⁷. Однако известно, что калмыки отказывались выступать и против Кучумовичей, находя для этого разные предлоги, которые не являлись отражением истинного положения вещей⁸. На самом деле Кучумовичи были союзниками калмыцких тайшей. Исходя из этого, можно предположить, что калмыки, видя в башкирах организованную военную силу, предпочли сделать их своими союзниками, нежели тратить силы на войну с ними. Об этом свидетельствуют слова тайши Дайчина, говорившего в 1644 г., что намеревается уже «добром» привлечь на свою сторону башкир, после чего калмыкам «окроме Бога» некого будет бояться⁹.

Политика калмыцкой тайшей в отношении башкир стала походить на политику джунгарских ханов, которые систематически вели подготовку ясачного населения Сибири к борьбе против Русского государства¹⁰. М.К. Любавский писал, что калмыки «будоражили» башкир против Москвы, из-за чего российским властям в XVII в. приходилось снаряжать экспедиции «за Урал» против калмыков и башкир. Данная борьба закончилась только в начале XVIII в. в связи с подчинением Россией калмыков¹¹.

Московская администрация хорошо понимала ненадежность как калмыков, так и башкир, в связи с чем в середине XVII в. организовала строительство Закамской линии, которая проходила «по юго-восточным границам российских территорий в Поволжье и по

¹ Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении башкирским краем во второй половине XVI – первой трети XVII в. Уфа, 2012. С. 137.

² Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 143, 163.

³ Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М., 2009. С. 104–105.

⁴ Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014. С. 230, 248.

⁵ Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 2016. С. 141, 311.

⁶ Буляков И.И. Указ. соч. С. 135.

⁷ Таймасов С.У. Указ. соч. С. 105.

⁸ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 113.

⁹ Азнабаев Б.А. Башкирское общество... С. 311.

¹⁰ Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969. С. 98.

¹¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 492.

западным границам башкирских земель»¹. Закамская черта, по мнению Р.Г. Букановой, должна была защитить внутренние территории государства, т. к. внешние границы были «неустойчивыми, в какой-то мере условными». Исследователь считает, что башкирские земли продолжали оставаться «государевыми башкирскими волостями». Однако при этом автор отмечает, что необходимость более четкого определения сферы влияния Российского государства возникла в связи с появлением калмыков в 20–30 гг. XVII в. в низовьях Волги и Яика. Указанная «черта» в отечественной историографии рассматривалась как мера борьбы с набегами кочевников, т. к. была создана от вторжений башкир и других степных народов. И все, кто оказывался за «чертой», воспринимались как «потенциальные враги Российского государства»². Можно строительство Закамской черты трактовать и как отказ России от притязаний на башкирские земли, не вошедшие в охраняемую зону.

Закамская черта возводилась с 1652 г. по 1655 г. Видимо неслучайно в год окончания строительства Закамской черты калмыки принесли первую письменную шерть. В 1655 и 1657 гг. калмыцкие тайши принесли шерти, а российское правительство пошло на ряд уступок, в т. ч. и на разрешение кочевать калмыкам на занятых ими башкирских землях по рр. Яику, Ори, Илеку, Киилу, Сакмаре и в верховьях Тобола. При этом под страхом смерти башкирам было запрещено нападать на калмыков³. В это время определился и статус указанных территорий как «государство» Калмыцкое ханство, находившееся в составе России⁴.

Однако из-за отсутствия контроля башкирские набеги на калмыков продолжались. Русская администрация оказалась неспособной «в достаточной мере использовать власть по отношению к «непослушным» подданным». Так, в 1658 г. в своем письме Дайчин и Мончак сообщали, что «да после договору *астяки* (башкиры – *авт.*) и яицкие казаки калмыцких наших улусов громили, много ясырь взяли и многие лошади, и животину отогнали». Летом 1659 г. от башкир сильно пострадал ногайский улус мирзы Казарчи Бекимбета: при набеге были убиты он, трое его сыновей и сын ногайского мирзы Аслана, были отогнаны 600 лошадей. В том же году башкиры отогнали 400 лошадей у дербетских тайшей. Дайчин говорил, что башкирские набеги совершались постоянно, а уфимский воевода про «башкирский задор как не ведает». Поэтому в 1659 г. тайши Санжин и Аючей с 2 тыс. калмыков совершили набег на башкир, пленив тархана Кипчакской волости Табыная Аксакалова. После этого Дайчин передал русским властям, что прерывает всякие отношения с Уфой, а с башкирами с этого времени находится в состоянии войны⁵.

Принято считать, что за участие калмыков в войне против Крымского ханства российская власть санкционировала захват ими части вотчинных земель башкир⁶. Но для башкир это означало нарушение их вотчинных прав и договоренности с «белым царем». С этого времени наступает эпоха башкирских восстаний против русской власти. В первом крупном восстании башкир 1660-х гг. одним из наиболее массовых лозунгов был отказ от подданства царю⁷. Как известно, башкиры в XVII–XVIII вв. предпринимали попытки восстановления прежнего государственного устройства и правления, для чего постоянно

¹ Самигулов Г.Х. От Долматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск, 2011. С. 75.

² Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 151, 172.

³ Там же. С. 172, 216.

⁴ Джунджузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург, 2014. С. 69.

⁵ Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014. С. 213, 285, 289, 295–297.

⁶ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии... С. 108.

⁷ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака... С. 106.

приглашали к себе Чингизидов¹. У башкир была установка, особенно ярко проявившаяся в XVII–XVIII вв., «перейти под сюзеренитет какого-нибудь другого монарха». Такие предложения от башкир получали османские султаны, калмыцкие тайши, Кучумовичи, крымские и казахские ханы².

К 1659 г сибирские Шибаниды практически полностью утратили свое влияние в Сибирском юрте, который был занят калмыками³. Видимо у Кучумовичей, подогреваемых калмыцкими тайшами, появилась идея возвращения своего государства за счет башкирских земель. По Исети, Тоболу и Ишиму были разорены русские селения «вследствие инородческого бунта, в котором главными участниками были башкиры, а поджигателями – калмыки»⁴. Царское правительство прекрасно было осведомлено об этом, в связи с чем, как справедливо отмечает В.Т. Тепкеев, администрация старалась во время восстаний любым способом предотвратить контакты калмыков с башкирами⁵.

Необходимо указать на установление союзнических отношений между башкирами и калмыками. В преддверии башкирского восстания 1662–1664 гг. одна группа башкир бежала к волжским калмыкам, другая к сибирским калмыкам и Кучумовичам. После чего в 1662 г. к Долматову монастырю подошли 2 тыс. калмыков и сразу восстали башкиры (племена *табын, катый, айле, сынрян, сальют*), татары, черемисы, сибирские татары, ханты, манси и марийцы⁶. В 1661 г. калмыцкий «хан» Дайчин, сославшись на возраст, передал правление своему сыну Мончаку, отцу известного Аюки. Однако Мончак расправился с родным племянником Джалбой, выдав его русскому правительству, на что Дайчин потребовал освобождения своего родича. В связи с этим, не видя поддержки со стороны калмыцких тайшей, Дайчин примкнул к башкирским повстанцам, с которыми действовал вплоть до 1664 г. В то же время лояльный царским властям тайша Мончак в начале 1664 г. оповестил русское правительство о заговоре башкир и татар (при содействии Крымского ханства) против Москвы⁷.

Известно, что крупные башкирские владельцы также искали связи с калмыками⁸. И башкиры в периоды выступлений против экспансии Русского государства находили союзников среди калмыцких тайшей. Во время восстаний 1662–1664 и 1682–1684 гг. несколько башкирских волостей Ногайской дороги откочевали к тайшам Дайчину и Аюке, участвуя вместе с калмыками в антиросийских действиях⁹. Уже в 1661 г. 30 семей башкирских повстанцев были приняты Мончаком. С января 1663 г. Дайчин просил русское правительство вернуть ему внука, предлагая взамен передать всех башкирских повстанцев и пойти на войну против Крыма, в противном же случае сойтись с крымским ханом и совместно с башкирами напасть на русские города. В феврале Дайчин собирался двинуться под Астрахань, но в связи с приближением к его улусу крупных военных сил неких двух тайшей он сразу отменил свой поход. Дайчин сочувствовал повстанцам и тайно им покровительствовал. По сообщению побывавшего в калмыцком плену чуваша Токмамета Байзыгитова, Дайчин отправил к башкирам «калмыков 4 000 да нагайских людей, и иные люди к ним съезжаются». Так, башкиры Ногайской дороги во главе с тарханом Иш-Мухаммедом Девлетбаевым, соединившись с калмыками и ногайцами,

¹ Почекаев Р.Ю. Узурпаторы и самозванцы «степных империй». История тюрко-монгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях. СПб., 2016. С. 119.

² Трепавлов В.В. «Белый царь»... С. 152.

³ Лэн-Пуль С. Монголы XIII–XVIII вв. // История монголов. М., 2008. С. 470.

⁴ Любавский М.К. Русская колонизация. М., 2014. С. 245.

⁵ Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014. С. 311.

⁶ Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М., 2009. С. 106, 107.

⁷ Ремилева Е.С. Ойрат-Монголы. Обзор истории европейских калмыков. Мюнхен, 2010. С. 218.

⁸ Тепкеев В.Т. Указ. соч. С. 344.

⁹ Азнабаев Б.А. Башкирское общество... С. 147.

двинулись под Уфу. Дайчина в его антирусских действиях поддерживали дербетские тайши Аючей и Аюкей. Аючей стал первым калмыцким владельцем, вступившим в тесный контакт с башкирскими повстанцами. В 1662 г. к Аючею прибыли «на житье» 30 башкир, что побудило тайшу выступить с отрядом в 1 700 воинов к башкирам и забрать с собой еще 200 кибиток. Другой дербетский тайша Малай-Батур участвовал совместно с башкирами в набегах на русские селения. Всего в тот период к калмыкам присоединились 8 тыс. башкир¹.

Однако в мае 1663 г. башкиры Ногайской дороги, примирившиеся с правительством и разорвавшие отношения с калмыками, отогнали у Дайчина множество лошадей, в связи с чем тайша в отместку организовал ответный набег на Уфимский уезд. В результате пострадали башкиры, чувашаи и черемисы, в т. ч. и сами калмыки. Но калмыки не нападали на башкир, возглавляемые Кучуком, т. к. они продолжали участвовать в восстании. Важно отметить, что отношение калмыков к башкирскому восстанию 1662–1664 гг. было противоречивым: одни были на стороне башкир, другие продолжали оставаться союзниками правительства².

Отношение башкир к калмыкам также отличается сложным и противоречивым характером. В лице калмыков башкиры видели союзников против усилившегося давления со стороны России, и в то же время это не мешало им продолжать смотреть на кочевья калмыцких орд как на средство наживы в ответ на захват ими башкирских земель. Следует указать, что башкиры не испытывали к калмыкам неприязненных отношений. Свидетельством близких связей между башкирами и калмыками является тот факт, что в конце XVIII в. у башкир существовало отдельное племя *колмак* и 43 родовых подразделения с этнонимом «колмак» входили в состав 37 башкирских родов, в то время как интеграция тюркских народов (татары, мишары, казахи) в башкирское общество значительно уступала по размерам монголоязычным калмыкам³.

Таким образом, башкиро-калмыцкие отношения XVII в. основывались в первую очередь на интересах каждой из сторон и зачастую определялись самостоятельной от российской администрации политикой.

Источники и литература

1. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: БашГУ, 2005. 230 с.
2. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: БашГУ, 2016. 368 с.
3. Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.
4. Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении башкирским краем во второй половине XVI – первой трети XVII в. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 180 с.
5. Джунджузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. 434 с.
6. Исянгулов Ш.Н. Проблема вхождения башкирских племен в состав русского государства // Малоизученные аспекты истории дореволюционного Башкортостана: Сб. ст. Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2008. С. 55–67.
7. Лэн-Пуль С. Монголы XIII–XVIII вв. // История монголов. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008. С. 436–476.
8. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 688 с.
9. Любавский М.К. Русская колонизация. М.: Алгоритм, 2014. 304 с.
10. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. 176 с.

¹ Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2014. С. 309, 338–343.

² Там же. С. 344, 346.

³ Азнабаев Б.А. Башкирское общество... С. 137.

11. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
12. Почкаев Р.Ю. Узурпаторы и самозванцы «степных империй». История тюрко-монгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях. СПб.: Евразия, 2016. 378 с.
13. Ремилева Е.С. Ойрат-Монголы. Обзор истории европейских калмыков. Мюнхен: Бертуган, 2010. 690 с.
14. Самигулов Г.Х. От Долматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск, 2011. 344 с.
15. Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 344 с.
16. Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. 448 с.
17. Тrepавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
18. Тrepавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.

ПОВСТАНЧЕСТВО 1920-х гг. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И СЛОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ¹

Аннотация. В статье дается анализ источниковой базы темы повстанчества в южноуральском регионе и ее отражения в советской историографии, критикуются приемы использования источников в советский период. Отмечены положительные изменения в постперестроечный период. Среди современных достижений в разработке данной темы отмечены создание целостных повествований о ходе каждого повстанческого выступления, нахождение и публикация важных программных документов, их дальнейший анализ. Дается оценка информационной насыщенности архивных фондов. Среди сложностей отмечается распространение мнения о завершенности источникового поиска по причине нахождения и публикации основных программных материалов повстанческих выступлений. Чрезмерное увлечение аналитикой на основе опубликованных материалов сочетается с сокращением поисковой деятельности. Применительно к региону Южного Урала процесс поиска и собрания материалов не может считаться завершенным: еще полностью не опубликованы основные документы по теме, должным образом не освещены конкретные повстанческие выступления в регионе.

Ключевые слова: источники, повстанчество, историография, крестьянский протест, источниковедческий анализ.

В «советской» истории были свои «белые» пятна, и повстанчество 1920-х гг. было одним из них. Этой страницы Гражданской войны историки старались не касаться, или, на крайний случай, затрагивали вскользь, ограничиваясь неконкретными данными и дежурными фразами о бандитах и кулаках. Поначалу повстанчество («мятежи») рассматривалось, как завершающий этап вооруженного противостояния Гражданской войны: например, в первой по времени книге, где последовательно излагались события гражданской войны в Оренбуржье, все завершалось борьбой с кулацкими выступлениями². «Краткий курс» истории ВКП(б) вывел их за рамки войны, де-факто убрав из них политическое содержание, протест, оставив исключительно уголовную составляющую. Специфика создания концепции и событийной канвы Гражданской войны через «Краткий курс» предопределила отношение к источникам по этой теме.

В принципе в условиях революции и последовавшего вооруженного противостояния Гражданской войны было, конечно же, не до собирания письменных источников: от побежденных не осталось практически ничего, от победителей несколько больше. Долгий поиск впоследствии тому подтверждение.

Идея сохранения исторической памяти возникла сразу после окончания Гражданской войны, и хотя интерес был не академический, но польза для науки от такого начинания, безусловно, была.

Письменных источников по гражданской войне в личном пользовании оставалось, естественно, немного. Бумага была в дефиците, условий для хранения документов, особенно в годы войны, не было, а впоследствии люди хранили только те документы, которые имели ценность для них. Судя по личным делам в архивных фондах, это, прежде всего, справки, наградные листы, мандаты, фотографии. Определенный массив документации осел в военных архивах, но о том, что именно там осталось, информации

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00149 «Феномен «красного» повстанчества в гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

² Гражданская война в Оренбургском крае: по воспоминаниям участников гражданской войны и документам / Сост. и подгот. к печати А. Борисов. Чкалов, 1939.

практически не было. Есть документ, запрос в Бугуруслан из Центрального государственного архива Советской Армии от 25 февраля 1966 г., гласивший: «Архив Красной Армии приступил к разборке исторического архива, в особенности, в годы гражданской войны» в связи с приближающейся юбилейной датой 50-летия Советской власти¹.

Естественно, никто не занимался целенаправленным собиранием печати периода революции. Так, например, в Оренбурге в 1920 г. власти за любые газеты и журналы, вышедшие в период с 1917 по 1919 г. предлагали «очень приличное вознаграждение»². Судя по тому, что мы имеем сегодня в областной библиотеке и архивах, на призыв мало кто откликнулся.

Так что неудивительно, что основным источником информации о происходившем становятся сами участники, вот почему основное внимание уделялось воспоминаниям. Нужно признать, что определенный резон в этом действительно был. Вечера встреч землячеств с докладами, зачитыванием документов из личных архивов, внесением поправок, уточнением деталей создали определенную исходную информационную базу. Так, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории) сохранились стенограммы встреч в Москве оренбургских большевиков, участников событий. К сожалению, подобные стенограммы не были использованы в дальнейшем с полной отдачей достаточно скоро многие из участников подобных встреч были репрессированы.

На общегосударственном уровне мемуары о революции и гражданской войне были возведены едва ли не в абсолют, с точки зрения важности и надежности информации; во всяком случае, доверия им, при обязательном условии, что это мемуары «красные», было больше, чем документам.

В дальнейшем сработала система: общая концепция событий, заданная «Кратким курсом», опередила исторические исследования, предоставив им возможность иллюстрировать готовые выводы; аналогично возникли региональные труды, благодаря имеющемуся объему печатных материалов и воспоминаний, давшие региональный вариант развития событий. На этом процесс создания истории гражданской войны в регионах по сути завершился,

Полезными или даже приемлемыми были только те источники, авторы которых были надежными в идейном отношении, а многие активные участники гражданской войны на местах к этому времени стали врагами народа, и которые соответствовали имеющимся выводам, суждениям, оценкам. И если в материалах середины 1920-х гг. еще наблюдались элементы объективности, то в более поздних источниках объективности уже нет. Например, некто В. Горячкин в феврале 1938 г. осторожно писал: «На поставленный вопрос инструктором обкома т. Гурьевым об истории и возникновении зеленой банды в Халиловском р-не я лично только сейчас смогу дать определение этой банды... в данный момент я считаю, что вспыхнувшее восстание было кулацким»³. В регионе был издан единственный сборник о восстаниях «Кулацкие восстания в Башкирии» (1933)⁴, в настоящее время отсутствующий в Оренбурге и Москве; он сохранился только в библиотеке Национального архива РФ.

После создания официальных версий событий гражданской войны поиск новых источников был по сути не нужен. В этом отношении показателен инициированный

¹ Бугурусланский филиал Государственного архива Оренбургской области. Ф. 256. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

² Стенная РОСТА (Оренбург). 1920. 24 февраля. № 41.

³ Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 1724. Оп. 1. Д. 143. Л. 1–2.

⁴ Кулацкие восстания в Башкирии в 1918 году. Воспоминания / Под ред. П. А. Кузнецова. Уфа, 1933.

приближающимися годовщинами революции и гражданской войны сбор мемуаров в середине 50-х гг. В том же Оренбурге активно собирали мемуары государственный архив и областной музей. Уровень собранных мемуаров был достаточно низкий по причине незначительного образования большинства авторов. В целом, встречались интересные повествования и новые факты, но все осталось на уровне рукописей, поскольку новые источники оказались нежелательными, версия событий уже существовала, дополнений не требовала, а новые факты могли поставить ее под сомнение. Вот почему собранные материалы так и не были востребованы и введены в научный оборот. Некоторые авторы касались повстанчества, но описывали события скупо, повторяя традиционные оценки. Так, С. Аркушенко утверждал, что отряд Охранюка (выступление Охранюка-Черского в 1921 г.) изначально был «сворой псов, убийц, террористов»¹. Выдумывались самые невероятные детали. Так, тот же Аркушенко утверждал, что «бандиты» Охранюка в Адамовке «клинками рубили пальцы, отрезали уши и носы своим жертвам. Окровавленные конечности совали в рот безжалостно изуродованным борцам с хвастливо-дикими выкриками: «Это вам продразверстка!»». При этом жертвы поливались ледяной водой – вероятно, автор забыл, что в Адамовке Охранюк был 1 июня². Очевидная нарочитость мемуаров пятидесятых годов особенно сегодня резко бросается в глаза.

Информация обрывками, случайно, но проскальзывала, порой, совершенно неожиданно. Так, например, в биографическом очерке «О Чапаеве» И.С. Кутякова, изданном в 1935 г. в Саранске, упоминается не один раз А. Сапожков, отмечается его положительная роль в защите Уральска и даже приведена фотография А. Сапожкова³, причем точно такая, которая находится в следственных делах сапожковского мятежа, хранящихся в архиве УФСБ по Оренбургской обл. Отметим, кстати, что в 1936 г. этот очерк Кутякова был переиздан в Саратове, в томе воспоминаний «Чапаевцы о Чапаеве»⁴ текст не изменился, но фотографии уже не было.

Позднее появились единичные труды, касавшиеся повстанчества, разумеется, достаточно однобоко (И.Я. Трифонова⁵, Д.Л. Голикова⁶), но с архивными ссылками, придающими видимость аргументированности выводам, хотя ссылки стоило перепроверять. Так, И.Я. Трифонов сообщал, что в Западно-Сибирском восстании кулаки всячески зверствовали, в частности, «в селе Ярково коммунистов кололи раскаленными пиками, посыпанными толченым стеклом»⁷. Сноска переадресовывала к книге М.А. Богданова «Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г.», изданную в Тюмени в 1961 г., и, соответственно, труднодоступную. Но обращение к данной книге показывает, что приведенный «факт» основывается на пропагандистской листовке, изданной коммунистами во время подавления «мятежа» и объяснимо полной примеров самых извращенных жестокостей. Немало ссылок оказывались отсылками к мемуарам или похожим пропагандистским материалам.

Сноски на источники в публикациях о повстанчестве советского периода – вообще особый вопрос. С их помощью обосновывались самые разные «нужные» выводы, как бы «дожимались» факты, проводились желаемые мысли. Только один пример. А.Г. Зверев в мемуарах писал о повстанцах Сапожкова: «Позднее X съезд РКП(б) резко осудил их позицию и констатировал, что в условиях подрывной деятельности этих оппортунистов

¹ ОГАСПИ. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.

² Там же.

³ Кутяков И.С. О Чапаеве. Биографический очерк. Саранск, 1935. С. 62.

⁴ Чапаевцы о Чапаеве. Саратов, 1936.

⁵ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Ч. 1: Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964.

⁶ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: В 2 кн. М., 1986.

⁷ Трифонов И.Я. Указ. соч. С. 125.

«сапожковщина» как кулацкая оппозиция прямо сомкнулась с «рабочей оппозицией» и явилась одной из предвестниц движений типа «антоновщины»¹. Сноска давалась на стенографический отчет Десятого съезда РКП(б), стр. 285. Данная фраза использовалась историками; мы тоже в одной из ранних работ ее приводили, взяв у Зверева, но ссылаясь на стенографический отчет. Гарантией точности являлся авторитет автора – министра финансов СССР. Вот только в реальности в стенограмме ничего такого сказано не было. Выступавший К.Х. Данишевский сказал следующее: «Уже летом имела место такая же история с Сапожковым, когда критика советской политики, советского строительства, советской системы перешла в критику с оружием в руках. Товарищи, это есть главная опасность. Эта главная опасность, которая движется на нашу партию, на Советскую Россию, есть стихия мелкобуржуазного настроения, которое старается идеологически обосновать «рабочая оппозиция»².

Из подобных сочинений гарантированно можно было узнать про начало того или иного «мятежа» и про его окончательное подавление. Весь временной промежуток между этими двумя рубежными моментами был, как правило, крайне запутан в точных датах и привязке к местности, сводясь к перечислению обязательных «зверств» мятежников и успехов властей по их истреблению. Идеинная сторона протеста не поднималась вообще, по причине трактовки выступлений как бандитских, а значит, деструктивных. Исходный тезис о бандитизме снимал вопросы региональных особенностей, что, в свою очередь, позволяло компилировать примеры из разных регионов для доказательства нужных выводов. Существует ощущение, что конкретные выступления упоминались только потому, что были засвечены в партийных документах или текстах за подписью Ленина. Так, выступление А. Сапожкова с «Армией Правды» было включено потому, что о нем упоминалось на X съезде партии.

Перемены в общей информационной картине начались с началом перестройки. В советское время существовало мнение, что информация о повстанчестве где-то есть, но она скрыта. Поэтому, как только идеологические запреты исчезли, то возникла уверенность, что теперь белые пятна будут быстро и успешно ликвидированы. Однако возникли непредвиденные трудности.

Одной из новаций перестроечного периода было продолжение разработки темы крестьянского движения. Как известно, в советской историографии таковое буквально обрывалось на 1917 г. Рубежом выступал октябрь; разгромы имений до октября оценивались и фиксировались как положительные действия, как факты классовой борьбы, после октября – как действия, спровоцированные кулаками, потому оцениваемые отрицательно. В изменившихся условиях казалось более чем разумным продолжение хроники через роковой рубеж 1917 г. Но сделать это оказалось не просто. Основное условие успешности проекта заключалось в единообразии данных и их сочетаемости. В новых условиях оказались разрушены механизмы сбора и учета информации: если по дореволюционному периоду вектор поиска был известен и многожды апробирован, то теперь старая система сбора уже исчезла, а новая еще не возникла. Для Южного Урала период 1918–1919 гг. – по сути информационная лакуна – это период относительного безвластия, борьбы различных политических сил; и если крестьянская активность есть конфликт с властью, то отсутствие последней по сути ликвидирует возможные конфликты. С огромной долей вероятности, даже с уверенностью можно утверждать, что те ограниченные данные, которыми исследователи сегодня располагают по указанному периоду, попавшие в итоге в хронику, сопоставимы с вершиной айсберга. Из своего опыта можем констатировать, что продолжить хронику крестьянской активности далее 1922 г.

¹ Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973. С. 17.

² Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 285.

по исходной схеме практически невозможно¹. Наряду с местными выступлениями, вполне схожими с выступлениями, скажем, пореформенного периода, были и иные, когда протест как бы «уходил» из деревни и статистическая единица тем самым «разрушалась». Повстанческие выступления, привязанные к конкретным населенным пунктам, например, Саринское восстание, Чукари-Ивановское восстание и др., могут быть отражены в хронике. А вот выступления, связанные с передвижением повстанцев (повстанческие «армии»), явно выделяются в особую группу изучения.

В новых условиях, когда были сняты запреты, исследователи получили доступ к ранее закрытым и рассекреченным фондам, создались исключительные возможности для поиска. Одновременно возникла проблема: «где искать»? Если до революции сбором подобной информации занимались определенные структуры, то в послереволюционный период интересующая нас информация оказалась расплывчатой между самыми разными структурами, и находки могли поджидать в самых неожиданных местах.

Простая интуиция подсказывала, что искать прежде всего нужно в ранее закрытых фондах, причем карательных учреждений (ЧК, трибуналов и т. п.). В результате поисков в 1990-х гг. появляются первые публикации о повстанчестве. Они отличались иными оценками, реставрацией событийной стороны в том или ином протесте и обращением внимания на идейное содержание протеста, благо, в фондах карательных учреждений были обнаружены помимо прочего пропагандистские материалы повстанцев.

В итоге, Институтом российской истории РАН был реализован большой серьезный проект – четырехтомный сборник документов и материалов «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939». Первый том, вышедший в 2000 г., охватывал период 1918–1922 гг. Основу тома составили материалы из фондов Центрального архива ФСБ РФ и Российского государственного военного архива. В подавляющем большинстве это были информационные сводки ВЧК, составляемые до сообщениям с мест. Составители сборника утверждали, что «именно эти документы наиболее оперативно, полно и достоверно представляли высшему руководству страны реальные настроения различных слоев населения, экономическое положение и деятельность всевозможных учреждений и организаций»².

В 2002 г. вышел том «Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы» под редакцией В.П. Данилова и Т. Шанина³. Использовались материалы трех федеральных архивов, Центрального архива ФСБ, а также госархивы Самарской, Саратовской, Пензенской, Ульяновской обл., Татарстана, Мордовии и Башкортостана. Кроме того, в том были включены документы из повстанческого лагеря, найденные нами в архивах Оренбуржья и опубликованные в 1999 г.⁴ Заявленный регион Поволжья вынужденно трактовался расширительно, поскольку определяющим фактором была не географическая привязка протеста, но освещение конкретных выступлений, не совпадающих с административными границами. Привлечение архива Башкортостана объяснялось наличием темы восстания «Черного Орла», а использованные документы из нашей монографии по Южному Уралу касались выступления А. Сапожкова в Бузулуке, который можно отнести к Заволжью, а можно к Южному Уралу, в зависимости от прежних и сегодняшних границ регионов.

¹ Сафонов Д.А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922. Хроника и историография. Оренбург, 1999.

² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Док. и мат-лы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 1. С. 54.

³ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Док. и мат-лы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.

⁴ Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999.

Сделаем некоторые замечания относительно информационных сводок ЧК. Они безусловно представляют собой интерес, но никак не могут быть гарантированным базовым источником по проблеме. Прежде всего, они вводились согласно приказа ВЧК № 85 от 03.02.1920 г. Далее: инструкция определяла круг вопросов, требующих освещения в сводке. В основу госинформационной работы должно лечь «освещение политического состояния данного района и выделение экономических причин, влияющих на изменение этого состояния, а также освещение степени успешности проведения в жизнь главных мероприятий Советской власти, как в политической, так и экономической сферах». Иными задачами отмечались «наблюдение за ростом мелкобуржуазной стихии, за проявлениями мелкобуржуазных настроений в рабочей, партийной, союзной, красноармейской массе», а также «уведомление центра об активных проявлениях явной и тайной контрреволюции, о работе контрреволюционных банд и группировок»¹. Регулярность и обязательность представления (2 раза в месяц), заданность основной цели – «информирование центра о степени устойчивости положения на местах и о проведении и укреплении на местах нашей политики» давали в итоге системный материал в динамике, позволявший при сведении губернских сводок получить яркую и содержательную картину в целом. При таком подходе частности и детали остаются как бы за скобками. К сожалению, сводки не дошли до нас в полном объеме – наиболее подробно представлена документация Челябинской ГубЧК, менее содержательны сводки Оренбургской. Именно в сводках сохранилась значительная часть документации восставших, к сожалению, в копиях.

Таким образом, существует достаточно серьезное доверие к чекистской отчетности, а между тем, следует учитывать ее специфику. Чекисты занимались конкретными мятежниками/бандитами/повстанцами тогда, когда последние входили в зону их контроля; когда повстанцы уходили за административные границы губернии, то на покинутой территории ими заниматься переставали. Отсюда отметим два момента: факты говорят о том, что повстанцы порой намеренно переходили из одной губернии в другую, затем возвращаясь. Второй: при таком подходе информационный след остается прерывистым, нет полной картины происходившего, что, в итоге, невольно обманывало последующих исследователей.

Непосредственно ход борьбы с «бандами» освещался в оперативных сводках и зашифрованных телеграммах отрядов Красной Армии и ЧОНа, копии с которых в обязательном порядке присылались в губком партии. Работа по реставрированию событий на основании подобных сводок достаточно сложна – данные в них чаще всего давались непроверенные, по слухам, сведениям разведки и проч. Кроме того, нужно учитывать сам подход к информации – составителей сводок интересовали конкретные данные – направление передвижения банд, их численность, потери и т. п. Известия о появляющихся бандах далеко не всегда подтверждались. Например, начполитотдела отдельной стрелковой бригады 6–9 июля 1921 г. объехал Илецкий р-н, откуда потоком от партийных органов шла информация о появлении новых и новых многочисленных бандформирований. Расследование показало, что сведения неправильны: за бандитов принимались то перегоняемые табуны, то группы казахов, едущих на сенокос. Так, утверждалось, что в 7 верстах от Илека прошла банда в 130 сабель, оказалось, это только 7 чел. местного происхождения².

Коммунистические власти широко использовали для сбора сведений т. н. информаторов. Факты свидетельствуют, что получаемые таким путем сведения нередко были неточны, ошибочны, а то и ложны. Так, в июле 1921 г. поступило сообщение, что в

¹ ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 346. Л. 1.

² Там же. Д. 229. Л. 32.

пос. Яманский и ст. Кинделинская Илецкого р-на (15–25 верст северо-западнее Илека) началось восстание под лозунгом «Долой советскую власть и коммунистов. Да здравствует офицерство, атаманство и Николай Второй». Утверждалось, что отряд восставших насчитывает до 50-ти чел., которые вооружены винтовками и топорами. Естественно, туда был направлен отряд¹. Но через неделю выяснилось, что никакого восстания там не было, а имели место лишь выкрики из толпы: «Долой коммунистов и соввласть»².

Также важно учитывать, что фактически можно говорить о нескольких уровнях информационной точности. Те или иные донесения, свидетельства и отчеты составлялись их авторами в полной зависимости от тех задач, которые перед ними ставились. Ярким примером может служить документация следствия по делу «Армии Правды» А. Сапожкова в Бузулуке в 1920 г., находящаяся в архиве УФСБ по Оренбургской об. Там в многотомном деле находятся протоколы допросов, «объяснения» тех, кого привлекали к следствию, отчеты агентов, рапорты командированных в Бузулук самарских чекистов. При сопоставлении содержащейся в этих документах информации сразу становится видна ангажированность авторов. Поскольку первоначальная версия происшедшего объясняла все случившееся нездоровыми амбициями Сапожкова, то все авторы стремились показать как можно убедительнее его моральное падение и авантюризм. В тесной связи с этим было обязательное упоминание о повальном пьянстве комсостава повстанческой «Армии», что Сапожков и прочие не расставались с битонами спирта, возимыми с собой в автомобиле. Кстати, правильный вариант использования спирта, как горючего для автомобиля, даже не рассматривался – все обязательно сводилось к неумеренным попойкам. Обязательно упоминалось о расправах над коммунистами, причем все писавшие об этом только «слышали» о таковых, но сообщали массу деталей. Примеры можно продолжать. Но есть еще один документ, несколько иного рода – аналитическая записка, созданная кем-то из ответственных партработников (подпись не читается)³. В ней красной линией проходит главная мысль: причина конфликта – протест коммунистов против коммунистической власти. Не было никаких расправ, не было повального пьянства, не было многого из того, о чем писали выше упомянутые люди. Но именно сообщенные ими «факты» имеют распространение и поныне в трудах современных исследователей, поскольку берутся они из «надежного источника» – чекистской документации. Упоминание одним из агентов, что на его обращение к нескольким сапожковцам «товарищ», двое ответили, что лучше им говорить «станичник» (в дивизии А. Сапожкова были уральские казаки), в мемуарах А.Г. Зверева превратилось в следующее «свидетельство»: «По улицам Бузулука, как в царские времена, разъезжали с нагайками пьяные казаки и требовали от жителей снимать шапки и называть их «господа станичники»»⁴.

Получается, что на одних и тех же источниках можно создать ту или иную картину, в зависимости от задачи; более того, на одних и тех же документах. Так, нач. штаба войск ГПУ Мессьер, командовавший преследованием «войск народа» В. Серова, явно стремился доказать, что никакой поддержки от населения серовцы не получают, напротив, из-за проводимой ими по пути «беспощадной продфуражировке», у населения наблюдается «враждебное отношение к банде». А в конце донесения он сообщал, что только в одном

¹ ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 229. Л. 16.

² Там же. Л. 174.

³ Документ по истории выступления «Армии Правды» А. Сапожкова (1920 г.) / Публ. Д.А. Сафонова // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. ст. и мат-лов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2013. С. 564–578.

⁴ Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973. С. 17.

населенном пункте – в Ново-Илецке – «было много желающих вступить в банду», но взяли «только триста человек»¹.

Несколько итоговых наблюдений. После появления столь авторитетных изданий, как «Советская деревня» и «Крестьянское движение в Поволжье», исследователи, во-первых, получили определенные ориентиры относительно того, где стоит искать информацию, во-вторых, иллюзию относительно того, что все основные повстанческие документы уже собраны и опубликованы. По последнему моменту мы склонны согласиться; по нашему убеждению, на сегодня опубликованы практически все известные важные документы, исходившие из повстанческой среды зоны Поволжья. В пользу этого говорит тот факт, что со времени выхода указанного тома прошло 17 лет, и за это время не наблюдалось появления новых текстов, сопоставимых масштабностью с повстанческими «Декларациями» и иными программными документами.

У ряда исследователей темы повстанчества в рассматриваемом регионе явно возникло убеждение, что поисковая работа исчерпала себя, а все материалы, необходимые и достаточные для разработки темы, уже находятся в доступе. Именно этим убеждением мы объясняем факт резкого увеличения статей аналитического характера. Сама по себе тенденция перехода от изложения событий к аналитике естественна и своевременна. Проблема в том, что многие авторы выстраивают логические построения аналитического типа исключительно на публикациях указанных книг, в связи с чем в литературе начинает утверждаться мнение о единстве повстанчества по всей стране, и единстве их программных положений, воззрений, требований. Как следствие, наблюдается ощутимый спад исследовательского интереса особенно среди начинающих историков к источниковому поиску, и совершенно напрасно, поскольку по Южному Уралу подобную поисковую и публикаторскую работу нельзя считать завершённой.

Источники и литература

1. Бугурусланский филиал Государственного архива Оренбургской области. Ф. 256. Оп. 1. Д. 13.
2. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: В 2 кн. М.: Политиздат, 1986. Кн. 1. 333 с.; Кн. 2. 397 с.
3. Гражданская война в Оренбургском крае: по воспоминаниям участников гражданской войны и документам / Сост. и подгот. к печати А. Борисов. Чкалов: Чкал. обл. изд-во, 1939. 271 с.
4. Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет: М.: Госполитиздат, 1963. 915 с.
5. Зверев А.Г. Записки министра. М.: Изд-во политической литературы, 1973. 274 с.
6. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Док. и мат-лы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с.
7. Кулацкие восстания в Башкирии в 1918 году. Воспоминания / Под ред. П.А. Кузнецова. Уфа: Башкирское государственное издательство, 1933. 112 с.
8. Кутяков И.С. О Чапаеве. Биографический очерк. Саранск: Мордгиз, 1935. 102 с.
9. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 229, 346, 360; Ф. 1724. Оп. 1. Д. 143; Ф. 6002. Оп. 1. Д. 84.
10. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург: Оренбургская губерния, 1999. 316 с.
11. Сафонов Д.А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922. Хроника и историография. Оренбург: Оренбургская губерния, 1999. 315 с.
12. Документ по истории выступления «Армии Правды» А. Сапожкова (1920 г.) / Публ. Д.А. Сафонова // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. ст. и мат-лов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 564–578.
13. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Док. и мат-лы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 1. 864 с.
14. Стенная РОСТА (Оренбург). 1920. 24 февр. № 41.
15. Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Ч. 1: Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л.: ЛГУ, 1964. 311 с.
16. Чапаевцы о Чапаеве. Саратов: Саратовское краевое издательство, 1936. 191 с.

¹ ОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 360. Л. 58.

В.Г. Семенов
(ОГПУ, г. Оренбург)

А.И. Кортунов
(БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа)

ВОЕННАЯ ДИНАСТИЯ ЧУЛОШНИКОВЫХ

Аннотация. Фамилия Чулошниковых была распространена на Южном Урале, начиная с XVIII столетия. Многие представители рода служили офицерами Оренбургского казачьего войска на протяжении семи поколений. Одним из наиболее ярких представителей рода был специалист по истории Казахстана, Средней Азии и Башкирии историк Александр Петрович Чулошников. В настоящей статье публикуются сведения о представителях военной династии Чулошниковых, выявленные в фондах Российского государственного военно-исторического архива и Оренбургского государственного архива.

Ключевые слова: Чулошников, биографические сведения, военная династия, исследователь, историк, Оренбургское казачье войско.

Ларион Моисеевич Чулошников – прапрапрадед историка А.П. Чулошникова. Проживал в крепости Тоцкой Бузулукского уезда Оренбургской губ. По состоянию на 1773 г. он был 62-летним отставным хорунжим. С ним проживали 65-летняя супруга Федосия Трофимовна и состоящие на военной службе сыновья Степан и Никифор¹.

Степан Ларионович Чулошников – прапрадед А.П. Чулошникова. Проживал в Тоцкой крепости Бузулукского уезда Оренбургской губ. Документы времен Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева свидетельствуют, что в 1773 г. «в крепости Тоцкой проживал Степан Ларионович Чулошников, 32 лет с женой Домной Ильиничной и детьми: дочерью Федосией, 12 лет и сыном Ефимом, 7 лет»².

Атаманом казачьей команды в Тоцкой крепости в 1769–1773 гг. был брат Степана, 27-летний хорунжий Никифор Ларионович Чулошников³. Вместе с атаманом Никифором Чулошниковым в Тоцкой крепости жили его 27-летняя жена Анна Алексеевна и их 7-летняя дочь Василиса. Н.Л. Чулошников в годы Крестьянской войны был одним из сподвижников Е.И. Пугачева, получившим от него чин есаула. В апреле 1775 г., после подавления Крестьянской войны, Н.Л. Чулошников был наказан кнутом, клеймен и сослан на пожизненную каторгу⁴.

Ефим Степанович Чулошников – прапрадед А.П. Чулошникова. С 1866 г., с рождения жил в Тоцкой крепости Бузулукского уезда Оренбургской губ. Документы времен Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева свидетельствуют, что в 1773 г. его отцу Степану Ларионовичу Чулошникову было 32 года, сестре Федосии 12 лет, а ему 7 лет⁵. В 1816 г. Е.С. Чулошников был хорунжим и числился в Тоцкой крепости. С ним проживали 49-летняя жена Анна и сыновья: 21-летний Иван и 20-летний Леонтий.

Иван Ефимович Чулошников – прадед А.П. Чулошникова. Родился в 1796 г. Происходил из казачьих детей Тоцкой станицы Бузулукского уезда Оренбургской губ. С 20 марта 1813 г. состоял на службе урядником. 29 марта 1814 г. был произведен в зауряд-хорунжие. С 14 мая 1830 г. по 23 марта 1832 г. в составе 10-го Оренбургского казачьего полка находился на службе в Москве. С 9 августа 1833 г. – зауряд-сотник. 15 августа 1833 г. был назначен комендантом Сорочинской крепости. За отличное

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 11. Д. 25. Л. 65 об.–66.

² Там же.

³ Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 15 об.; Оп. 11. Д. 25. Л. 65 об.–66.

⁴ Оренбургская пушкинская энциклопедия / Авт.-сост. Р.В. Овчинников, Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997. С. 481.

⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 11. Д. 25. Л. 65 об.–66.

состояние крепости, «оказанное» на инспекторском смотре 7 января 1835 г., коменданту И.Е. Чулошникову подполковник Оренбургского казачьего войска Подуров объявил благодарность. 17 июля 1835 г. И.Е. Чулошников был произведен в полковые хорунжие. Позже он дослужился до чина войскового старшины и был причислен в число служилых дворян Оренбургской губ. Был женат на Прасковье Николаевой, мещанской дочери. В формулярном списке за 1838 г. указаны его дети: сыновья 19-летний урядник Автоном; 16-летний Алексей, 11-летний Федор, а также дочери 12-летняя Матрена, 6-летняя Василиса и 1-летняя Елизавета. Имел деревянный дом в Тоцкой станице Бузулукского уезда Оренбургской губ.¹

Алексей Иванович Чулошников – дед А.П. Чулошникова. Родился в Тоцкой станице Бузулукского уезда Оренбургской губ. В службу вступил 1 января 1843 г. казаком. После окончания Оренбургского училища земледелия и лесоводства, 17 ноября 1845 г. стал урядником. В 1846 г. с августа по ноябрь был помощником смотрителя общественной запашки в Чернореченской станице Оренбургского уезда. Позже служил старшим писарем полкового правления № 4. В 1849–1852 гг. был учителем малолеток казаков в Чернореченской станице. С 12 апреля 1852 г. исправлял обязанности смотрителя лесов в 3-м полковом округе. В 1854 г. в возрасте 31 года стал хорунжием. С 26 января 1855 г. по 5 марта 1857 г. находился в Москве в составе трехсотенного отряда оренбургских казаков. 23 декабря 1856 г. был произведен в Москве в чин сотника. В 1857–1858 гг. исполнял должность заседателя полкового правления № 4. Был женат на Ефимии Ивановне, дочери зауряд-есаула Домашнева. 10 июля 1852 г. у них родился сын Петр, 10 июня 1866 г. – Иван, а 9 ноября 1856 г. – дочь Матрена². Брат Алексея Ивановича, Автоном Иванович, дослужился до чина войскового старшины. В 1866–1868 гг. он был начальником Пречистенской станицы. Его сын Александр тоже дослужился до чина войскового старшины (1878 г.).

Петр Алексеевич Чулошников – отец А.П. Чулошникова. Родился 10 июня 1852 г. Происходил из потомственных дворян Пречистенской станицы 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию и Оренбургское казачье юнкерское училище по 2 разряду. На службе юнкером с 1 июня 1871 г. 9 ноября 1873 г. произведен в хорунжие. Офицерское звание получил в 21 год, на 10 лет раньше своего отца. 30 августа 1884 г. был пожалован чином подполковника. После окончания Оренбургского юнкерского училища в составе Оренбургского казачьего полка № 3 был направлен в Туркестанский военный округ. С 25 апреля 1874 г. по 15 августа 1875 г. исполнял дела полкового адъютанта. Во время Кокандского похода с 20 августа 1875 г. по 1 марта 1876 г. был адъютантом начальника кавалерии. 23 сентября 1875 г. произведен в сотники. За отличия в боях с кокандцами 1, 2, 4, 10, 26 и 30 сентября Высочайшим указом 17 ноября 1876 г. награжден четырьмя боевыми орденами: Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. В марте–августе 1876 г. был смотрителем Андиганского лазарета и плац-адъютантом г. Андигана.

Во время Русско-турецкой войны П.А. Чулошников был младшим офицером 7-го Оренбургского казачьего полка. 3 ноября 1879 г. за отличия во время боевых действий в составе Саганлукского отряда в 1877–1878 гг. при блокаде г. Эрзерум был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. 30 ноября 1878 г. за отличие при штурме крепости Карс был произведен в есаулы. В 1880–1883 гг. служил в составе 4-го Оренбургского казачьего полка. 15 мая 1883 г. за отличие по службе произведен в

¹ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 499. Л. 3 об.–5.

² Там же. Л. 78–81.

войсковые старшины. В 1884–1887 г. служил во 2-м Оренбургском казачьем полку в Нижнем Новгороде. 40 августа 1884 г. произведен в подполковники. В 1892–1895 гг. служил в 3-м Оренбургском казачьем полку в должности помощника командира полка. 6 мая 1894 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1897–1900 гг. вновь назначен помощником командира 3-го Оренбургского казачьего полка. В 1901–1904 гг. был офицером, состоящим при штабе 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. 16 апреля 1904 г. назначен командиром 9-го Оренбургского казачьего полка, во главе которого участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. 22 января 1905 г. за отличие пожалован чином полковника. Командовал полком до 22 июня 1905 г. 6 мая 1906 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. Награжден тремя серебряными медалями: «За покорение Кокандского ханства 1875–1876 гг.», «За русско-турецкую войну 1877–1878 гг.», «В память царствования императора Александра III». 6 апреля 1907 г. уволен со службы в чине генерал-майора с мундиром и пенсией. Умер после 1916 г.

Был женат на Екатерине Алексеевне, дочери надворного советника Алексея Васильевича Хрипунова. У них дети: Алексей (09.11.1879 г. р.), Михаил (10.05.1883 г. р.), Петр (13.06.1885 г. р.), Наталья (20.08.1888 г. р.), Евгения (12.10.1891 г. р.), Александр (08.08.1894 г. р.), Константин (02.10.1897 г. р.). Евгения в 1903 г. поступила в Оренбургский женский институт. В собственности П.А. Чулошникова находился земельный участок площадью 300 дес.¹

Петр Петрович Чулошников – брат А.П. Чулошникова. Родился 19 июня 1885 г. Уроженец Нижегородской губ. Происходил из потомственных дворян Оренбургской губ. Сын полковника, казак Оренбургского казачьего войска. В 1871 г. окончил курс Оренбургской Неплюевской военной гимназии. В службу поступил вольноопределяющимся 1-го разряда в Киевское военное училище. 13 июня 1904 г. постановлением педагогического совета переведен в старший класс. 1 октября 1904 г. произведен в полковые унтер-офицеры. В 1905 г. окончил по 1-му разряду Киевское военное училище. 22 апреля 1905 г. выпущен хорунжим и направлен в 3-й Оренбургский казачий полк.

С 14 сентября по 5 мая 1905 г. был помощником начальника полковой учебной команды. С 18 декабря 1905 г. по 23 января 1906 г. исполнял дела начальника полковой учебной команды. С 30 ноября 1905 г. по 3 декабря 1906 г. временно исполнял обязанности полкового казначея. С 29 октября 1905 г. по 16 августа 1906 г. был «хозяином» офицерского собрания.

С 11 января по 18 августа 1906 г. был заведующим полковой казачьей лавкой. С 6 июня по 25 июня 1906 г. временно исполнял дела полкового адъютанта. С 2 августа 1906 г. по 19 января 1907 г. исполнял дела заведующего оружием. С 2 августа по 19 января 1907 г. был делопроизводителем полкового суда. С 31 августа 1907 г. вновь назначен заведующим оружием. С 25 сентября 1907 г. по 5 мая 1908 г. начальник нестроевой команды. 2 августа 1908 г. уволен в войско на льготу. 6 мая 1909 г. произведен в сотники. 6 октября 1911 г. приказом по военно-учебным заведениям № 29 прикомандирован к Оренбургскому Неплюевскому кадетскому корпусу исполняющим должность офицера-воспитателя. 5 октября 1912 г. произведен в подьесаулы. 21 февраля 1913 г. ему предоставлено право ношения светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Дома Романовых. Приказом по военно-учебным заведениям от 15 октября 1913 г. за № 78 утвержден в должности офицера-воспитателя. 1 ноября 1913 г. переведен в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус офицером-воспитателем с переименованием в штабс-капитаны. 8 мая 1915 г. награжден орденом Св. Станислава

¹ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 105. Л. 59 об.–63 об.

3-й степени. Был женат на Анастасии Федотовне Виноградовой, дочери священника с. Яхновец. У них дети: дочь Екатерина (03.04.1910 г. р.) и сын Владимир (17.07.1911 г. р.)¹.

Алексей Петрович Чулошников – брат А.П. Чулошникова. Родился 9 ноября 1879 г. Происходил из потомственных дворян Оренбургской губ. 1 января 1898 г. поступил на службу казаком. 1 января 1900 г. зачислен в Оренбургское юнкерское училище юнкером с утверждением в правах по образованию 2-го разряда. 4 мая 1900 г. приказом по Оренбургскому казачьему войску № 385 исключен из юнкерского училища по семейным обстоятельствам. 3 октября 1902 г. командирован в 1-й Оренбургский казачий полк для «дослуживания» полного срока службы.

1 апреля 1902 г. произведен в младшие урядники. 5 мая 1903 г. по выслуге срока службы уволен на льготу. 3 ноября 1903 г. зачислен на государственную гражданскую службу в Оренбургскую казенную палату. 1 января зачислен во 2-ю очередь. 16 марта 1905 г. был призван в 8-й Оренбургский мобилизованный полк. 1 декабря 1906 г. переименован в старшие урядники. 16 декабря 1906 г. по болезни был уволен на льготу. 1 января 1909 г. перечислен в 3-ю очередь. 23 марта 1911 г. зачислен на службу в Оренбургский крестьянский поземельный банк. 20 сентября 1913 г. произведен в коллежские регистраторы.

1 января 1913 г. зачислен в запасной разряд. 19 августа 1914 г. по мобилизации призван в 9-ю Оренбургскую особую казачью сотню. 24 ноября 1914 г. вместе с сотней прибыл в действующую армию. За боевые отличия 3 февраля 1915 г. произведен в прапорщики. 2 ноября 1915 г. приказом по 10-й армии награжден Георгиевским оружием за то, что 28 августа 1915 г. у местечка Скидель по собственной инициативе бросился со своим разъездом в конную атаку на задержавшиеся цепи противника и ударом холодного оружия заставил немцев в беспорядке поспешно отступить, захватив при этом пленных. 9 ноября 1915 г. был командирован в распоряжение войскового начальства Оренбургского казачьего войска. 17 ноября 1915 г. зачислен в 1-ю запасную Оренбургскую казачью сотню. 17 февраля 1916 г. откомандирован в действующую армию в состав 32-й Оренбургской особой конной сотни. 24 февраля 1916 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. 22 апреля 1916 г. был награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. 7 июня 1916 г. уволен в г. Оренбург по домашним обстоятельствам. 27 июня 1916 г. назначен на службу в 26-ю Оренбургскую особую конную сотню. 5 февраля 1917 г. приказом по 2-й армии произведен в хорунжие. С 29 сентября 1917 г. – сотник, с 10 октября 1917 г. – подьесаул². Во время Гражданской войны находился в 10-м Оренбургском казачьем полку. С 26 января 1919 г. – член Думы Георгиевского оружия Отдельной Оренбургской Армии. Был женат на дочери священника³.

Михаил Петрович Чулошников – брат А.П. Чулошникова. Родился 10 мая 1883 г. в г. Харькове. Происходил из потомственных дворян Оренбургской губ. В 1900 г. окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус с направлением в Николаевское инженерное училище. Окончил его по 1-му разряду в 1903 г. 10 августа 1903 г. выпущен из училища подпоручиком в 4-й железнодорожный батальон. Также окончил Николаевскую инженерную академию по 2-му разряду и курс офицерского класса военно-электротехнической школы по 1-му разряду. 5 октября 1905 г. произведен в поручики, 5 октября 1909 г. – в штабс-капитаны. С 22 декабря 1912 г. – начальник учебной команды. 2 декабря 1913 г. командирован в г. Белу в Леснинский женский монастырь на постройку

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 49916. Л. 1–4.

² Семенов В.Г. Дополнение к биографическому справочнику «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска». Оренбург, 2009. С. 76.

³ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 70980. Л. 1–6 об.

подъездного железнодорожного пути¹. Участник Первой мировой войны С 28 июня 1914 г. находился в действующей армии. 8 июля 1914 г. произведен в капитаны, 18 июля 1914 г. назначен командиром 3-й роты. С апреля 1916 г. находился в 3-м Сибирском железнодорожном батальоне, служил в военно-железнодорожном отделе Управления начальника военных сообщений армий Северного фронта.

В годы Гражданской войны был произведен в подполковники. Занимал должности инженера и военного электрика. 24 февраля 1919 г. был прикомандирован к штабу 2-го Оренбургского казачьего корпуса на должность офицера для поручений в 4-й Оренбургский армейский корпус. 4 марта 1919 г. убыл в распоряжение дежурного генерала штаба Оренбургской отдельной армии². В 1913 г. награжден орденами Св. Станислава 2-й степени, 10 июня 1915 г. – Св. Анны 2-й степени с мечами, 18 сентября 1915 г. – Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, 11 ноября 1916 г. – Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». В 1915 г. был женат, имел двух сыновей, 6 и 2 лет.

Константин Петрович Чулошников – брат А.П. Чулошникова. Родился 2 октября 1897 г. Уроженец Подольской губ. Происходил из потомственных дворян Оренбургской губ. В 1914 г. окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, 14 мая 1915 г. – по 1-му разряду сокращенный курс Николаевского инженерного училища. Выпущен прапорщиком в 1-ю Оренбургскую запасную казачью сотню. Участник Первой мировой войны. 26 августа 1915 г. произведен в хорунжие. В 1915–1916 гг. служил в 9-м Оренбургском казачьем полку. 25 февраля 1916 г. переведен в штаб Оренбургской казачьей дивизии помощником начальника конно-саперной команды. С 18 января 1917 г. служил в 3-м Сибирском железнодорожном батальоне. С 4 марта 1917 г. поручик. С 11 июля 1917 г. находился в командировке в штабе 6-й железнодорожной бригады³. Участник Гражданской войны. Капитан. С августа 1918 г. – командир кадровой железнодорожной роты. В 1930 г. проживал в г. Оренбурге. Как бывший белый офицер был лишен избирательных прав. В 1916 г. награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Источники и литература

1. Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Библиографический справочник. М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. 676 с.
2. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 38. Оп. 1. Д. 15, 105, 499; Оп. 11. Д. 25.
3. Оренбургская пушкинская энциклопедия / Авт.-сост. Р.В. Овчинников, Л.Н. Большаков. Оренбург: Печ. дом «ДиМур», 1997. 519 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 408. Оп. 1. Д. 12345, 16121, 70980; Ф. 409. Оп. 1. Д. 49916.
5. Семенов В.Г. Дополнение к биографическому справочнику «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945». Оренбург: Печатный дом «ДиМур», 2009. 72 с.

¹ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 12345. Л. 25 об.–26; Д. 16121. Л. 23 об.–24.

² Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945. М., 2007. С. 610.

³ РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 16121. Л. 25 об.–26.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть формирование системы губернаторской отчетности в Российской империи в начале XIX в. на примере годового отчета гражданского губернатора А.А. Врасского за 1804 г. о состоянии Оренбургской губ. Автор пришла к выводу, что основная работа по подготовке ежегодного отчета возлагалась на гражданского губернатора. В первые десятилетия XIX в. структура и содержание губернаторских отчетов во многом определялись собственными представлениями гражданских начальников губерний о правилах и особенностях их составления. Практика подачи губернаторских отчетов в первые десятилетия XIX в. только начала складываться.

Ключевые слова. Оренбургская губ., гражданский губернатор, военный губернатор, император, годовой отчет, делопроизводство.

Административное пространство Российской империи в XIX в. было довольно плотно пронизано диалогом властей разного уровня. Важным каналом поступления информации о состоянии местного управления являлись губернаторские отчеты, структура которых неоднократно менялась на протяжении XIX в.

В конце XVIII в. среди материалов, представляемых губернаторами в Сенат, были топографические описания губерний, сведения о числе душ в городах; ведомости о чрезвычайных происшествиях². 1 июня 1798 г. генерал-прокурор А.Б. Куракин объявил повеление императора всем гражданским губернаторам два раза в год объезжать губернию для осмотра³. Губернаторы могли сами выбирать наиболее удобные месяцы и даты для «обозрения» губерний. 17 сентября 1799 г. был подписан именной указ о том, что прогонные деньги, необходимые на объезд губернаторами губерний выделять из сумм чрезвычайных расходов⁴. Предполагалось, что губернатор должен объезжать не сразу всю губернию, а «разделять оную на два раза, таким образом, чтобы в один раз объехать одну, а во второй раз вторую половину губернии, чем излишняя издержка прогонов сохранится»⁵. По результатам объездов губернии следовало составлять отчет.

Учреждение министерской системы управления в начале XIX в. потребовало создания новых информационных каналов и механизмов взаимодействия местной власти в лице губернатора и Министерства внутренних дел. Именно в этом ключе следует рассматривать формирование регулярной практики составления и подачи гражданскими губернаторами ежегодных всеподданнейших отчетов.

В историографии губернаторские отчеты связывают с реформаторским курсом первых лет правления Александра I, утверждением принципов рационализма в организации государственного аппарата, когда правительство нуждалось в регулярном поступлении информации как важнейшем условии улучшения системы местного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке СФ БашГУ (грант № В19-78 «Российская провинция в контексте экономического, общественно-политического и социокультурного развития в XIX–XX вв. (на примере Южного Урала)»).

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. (ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 20. № 14 671, 14 733.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1822. Л. 1–2.

⁴ ПСЗ I. Т. 25. № 19 118.

⁵ Там же.

управления¹. Можно согласиться с выводами современных исследователей, что всеподданнейшие губернаторские отчеты представляли собой одну из традиционных форм административного контроля, важный источник информации, рабочий материал, который использовался при формировании правительственного курса в том или ином регионе².

По нашему мнению, всеподданнейшие губернаторские отчеты можно рассматривать как форму двойного контроля за состоянием местного управления. С одной стороны, на основе материалов о состоянии губернии, представляемых начальником губернии, правительство делало вывод о состоянии вверенной ему губернии и результатах его деятельности, а с другой – подготовка и составление отчета предполагала проведение начальником губернии собственной ревизии присутственных мест и сбор необходимых сведений от учреждений управления.

В первой половине XIX в. четко выделяются два периода формирования системы губернаторской отчетности: первая треть XIX в. и период с 1837 г. по 1850-е гг. В рамках первого периода происходило утверждение норм и порядка представления регулярных систематических отчетов, проведения ежегодных губернаторских ревизий губерний, складывался формуляр отчета, утверждались правила сбора информации. В этот период содержание губернаторских отчетов во многом определялось собственными представлениями начальника губернии. Порядок представления всеподданнейших губернаторских отчетов определялся именными указами и ведомственными циркулярами. На его содержание влияли особенности губернии и личного стиля губернатора.

Начиная с 1837 г. губернаторский отчет приобрел статус «всеподданнейшего», установились четкие формуляры отчета, статистических таблиц и ведомостей, правила сбора сведений. Губернаторские отчеты стали отражать все стороны жизни губернии, т. е. его ведомственная структура была пересмотрена.

Материалы всеподданнейших губернаторских отчетов широко используются как в общероссийских, так и региональных исторических исследованиях в силу комплексного характера содержащейся в них информации, которая отражает проблемы от социально-экономического состояния губернии до особенностей функционирования местных учреждений. А.С. Минаков пришел к выводу, что годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов в пореформенное время стали важным механизмом взаимодействия между центральной и местной властью, действенной формой контроля и платформой обсуждения правительственных перспектив. И.М. Гвоздикова проанализировала систему органов местной администрации Оренбургской губ. по отчету гражданского губернатора Я.В. Ханькова за 1852 г., выделив учреждения, в которых делопроизводство состоит под непосредственным руководством гражданского губернатора; присутственные места, подчиненные постоянному надзору начальника губернии и учреждения, из которых лишь некоторые дела поступают к губернатору и только в случае необходимости подвержены ревизии³.

¹ Акулышин П.В. Реформаторские планы и провинциальная реальность: губернаторские отчеты первых лет правления Александра I (на материале Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) // Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина. 2005. № 1. С. 66–73.

² Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 5–25.

³ Гвоздикова И.М. Система органов местной администрации по всеподданнейшему отчету оренбургского гражданского губернатора Я.В. Ханькова за 1852 г. // История Оренбургская: наследие и современность. Первые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского: Сб. ст. / Отв. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург, 2006. С. 17–31.

Целью нашей статьи является попытка рассмотреть особенности первых всеподданнейших отчетов оренбургских гражданских губернаторов на примере отчета оренбургского гражданского губернатора действительного статского советника А.А. Врасского за 1804 г., сохранившегося в фондах Государственного архива Оренбургской обл.¹

Введение всеподданнейших губернаторских отчетов связано с деятельностью министра внутренних дел В.П. Кочубея. В ноябре 1804 г. к оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому поступило отношение министра внутренних дел, гласившее, что согласно повелению императора гражданским губернаторам предписано составлять «каждогодние отчеты о состоянии разных частей управления, хозяйственному их попечению порученные, дабы сведения могли тем удобнее доставить точные понятия как о целом общем, так и о частях» вверенной губернии². В отношении четко говорилось, что составлением отчета должен заниматься гражданский губернатор А.А. Врасский, а военный губернатор князь Г.С. Волконский – «руководствовать гражданского губернатора в деле доставления в полной мере необходимых сведений»³. В соответствии с отношением, военный губернатор уведомил гражданского начальника губернии, что если понадобится его «содействие», то А.А. Врасский может обратиться к нему за помощью.

Оренбургский гражданский губернатор действительный статский советник Алексей Александрович Врасский, которому было 44 года, был назначен на должность 9 января 1802 г.⁴ Получив домашнее образование, он с 1771 по 1790 гг. находился на военной службе, а затем был определен в Пензенскую губ. губернским прокурором. А.А. Врасский находился в должности гражданского губернатора до 1806 г.⁵ Оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский охарактеризовал его так: «Губернатор довольно добрый, но не деятельный и довольно слабый. По обширности сей губернии надлежало хозяину здесь быть пылкому и строгому»⁶. 1 февраля 1806 г. в Уфе был получен указ о его отставке «с полным пансионом». К сожалению, пока не удалось обнаружить архивные документы, которые бы более точно объясняли причину отставки гражданского губернатора А.А. Врасского.

Гражданский губернатор А.А. Врасский 4 ноября 1804 г. получил отдельное предписание от Министерства внутренних, предусматривающее сделать соответствующие распоряжения по всем губернским учреждениям для сбора необходимых сведений по отчету⁷. Отчет о состоянии Оренбургской губ. был подготовлен и представлен императору и министру внутренних дел 14 февраля 1805 г.⁸ Копия отчета была отправлена оренбургскому военному губернатору князю Г.С. Волконскому. Таким образом, с самого начала введения практики представления губернаторского отчета, их составление в Оренбургской губ. было возложено на гражданского губернатора.

В первое десятилетие XIX в. формуляр отчета гражданского губернатора не был четко определен. Первый отчет действительного статского советника А.А. Врасского по объему был небольшой, содержал всего 36 страниц. Весь материал по Оренбургской губ. условно можно разделить на две части, которые содержали главным образом таблицы и комментарии к ним. В первой части губернаторского отчета была собрана информация о государственном хозяйстве: о числе государственных крестьян «в Оренбургскую

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 1319.

² Там же. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 1342. Л. 45.

⁵ РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1822. Л. 1–2.

⁶ Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа, 2010. С. 113.

⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1319. Л. 37, 38.

⁸ Там же. Л. 39.

губернию причисленных и из оной в прочее исключенных»; «табель о числе фабрик и заводов»; ведомость о пчеловодстве; о Приказе общественного призрения; «ведомость сколько и на какие губернские казенные строения ассигновано было от казенной палаты в прошлом 1803 г. и 1804 г. сумм»; «ведения о водах промыслах рыбных»; «табель повинностей отправляемых деньгами»; «ведомость о состоянии соляной части»; «генеральная ведомость запасного хлеба в сельских магазинах по уездам». Во второй части отчета были представлены сведения о количестве дел в губернском правлении, городнических правлениях, уездных земских судах оставшихся нерешенными, поступивших, решенных¹. Таким образом, структура отчета по Оренбургской губ. по форме не точно повторяла программу годового отчета, установленную циркуляром МВД от 4 ноября 1804 г., но его содержательная сторона, в целом, соответствовала основным положениям циркуляра и отражала главные показатели состояния Оренбургской губ.

Исследователи обращают внимание на то, что наибольшие затруднения у гражданских губернаторов вызывал сбор сведений о экономическом состоянии губернии: размерах и типах земли (казенной и частной), размеры крестьянских наделов. Это объяснялось тем, что местные учреждения не всегда владели информацией, а механизм ее сбора не был отлажен². Поэтому достоверность этой части всеподданнейших отчетов может вызывать определенные сомнения. Фрагментарность архивных документов о методике сбора информации для губернаторских отчетов в первые десятилетия XIX в. не позволяет в полной мере проанализировать степень достоверности представляемых губернаторам сведений.

Более точными являлись сведения отчета о количестве решенных дел в губернском правлении, городнических правлениях и уездных земских судах Оренбургской губ. Из отчета можно сделать вывод, что количество дел в присутственных местах Оренбургской губ. в начале XIX в. было небольшим. Так, к 1 января 1804 г. в губернском правлении оставалось 253 нерешенных дела, поступило в течение года – 314 дел, было решено 2 218. К началу 1805 г. оставалось 349 нерешенных дел.

В некоторых случаях, например, в Троицком городническом правлении, даже отсутствовало скопление нерешенные дела, или их количество было небольшим. Если попытаться определить эффективность функционирования работы губернских присутственных мест Оренбургской губ. в 1804 г. как соотношение между количеством всех дел (оставшихся нерешенными с прежнего года и поступивших) и решенных дел, то средний показатель будет составлять 82 %. Например, в Оренбургском губернском правлении за год решалось 86 % всех дел, что являлось хорошим показателем эффективности работы учреждения. Самые низкие показатели были в Бирском земском суде – 37 %, в Бузулукском земском суде – 42 %, в Оренбургском земском суде – 57 %, Челябинском и Уфимском земском судах соответственно – 67 и 69 %. Таким образом, в начале XIX в. в уездных земских судах происходит накопление количества нерешенных дел. Данная тенденция будет усиливаться на протяжении первой половины XIX в.

Обращает на себя внимание тот факт, что гражданский губернатор А.А. Врасский не включил в свой отчет за 1804 г. никаких собственных выводов, предложений, или инициатив, направленных на усовершенствование системы управления. Хотя такой раздел отчету был предусмотрен. Сравнительный анализ отчета А.А. Врасского с первыми губернаторскими отчетами по другим губерниям показывает, что некоторые из губернаторов достаточно ответственно подошли к заполнению раздела «Виды к

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1319. Л. 9–30.

² Акульшин П.В. Реформаторские планы и провинциальная реальность: губернаторские отчеты первых лет правления Александра I (на материале Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) // Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина. 2005. № 1. С. 66–73.

предполагаемому усовершенствованию оных»¹. Так, отчет губернатора о состоянии Казанской губ. за 1804 г. на треть состоял из предложений и инициатив начальника губернии². Это подтверждает мысль о том, что в первые десятилетия XIX в. структура и содержание губернаторских отчетов во многом определялись собственными представлениями гражданских начальников губерний о правилах и особенностях их составления. Практика подачи губернаторских отчетов в первые десятилетия только начала складываться.

С 1804 по 1837 гг. продолжался нерегулярный период составления отчетов, когда отсутствовали единый порядок составления, регулярность, единообразный формуляр. Кроме того, гражданские губернаторы задерживали представление отчетов о состоянии губернии.

Данное замечание относительно Оренбургской губ. в полной мере относится к периоду с 1806 по 1810 гг. К сожалению, пока не удалось обнаружить всеподданнейшие отчеты за этот период. Возможно, одной из причин, стала частая смена оренбургских гражданских губернаторов: в 1806–1809 гг. эту должность занимал тайный советник И.Г. Фризель; в 1809–1811 гг. – действительный статский советник М.Ф. Веригин.

Таким образом, анализ годового отчета оренбургского гражданского губернатора действительного статского советника А.А. Врасского за 1804 г. свидетельствует о том, что в первое десятилетие XIX в. практика составления подобных рапортов на высочайшее имя только начинает складываться. Основная работа по подготовке ежегодного отчета по Оренбургской губ. была возложена на гражданского губернатора. Военный губернатор только в случае необходимости мог оказать содействие в сборе необходимых материалов от губернских учреждений. Ежегодный губернаторский отчет представлялся на рассмотрение военному губернатору, министру внутренних дел и императору. Содержание губернаторского отчета не было жестко регламентировано и зависело от компетентности, административного опыта начальника губернии и его отношения к должности.

Источники и литература

1. Акульшин П.В. Реформаторские планы и провинциальная реальность: губернаторские отчеты первых лет правления Александра I (на материале Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) // Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина. 2005. № 1. С. 66–73.
2. Бикташева А.Н. Губернаторский отчет как персональный текст (первая половина XIX в.) // Власть. 2011. № 3. С. 167–169.
3. Гвоздиков И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа: Китап, 2010. 384 с.
4. Гвоздиков И.М. Система органов местной администрации по всеподданнейшему отчету оренбургского гражданского губернатора Я.В. Ханькова за 1852 г. // История Оренбургская: наследие и современность. Первые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского: Сб. ст. / Отв. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. 360 с.
5. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1319, 1342.
6. Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 5–25.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 20. № 14 671, 14 733; Т. 25. № 19 118.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1822.

¹ Бикташева А.Н. Губернаторский отчет как персональный текст (первая половина XIX в.) // Власть. 2011. № 3. С. 167–169.

² Там же.

БАТЫС ҚАЗАҚСТАНДА ҒЫЛЫМНЫҢ ДАМУЫ (XX ҒАСЫРДЫҢ І ЖАРТЫСЫ)

Аннотация. Историко-статистический отдел Военного комиссариата Кыргызстана в Оренбурге сыграл особую роль в становлении и дальнейшем развитии научно-исследовательской работы в Казахстане. В 1919 г. в Оренбурге был создан историко-статистический отдел, в который вошли А.П. Чулошников, А.А. Четыркина, Е.А. Яковлев, К.Ш. Шагаев. В 1920 г. это отделение было преобразовано в Научный комитет.

Ключевые слова: наука, научная интеллигенция, сельское хозяйство, Казахское научное общество, опытная станция.

Қазақстанда ғылыми ой-пікірдің қалыптасуы өз тамырын тереңнен алады. Қоғамда қазақстандық ғылыми интеллигенция 1917 жылы Қазан төңкерісінен саяси жәбір, қысымшылық көрсету салдарынан өзінің шығармашылық тәуелсіздігін, әлеуметтік тап ретінде өзінің ой-пікірін еркін білдіру құқығынан айырылды. Бұл саяси қысымның салқыны көп жылдар бойы интеллигенцияның бүкіл қызмет, іс-әрекетінде сезіліп тұрды¹.

Қазақстан территориясында XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың бас кезінде пайда бола бастаған алғашқы ғылыми мекемелердің қызметінен жан-жақты зерделеуге жасалған қадамдар және қазақстандық ғылыми интеллигенцияға қатысты жақта фактілік маңыздылығы, бағалылығы бар, көп ретте бұрын белгісіз болып келген немесе жарық көрмеген шығармалары тұрмақ, есімдері аталуға тыйым салынып келген белгілі ғылым, әдебиет пен өнер қайраткерлерінің тұмшаланып келген қызметі. Оқиғалардың тарихи мәнін ашуға, ғылым мен мәдениеттің басқа да көптеген құбылыстарына өзінің әділ бағасын беруге және оны қалпына келтіру мүмкіндігі енді туып отыр.

1877 жылы облыс орталығында ашылған мал дәрігерлік ғылыми – зерттеу станциясы республикадағы алғашқы ғылыми мекеме болды. Онда малдың өкпе, саркезік, құртама, т.б. ауруларын зерттеп, олардың таралуын, себептерін, ем-дом қолдану жүйесін анықтады. Сондай-ақ 1914 жылы облыста Орал ауыл шаруашылығы тәжірибе стансасы құрылды². 1920-жылдарда стансаның жетекші қызметкерлері А.С. Сусаров, Н.В. Орловский, П.Г. Мартынов күздік бидай егудің мерзімі мен себу нормалары, күтіп-баптау шаралары, егін танаптарының агротехникасы және далалық дақылдар сортын сынау жөнінде, А.А. Лебедев, Н.В. Михайлов, Н.А. Попов, С.Г. Колмановтар жемшөп өндіру мен мал шаруашылығын жетілдіруге байланысты үлкен жұмыстар жүргізді. 1923 жылы стансаның еділбай қойлары Мәскеудегі тұңғыш Бүкілодақтық ауыл шаруашылық жетістіктері көрмесінің жоғары марапатын алды. Станса жұмыс істей бастаған кезеңде астық дақылдарының 19 сорты шығарылды, соның ішінде суарылмайтын жерлер үшін бидайдың – 6, тарының 4 сорты, суармалы жерлер үшін бидайдың – 2, тарының 4 сорты шығарылды. Жемшөп дақылдарынан оралдың көк бедесі, қолдыбай доннигі, оралдық еркек шөбі өсірілді. Селекциялық жұмысқа Қазақстанның еңбек сіңірген агрономдары С.Ф. Тарасов, Г.И. Мясникова елеулі үлес қосты. Тұқымдық егістің агротехникасы мәселелерімен Қазақстанның еңбек сіңірген агрономдары Д.П. Шейн, Г.В. Солдатко айналысты. Н.В. Орловскийдің, ал XX ғасырдың 40–50 жылдары Н.А. Корнеев көп жылдық шөп өсіру арқылы топырақтың құнарлылығын қалпына келтіру мүмкіндігін дәлелдеп шықты. Социалистік Еңбек Ері Н.И. Башмаковтың жетекшілігімен жартылай бүркемелі көп жылдық шөп егу, оны зерттеу жөнінде жұмыстар жүргізілді.

¹ Тұрысбеков А.С. Қазақстанда ғылымның қалыптасуы мен дамуы (1917–1930): Автореферат. А., 1996 ж.

² Дарипов А. Станция работающая на урожай // Наука и высшая школа Казахстана. 2002. № 1. С. 38–41.

1944 жылы еліміздегі 70 селекциялық станцияның арасында ғылыми-өндірістік қызметінің нәтижелері бойынша Орал ауылшаруашылық тәжірибе станциясы үшінші орын алды. 1945 ж. – екінші, 1946 ж. – бірінші орын алды¹.

30-жылдарда С.П. Рыбаков, Н.И. Мухин, А.А. Харламов, В.И. Невезин, А.В. Дилегентова сияқты ғалымдар ірі қара малдың, қойдың және жылқының жергілікті тұқымдарын шығару және жақсартумен шұғылданды.

Деркөл ауданында орналасқан құрамында суарылмайтын егіншілік, суару және тыңайтқыштар, көлтабан және жайылма су шалғыны, селекция және алғашқы тұқым өсіру, мал шаруашылығы, жеміс өсіру бөлімдері, сондай-ақ ғылым мен техника жетістіктерін насихаттау және өндіріске енгізу секторы бар. Негізгі ғылыми жұмыстары Батыс Қазақстан жағдайына лайықтап ауылшаруашылық дақылдарын өсіру технологиясын жетілдіру, дәнді дақылдар мен жоңышқа селекциясы, олардың тұқымын өсіріп, сорттарын зерттеу болды. Орал-Көшім көлтабан суару-суландыру жүйесін пайдаланып, мал азығын өндіру технологиясын жасау, мал азығы дайындалатын жерлерді жақсарту, қазақтың ақбас сиырының еттілігін арттыру мәселелерін зерттеуге арналды².

Обаға қарсы күрес стансасы – облыстағы арнаулы мекеме. Орал орталығында обаға қарсы күресетін лаборатория (1914) негізінде 1934 жылы құрылған. Оның міндеті – оба ауруының ошақтарын жою және оның алдын-алу шараларын жүргізу. Стансаның қарауында обаға қарсы күресетін 9 пункт (Жымпиты, Калмыков, Жалпақтал, Жаңақала, Үштаған, Орда, Атырау, Ганюшкино, және Форт-Александровск) болған³.

Қазақстанда ғылыми – зерттеу жұмыстарының қалыптасып, одан ары дамуында Қазақстанды зерттеу қоғамы – 1919 жылы Орынборда Қырғыз әскери комиссариатының штабы жанынан құрылған Тарихи-статистикалық бөлім ерекше роль атқарды, оның құрамында А.П. Чулошников, А.А. Четыркина, Е.А. Яковлева, К.Ш. Шагаевтар қызмет етті. 1920 жылы бұл бөлім Ғылыми комиссия болып қайта құрылды.

Қазақстанды зерттеу қоғамының өлкеде ғылымның дамуына қосқан үлесі өте зор. Қазақстанды зерттеу қоғамының жұмысын жан-жақты жандандыру үшін жергілікті жерлерде оның бөлімшелері құрыла бастады. БК(б)П Қазақстан өлкелік комитетінің талабы бойынша Қазақстанды зерттеу қоғамының жіберген № 31 035, 08.02.1926 жылғы есебіндегі 1-пунктінде Қоғамның мүшелерінің жалпы саны – 112 адам, оның ішінде орыстар – 79, қазақтар – 33 адам екендігі айтылса, келесі 2-пунктте Басқарма белсенділері аталған: төрағасы – А.Л. Мелков, қазынашы – Д.В. Гусев, кітапханашы – А. Тимофеев, қоғамның басқарма мүшелері қатарында М. Жолдыбаев, Ә. Ермеков, М. Тынышпаев есімдері көрсетілген. Ал 3-пунктте қоғамның бүкіл Қазақстан бойынша бөлімшелері аталған. Олар Оралда, Ақмолада, Көкшетауда, Шымкентте, Ақтөбеде орналасқан.

Алғашқылардың бірі болып құрылған Оралдағы бөлімше өз қызметін 1920 жылы 24 қарашадан бастады. Сөйтіп, Оралдағы кәсіподақтардың рабпросы жанындағы жергілікті өлкені зерттеушілердің кішігірім үйірмесінен 1921 жылы ақпанда құрамында 52 адам бар Оралдағы Қазақстанды зерттеу қоғамының бөлімшесі құрылды.

Қоғамның бөлімшесі құрамына енгендердің әлеуметтік негізі кімдер болды дегенде, оны 1924 жылғы 1 қарашадағы тізімнен байқауға болады. Қазақ өлкесін зерттеу қоғамының Орал бөлімшесінің құрылтайшыларының тізімі:

1. Калачев Павел Васильевич – Орал қ. қызметкер, Губстат бюро меңгерушісі.
2. Хайруллин Роман Галиевич – Орал қ. қызметкер, Губсоюз қызметкері.
3. Әлжанов Батырбек Хайруллаұлы – Орал қ. шаруа, Облыстық әдеби газеттің нұсқаушысы.
4. Базанов – Орал қ. шаруа, Облыстық әдеби газеттің нұсқаушысы.

¹ Наука в Казахстане за сорок лет Советской власти: Сб. ст. А., 1957.

² Әнес Ф. Батыс Қазақстан облысы. Энциклопедия. А., 2010.

³ Там же.

5. Иванников – Орал қ. Облыстық әдеби газеттің нұсқаушысы.
6. Феоктисов Николай Васильевич – Орал қ. Облыстық әдеби газеттің нұсқаушысы.
7. Ларин Иван Васильевич – Орал қ. Облыстық әдеби газеттің нұсқаушысы.
8. Альбанов Петр Алексеевич – Орал қ. қызметкер, ГубНУ статистик.
9. Попов Михаил Константинович – Орал қ. қызметкер, Губагроном.
10. Емелин Виктор Семенович – Орал қ. қызметкер, Губ.Зем.Вет. часть, меңгерушісі.
11. Голунов Иван Александрович – Орал қ. қызметкер, Бау-бақша бөлімінің меңгерушісі.
12. Найденов Александр Васильевич – Орал қ. қызметкер, селолық мұғалім.
13. Жұмабаев – Орал қ. қызметкер, Ағарту қызметкерлері Одағының төрағасы.
14. Карачаев Константин Михайлович – Орал қ. шаруа, педагог қызметкер.
15. Мюллер Елизавета Карловна – Орал қ. қызметкер, Губстатбюро экон. секц. меңгерушісі.
16. Трублаевич Николай Дмитриевич – Орал қ. қызметкер, ГОНО мен Губком қызметкері.
17. Ванюшин Сергей Григорьевич – Орал қ. қызметкер, Губстат статистика қызметкері.
18. Мальцев Павел Геннадиевич – Орал қ. қызметкер, Ауыл шаруашылық статистика бөлім меңгерушісі.
19. Жәленов Кәрім Жәленұлы – Орал қ. қызметкер, Кирнаркомис пен «Сана», «Шолпан» журналы қызметкері, Ташкенттегі ағарту бөлімі меңгерушісі, Турксельсоюз және сельхоз банкте жұмыс істеген.
20. Шолоков Борис Канонович – Орал қ. қызметкер, Гор.зем.стат. ауылшаруашылық секция меңгерушісі.
21. Фолиманов Иван Исидорович – Орал қ. қызметкер, Орал-Бөкей суландыру экспедициясының бастығы.
22. Якимович Григорий Семенович – Орал қ. қызметкер, темір өндірушілер одағы Президиумының мүшесі.

Орал қаласындағы қоғамның жұмысы құрылтайшы мүшелерінің ат салысуымен басталып кетті. Қоғамға адамдарды тарту үшін бөлімше мүшелері белсенді түрде ел арасында үгіт насихат жүргізіп, дәрістер өткізді. Мұғалімдерге табиғатты зерттеуде көмекші болатын арнайы нұсқаулар дайындады. Өлке жайындағы әдебиеттердің библиографиясын құрастырушы комиссия құрды¹.

Орал бөлімшесінің қызметі 1925 жылы қаңтардан белсенді түрде жүргізіле бастады. Қазақстанды зерттеу қоғамы Орал бөлімшесінің қол жеткізген жетістігі ретінде жақсы кітапхана (600 мың дана қоры бар) құрылғанын және оның ішінде қазіргі кезде сирек кездесетін Паллас, Рычков, Левшин, Небольсин, Рябининнің кітаптары бар екендігін атаған жөн. Жергілікті мекемелер, ұйымдармен тығыз және жақсы байланыс орнатқан қоғам бөлімшесінің, сол кездегі нақты мүшелерінің саны 42 адамға жетті.

Орал бөлімшесінің ғылыми-зерттеу жұмыстарын негізінен геоботаника саласы бойынша профессор С.С. Неустоев басқарып, оған И.Б. Ларин, Н.И. Мусатова және В.И. Верушкин қатысты. Ал гидроихтиология саласын профессор Л.С. Берг басқарып, орындауға қоғамның мүшелері И.Х. Кожевников, Л.И. Паллан және т. б. қатысты.

Қоғамның Оралдағы бөлімшесі 1926 жылы Орал өзеніндегі балық өсіру мен балық аулауды зерттеуге қаржы бөлу жайында ұсыныс жасады. Губисполком мен Губплан бұл

¹ Селкебаева А. Қазақстанды зерттеу қоғамының Оралдағы бөлімі. // Қазақ тарихы. 2004. № 8. Б. 24–28.

ұсынысты қабылдап, 2 000 сом ақша бөлді. Зерттеу жұмысын Л.С. Берг басқарған жоғары деңгейдегі мамандар өздері дайындаған бағдарлама бойынша жүргізді. Бөлімше мүшелері К.В. Данилевский және Е.Б. Рудницкий 1927 жылы қомақты еңбек болып табылатын «Краеведческий справочник по истории, географии, экономике и быту русского население Урало-Каспийского края» атты анықтама шығарды.

Еңбек баспадан шықпас бұрын ГубОНО құрған арнайы комиссияның тексеруінен өтті. Комиссияның басшылығына Қазақстанды зерттеу қоғамының Орал бөлімшесінің төрағасы П.В. Калачев тағайындалды. Комиссия өзінің қорытындысында «Біз К.В. Данилевский мен Е.В. Рудницкийдің еңбегін өлкетану мәселесін жүйелі түрде қарастырған қомақты жұмыс ретінде құптаймыз және оны тез арада баспадан шығаруға ұсынамыз. Бұл өлкені зерттеушілер үшін таптырмайтын құнды жинақтық материал болып табылады. Анықтама оқу залдарында, клубтарда, кітапханаларда, политпросвет жанындағы кәсіподақтардың мәдени ағарту ұйымдарында, сонымен қатар жергілікті өлкені кеңірек тану үшін экскурсиялар ұйымдастыру және оның қазіргі жағдайы мен тарихын кеңірек ашу үшін пайдаланылады» деп жазды.

Орал бөлімшесінің атқарған жұмысы тікелей сол кездегі ахуалға байланысты болды. Әсіресе, сауатсыздықпен күрес, социалистік мәдениетті насихаттау, ғылыми кадрлар дайындау және т.б. міндеттерді атқарды. Қазақстанды зерттеу қоғамының бөлімшелері Орладан басқа Семей, Алматы, Ақмола, Қостанай, Шымкент, Өскемен және басқа да қалаларда табысты жұмыс істеді.

Қазақстанды зерттеу қоғамының екінші (Қызылордалық) кезеңі Кеңес үкіметінің социализмнің экономикалық тұғырын нығайтуға, елді индустриализациялауға бағытталған шаралары мен халық шаруашылығын дамытудың бірінші бесжылдық жоспарының қабылдануына тұспа-тұс келді.

Қазақ өлкесін зерттеу қоғамының 1924 жылға дейінгі қызметі Орынбор, Орал, Торғай аймақтарынан тысқары жерлерге шығып кеткен еді. Қазақ АКСР-нің негізгі аумақтарына 1925 жылы оңтүстік аудандардың қосылуынан кейін республика атына сәйкес қоғам «Қазақстанды зерттеу қоғамы» деп атала бастады. Осының өзі оның ықпалының бүкіл республикаға таралғандығын паш етті¹.

Зерттеу жұмысы көрсеткендей, Кеңес дәуірі кезеңіндегі Қазақстанның, оның ішінде Батыс Қазақстан аймағының ғылымының даму тарихын зерделеу күрделі де қарама-қайшылыққа толы процестердің бірі саналады. Шын мәнінде, Қазақстан ғылымы Кеңес өкіметі жағдайында үлкен жетістіктерге жетті. Ғылымды үйлестіру 1920 жылдары дүниеге келген Чулошников басқарған Қазақстанды зерттеу қоғамынан басталып, 1946 жылы Қазақ КСР Ғылым Академиясының құрылуына дейін өсіп, 70–90 жылдарда ғылымның бар саласында ірі жетістіктер байқалды. Әсіресе жаратылыстану, физика-математика ғылымдары дүние жүзілік деңгейге көтерілді.

Пайданылған әдебиеттер

1. Әнес Ф. Батыс Қазақстан облысы: Энциклопедия. А.: Арыс баспасы, 2010. 580 б.
2. Дарипов А. Станция работающая на урожай // Наука и высшая школа Казахстана. 2002. № 1. С. 38–41.
3. Наука в Казахстане за сорок лет Советской власти: Сб. ст. А., 1957.
4. Селкебаева А. Қазақстанды зерттеу қоғамының Оралдағы бөлімі // Қазақ тарихы. 2004. № 8. Б. 24–28.
5. Тұрысбеков А.С. Қазақстанда ғылымның қалыптасуы мен дамуы (1917–1930): Автореф. А., 1996 ж. 30 б.

¹ Селкебаева А. Қазақстанды зерттеу қоғамының Оралдағы бөлімі // Қазақ тарихы. 2004. № 8. Б. 24–28.

**ПЫТЛИВЫЙ УМ УЧЕНОГО ИЛИ ПРАВДИВАЯ ФАНТАЗИЯ ПИСАТЕЛЯ
ИЛИ ЖЕ И ТО, И ДРУГОЕ: О ПИСАТЕЛЯХ-ЧЛЕНАХ
АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНИСТАНА**

Аннотация. По классическому определению, академия наук – это научное общество, которое по характеру своей деятельности является крупным научным центром, в рамках которого осуществляются планирование, организация и координирование деятельности научного сообщества. Современные национальные научные академии во многих странах мира, в т. ч. Академия наук Туркменистана, имеют статус государственных и многоотраслевых, которые наряду с крупными учеными по разным направлениям науки, избирают своими членами также знаменитых писателей – мастеров слова. В соответствующих разделах данной статьи, написанных в форме биобиблиографических очерков, освещаются основные вехи из жизни и деятельности членов Союза писателей, которые состояли в разные годы в составе Академии наук Туркменистана в качестве ее действительных членов (академиков) или членов-корреспондентов.

Ключевые слова: писатель, ученый, художественные произведения, научный труд.

Вместо предисловия

Писатели, как и ученые-гуманитарии, в широком смысле этих понятий, изучают человека как историко-общественное существо. И те, и другие раскрывают духовную сущность человека: ученые убеждают в своем, действуя через умы людей, а писатели влияют на людей, задевая их чувства. Как результат проведенных ими соответствующих исследовательских и творческих работ, в настоящем научном труде находит свое отражение реальная действительность, и в произведениях литературы также создается действительность, но художественная. После подобного оформления нашего концептуального подхода к проблеме, переходим к изложению конкретных вопросов избранной нами темы для разработки.

За период своего шестидесятилетнего существования Академия наук Туркменистана с 1951 г. ее членами, наряду с крупными учеными, представлявшими разные отрасли науки, стали семь знаменитых писателей, трое из которых были действительными членами (академиками), а четверо – членами-корреспондентами АНТ. Если трое из них были избраны в состав Академии наук исключительно в качестве больших мастеров художественного слова, то четверо из этих писателей имели еще соответственно ученую степень доктора (3) или кандидата (1) наук. Почти все произведения туркменских писателей – членов Академии наук в свое время были переведены на русский язык и выпущены для широкого круга читателей издательством «Советский писатель» и другими популярными издательствами.

Автор нижеследующих научно-биографических очерков, защитивший в 1991 г. докторскую диссертацию по языковедческой тематике и будучи избранным в 1993 г. членом-корреспондентом АНТ (профессор с 1994 г.), а в 1995 г. – ее действительным членом (академиком), еще в 1989 г. был принят в члены Союза писателей СССР, также относится к числу тех писателей, которые в последующем стали членами Туркменской академии наук. Но он, в отличие от многих других писателей-ученых, в действительности является, как и профессор М.Н. Хыдыров, больше ученым, нежели писателем. Во всяком случае, так он считает, хотя имеет 4 изданных сборника своих поэтических произведений, многочисленные публикации на страницах периодики и в литературных сборниках. Но мы нереализованные из-за постоянного дефицита времени возможности своего таланта-

писателя по созданию романов и повестей о героях с разнообразными характерами и судьбами постарались в какой-то мере компенсировать сначала с написанием биобиблиографических статей о первых туркменских филологах-жертвах сталинизма, которыми являются А. Кульмухаммедов, М. Гельдыев, А. Караханов, К. Бориев, Ш. Керими, Б. Бердиев, а последующем с созданием научных очерков о туркменских руководителях конца XIX и начала XX в. (около 60 лет), а именно о Дыкма-сердаре, Махтумкули-хане, Ораз-сердаре, Н.Н. (Караш хан оглы) Иомудском, К. Атабаеве, Айтакове, Х. Сахатмурадове, К. Сахатове и Дж. Халмурадове. Сюда же следуют включить наши работы о Хан Хаджиеве, А. Алиеве, А. Халназарове, А. Геленове, М.И. Богдановой, Х. Байлиеве, П. Азимове, Б. Чарьярове, С. Куренове, С. Атаниязове и ряда других исторических личностях из нашего недавнего прошлого.

В настоящих очерках, наряду с официальными данными, приводятся личные ощущения и оценки автора в отношении своих коллег в области художественного творчества и их произведений. Эти очерки подготовлены не по единому плану и выполнены в разные годы и поэтому могут выглядеть, в сравнении друг с другом, несколько разными, как по объему, так и по структуре и манере изложения.

Также отметим, что по документально неподтвержденным данным, ученый-медик, нейрохирург, академик АНТ с 1951 г., профессор Туркменского государственного медицинского института Б.Л. Смирнов (1891–1967) за осуществление русского перевода древнеиндийского эпоса «Махабхарата» был принят в члены Союза писателей (СП) СССР. Если это действительно так, то количество членов Академии наук, принятых в состав Союза писателей, доходит до восьми человек. Еще об одном факте, косвенно связанном с данной темой: где-то в середине так называемого «периода перестройки и гласности» в научной среде упорно муссировались слухи, что директивные органы хотят предложить или уже предложили руководству Академии наук республики избрать в свой состав Народного писателя Туркменистана, лауреата премии им. Махтумкули. знаменитого поэта Керима Курбаннепесова (1929–1988), а отдельные члены Академии наук (Клыч Кулиев и др.) якобы выступали против этого предложения, обосновав свою позицию тем, что сочинения поэта и тематически, и идейно слабы, и в этом плане не выдерживают критики. После скоропостижной смерти талантливого поэта, наступившей 1 сентября 1988 г., этот вопрос сам по себе снялся с повестки дня.

Член-корреспондент АНТ с 1993 г., ученый-литературовед, доктор филологических наук Дурдымухаммет Нуралиев был в свое время принят в СП СССР как литературный критик, но он себя никогда писателем не считал. Такого мнения придерживались также его коллеги-ученые. Остальные ученые-литературоведы: академик АНТ с 1965 г. Б.А. Каррыев, члены-корреспонденты АНТ Ашир Оразов (с 1993 г.) и Аннакурбан Аширов (с 2008 г.), как известно, занимались исключительно исследовательской деятельностью и не претендовали на роль мастера художественного слова, следовательно, члена Союза писателей.

Действительный член (академик) АНТ Берды Кербабаев

Являясь одним из академиков-учредителей Академии наук Туркменистана в июне 1951 г., писатель Берды Мурадович (Берды Мурад) Кербабаев (15.03.1894–03.03.1974) был удостоен накануне двумя Сталинскими премиями второй и третьей степени соответственно за роман «Решающий шаг» (1948 г.) и повесть «Айсолтан из страны белого золота» (1951 г.). В последующем роман-эпопея «Решающий шаг» в 3-х книгах был переведен на многие языки мира и издан большими тиражами. На основе романа в студии «Туркменфильм» был создан одноименный двухсерийный художественный фильм, который в свое время стал очень популярным среди зрителей многих стран. Берды Кербабаев, будучи выпускником Бухарского медресе, современное (европейское)

образование получил в конце двадцатых годов в Ленинграде (бывший и нынешний Санкт-Петербург), обучаясь недолго в Восточном институте. В принципе он был самоучкой и самородком. Наверное, он родился еще и под счастливой звездой, ибо судьба его спасла от не мнимой смерти или в лучшем случае длительного тюремного заключения, когда его задержали несколько месяцев под стражей в 1932 и 1937 гг. Перед Первым съездом советских писателей в 1934 г. его принудили вместе с поэтом Гараджа Буруновым написать совместное заявление-покаяние в адрес съезда, которое было напечатано на страницах республиканских газет на туркменском и русском языках.

Начавший свой долгий и плодотворный творческий путь с поэм «Мир девушек» (1927 г.), «Закрепощенная» (1928 г.), «К новой жизни» (1930 г.) и других поэтических и драматических сочинений, Б. Кербабаев создал романы «Небит-Даг» (1957 г.), «Чудом рожденный» (1965 г.), «Капля воды – крупица золота» (1972 г.) и много других произведений разного жанра и объема. Если в повести «Айсолтан из страны белого золота» автор рассказывает о сельских тружениках, то большой роман «Небит-Даг» посвящен описанию жизни туркменских рабочих-нефтяников. Роман был выдвинут к присуждению Ленинской премии, учрежденной в 1956 г., но уже прошел период так называемой «теории бесконфликтности», вызванной эйфорией Великой Победы советского народа над фашистской Германией, и его автору не присудили высшую премию уже нового времени. После смерти «отца всех народов и всех времен» в марте 1953 г., начиная с 1954 г. Сталинская премия никому не присуждалась и в последующем она приравнялась Государственной премии СССР, учрежденной в 1966 г. После этого в школьных учебниках и других изданиях начали указывать, что Берды Кербабаев является дважды лауреатом Государственной премии СССР, а фактически он не был удостоен этой премии.

Рис. 1. Берды Кербабаяев

Председатель Союза писателей Туркменистана (1943–1950 гг.), депутат Верховного Совета республики нескольких созывов, Народный писатель Туркменистана (1967 г.), Герой Социалистического Труда (1969 г.), лауреат государственной премии Туркменистана им. Махтумкули (1970 г.) Берды Кербабаяев всегда представлялся перед читателями в качестве живого классика туркменской советской литературы (рис. 1).

Богатому наследию Б. Кербабаяева посвящена обширная научная литература, среди которой наиболее фундаментальными являются монографии доцента Х. Тангрыбердыев,

защитившего еще в 1962 г. кандидатскую диссертацию по данной теме¹. Доцент Б. Джумагельдыева также в своей кандидатской диссертации изучала фразеологические единицы, встречающиеся в языке романа «Решающий шаг»².

Автору этих строк, будучи студентом-филологом Туркменского госуниверситета, в начале 70-х годов прошлого века посчастливилось увидеть и послушать живого классика литературы при встречах с ним, организованных специально для нас, студентов, нашим незабвенным профессором Мяти Косаевым, просьбам которого Б. Кербабаяев никогда не отказывал, называя его в этих встречах по-старинному «Мятек-мулла», и в свою очередь наш профессор обращался к гостю-писателю как «Берды-мулла».

Дважды был издан шеститомник «Избранных сочинений» писателя в туркменском оригинале, а также в переводе на русский язык. Несмотря на то, что в последние десятилетия часто пишут о насильственно насажденных, и поэтому, устаревших теперь критериях соцреализма (напр., партийность, типизация и др.), которые выступали основным методом творчества в период создания Б. Кербабаяевым своих произведений, в романе «Решающий шаг» и других сочинениях он смог воплотить в художественный текст богатые и разнообразные средства из неиссякаемых богатств и внутренних ресурсов туркменского языка.

Академик Берды Кербабаяев был и остается великим мастером художественного слова, хотя в вопросе об особенностях других стилей литературного языка он в теоретическом осмыслении материала уступал специалистам-лингвистам. Например, ученый-языковед Аманмурад Аннануров в своей большой публикации «О статье тов. Кербабаяева о языке» (первичное условное название «Гора родила мышь»), напечатанной на страницах газеты «Совет Туркменистаны» от 16 марта 1963 г., правильно указал на несостоятельность многих утверждений маститого писателя о туркменском литературном языке, его стилистических нормах и богатствах.

Действительный член (академик) АНТ Аман Кекилов

Доктор филологических наук (1959 г.), Народный писатель Туркменистана (1967 г.), лауреат Государственной премии им. Махтумкули (1968 г.), действительный член (академик) Академии наук Туркменистана (1969 г.), заслуженный деятель науки республики (1972 г.) Аман Кекилов (09.10.1912–13.12.1974) является одним из тех немногочисленных туркменских писателей, которые успешно сочетали творческую деятельность поэта с трудом ученого-исследователя.

Он в 1925 г. поступает в Ашхабадский педагогический техникум и одновременно начинает работать ответственным секретарем редакции детского журнала «Пионер». Завершив учебу в педтехникуме и набрав полезный стаж работы, в 1931 г. поступает в Ашхабадский государственный педагогический институт по специальности «Туркменский язык и литература», по окончании которого работает в редакции газеты «Колхозник», заведует отделом детской литературы Туркменского государственного издательства.

Приехав в Москву в 1935 г., А. Кекилов поступает в аспирантуру при Институте истории, философии и литературы, а в 1938–1939 гг. преподает в театральном институте им. А.В. Луначарского. С 1940 г. продолжает свою преподавательскую деятельность уже в Туркменистане сначала доцентом Ашхабадского госпединститута, а в 1948–1958 гг. заведует кафедрой туркменской литературы в Чарджоуском госпединституте (ныне г. Туркменабат). С 1959 г. до конца жизни Аман Кекилов занимается научно-

¹ Тангрыбердыев Х. Творческое мастерство Берды Кербабаяева (На примере творческого процесса создания романа «Решающий шаг»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Акад. наук Туркм. ССР. Ин-т литературы им. Махтумкули. Ашхабад, 1962.

² Джумагельдыева Б. Фразеология романа Б. Кербабаяева «Решающий шаг»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН Туркм. ССР. Ин-т языка и литературы им. Махтумкули. Ашхабад, 1970.

исследовательской работой непосредственно в системе Академии наук Туркменистана, занимая должности научного сотрудника, заведующего сектором теории и литературной критики, директора института, научного консультанта дирекции академического Института языка и литературы им. Махтумкули (рис. 2).

Первое стихотворение А. Кекилова «Сельским учителям» опубликовано в 1928 г., когда ему было всего 16 лет, а его первая книга вышла спустя 4 года, в 1932 г., под названием «Сборник стихов». Аман Кекилов – один из семи туркменских писателей, участвовавших во Всесоюзном съезде советских писателей (август, 1934 г.).

У Амана Кекилова, автора многочисленных произведений в жанрах поэзии и прозы, коронным сочинением стал роман в стихах «Любовь» – итог его 20-летнего творческого труда. В годы молодости мы были знакомы с такими читателями, которые знали наизусть несколько глав из этого поэтического произведения, состоящего из трех книг, а Акмаммед Хуммедов, тоже литератор родом из Лебаба, однажды в течение 35 минут прочитал нам по памяти первую книгу романа полностью. Роман в стихах «Любовь» Амана Кекилова, предназначенный для русскоязычных читателей в несколько сокращенном переводе вышел в 1965 г. в Москве.

Рис. 2. Аман Кекилов

Успешно защитив еще в 1943 г. кандидатскую диссертацию на тему «Советско-интернациональные элементы лексики туркменского языка» на заседании Ученого совета Одесского государственного университета (Украина), который в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. находился в эвакуации в г. Байрамалы (Туркменистан), А. Кекилов в последующие годы наряду с плодотворным литературным творчеством упорно занимался большой научно-исследовательской деятельностью, а именно с изучением литературного наследия одного из туркменских поэтов-классиков XIX в. Молланепеса Кадырберди оглы. На основе проведенных разработок по данной теме подготовил докторскую диссертацию, которая была принята к защите в Бакинском государственном университете (Азербайджан) в 1958 г., т. е. через год после издания его монографии по теме диссертации¹.

¹ Более подробно об А. Кекилова см.: Соегов М. Туркменские филологи, защитившие кандидатские диссертации в Одесском университете в 1943–1944 годах: Аман Кекилов // Східний світ. № 2. 2009. С. 259–367.

Тут и произошло то нечто непредвиденное, о котором, говорят, любил рассказывать, смеясь, сам Аман-ага. Оказывается среди документов, представленных соискателем ученому секретарю Ученого совета, отсутствовал диплом о присуждении ему ученой степени кандидата наук. Он говорил, что вскоре после защиты им кандидатской диссертации, Одесский университет уехал из Туркмении на освобожденную от фашистов Украину, и он не стал заботиться о приобретении самого диплома кандидата наук, ибо до настоящего момента никто у него не потребовал предъявить этот документ. Когда объяснили, что при отсутствии у него диплом кандидата наук, они никак не могут организовать ему защиту докторской диссертации, Аман Кекилов поехал из Баку в Одессу (теперь уже по рассказам его дочери, кандидата филологических наук, доцента Джерен Амановны Кекиловой, тогда отец его туда и обратно поехал на такси) и вернулся через несколько дней с вовремя не полученным кандидатским дипломом в руках. Только после этого была организована защита его докторской диссертации, которая прошла успешно.

Будучи автором небольшого учебного пособия «Теория литературы» (1958 г.), академик Аман Кекилов последние годы своей жизни посвятил созданию капитального труда по теории литературы, состоящего из трех больших книг. Общий список научных трудов ученого-литературоведа содержит около 100 опубликованных работ (рис. 3). Одни из его последних сочинений – роман «Развеянные тучи» (1974 г.).

Как я был рад тому, что посчастливилось трудиться в 1973–1974 гг. в одном научном учреждении с академиком А. Кекиловым, когда он был научным консультантом в отделе теории литературы и критики Института языка и литературы им. Махтумкули, в один из языковедческих секторов которого приняли меня – студента последнего курса госуниверситета – лаборантом на работу 14 марта 1973 г.

Рис. 3. Академик Берды Кербабаяев (первый справа) и академик Аман Кекилов (первый слева) с группой своих коллег-писателей. Середина 1960-х гг. XX в.

Член-корреспондент АНТ Клыч Кулиев

Талантливый писатель и дипломат, ученый-историк Клыч Мамедович (Клыч Мамед) Кулиев родился 14 апреля 1913 г. в селе 1-й Геокча нынешнего Марыйского этрапа (района) Марыйского вилайета.

В 1948 г. окончил Туркменский государственный педагогический институт (заочно), а в 1952 г. – Академию общественных наук при ЦК ВКП(б).

Рис. 4. Клыч Кулиев

В 1943–1948 гг. работал в Консульстве СССР в Горгане (Иран). После завершения учебы в Академии общественных наук в Москве с успешной защитой кандидатской диссертации был назначен министром культуры Туркменской ССР и занимал этот пост в 1953–1956 гг. Затем он постоянный представитель Совмина Туркменской ССР при Совмине СССР (1956–1957 гг.). С 1957 г. на дипломатической работе: до июля 1960 г. советник Посольства СССР в Афганистане (г. Кабул), а с 3 августа 1960 г. по 21 сентября 1962 г. был Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Тунисе. Тогда Клыч Кулиев стал первым туркменом, удостоенным высокого ранга «Чрезвычайный и Полномочный Посол» (рис. 4).

Будучи министром культуры республики, Клыч Кулиев 23 февраля 1954 г., когда прошли впервые настоящие выборы в Туркменскую академию наук, был избран ее членом-корреспондентом по специальности «История КПСС», названной после распада СССР как «Политическая история». С 1963 г. работал в системе Академии наук, занимая в 1967–1968 гг. должность академика-секретаря Отделения общественных наук. Последние десятилетия своей 77-летней жизни (умер в 1990 г.) К. Кулиев пользовался статусом вольного писателя. Большая дипломатическая деятельность Клыча Кулиева, Народного писателя Туркменистана (1984 г.), навсегда определила основной лейтмотив его будущей произведений как прозаика-романиста.

Начиная с большой по объему повести «По ту сторону Копетдага» (1951 г.), со своими романами «Суровые дни» (1964 г.), «Непокорный алжирец» (1968 г.), «Черный караван» (1971 г.), «Посол эмира» (1978 г.), «Запоздалое раскаяние», «Королева дикой степи» (1991 г.), которые почти одновременно вышли в Ашхабаде и Москве – в русском переводе, он показал себя как непревзойденный мастер исторической прозы, специализировавшийся по тематике недавней зарубежной и отечественной истории. Так, например, в романе «Непокорный алжирец» рассказывается о героической борьбе алжирского народа против иноземных колонизаторов и о сложной судьбе одного из сыновей этого народа – талантливого и честного доктора Решида. Историко-приключенческий роман «Черный караван» о событиях в Средней Азии в 1918–1919 гг. В центре сюжета деятельность английского разведчика Форстера, специалиста по восточным странам, который при надобности может сойти и за муллу, и за дервиша, и за простого дехканина. В романе «Суровые дни» автор обращается к прошлому своей родины, раскрывает волнующие страницы жизни великого туркменского поэта Махтумкули.

Если первые два произведения К. Кулиева – повесть «По ту сторону Капетдага» и рассказ «Соперники» – вышли на русском языке в переводе Юрия Олеси, то последний его роман «Королева дикой степи» был переведен на русский язык В. Турбиной. Роман туркменского

писателя «Посол эмира» в 3-х книгах был переведен И. Абылгазиевым с русского языка на киргизский и вышел в Фрунзе (ныне Бишкек) в 1985 г.

В конце отметим, что в семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века, когда проходили ежегодные общие собрания Академии наук с участием всех ее членов, автору этих строк, будучи младшим научным сотрудником и рядовым участником этих собраний, в закулисных разговорах ученых-языковедов приходилось слушать, что по представленным Клычем Кулиевым рукописей своих романов на обсуждение в Союз писателей всегда высказали ему одно единственное замечание: якобы он, Клыч Кулиев, в своих сочинениях составляет предложения по образцу русского языка, что противоречит синтаксическим нормам туркменского языка, а писатель спокойно отвечал своим оппонентам, что делает это уместно, чтобы легче было переводчикам в передаче их на русский язык.

Член-корреспондент АНТ Хыдыр Дерьяев

Официально нигде не работавший (вольный) прозаик, Народный писатель Туркменистана, лауреат Госпремии им. Махтумкули, член-корреспондент республиканской Академии наук (избранся 10 апреля 1969 г.) Хыдыр Дерьяев (1905–1988) в 70–80-е гг. прошлого века состоял членом Ученого совета академического Института языка и литературы им. Махтумкули (рис. 5), где я работал научным сотрудником и представлял в «большом» Ученом совете научную молодежь в качестве председателя институтского Совета молодых ученых. Тогда Хыдыр Дерьяев между заседаниями иногда рассказывал нам, молодым, об интересных событиях, происходивших в свои студенческие годы. Ему, Хыдыру Дерьяеву, будучи студентом Восточного факультета Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в Ташкенте, пришлось в 1931 г. окончить педагогический факультет этого вуза, ибо Восточный факультет (Востфак) был упразднен, а его профессорско-преподавательский состав был репрессирован. Тогдашний студент последнего курса Востфака Хыдыр Дерьяев, наряду со своими сокурсниками, был переведен на Педагогический факультет, и по окончании университета им выдали диплом не востоковеда, а педагога.

Рис. 5. Хыдыр Дерьяев

Бывший студент САГУ Хыдыр Дерьяев после получения высшего образования устроился преподавателем во вновь открытый в 1931 г. в Ашхабаде Туркменский государственный педагогический институт, где в последующем заведовал кафедрой туркменского языка, став доцентом. Наряду с преподавательской работой занимался исследовательской и художественно-литературной деятельностью в качестве

начинающего поэта. В тридцатые годы составил первый школьный учебник по туркменскому синтаксису, выступил с статей «Старый туркменский литературный язык», которая вызвала большой спор на страницах периодической печати.

Доцента Хыдыра Дерьяева, автора первого романа на туркменском языке, изданного в 1936 г. под названием «Из кровавых ногтей», в 1938 г. арестовали по подозрению к причастности к мистифицированной националистической организации «Туркмен азатлыгы» («Туркменская независимость») и осудили на тюремное заключение сроком на 25 лет. Южанин Х. Дерьяев, отбывав свое наказание в холодных сибирских лагерях архипелага ГУЛАГ, смог вернуться в солнечный Туркменистан лишь в 1956 г.¹ Сначала трудился в академическом Институте языка и литературы научным сотрудником, затем освободился, и не занимал никакой должности. Член Союза писателей СССР Хыдыр Дерьяев долго работал вольным писателем² (рис. 6).

Хыдыру Дерьяеву, автору романов «Вьюги», Священный очаг», а также других поэтических и драматических произведений, немеркнущую славу писателю принес роман «Судьба», созданный в 1960-е гг. и состоящий из 4-х книг, основы которого были заложены еще в его запрошенном в свое время романе «Из кровавых ногтей».

Рис. 6. Заинтересованная беседа между членами-корреспондентами АНТ Хыдыром Дерьяевым (слева) и Клычем Кулиевым (справа), которая состоялась в Доме отдыха писателей летом 1982 г.

Научному анализу произведений Х. Дерьяева посвящены многочисленные работы туркменских ученых (монографии, статьи, рецензии). Его романы стали объектом кандидатских диссертаций как в языковедческом³, так и литературоведческом⁴ аспектах. Все его основные произведения переведены на русский язык и изданы в Москве.

На сцене Туркменского государственного театра в течение нескольких лет шел одноименный спектакль, поставленный по роману «Судьба», а узбекские кинематографисты создали по роману туркменского автора и показывали по Узбекскому телевидению многосерийный телефильм под названием «Кисмат» («Судьба»).

¹ Söyegov M. Türkmen Ceditçi Yazarlar // Gazi Türkiyat Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi. Güz. Sayı: 7. Ankara, 2010. S. 327–338.

² Соегов М. Туркменский язык в библиографиях его исследователей: Академики и члены-корреспонденты АН Туркменистана (статья вторая) // Türkolojiya. № 2. 2011. С. 25–35.

³ Азимова Дж. П. Хыдыр Дерьяев – романист. Ашхабад, 1980.

⁴ Аннамамедов А. Фразеология романа Х. Дерьяева «Судьба»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН Туркм. ССР. Отд-ние обществ. наук. Ашхабад, 1965.

Член-корреспондент АНТ Беки Сейтаков

Лауреат Государственной премии им. Махтумкули (1966 г.), Народный писатель Туркменистана (1967 г.), член-корреспондент АНТ (1969 г.) Беки Сейтаков родился 31 марта 1914 г. в селе Бедиркент нынешнего Героглынского этрапа Дашогузского вилайета.

Первая проба пера Б. Сейтакова относится к годам его учебы в Дашогузском педтехникуме. Его первые стихи появляются на страницах вилайетской газеты «Колхозный путь». По окончании техникума будущий писатель короткое время работает учителем в сельской школе, а в 1937 г. переезжает в Ашхабад, где ему поручают заведовать отделом в редакции газеты «Молодой коммунист».

В 1938 г. в Ашхабаде выходит сборник стихов начинающих поэтов под названием «Молодость». Тематика и художественный уровень включенных в данный сборник стихотворений Б. Сейтакова свидетельствовали о том, что их автор – человек ищущей, пытливей мысли.

В 1945–1947 гг. Б. Сейтаков заведует отделом в редакции республиканской газеты «Туркменистан», редактирует детскую газету «Всегда готов». В 1958 г., когда начинает выходить газета «Литература и искусство», Беки Сейтаков становится ее первым редактором. В 1954 г. он избирается секретарем и членом правления Союза писателей, а в 1962 г. – председателем правления Союза писателей Туркменистана. В последующие годы Б. Сейтаков был главным редактором журнала «Советская литература» (ныне «Гарагум») – органа СП республики (рис. 7).

Первые стихи поэта были, естественно, связаны с жизнью и заботами села. Стихотворения «Рост» (1932 г.), «Хлопок надо собрать чисто» (1933 г.), «Колхозник» (1935 г.), «Девушке-колхознице» (1935 г.) рассказывает о новой жизни дайхан, об их отношении к труду. Постепенно эпическое содержание становится ведущим в поэзии Б. Сейтакова. Он стремится отбирать для воплощения в своих произведениях интересные жизненные факты, тщательно продумывать конфликты, пытается раскрыть внутренний мир персонажей. Свообразием характером убедительностью поступков запоминаются созданные поэтом образы Аязхана из одноименной поэмы (1940 г.), Аннаклыча Атаева из поэмы «Герой» (1946 г.), Тачкули в «Поэме о рабочем Тачкули» (1949 г.) и многие другие. Названные поэмы проникнуты высоким гуманизмом и патриотизмом, защищают новую, передовую мораль.

Беки Сейтаков долгие годы работал параллельно и в поэтическом, и прозаическом жанрах. Уже первые сборники рассказов писателя «Счастлирое поколение» (1939 г.), «Сельские рассказы» (1948 г.) сдержали несколько удачных рассказов, в которых ощущались признаки литературного мастерства: естественность образов, емкость и выразительность деталей. Рассказы «Побеждать и отступать» (1947 г.), «Отец и сын» (1946 г.), «Поединок» (1947 г.), «Подарок сына» (1947 г.), «Смех Тагана-ага» (1946 г.), «Рассказы о Махтумкули» (1947 г.) показали, что у прозаика Б. Сейтакова – большое будущее.

Повесть Б. Сейтакова «Современники» (1952 г.) посвящена исследованию новых, более человеческих отношений между людьми. В повестях «Свет Москвы» (1954 г.), «Беспокойные люди» (1955) автор исследует социально-нравственные конфликты, связанные с внедрением новой агротехники в сельское хозяйство.

В 1962 г. Б. Сейтаков закончил первой в туркменской литературе фантастико-приключенческий роман «Сердце пустыни» (в русском переводе «Паутина», 1966 г.).

Основное и плодотворное направление в творчестве Б. Сейтакова составляет историко-революционная тема. Именно произведения на эту тему вызвали к нему интерес широкого читателя и за пределами Туркменистана.

Данная тематика привлекала писателя и в раннем творчестве. Поэмы «Пленник» (1939 г.), «В огне» (1940 г.) были первыми поэтическими произведениями Б. Сейтакова на эту тему. Повесть автора «Девичья дань» (в русском переводе «Живая дань», 1962 г.) явилась своего рода преддверием эпопеи «Братья». Действительно, настоящей славой принес ему роман-трилогия «Братья» (первая книга вышла в 1959, вторая – в 1961, третья – в 1965 г.).

Изображение исторических событий в хронологической последовательности объединяет ряд основных произведений Б. Сейтакова, как бы связывает их единое целое: в «Живой дани» рассказывается о событиях 1916–1917 гг., в «Братьях» – 1917–1920 гг., в романе «Бедиркент» – 1920–1921 гг., в «Первом дне» действие происходит в 1921–1925 гг., в «Истреблении геокленов» – 1930 г., в повести «Сын Ленина» – 1930–1932 гг. Эти произведения органически взаимосвязаны. Если в «Живой дани» изображается стремление трудового люда к свободе, желание масс завоевать человеческие права, их поиски справедливости, то в «Братьях» описывается, как народ эту справедливость обрел. В произведениях «Первый день» (1966 г.), «Бедиркент» (1972 г.), «Поэт» (1958 г.), «Сын Ленина» (1969 г.), «Истребление геокленов» (1971 г.) писатель ведет последовательный рассказ о проникновении революционных идей широкие массы туркменского народа и торжестве их. Самое главное – это то, что на фоне крупных событий эпохи, когда проходила ломка установившихся веками общественных устоев, писатель создал целую галерею непохожих друг на друга, поэтому захватывающих дух читателя, образов – литературных героев с разнообразными характерами, которые принимают активное участие в этих событиях на той или иной стороне антагонистических или иных реальных конфликтов.

С особой силой и наглядностью искусство писателя проявилось особенно в изображении диалектики души человека в романе «Братья». Писателю удалось оригинально построить композицию, тем самым обогатить нашу литературу ценной галереей весьма своеобразных персонажей.

Не только историко-революционные романы писателя, но и повести «Бекмурад Дурдыев» (1969 г.), «Мотылек» (1972 г.), «Твоею любовью», «Тылла» (1974 г.) пронизаны подлинным гуманизмом, несут идеи бескорыстного служения народу, родине.

Рис. 7. Беки Сейтаков

Такое простое перечисление произведений писателя свидетельствует о его ярком таланте, неисчерпаемой энергии, огромной работоспособности и целеустремленной силе его духа. Также отметим, что среди крупных туркменских прозаиков Б. Сейтаков является первым писателем, который более подробно описывал интимные сцены из личной жизни отдельных своих героев.

Беки Сейтаков умер в Москве, в Кремлевской больнице 7 марта 1979 г., не дожив 20 дней до своего 65-летия, в результате неудачной операции, произведенной в артериях его ног. Похоронен в Ашхабаде.

Дочь писателя Мая (Мемлекет) Бекиевна в семидесятые годы прошлого столетия работала научным сотрудником в отделе современной литературы академического Института языка и литературы им. Махтумкули, где в те годы трудился и автор настоящих строк. С самим Беки Сейтаковым посчастливилось нам повстречаться и тепло поздороваться во время его встреч, правда, редких, с молодыми литераторами, а также читателями (рис. 8).

Выше мы остановились лишь на основных вехах жизни и деятельности Б. Сейтакова. Интересующему читателю рекомендуем ознакомиться с работами моего старшего друга, поэта и доктора филологических наук Ахмеда Маммедова по данной теме, в частности, его научным очерком «Беки Сейтаков»¹, который послужил для нас основным источником материала.

Рис. 8. Академик Аман Кекилов и чл.-корр. АНТ Беки Сейтаков во время перерыва между заседаниями в Союзе писателей Туркменистана. На заднем плане сидит за столом профессор-литературовед Оде Абдуллаев (конец 1950-х гг. XX в.)

Член-корреспондент АНТ Мамедназар Хыдыров

Мамед Назарович (Мамед Назар) Хыдыров (1905–1977), как и другие туркменские филологи (будущие академики – языковед Пигам Азимов и литератор Баймухамед Каррыев), защитил в 1942 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова кандидатскую диссертацию (МГУ во втором полугодии 1941/1942 учебного года функционировал в Ашхабаде, находясь в эвакуации). В 1948 г. в Институте языка и мышления им. акад. Н.Я. Марра АН СССР на заседании под председательством академика И.И. Мещанинова он защитил докторскую диссертацию и получив в 1949 г. ученое звание профессора. Мамметназар Хыдыров наряду с другими видными туркменскими учеными, а также писателем Берды Кербабеевым, которого утвердили в звании академика, 29 июня 1951 г. стал одним из первых членов-корреспондентов вновь созданной Академии наук Туркменистана.

В 1935–1938 гг. М. Хыдыров обучается Ашхабадского государственного педагогического института, по окончании которого был оставлен на кафедре туркменского языка и общего языкознания. С этого времени начинается плодотворная профессорско-преподавательская деятельность М. Хыдырова сначала в пединституте, а с 1950 г. во вновь созданном Туркменском государственном университете

¹ Очерки истории туркменской советской литературы. М., 1980. С. 345–358.

им. А.М. Горького. Эта деятельность непрерывно продолжалась более сорока лет, до последних дней его жизни (сентябрь 1977 г.). С небольшими перерывами на протяжении последних тридцати лет жизни проф. М. Хыдыров заведовал одним из крупных научных центров изучения туркменского языка – кафедрой туркменского языка Туркменского госуниверситета, где особенно ярко проявился его талант руководителя и организатора науки.

Профессор М. Хыдыров был замечательным педагогом, воспитателем не одного поколения туркменских филологов. Автору этих строк также посчастливилось быть студентом М. Хыдырова, слушать его лекции и выполнять под его руководством дипломную работу по теме «Отношение языка поэмы «Кутадгу билиг» к современному туркменскому языку», успешная защита, которой проходила в конце мая 1973 г. (рис. 9).

Рис. 9. Мамедназар Хыдыров

В 1946–1947 гг. он выпустил несколько брошюр, в которых изложил основные положения своей докторской диссертации, посвященной одной из важных проблем языкознания – служебным словам¹. В 40-е гг. М. Хыдыров вплотную занимается также вопросами фонетики² и издает в 1948 г. в соавторстве с К. Бегенчевым «Фонетику туркменского языка», которая выдержала четыре издания (1948, 1956, 1960, 1977 гг.).

При всем многообразии интересов М. Хыдыров вошел в истории науки о туркменском языке как историк языка. Результаты своих многолетних исследований он обобщил в книге «Материалы по истории туркменского языка», изданной в 1958 и 1962 гг. Работа «Язык орхоно-енисейских памятников» (соавтор Г. Айдаров), изданная в 1968 г., входит в серию многочисленных его трудов о памятниках письменности и народного творчества. Его статьи последующих лет изданы в 1975 г. на русском языке отдельным сборником «Некоторые вопросы истории туркменского языка». Среди работ М. Хыдырова по истории туркменского языка особого внимания заслуживают также статьи и сообщения, посвященные этимологии отдельных слов и грамматических форм.

¹ Соегов М. Туркменский язык в библиографиях его исследователей: Академики и члены-корреспонденты АН Туркменистана (статья первая) // *Türkologiya*. № 3–4. 2008. С. 49–57.

² Соегов М. Один из первых ученых-преподавателей Туркменского государственного университета: профессор по кафедре «Туркменский язык» М.Н. Хыдыров // *Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова)*. VII Арсеневские чтения: Сб. ст.: В 2 т. Чебоксары, 2017. Т. 1. С. 110–113.

С именем М. Хыдырова связаны исследования, значительно расширившие знания о фонетике, морфологии, синтаксисе, диалектологии, пунктуации, орфографии туркменского языка. Он один из ведущих авторов и ответственных редакторов учебника для вузов «Современный туркменский язык» (Морфология, 1960; Синтаксис, 1962), а также учебного пособия по туркменскому языку для русских групп вузов.

Он известен также как литературовед и писатель. Первые его литературоведческие работы относятся к концу 30-х гг. прошлого века. В течение ряда лет М. Хыдыров целеустремленно и настойчиво работал над созданием автобиографического романа «Крутые дороги», первая книга которого вышла в 1971 г., а вторая – в 1977 г. В русском языке роман профессора-языковеда вышел под названием «Дорога издалека» в авторизованном переводе А. Зырина в 1973 (кн. 1) и 1977 (кн. 2) гг.

Краткие выводы и заключение

Если член-корреспондент АНТ с 1954 г. Клыч Кулиев сперва был ученым-историком, а потом стал известным писателем, члена-корреспондента АНТ с 1951 г., известного языковеда Мамедназара Хыдырова приняли членом СП двадцать лет спустя за вновь созданный роман «Крутые дороги» и другие его художественные произведения более раннего периода, то академик Берды Кербабаяев, члены-корреспонденты АНТ Хыдыр Дерьяев и Беки Сейтакоев не были учеными в первичном смысле это слова, а были большими мастерами художественного слова, и лишь академик Аман Кекилов смог успешно сочетать плодотворную научно-исследовательскую работу с активной художественно-творческой деятельностью. Автор вышеизложенных очерков, являясь в настоящее время, как и герои этих очерков в те годы, членом Академии наук и Союза писателей, надеется, что из числа представителей нашей талантливой научной и творческой молодежи в будущем выйдут те, которые смогут успешно сочетать в себе широкую художественную фантазию писателя с пытливым умом ученого.

Источники и литература

1. Азимова Дж. П. Хыдыр Дерьяев – романист. Ашхабад: Ылым, 1980. 117 с.
2. Аннамамедов А. Фразеология романа Х. Дерьяева «Судьба»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН Туркм. ССР. Отд-ние обществ. наук. Ашхабад, 1965. 19 с.
3. Джумагельдыева Б. Фразеология романа Б. Кербабаяева «Решающий шаг»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН Туркм. ССР. Ин-т языка и литературы им. Махтумкули. Ашхабад, 1970. 21 с.
4. Дипломатический словарь / Под ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалева, П.П. Севостьянова, С.Л. Тихвинского: В 3 т. М.: Наука, 1985–1986. Т. 2. С. 122.
5. Очерки истории туркменской советской литературы. М.: Наука, 1980. 416 с.
6. Соегов М. Один из первых ученых-преподавателей Туркменского государственного университета: профессор по кафедре «Туркменский язык» М.Н. Хыдыров // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова). VII Арсеневские чтения: Сб. ст.: В 2 т. Чебоксары, 2017. Т. 1. С. 110–113.
7. Соегов М. Туркменские филологи, защитившие кандидатские диссертации в Одесском университете в 1943–1944 годах: Аман Кекилов // Східний світ. № 2. 2009. С. 29–367.
8. Соегов М. Туркменский язык в библиографиях его исследователей: Академики и члены-корреспонденты АН Туркменистана (статья первая) // Türkologiya. № 3–4. 2008. С. 49–57.
9. Соегов М. Туркменский язык в библиографиях его исследователей: Академики и члены-корреспонденты АН Туркменистана (статья вторая) // Türkologiya. № 2. 2011. С. 25–35.
10. Тангрыбердыев Х. Творческое мастерство Берды Кербабаяева (На примере творческого процесса создания романа «Решающий шаг»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Акад. наук Туркм. ССР. Ин-т литературы им. Махтумкули. Ашхабад, 1962. 29 с.
11. Söyegov M. Türkmen Ceditçi Yazarlar // Gazi Türkiyat Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi. Güz. Sayı: 7. Ankara, 2010. S. 327–338.

К ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ УФЫ: ЦЕЛИ, ХРОНОЛОГИЯ, РУКОВОДИТЕЛИ СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. Уфа была заложена, о чем свидетельствуют и документальные, и летописные источники, в 1586 г. с целью противодействия ногаям, в частности, предотвращения их набегов на российские «украины», и чтобы оказывать военное и дипломатическое давление на Ногайскую Орду, а также с целью налаживания торговых связей с башкирскими землями и путей за Урал вскоре после «Ермакова взятия» «царства» Кучума. Вряд ли, однако, Уфа была возведена, как порой считается, для нейтрализации притязаний ногаев на эти земли и предотвращения кочевания там «казаковавшего» уже несколько лет сибирского хана. Поволжский летописец начала XVII в. дает возможность определить, что Уфа была основана под началом Ф.М. Турова и З.Н. Волохова «градодержателей» Уфы до перевода в нее из Кокшайска опального М.А. Нагого. Он ведал новой крепостью, что было редкостью в практике воеводского управления, 7 лет кряду, а затем и в течение по меньшей мере 1596–1601/02 гг.

Ключевые слова: Уфа, источник, основание, строительство, Ф.М. Туров, З.Н. Волохов.

Немало вопросов предыстории и ранней истории Уфы остается спорным. В частности, исследователями далеко неоднозначно определяются цели и время основания первой русской крепости на территории Башкирии. Может быть существенно расширен и круг сведений о лицах, руководивших сооружением этой крепости.

По словам Р.Г. Букановой, Уфа была основана, причем там, где располагался древний центр Башкирии, в связи «с усилившимися притязаниями ногайских и сибирских мурз на возвращение прежнего господства» над ее жителями¹. По версии исследователя, эту крепость «срубили» затем, дабы не допустить Кучума в башкирские земли: согласно версии русских дипломатов, привлечшей еще внимание П.П. Пекарского, «на Уфе, на Белой Воложке, государь (Федор Иванович – *авт.*) велел город поставить для того, что беглой с Сибири Кучум царь, пришедь... в Казанский уезд в башкирды, учал кочевать и ясак с государевых людей з башкирдцов начал было имать»²; «действительно, существовала реальная угроза появления Кучума в Башкирии», более того, он в 1586 г. пришел туда кочевать³. В достоверности приведенной версии не сомневался и

¹ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVI–XVIII вв. и государственное освоение территории Башкирии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. С. 26. Как предполагал И.М. Миргалеев, до «поставления» русскими Уфы поблизости располагалась крепость Казанского ханства с тем же названием («Уфа-Идель»), а рядом – крепость Сибирского «царства» (Шейх-и Тура), захваченная при его окончательном завоевании (Миргалеев И.М. Сообщения продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири (далее – ИЭК): Мат-лы II Всерос. науч. конф. (г. Курган, 17–18 апреля 2014 г.). Курган, 2014. С. 66. В.В. Трепавлов называл Уфу центром бывшей Ногайской Башкирии, полагая, что «русские власти демонстративно учредили» там «воеводскую ставку» (Трепавлов В. В. История Ногайской орды. М., 2001. С. 327).

² В.В. Трепавлов, цитируя это известие, оставил его без комментариев. См.: Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 19; Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России. СПб., 2018. С. 23.

По преданию, сибирские царевичи «совершили опустошительный набег в Башкирию, пытаясь заставить Русское государство отказаться от постройки города Уфы» (Кузеев Р., Юлдашбаев Б. 400 лет вместе с русским народом: Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1957. С. 64). Сохранившиеся источники это свидетельство не подтверждают.

³ Буканова Р.Г. Город Уфа в контексте сибирской истории // IX Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Тобольск научный – 2012». Тобольск, 2012. С. 261; Она же. Города юго-востока России и формирование социокультурного пространства Урала и Западной Сибири // Исторические процессы Азиатской России: проблемы формирования единого социокультурного пространства на территории

А.П. Ярков¹. Нам же она представляется маловероятной². Хотя Сибирский юрт соприкасался с башкирскими землями³, о притязаниях на них в середине 1580-х гг. со стороны мурз, подвластных Кучуму (пусть даже номинально), неизвестно, тем более что к тому времени это ханство было разгромлено «дружиной» Ермака, а его прежний правитель «обретался в своих южных кочевьях»⁴. Так, в пору основания Тюмени или в первые месяцы ее существования с Кучумом и его сторонниками сражался местный татарин Маитмас Ачекматов (Азехматов), перешедший на службу к «святоцарю» Федору⁵. Ногайские же бии и мирзы, по заключению В.В. Трепавлова, в то время старались не портить отношения с Москвой⁶.

С точки зрения А.А. Зимина, основание Уфы, как и ряда городов в Среднем и Нижнем Поволжье, «имело целью... и развитие торгово-промышленной деятельности, а также налаживание торговых связей с восточными странами».

Как вполне обоснованно считал Э.Л. Дубман, Уфу с Самарой построили «для обеспечения безопасности российских земледельческих окраин, раннего предупреждения ногайских набегов», а также осуществления «давления» на ногайские улусы⁷.

Одной из целей основания крепости неподалеку от устья р. Уфы, на мысу, образованном р. Белой и ее правым притоком Сутолокой, могло стать стремление русских властей наладить транспортные связи с Сибирью, которой вскоре было суждено превратиться в новую «украину» Московского государства. Ведь у Уфы сходились границы четырех дорог, в т. ч. Казанской и Сибирской⁸. В представлении В.И. Сергеева

Западной Сибири и Зауралья в XVII–XX вв.: Мат-лы I Всерос. науч. Интернет-конф. Тобольск, 2013. Вып. 1. С. 92.

¹ Ярков А.П., Капитонов С.А. Кучум и Ермак: «осевое время» Сибири // ИЭК: Мат-лы Междунар. конф. (г. Курган, 22–23 апреля 2011 г.). Курган, 2011. С. 88; Ярков А.П. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Нижневартовск; Омск, 2011. Вып. 10. С. 47; Он же. Кучум и Ермак: «осевое время» Сибири // Присоединение Сибири к России: новые данные: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Тюмень, 9–10 декабря 2014 г.). Тюмень, 2014. С. 223.

² Солодкин Я.Г. Об источниках и авторстве Поволжского летописца начала XVII века // Летописи и хроники: Новые исследования: 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 413. Примеч. 9; Он же. О некоторых спорных проблемах ранней русской колонизации Сибири (к изучению событий 1586 г.) // Миллеровские чтения: финно-угорский мир в древности, в средневековье и в новое время (г. Нижневартовск, 18–22 октября 2015 г.): Тез. докл. и сообщ. Нижневартовск, 2015. С. 29; Он же. О роли населения Среднего Поволжья в первоначальной русской колонизации Сибири (военные и административные аспекты) // Изв. высших учебных заведений: Поволжский регион: Гуманитарные науки. 2018. № 1 (45). С. 17.

³ См.: Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // ИЭК: Мат-лы Междунар. конф. ... С. 75. По наблюдению В.И. Сергеева, в XVI в. к территории Сибири во многих источниках относилась и Башкирия (Сергеев В.И. Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» (по восточным и европейским источникам) // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 11, 17. Примеч. 57).

⁴ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака ... С. 16, 33; Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи... С. 19, 20.

⁵ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 164; Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 479; Т. 2. С. 283.

⁶ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака... С. 38–39; Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи ... С. 42.

⁷ Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 236; Дубман Э.Л. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв.: Очерки истории. Самара, 2012. С. 122, 123.

⁸ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке: История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 50–51. Об этих дорогах (областях, административно-территориальных единицах) см., напр.: Акманов И.Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII в. Уфа, 1981. С. 12; Азнабаев Б.А. К вопросу о возникновении дорог Уфимского уезда как податных округов (XVII век) // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2013. № 30 (321): История. Вып. 57. С. 25, 26, 28, 29.

возведение Тюменского и Тобольского острогов «сразу обострило проблему транспортных связей с Сибирью»¹. Скорее всего так было уже со времени зауральских экспедиций воевод князя С.Д. Болховского, И.А. Мансурова, В.Б. Сукина и И.Н. Мясного, т. е. с 1584–1586 гг.).

Нередко высказывалось мнение о том, что Уфу, возникшую в Казанском крае в 1574 г. как укрепленный пункт или крепость, 12 лет спустя перенесли на более удобное место, и она сделалась городом, вокруг которого сложился самостоятельный уезд². Но в 1574 г. в строительстве «сторожевой крепости в центре Башкирии» «не было необходимости»³, да и, самое главное, о сооружении такой крепости в дошедших до нас источниках умалчивается. Зато известно, что тогда, во время очередной «черемисской войны», в Казанской земле появился Кокшайск⁴. Последний М.Ю. Зенченко отождествил с Царевококшайском, М.Н. Тихомиров называл Кокшайском «Царев город в Черемисе» или «Царев»⁵, сооруженный вскоре после воцарения Федора Ивановича; первые воеводы были назначены туда 11 октября 1584 г.⁶

Со времен Н.М. Карамзина большинство историков приурочивало основание Уфы к 1586 г.⁷ Кроме документальных материалов, подобная датировка встречается и в двух

Через Уфу в Сибирь направлялся многочисленный отряд князя А. В. Елецкого, в 1594 г. заложивший Тару – первый русский город в Среднем Прииртышье (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 282, 347, 351. Ср.: Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи... С. 23). Это обстоятельство, кстати, противоречит утверждению Р.Г. Скрынникова, будто в конце XVI в. Уфа являлась крохотной крепостью (Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 61).

¹ Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 176. Позднее один из путей шел из Тюмени на Уфу. См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 187; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 75.

² См., напр.: Кузеев Р., Юлдашбаев Б. 400 лет вместе с русским народом ... С. 66; Тапилин А.И. К вопросу о возникновении Челябинска // Пермский регион: история, современность, перспективы: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Березники, 2001. С. 154; Побережников И.В. Становление русской системы местного управления на Урале и в Сибири (XVI–XVII вв.) // Письменные источники по истории Западной Сибири. Сургут, 2004. С. 21; Рахимов Р.Н. Новый старый герб Уфы // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Мат-лы XX Междунар. науч. конф. (Москва, 31 января–2 февраля 2008 г.). М., 2008. Ч. 2. С. 543. Порой в этой связи назывался 1573 г. (Мажитов Н., Султанова А. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994. С. 320).

³ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVI–XVIII вв. ... С. 27.

⁴ См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Примеч. 835; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 30, 431; Зимин А.А. В канун грозных потрясений... С. 12; Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 105. В.Н. Козляков, следуя Новому летописцу редакции конца 1620-х гг., отнес сооружение Кокшайска ко времени правления Бориса Годунова (Козляков В. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 97).

Напомним также, что в 1583 г. возник Козьмодемьянский острог (Зимин А.А. В канун грозных потрясений... С. 84). В отличие от последнего, а также «Кокшаги» и Чебоксар, Уфимский острог, что кажется примечательным, не упоминается в подробной «росписи» зимнего похода 1583–1584 гг. «на луговую черемису». См.: Анхимюк Ю.В. Росписи казанского зимнего похода в разрядной книге ОР РНБ Q. IV. 53 // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 182, 185–187.

⁵ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 230, 231; Зенченко М.Ю. Города России XVII в. // Мининские чтения: Тр. участников междунар. науч. конф. (г. Нижний Новгород, 24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 508, 509.

⁶ Зимин А.А. В канун грозных потрясений... С. 128, 274. Примеч. 94. Заметим, что в боярском списке 1577 г. под Кокшагой подразумевается не река, как думалось издателям этого документа, а город. См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее – БСР). М., 1979. Ч. 1. С. 91; Ч. 2. С. 175.

⁷ См., напр.: Карамзин Н.М. История... Кн. III. Т. X. Примеч. 40; Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 130; История

летописных источниках. В одном из них, вышедшем, вероятно, из стен Казанского приказа в самом начале XVII в., говорится о «поставлении» Уфы, как и Тюмени с Самарой, в 7094 (1585/86) г.¹ В появившемся вскоре Поволжском летописце (далее – ПЛ) сообщается о том, что Федор Туров и Залешенин Волохов (которые, будучи татарскими головами, годом ранее из Казани «ходили до соленых озер» против башкир) с теми «воинскими людьми» (служившими в Костроме, Суздале, Ярославле, Владимире, Арзамасе и «изо многих городов поволжских» – *авт.*), «кои преже его (точнее, сего – *авт.*) были с ними в сибирских улусах», в 7094 (1585/86) г. «з башкирцы и з сибиряны билися. И бився, на Уве острог поставили»², т. е. Уфу³. Эти строки, возможно, вышли из-под пера служилого человека, участвовавшего в середине 1580-х гг. в экспедициях против башкир⁴.

Уфы: Краткий очерк. Уфа, 1981. С. 23, 24; Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке... С. 50; Она же. Города-крепости юго-востока России в XVI – XVIII вв. ... С. 27; Полищук В.В. Тюмень изначальный // «Сулеймановские чтения – 2006»: Мат-лы IX Всерос. науч.-практ. конф. (г. Тюмень, 18–19 мая 2006 г.). Тюмень, 2006. С. 86; Зенченко М.Ю. Города России XVII в. С. 508; Самигулов Г.Х. Тюрки южного Зауралья в конце XVI – первой половине XVIII века: консолидация/разделение – к постановке вопроса // ИЭК: Мат-лы Междунар. конф. ... С. 128; Дубман Э.Л. Поволжский фронт... С. 60, 122; Пузанов В.Д. Размышление о причинах башкирских восстаний XVII–XVIII вв. // ИЭК: Мат-лы II Всерос. науч. конф. ... С. 98; Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака... С. 19; Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи... С. 23. А.А. Зимин со ссылкой на труды Г.И. Перетяковича и А.А. Герасимовича писал в данной связи про 1585/86 г. (Зимин А.А. В канун грозных потрясений... С. 128).

¹ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 230, 231. В Академическом списке данного краткого летописца о закладке Уфы не сказано (Солодкин Я.Г. О спорных атрибуциях летописных памятников XVII века // Исторические записки: Науч. тр. ист. фак-та. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 27. Примеч. 7).

В Пискаревском летописце Уфа, очевидно, понаслышке, названа в ряду городов, взятых «ермаковыми казаками», отправленными «воевати» «Сибирскую землю» царем Федором Ивановичем в 1584/85 г. (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 195; Солодкин Я.Г. Пискаревский летописец о «Сибирском взятии» // Северный регион: Наука: Образование: Культура. 2001. № 1 (3). С. 169).

² Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984. С. 214. В следующем же году, о чем сообщается в ПЛ, С. Сабуров и Д. Черемисинов «в Нагорной черемисе... на Цывиле реке город поставили». (М.Ю. Зенченко почему-то утверждал, что Цивильский острог существовал с 1584 г. Кстати, в боярском списке 1588–1589 гг. «Цывиль» – это не река, как представлялось издателям, а город, см.: БСР. Ч. 1. С. 146; Ч. 2. С. 183; Зенченко М.Ю. Города России XVII в. С. 509). Под 7094 (1585/86) г. в ПЛ сказано и о «пришествии» «в Сибирскую землю» Ермака «с казаки», которые 3 года спустя «побили» Кучума «и царицу ево и царевичев» «прислали» «к государю к Москве» (Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями... С. 214, 215). В действительности соратникам «ратоборного» атамана, погибшего еще в августе 1584 г., удалось взять в плен лишь султана Маметкула, который лишь предположительно включается в число ханских родственников (см.: Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака... С. 13. Примеч. 18; Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи... С. 16–17. Примеч. 2). Анахронично и известие о закладке в 1585/86 г. «каменного города» в Астрахани: вопреки свидетельству летописца, вероятно, являвшегося служилым человеком одного из поволжских городов (Корецкий В.И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 128; Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями... С. 191–192), это произошло через 2 года. См.: Солодкин Я.Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011. С. 140.

³ Солодкин Я.Г. О происхождении «сибирских» статей двух общерусских летописцев первой трети XVII века // Источники по истории и археологии Западной Сибири. Сургут, 2006. С. 60; Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. С. 578.

Вспомним, что построенные в 1586 и 1587 гг. Тюменский и Тобольский остроги превратились в «рубленные города» через 6–7 лет (Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 120; Он же. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. С. 22); то же самое вскоре произошло в Мангазее.

⁴ Солодкин Я. Г. О происхождении «сибирских» статей... С. 60; Он же. Об источниках и авторстве Поволжского летописца... С. 413.

Благодаря ПЛ известно о предводителях отряда ратных людей, «ставивших» Уфу. Федор Михайлов сын Туров, являвшийся в конце 1580-х гг. владимирским выборным дворянином с высшим окладом (700 четвертей), в 1582/83 г. нес службу вторым воеводой большого полка, размещенного «по нагайским вестем... в Мещере», точнее, в Терехове; в следующем году Туров занимал эту же должность в Шацке. В зимнем «немецком» походе 1589–1590 гг. Федор Михайлов сын принимал участие «с казанскими татарами», под Ругодивом (Нарвой) действовал в передовом полку вместе с князем М.А. Щербатым. В 1590 г. Туров был помощником воеводы князя Г.О. Зубка Засекина при основании Саратова, где оставался и в следующем году¹. Залешенин Никифоров сын Волохов, принадлежавший в 1588–1589 гг., когда служил в Казани, к выборным дворянам по Суздалью (с окладом в 600 четвертей), десятилетием прежде был наряду с В.И. Непейцыным (впоследствии бежецким выборным) направлен из Бахчисарая русским послом князем В.В. Мосальским с отпиской в Москву «о крымском деле и о вестех». В июле 1581 г. Волохов, назначенный приставом к папскому послу А. Поссевино, выехал в Дорогобуж и Смоленск; в подчинении у Залешенина Никифорова сына тогда находились десять детей боярских. В 1584 г. вместе с воеводой П.А. Нащокиным Волохов заложил Архангельск². В канун войны со шведами Залешенин Никифоров сын посылался «в Муром кормов збирать татаром», а в походе 1592 г. к Выборгу был головой в большом полку³. Таким образом, ко времени «поставления» Уфы Волохов имел опыт «градодельца», а Турова, вероятно, неспроста определили в «товарищи» князя Г.О. Засекина перед основанием Саратова.

Вероятно, Ф.М. Туров и З.Н. Волохов управляли Уфой до 1586/87 г., когда туда из Кокшайска перевели опального М.А. Нагого (накануне ведавшего Казанью). Он воеводствовал в Уфе, насколько известно, семь лет подряд, до 1593/94 г., а затем в течение 1596–1601/02 гг.⁴

¹ См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 233; БСР. Ч. 1. С. 129, 278; Покровский Н.Н. Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 188; Дубман Э.Л. Поволжский фронт... С. 132, 133. В разрядной книге князей Бяратинских упоминается о том, что в 1583/84 г. псковским «пригородом» Островом управлял Федор Иванов сын Туров (Разрядная книга 1550–1636 гг. (далее – РК). М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 7). Не исключено, что имеется в виду Федор Михайлов сын.

Его сыновья Илья и Сергей в конце XVI – начале XVII вв. числились в жильцах; второй из них, как и отец, участвовал в зимнем походе 1589–1590 гг. к Ругодыву. Осенью 1604 г. И.Ф. Туров отправил четырех «конных» в армию, выступившую против перешедших русскую границу в Северной земле отрядов Лжедмитрия I (БСР. Ч. 1. С. 117, 194; Ч. 2. С. 62). Укажем и на то, что «за новгородское осадное сидение» (1611 г.) в Шелонской пятине получил вотчину Василий Федоров сын Туров (Осадный список 1618 г. / Сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов (далее – ОС). М.; Варшава, 2009. С. 518). Возможно, речь идет тоже о сыне одного из основателей Уфы.

² Карамзин Н.М. История... Кн. 3. Т. 10. Стлб. 42; Примеч. 135; Лихачев Н.П. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб., 1894. Прилож. С. 3, 6–10, 14, 15, 19, 23, 24; Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 104, 131; Новожилов Ю.К. К вопросу об основании города Архангельска // Уч. зап. Арханг. пед. ин-та. 1964. Вып. 16. С. 176–177; БСР. Ч. 1. С. 131; ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 146, 150, 169; Петров К.В. Делопроизводство Разрядного приказа XVI–XVII веков в официальных и частных рукописях: Исследования и мат.-лы. М., 2018. С. 60. На Двине Волохов, по-видимому, являлся не воеводой (Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 71, 119), а письменным головой.

³ БСР. Ч. 1. С. 279; Покровский Н.Н. Сибирское общество... С. 188. Сын З.Н. Волохова Демид – жилец в начале XVII в. – выставил 4 всадника в поход против самозванного царевича Дмитрия (БСР. Ч. 1. С. 195; Ч. 2. С. 62).

⁴ Зимин А.А. В канун грозных потрясений... С. 111; РК. Т. 2. Вып. 1. С. 173, 188, 198; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 15, 185, 186, 193, 195.

О Михаиле Александровиче Нагом, получившем боярство при Лжедмитрии I и умершем в 1618 г., см. также: Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стлб. 237; Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. Прилож. С. 56, 68, 71; Сторожев В. Материалы

Таким образом, посредством основания Уфы в 1586 г. (одновременно были выстроены Самара, Тюмень, Воронеж и Ливны) правительство «святоцаря» Федора собиралось решить сразу несколько задач: противодействие ногаям, в том числе недопущение их набегов на русские уезды, расширение торговых связей с башкирами, закрепление их земель за Россией, налаживание связей с Сибирью, куда по следам «ермаковых казаков» стали отправляться экспедиции государевых воевод. Не стоит при этом называть, как поступили московские дипломаты, а затем ряд историков, предотвращение кочевания Кучума, уже «сбитого» «с куреня», в бассейне р. Белой. Благодаря Поволжскому летописцу начала XVII в. известно, что Уфа была заложена под началом татарских голов Ф.М. Турова и З.Н. Волохова, принадлежавших к числу выборных дворян (по Владимиру и Суздалью соответственно) и имевших опыт участия в боевых действиях на территории башкирских «улусов». (Волохов же накануне выступал в Архангельске в роли «градодельца», а Туров вскоре стал одним из основателей Саратова). Эти дворяне провели в Уфе несколько месяцев, до перевода туда из Кокшайска М.А. Нагого, в общей сложности воеводствовавшего в новом городе свыше десятилетия, что в практике регионального управления тех лет встречалось нечасто.

Источники и литература

1. Анхимюк Ю.В. Росписи казанского зимнего похода в разрядной книге ОР РНБ. Q. IV. 53 // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб.: Наука, 2007. С. 180–188.
2. Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 3. Ч. 2. 299 с.
3. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М.: б. и., 1979. Ч. 1. 341 с.; Ч. 2. 185 с.
4. Буканова Р.Г. Город Уфа в контексте сибирской истории // Мат-лы IX Всерос. (с междунар. уч.) науч.-практич. конф. «Тобольск научный – 2012». Тобольск: Издательство Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева, 2012. С. 261–262.
5. Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке: История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с., ил.
6. Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVI–XVIII вв. и государственное освоение территории Башкирии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Редакционно-издательский центр Башкирского университета: Множительный участок Башкирского государственного университета, 1997. 51 с.
7. Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
8. Дубман Э.Л. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. (Очерки истории). Самара: Самарский университет, 2012. 236 с.
9. Зенченко М.Ю. Города России XVII в. // Мининские чтения: Тр. участников Междунар. науч. конф. (г. Нижний Новгород, 24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород: Редакционно-издательский отдел Центрального архива Нижегородской области, 2010. С. 503–515.
10. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. 333 с.
11. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.: Книга, 1989. Кн. 3. Т. 9, 10.
12. Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М.: Наука, 1984. С. 187–218.
13. Лихачев Н. Библиотека и архив Московских государей в XVI столетии. СПб.: Типография В.С. Балашева и Ка, 1894. 152 + 83 с.
14. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888.
15. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых торко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы Междунар. конф. (г. Курган, 22–23 апреля 2011 г.). Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2011. С. 70–78.
16. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература РАН, 1999. Т. 1. 630 с.

для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 75; Зимин А.А. В канун грозных потрясений... С. 88; РК. Т. 2. Вып. 1. С. 234, 238–240; Вып. 2. С. 243–244, 275; БСР. Ч. 1. С. 28, 266; ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 116–120; ОС. С. 454 и др.

17. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература РАН, 2000. Т. 2. 796 с.
18. Новожилов Ю.К. К вопросу об основании г. Архангельска // Ученые записки Архангельского педагогического института. 1964. Вып. 16. С. 176–203.
19. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 447 с.
20. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 195 с.
21. Осадный список 1618 г. / Сост.: Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М.; Варшава: Древлехранилище, 2009. 683 с.
22. Петров К.В. Делопроизводство Разрядного приказа XVI–XVII веков в официальных и частных рукописях: Исследования и материалы. М.: Древлехранилище, 2018. 548 с.
23. Побережников И.В. Становление русской системы местного управления на Урале в Сибири (XVI–XVII вв.) // Письменные источники по истории Западной Сибири. Сургут: Редакционно-издательский отдел Сургутского государственного педагогического института, 2004. С. 17–25.
24. Покровский Н.Н. Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2006. С. 180–198.
25. Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. Т. 33. 272 с.
26. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1978. Т. 34. 304 с.
27. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. 382 с.
28. Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. Т. 37. 228 с.
29. Разрядная книга 1550–1636 гг. М.: б. и., 1976. Т. 2. Вып. 1. 241 + I с.; Вып. 2. С. 242–491.
30. Рахимов Р.Н. Новый старый герб Уфы // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Мат-лы XX Междунар. науч. конф. (г. Москва, 31 января–2 февраля 2008 г.). М.: Российской государственной гуманитарный университет, 2008. Ч. 2. С. 543–545.
31. Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова / Отв. ред. В.А. Александров. М.: Наука, 1967. С. 174–179.
32. Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1891. VI + 399 с.
33. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981. 205 с., ил.
34. Солодкин Я.Г. О некоторых спорных проблемах ранней русской колонизации Сибири (к изучению событий 1586 г.) // Миллеровские чтения: финно-угорский мир в древности, в средневековье и в новое время: Тез. докл. и сообщ. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2015. Вып. 1. С. 26–31.
35. Солодкин Я.Г. О происхождении «сибирских» статей двух общерусских летописцев первой трети XVII века // Источники по истории и археологии Западной Сибири. Сургут: Редакционно-издательский отдел Сургутского государственного педагогического университета, 2006. С. 59–69.
36. Солодкин Я.Г. О роли населения Среднего Поволжья в первоначальной русской колонизации Сибири (военные и административные аспекты) // Известия вузов: Поволжский регион. 2018. № 1 (45). С. 15–24.
37. Солодкин Я.Г. Об источниках и авторстве Поволжского летописца начала XVII века // Летописи и хроники: Новые исследования: 2013–2014. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 411–422.
38. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 348 с.
39. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература РАН, 2012. 231 с.
40. Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 496 с.
41. Ярков А.П. Кучум и Ермак: «осевое время» Сибири // Присоединение Сибири к России: новые данные: Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием (г. Тюмень, 9–10 декабря 2014 г.). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2014. С. 220–231.
42. Ярков А.П., Капитонов С.А. Кучум и Ермак: «осевое время» Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы Междунар. конф. (г. Курган, 22–23 апреля 2011 г.). Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2011. С. 87–90.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ИНТЕГРАЦИЯ ДАГЕСТАНА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Аннотация. В статье представлены основные пути включения Дагестана в экономическое и социальное пространство России в связи со строительством Владикавказской железной дороги в конце XIX в. Уже в ходе строительства Дагестанского участка установились экономические связи между регионами Кавказа и России и усилился приток в Дагестанскую обл. русских специалистов, обладавших техническими знаниями и производственным опытом. После завершения строительства железной дороги, дагестанцы получили возможность вывозить фрукты и овощи, рыбу, ремесленные изделия и товары местной промышленности в другие регионы России, начался новый этап в развитии городов, за счет русских переселенцев значительно увеличилось городское население, более широкое распространение получило отходничество горцев, уезжавших на заработки во внутренние губернии России и т. д.

Ключевые слова: Петровск, Дербент, Темир-Хан-Шура, рабочие, промышленность, кустарные промыслы, торговля, отходничество.

Во второй половине XIX в., по окончании Кавказской войны, началось официальное хозяйственное освоение Северного Кавказа и его включение в экономическое пространство России. Большое значение в этом процессе играло развитие на юге страны транспортной структуры, в частности, железнодорожное строительство.

В первой половине XIX в. российское правительство в стратегических целях прокладывало на Северо-Восточном Кавказе шоссейные и грунтовые дороги. В пореформенное время в России активно велось железнодорожное строительство, которое затронуло и южные регионы страны.

В конце июля 1869 г. начальник Дагестанской обл. во время пребывания в г. Петровске объявил о начале строительства железной дороги Владикавказ – Петровск – Баку, но реализация этого плана в Дагестане была отложена на 25 лет¹.

Князь А.И. Барятинский в своей записке так обосновывал необходимость строительства железной дороги: «В настоящее время Закавказская обл. связана с империей только на географической карте; в сущности, она составляет край, во всех отношениях отдельный от России. Чрезвычайное затруднение в сообщениях и огромные расстояния от пунктов, в которых сосредоточены главные силы государства, вполне разъединяют Закавказье с Империей и в военном, и в экономическом отношении»². Причины, перечисленные князем Барятинским в записке, были довольно веские и обоснованные, но они не были признаны достаточными для начала строительства железнодорожной линии.

После завершения военных действий на Северном Кавказе российские предприниматели неоднократно обращались к правительству России с просьбами о разрешении строительства железной дороги на Кавказе.

В 1870–1871 гг. начались исследования маршрута будущей дороги на линии Ростов-на-Дону – Владикавказ, и далее в районах Закавказья. В феврале 1872 г. их результаты были представлены на обсуждение комитета железных дорог. В том же году была утверждена концессия «Общество Ростово-Владикавказской железной дороги» (с 1884 г. – «Общество Владикавказской железной дороги»).

¹ Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 129.

² Зиссерман А.Л. Фельдмаршал Князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. М., 1891. Т. 3. С. 150.

Строительство Владикавказской железной дороги велось в 4 этапа: 1) Ростово-Владикавказский; 2) Петровский; 3) Дербентский; 4) Бакинский (до станции Баладжары).

Большое внимание разработке проекта строительства железной дороги, которая бы соединила Центральную Россию с Кавказом, уделило Кавказское отделение Русского технического общества. Его почетный член академик Г.В. Абих считал целесообразным с экономической и политической точки зрения проложить железнодорожный путь на г.г. Петровск и Баку по Прикаспийской низменности¹. Член-корреспондент Русского технического общества Ю.П. Проценко разделял мнение о наибольшей целесообразности и выгоды проведения железной дороги через Петровск. Для обоснования своего проекта он выдвинул ряд убедительных аргументов инженерно-технического характера, указал на политическое и социально-экономическое значение будущей железной дороги для народов горного края, сделал заключение о ее необходимости для лучшего освоения бассейна Каспийского моря, в котором «Россия всегда нуждалась», выразил уверенность, что все материальные расходы «окупятся от установления на нем более рационального хозяйства»².

Строительство железнодорожной линии до г. Петровска началось весной 1892 г. и завершилось в 1893 г., а официальное ее открытие состоялось 1 января 1894 г.³ Одновременно велось строительство ветки железной дороги с юга: от Дербента в сторону Петровска. Движение здесь было открыто в 1898 г. Первый пассажирский поезд из Петровска в Дербент прибыл 25 октября 1899 г., а официально движение на этом участке было открыто 1 января 1900 г.

22 июня 1900 г. участок дороги Петровск – Баладжары был включен в прямое сообщение со всеми железными дорогами страны, а официально Дербентско-Бакинская линия была открыта 1 ноября 1900 г.

В 1902 г. были закончены работы по укладке путей и переводов на станциях Петровск-Кавказский и Дербент.

Протяженность Дагестанского участка Владикавказской железной дороги составила 214 верст. В пределах Дагестанской обл. на железнодорожной линии было сооружено 10 станций: Чир-Юрт, Темиргое, Петровск-Кавказский, Порт-Петровск, Манас, Бойнак, Каякент, Мамед-Кала, Дербент, Белиджи, 14 разъездов, несколько десятков мостов, 53 здания.

Понимая значение железнодорожного строительства, наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич писал Александру II в 1896 г., что «одни победы оружия, одни административные распоряжения, одно участие русского войска и русских чиновников не в состоянии в близком будущем завершить задачу обрусения Кавказа. Оно может завершиться лишь посредством участия русской цивилизации, русских капиталистов и русской промышленности, но для привлечения их в здешний край необходимо сблизить его не только административно, но и материально, нужно сократить расстояние, отделяющее Кавказ от центра России, а это возможно только путем сооружения железных путей»⁴.

Уже в ходе строительства стали налаживаться экономические связи Дагестана с внутренними губерниями России. В частности, заказы на поставку рельсов, бандажей, креплений и ферм для мостов «Общество Владикавказской железной дороги» делало Таганрогскому металлическому заводу. Железная дорога до Владикавказа облегчала

¹ Свистунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 1973. С. 16.

² Вагабов М.М. Железнодорожный и морской транспорт Дагестана: история становления и развития (конец XIX – 90-е годы XX в.). Махачкала, 1997. С. 42.

³ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 85.

⁴ Перегон в столетие / Под ред. А.К. Кимстача. Ростов-на-Дону, 1964. С. 40.

доставку материалов для строительства дороги до Петровска. Следует подчеркнуть, что Таганрогский металлический завод в значительной мере обязан Владикавказской железной дороге своим становлением и ростом.

Постройка железной дороги требовала много рабочей силы. Обычно подбор квалифицированной рабочей силы производился в центре России, а неквалифицированные рабочие нанимались на договорных началах на месте. Количество рабочих, связанных со строительством железной дороги в Дагестане, в среднем колебалось от 5 до 13 тыс. чел. К 1903 г. численность железнодорожников (рабочих и служащих, включая членов семей) здесь выросла до 13 667 чел., а в 1917 г. – до 16 тыс. чел. Поскольку работа на железной дороге требовала, как правило, технической грамотности и квалификации, среди работников преобладали выходцы из России, получившие технические знания и производственный опыт на других дорогах страны или просто обладающие минимумом общей грамотности на русском языке¹. В последующем железнодорожники стали самым крупным отрядом постоянных рабочих в крае.

Дагестанский участок железной дороги проходил по приморской равнинной полосе. Это не давало возможность активного вовлечения в российскую экономику предгорного и горного населения края. Поэтому, не смотря на завершение строительства основной магистрали, требовалось построение дополнительных железнодорожных веток. По этому поводу инженер Даидбек Даитбеков обращался к военному губернатору Дагестанской обл.: «В последнее время «Обществом Владикавказской железной дороги» сооружена железнодорожная линия, соединяющая Закавказье с внутренними губерниями России непрерывным рельсовым путем. Линия эта проходит частью в пределах Дагестанской области, начиная от реки Сулак – границы с Терской областью до реки Самура – границы с Бакинской губернией, держась почти на всем протяжении малонаселенной приморской равнинной полосы... Для того, чтобы железнодорожная линия благотворно влияла на экономическую и культурную жизнь населения, нужно центральные участки области соединить с главной железнодорожной линией удобными и дешевыми подъездными путями. Наиболее естественным и отвечающим интересам большинства населения подъездным путем представляется путь через город Темир-Хан-Шуру в Петровск»². Таким образом, предлагалось соединить основную линию железной дороги со столицей Дагестанской обл. Широкой поддержки эта идея первоначально не получила.

В 1813 г. начались подготовительные работы и было создано «Общество Дагестанского подъездного пути Темир-Хан-Шура – Петровск». Строительство подъездного пути протяженностью 48 верст велось в 1914–1915 гг.³ В 1915 г. была построена ветка на Кизляр длиной 70 верст, были проложены вторые пути на линии Гудермес – Петровск.

Развитие железнодорожной сети способствовало экономическому сближению и интеграции России и Дагестана. В частности, с проведением железной дороги местные производители получили возможность вывоза свежих фруктов и овощей в другие регионы Кавказа и в Россию.

Действующая железная дорога привлекла в край рыбопромышленников из России, в частности из Астрахани, которые активно развивали на побережье Каспия рыболовство, рыбную промышленность и связанное с ними бондарное производство.

¹ Суздальцева И.А. Особенности формирования и социально-экономической адаптации русского населения Дагестана в XVIII – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 3. Ч. 2. С. 175.

² Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 3. Д. 17. Л. 24.

³ Там же. Л. 24 об.

С введением в строй железной дороги в Дагестане стало возможным строительство крупных предприятий, ориентированных не только на местное, но и на привозное сырье и сбывающих продукцию на рынках Северного Кавказа и Закавказья, России и Средней Азии. Например, в 1899 г. в Петровске И.О. Петрококиным и С.И. Решетниковым была построена крупнейшая в Дагестане хлопчатобумажная фабрика акционерного общества «Каспийская мануфактура»¹. На ней использовалось сырье, привозимое из разных провинций Российской империи и Ирана, а ткани вывозились преимущественно в Иран и Среднюю Азию.

В связи с введением в строй железной дороги, связавшей Кавказ и Закавказье с промышленными центрами России, в Дагестане в конце XIX – начале XX в. начали разработку и добычу серы и ртути, медной и полиметаллических руд, нефти и т. д.

Развитие транспортной инфраструктуры Дагестанской обл., дававшей удобный выход для дагестанских товаров на российский и европейский рынок, способствовало развитию местных кустарных промыслов. Он способствовал развитию торговли в Дагестане: вырос ежегодный оборот внутреннего рынка, увеличивалось число торговых свидетельств, выдаваемых местному и переселенческому населению, открывались учреждения кредита, рос обмен товарами с разными губерниями России, менялась структура торговли, появлялись новые торговые центры и т. д.

Дагестанский участок железной дороги прошел по морскому побережью Каспия и оказался тесно связан с портами в Петровске и Дербенте. Он дал значительный толчок развитию рыболовства и рыбной промышленности Дагестана. В ее становлении главную роль сыграли русские предприниматели, в частности, купцы из Астрахани.

Наличие железной дороги сделало возможным распространение среди горцев Дагестана отходничества в промышленные центры Кавказа (Грозный, Баку и др.) и России. Одновременно в Дагестан прибывали русские переселенцы из России: рабочие, купцы и предприниматели, связанные с деятельностью в городах. Значительная часть их селилась в северных и приморских районах края, вблизи от железной дороги².

Завершение железнодорожного строительства на юге России и формирование переселенческого законодательства в общеимперском масштабе способствовали развитию городов Дагестанской обл. (Петровск, Темир-Хан-Шура, Дербент) и значительному росту городского населения (в 1897 г. – 5,9 %, в 1913 г. – 11,1 %) ³. Большую часть горожан составляли переселенцы из России: рабочие (железнодорожники, текстильщики, рыбаки, бондари), служащие и представители интеллигенции (связисты, счетные работники, медики, учителя).

Таким образом, железнодорожное строительство, развернувшееся в Дагестане на рубеже XIX–XX вв., способствовало активной интеграции региона в экономическое и социальное пространство России.

Источники и литература

1. Асваров Н.А., Суздальцева И.А. О роли железной дороги в модернизации экономики Дагестана в конце XIX – начале XX вв. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (26). С. 6–10.

2. Вагабов М.М. Железнодорожный и морской транспорт Дагестана: история становления и развития (конец XIX – 90-е годы XX в.). Махачкала: ИПО «Юпитер», 1997. 376 с.

¹ Мансуров М.Х. Русские переселенцы в Дагестане (2 половина XIX – начало XX вв.). Махачкала, 1994. С. 132.

² Асваров Н.А., Суздальцева И.А. О роли железной дороги в модернизации экономики Дагестана в конце XIX – начале XX вв. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (26). С. 5.

³ Суздальцева И.А. Принятие закона от 6 июня 1904 г., его значение для организации переселенческого движения на Кавказ // История государства и права. 2010. № 23. С. 27; Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура, 1915. С. 28–30.

3. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал Князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. М.: Университетская типография, 1891. Т. 3. 375 с.
4. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1904. Вып. 2. 521 с.
5. Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1895. 724 с.
6. Мансуров М.Х. Русские переселенцы в Дагестане (2 половина XIX – начало XX вв.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 1994. 156 с.
7. Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура: Паровая типо-литография М.М. Мавраева, 1915. 62 с.
8. Перегон в столетие / Под ред. А.К. Кимстача. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1964. 216 с.
9. Свистунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1973. 148 с.
10. Суздальцева И.А. Особенности формирования и социально-экономической адаптации русского населения Дагестана в XVIII – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 3. Ч. 2. С. 174–176.
11. Суздальцева И.А. Принятие закона от 6 июня 1904 г., его значение для организации переселенческого движения на Кавказ // История государства и права. 2010. № 23. С. 27–30.
12. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 3. Д. 17.

МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ БАШКИРСКОЙ ШКОЛЫ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БАШКОРТОСТАНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются видение и программы просвещения башкирского народа и система школ в период революционных преобразований 1917 г. и в первые годы советской власти. Примечательно, что основатели автономии Башкортостана рассматривали сферу образования, как полиэтничную и поликультурную модель просвещения, которая сохраняла преемственность дореволюционного просветительского опыта и сложившиеся многовековые культурные взаимосвязи народов России. Тем самым подтверждали основы федерализма в образовании национальной государственности башкирского народа в составе нового государства советского типа. Также дается краткий обзор дореволюционных башкирских школ, деятельность которых позитивно оценивалась земскими органами. Многие из них были организованы как русско-национальные. В советское время создается модель автономных национальных школ.

Ключевые слова: Многонациональное образовательное пространство, башкирская школа, просвещение, фактор, развитие народа.

Демократические процессы трех российских революций начала XX в. пробудили самоосознание и способствовали формированию башкирской нации, как сообщества свободных и равноправных граждан нового российского революционного государства, что явилось социальной базой реализации всеобщей демократической нормы права народов на самоопределение. Этот принцип государственного строительства был заложен в одном из первых декретов советской власти «Декларации прав народов России» от 2 ноября 1917 г. Первоначальные попытки цивилизованного решения национального вопроса в Башкортостане в переломный революционный период вылились в вооруженную борьбу. Так, еще 2-й курултай (съезд) башкир принял решение об автономизации Башкортостана в рамках федеративной России за два с лишним месяца до провозглашения большевиками в январе 1918 г. советского государства, как федеративно устроенного (РСФСР). Это яркое свидетельство того, что лидеры автономизации стремились не создавать ситуацию сепаратизма. Напротив, в тогдашних условиях освобождения народов России от колониального гнета царизма они осознавали глубину сложившихся исторических, экономических, культурных взаимосвязей и не торопились в ходе приобретения национальной независимости порывать их. Но четкости в формах взаимосвязи между автономиями и центральными органами Советской власти еще и не могло быть, что объективно связано с формированием государства нового типа, еще неизвестного в исторической практике.

В ходе национально-государственного строительства также шел поиск способов гармонизации отношений в области просвещения многонационального населения края. Основы просвещения мусульманского населения обсуждались еще на общероссийских мусульманских съездах после Февральской революции, затем на курултаях башкир летом и осенью 1917 г. В постановлении 1 Всероссийского съезда башкир, проходившего в июле 1917 г. в Оренбурге, организации и развитию образования был посвящен раздел из 22 пунктов. Они охватывали, практически, все его стороны. Школа должна была делиться на светскую и духовную. При этом светская школа планировалась не только начальной, как предполагалось в прежних реформаторских программах, но средней и высшей. Начальная школа должна была быть бесплатной, с 8-летнего возраста. Создание общеобразовательных школ предлагалось с 1917/1918 учебного года на базе имеющихся русско-башкирских и русско-татарских школ, организованных земствами по системе

Ильминского во второй половине XIX в., и русских классов при медресе. Начальная 6-летняя школа позволяла подросткам при необходимости пойти работать или получить рабочую специальность. Поэтому предусматривалась организация специальных и ремесленных школ для подготовки работников для сельского хозяйства, овчинного производства, столярного дела и рукоделия. Они напоминают прообраз профессиональных технических училищ советских времен, готовящих квалифицированных рабочих для различных отраслей промышленности и хозяйственной жизни.

Общественная жизнь начала XX в. не мыслилась без духовных познаний и культурных взаимосвязей, поэтому в процессе обучения в светской школе обязательными оставались уроки вероучения и русского языка. К тому времени джадидистская система организации обучения продемонстрировала возможность подготовки молодежи так, что они оказались способны вживаться в процесс общественной и экономической модернизации без утраты национального и нравственного содержания. Именно деятели джадидизма с начала XX в. настаивали на светской национальной школе. Программы для национальных школ должны были составляться Всероссийским объединением учителей. Были рассмотрены финансовое обеспечение школ, внутришкольное управление, воспитательные вопросы, положение учителей и значение местного самоуправления. Управление светским образованием осуществлялось особыми выборными органами каждой нации.

Духовные школы подразделялись на три типа – по подготовке муэдзинов, мулл и духовных ученых. Духовное управление и коллегиальные органы от населения ведали религиозными мектебами и медресе и составляли их программы¹.

Лидеры автономизации Башкортостана придерживались национально-демократической стороны общественно-политического движения. Поэтому при благоприятном развитии событий они оставались бы сторонниками такой системы просвещения. Но большевистско настроенные мусульманские деятели Малой Башкирии, арестовав З. Валидова и его соратников в декабре 1917 г., начали реализацию декретов советской власти. Так, руководствуясь постановлением «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению», подписанного Лениным 15 декабря 1917 г. и декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г., они открыли в Оренбурге 7 новых начальных школ для башкирских и татарских детей и школы на родном языке в деревнях Орского и Оренбургского уездов².

В Уфимской губ. в силу преобладания среди большевиков имперских взглядов на национальный вопрос, школы на родном языке стали открываться в 1919–1920 гг. Были преобразованы в школы 1-й ступени (начальные) 91 медресе и 250 мектебов. Их имущество, инвентарь, здания изымались и передавались в ведение отделов народного образования. Так, здание «Усмании» было передано 4 башкирско-татарским школам³. Первоначально они создавались объединенно, как школы мусульманского населения. С организацией отделов народного образования школы преобразуются в башкирские и татарские.

В 1917 г. в крае уже действовали 191 русско-башкирских школ. Это не так много. И в системе государственных школ они составляли 9,8 %⁴. Но земские органы отмечали

¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. М., 1992. Т. 2. С. 66.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1966. Т. 2. С. 176.

³ Сайранов Х.С. Культурные преобразования в Башкирии в период социалистического строительства (1917–1958гг.)// Социально-экономические и культурные преобразования в Башкирской АССР. Уфа, 1979. С. 41.

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 296. Оп. 1. Д. 264. Л. 87.

довольно высокий уровень ряда национальных школ. Хорошей работой отличались в это время Бирская, Арслановская, Бураевская башкирские школы Бирского уезда. Земства также отмечают существование самостоятельных башкирских школ в таких деревнях Бирского уезда, как Айбуляк, Байкибаш, Каннлыково, Нижнее Кудашево и Подлубовый¹.

А в д. Кабан Оренбуржья, наряду с башкирской школой, работала школа для девочек, организованная Багустан ханум Мукминовой, в которой использовались элементы Института благородных девиц. Она сама содержала ее и девочки могли учиться бесплатно. По отзывам, в эту школу приезжали учиться издалека, даже из Казахстана.

Немало башкирских школ со второй половины XIX в. функционировало в Оренбургской губ. Среди них Имангуловскую школу, созданную в 1867 г., земские деятели называли одной из древнейших башкирских школ «всего востока России». В начале XX в. ее заведующим был выпускник Казанской гимназии Садык Мухамадеев. При школе был и недорогой интернат. Позитивную оценку современников находили и другие башкирские школы – Псянчинская, организованная с 1902 г., Тляумбетовская с 1874 г., Биккузинская с 1906 г., Юмагузинская с 1905 г., Мраковская с 1900 г., Абсалямская и Отрадинская с 1877 г.² Это лишь некоторые из башкирских школ, т. к. названные ранее цифры говорят сами за себя. Они продолжили благородную миссию просвещения и в советское время уже как автономно-национальные.

Советское государство с первых месяцев вело активный поиск новой революционной школы. Демократические процессы в области просвещения многонационального населения страны связывались с трудовой и национальной школой, бесплатной, с всеобщим и обязательным охватом детей школьного возраста, с совместным обучением мальчиков и девочек. Такая школа позволяла охватить обучением и воспитанием детей всех народов и при единой государственной идеологии не могла привести к национальной замкнутости. В результате появились «Положение о единой трудовой школе» от 30 сентября 1918 г., «Основные принципы единой трудовой школы» от 16 октября 1918 г. и постановление Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств», которое гласило, что все национальности РСФСР имеют право организации обучения на родном языке в общеобразовательной и высшей школе. Начальные и семилетние школы открывались за государственный счет в селениях, где проживало не менее 25 детей школьного возраста. Это помогало быстрее распространить образование среди башкир и других народов, разбросанных по маленьким селениям. В деревнях со смешанным населением могла открыться школа многочисленной нации.

Управление национальными школами было сосредоточено в отделе национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР. С образованием автономных республик и областей руководство делом народного образования переходило к республиканским Наркомпросам или областным отделам народного образования. Начало деятельности Народного комиссариата по вопросам просвещения в Башкортостане относится еще ко времени пребывания Башкирского правительства в селе Темясово. Но в горниле гражданской войны решать вопросы просвещения не представлялось возможным. Наркомпрос Малой Башкирии во главе с А. Ягафаровым был организован только 22 февраля 1919 г. Этот период был общеорганизационным, подготовительным. Работники изучали материалы центра по вопросам создания единой трудовой школы. После переезда Башкирского правительства в августе 1919 г. в Стерлитамак формируются отдельные наркоматы, которые начали собирать данные о количестве русских, башкирских, татарских и других школ в Малой Башкирии. Поэтому фактически организованным Наркомпрос Малой

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 109. Оп. 1. Д. 175. Л. 13, 15.

² Там же. Ф. 22. Оп. 5. Д. 225. Л. 48.

Башкирии следует считать с этого времени. Неорганизованность и беспорядок в деле народного образования в это время были вызваны многими обстоятельствами. Сказывалась затяжная 1 мировая война, в ходе которой школы не ремонтировались и стали разрушаться. С 1914 г. было прервано снабжение учебниками и пособиями. В армию призывались мужчины-педагоги¹. Сказывалось то, что территория Башкортостана являлась ареной гражданской войны на протяжении всего времени, сильно пострадала от голода. К управлению школой, нередко, приходили люди, совершенно некомпетентные в данной сфере. Почти весь дореволюционный квалифицированный состав учителей из башкир и других народов, являясь активистами революции, занимали руководящие должности. Помимо отсутствия опыта, неграмотности и революционного радикализма отрицательно влияли частые изменения границ территории Башкортостана. Только с перенесением столицы республики из Стерлитамака в Уфу в 1922 г. начинается планомерная работа Башнаркомпроса.

Если до революции национальная школа существовала как русско-национальная, в советское время она создается как автономно-национальная. В первые годы советской власти были созданы школы для всех проживающих в республике народов. С созданием Совнацмен (Совета национальных меньшинств) при Башнаркомпросе с начала 1920-х гг. стали организовываться немецкие, латышские, эстонские, чувашские, марийские, удмуртские, мордовские, польские и еврейские школы. Позднее – в конце 1920-х – начале 1930-х гг. – на родном языке обучали украинские, казахские и даже цыганские школы.

Формирование и развитие национальной школы – это еще одна сторона проявления степени духовно-нравственной зрелости народа. Их история начала советского государства и автономизации Башкортостана свидетельствует о стремлении валидовцев рассматривать национальное просвещение, как элемент юридического равенства человека перед государством и как проявление этнического многообразия и уникальности культур, которые нельзя затушевывать.

Но большевики, в первое время учитывавшиеся национальные интересы народов России, в последующем стали руководствоваться, главным образом, политическими установками, пренебрегая общепринятые правовые нормы и общечеловеческие ценности.

Источники и литература

1. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. М., 1992. Т. 2. 350 с.
2. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1966. Т. 2. 643 с.
3. Сайранов Х.С. Культурные преобразования в Башкирии в период социалистического строительства (1917–1958 гг.) // Социально-экономические и культурные преобразования в Башкирской АССР. Уфа: БФАН СССР, 1979. С. 34–54.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 296. Оп. 1. Д. 264.
5. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 22. Оп. 5. Д. 225; Ф. 109. Оп. 1. Д. 175.

¹ НА РБ. Ф. 22. Оп. 5. Д. 225. Л. 48.

XX ҒАСЫР БАСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ЗИЯЛЫ АЗАМАТЫ – АСПЕНДИЯР КЕНЖИНҰЛЫ КЕНЖИН

Аннотация. В начале XX в. казахский народ сильно пострадал от колониальной политики царского правительства России. Поэтому представители национальной интеллигенции осознали, что защитить интересы народа можно только через политическую борьбу. Видные деятели казахской интеллигенции ознакомились с передовыми подходами русской культуры, обучались в лучших высших учебных заведениях России. Одним из таких ученых интеллигентов был Кенжин Аспендияр Кенжинович. Он сыграл большую роль в духовном развитии родного народа.

Ключевые слова: колониальная политика, национальная интеллигенция, политическая борьба, I Государственная Дума, организация «Ак Жол», Временное правительство «Уильский уалият».

XX ғасырдың басында ұлтымыз Ресей патша үкіметінің отарлық саясатынан үлкен зардап шеккені белгілі. Сондықтан, ұлт зиялылары патша үкіметінің отарлық саясатына қарсы күрестің жаңа түрі – саяси күрес екеніне көз жеткізді. Көптеген оқыған қазақ интеллигенциясы Ресей жеріндегі саяси күрестің іс-тәжіребесін жинақтап, орыс мәдениетінің озық тәсілдерін үйреніп, жоғарғы оқу орындарында білім алып, қалың ұйқыдағы қазақ жұртын оятуға бел шеше кірісті. Осындай оқыған қазақ зиялыларының бірі – Аспендияр Кенжинұлы Кенжин болатын¹.

Аспендияр Кенжинұлы Кенжин Орал облысындағы Гурьев уезінің қазақ-шаруа отбасында 1887 жылдың 22-інші желтоқсанда дүниеге келген.

Оны әкесі казак-орыстарының малын бағуға өзіне көмекші етті.

Алдымен Аспендияр Кенжин арабша (қазақша) хат танып, орыс тілін үйренуге қызығушылығы артады. Осы тілегі, мүмкін, әкесі көмектесу қажеттілігінде пайда болған да шығар, себебі мал иелері-казактар өз малдарын көру үшін келгенде, әкесі орыс тілін білмегендіктен, қатты қиналатынын ол көріп өсті.

Ол әкесінен оқуға рұқсатын беру туралы үнемі өтініш білдірді, бірақ өз еркімен жібермесе, бәрібір қашып кететіндігін айтып жүріп, Гурьев қаласынан 100 шақты қашықтықта орналасқан, Гурьев уезінің Испуль болысындағы орыс-қазақ мектебіне оқуға баруға әкесінен рұқсатын алды.

Өте арық жылқысынан басқа көлік құралы болмағандықтан, әкесі екеуі сол жылқыға мініп, әрең дегенде аталған мектепке жетеді. Мектеп меңгерушісі Үтеген Тұрымов Аспендиярдың әкесінің өтініші арқылы мектепке қабылдайды, бірақ оған ескерту жасалады «Мектепте тек жақсы оқуға тиіс екені» жөнінде. Себебі кедейлердің балаларына патша заманында оқуға түсу қиын еді, бұл 1897 жылы болатын.

Аспендияр Кенжин әкесінің үмітін толық ақтады, ол 3 жылдан кейін Испуль болысындағы орыс-қазақ мектебін өте жақсы аяқтаған соң, қабылдау емтихандарын жақсы тапсырып, Гурьев қаласындағы екі класстық орыс-қазақ училищесіне оқуға қабылданады. Осы оқу орнында оқып жүріп, мектеп жанындағы шеберханаларында слесарлық қолөнерін үйренді. Ал жазда малға күтім жасап, шөп шауып және т. б. істерде әкесіне көмек көрсетіп, қол-қабыс тигізді².

1902 жылы Гурьевтық екі класстық орыс-қазақ училищесін сәтті аяқтады. Содан кейін оқуын жалғастырамын деген ұсынысы әкесінің жағынан үлкен қарсылыққа ұшырады. Әкесі оның кез келген крестьяндық (земстволық) начальнике немесе уездік

¹ Сулейменова Д. Жаһанша Досмұхамедов һәм Қазақ автономиясы. Алматы, 2018.

² ҚР ҚҚД Алматы. Архив № 02514, іс № 010513.

начальниктің басқаруындағы канцелярлық қызметке түсуін қалады. Бірақ Аспендияр Кенжин ата-анасынан оқуын жалғастыруын сұрады, бұл өтініші орындалмады.

А. Кенжин ата-анасына «Егер жібермесеніз, үйден кетіп қаламын» деген өз талабын нақты қояды. Осыдан соң ата-анасы оны орта мектепте оқуын жалғастыру үшін Орынборға жіберуге келіседі.

Әкесі оны оқуға жіберу үшін бір қазақтан жолға 10 руб. ақшаны қарызға алып, өзінің қымбат шапанын баласына жолға береді. Егер жол шығындарына ақша жетпей қалса, осы шапанды сатуға болатынын айтады. Әкесі оны өз шаруаларымен Гурьевке бара жатқан бір қазақтың қасына ілестіреді, ол кісі Аспендиярды Гурьевке жеткізіп, Орынборға параходқа отырғызуы қажет болатын. Бірақ бірге аттанған қазақ Гурьевке шейін жеткізіп салмады. Аспендияр бірде жаяу, бірде басқа жолаушылармен жол жүріп, Гурьевке жеткенше үлкен қиындықтар көреді. Содан параходқа отырып, Каспий арқылы Астраханьға, кейін Волга арқылы Самараға жетіп, темір жолмен Орынборға жетеді. Жолшыбай әкесінің шапанын сатып, ақшалайды.

Ол түндерді керуен сарайда түнеп, күндіз қабылдау сынақтарына дайындалып жүріп, өте үлкен конкурстық емтиханнан өтіп, Орынбордағы мұғалімдік мектепке оқуға қабылданады¹.

Мектепте әрдайым ынталылықпен ерекшелініп, жаратылыстану және әлеуметтік ғылымдарға қызығушылық танытты. Мектептегі жүйелі білім соның ішінде жаратылыстану ғылымы оның көзін ашып, соның нәтижесінде ежелден қазақ халқының бойындағы әртүрлі ескішілдіктерден арылып, дін жолындағы қателіктерді түсініп, атеиске айналды. Орынбор мектебіндегі білім оның ой-өрісінің дамуына ерекше әсер етті.

Орынбор қаласында оқып жүрген кезде басқа мектептердің оқушы-студенттерімен байланыстар орнатып, үймелерге қатысы, елдегі саяси жағдайлардан мағлұматтар ала бастады. А. Кенжин қаладағы жастар үйірмесіне қатысты, бұл үйірмелер революциялық сипаттағы жасырын ұйымдарға айналды.

1905 жылдың қыркүйек-қазан айларында Орынбор қаласы мен басқа губерниялардың білім алып жүрген жастар арасында байланыс орнап, революция туралы мәліметтер таратылды.

Жастар ұйымы революциялық жұмысшылар қозғалысымен байланыстар орнатты. Осы іс-шаралардың ішінде Аспендияр Кенжин белсене қатысып жүрді. Осылайша, жастар үйірмесі Ресейдің Социал-Демократиялық жұмысшы партиясының қызметтерімен араласып кетті. А. Кенжиннің революциялық ұйымдардың қозғалысына қатысқандығы, оған кері әсерін тигізіп, мектеп әкімшілігі оны оқудан шығаруға әрекет етеді. Бірақ елдегі саяси жағдайдың қатты шиелісінен олардың ой жүзеге аспай, тек ескертумен шектеледі. Осы жөнінде А. Кенжин өзіне ара түсіп, оқуда алып қалған мұғалімдеріне ризашылығын білдіреді. Сол ұстаздарының бірі жаратылыстану пәнін жүргізген А.И. Богомоллов болды.

Сонымен қатар, А.И. Богомоллов әлеуметтанушы. А. Кенжин оның пәтеріне жиі-жиі барып тұрды, ұстазы оған өзінің кітапханасынан ғылыми-жаратылыстану және саяси мазмұнды кітаптарды оқуға беріп отырды. Сол кітаптардан және ұстазының онымен сөйлескен әңгімелерінен кейін, ол сол кездегі (самодержавиелік-полицейлік) режимінің мәнін түсіне бастады және өзінің өмірін революциялық әрекеттерге арнайтыны туралы ойланды.

Өкінішке орай 2 жылдан кейін бұл ұстазды Самарадағы гимназияға ауыстырады. Бірақ А. Кенжин мен ұстазы арасындағы байланыс жалғасын табады. Кейіннен Аспендиярдың ұстағы Самарада тұтқындалып, революциялық әкереттері үшін Астрахань губ. айдауға жіберіледі.

¹ ҚР ҚҚД Алматы. Архив № 02514, іс № 010513. Автобиография.

1906 жылдың мамыр айында А. Кенжин Орынбордағы орыс-қазақ мұғалімдік мектебіндегі оқуын бітіреді¹.

Осы жылыдың жаз айын ол далада өткізеді, ол үгіт-насихат жұмыстарымен айналысып, революциялық мазмұндағы брошюраларды таратады.

Осы жылдың мамыр айының аяғында А. Кенжин І–Мемлекеттік Думаның төрағасының атына үлкен ашық хат жолдайды. Бұл хатта ол қазақ-әйелдерінің қиын жағдайын баяндайды (көп әйелдік, теңсіз неке, жасы келген қария адамдарға жас қыздарды беруді, яғни сату, сатып алу және т. б.). Онымен қоса, қорытындысында көп әйелдікті, қалың мал төлеуді жою, тұрмыс құру үшін қыздардың нақты жасын белгілеу, ал ерлерге келетін болсақ, теңсіз некелерді болдырмау мақсатында, олар үшін жасты шектеу, сол жастан асқандарға қыз-келіншектермен некеге тұруға тыйым салуды талап еткен.

Екінші ашық хатында ол аграрлық мәселе бойынша, қазақтар пайдаланатын жерлерін қалайша патша үкіметі талан-таражға салып отырғандығы туралы мәселенің мазмұнын түсіндіруді талап етеді. Оның бұл хаттары Ойылдағы полицияның қолына түседі.

І Мемлекеттік Думаның таратылуы, солшыл Дума мүшелерінің Выборг үндеуіне қатысуы елдегі саяси жағдайды шиеленістіре түсті. Осы кезде қазақ даласындағы саяси жағдай да қиындай түседі. Аспендиярдың бұл хаты Темір уезінің полициясының қолына түседі. Елдегі саяси жағдайдың қиындығын А. Кенжин өз көзімен көріп, мемлекеттік ұйымдарды хабардар етуге тырысады, бірақ оның әрекеті сәтсіз аяқталады.

1906 жылдың тамыз айының соңында Қалмақ-Қырған 2-жылдық орыс-қазақ училищисінде Орал облысының ұстаздарының съезі болатыны жайлы хабар алады. Бұл Темір қаласынан 35 шақырым қашықтықта еді.

Күн тәртібінде тұрған басты мәселелерге қызығушылық танытып А. Кенжин де осы съезге қатысуға келеді.

Съезд өткізуге Орынбор оқу округінің округтік инспекторы (бұрынғы Торғай облыстық үкіметінің кеңесшісі) Васильев, атақты Ильминск миссионерінің мұрагері және Қазандық рухани академиясының профессоры әйгілі Орал-Алтай жерінен Катанов келіп қатысады².

Күн тәртібінің басты мәселесі қазақ-қырғыз жазуының орнына, әріптерге орыс транскрипциясын еңгізу болатын. Әрине бұл миссионерлік мақсаттың қызметі еді. Осы съезде Васильев пен Катановтың қазақ-қырғыз әріптерін орыстандыру идеясына қарсы шыққан тек қана А. Кенжин болды. Басқа қатысушылардың /қатысқан мұғалімдердің/ арасынан қолдау таппаған А. Кенжин қазақ-қырғыз әріптерін орысшаға ауыстыру туралы мәселеде ерекше пікірде қалып, осы жөнінде солшылдар газетіне мақала береді. Осы қылығы үшін Орал облысының Лбищенск уезінің алыстағы дала мектептерінің біріне жұмысқа жіберіледі. Бірақта осы кезге дейін Қалмақ-Қырғандағы орталық мектепке мұғалім болып тағайындалады. Орынбор оқу округіне бастауыш мектептің мұғалімдерін дайындаумен айналысу керек болды.

Осы мектепке келгенде ол полицияның құпия бақылауына алынады. Лбищенск қаласындағы мектебінің жанында Колостов пен бірге екі социал-демократтарды тауып алады. Сонда жіберілген біреуі, украинадан мал дәрігері-Голяховский, ал екіншісі, мұғалім-Капустин, қазіргі Черповецк губ. өзінің саяси көзқарасына байланысты жер ауып келген. Ол Социал-демократиялық партиясының мүшесі болатын, жазаны өтеу үшін сарбаздар қатарына еңгізілді.

Олар барлығы 5 адамды құрады. Олардың ұйымына бір орыс-қазақ ақушер әйел, Питердің шаруалар ұйымында жұмыс істеген және сонда оқыған, осы ұйымға қосылды.

¹ Сүлейменова Д. Жаһанша Досмұхамедов һәм Қазақ автономиясы. Алматы, 2018.

² ҚР ҚКД Алматы. Архив № 02514, іс № 010513. Папка с перепиской.

Аталған адамдардан басқа, осы ұйымға өте ақылды етікші мен оның ұлы (Китаев), ұста шебері тартылады, бұлардың лақап аты «философ-етікші» деп аталған.

А. Кенжин мен олар жасырын жұмыс жасаған. Олардың араларындағы қызмет былай таратылды: А. Кенжин қазақ халқы арасында жұмыс жүргізді, Колостов – бұратана халық арасында, мұғалім-Капустин – сарбаздар арасында, мал дәрігері-Голяховский – ауыл халықтарының арасында, акушер-әйел орыс-казактардың арасында, сонымен қоса ауылдық интеллегенциясы араларында үгіт-насихат жұмыстарын жүргізді.

А. Кенжин мен Колостов өздерінің мақалаларын «Уральский листок» газетінде жариялап отырды. Газетте олар жоғары басшылардың (уездегі крестияндық начальниктерді, халық училищелердің инспекторларын) іс-әрекеттері мен теріс пайдалануларды әшкереледі. Жазба жұмыстарына орыс транскрипциясын еңгізуге қарсылық білдірді. Басшылардың жүргізген миссионерлік мақсатына білдірген қарсылықтары ізсіз қалмады¹.

Орыс-қырғыз училищелеріне еңгізілген «Ереже» 1906 ж. 31 наурыздағы Қырғыз жазба үлгісіне орыс транскрипциясын еңгізу – бұл миссионерлік бағыт деп танылды, 1907 ж. бұл «Ереже» жойылып, жаңа «Ереже» мен ауыстырылды. Бұл «Ереже» алғашқыға қарағанда анағұрлым қырғыз әріпіне сәйкесті болды.

1906 жылдың қарашасында А. Кенжин мен ұйым мүшесі Колостов Орал облысына және Бөкей губ. Ішкі ордасына, Торғай облысына үндеу жариялады. Бұл үндеуде Жымпитыда өтетін съезге кәсіптік-саяси бағытта бірігуді ұсынды, оған оңтүстік-шығыс одақты «Бүкілресейлік мұғалімдер одағының» филиалы ретінде қатысуға шықырды.

Бірақ өкінішке орай, кейбіреулер келетіні туралы хатпен жауап қайтарғанмен, мүмкін «Басшылардан» қорыққаннан шығар, мұғалімдердің бірде-біреуі осы съезге қатыспады деп өз мінездемесінде Аспендияр Кенжин жазады.

Осылайша, олардың құрған жоспары орандалмады, съезд өтпеді. Дегенмен Кенжин мен Колостов қысқы борандарға қарамай, өздерінің қаражаттарының аздығына қарамастан, атты жалдап, Жымпитыға келді. Сонда 8 күн болып, ешбір нәтиже шығаралмай кері өз мектептеріне қайтып кетеді. Оның үстіне, олардың үндеуінің бір данасы белгісіз жағдайда халық училищесінің инспекциясының қолына түседі.

Біз бұдан мол тәжірибе жинақтадық, мұғалімдер қауымының ұйымшылдық жұмысқа әзір еместігін көрдік және халық арасында үздіксіз үгіт-насихат жұмысын жүргізу қажеттігін түсіндік.

Сонымен қатар, олар өз білімдерін жетілдіре отырып, жалпыбілім беретін және педагогикалық пәндермен қатар саяси экономия және т.б. қоғамдық пәндерді оқып білімдерін толықтырады, бұған бірнеше жылдар кетті. Кейіннен осы астыртын ұйым туралы мәлімет басшыларғы жеттеді. Бұл революциялық ұяны талқандап: мал дәрігерін басқа қалаға ауыстырып, кейіннен солтүстікке жер аударды, мұғалім жер ауып басқа жаққа кетті, Колостов Орал уезіне ауыстырылды, ал А. Кенжинді Илекский уезіне жер аударды. Ал шерберлер жергілікті халықпен және жер аударылғандармен байланыс ұстап отырды.

Осылайша олардың кішігірім «ұйымы» басшылықтың қысымымен таратылады.

Бұдан кейін А. Кенжин мен Колостов жергілікті халықпен байланыс ұстау үшін кооперация ұйымын құрады. Колостов несие кооперациясында жұмыс істеді, а А. Кенжин Илек қаласындағы тұтыну кооперациясында жұмыс істейді. Сонымен қатар А. Кенжин өзінің мұғалімдік қызметін тастамай, өзінің мамандығын жетілдіру бағытында қызмет жасайды.

1906 ж. Орынбор мектебін аяқтағаннан кейін А. Кенжин педогогикалық қызметті тастаған жоқ. 1911 ж. өз білімін көтеру мақсатында оқып, 1912 ж. қыркүйек айында

¹ Уральский листок. 1906 г. февр.

емтихан тапсырып уездік училищеде математика пәнінің мұғалімі деген атақ алды. 1913 ж. емтихан тапсырып география және жаратылыстану пәндерінен үй мұғалімі деген атақ алып, Жоғарғы бастауыш училищесінің мұғалімі деген курсқа оқуға түседі.

А. Кенжин 1917 жылғы ақпан революциясына дейін математика, физика, география, жаратылыстану пәндерінен Илек қаласындағы 2-жылдық педагогикалық курстарға сабақ береді.

Өзінің қызметі мен ішкі сенімінің арқасында оқуды бітіріп жатқан жас мұғалімдерге революциялық бағыттағы тәлім-тәрбие бере алды. 1915 жылдан бастап Илек қаласындағы қайтадан ашылған жоғарғы бастауыш училищесінде мұғалім міндетін атқарды.

Самодержавиенің құлауы туралы жаңалықтар енген кезден бастап, сол сәтте Илек қаласындағы барлық билік үкіметтері, патша чиновниктері қуылды, және бұрынғы билікті алмастырған Атқару Комитеті құрылды. Кенжин сол Комитеттің жауапты хатшысы болып тағайындалды. Оның басшылығымен Илек қаласында аудандық Революциялық Комитет құрылады. А. Кенжин аудандарға іс-сапармен жіберіледі. Іс-сапардың мақсаты халыққа саяси жағдайларды түсіндіру, жаңа құрылған Атқару Комитетінің жұмысымен таныстыру және аудандық Революциялық Комитеттер құру, оның төрағасын сайлау, т. б. жұмыстарды атқару тапсырылады.

1917 жылдың наурыздың аяғында А. Кенжин майдандағы бұратана жұмысшыларға келеді. Ол батыс майданға 1916 жылғы 25 маусымдағы патша үкіметінің жарлығымен «реквизицияланған» қырғыз (қазақ) және басқа бұратана жұмысшылар арасына келіп, үгіт-насихат жұмыстарын жүргізіп, олардың жағдайларынмен танысып, елдегі болып жатқан революциялық ахуалдарды түсіндірді.

Жұмысшылардың арасында еңбек етіп жүрген кезінде, олардан жергілікті билік, болыстық басшылар, крестияндық начальниктер қара жұмысқа жалдаған кезде, байдың балаларынан пара алғандары, соның арқасында «байдың балаларын» кедейлердің ұлдарымен алмастырғандары туралы және басқа да теріс бағыттағы істері туралы мәліметтер алады.

Осы аталған жайсыз істері жайында Кенжин жұмысшылардың атынан бұл істі тексеріп, барлық кінәлі адамдарды жазалау туралы Оралдағы Азаматтық облыстық комитетке наразы хат жібереді. Бірақ Комитет мүшелерінің көпшілігі бұны құптамайды және оның наразылығы «шөлдегі жанжалды дауыс» ретінде ескерілмей қалады.

А. Кенжин 1917 жылдың тамызында Темір қаласындағы Жоғарғы бастауыш училищесінің меңгерушісі болып тағайындалады. Осы кезде оны Орал қаласының облыстық комитетіне басшылық қызметке шақырады, бірақ ол өз мамандығы бойынша қызмет істеуді орынды санады.

Тамыз айының соңында Темір қаласына көшіп, аталған училищесінде 1917 жылдың желтоқсан айының 2-іші жартысына дейін меңгеруші болып қызмет атқарды.

Желтоқсан айында А. Кенжинді Темір уезінің жер басқармасының халықтық білім беру басқармасының төрағалық қызметіне сайлайды.

1918 жылдың қаңтарында сол кездегі Орал губ. Қаратөбе ауылында болыстық делегаттардың облыстық қазақ съезі өтті. Соның ішінде Темір уезінен келген делегаттарының бірі А. Кенжин болды¹.

Осы аталған съезде Орал облысының қырғыздардың (қазақтардың) қоғамдық өмірін ұйымдастыру туралы мәселе қаралды. Соның алғашқысы қырғыз (қазақ) әскери бөлімдерін құру, ұйымдардан салық жинау мәселесі және т. б.

¹ Сүлейменова Д. Алаш қозғалысы және Жаһанша Досмұхамедов. Орал, 2010.

Съездің барысында қаралған мәселеге байланысты жиналған халықтың пікірі екіге бөлінді. Бір бөлігі әскер құрамасын ұстау үшін халықтан 100 руб. көлемінде салық жинау мәселесін көтерді, ал екінші топ – «салық байға, байша – кедейге, кедейше салық салынсын» деген пікірде болды.

Бұл мәселе съезде қатты шиеленісті, соның нәтижесінде бір топ съез жұмысын тастап кетіп қалды. Олар Орал қаласына келіп, «Ақ Жол» деп аталатын ұйымды құрды. Бұл ұйымның басшысы А. Кенжин болды¹.

Олар Орал қаласына келіп большевиктердің Революциялық Комитетімен бірігеді. Орал жұмысшы, солдат және шаруа депутаттарының Кеңесі А. Кенжинді Темір уезінде Революциялық Комитет жұмысын жандандыруға жібереді. Осылайша Темір уезінде Революциялық Комитет құрылады. Темір уезінен Мәскеу қаласында өтетін Бүкілресейлік съезге өкілдер сайланады. 1918 ж. ақпандағы съезде Брест бейбіт бітім шартына қол қойылады. Олар Ленинге Орал жұмысшы, солдат және шаруа депутаттарының Кеңесі атынан құттықтау телеграмма жібереді.

А. Кенжиннің Темір уезіндегі жұмыстары сәттілік табады. 1918 ж. Орал қаласында казак әскери үкіметі құрылады.

1918 ж. 18 мамырда Орал қазақтардың төртінші съезінде «Ойыл Уәлаяты» атты Уақытша үкімет құрылады.

1918 ж. қыркүйек айында «Ойыл Уәлаяты» атты Уақытша үкіметі таратылып, «Алашорданың Батыс бөлімі» атты үкімет құрылды. Бұл үкімет Темір уезінде құрылған Кеңес өкіметі мен соғысып, Темир, Ойыл аудандарындағы Кеңес өкіметін құлатты.

Темірдегі жұмыстың маңызы болмағандықтан, қалыптасқан жағдайлардың арқасында, А. Кенжин Темірді қалдырып, «Ақ Жол» ұйымының мүшелерімен хабарласуды жөн көреді. Олардың ұйымдарының жиналысын немесе конференциясын ұйымдастыру мүмкін болмады. Оларға кішігірім жиналыспен шектелуге тура келген болатын. Осы жиналыста оларға бөлінген қызмет Торғай облысына барып, халық арасында үгіт-насихат жұмыстарын жүргізіп, Алашорданың Батыс бөлімін газеттерде жариялаған мақалаларын сынап, Батыс Алашорда үкіметінің қызметтерін халық алдында қаралап, халықты Кеңес билігі жағына шығару әрекеттерін жүзеге асыру болатын.

«Ақ Жол» ұйымының тапсырыстары біртіндеп орындалып, нәтижесінде Алашорданың Торғай бөлімі Кеңестік биліктің жағына 1919 ж. шығып кетеді.

1919 жылдың тамызында А. Кенжин Орал облысына келіп, «Ақ Жол» ұйымының мүшелерімен кездесуді көздеді. 1919 ж. аяғында А. Кенжин Алашорданың Батыс бөлімін Кеңес өкіметін мойындауға көндіру мақсатында жұмыс жасайды.

1919 жылы желтоқсанның аяғында А. Кенжин Ревкомның бұйрығымен Қырғыз-Қазақ жерін басқару және Туркфронттың І-ші әскерінің мүшесі ретінде майданның Қызыл-Қоға деген жеріне келеді. Кейін уездік Ревком құрылып, оның төрағасы ретінде А. Кенжинді тағайындады. 1920 ж. 3 наурызда Алашорданың Батыс бөлімі Ж. Досмұхамедовтің басшылығымен өз еріктерімен Кеңес өкіметін мойындайды. Үкімет басшылары Қырғыз (Қазақ) Әскери Комитетінің шешімімен Орынбор қаласына жіберіледі.

1920 жылдың сәуірінде қажеті болмағандықтан Орал Ревкомның жұмысы тоқтатылып, А. Кенжин Кирревкомның қарауына Орынборға аттанады.

Алдымен, 1920 жылы мамырдың басында А. Кенжин халыққа білім беру туралы өлкелік бөлімінің коллегия мүшесі және Мектептен тыс оқыту бөлімінің меңгерушісі болып тағайындалады. Кейіннен А. Кенжин Халыққа білім беру туралы өлкелік бөлімінің

¹ ҚРПА. Іс № 811. III том. 80–81 парақ.

меңгерушісінің орынбасары болып тағайындалады. Үш аптадан кейін Қырғыз-Қазақ өлкесінің НКВД коллегиясының мүшесі болып тағайындалады¹.

1920 жылы маусымның ортасынан қазан айының 2-ші жартысына дейін барлық баспа басылымдар ұйымының Біріңғай Редакциялық Коллегиясының мүшесі болады. Осыдан басқа, маусымның соңынан бастап Кеңестердің І-ші Өлкелік құрылтай съезін шақыру, және болашақ АКССР-дің шекарасын белгілеу Өлкеліккомиссия мүшесі болады.

Өлкеліккомиссариаттарды құрғаннан кейін, 1920 жылдың қазанында А. Кенжин Наркомпростың мектептен тыс оқыту секторын басқарумен айналысатын Наркомпрос КССР коллегиясының мүшесі және Қырғыз (Қазақ) Орталық Атқару Комитетінің Өлкелік әкімшілік комиссиясының мүшесі болып тағайындалады.

1920 жылдың маусымынан Кирревкомның Біріңғай коммунистік ұйымның Президиумының төрағасы, 1921 жылдың шілдесіне дейін Наркопрос-тың және Главполитпросвет-тың коммунистік ұйымның Президиумының төрағасы болады.

1921 жылдың қаңтарында Мектептен тыс секторы мен Қырғыз (Қазақ) Әскери Комитетінің саяси басшылығының бірігуі нәтижесінде Наркомпрос Коллегиясының мүшесі қызметін қалдырып, Қырғыз (Қазақ) партиялық бюросының Орталық Комитетінің бұйрығымен Қырғыз (Қазақ) бас саяси ағарту Кеңесінің төрағасы болып тағайындалады.

1921 жылдың маусымынан бастап Кеңестердің 2-ші Өлкелік съезіне дейін Наркомпростың орынбасарлық қызметін атқарды.

1921 жылдың қазанынан 1922 жылдың қазан айына дейін Қырғыз (Қазақ) республиканың ағартушылық саласы бойынша нарком және балалардың өмірін жақсарту бойынша Орталық комиссиясының төрағасы болады.

1921 жылдың ақпанынан бастап 2-ші Қырғыз (Қазақ) партия конференциясына дейін Орталық Комитетінің Президиум мүшесі.

1923 жылдың сәуір айына дейін Қырғыз (Қазақ) облыстық Комитетінің РКП (б) мүшесі болады.

1922 жылдың желтоқсанынан бастап 1924 жылдың наурызына дейін Үгіт-насихат бөлімінің Қырғыз (Қазақ) облыстық Комитетінің РКП (б) меңгерушісінің орынбасары, 1924 жылдың наурызынан бастап маусымына дейін АКССР Наркомның орынбасары болып жұмыс істеді.

1924 жылдың 1 маусымынан бастап Қырғыз (Қазақ) Наркомының ішкі сауда бөлімінің басшысына тағайындалады.

А. Кенжиннің РКП (б) мүшесі ретіндегі партия билетінің № 513 497.

Бұл Іс қазіргі Президент архивінің қорынан алынды. Сонымен қатар Аспендияр Кенжиннің ең кіші қызы Юлия Аспендияровнаның 1965 жылы ақпан айында КПСС ОК Бас секретары М.С. Горбачевқа жазған хатынан алынды.

Сол кезде Юлия Шевченко қаласы, I микр., 9 үй, 3 пәтерде тұрды.

Кенжин Аспендияр Кенжинұлының Ісі (делосы) № 010 513 Алматы қаласынан алынды. А. Кенжин тұтқындалған кезде алынған заттары: ескі блокнот, папка с перепиской (1 дана), характеристика, выписка из постановления общего собрания, заявление, удостоверение, брошюра «Алашорда», конверт с акциями (14 шт.), 2 шт. справка, 10 шт. фото, паспорт № 058 170, членский билет № 115, удостоверение № 0/13

Тұтқындалған уақыты 30 желтоқсан 1936 ж.

Атылған уақыты 1938 ж. 26 ақпан².

Тағылған айып ст. 58–2 и 58–13 УК РСФСР на основании п. 4, ст. 5 УПК РСФСР

Обвинения по ст. 58–8 и 58–11 УК РСФСР

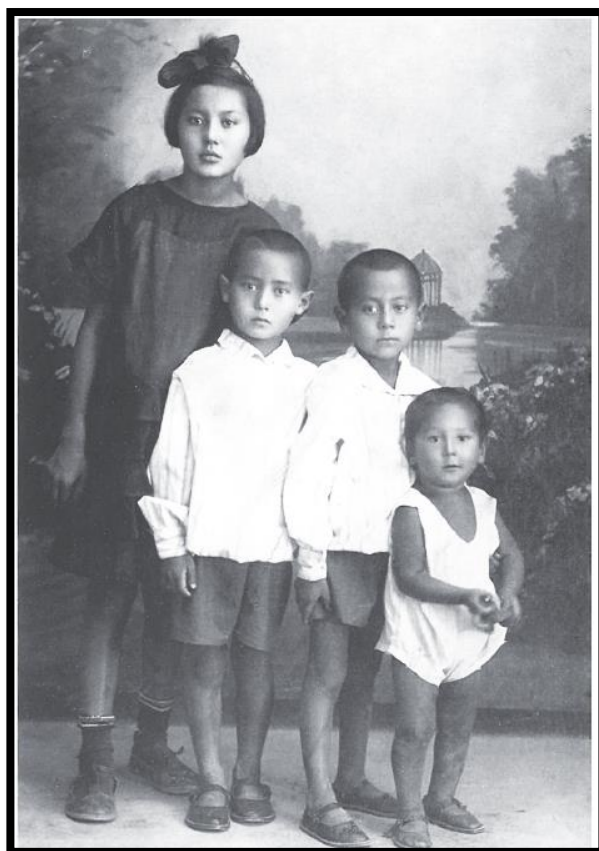
Толық ақталған уақыты 30 қаңтар 1990 жылы.

¹ ҚР ҚКД Алматы. Архив № 02514, іс № 010513. Выписка из постановления общего собрания.

² ҚРПА. Іс № 811, III том, 89–103 парақ.

А. Кенжінің отбасы. Солдан оңға қарай, отырғандар: Аспендияр кенжин, ұлы Баязит, қызы София; түргеліп тұрған: әйелі Жаннета Рамазановна

А. Кенжиннің балалары. Солдан оңға қарай: София, Махмұд, Баязит, Шамиль (Қызылорда қаласы, 1928 ж.)

Әдебиеттер

1. ҚР ҚҚД Алматы. Архив № 02514, іс № 010513.
2. Сүлейменова Д. Жаһанша Досмұхамедов һәм Қазақ автономиясы. Алматы: Арыс, 2018. 189 б.
3. Уральский листок. 1906 г. Февр.
4. Сүлейменова Д. Алаш қозғалысы және Жаһанша Досмұхамедов. Орал, 2010. 150 б.
5. ҚРПА. Іс № 811, III том, 80–81, 89–103 парақ.

ОСВОЕНИЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В XVI–XVIII вв. И ОСНОВАНИЕ ЧЕЛЯБИНСКА

Аннотация. В статье раскрываются причины и особенности российской колонизации Южного Зауралья в XVI–XVIII вв. Анализируются причины кровопролитного башкирского восстания 1735–1740 гг. Выявляются причины строительства главного города-крепости на востоке страны – Оренбурга. Объясняется острая необходимость возведения хорошо укрепленных крепостей, в т. ч. Челябинской, на пути следования к Оренбургу. Анализируется деятельность известного дипломата XVIII в., основателя Челябинской крепости А.И. Тевкелева.

Ключевые слова: колонизация, башкиры, киргиз-кайсаки, Оренбург, Оренбургская экспедиция, башкирское восстание, А.И. Тевкелев.

Освоение Южного Зауралья в XVI–XVIII вв. представляет собой еще недостаточно изученную и противоречивую страницу нашей многоликой истории. В 1557 г. Западная Башкирия добровольно вошла в состав Российского государства. После этого начинается народная колонизация на эти земли. Огромные почти пустующие территории на востоке страны породили особую форму социального протеста против усиления крепостного гнета – бегство крепостных и неимущих крестьян на малозаселенные окраины. Здесь кочевали народы, не имеющие в то время прочных государственных образований и возможностей оказать эффективное сопротивление продвижению сюда русских. Этот процесс вполне можно оценивать как одну из форм российской народной колонизации. Первоначально это приносило переселенцам значительное облегчение, так как устраняло феодальный государственный гнет. Но длилось это лишь до тех пор, пока до освоенных переселенцами земель не дотягивалось государство. Получалось, что российские переселенцы, выступавшие против государственной власти, объективно способствовали распространению этой власти на новые территории, увеличению ее потенциала и масштабов, приводя к ее укреплению¹.

В конце XVI–XVII в. наблюдается усиленный приток на башкирские земли русских, чувашских, татарских, удмуртских, мордовских, марийских и других крепостных крестьян, которые бежали сюда, спасаясь от феодального гнета. Сюда бежали спасавшиеся от преследования раскольники, а позднее, когда в дело освоения края вмешалось государство, здесь селились государственные (черносошные) крестьяне, которым правительство отводило в надел свободные земли – «дикие поля». С постройкой военных крепостей на Южном Урале формируется военно-служилое сословие – воеводы, чиновники, стрельцы, которые получали в надел башкирские земли и селили здесь крестьян². Крестьяне селились здесь на положении свободных, неся ряд повинностей в пользу государства (например, «государева десятинная пашня»). В крае был создан своеобразный центр земледелия, т. к. без помещиков сельское хозяйство развивалось быстрее³.

Российская колонизация Южного Урала не нарушала традиционных направлений миграции местных народов. Быт и духовная культура, диалекты и антропологические типы основных этнических групп башкирского и других народов продолжали свое объединение. Российская колонизация не представляла собой какой-либо опасности для

¹ Алеврас Н.Н., Конюченко А.И. История Урала. XI–XVIII века: Учеб. пособие для учащихся старших классов муниципальных общеобразовательных учреждений, лицеев, гимназий. Челябинск, 2000. С. 84.

² Очерки истории Челябинской области. Челябинск, 1991. С. 20–24.

³ Там же. С. 23.

коренных жителей. С исторической карты мира не исчез ни один, даже маленький, народ, живший в этих местах до появления здесь русских¹. Более того, присоединение башкирского народа к России, не устраняя его угнетенного, неравноправного положения, все же являлось прогрессивным процессом с точки зрения развития самих башкир. Башкиры приобщались к более высокой материальной и духовной культуре, перенимали от русских более производительные способы ведения хозяйства и, безусловно, приобрели себе в лице российских переселенцев верных друзей и защитников от всевозможных нападений кочевых народов². Вхождение Башкирии в состав русского государства положило начало формированию в Евразии огромной по территории и многонациональной Российской империи³. Тем не менее, сложный процесс российской колонизации края не всегда проходил гладко. Российское правительство обложило башкир ясаком и другими повинностями. Башкирским племенам выдавались жалованные грамоты на вечное владение землями. Знатные башкиры получали угодья и освобождались от уплаты ясака. Стремясь укрепить свою власть в присоединенном крае, царское правительство начинает строить по р. Белой укрепленные пункты. В 1574 г., по просьбе башкир, заложена Уфимская крепость⁴.

Первые русские поселения в Южном Зауралье начинают строиться в середине XVII в. – по р. Исети и ее притокам – Миассу и Тече. В 1644 г. при впадении Течи в Исеть основан Долматов монастырь, превращенный позднее в сильную крепость. В 1650 г. на р. Исети построен Исетский острог; в 1655 г. – Катайский; в 1660 г. – Мехонский; в 1662 г. – Шадринская слобода и др. Вокруг слобод и острогов возникали села и деревни⁵. Но российская колонизация в то время охватила лишь нижнее течение р. Миасс. Дальнейшее освоение края сдерживалось из-за постоянных набегов степных кочевников – калмыков и «кучумовых царевичей» – внуков и правнуков сибирского хана Кучума, которые стремились не допустить переселение русских в Южное Зауралье. От этих набегов страдали не только русские переселенцы, но также башкиры и татары. Например, осенью 1621 г. калмыцкий тайша Зенгул совершил поход в Башкирию, нанес поражение башкирам, потребовал уплаты ясака. В 1623 и 1629 гг. калмыки опять вторглись в Башкирию, опустошая все на своем пути, уводя в рабство женщин и детей. В 1632 г. внук Кучума царевич Аблай напал на татарскую деревню в низовьях Исети, разграбил ее, женщин и детей захватил в плен. В следующем 1633 г. калмыки разграбили всю Катайскую волость⁶.

Российскому правительству приходилось часто посылать служилых людей для отражения нападений калмыков и «кучумовичей», для защиты башкирских и татарских селений. Например, в 1636 г. был произведен поход из Уфы. В этом походе наряду с русскими служилыми людьми участвовало 350 башкир. В битве у истоков р. Уфы калмыкам и «кучумовичам» было нанесено поражение. Аблай и его брат Тевка были взяты в плен. Но и после этого, нападения калмыков и «кучумовичей» продолжались, разорялись селения, сотни людей угонялись в рабскую неволю. Положение осложнялось взаимными нападениями казахских (проживавших в юго-восточной зоне Южного Урала) и башкирских племен друг на друга с целью грабежа имущества, угона скота и людей. Как сообщает историк, и очевидец событий П.И. Рычков в 1717 г. один казахский

¹ Алеврас Н.Н., Конюченко А.И. История Урала. XI–XVIII века: Учеб. пособие для учащихся старших классов муниципальных общеобразовательных учреждений, лицеев, гимназий. Челябинск, 2000. С. 84.

² Сидоренко С.А. Южный Урал в составе России в период феодализма (XVII – первая половина XIX в.): Учебное пособие к спецкурсу. Челябинск, 1981. С. 6.

³ Алеврас Н.Н., Конюченко А.И. Указ. соч. С. 51.

⁴ Очерки истории Челябинской области. С. 20–21.

⁵ Сидоренко С.А. Указ. соч. С. 7–8.

⁶ Там же. С. 8.

владелец совершил особенно сильный набег на башкирские земли. Он, фактически, прошел всю Башкирию, захватив в рабство огромное количество людей¹.

Феодальная неразбериха, царившая в то время в Южном Зауралье, подвергала огромной опасности жизнь и имущество селившихся здесь людей. Данная обстановка отрицательно сказывалась на хозяйственной деятельности населения, затрудняя процесс освоения природных богатств, мешая хозяйственному и культурному развитию как русского, так и башкирского и других народов. Конечно, русские поселенцы возводили более укрепленные остроги и слободы, где в случае нападения кочевников укрывались все жители прилегающих деревень, в том числе башкиры. Такая совместная защита башкирского, русского и других народов от разбойных набегов кочевых племен способствовала укреплению их дружбы, взаимопомощи и взаимовыручки².

Как мы уже отметили, в юго-восточной зоне Южного Урала наиболее многочисленными племенами были казахи (прежнее название киргизы или киргизкайсаки). У казахов в XVI–XVIII вв. исторически сформировалось три группы племен, живших обособленно друг от друга: Старший Жуз (Семиречье и Южный Казахстан), Средний Жуз (Центральный, Восточный и Северный Казахстан) и Младший Жуз (Западный Казахстан)³.

В первой половине XVIII в. обстановка в Южном Зауралье существенно изменилась. Калмыки ушли в Поволжье. «Кучумовы царевичи», лишившись помощи калмыков, прекратили свои набеги на башкирские и русские поселения⁴. В этот период в пределы Казахстана вторглись джунгары (зюнгарские калмыки) – монголо-язычный народ, государство которых – Джунгарское ханство занимало к тому времени значительную территорию между Алтаем, Тянь-Шанем и пустыней Гоби. Казахский народ героически боролся против завоевателей. Однако Старший Жуз был захвачен джунгарами. Средний Жуз был потеснен к Ори и Яику. Хан Младшего Жуза Абулхаир решил обратиться за помощью к сильному соседу. Он отправил послов в Петербург с письмом, в котором заявил о желании казахского народа быть под покровительством России, и просил для защиты от джунгар, построить на земле Казахстана город-крепость. Российское государство, укрепляющее свои юго-восточные границы, было заинтересовано в присоединении Казахстана. Жалованной грамотой императрицы Анны Иоанновны от 19 февраля 1731 г. было официально оформлено принятие Младшего Жуза в подданство России⁵.

В 1734 г. на Южный Урал была направлена Оренбургская экспедиция, в задачу которой входило освоение присоединенных земель. Руководителем экспедиции был назначен ученый – географ и картограф, обер-секретарь Сената, статский советник Иван Кириллович Кирилов. Его помощником назначен полковник Алексей Иванович Тевкелев. Работами по строительству крепостей руководил выдающийся государственный деятель, историк, географ, экономист, промышленник, начальник уральских горных заводов – действительный тайный советник Василий Никитович Татищев.

10 ноября 1734 г. экспедиция прибыла в Уфу. Далее маршрут экспедиции лежал на юг к устью р. Орь, где было запланировано основать главный город-крепость, названный Оренбургом. Оренбургская крепость была заложена 15 августа 1735 г. при впадении

¹ Сидоренко С.А. Южный Урал в составе России в период феодализма (XVII – первая половина XIX в.): Учебное пособие к спецкурсу. Челябинск, 1981. С. 8–9.

² Там же. С. 9.

³ Алеврас Н.Н., Конюченко А.И. История Урала. XI–XVIII века: Учеб. пособие для учащихся старших классов муниципальных общеобразовательных учреждений, лицеев, гимназий. Челябинск, 2000. С. 20.

⁴ Сидоренко С.А. Указ. соч. С. 9.

⁵ Там же. С. 9–10.

р. Орь в р. Яик (Урал). Но место для строительства было выбрано неудачно, так как в период половодья оно полностью заливалось водой. Поэтому в 1739 г. В.Н. Татищев перенес его к урочищу Красная горка, а первоначальный Оренбург был переименован в Орскую крепость. Позднее, в 1743 г., по распоряжению оренбургского губернатора И.И. Неплюева, Оренбург был заново построен уже на современном месте¹. Оренбург – город на юго-восточной окраине государства, на границе с казахскими (киргиз-кайсацкими) землями решено было построить, чтобы «открыть дверь» в Азию. С построением крупного города-центра предполагалось подчинить политическому влиянию России кочевые народы пограничных степей Казахстана. Кроме того, предполагалось завязать необходимые прочные торговые связи с лежащими за пределами казахских степей богатыми среднеазиатскими землями, а через эти земли – с Индией².

Ситуация в Южном Зауралье продолжала оставаться напряженной, из-за продолжавшегося восстания башкир, которое длилось с небольшими перерывами с 1735 по 1740 гг. Необходимо было снабжать строящийся Оренбург продовольствием, доставлять которое решено было из слобод Исетского края. В Теченской слободе (ныне с. Русская Теча) заложили главный заготовительный пункт. Отсюда хлеб должны были доставлять обозами к Верхне-Яицкой пристани, которую построили весной 1735 г. в верхнем течении р. Яик. Отсюда был организован сплав продовольствия на юг, по Яику к месту строительства Оренбурга³.

Первый обоз к месту строительства – более 1 000 двуконных крестьянских подвод с 16 тыс. пудов ржаной муки был отправлен из Теченской слободы 17 июля 1735 г. Обоз сопровождала воинская команда (конвой), численностью в 100 чел. Около оз. Уклы-Карагай (в 270 верстах от Теченской слободы) обоз подвергся нападению нескольких сотен башкир. Окружив обоз, они стали подвергать его бесперывным атакам⁴.

Ближайшей воинской частью, которая могла оказать помощь атакованному обозу, был Сибирский драгунский полк, несший охранную службу южнее слободы Царево Городище (ныне г. Курган) за 400 верст от осажденного обоза. Сюда послал гонцов начальник обоза прапорщик Гладышев с просьбой о немедленной помощи. Получив это известие 7 августа, командир полка Арсеньев, выступив с командой в 469 чел. и пятью пушками, 15 августа подошел к осажденному обозу. В этот же день сюда с места строительства Оренбурга прибыл отряд в 700 чел., посланный Кириловым на розыски обоза. Объединенными усилиями обоз был освобожден, под усиленной охраной продолжил свой путь и 28 августа добрался до Оренбурга. 7 сентября, уже порожняком, обоз двинулся в обратный путь. Его сопровождал полковник Тевкелев, в задачу которого входила организация и отправка из Теченской слободы второго провиантского обоза. С ним следовала команда драгун и казаков численностью в 1 тыс. чел. В связи с тем, что в тот год уже в сентябре выпал глубокий снег и установились сильные морозы, множество лошадей в обозе пало от бескормицы. Лишь 8 октября измученные люди добрались до Теченской слободы⁵.

Хлеба, доставленного первым обозом, гарнизону строящегося Оренбурга могло хватить лишь до половины зимы. Гарнизон Верхне-Яицкой пристани также остро нуждался в продовольствии. Поэтому, решено было отправить второй обоз, но провиант довести только до пристани. 2 декабря 1735 г. второй обоз отправился в путь. Он состоял из 642 двуконных крестьянских подвод. Обоз сопровождал конвой из 376 чел. с тремя пушками. 22 декабря обоз, так же, как и первый, подвергся нападению башкир. Посланная

¹ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 382–383.

² Рифей: Урал. лит.-краевед. сб. Челябинск, 1985. С. 32.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 33–34.

⁵ Там же. С. 34.

из Теченской слободы ему на выручку команда полковника Арсеньева, не смогла ему помочь. 23 января 1736 г. обоз был вынужден вернуться в Теченскую слободу. В результате, весь гарнизон Верхне-Яицкой пристани (около 200 чел.) полностью погиб¹.

К этому времени в Оренбурге сложилась очень сложная ситуация. Кирилов, уезжая в сентябре 1735 г. из Оренбурга в Уфу, дал инструкцию коменданту, полковнику Чемодурову, что если в Оренбург не придет второй провиантский обоз, то часть людей отправить из Оренбурга на зимовку в Верхне-Яицкую пристань. Руководствуясь этим указанием, 24 ноября Чемодуров отправил в пристань команду, численностью в 800 чел., но через 3 дня, из-за сильных морозов, команда вернулась обратно. В числе вернувшихся было 150 обмороженных. Заменяв выбывших, Чемодуров 27 ноября вновь отправил эту команду, но уже в казачий г. Сакмарск, находящийся в 300 верстах от Оренбурга, вниз по р. Яик. Из 773 чел. добрались к назначенному месту 13 декабря только 220, остальные 553 чел. замерзли в пути². Здесь следует отметить, что Верхне-Яицкая пристань в январе 1736 г. была сожжена восставшими башкирами.

Поездки первого и второго провиантских обозов убедительно показали, что доставлять хлеб из Теченской слободы в Оренбург было очень сложным и рискованным делом. Большие расстояния по незаселенной местности и противодействие башкир, делали эту доставку практически невозможной. Это ставило под реальную угрозу начавшееся строительство Оренбурга. Для обеспечения бесперебойного снабжения Оренбурга продовольствие следовало построить промежуточные пункты (станции), в которых проходимые обозы могли снабжаться фуражом и продовольствием, находясь под надежной охраной воинских команд³. Поэтому, на пути следования к Оренбургу, было решено возвести целый ряд хорошо укрепленных крепостей, разместив их таким образом, чтобы от одной крепости до другой можно было добраться в течение светового дня. В 1736 г. строительство крепостей началось. 14 (25) апреля по приказу В.Н. Татищева полковник И.С. Арсеньев заложил Чебаркульскую крепость (в восточной части оз. Чебаркуль, на месте башкирской стоянки Ябалоково). 21 июля (1 августа), опять же по приказу В.Н. Татищева, полковник Яков Павлуцкий на месте переправы через р. Миасс заложил Миасскую крепость⁴.

В связи с тем, что расстояние между крепостями Миасской и Чебаркульской было довольно большим, Татищев отдает приказание Тевкелеву – построить между крепостями Миасской и Чебаркульской еще 2 крепости. Татищев ставит перед Тевкелевым следующие условия: 1) чтобы крепость от крепости была не далее 50-ти верст, 2) чтобы крепости были в крепком месте, 3) чтобы поблизости были вода и покосы⁵. Тевкелев сам должен был выбрать места постройки крепостей. Выполняя это приказание, Тевкелев заложил 2-го сентября (по-новому стилю 13 сентября) 1736 г. крепость на урочище, носившем у башкир название Челяби, а у русских Челяба. Об этом Тевкелев в своем донесении Татищеву писал: «Вашему Превосходительству покорно доношу: сего сентября 2-го дня на реке Миясе, в урочище Челяби, от Миасской крепости в тридцати верстах заложил город...»⁶. Строительством Челябинской крепости руководили полковник И.С. Арсеньев и Яков Павлуцкий⁷.

Теперь нам хочется подробнее остановиться на характере и взглядах основателя Челябинской крепости и попытаться определить, что же это был за человек? Личность

¹ Рифей. С. 34–35.

² Там же. С. 35–36.

³ Там же. С. 36.

⁴ Очерки истории Челябинской области. С. 27.

⁵ Рифей, 1985. С. 40.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Очерки истории Челябинской области. С. 27–28.

основателя Челябинска Алексея Тевкелева является довольно противоречивой и неоднозначной. В октябре 2009 г. в Челябинском краеведческом музее состоялся «круглый стол» под названием «А.И. Тевкелев в контексте истории Южного Урала второй трети XVIII века». Данная тема вызвала серьезную дискуссию в научных исторических кругах. Примерно в то же время, центр гражданских инициатив «Вектор» выступил с предложением поставить в Челябинске памятник его основателю – генерал-майору и дипломату Алексею Тевкелеву. Был даже подготовлен проект памятника. Многие жители Челябинска идею памятника одобрили, посчитав, что его возведение даст возможность лучше узнать историю своего родного города. Однако инициатива возведения памятника вызвала бурный протест со стороны башкирского населения¹. Мы попытаемся разобраться в причинах такого неоднозначного отношения к основателю Челябинска.

Тевкелев Алексей Иванович (до крещения Кутлу-Мухамет Мемешев (1674–1766) происходил из знатного рода татарских мурз. Находился в окружении Петра I. Служил «переводчиком по секретным делам» Иностранной коллегии во время турецкого (1711) и персидского (1722–1723) походов Петра I. В совершенстве владел восточными и несколькими европейскими языками. В 1719–1722 гг. обучался калмыцкому языку, находясь в калмыцких улусах и в Астрахани. В этот период подробно информировал Коллегию иностранных дел о положении и настроениях калмыков².

В 1730 г., когда хан Младшего Казахского Жуза Абулхаир изъявил желание принять подданство России, по указанию императрицы Тевкелев был срочно командирован для переговоров с ханом. По прибытии в Орду Тевкелев обнаружил, что многие казахские старшины не согласны с мнением Абулхаира и не хотят присоединиться к России. Не имея долгое время никаких известий от Тевкелева, коллегия Иностранных дел, выделила уфимскому воеводе 1 тыс. руб. для его выкупа из казахского плена. Но, совершенно неожиданно сам Тевкелев вместе с сыновьями Абулхаира появился в Уфе. Обладая выдающимися дипломатическими способностями Тевкелев, находясь у казахов Младшего Жуза, сумел не только склонить их к принятию российского подданства, но и убедить в необходимости строительства города-крепости Оренбурга³. Как отмечал П.И. Рычков, Тевкелев «не опасаясь ничего, умел им так говорить, что они, многожды собираясь на убийство его и находящихся при нем людей, сами со страхом, а иногда со многим удивлением от него разъезжались и поставляли его за такого человека, который больше человеческого разум имеет»⁴. Таким образом, Тевкелев, приложив немало усилий, содействовал вхождению Младшего Казахского Жуза в подданство России, за что в 1734 г. получил звание полковника и был назначен помощником начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова⁵.

В 1737 г. И.К. Кирилов умер. Оренбургскую экспедицию возглавил В.Н. Татищев, но взаимоотношения Татищева и Тевкелева складывались непросто⁶. Дело в том, что деятельность Оренбургской экспедиции и строительство крепостей в Южном Зауралье, как мы уже отмечали, проходили в разгар башкирского восстания 1735–1740 гг.

Основная причина восстания заключалась в опасениях башкир потерять вследствие российской колонизации вотчинные права на земли, которые они получили по условиям присоединения к России. Башкиры также выступали за сохранение системы внутреннего самоуправления Башкирии, выражая недовольство ростом налогов, злоупотреблениями

¹ Сукинова О. Чужой среди своих // Вечерний Челябинск. 2009. 28 окт. С. 5.

² Челябинская область: энциклопедия / Гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск, 2006. Т. 6. С. 456.

³ Врата Рифея: Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи / Ред.-сост. Боже В.С., Карпов В.А., Моисеев А.П. и др. М., 1996. С. 98–99.

⁴ Челябинская область: энциклопедия. Т. 6. С. 456.

⁵ Там же.

⁶ Врата Рифея. С. 99.

чиновников при их сборе, стремились сохранить и защитить свои культурные, религиозные и бытовые традиции и обычаи¹. Если же рассматривать этот вопрос в более широком плане, то можно согласиться с точкой зрения, что главная причина восстания, заключалась в различном понимании башкирами и русским правительством политического смысла вхождения Башкирии в состав России. Для башкир это вхождение означало добровольный выбор их верховного покровителя, из-под власти которого при определенных обстоятельствах можно будет уйти, что было делом совершенно обычным для кочевых народов. Российское же деспотическое государство, заинтересованное в расширении своих территорий, рассматривало присоединение любых народов, в т. ч. башкирского, как подданство и требовало от этих народов беспрекословного подчинения самодержавной власти². А.И. Тевкелев, как исполнительный правительственный чиновник с особым рвением и старанием выполнял поставленную перед ним задачу – любой ценой подавить сопротивление башкир и заставить их покориться российскому правительству, применяя при этом поистине изуверские действия. Сложные взаимоотношения В.Н. Татищева с А.И. Тевкелевым во многом объясняются тем фактом, что Татищев, как умнейший государственный деятель, не одобрял жестоких действий Тевкелева по отношению к башкирскому народу.

Кутлу-Мухамет Мемешев (Тевкелев) в отличие от многих других руководителей, возглавлял карательные отряды против повстанцев. Он не разгонял башкирские деревни, а, как правило, полностью сжигал их. В качестве примера можно привести страшную трагедию д. Сеянтус Балакчинской волости Сибирской дороги. Д. Сеянтус была сожжена по его приказу в январе 1736 г. О трагедии д. Сеянтус вспоминает Петр Рычков: «близ тысячи человек с женами и детьми их во оной деревне перестреляно, и от драгун штыками, а от верных башкирцев и мещеряков копьями переколото. Сверх того сто пять человек забраны были в один амбар, и тут огнем сожжены»³. В 2002 г., на месте д. Сеянтус, была возведена стела, которая напоминает об этой страшной трагедии. Всего же в Балакчинской волости в феврале 1736 г. людьми Тевкелева было сожжено 50 башкирских деревень на территории Сибирской дороги, было убито около 2 тыс. чел., тысячи женщин и детей отданы в крепостные «бывшим в том походе воинским людям»⁴.

В марте–апреле 1736 г. отрядами Тевкелева было сожжено 503 деревни, убито не менее 3 042 чел., а за весь 1736 г., по оценке А.И. Румянцева – не менее 10 тыс. чел. По мнению известного философа из БГУ Азата Бердина, сами действия Тевкелева, известного своим жестоким самодурством, и послужили основанием для кровопролитного башкирского восстания 1735–1740 гг.⁵ Это мнение совпадает с мнением Татищева, который докладывал императрице, что данное восстание во многом было спровоцировано жестокими и необдуманными действиями А.И. Тевкелева⁶. Генерал-лейтенант Александр Иванович Румянцев, направленный на подавление башкирского восстания, а в 1735–1736 гг. – начальник Комиссии башкирских дел, также не одобрял карательные действия Тевкелева, и, даже, собирался отдать Тевкелева под суд. Для Татищева и Румянцева стало полной неожиданностью, что разразится такое бурное сопротивление со стороны башкир. В результате, они вынуждены были направить войска для его подавления⁷. По мнению руководителя Башкирского культурного центра «Агидель»

¹ Челябинск: энциклопедия / Сост.: В.С. Боже, В.А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 80.

² Алеврас Н.Н., Конюченко А.И. История Урала. XI–XVIII века: Учеб. пособие для учащихся старших классов муниципальных общеобразовательных учреждений, лицеев, гимназий. Челябинск, 2000. С. 48–50.

³ Челябинская область: энциклопедия. Т. 6. С. 456–457.

⁴ Там же. С. 457.

⁵ Сукинова О. Чужой среди своих // Вечерний Челябинск. 2009. 28 окт. С. 5.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Азамата Рыскильдина из Алматы «Оренбургская экспедиция именно усилиями Тевкелева превратилась в карательную»¹.

Конечно, и Кирилов, и Татищев, и Румянцев также часто использовали жестокие методы во время подавления башкирских выступлений. Но, все-таки, именно деятельность А.И. Тевкелева превзошла все допустимые границы и нормы в бессмысленной жестокости и беспощадности. А.И. Тевкелев, бесспорно, является наиболее ярким выразителем захватнической, экспансионистской политики Российской империи по отношению к башкирскому народу в ее наиболее жестком варианте. Наверно, не случайно, до сих пор в башкирском фольклоре сохранилась народная песня «Тафтиляу» («Тевкелев»), которая в художественной форме рисует невероятные жестокости этого человека.

Некоторые историки пытаются оправдать жестокую политику Тевкелева. Они утверждают, что в то противоречивое время остро стоял вопрос по централизации государственной власти. Российскому государству необходимо было укрепиться на своих юго-восточных границах. Поэтому нельзя приписывать Тевкелеву только жестокие поступки, и не замечать его значительного вклада в укрепление и расширение российского государства. Никто, по их мнению, не будет оспаривать тот факт, что именно Тевкелев является основателем Челябинска². Более того, архивные документы (ордера на поселение в Челябинской крепости, перепись населения 1739–1740 гг. и др.) свидетельствуют, что и после отъезда из Челябинской крепости, Тевкелев предпринимал эффективные меры к ее заселению³. Всего же Тевкелев основал около 20 крепостей. Безусловно, заслуги Тевкелева в освоении Южного Зауралья огромны. Но, на наш взгляд, никогда нельзя оправдать и объяснить безумную жестокость, какими бы благими намерениями она не оправдывалась. Поэтому можно согласиться с мнением философа Азата Бердина, который предложил челябинцам, разумную альтернативу. Памятник Тевкелеву все-таки поставить. Но на нем сделать следующую надпись: «Дипломату, основателю Челябинска и палачу башкирского народа»⁴. Кстати, в 1742 г., за активное участие в подавлении башкирского восстания А.И. Тевкелев получил чин бригадира⁵.

Оценив его заслуги в освоении новых земель, императрица Анна Иоанновна пожаловала ему имение – с. Старобалтачево с тысячью крестьянских душ. Тевкелев владел обширными землями и большим количеством крепостных в различных частях Российской империи. Например, в Казанской провинции ему принадлежало более 700 крепостных м. п.⁶ Знание языков и обычаев казахов и башкир, в сочетании с тонким и проницательным дипломатическим умом, делали Тевкелева незаменимым чиновником для Оренбургского края. Кстати, именно Тевкелев, вызванный в Петербург для участия в переговорах с прибывшим туда послом Персии, подал жалобу на своего недруга В.Н. Татищева, ранее называя его изменником. В 1739 г. Татищев на посту начальника Оренбургской комиссии сменил князь Урусов, а в 1742 г. Оренбургскую комиссию возглавил выдающийся государственный деятель, действительный тайный советник, первый оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев. К сожалению, И.И. Неплюев серьезно испортил отношения с Абулхаир-ханом. Тевкелеву опять пришлось проявить свои дипломатические способности, чтобы нормализовать отношения с казахами⁷.

¹ Сукинова О. Чужой среди своих // Вечерний Челябинск. 2009. 28 окт. С. 5.

² Там же.

³ Челябинская область: энциклопедия. Т. 6. С. 457.

⁴ Сукинова О. Указ. соч. // Там же.

⁵ Врата Рифея. С. 99.

⁶ Челябинская область: энциклопедия. Т. 6. С. 457.

⁷ Врата Рифея. С. 99.

В 1751 г. Тевкелев совместно с Рычковым направил в Сенат предложения по укреплению внутренней и внешней торговли в Оренбургском крае. В 1751–1759 гг. Тевкелев был помощником губернатора Оренбургской губ., начальником Комиссии иноверческих и пограничных дел¹. В 1755 г. ему был пожалован чин генерал-майора. В 1760 г. Тевкелев вышел в отставку. Но его знания и незаурядные дипломатические способности были необходимы правителям государства. Екатерина Вторая, прежде чем принять решение по восточным делам, почти всегда первоначально узнавала мнение Тевкелева. То же самое она советовала делать и своим подчиненным. Например, вице-канцлеру А.М. Голицыну она настоятельно рекомендовала проконсультироваться с Тевкелевым по поводу казахов Среднего Жуза, заявив, что Тевкелев «много полезного знает»².

В 1763 г. Д.В. Волков при назначении его на должность Оренбургского губернатора, пытался отказаться от этого назначения, мотивируя свой отказ тем, что Тевкелев больше подходит на эту должность. Когда же в июне 1763 г. Волков все же стал Оренбургским губернатором, то постоянно жаловался, что у казахов ходят слухи, «что скоро придет Тевкелев и будет губернатором»³. Данные слухи, не были лишены оснований. В декабре 1762 г. казахский хан Нурали писал вице-канцлеру А.М. Голицыну: «Приведение в русское подданство киргиз-кайсацкого народа генералом Тевкелевым, последний, зная обыкновение киргизов, находясь с ними в постоянных сношениях и переговорах, содержал их в покое, по отбытии же его из Оренбурга, находящиеся там командиры киргизских обыкновений не знают и таких порядков, кроме разорения, не оказывается... Поэтому прошу милости императрицы для спокойного жития киргиз-кайсацких рабов ее указать «Отпустить в Оренбург Тевкелева»⁴.

В 1763 г., уже слишком старый и немощный Тевкелев отказался от данного предложения. Императрица распорядилась оставить его в покое. Уйдя в отставку, Тевкелев попытался стать заводовладельцем, построив Варзиано-Алексеевский медеплавильный завод. Заводская дача находилась на территории, позднее отнесенной к Елабужскому уезду Вятской губ.⁵ Данный завод просуществовал до конца XVIII в. Когда Алексея Ивановича не стало, императрица Екатерина II не раз говорила: «Жаль, что нет Тевкелева», «как жаль, что нет у нас там такого человека, как Тевкелев»⁶.

Сын Тевкелева Юсуп (Осип), будучи секунд-майором в отставке, во время пугачевского восстания, по своей собственной инициативе возглавил башкирский отряд и направил его на борьбу с мятежными пугачевцами, но в пути башкиры убили своего командира и перешли на сторону восставших. Сын Осипа лейб-гвардии конного полка рейфрейт-капрал Шигин Гарей (по-русски Петр Осипович Тевкелев) унаследовал от отца и деда большие земли и крепостных крестьян: 897 крестьянских душ в Уфимском наместничестве, 1 130 душ – в Вятском, 83 души – в Рязанском⁷. С именем А.И. Тевкелева связано название крепости Тевкелев Брод в долине р. Самары⁸. В конце статьи еще раз хочется подчеркнуть, что любое бессмысленное насилие, какими бы благими намерениями и заслугами оно не прикрывалось, никогда, ни при каких обстоятельствах не может быть оправдано и забыто.

¹ Челябинская область: энциклопедия. Т. 6. С. 457.

² Врата Рифея. С. 99.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 99–100.

⁵ Челябинская область: энциклопедия. Т. 6. С. 457.

⁶ Врата Рифея. С. 100.

⁷ Там же.

⁸ Челябинская область: энциклопедия. Т. 6. С. 457.

В связи с этим можно привести отрывок из народной башкирской песни «Тафтиляу» в переводе Д.А. Даминова о злодеяниях полковника Тевкелева:

Над Агиделью берег крут, высок,
Где Тафтиляу полковник воевал.
Он край башкир огнем жестоким сжег
И тем озолотить погоны смог.

Под Тафтиляу игрневый скакун,
Под Тафтиляу жеребчик вороной.
Он, как дикарь без сердца и души,
Расправился с башкирской стороной...

Шумит, шумит под ветром темный лес,
Он помнит все, что минуло давно.
Проклятие я высек на скале –
Пусть память внукам бережит оно¹.

Ненависть к Тевкелеву со стороны башкирского народа перенеслась со временем на всех потомков его рода, несмотря на то, что среди них были муфтии, общественные деятели, адвокаты, полковники².

Источники и литература

1. Алеврас Н.Н., Конюченко А.И. История Урала. XI–XVIII века: Учеб. пособие для учащихся старших классов муниципальных общеобразовательных учреждений, лицеев, гимназий. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, Юж.-Урал. изд.-торг. дом, 2000. 280 с.
2. Башкирское народное творчество. Т. 8. Песни (дооктябрьский период) / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. С.А. Галин. Уфа: Китап, 1995. 400 с.
3. Врата Рифея: Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи / Ред.-сост. Боже В.С., Карпов В.А., Моисеев А.П. и др. М., 1996. 488 с.
4. Очерки истории Челябинской области. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. 192 с.
5. Рифей: Урал. лит.-краевед. сб. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. 240 с.: ил.
6. Сидоренко С.А. Южный Урал в составе России в период феодализма (XVII – первая половина XIX в.): Учеб. пособие к спецкурсу. Челябинск: Издательство Челябинского государственного педагогического института, 1981. 72 с.
7. Сукинова О. Чужой среди своих // Вечерний Челябинск, 2009. 28 окт.
8. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. 640 с.: ил.
9. Челябинск: энциклопедия / Сост.: В.С. Боже, В.А. Черноземцев. Изд. испр. и доп. Челябинск: Каменный пояс, 2001. 1 112 с.: ил.
10. Челябинская область: энциклопедия / Гл. ред. К.Н. Бочкарев. Челябинск: Каменный пояс, 2006. Т. 6. 920 с.: ил.

¹ Башкирское народное творчество. Уфа, 1995. Т. 8. С. 46–48.

² Сукинова О. Чужой среди своих // Вечерний Челябинск. 2009. 28 окт. С. 5.

**ПРОЦЕСС ИНКОРПОРАЦИИ КАВКАЗА
В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА МАТЕРИАЛАХ
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЖУРНАЛОВ
«СОВРЕМЕННОК» И «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»**

Аннотация. В статье анализируются публикации о Кавказском регионе в столичных журналах «Современник» и «Отечественные записки». Автором отмечается, что среди широкого круга опубликованных в периодических изданиях материалов, выделяется комплекс статей об интеграции горцев Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи. Раскрывая эту проблему, редакторы журналов напечатали корреспонденции с Кавказа российского офицерства и путешественников, выдержки из официальных указов и собственные рассуждения о методах включения региона в состав России в XIX в.

Ключевые слова: «Современник», «Отечественные записки», журнал, периодическая печать, Кавказская война, политико-правовое устройство.

Журналы «Современник» (1836–1866) и «Отечественные записки» (1818–1884) занимали представительное место среди периодических изданий России XIX в., что было обусловлено практически идеальным сочетанием политической и научно-литературной частей. Противоречие между потребностями интеллигенции и отсутствием в провинции необходимых книг «было разрешено созданием формы толстого журнала, позволяющей совместить в одной книге своего рода научную энциклопедию, литературно-художественный сборник и политическую газету», – писал поэт и литературовед Д.Е. Максимов¹.

«Современник» и «Отечественные записки» выпускались ежемесячно и были рассчитаны на образованную и культурную часть страны. В этих журналах четко и глубоко отражалась жизнь общества: бесправие народа, полновластие абсолютизма, необходимость освобождения от феодального деспотизма, судьба многочисленных народов России. Особую значимость для нас имеет то, что на страницах прогрессивных периодических изданий были опубликованы научные статьи, исторические материалы, библиографические и критические заметки, художественные произведения, непосредственно связанные с Кавказским регионом. Редакционные коллегии ведущих российских журналов много внимания уделяли злободневной общественной проблеме – формам и методам включения народов Кавказа в политическое и правовое пространство Российской империи, что требует серьезного исторического и историографического анализа. В условиях современной идеологической и экономической поляризации общества, изучение подвижнической и просветительской деятельности демократической прессы особенно актуально, поскольку помогает осмыслить проблемы российского общества и, в свою очередь, его отношение к народам Кавказа в годы военного противостояния.

Цель статьи – показать, что в ряду периодических изданий, затрагивавших «кавказскую» тематику, столичные журналы «Современник» и «Отечественные записки» занимали ключевые позиции. Они не только отбирали и печатали материалы о Кавказе, но и давали емкие комментарии к публикуемым статьям, выражали свою позицию и давали оценку военным столкновениям в регионе. Хотя, следует признать, что это приходилось

¹ Максимов Д.Е. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 178, 232.

делать в завуалированной форме, исходя из политической конъюнктуры тогдашней России.

Осознавая скудость знаний о Кавказе и интерес широкой аудитории к горному краю, первые издатели журналов А.С. Пушкин и П.П. Свиньин старались восполнить эти недостатки.

«Современник» под руководством А.С. Пушкина заполнялся материалами историко-этнографического характера, литературными произведениями. Среди них путевые очерки самого поэта «Путешествие в Арзрум (во время похода 1829 г.)»¹, где был собран огромный лингвоэтнографический материал. «Путешествие в Арзрум» явилось объективным выражением отношения Пушкина к событиям на Кавказе и горским народам. Пушкин вникал в проблему отношений русского и кавказского народов, желая их сближения. Он считал, что путь такого сближения возможен через развитие экономических связей, распространение европейской бытовой культуры и деятельность христианских миссионеров². Самым действенным средством он считал последнее. Христианство, по его мнению, должно было смягчить суровые нравы горцев и уничтожить их кровавые обычаи.

А.С. Пушкин печатал произведения, написанные и представителями нерусских народностей, жителями края. Так, работа Султана Казы-Гирея «Долина Ажитугай»³, опубликованная в первом номере «Современника», рассказывала о дорожных впечатлениях молодого черкеса-офицера. Автор описывал свои чувства и раздумья о судьбах родного края и народа в годы Кавказской войны, о прошлом и будущем соотечественников.

«Отечественные записки», в отличие от большинства других журналов, также печатали материалы по истории нерусских народов России. П.П. Свиньин, путешественник, литератор и историк, начавший издавать «Отечественные записки» в 1818 г., видел основное назначение журнальных изданий в сборе и публикации материалов об удаленных уголках Российской империи. Первый пункт программы Свиньиного включал публикацию «журналов многих никому не известных русских путешественников по России, Бухарии, Кавказу, Киргизской степи и чужим краям», второй – «записок отличных воинов-литераторов», третий – «наблюдений издателем Москвы, Киева, Новгорода и других классических отечественных городов и мест»⁴ и др.

Время издания «Отечественных записок» П.П. Свиньиным (1818–1838 гг.) стало важным этапом в трансляции кавказоведческих статей. Можно выделить несколько тематических групп:

1. *Очерки и статьи о Кавказской войне (1763–1864)*, например, труды генерал-майоров И.Г. Бурцева⁵, И.И. Германа⁶ и И.Т. Радожицкого⁷, поэта, декабриста Ф.Н. Глинки⁸, ценные сведения о горских народах и казаках Черноморской линии

¹ Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум (во время похода 1829 г.) // Современник. 1836. Т. 1. С. 17–84.

² Там же. С. 26–27.

³ Султан Казы-Гирей. Долина Ажитугай // Современник. 1836. Т. 1. С. 155–169.

⁴ Свиньин П.П. Объявление о продолжении издания «Отечественных записок» на следующий 1822 год // Отечественные записки. 1821. № 7. С. 397.

⁵ Бурцев И.Г. Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 г. // Отечественные записки. 1820. Ч. 2. С. 18–26.

⁶ Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число // Отечественные записки. 1825. Ч. 24. С. 352–382.

⁷ Радожицкий И.Т. Историческое известие о походе Российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командою Графа В.А. Зубова // Отечественные записки. 1827. Ч. 31. С. 127–168, 266–314.

⁸ Глинка Ф.Н. Подвиги русских за Кубанью // Отечественные записки. 1821. Ч. 5. С. 25–39, 141–150.

генерал-майора О.Л. Дебу¹. Эти материалы, с одной стороны, раскрывали расстановку сил в регионе, освещали подвиги русских солдат, с другой, сообщали о системе управления и образе жизни коренных народов. Так, напечатанные в периодическом издании в 1821–1824 гг. выдержки из рукописи командира Левого фланга Кавказской линии О.Л. Дебу содержали, в т. ч. и наблюдения автора о распределении полномочий между двумя институтами власти в Кабарде: князем и «советом» (под советами автор имеет в виду форму народного собрания Хасэ – *авт.*). По нашему мнению, подобная информация об особенностях политического устройства покоряемых народов была необходима имперской администрации для выработки наиболее действенного метода управления горцами Кавказа.

2. *Вторая группа источников – это этнографические материалы путешественников, ученых, представителей имперской администрации на Кавказе.* При этом, на страницы издания попадали как статьи малоизвестных русских путешественников², так и впечатления самого П.П. Свинына³, посетившего Кавказские Минеральные Воды в июле 1825 г., и наблюдения должностных лиц⁴.

Таким образом, редакции «Современника» и «Отечественных записок» в 1820–1830-е гг. открыли первую волну освещения «толстыми» журналами истории, этнографии и менталитета горцев Кавказа.

Чем интенсивнее продвигалась русская армия вглубь Северного Кавказа и чем активнее велись военные действия, тем оперативнее реагировали периодические издания на текущие события. Другой фактор, что в 1840–1860-е гг. в «Современнике» и «Отечественных записках» усилилось влияние революционно-демократического блока журналистов, также приводил к дискуссиям о методах присоединения Кавказа к Российской империи.

Вскоре после пленения осенью 1859 г. имама Шамиля, предводителя кавказских горцев, русский литературный критик, ведущий сотрудник «Современника» Н.А. Добролюбов, поборник гражданских прав и свобод, большое внимание уделявший кавказским событиям⁵, опубликовал статью «О значении наших последних подвигов на Кавказе»⁶. В своей публикации Добролюбов назвал главные, по его мнению, причины ожесточенного сопротивления горцев: «Из фактов, которые мы припомним из истории Кавказа, очевидно, что не случайное появление личностей, подобных Шамилю, и даже не строгое учение мюридизма было причиною восстаний горцев против русских. Коренною причиною была ненависть к русскому господству»⁷. Таким образом, подробно очертив

¹ Дебу О.Л. Разные исторические замечания о Кавказских народах // Отечественные записки. 1821. Ч. 8. С. 86–104; 1822. Ч. 9. С. 245–264, 354–381; Он же. Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии // Отечественные записки. 1822. Ч. 10. С. 50–59; Замечания генерал-майора Дебу о состоянии Черномории и Черноморских козаков // Отечественные записки. 1823. Ч. 15. С. 195–223, 315–342; Дебу О.Л. О начальном установлении и распространении Кавказской линии, с означением поселенных козачьих полков, оную охраняющих и их происхождении // Отечественные записки. 1823. Ч. 16. С. 234–248; 1824. Ч. 18. С. 268–293; 1824. Ч. 19. С. 48–74.

² Ейхфельд И. Кавказская дорога // Отечественные записки. 1821. Ч. 6. С. 270–294.

³ Свинын П.П. О праздновании Байрама в черкесском ауле // Отечественные записки. 1825. Ч. 23. С. 241–250; Он же. Список посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 г. // Отечественные записки. 1825. Ч. 23. С. 250–281.

⁴ Горчаков П.Д. Руководство для проезжающих Кавказские горы // Отечественные записки. 1822. Ч. 12. С. 212–222.

⁵ Иванов С.В. Государственная национальная политика на Кавказе, в Закавказье и Средней Азии в XIX в.: дореволюционный подход к историографии // Вестник Екатеринбургского института. 2013. № 4 (24). С. 95.

⁶ Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Современник. 1859. Т. 78. С. 19–42.

⁷ Там же. С. 39–40.

основные этапы войны, русский критик жестко вскрыл коренные причины борьбы кавказских народов: грубость, некомпетентность и невежество русской администрации, совершенно не учитывающей особенности миропонимания, верований, традиций и обычаев кавказских народов.

В то время как либеральная и официозная пресса России восхваляла колонизаторскую политику на Кавказе, заявляя, что военные действия в этом районе были вызваны беспокойным соседством горцев, Добролюбов писал: «...русское управление выказало себя именно с такой стороны, что не могло не возбудить неудовольствия во вновь покоренном народе. Введение нового порядка суда и расправы не могло обойтись без злоупотреблений, и в горском населении, естественно, возникли неудовольствия и ропот»¹.

На основании анализа «подвигов» генерала Засса и ему подобных Николай Александрович сделал вывод о том, что «наше управление не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями». В то время как апологеты колониальных опытов царского правительства призывали к быстрейшей «цивилизации» края путем захвата плодороднейших земель и насаждения там помещичьих владений, Добролюбов указывал, что единственно возможное средство для приобретения доверия и расположения горских народов «состоит в существенном, значительном, ясном для них самих улучшении их быта»². Обобщая материал, он делал логичный вывод: «Отсюда ясно, что нужно для того, чтобы удержать и прочно связать с Россией новое завоевание: нужно, чтобы всем горским племенам было гораздо лучше при русском управлении, нежели было при Шамиле»³. Добролюбов не был сторонником дикой жизни горцев, он выступал за приобщение отсталых народов к цивилизации, к образованности, но методами демократическими, соответствующими их национальным особенностям.

Большой комплекс материалов в «Отечественных записках» был посвящен законодательному оформлению инкорпорации горцев в состав Российской империи. Обозреватели отдела «Современная хроника России» в 1840–1860-е гг. опубликовали правительственные указы и дополнения к ним по вопросам деятельности центральных и региональных учреждений, законы гражданские и уголовные.

Положение об учреждении в Закавказском крае Особого комитета под председательством генерал-адъютанта графа А.И. Чернышева (военный министр – *авт.*) в составе генерала от инфантерии графа Е.Ф. Канкрин (министр финансов – *авт.*), генерал-адъютанта графа П.Д. Киселева (министр государственных имуществ – *авт.*), действительного тайного советника Д.Н. Блудова (председатель департамента законов Государственного совета и главноуправляющий 2-м Отделением собственной его императорского величества канцелярии – *авт.*), генерал-адъютанта графа А.Г. Строганова (министр внутренних дел – *авт.*) и статс-секретарей графа В.Н. Панина (министр юстиции – *авт.*) и М.П. Позена (управляющий делами комитета по устройству Закавказского края – *авт.*) было опубликовано в 12-м томе «Отечественных записок». Особые комитеты, состоящие из высших чиновников страны, создавались редко и предполагали принципиальное решение сложных государственных задач. В данном случае, перед правительством стояла задача найти приемлемую форму управления для закавказских провинций, которые никак не вписывались в сложившуюся систему государственного управления. С целью координации действий центральных и кавказских правительственных учреждений Комитету поручался высший надзор за успешным введением в крае нового гражданского устройства. На содержание канцелярии комитета из Государственного казначейства с 1 мая 1840 г. выделялось 3 500 руб. серебром.

¹ Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений: В 9 т. М., 1964. Т. 5. С. 438.

² Там же. С. 450.

³ Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе... С. 39.

Сообщалось, что для унификации управления Закавказский край образовывал одну губернию под наименованием Грузино-Имеретинской, и одну область – Каспийскую, с особым военно-окружным управлением. Для эффективного управления краем учреждались новые органы власти: Главноуправляющий Закавказским краем, Тифлисский военный губернатор и Совет главного управления. Первый заведовал всеми гражданскими и пограничными делами и являлся председателем Совета главного управления и командиром Отдельного Кавказского корпуса. Права и обязанности Тифлисского военного губернатора определялись общими положениями о военных губернаторах, а Совет главного управления занимался вопросами, требующими особенного рассмотрения, разрешением сомнений в исполнении законов¹. Именным указом императора от 1840 г. Главноуправляющий Грузии освобождался от управления гражданской частью в Кавказской обл. и Черномории, которая подчинялась теперь начальнику Кавказской обл.²

В 1848 г. в журнале были напечатаны дополнения к третьему тому Свода Уставов о службе гражданской (1842 г.), согласно которым вносились некоторые изменения в положение чиновников на Кавказе. Так, на чиновников из числа горских народностей с 1847 г. распространялись указы на лечение в военных госпиталях и обучение детей за государственный счет. Предусматривалось сокращение срока службы на один год для местных чиновников, причисленных к первому и второму разрядам³.

Одним из важных вопросов для российского правительства являлось выстраивание и упорядочивание административных институтов в регионе в годы Кавказской войны. Необходимость учета своеобразия и потребностей местного населения приводила к постоянным реорганизациям институтов власти. Обширная законодательная база этих преобразований нашла отражение на страницах «Отечественных записок». Указы о создании наместничества на Кавказе (1844 г.), прав и обязанностей наместника (М.С. Воронцов), приведения им законов в действие в Кавказской обл. и Закавказском крае и др. были размещены в 45-м томе «Отечественных записок» за 1846 г.⁴ В 1850 г. были опубликованы изменения и дополнения к положениям об управлении Ставропольской губ., в частности, указ об упразднении Губернского Совета и передаче его функций управляющему гражданской частью в Ставропольской губ.⁵

В 1865 г. на страницах журнала встречались материалы об окончательном покорении Кавказа и установлении российской администрации в крае⁶.

Таким образом, редакционные коллегии ведущих российских журналов много внимания уделяли вхождению народов Кавказа в политическое и правовое пространство Российской империи. Перед имперским центром вставала необходимость всестороннего изучения горского социума в условиях их инкорпорирования. Основной поток информации о правовой организации населения региона направлялся российской общественности через журнальные издания. Благодаря отбору и публикации редколлекцией «Современника» и «Отечественных записок» в 1820–1860-х гг. огромного массива материалов о горских народах, исследователям сегодня предоставляется возможность

¹ Обзор нынешнего состояния разных частей государственного управления за май и июнь месяцы 1840 г. // Отечественные записки. 1840. Т. 12. С. 2–3.

² Там же. С. 5.

³ Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1847 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 56. С. 5.

⁴ Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за февраль 1846 г. // Отечественные записки. 1846. Т. 45. С. 9–10.

⁵ Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1849 г. // Отечественные записки. 1850. Т. 68. С. 5–6.

⁶ Современная хроника России: О покорении Кавказа // Отечественные записки. 1865. Т. 158. С. 25–26.

изучить, в частности, проблему правовой организации и административных преобразований у народов Северного Кавказа через призму медиатекста.

Источники и литература

1. Бурцев И.Г. Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 г. // Отечественные записки. 1820. Ч. 2. С. 18–26.
2. Глинка Ф.Н. Подвиги русских за Кубанью // Отечественные записки. 1821. Ч. 5. С. 25–39, 141–150.
3. Горчаков П.Д. Руководство для проезжающих Кавказские горы // Отечественные записки. 1822. Ч. 12. С. 212–222.
4. Дебу О.Л. Разные исторические замечания о Кавказских народах // Отечественные записки. 1821. Ч. 8. С. 86–104; 1822. Ч. 9. С. 245–264, 354–381.
5. Дебу О.Л. Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии // Отечественные записки. 1822. Ч. 10. С. 50–59.
6. Дебу О.Л. О начальном установлении и распространении Кавказской линии, с означением поселенных козачьих полков, оную охраняющих и их происхождении // Отечественные записки. 1823. Ч. 16. С. 234–248; 1824. Ч. 18. С. 268–293; 1824. Ч. 19. С. 48–74.
7. Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Современник. 1859. Т. 78. С. 19–42.
8. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1964. 612 с.
9. Ейхфельд И. Кавказская дорога // Отечественные записки. 1821. Ч. 6. С. 270–294.
10. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число // Отечественные записки. 1825. Ч. 24. С. 352–382.
11. Замечания генерал-майора Дебу о состоянии Черномории и Черноморских козаков // Отечественные записки. 1823. Ч. 15. С. 195–223, 315–342.
12. Иванов С.В. Государственная национальная политика на Кавказе, в Закавказье и Средней Азии в XIX в.: дореволюционный подход к историографии // Вестник Екатеринбургского института. 2013. № 4 (24). С. 93–96.
13. Максимов Д.Е. Из прошлого русской журналистики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 303 с.
14. Обзор нынешнего состояния разных частей государственного управления за май и июнь месяцы 1840 г. // Отечественные записки. 1840. Т. 12. С. 2–5.
15. Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1847 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 56. С. 5.
16. Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за февраль 1846 г. // Отечественные записки. 1846. Т. 45. С. 9–10.
17. Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1849 г. // Отечественные записки. 1850. Т. 68. С. 5–6.
18. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум (во время похода 1829 г.) // Современник. 1836. Т. 1. С. 17–84.
19. Раджицкий И.Т. Историческое известие о походе Российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под команду Графа В.А. Зубова // Отечественные записки. 1827. Ч. 31. С. 127–168, 266–314.
20. Свинын П.П. О праздновании Байрама в черкесском ауле // Отечественные записки. 1825. Ч. 23. С. 241–250.
21. Свинын П.П. Список посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 г. // Отечественные записки. 1825. Ч. 23. С. 250–281.
22. Свинын П.П. Объявление о продолжении издания «Отечественных записок» на следующий 1822 год // Отечественные записки. 1821. № 7. С. 397.
23. Современная хроника России: О покорении Кавказа // Отечественные записки. 1865. Т. 158. С. 25–26.
24. Султан Казы-Гирей. Долина Ажитугай // Современник. 1836. Т. 1. С. 155–169.

XX АСР БОШЛАРИ ТОШКЕНТ ШАҲРИДА МАДАНИЙ ҲАЁТ ВА АДАБИЙ ЖАРАЁН

Аннотация. В статье представлена информация о социально-политических процессах и литературно-культурной жизни Ташкента начала XX в. В конце XIX в. социально-экономическая и культурная обстановка в Туркестане стала оказывать большое влияние на развитие литературы и издательского дела в стране. В ходе этого процесса было завезено в страну много типографических машин, и начали свою деятельность новые книжные издательства и редакции. Один из таких издательских центров возник в Ташкенте. В литографиях Ильина, Порцева, Лахтина, Арифджанова стали издаваться множество книг. Из переизданных в эти годы книг, наибольшее количество составили произведения Алишера Навои. Переиздавались также произведения на персидско-таджикском, арабском и русском языках. Все эти книги, литературные переводы получили широкое распространение в народе и способствовали росту их сознания и культуры.

Ключевые слова: культура, литература, литография, издатель, переводы, ташкентские писатели, школа перевода, прозаическое изложение.

Қадимдан Тошкент шаҳри янгиликлар, қулай имкониятлар, ижодкор шахслар ватани ҳисобланиб келган. Шоший таҳаллуси билан яшаб ўтган машҳур сиймолар Тошкентнинг шуҳратини чор атрофга ейганлар. XIX асрнинг ярмидан эътиборан Тошкент маданий ва адабий ҳаётда бошқа шаҳарларга нисбатан етакчилик қила бошлади. Маҳаллий зиеллар илм-маърифат масканлари ҳисобланмиш Тошкентнинг машҳур мадрасалари Кўкалдош, Бекларбеги, Абулқосим мадрасалари атрофида бирлашганлар¹. Ўлканинг Россия томонидан босиб олинishi ижтимоий-сиёсий ҳаётда ўз натижасини кўрсатди, юзага келган муҳит уларни огоҳликка, уйғонишга чорлади.

Ушбу даврда адабий муҳитнинг вужудга келишида, адабиётнинг ривожланишида туртки берган, моддий қўллаб-қувватлаган, ижод қилишга рағбат уйғотган зиели қатлам ҳам мавжуд эди. Зотан, «миллий адабиёт тарихини изчил тизимга солиш ва илмий асосда қайта ишлаб чиқиш ишида нафақат биргина олимнинг фаолияти, балки ўша вақтдаги адабий зиелларнинг иштироки масаласи ҳам» алоҳида ўрин тутишини инобатга олишимиз лозим². Асрлар давомида ҳукмдорларнинг адабиёт ва санъатга эътиборлари натижасида шоҳ асарлар дунегга келганлиги яхши маълум. Хоразмда Муҳаммад Раҳимхон Феруз ҳомийлигида йирик асарлар таржимага тортилган бўлса, Қўқонда шахсан Амир Умархон буйруғи билан Алишер Навоий асарлари юзлаб нусхада кўчирилади³. Тошкент тарихида ҳукмдор шахслар эмас, кўпроқ яққа ҳолатда йирик сармоёга эга бўлган савдогарлар, тижоратчиларнинг ҳам асарлар ҳақида фикр билдириб, ижодкорларни бу ишга ундаб, моддий қўллаб қувватлаганининг гувоҳи бўламиз. Шаҳарнинг энг йирик тижоратчилари ҳам зие сари элтувчи йўлни илм-маърифатни эгаллашда деб ҳисоблайдилар ва бу ишда ғоя муаллифи ҳамда моддий таъминотчи вазифасини бажарадилар.

Мазкур даврда таржимачилик ишлари жадал ривожланди. Адабиётшунос Н. Комилов таъкидлаганларидек, Хоразмдаги муҳит, услубни Тошкентда учратмаймиз⁴.

¹ Каримов Н, Баракаев Р. Тошкент шоирлари. Тошкент, 2007. 3 б.

² Болтабоев Х. XX аср бошлари ўзбек адабиётшунослиги ва Фитратнинг илмий мероси. Филол фан док дисс. Тошкент, 1996. 26 б.

³ Алишер Навоий асарларига ишланган миниатюралар. Тузувчи: Ф. Сулаймонова. Тошкент, 2001. 9 б.

⁴ Комилов Н. Муҳаммадризо Огаҳийнинг таржимонлик маҳорати. Филол фан ном дисс. Тошкент, 1970. 17 б.

Хоразм таржимачилик мактабида буюртма асосида якдилликда, ҳамжихатликда иш олиб борилиб, кўпроқ тарихий асарлар таржимага тортилган бўлса, Тошкентда таржимонлар Хоразмдаги сингари оммавий тарзда эмас, якка-якка тартибда иш олиб борганлар. Таржимонлар баъзида халқнинг хоҳиш-истакларидан келиб чиқиб, еки таржимага буюртма берган, юқорида таъкидлаб ўтганимиз – юзага келган эҳтиешларни маънан англаб етган маҳаллий бойларнинг ҳомийлиги остида фаолият юритганлар. Кейинчалик тошбосма матбаалар фаолият юрита бошлаши билан таржима учун асарлар танлаш ноширларнинг ҳам ихтиерида бўлган. Адабий муҳит мадрасалар, масжид ва гузарлар еки ижодкор шахслар хонадонларида юзага келганлиги учун диний, ислом фикҳшунослигига оид асарлар таржималарига ҳам эътибор берганлар. Бугунги кунда Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти қўлезмалар фондида ушбу даврда кўчирилган, тошбосмада нашр этилган кўплаб китобларнинг титул варақлари, сабаби таълиф ва хотима қисмлари еки китоблар хошияларидаги маълумотлар ўша давр аҳолисининг китобларга бўлган муносабатлари, эҳтиешлари ва айнан кимнинг моддий қўллаб-қувватлаши ҳисобига, кўплаб «Тошкандий»лар меҳнати натижасида юзага келганлиги ҳақида маълум даражада маълумот беради. Бу қисқа маълумотлар ўз навбатида Тошкентдаги адабий муҳит ҳақида тасаввурлар уйғотади. Жумладан, XV асрда яшаб ижод этган Масъуд ибн Юсуф Самарқандийнинг «Салоти Масъудий» номли фикҳ илмига оид нодир асарини тошкентлик Раҳимхўжа Эшон Алихўжа Эшон ўғли таржима қилади¹. Таржимон уни бу ишга ундаган, рағбат уйғотган инсонни хурмат билан тилга олади: *«Хусусан, бир мажлисда ўшал «Салоти Масъудий» ҳақида сўз бўлиб турган ҳолда тужжорлар умдаси ва аҳли эҳсонлар зубдаси, фазилатда маишхур Мулло Неъматуллоҳ бой Мир Самибой ўғиллари фақирга хитоб қилиб умид билдирдилар: «Салоти Масъудий» кўб яхши бўлубдур. Форсийдонларга ҳузури жон ва ҳаловати имондур, аммо туркийларга баҳра ким еткурадур. Агар ушбунни турк тилига таржима қилинса, андоғким изҳори фазл...»* деб таржиманинг амалга оширилиш тарихини билдиради. Китобни нашр эттирган китоб тожири ва ношир Мир Махдум ибн Шоҳюнус асарга бўлган талаб, эҳтиешни қисман изоҳлаб ўтади: *«мазкур марҳумнинг китоблари ҳама атрофга марғуб бўлуб, чунончи Фарғона ва Бухоро атрофларига тарқаб, ҳама масжидларда ўқумоқ расм бўлуб етушмай қолди. Шул сабабдин камина Мулло Мир Махдум Шоҳюнус марҳум ўғли иккинчи чоп қилмоқга эҳтимом қилиб»* тарзида китобнинг нашр этилиши тарихини маълум қилади: *«Маълум ўлгайким, бу китоб «Салоти Масъудий туркий»ким жаноби фозил марҳум Раҳимхўжа эшон бин олийхўжа эшонни таржималаридур. Мазкур мутаржим ўзлари хаелотларида туркийга таржима қилгонларидин сўнгра нусхани интисор қилиб Туркистон вилоятларидаги туркларни баҳраманд бўлмоқлари учун 1326 йилинда чоп қилдургон эрдилар. Бу таржима гоятда марғуб бўлгон сабабли мазкур чоп бўлгон нусхалар ададлари тамом бўлуб, атроф ва жавонибдин толиблар талаб айлаб мавжуд қилолмаганларидин сабабли бул фақир ал-ҳақир Мир Махдум Шоҳюнус жидду-жаҳд ила иккинчи чоп қилдурдим»².*

Дуневий адабиетдан Алмай томонидан «Калила ва Димна», Сидқий Хондайлиқий «Минг бир кеча», Хислат «Барзунома», Мулла Азим Тошкандий «Искандарнома» каби асарларни форс-тожик ва араб тилларидан таржима қилганлар ва бу рўйхатни узок давом эттириш мумкин.

Назаримизда Тошкент йирик шаҳар бўлганлиги учун ҳам ривожланиш олдинда бўлиши табиий ҳолдек кўринади. Бироқ, маҳаллий аҳоли орасидан етишиб чиққан

¹ Салоти Масъудий. Тошкент, 1911. ЎЗР ФА ШИ. Инв № 10401.

² Там же. 2 б.

зиелилар янгиликларни ташвиқ қилиб, кўшни шаҳарлардаги зиелиларни ҳам ҳам жалб қилган, ўзига тортган.

Тошкентнинг эски шаҳар қисмида яшаган аҳоли орасидан жуда кўп фаол ҳаракат қилган кишиларни учратамиз. Айниқса, Себзор даҳасида яшаган бир қанча шахслар адабий ва маданий ҳаётда катта роль ўйнаган. Жумладан, Мулло Мирзо Хомуший томонидан туркий тилга таржима қилинган «Шоҳномаи туркий»нинг 1905 йилдаги нашрида машҳур китоб тожири ва ношири Мир Махдум шахсий муҳрида ўзи ҳақида қуйидагича маълумот беради: «*Тошкандә Себзор даҳасига тобеъ Табибкўча маҳаллалик Мир Махдум Шоҳунус ўгли саъй ва харажати ила эҳтимомига етти*»¹. Ушбу инсон томонидан мумтоз адабиетимизнинг кўплаб намуналари: Бобурнинг «Мубаййин» асари, «Калила ва Димна», уйғур шоири Хароботийнинг «Куллиети маснавий Хароботий» асари, баезлар, девонлар нашр этилган. Алишер Навоийнинг «Хамса» дostonлари насрий баени «Насри Хамсаи беназир» ҳам унинг меҳнатлари натижасида амалга оширилади, ҳатто хаттотлар китоб сўнгида унинг илм-марифат ҳомийси эканлигини шеърӣ йўсинда таъкидлайдилар. Бироқ адабиет тарихида бу каби шахсларнинг номи ҳам, улар оммалаштирган асарлар ҳақида ҳам маълумотлар жуда кам. Чунки, «кутубхоналардаги мавжуд кўлезма асарларнинг ва яқинда нашрдан чиққан босма нусхаларнинг тадқиқ этилиши масаласи нисбатан орқада қолган эди»². XX аср бошларида янгиланаётган жараён, адабий муҳитнинг сардорларидан бири Каримбек Камий ҳам Себзор даҳаси Тиккўча маҳалласида истиқомат қилган³.

Устозим филология фанлари доктори, профессор Ҳамиджон Ҳомидий ҳам «Шоҳномаи туркий»нинг 1903 йилда нашр этилган нусхасига ишланган юксак санъат даражасидаги суратлар муаллифи ҳам себзорлик эканлигини ва китоб ҳошиясида «Амали уста Абдурахмон Себзорӣ» дея қайд этилганлигини таъкидлайди (Китобнинг ушбу йилдаги нусхасини топишга муваффақ бўлинмади). Тошбосма китобларни ташқи жиҳатдан ўрганган олима Н.А. Зиганшина «Минг бир кеча»га суратлар ишлаган мусаввирни: «Сирожиддин Махсум Сиддиқӣ Себзорӣ ўша пайтнинг энг машҳур рассомларидан бўлган»⁴. «Минг бир кеча»га суратлар ишлаган», дея қайд қилади. Лекин себзорлик ижодкорлар сафини яна биттага кўпайтириш умидида асл манбани кўздан кечирганимизда бироз ўзгачароқ эканлигини кўрдик: «*Сирожиддин Махдум соҳиб Хондайлиқӣ Искандарӣ тахаллуси Сиддиқӣ*». Сирожиддин Махдум – Сиддиқӣ Хондайлиқӣ, Шавкат Искандар, Сиддиқӣ каби кўплаб тахаллуслар билан ижод қилган ва «Минг бир кеча»ни ўзбек тилига таржима қилган, ўз хати билан кўчирган, суратлар ишлаган. Тошкент шаҳрида Хислат, Мискин, Таваллолар билан бирга адабий муҳитни шакллантириш ва ривож топтиришда катта хизмат кўрсатган. Сиддиқӣ Хондайлиқӣ билан бир даврда энг йирик китобларга суратлар ишлаган Раҳматуллоҳ ўғли Абдушукур ҳам ижод этган. «Шоҳнома туркий»нинг 1908 йилдаги нашрига ушбу мусаввир томонидан ишланган суратлар ҳар жиҳатдан бебаҳо эканлигини манбани шахсан ўрганган олимлар алоҳида таъкидлайдилар⁵. XIX аср охири XX аср бошларида Ўзбекистонда китобат санъати билан бирга графика санъати ҳам ривожланиб ранг-баранг тус ола бошлагани ҳамда мазкур давр ижодкорлари ижодида миллий анъана билан биргаликда Европа китоб безаш ва иллюстрация ишлаш санъати уйғунлашиб борганлиги кузатилади. Айниқса,

¹ Шоҳномаи туркий. Котиб Мулло Махдум Сайидхўжа. Тошкент, 1905. ЎзР ФА ШИ. Инв № 11158. 670 б.

² Болтабоев Ҳ. XX аср бошлари ўзбек адабиётшунослиги ва Фитратнинг илмий мероси. 26 б.

³ Каримов Н., Баракаев Р. Тошкент шоирлари. 14 б.

⁴ Зиганшина Н.А. Юз йиллик. Тошкент, 1974. № 54. 3 б.

⁵ Ҳомидов Ҳ. Фирдавсий «Шоҳнома»сининг ўзбекча таржималари. Филол фан ном дисс. Тошкент, 1967. 59 б.

ушбу мусаввир ижоди алоҳида диққатга сазовор эканлиги санъатшунос олимлар томонидан ҳам эътироф этилади¹.

Адиблар ижодининг оммалашшида, мумтоз адабиетимизни тарғиб қилишда босмаҳоналардан айниқса, Ғулом Ҳасан Орифжонов матбааси алоҳида роль ўйнаган. Босмаҳона ижодкорлар маълумот алмашадиган, ноширлар меҳнат қиладиган, китоб тожирлари эса буюртма берадиган маскан бўлиб хизмат қилган. Тошкентда мумтоз адабиетимиз намуналари, жумладан, Алишер Навоийнинг барча асарлари чоп этилиши баробарида халқ китоблари – қиссалар ҳам жуда кўплаб оммалашган ва бу даврда халқ қиссаларига бўлган талаб кучли бўлганлиги қиссаларнинг жуда кўплаб нашр этилганлигидан ҳам маълум бўлади. Асосан, шаҳар маданиятига мос келадиган эртақчилик, қиссахонликнинг авж олиши учун Тошкент муҳити жуда қулай эди². Хоразмда йирик сиесий, тарихий миқесдаги асарлар нашри ва таржимасига эътибор берилгани ҳолда Ўзбекистоннинг бошқа шаҳарларига нисбатан Тошкентда ўзбек халқининг ҳамма қиссалари нашр этилган. Айниқса, китоб тожири Мирзо Аҳмад Мирзокарим ўғли «саъй-харажати ила» жуда кўплаб халқ қиссалари нашр этилган. Ношир ва китоб тожирлари халқнинг талаб ва эҳтиёжларидан келиб чиқиб иш кўрган. Бу ҳолат ўша пайтларда қиссаларга бўлган эҳтиёжнинг кучайганлигини кўрсатади.

Фойдаланилган адабиетлар

1. Абдуллаев Н. Санъат тарихи. Т.: Санъат, 2001.
2. Алишер Навоий асарларига ишланган миниатюралар. Тузувчи: Ф. Сулаймонова. Т.: Фан, 2001.
3. Болтабоев Ҳ. XX аср бошлари ўзбек адабиётшунослиги ва Фитратнинг илмий мероси. Филол фан док дисс. Т., 1996. 26 б.
4. Зиганшина Н.А. Юз йиллик. Т.: Ўзбекистон маданияти. 1974. № 54.
5. Каримов Н., Баракаев Р. Тошкент шоирлари. Т.: Фан, 2007.
6. Комилов Н. Муҳаммадризо Огаҳийнинг таржимонлик маҳорати. Филол фан ном дисс. Т., 1970.
7. Мирзаева С. Романик дostonлар генезисига доир. Т.: Ўзбек тили ва адабиети. 2009. № 4.
8. Салоти Масъудий. Тошкент: Орифжонов матбааси, 1911. 448 б. ЎзР ФА ШИ. Инв. № 10401.
9. Ҳомидов Ҳ. Фирдавсий «Шоҳнома»сининг ўзбекча таржималари. Филол фан ном дисс. Т., 1967.
10. Шоҳномаи туркий. Котиб Мулло Маҳмуд Сайидхўжа. Тошкент: Порцев матбааси, 1905. 670 б. ЎзР ФА ШИ. Инв № 11158.

¹ Абдуллаев Н. Санъат тарихи. Тошкент, 2001. 168 б.

² Мирзаева С. Романик дostonлар генезисига доир. Тошкент, 2009. № 4. 59 б.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГОРОДНИЧИХ И КОМЕНДАНТОВ В ГОРОДАХ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы организации учреждений по охране общественного порядка и борьбы с преступностью в городах Южного Урала в конце XVIII – начале XIX в. на примере института комендантов и городничих. Анализируются их структура, особенности функционирования в системе местного управления. Выявлены списки комендантов и городничих г.г. Уфы и Бирска в изучаемый период.

Ключевые слова: Оренбургская губ., Устав благочиния, полиция, комендант, городничий, Уфимское наместничество, полицейские штаты, генерал-губернатор.

Формирование в городах России системы специализированных полицейских органов было вызвано необходимостью усиления роли государства и связано с масштабной реформаторской деятельностью Петра I и образованием Российской Империи. Структурирование выполняемых задач, которые до начала XVIII в. входили в функции административного управления и совмещались с финансово-административными и судебными, сформировали регулярную полицию, отвечавшую потребностям общества в государственной защите.

В Оренбургской губ., образованной в 1744 г., насчитывалось 11 городов и пригородков, имевших соответствующий юридический статус: губернский г. Оренбург, уездные города Уфа и Ставрополь, безуездный Мензелинск, центр дистрикта Шадринск, пригородки Алексеевск, Бирск, Каракулино, Оса, Табынск. Города и пригородки были военно-административными пунктами¹.

В Уфе и Челябинске находились провинциальные канцелярии, возглавляемые воеводами, а впоследствии – комендантами. Воеводские канцелярии существовали в Мензелинске, Бирске, Красноуфимске, Осе и Табынске. Воеводы провинций, городов, пригородков назначались Сенатом. Лишь в Табынск воевод направлял губернатор². Большими административно-полицейскими и судебными полномочиями обладали Уфимский и Исетский воеводы и провинциальные канцелярии. Присутствие Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий состояло из воеводы, воеводского товарища и прокурора. Делопроизводство велось 1 или 2 секретарями³.

Первым воеводой Уфимской провинции был назначен полковник Н.Д. Мерзлюкин (с августа 1735 г. по июнь 1736 г.)⁴. В 1737 г. правящим на воеводскую должность был определен полковник Астраханского драгунского полка П. Мартаков, с 1740 по 1744 гг. – П.Д. Аксаков, в 1764–1770 гг. – надворный советник И.В. Спиридов, а в 1770–1778 гг. – надворный советник А.Н. Борисов, при котором правление города передано комендантам и в 1770 г. первым комендантом г. Уфы был назначен полковник С.С. Мясоедов, который исполнял свои обязанности до 1773 г.⁵

¹ Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1999. С. 35, 43.

² Там же. С. 43.

³ Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Уфа, 2000. Ч. 1. С. 37.

⁴ Гвоздиков И.М. У истоков уфаведения: «Краткое описание губернского города Уфы». Уфа, 2014. С. 107.

⁵ Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне... С. 48.

В 1760 г. был установлен порядок смены воевод через 5 лет. Губернаторы и воеводы осуществляли свои функции через канцелярии. С 1763 г. каждому губернатору для содействия в исполнении законов была дана воинская команда¹.

О сфере компетенции пригородочных канцелярий и воевод косвенно свидетельствует указ Уфимской провинциальной канцелярии в Осинскую воеводскую канцелярию от 6 октября 1770 г. «О невступлении в окружность к приему челобитен далее 30 верст вперед (ь) до резолюцы». Следовательно, в ведении пригородочных правлений находились сами пригородки и население окрестных деревень в 30-верстной окружности².

По данным П.И. Рычкова, воеводские канцелярии и конторы в Елдяке, Красноуфимске, Нагайбеке, Мензелинске и Табынске учреждены по определению И.И. Неплюева в 1745 г. с «правом судить окрестных жителей, в том числе и башкир», но ежели дело земляное или иск более 1 000 рублей», то следствие проводится «пригородочными» властями, а решение принимается провинциальной канцелярией³.

В 1766 г. в Уфе проживало 150 казаков, которые получали жалование 4 руб. в год⁴. Они выполняли и полицейские функции, кто не был послан на пограничную линию «содержит городской в пристойных местах караул, задолжаются в разные от Уфимской провинциальной канцелярии в Уфимский уезд по старшинам с указами посылки, к препровождению денежной казны и колодников до разных городов в конвое и в партии по поиску воров и разбойников»⁵. Аналогичную службу несли елдякские и нагайбекские казаки.

Следует отметить, что уфимские казаки в своих наказах депутатам Уложенной комиссии просили об увеличении их численности от 150 до 300 чел., об отмене полицейской службы (указывалось, что для этих целей могут быть использованы солдаты провинциальной роты)⁶.

При штурме повстанцами Уфы 23 декабря 1773 г. и 25 января 1774 г. атаки были отбиты защитниками города. По распоряжению коменданта Уфы полковника С.С. Мясоедова, для обороны города было учреждено 13 пикетов в разных частях, где было задействовано 1 120 чел., вооруженных огнестрельным оружием и 27 пушками⁷.

Общее руководство обороной Уфы осуществлял воевода Уфимской провинции надворный советник А.Н. Борисов, занимавший данную должность с 1770 г. по 1778 г. (его предшественником был надворный советник И.В. Спиридов (1764–1770))⁸.

Последним воеводой Уфимской провинции был надворный советник И.П. Татаринов, прибывший в 1778 г., а комендантом служил подполковник фон Техйер. В 1785 г. в г. Уфе воеводской должности не было. Руководство осуществлял комендант города в лице подполковника и кавалера Ивана Архиповича Мистрова⁹, в период наместничества который исполнял свою должность до 1789 г., в 1790 г. его сменил

¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 112.

² Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Уфа, 2000. Ч. 1. С. 38.

³ Там же.

⁴ Васильев И.М. Указ. соч. Ч. 2. С. 228.

⁵ Там же. С. 229.

⁶ Там же. С. 232.

⁷ Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И.Н. Зарубина – Чики под Уфой с 24 ноября 1773 по 24 марта 1774 г. // Южноуральский археографический сб. Вып. 1. Уфа, 1973.

⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1765. СПб., 1765. С. 113; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1774. СПб., 1774. С. 208.

⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1785. СПб., 1785. С. 354–355.

секунд-майор Ф.А. фон-Гринблат, 1791–1792 гг. – премьер-майор С.П. Петрашевич, в 1793–1798 гг. – полковник, кавалер ордена Св. Георгия князь Иван Юрьевич Баратов¹.

По указу, принятому в феврале 1797 г., коменданты городов не имеющие «в своем ведомстве» гарнизонных военных формирований, переименовывались в городничих и переводились в гражданское ведомство².

Очевидно, с упразднением Уфимского наместничества военные части были передислоцированы в Оренбург, в Уфе оставалось минимальное число военнослужащих.

8 августа 1798 г. в г. Уфе должность коменданта была упразднена и «начали управлять в городе городничие», отмечается в кратком описании Уфы³.

В Уфимской провинциальной канцелярии в 1773 г. числились 44 чел., ключевые административно-полицейские должности занимали представители господствующего класса. Так, из 17 начальников учреждений высшего и среднего звена 14 были офицерами. Но среди канцелярских служащих встречались и разночинцы из подьячих, унтер-офицерских, солдатских и казачьих детей⁴.

Должности комендантов и комендантских канцелярий были введены еще Петром I и просуществовали до 1796 г. Коменданты как гражданские правители подчинялись губернатору, как начальники гарнизонов – генерал-фельдмаршалам. Их функции сводились к сбору налогов, суду над населением, организации борьбы с разбоями, а также с беглыми крестьянами и рекрутами, поддержанию порядка в городах, крепостях и гарнизонах⁵. Согласно штату от 19 апреля 1764 г. комендантские канцелярии должны были состоять из 1 канцеляриста и 2 писарей, позднее были определены и должности копииста. В 1797 г. по штату Уфимского наместничества, состоявшего из двух областей или провинций: первой Уфимской – из восьми уездов отпускалось в жалованье и на расходы присутственных мест ежегодно 98 915 руб., а на Оренбургскую обл. – 43 055 руб. Всего на Уфимское наместничество – 141 970 руб.

Последний воевода надворный советник Илья Татаринов прибыл в 1778 г., а комендантом был подполковник фон Тейхер, а в 1796–97 гг. – полковник, кавалер ордена Св. Георгия 4 класса князь Иван Юрьевич Баратов⁶.

Структура городской полиции, в отличие от уездной, в «Учреждениях для управления губернией» не получила детальной правовой регламентации. В городах предусматривалось только введение должностей городничих. В соответствии со штатами Уфимского наместничества 1781 г. эти должности были установлены в г.г. Бузулуке, Верхнеуральске, Сергиевске, Белебее, Бирске, Бугульме, Бугуруслане, Мензелинске, Стерлитамаке, Уфе и Челябинске, и несколько позднее, после образования уезда в 1784 г., – в Троицке. В Оренбурге должность городничего учреждалась в структуре аппарата обер-коменданта «в помощь ему» по полицейской части⁷.

По данным за 1785 г. в Уфимском наместничестве комендантом губернского г. Уфы являлся полковник Иван Архипович Мистров. Городничими: в Бирске – капитан Иван Рушинский, в Мензелинске – надворный советник Николай Гаврилович Огурцов, в Бугульме – надворный советник Иван Ефимович Хиряков, в Бугуруслане – коллежский асессор Федор Тимашев, в Белебее – секунд-майор Василий Ершов, в Стерлитамаке – секунд-майор Иван Еселев, в Челябинске – секунд-майор Иван Фон Швейгоферн,

¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1796. СПб., 1796. С. 348–349.

² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVI. № 17 777.

³ Гвоздиков И.М. У истоков уфаведения. С. 87.

⁴ Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне... С. 43.

⁵ Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. М., 1999. Кн. 2: Д–К. С. 255–256.

⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1796. С. 348.

⁷ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXI. № 15 324.

в Оренбурге – обер-комендант, генерал-майор и кавалер ордена Св. Георгия 4 класса Яков Михайлович Зембулатов, в Бузулуке – комендант, секунд-майор Александр Иванович Львов, в Верхнеуральске – комендант, полковник Егор Алексеевич Ступинин.

Указом от 1 апреля 1778 г. военной коллегии предписывалось назначать в штатные команды офицеров из гвардии и армии, а личный состав комплектовать «из служащих в полевых полках и гарнизонах и из отставных из полевой армии, способных к продолжению сей штатной службы»¹. В 1782 г. в Оренбурге обер-комендантами назначены городничие².

Но коренная реформа полицейских учреждений начинается проводиться только с 1775 г. Непосредственным толчком, побудившим императрицу осуществить ее, была Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. После подавления восстания правительство осознало необходимость создания на местах прочной системы полицейских органов, способных эффективно разрешать возникающие конфликты и проблемы.

По указу принятому в феврале 1797 г. коменданты городов не имеющие «в своем ведомстве» гарнизонных военных формирований, переименовывались в городничих и переводились в гражданское ведомство³.

При Павле I организовывались командировки сенаторов для ревизии губерний. В Оренбургскую губ. были направлены сенаторы М.Г. Спиридов и И.В. Лопухин. После ознакомления с деятельностью уездных администраций сенаторы предлагали учредить должность «директора уезда», который был бы и не судья, но блюститель порядка и право судья в уезде, директор всех в уезде судов и полиции всего уезда, и в правлении орудие губернского начальства»⁴. Эти предложения были направлены на повышение эффективности деятельности уездных органов управления за счет устранения межведомственных трений и злоупотреблений чиновников.

В рапорте сенаторов М.Г. Спиридова и И.В. Лопухина от августа 1800 г. В отношении полицейских учреждений Оренбургской губ. отмечается, что в губернском г. Оренбурге так и в уездных городах «полицией на основании высочайше опробованных штатов не ... учреждены за неполучением Сенатского указа. Посему полиция хоть и существует, не только по одному названию...». Здесь же отмечается, что жители городов не в состоянии содержать положенного по штатам количества чиновников, «и для того к облегчению городских жителей откомандировано для полицейских исправлений в Оренбурге из губернской штатной, а в уездных городах из уездных штатных же рот команды, и наблюдения в городах тишины, спокойствия и безопасности возложено в губернском на полицмейстера, а в уездных на городничих»⁵.

Тем не менее, в своих выводах проверяющие констатировали, что в Оренбургской губ. «спокойствие, безопасность и порядок, зависящий от полиции, существует»⁶.

Новый император отказался от большинства принципов организации екатерининской эпохи. При нем закрепились организационные различия с структуре формирования полиции губернских и уездных городов, а также были определены источники финансирования. В его указе от 25 июля 1799 г. «Об определении в полицейские должности по избрании губернаторов и комендантов, с положением жалования из городских доходов, и о разрешении неудобств, могущих возникнуть при

¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1785. С. 354–359.

² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXI. № 15 329.

³ Там же. Т. XXVI. № 17 634.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. 5. С. 602.

⁵ Там же. С. 595.

⁶ Там же.

учреждении полиции» отмечалось «... его Императорское Величество, усматривая из донесений комендантов, что по вновь изданному установлению полиции, в губернских и уездных городах определенные в должность полицейские, купцы и мещане, не имея ни навыка, ни нужных сведений, не могут отправлять их с надлежащей исправностью, Высочайше повелеть изволил: на местах сии определять из оставшихся за упразднением мест и других в казенной службе бывших способных и расторопных чиновников по избранию губернаторов и комендантов с положением подлежащих им из городских доходов жалования»¹.

На городничих также возлагалась организация борьбы с ворами и беглыми, с возможными неповиновениями населения властям, наблюдение за состоянием мостов, переправ и улиц, надзор за казенными строениями, предоставление воинским командам квартир, проведение административного дознания о преступлениях в городах². Согласно Уставу благочиния от 8 апреля 1782 г., городничие должны были возглавлять управы благочиния, но фактически их в уездных городах не было. По мнению Р.И. Байгутлина, управы были организованы в Оренбурге и Уфе, а возможно и в других городах³. Е.П. Сичинский добавляет Челябинскую управу благочиния⁴.

Упразднение Уфимского наместничества военные части были передислоцированы в Оренбург, в Уфе оставалось минимальное число военнослужащих. 8 августа 1798 г. в г. Уфе должность коменданта была упразднена и «начали управлять в городе городничие», отмечается в кратком описании Уфы⁵.

Первым городничим, после отмены должности коменданта в Уфе был назначен надворный советник Егор Иванович Павлов, 55 лет, из дворянских детей. После окончания 6 октября 1765 г. Сухопутного кадетского корпуса, в чине прапорщика был направлен в регулярную армию. В 1768–1772 гг. участвовал в русско-турецкой войне в составе пехотного корпуса, в сражениях с неприятелем был ранен в левый бок⁶. 30 ноября 1780 г. вышел в отставку с награждением звания секунд-майора. В том же году указом Правительствующего Сената определен в Саратовское наместничество городничим в г. Вольск⁷. В 1782 г. переведен в Уфимское наместничество советником гражданской палаты. Был командирован для разграничения полномочий между Уфимским, с одной стороны, и Пермским, Тобольским наместничествами с другой. С 1793 по 1798 работал в Уфимском земском суде во 2-ом департаменте заседателем⁸. 22 апреля 1798 г. назначен уфимским городничим и выполнял свои функции до 18 октября 1802 г., до своей кончины⁹.

Самым старшим по возрасту был городничий г. Бирска коллежский асессор Иван Иванович Рушинский. В 1799 г. ему шел 61-й год. Происходил из дворян, владел 31 душами крестьян в д. Ивановка Мензелинского уезда. В службу вступил 22 марта 1752 г. в Уфимский драгунский полк капралом¹⁰. После получения капитанского звания

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXV. № 19 047.

² Государственность России. Кн. 5. Ч. 1. С. 210.

³ Байгутлин Р.И. Реорганизация полиции Оренбургской губернии при Павле I // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 25 (206). Серия: Право. Вып. 25. С. 76–81.

⁴ Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005.

⁵ Гвоздиков И.М. История города Уфы (по страницам одной рукописи) // Ватандаш. 1999. № 1. С. 187; Хакимов С.Х. Полиция пореформенной Уфы: страницы истории // Вестник Уфимского юридического института. 1999. № 1. С. 80.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. Д. 39. Л. 11 об., 12.

⁷ Там же. Л. 13.

⁸ Там же. Л. 13 об.

⁹ Там же. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 2576. Л. 84–85 об.

¹⁰ Там же. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 39. Л. 14–15.

1 января 1771 г. вышел в отставку. С 1771 г. по 1790 г. возглавлял городническое правление в г. Бирске, имел чин коллежского асессора¹.

14 июля 1803 г. министр внутренних дел уведомлял Оренбургского военного губернатора, управляющего гражданской частью Н.Н. Бахметьева, что решил собрать со всех начальников губерний (губернаторов или гражданских губернаторов) примерные штаты городских полиций². При этом для составления штатов были установлены определенные принципы, «начала». Все штаты было предписано согласовывать с утвержденным 14 мая 1799 г. примерным штатом, отличие могло быть только в числе частей и кварталов, а также в жаловании полицейским чиновникам. Отступления определялись не только величиною города, но и городскими доходами, которые следовало представить по прилагаемым к отношению формам. Полицию предполагалось учредить только в губернских и в тех уездных городах, где было большое стечение людей, велась оживленная торговля, в прочих городах полицейские функции должны были продолжать исполнять одни городничие. Поэтому требовалось аргументировать необходимость создания в том или ином городе полиции.

Сменивший Н.Н. Бахметьева генерал от кавалерии князь Григорий Семенович Волконский в своем рапорте на имя министра внутренних дел В.П. Кочубея от 6 сентября 1804 г. докладывал, что «Во исполнение данных предписаний, также высочайшего именного о полициях указа октября 24-го 1803 года, собрав через губернское правление указанные сведения и соображения местным обстоятельствам городов с оными губерниями, надобность учредить полиции в городах: Губернском Уфе, Уездных как и пограничных Троицкого и верхнеуральского, а по оренбургской сделать некоторые изменения. На данном основании составленные мною штаты полиции обозначенных четырех городов и ведомости о доходах по городу Уфа и Оренбургу, честь имею представить Вашему сиятельству на благорассмотрение и соображение; а притом докладываю»³.

Согласно штатам Уфы, представленными генерал-губернатором, видно, что уфимскую полицию должен был возглавлять полицмейстер с годовым жалованием в 450 руб., предусматривались должности 3-х частных приставов и двух ратманов городского магистрата⁴. Для производства дел в полиции выделялись следующие должности:

1 секретарь, 1 канцелярист, 1 подканцелярист и 2 копииста. Город делился на 3 части во главе с частным приставом и двумя квартальными надзирателями. Таким образом, общая численность полицейских служителей должна была состоять из 15 чел., с содержанием в 2 130 руб.⁵

Городские доходы Уфы были весьма скудными, всего 1 400 руб., что было крайне недостаточно для содержания городской полиции. В связи с этим, генерал-губернатор предлагал выход из сложившейся ситуации через перераспределение доходов, поступающих от продажи вина.

В.П. Кочубей 31 декабря 1804 г. отвечал, что невысокий уровень городских доходов Оренбургской губ. не позволяет ему представлять предложение Волконского на рассмотрение императора Александра I. Министр внутренних дел предлагал подождать изменения ситуации, когда «...или доходы городские умножатся, или представятся особенные какие-либо причины к необходимой перемене»⁶.

¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 39. Л. 15 об.

² Там же. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 326. Л. 332–334.

³ Там же. Л. 332.

⁴ Там же. Л. 338.

⁵ Там же. Л. 343.

⁶ Там же.

Городничие г. Уфы в первой половине XIX в.

№	ФИО, должность	Звание или классный чин, награды	Годы замещений должности	Стаж нахождения в должности
1	Павлов Егор Иванович, городничий	Надворный советник	1798–1802 гг.	5
2	Вакансия		1803 г.	
3	Степанцов Иван Семенович, городничий	Коллежский асессор	1804–1807 гг.	4
4	Каратеев Степан Иванович, городничий	Титулярный советник	1808–1811 гг.	4
5	Спытков Семен Яковлевич, городничий	Майор, ордена Св. Анны 2 класса кавалер	1812–1813 гг.	2
6	Караулов Павел Алексеевич, городничий	Штабс-капитан	1814–1816 гг.	3
7	Сергеев Сергей Степанович, полицмейстер	Капитан	1817–1823 гг.	7

Из представленной таблицы видно, что институт городничих просуществовал в г. Уфе до 1817 г. За этот период должности городничих исполняли 5 чел., включая Е.И. Павлова¹. Городничий, как правило, назначались из отставных военных и гражданских чиновников, преимущественно дворянского происхождения. Анализ возраста вступления в должность Уфимских городничих позволяет сделать вывод, что это были люди с достаточным жизненным опытом, старше 45 лет, прошедшие многие ступени служебной лестницы, в то же время наблюдалась их частая сменяемость.

После Е.И. Павлова, прослужившего 5 лет, по 4 года служили И.С. Степанцов коллежский асессор и титулярный советник С.И. Каратеев, 3 года – штабс-капитан П.А. Караулов, 2 года – майор, кавалер ордена Св. Анны 2 степени С.Я. Спытков.

Отметим, что борьба с преступностью была далеко не основной задачей градоначальников. На первом месте в иерархии их обязанностей стояли вопросы, находившиеся отчасти в юрисдикции городских дум: содержание пожарной части, благоустройство, забота об организации ярмарок, поддержание порядка в тюрьмах, профилактика пожаров и, конечно же, грамотное делопроизводство. Последнее, в силу административной практики, «было показателем эффективности работы полиции и вытесняло оперативно-правоохранительную сферу на задний план»².

¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова [1772–1804]. СПб., 1769–1804; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова [1805–1829]. СПб., 1805–1829; РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 178. Л. 24.

² Бирюкова А.Б. Городничие как профессиональная группа: от литературных образов к реалиям провинциальной повседневности в дореформенной России // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 29; Кондалова Н.А. Обеспечение внутренней безопасности и общественного порядка в российской провинции в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2015. С. 22.

В своей деятельности городничие опирались на городнические правления, штат которых был крайне малочислен, иногда состоял из одного письмоводителя¹. Как правило, в состав полиции входили квартальные надзиратели, сотские и десятские (десятники), количество которых напрямую зависело от финансовых возможностей населения содержать за свой счет ту или иную должность.

После окончания войны 1812 г. возможность губернских правлений влиять на расстановку полицейских кадров была существенно ограничена. Право назначения городничих и земских исправников было передано созданному 1 августа 1814 г. «Комитету для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам»². Наряду с денежными пособиями раненым офицерам, Комитет получил от государя полномочия переименовывать военные чины в гражданские и давать военным преимущество при назначении на должности городничих, полицмейстеров и т. д.

14 июля 1816 г. был подписан указ об утверждении штатов полиции г. Уфы, согласно которым штатам Уфимскую полицию вместо городничего должен был возглавлять полицмейстер с окладом в 500 руб. в год, что уже поднимало статус городской полиции³. У него в подчинении были 3 частных пристава с годовым содержанием по 200 руб. каждый. При полиции и в частях предполагались должности 12 полицейских служителей с окладом 75 руб. в год. В городе устанавливалось 15 полицейских будок по 3 чел. в каждой, всего 45 чел. с окладом в 45 руб. в год. В штаты были включены должность брандмейстера (150 руб.) и 2 помощника (по 75 руб.). Таким образом, в Уфимской полиции было задействовано 67 чел. с содержанием из казны 7 260 руб. в год. Кроме того, дополнительно выделялось 150 руб. на ремонт пожарных инструментов. Итого 7 470 руб., также 5 575 единовременно⁴.

31 июля 1816 г. министром полиции С.К. Вязмитиновым был подписан приказ, в котором отмечалось: «Уфимского городничего штабс-капитана Готовцева согласно прошению его за болезнью и представления Оренбургского военного губернатора уволить от настоящей должности и на место его по удостоянию комитета в день 18 августа 1814 г. определить уволенного от военной службы за ранения в последнюю войну полученными, капитана Кременчугского пехотного полка Сергеева»⁵.

Таким образом, начиная с XVIII в. оформляются специализированные полицейские органы. Вместе с тем, их функции только формировались, а сфера полицейской компетенции распространялась преимущественно на решение административных и управленческих задач (такая сфера как «благочиние» или поддержание общественного порядка была лишь одной в ряду многочисленных задач).

Это объясняет тот факт, что в рассматриваемый период полицейские функции выполняли коменданты и городничие, наряду с военными и гражданскими административными задачами. Данный опыт имел существенное значение в плане дальнейшего развития государства, в том числе обеспечения безопасности граждан и общественного порядка. Интересно, что заложенная изначально практика выполнения широкого объема полномочий, не связанных с правоохранительной деятельностью, сохранилась и в последующем.

Источники и литература

1. Байгутлин Р.И. Реорганизация полиции Оренбургской губернии при Павле I // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 25 (206). Серия: Право. Вып. 25. С. 76–81.

¹ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 49. Л. 2 об.

² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 25 642.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Мухаметшин Ф.Б., Султанов А.Х., Хакимов С.Х. Полиция Башкирии. Три века на службе Отечеству: монография. Уфа, 2017. С. 63.

2. Бирюкова А.Б. Городничие как профессиональная группа: от литературных образов к реалиям провинциальной повседневности в дореформенной России // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 1.
3. Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Уфа: Китап, 2000. Ч. 1. 171 с.
4. Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа: Китап, 1999. 512 с.
5. Гвоздиков И.М. История города Уфы (по страницам одной рукописи) // Ватандаш. 1999. № 1. С. 178–193.
6. Гвоздиков И.М. У истоков уфаведения: Краткое описание губернского города Уфы. Уфа: Китап, 2014. 124 с.
7. Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. М.: Наука, 1999. Кн. 2: Д–К. 448 с.
8. Государственность России: Словарь-справочник. Кн. 5. В 2 ч. М.: Наука, 2005. Ч. 1. 501 с.
9. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
10. Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И.Н. Зарубина-Чики под Уфой с 24 ноября 1773 по 24 марта 1774 гг. // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа, 1973. 403 с.
11. Кондалова Н.А. Обеспечение внутренней безопасности и общественного порядка в российской провинции в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2015.
12. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804]. СПб.: Имп. Академия наук, 1769–1804.
13. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова [1805–1829]. СПб.: Имп. Академия наук, 1805–1829.
14. Месяцеслов и общий штат Российской империи на [1831–1842]. СПб.: Имп. Академия наук, 1830–1842.
15. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. 5. 784 с.
16. Мухаметшин Ф.Б., Султанов А.Х., Хакимов С.Х. Полиция Башкирии. Три века на службе Отечеству: монография. Уфа: Уфимский ЮИ, 2017. 283 с.
17. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 49.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXI. №№ 15 324, 15 329; Т. XXV. № 19 047; Т. XXVI. № 17 777; Т. XXVII. № 25 642.
19. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 2576; Ф. 1349. Оп. 4. Д. 39.
20. Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М.: Майор, 2005. 266 с.
21. Хакимов С.Х. Полиция пореформенной Уфы: страницы истории // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 1999. № 1. С. 80–85.

МАЛОИЗВЕСТНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРИБЫТИИ В 1863 г. А. ВАМБЕРИ В ПЕРСИЮ¹

Аннотация. Статья представляет собой новое издание написанного в 1878 г. и опубликованного в 1878 и 1879 гг. в двух казанских научных журналах отчета П.П. Медведева, агента крупного российского пароходства, о встрече с венгерским путешественником и востоковедом Арминием Вамбери (1832–1913) в декабре 1863 г. в персидском г. Шахруд. Отчет П.П. Медведева сопоставляется с описанием встречи самого А. Вамбери. Во введении дается описание исторической подоплеку встречи российского купца с венгерским востоковедом: кратко описываются попытки России расширить свою зону влияния в Средней Азии путем торговли и деятельность частной компании «Закаспийское Торговое Товарищество», представителем которого во время встречи с А. Вамбери в г. Шахруд являлся автор отчета П.П. Медведев.

Ключевые слова: Арминий Вамбери, востоковедение, путешествие, Персия, Средняя Азия.

В третьем номере журнала «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете» за 1878 г. была опубликована необыкновенная статья, написанная не ученым, а предпринимателем П.П. Медведевым, агентом пароходства «Кавказ и Меркурий» в г. Ленкорань на Каспийском море². Содержание статьи было также необычно для научного журнала: это был отчет о встрече автора с венгерским востоковедом и путешественником Арминием Вамбери (1832–1913) в декабре 1863 г. в персидском г. Шахруд. Для сегодняшнего читателя это маленькое сообщение интересно, поскольку оно подтверждает факт пребывания А. Вамбери в упомянутом персидском городе.

Как известно, венгерский востоковед совершил в 1861–1864 гг. путешествие по Средней Азии, описание которого приобрело широкое распространение не только в английском оригинале³, но и в русском⁴, немецком и других переводах. Однако немало современников сомневалось в аутентичности написанного венгерским путешественником. В России были академики, публично сомневающиеся даже в том, что А. Вамбери вообще был в Средней Азии. Хотя этот небольшой документ был написан и опубликован спустя 15 лет после событий, он может служить еще одним подтверждением того, что венгерский востоковед действительно был в Персии.

Историческая подоплека встречи российского купца с венгерским путешественником связана с попыткой России расширить свою зону влияния в Средней Азии путем политического давления и торговли. Особенность экономического аспекта этой политики заключалась в том, что важным элементом в ней являлись частные предприниматели, которые тесно сотрудничали с государственными учреждениями. Хорошим примером в этом контексте может служить созданное в 1857 г. предпринимателем В.А. Кокоревым (1817–1889) «Закаспийское Торговое Товарищество». В проекте компании, который был написан В.А. Кокоревым совместно с российским дипломатом Н.Е. Торнау (1812–1882), было подчеркнуто, что она может быть важной для

¹ Автор благодарит Ильдара Харисова (Берлин) за языковую корректуру текста.

² Протокол IV-го заседания совета Общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете, 24-го октября 1878 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете. 1878. Год 1. № 3. С. 58.

³ Vambéry A. The Life and Adventures of Arminius Vambéry Written by Himself. New York, 1914.

⁴ Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана чрез Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб., 1865.

«сбыта российских изделий в Персию и Среднюю Азию и для вывоза оттуда всего того, что надобность и польза укажет»¹. Проект был одобрен высшими государственными учреждениями Российской империи. На компанию возлагали большие надежды и государственные деятели, и публицисты, полагая, что она может быть началом правильной торговли с туркменами² или дать нужный толчок торговле с Персией³. Уже в 1857 г., в год своего создания, компания вступила в торговлю с туркменами восточного берега Каспийского моря, а впоследствии был создан завод в Сурхане (закавказский край) для обработки смешанных с нефтью минералов⁴ и открыты конторы в разных прикаспийских провинциях Персии, в т. ч. и в Шахруде. Но «по незнанию рынка и неумелым действием своих агентов, [Закаспийское Торговое Товарищество] вскоре разорилось и прекратило свое существование»⁵. Автор предлагаемого вниманию читателей отчета был агентом этой компании в г. Шахруд.

Интересно, что и венгерский путешественник упоминает встречу с П.П. Медведевым в своем описании путешествия: «В Шахруде я встретил в каравансерае англичанина из Бирмингема, приехавшего туда покупать бумагу и шерсть. Как был удивлен бритт (британец – *авт.*), когда человек в одежде дервиша, с огромным тюрбаном на голове, приветствовал его в этой далекой стране родным *How do you do!*⁶ Выражение удивления на его лице превосходит всякое описание. Он три раза принимался говорить: «Well»⁷, – но больше ничего не мог выговорить. Маленькое объяснение с моей стороны успокоило его. Он приветствовал меня очень радушно и мы провели превесело вечер и целый день вместе с другим европейцем, очень образованным русским, агентом одного кавказского торгового дома»⁸.

В приводимой ниже маленькой статье П.П. Медведева есть еще один аспект, который может заинтересовать историка: о трагической судьбе упомянутого и П.П. Медведевым, и А. Вамбери английского купца Бенджамина Ленкфильда (Benjamin Langfield) писали английские и новозеландские газеты в марте и июне 1865 г.⁹ Согласно их сведениям, Б. Ленкфильд и его слуга были убиты 22 июля 1864 г. персидскими солдатами, а тело Б. Ленкфильда был похоронено «одним христианским жителем Шахруда». П.П. Медведев не был первым обозревателем, отождествляющим упомянутого у А. Вамбери англичанина с Бенджамином Ленкфильдом: уже в начале 1865 г. в одной рецензии описания путешествия А. Вамбери предполагалось, что упомянутый в описании

¹ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1968). М., 1960. С. 71.

² Такую оценку дал прикомандированный Министерством иностранных дел к оренбургскому и самарскому генерал-губернатору коллежский ассессор Галкин в одной записке (Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. 40–60-е годы XIX века. М., 1963. С. 182).

³ Персия. Состояние торговли в Мазандеране и Астрабаде в 1857 г. // Кавказ. 1858. 30 ноября. № 94. С. 494.

⁴ О фотонафтиле, добываемо на сурханских заводах Закаспийского Торгового Товарищества // Кавказ. 1860. 4 августа. № 60. С. 355–356.

⁵ Кулагина Л. М. Торгово-экономические связи России и Ирана (XIX – начало XX вв.) // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева / Под ред. Н.М. Мамедовой, Л.М. Кулагиной, И.В. Зайцева. М., 2009. С. 127.

⁶ «Здравствуйте!»

⁷ «Ну».

⁸ Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии... С. 146.

⁹ Murder of an English Merchant in Persia // Allen's Indian Mail and Register of Intelligence for British and Foreign India. 1865. March 10. P. 197; The Murder of an Englishman in Persia // The Manchester Guardian. 1865. March 7. P. 8; Murder of Mr B. Langfield O Marsden, in Persia // Wellington Independent. 1865. 1 June. Vol. XX. Issue 2 213. P. 3.

путешествия британский купец не может быть никем иным, как убитым в июле 1864 г. Б. Ленкфильдом¹.

* * *

Нечаянное мое знакомство с А. Вамбери².

(Сообщено П.П. Медведевым).

В 1863 году я, вновь приехавший из Москвы в г. Шахруд, расположенный в С.-В. Персии, принял там в свое заведование факторию, ныне отошедшего в вечность, Закаспийского Торгового Товарищества. Вскоре по прибытии моем в этот город, в одно серенькое декабрьское утро, я поспешил ранее обыкновенного спуститься из жилых комнат фактории, помещавшейся во 2-м этаже караван-сарая, в контору, чтобы приступить к приему хлопка, накануне купленного мной на обмене нашего русского железа, с придачей известной части денег. – Но каково же было мое удивление, когда поджидавший меня в конторе молодой перс, сын местного купца, от которого я должен начать прием хлопка, заявил мне, что отец его просит отложить работу на завтра, ибо он сегодня, собираясь идти ко мне, чихнул один раз, а потому и предпочел остаться дома. Предрассудок этот – до того мне неизвестный, – что раз чихнуть означает препятствие, был со всеми подробностями объяснен мне, как новичку, почтенным приказчиком фактории, муллой Абдулрасулем. Делать было нечего, пришлось покориться и просить молодого человека кланяться отцу и пожелать ему наперед (наперед – *авт.*) от меня чихать не менее двух раз к ряду.

Занявшись после этого расчетом черводаров, доставлявших наш хлопок на Гязский берег³, моя работа была нарушена вошедшим ко мне в контору каким-то хрымим дервишем, по фасону платья смахивающим на туркменского, и приветствовавшим меня с приличной дистанции, очень нерешительно, не то русским, не то славянским языком. Надо признаться, что я не особенно вежливо ответил ему за перерыв моих занятий, будучи вполне уверенным, что предо мной фигурирует один из тунеядцев многочисленной в Персии плеяды дервишей, как-нибудь случайно изучивший несколько русских слов, пока не разъяснилось, что это переодетый европеец-путешественник. Долг требовал по возможности загладить неуместный задор, и я тотчас, приостановив занятия, повел европейца к себе наверх, где разъяснилось, что незнакомец никто иной, как известный ныне путешественник по Средней Азии, венгерец А. Вамбери, возвращавшийся тогда оттуда через Мешхед и Шахруд в Тегеран, и пожелавший, ради отдыха и смене лошадей, прожить в Шахруде дня 3–4. Предложение с моей стороны поселиться на те дни у меня было им с благодарностью принято и я впоследствии, по справедливости говоря, не сожалел об этом, – потому что трудно встретить человека более приятного нежели г. Вамбери, в особенности в необщественной Персии. Рассказам его, в высшей степени живым и интересным, о впечатлениях только что вынесенных им из негостеприимных стран, не было конца, но я не привожу их здесь, так как все они вошли в его сочинения по путешествию в Среднюю Азию, как мне потом пришлось читать, за исключением разве того, что ненависть его к России, при всей его сдержанности со мной как с русским и вдобавок оказавшим ему гостеприимство, видимо прорывалась, но, как мне казалось тогда, не шла далее политических событий, свершившихся в конце 40-х годов, и я никак не ожидал, что этот человек, так горячо тогда высказавший свои сочувствия великим реформам и политике нынешнего царствования,

¹ Smythe Percy, 8th Viscount Strangford // Review of: Arminius Vámbéry: Travels in Central Asia // The Quarterly Review. 1865. Vol. 117. P. 510.

² Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете. 1878. Год 1. № 3. С. 63–66; Известия и учёные записки Императорского казанского университета. 1879. Год 46. Кн. 1. С. 105–108.

³ Гязский берег – Горганский (Астрабадский) залив.

будет впоследствии всяческим образом нападать на Россию и тем возбуждать и без того болезненное воображение барышников-англичан против нашей политики в Средней Азии.

Через три или четыре дня, хорошо не помню, г. Вамбери, тем же дервишем как и явился, хотя без всякой надобности, а просто за невозможностью приобретения европейского костюма в Персии, в сопровождении вывезенного им из Хивы или Бухары здорового туземца, к великому огорчению посещавшего его у меня одного небогатого торговца – англичанина Ленкфильда, впоследствии варварским образом убитого персидскими солдатами и похороненного мной в Шахруде, – выехал в Тегеран, оставив мне на память при сем автограф, следующего содержания:

«A. Vámbéry, Memb: de l'academie Hongroise, retournant de sa mission en l'Asie centrale. A Charoud 28/12 1863»¹. Однако, несмотря на кратковременное пребывание г. Вамбери в Шахруде, я полагаю его и теперь еще помнят некоторые почтенные обыватели этого города, как человека необыкновенной силы воли и отчаянной неустрашимости, потому что в то время попавшему как-нибудь случайно в Хиву или Бухару не только европейцу, но и персиянину шиитского толка, не было возврата. Сверх того, своим знанием корана и толкованием оного в духе шиитской и суннитской мусульманских сект, он до крайности заинтересовал шахрудских мулл, приглашенных тогда мной на один из вечеров послушать ученого «френги». Не менее этого поразил он их и полным знанием языков арабского, персидского и турецкого, с различными их оттенками, и они, помню, разошлись по домам с глубоким убеждением, что Вамбери истый последователь Магомета, без чего, по их понятиям, Аллах не повелел бы сосредоточить в голове «френги» столько света.

Все это впрочем было так давно, что я забыл и думать о приятной встрече с г. Вамбери в Шахруде, тем более, что самые язвительные отзывы его о России, своевременно передававшиеся нашими газетами из иностранных, уже года два или три как не попадают мне на глаза, но обстоятельства, заставившие меня вспомнить о нем, также случайны, как и сама встреча с ним. В прошлом году я познакомился с доцентом Каз. у-та г. Т-вым² и, разговорившись с ним о ходе нашей торговли с Персией, мы как то перешли к странствованиям г. Вамбери по Ср. Азии, и г. Т-в, узнав о встрече моей в Шахруде, просил меня написать об этом краткое воспоминание, что я и исполняю ныне.

г. Ленкорань, 11 мая 1878 года.

Источники и литература

1. Вамбери Арминий. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана чрез Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. СПб.: Тип. Ю.А. Бокрама, 1865. 221 с.

2. Гессен В.Ю. Структура акционерных обществ и методы управления ими в России (на примере некоторых крупных пароходств) // Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования / Под ред. А.Л. Дмитриева, А.А. Семенова. СПб.: Высшая школа менеджмента; Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. С. 413–657.

3. Кулагина Л.М. Торгово-экономические связи России и Ирана (XIX – начало XX вв.) // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева / Под ред. Н.М. Мамедовой, Л.М. Кулагиной, И.В. Зайцева. М.: ИВ РАН, 2009. С. 118–140.

4. Матвейчик Александр. Эпопея солевара из Солигалича. К 200-летию со дня рождения пионера российского нефтяного дела, видного предпринимателя и мецената Василия Кокорева // Нефть России. 2017. № 7–8. С. 71–76.

¹ «А. Вамбери, член Венгерской академии, возвращающийся со своей миссии в Средней Азии. В Шахруде, 28 декабря 1863 г.».

² Толмачев Николай Александрович (1823–1901) – педиатр. С 1849 г. врач в г. Казани. В 1870–1895 гг. преподавал в Казанском университете (с 1881 г. профессор), член Общества археологии и этнографии при Императорском казанском университете. Кроме медицинской деятельности занимался этнографическими и археологическими исследованиями.

5. О фотонафтите, добываемо на сурханских заводах Закаспийского Торгового Товарищества // Кавказ. 1860. 4 августа. № 60. С. 355–356.
6. Персия. Состояние торговли в Мазандеране и Астрабаде в 1857 г. // Кавказ. 1858. 30 ноября. № 94. С. 493–494.
7. Протокол IV-го заседания совета Общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете, 24-го октября 1878 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете. 1878. Год 1. № 3. С. 57–61.
8. Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. 40–60-е годы XIX века. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 237 с.
9. Уразгалиев В.Ш. Становление и развитие нефтяного дела в Российской империи. Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 5. Вып. I. С. 69–80.
10. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1968). М.: Издательство восточной литературы, 1960. 270 с.
11. Smythe Percy, 8th Viscount Strangford // Review of: Arminius Vámbéry: Travels in Central Asia // The Quarterly Review. 1865. Vol. 117. Pp. 476–519.
12. Vambéry A. The Life and Adventures of Arminius Vambéry Written by Himself. New York: F.A. Stokes, 1914. 316 p.

ПОМЕЩИЧЬИ КРЕСТЬЯНЕ ЮЖНОГО УРАЛА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I: ТЕМПЫ И ИСТОЧНИКИ РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье на основании анализа архивных материалов раскрываются этапы возрастания землевладения дворян, соответственно, количества помещичьих имений и численности владельческих крестьян на Южном Урале в первой четверти XIX в. Анализируются источники и темпы прироста численности помещичьих крестьян с 5 по 8 ревизии. Автор дает обобщенную характеристику рассматриваемой проблемы и приходит к выводу, что первая четверть XIX в. являлась периодом наивысшего возрастания количества помещичьих имений на Южном Урале и крепостных, поселенных на территории этих имений в результате интенсивного перевода владельцами крестьян из внутренних губерний России. Темпы увеличения численности помещичьих крестьян в рассматриваемый период значительно опережали темпы прироста всех категорий крестьянства края. Однако темпы прироста всего населения Южного Урала в первой половине XIX в. оставались высокими, вследствие чего численное увеличение помещичьих крестьян не повлекло существенного возрастания удельного веса последних среди других категорий крестьянского населения, оставаясь на уровне 15–19 %.

Ключевые слова: Южный Урал, помещики, имения, землевладение, крестьяне, крепостные, пожалования.

Значительную часть населения Южного Урала составляли частновладельческие крестьяне, численность которых быстро увеличивалась по мере образования в крае новых помещичьих имений, куда из уездов губерний Центра и Поволжья дворяне переселяли собственных или купленных ими крепостных людей. На рубеже XVIII–XIX вв. в крае заметно возрастает количество крупных помещичьих имений, образовывавшихся в результате «всемиловейшего» пожалования земель дворянам. С этого времени пожалования помещикам на Южном Урале (в административном отношении Оренбургской губ.) приобретают довольно широкий размах. Пожалования крупным помещикам из числа столичных чиновников, военных и гражданских служащих производились из казенных дач, а также из отрезанных в ходе генерального межевания земель башкир и других категорий земледельческого населения. О размерах пожалований говорят следующие данные. На территории Бузулукского уезда в 1821 г. статскому советнику Мясоедову было пожаловано 1 тыс. дес. земли, отрезанной в казенное ведомство от сельца Дмитриевского; генерал-майору Бергу – 4 тыс. дес.; генерал-лейтенанту Ольдекону – 4 тыс. дес., отрезанной от дачи с. Дмитриевского в казенное ведомство; полковнику Ефимовичу в 1823 г. – 3 тыс. дес.; генерал-майору Перскому в 1825 г. – 4 тыс. дес., отрезанной от дачи д. Черновка; генерал-майору А.Н. Энгельгардту в 1826 г. – 3 511 дес., отрезанных из дач с. Обуховка; генерал-лейтенанту К.Ф. Альденову – 4 128 дес., отрезанных от дачи с. Дмитриевского; генерал-майору Милорадовичу в 1832 г. – 2 тыс. дес., отрезанных из дачи слободы Никольской; полковнику барону фон Тарнау в 1833 г. – 2 тыс. дес., отрезанных из дач д. Печенино; полковнику Бутовичу – 3 тыс. дес.; полковнику князю Волконскому – 2 тыс. дес., отрезанных от с. Утево; генерал-майору Литвинову в 1835 г. – 3 тыс. дес.; статскому советнику Безобразову – 3 тыс. дес.; статскому советнику Лаврентьеву в 1836 г. – 2 тыс. дес. из дачи, отрезанной в казну от д. Погромной. В Бугурусланском уезде в 1821 г. генерал-майору князю Уракову было пожаловано 2 тыс. дес.; в 1825 г. помещику Матгонину – 615 дес. из дачи с. Покровского; тайному советнику Салтыкову – 3 тыс. дес.; в 1826 г. генерал-майору Лошкареву –

3 тыс. дес., отрезанных из дачи с. Покровского; в 1833 г. полковнику Резенкампу – 2 тыс. дес., отрезанных из дачи Кутлумбетовской¹. На пожалованных землях, правда, не на всех, т. к. часть этих земель или перепродавалась, или сдавалась в аренду) возникали новые селения помещичьих крестьян, переведенных владельцами сюда из внутренних губерний России.

В начале XIX в. крупными помещиками края, обладавшими огромными угодьями и большим числом крепостных крестьян, являлись следующие дворяне. В Бузулукском уезде: Г.Р. Державин, обладавший 16 347 дес. земли и 375 ревизскими душами крепостных; Ф.Я. Шишков – 3 190 дес. земли и 218 ревизскими душами; Н.М. Булгаков – 285 ревизскими душами; Путиловы – 204 ревизскими душами; Е.М. Карпова – 478 ревизскими душами; А.Г. Жданов – 13 177 дес. земли и 157 ревизскими душами; Страховы – 4 145 дес. земли и 190 ревизскими душами. В Бугурусланском уезде: П.П. Полетовалова обладала 12 904 дес. земли и 140 ревизскими душами; С.Ф. Осоргин – 1 905 дес. земли и 139 ревизскими душами; П.Т. Яковлев – 78 145 дес. земли и 164 ревизскими душами; А.Г. Карпов – 10 221 дес. земли и 243 ревизскими душами; В.П. Филипович – 5 030 дес. земли и 114 ревизскими душами; Нагадкины – 9 503 дес. земли и 120 ревизскими душами; Н.Н. Кротков – 10 597 дес. земли и 367 ревизскими душами; С.Е. Кротков – 8 268 дес. земли и 257 ревизскими душами; Ф.М. Тимашев – 23 099 дес. земли и 222 ревизскими душами; А.Н. Зубов – 20 941 дес. земли и 1 228 ревизскими душами; Н.А. Чемодуров – 21 708 дес. земли и 367 ревизскими душами. В Бугульминском уезде Чирковы обладали 245 ревизскими душами, А.А. Петров-Соловой – 200, И.В. Якоби – 122, С.П. Щербинина – 140 ревизскими душами. В Белебеевском уезде Т.С. Аксакову принадлежало 530 ревизских душ, В.Г. Мартынову – 130². Многие крупные помещики сами жили за пределами Оренбургской губ. Так, в 1800 г. из 527 помещиков 356 (67,5 %) проживали в своих южноуральских имениях. Остальные 171 (32,5 %) помещиков, имея здесь селения, сами жили в имениях, расположенных в других губерниях России. Последних значительное количество насчитывалось в Уфимском (51 владелец), Бугульминском (44 владельца), Бузулукском (41 владелец) и Мензелинском (18 владельцев) уездах³.

Иные помещики приобретали землю покупкой у башкир за бесценок, захватывали при размежевании угодья башкир, других категорий земледельческого населения и заселяли эти земли переведенными крепостными⁴. Например, в 1812 г. действительным статским советником Краснокутским было куплено у башкир в Бирском уезде более 1 тыс. дес. земли. На этой земле возникло с. Красный Холм, которое было заселено русскими крепостными крестьянами этого владельца (45 крестьянских дворов, 111 душ м. п. и 166 душ ж. п.). Коллежским советником Тепляковым было куплено у башкир 7 тыс. дес. Здесь возникло сельцо Теплики, заселенное его переведенными крепостными в числе 116 душ м. п. и 112 душ ж. п. (22 крестьянских двора). Статская советница Сушкова приобрела покупкой у башкир Киргизской волости в том же Бирском уезде 10 тыс. дес. земли. В 1815 и 1821 гг. она перевела сюда 129 душ м. п. и 132 души ж. п. (в количестве 32 дворов) своих крепостных, которые образовали сельцо Зимогорье⁵. Не упускали случая

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-352. Оп. 1. Д. 571. Л. 14–57; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 379. Оп. 1. Д. 320. Л. 83; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932. Л. 21.

² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 6/1876. Л. 34–300; Д. 929. Л. 10–11; Д. 932. Л. 22–260; Д. 1874. Л. 81–284.

³ РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 177–177 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932. Л. 21 об.; РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 100. Л. 4–10; Ф. 560. Оп. 1. Д. 327. Л. 2–4.

⁵ РГВИА. Ф. 414. Д. 378. Л. 1–15.

так дешево расширить свои землевладения и старожилые помещики, происходившие из прежних служилых дворян.

На Южном Урале в первой четверти XIX в. значительно увеличилась численность и беспоместных дворян из числа мелких служилых людей, офицеров казачьих войск, личных дворян и т. д., не имевших своих собственных имений, но владевших крепостными людьми. В конце 40-х гг. XIX в. таких дворян насчитывалось здесь 841 чел., которым принадлежало 2 968 душ м. п. крестьян¹.

В течение первой четверти XIX в. численность помещиков Южного Урала неуклонно возрастает, естественно, увеличивается количество помещичьих имений и селений крепостных крестьян. Если в 1800 г. в крае насчитывалось 527 помещиков, то к концу 40-х гг. XIX в. – уже 2 074 чел., т. е. с начала века численность владельцев увеличилась в 3,8 раз². Помещиков привлекали сюда сравнительно выгодные условия приобретения земель (пожалования, низкие продажные цены на башкирские угодья и т. д.). С приобретениями помещиков, переводом ими своих крепостных с целью заселения новых имений, ежегодно возникали новые помещичьи селения³. О размерах перевода крепостных говорят следующие данные. В 1795–1816 гг. в Оренбургской губ. возникло 213 помещичьих деревень⁴. Ю.С. Зобов подсчитал, что в первой трети XIX в. здесь образовалось более 700 новых селений частновладельческих крестьян⁵. Об этом свидетельствуют обследованные нами статистические сведения отдельных уездов Оренбургской губ.⁶ Разумеется, численность помещичьих крестьян увеличивалась и в результате естественного роста. Этот процесс особенно был заметен в имениях мелкопоместных и среднепоместных владельцев, численно преобладавших среди дворян края. Но все-таки решающее значение в возрастании крепостного населения края принадлежало переводу помещиками крестьян. Так, в 1800 г. в Бирском уезде крепостных крестьян было всего 341 ревизских душ, а через 17 лет, к 1817–1818 гг. численность их здесь достигла 1 290 ревизских душ. Здесь увеличение (в 3,7 раза) крепостного населения за такой короткий срок произошло исключительно в результате перевода владельцами своих крестьян из других губерний России на вновь образованные имения в этом уезде. В Стерлитамакском уезде за это время крепостное население возросло с 546 ревизских душ до 4 829 (т. е. в 8,8 раза); в Троицком уезде – с 194 до 676 (в 3,4 раза); в Мензелинском уезде – с 2 475 до 6 332 ревизских душ (в 2,5 раза); в Уфимском уезде – с 4 713 до 8 691 (в 1,8 раза); в Оренбургском уезде – с 2 688 до 4 517 (в 1,6 раза)⁷. Таким образом, вышеназванные уезды являлись в 1800–1818 гг. районами наибольшей помещичьей колонизации, образования новых селений переведенных крепостных крестьян. Столь быстрое численное возрастание в первой четверти XIX в. помещичьих крестьян края происходило из-за преобладания миграционных процессов над естественным приростом. Численность и размещение помещичьих крестьян региона в первой трети XIX в. показаны в следующей таблице:

¹ Журнал министерства государственных имуществ. 1848. № 1. С. 21.

² Там же; РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 177.

³ РГВИА. Ф. 414. Д. 378. Л. 1–15; РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 1275. Л. 36–37; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1411. Л. 626; Ф. 1286. Оп. 5. Д. 424. Л. 32–34; НА РБ. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 59. Л. 18–19; Д. 62. Л. 48; Д. 63. Л. 84; Ф. И-138. Оп. 2. Д. 14. Л. 1–2.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996. С. 340.

⁵ Зобов Ю.С. Помещичье хозяйство и крепостные крестьяне Оренбургского края в первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 93.

⁶ РГВИА. Ф. 414. Д. 267. Л. 1–127; Д. 354. Л. 85–100.

⁷ Отдел письменных источников государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 14. Л. 25–28; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 20. Л. 76–78.

**Численность и размещение помещичьих крестьян
Оренбургской губ. в 1800–1833 гг. (душ м. п.)**

Уезды	1800 г.	1817–1818 гг.	1833 г.
Белебеевский	–	2 672	3 048
Бирский	341	1 290	1 576
Бугульминский	6 524	5 230	5 784
Бугурусланский	–	12 940	12 876
Бузулукский	12 382	9 514	9 619
Верхнеуральский	2 143	2 274	2 313
Мензелинский	2 475	6 332	6 973
Оренбургский	2 688	4 517	4 541
Стерлитамакский	546	4 829	5 823
Троицкий	194	676	683
Уфимский	4 713	8 691	12 991
Челябинский	456	651	681
Уральск	–	486	549
Всего:	33 764	60 102	67 457

Составлена по: ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 14. Л. 25–28; Д. 76. Л. 54; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 20. Л. 76–78; Оп. 6. Д. 1023. Л. 125–129, 295–301.

По данным 5 ревизии наибольшее количество помещичьих крестьян и дворовых находилось в 1800 г. в Бузулукском (12 382 ревизских душ), Бугульминском (6 524 ревизских душ) и Уфимском (4 713 ревизских душ) уездах. В этих трех уездах было сосредоточено 23 619 ревизских душ (69,95 %) помещичьих крестьян и дворовых Южного Урала. В начале XIX в. в Бузулукском уезде проживало 36,67 % всех помещичьих крестьян и дворовых края, в Бугульминском – 19,32 %, в Уфимском – 13,95 %, в Оренбургском – 7,96 %, в Мензелинском – 7,33 %, в Верхнеуральском – 6,34 %, в Стерлитамакском – 1,61 %, в Челябинском – 1,35 %, в Бирском – 1,0 % и в Троицком – 0,5 %. Среди податного населения помещичьи крестьяне вместе с дворовыми распределялись следующим образом. В Бузулукском уезде они составляли 39,47 % податного населения, в Верхнеуральском – 39,00 %; в Оренбургском – 32,04 %; в Бугульминском – 16,24 %, в Уфимском – 15,37 %, в Мензелинском – 6,48 %, в Стерлитамакском – 3,62 %, в Троицком – 2,02 %, в Челябинском – 1,93 % и в Бирском – 1,18 %¹. В целом, владельческие крестьяне и дворовые в 1800 г. составляли 14,58 % податного и 19,01 % всего крестьянского населения края.

В результате перевода владельцами в край своих крепостных из других регионов страны численность помещичьих крестьян южноуральского региона к 6 ревизии (1811–1812 гг.) увеличилась на 75,61 %. Среднегодовой прирост составлял 2 127 ревизских душ. С 6 ревизии (1800 г.) до 7 ревизии (1817–1818 гг.) население в помещичьих селениях возросло в 1,78 раза. В силу значительного увеличения указанных категорий населения (особенно в Мензелинском, Стерлитамаком и Бирском уездах) меняется и соотношение удельного веса помещичьих крестьян в уездах края. Теперь в Мензелинском уезде было сосредоточено уже 10,53 % частновладельческих крестьян и дворовых региона, Стерлитамакском – 8,03 % и Бирском – 2,14 %, в Бузулукском уезде – 15,82 %, в Бугульминском – 8,70 %, в Верхнеуральском – 3,78 %. С 1818 по 1833 гг.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 14. Л. 25–28.

численность помещичьих крестьян вместе с дворовыми людьми возросла в 1,1 раза (на 12,23 %), среднегодовой прирост за эти годы составил 490 ревизских душ. По-прежнему довольно высокой оставалась их доля в Уфимском, Бугурусланском и Бузулукском уездах. Наибольшее же увеличение населения помещичьих крестьян за прошедшие 15 лет произошло в Бирском, Бугульминском, Стерлитамакском и Уфимском уездах (на 6 134 ревизских душ). Причем, только в Уфимском уезде крепостное население выросло на 4 300 ревизских душ. В других уездах прирост был не столь значительным в силу преобладания естественного роста над миграционными процессами.

Итак, в рассматриваемый период на Южном Урале происходили процессы непрерывного и интенсивного роста численности помещичьих крестьян и дворовых. Темпы прироста последних в изучаемое время были довольно-таки высоки и составляли: с 5 по 6 ревизии – 75,61 %, с 6 по 7 ревизии – 12,26 %, с 7 по 8 ревизии – 24,42 %. Особенно большой прирост (75,61 %) произошел между 5 и 6 ревизиями (с 1800 по 1812 гг.). По темпам прироста помещичьи крестьяне и дворовые с 5 по 6 ревизии значительно опережали прирост всех категорий крестьянства края, с 6 по 7 ревизии уступали лишь заводским крестьянам. Однако численное увеличение не повлекло существенного возрастания удельного веса помещичьих крестьян и дворовых в структуре населения региона: по 5 ревизии они составляли 14,58 % податного и 19,01 % крестьянского населения региона, по 6 ревизии – 17,46 % и 22,08 % соответственно. По 7 ревизии помещичьи крестьяне (без дворовых) составляли 15,77 % податного и 19,68 % крестьянского населения, дворовые – 2,6 % и 3,24 % соответственно. По 8 ревизии: помещичьи крестьяне – 12,49 % и 15,35 %, дворовые – 2,3 % и 2,82 %. Темпы прироста других категорий населения Южного Урала, например, государственных крестьян, благодаря прежде всего колонизационным процессам, оставались в то время довольно высокими. По темпам прироста населения Оренбургская губ. с 7 по 8 ревизии занимала 1-е место среди губерний России¹. Вследствие этого и удельный вес помещичьих крестьян в регионе оставался относительно невысоким.

Источники и литература

1. Журнал министерства государственных имуществ. 1848. № 1. С. 21.
2. Зобов Ю.С. Помещичье хозяйство и крепостные крестьяне Оренбургского края в первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.
3. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа: Китап, 1996. 520 с.
4. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М.: Наука, 1971. 190 с.
5. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 59; Д. 62; Д. 63; Ф. И-138. Оп. 2. Д. 14; Ф. И-352. Оп. 1. Д. 571.
6. Отдел письменных источников государственного исторического музея. Ф. 445. Д. 14, 76.
7. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 6/1876, 929, 932, 1874.
8. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 414. Д. 267, 354, 378.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 379. Оп. 1. Д. 100, 320; Ф. 560. Оп. 1. Д. 327; Ф. 571. Оп. 6. Д. 1023; Оп. 9. Д. 20; Ф. 994. Оп. 2. Д. 1275; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1411; Ф. 1286. Оп. 5. Д. 424; Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90.

¹ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971. С. 32.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ДУХОВНОГО ОБЛИКА БАШКИР С КОЧЕВЫМ ОБРАЗОМ ЖИЗНИ

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам и причинам трагического явления, постигшего башкир на рубеже XIX и XX вв. – моральной и физической деградации. В.И. Филоненко связывал это явление с издержками кантонной системы управления башкирами в первой половине XIX в. Подчинение башкир строгой военной дисциплине, превращение из полунезависимых кочевников в пожизненно военнообязанных людей, действительно нанесло тяжкий удар по мироощущению башкирского народа. Болезненное вхождение башкир в условия капиталистического уклада было связано и с другими обстоятельствами. Изначально подавляющая часть башкир являлась кочевниками и в новых условиях, естественно, им было тяжело адаптироваться к новым условиям. Кочевники, привыкшие к степному раздолью, не могли и не хотели превращаться в нацию земледельцев, вынужденных кропотливо возделывать свои участки. Именно в силу своей приверженности кочевому укладу, башкиры не могли подвергнуть себя психологической ломке и изменить свой стереотип поведения в угоду сложившимся обстоятельствам.

Ключевые слова: башкиры, кочевой образ жизни, кантонная система управления, духовная культура, стереотип поведения.

«Один из самых беспокойных, энергичных и воинственных народов в древности превратился с течением времени в народец недеятельный, морально дряблый и ленивый»¹. Так написал о башкирах в 1915 г. В.И. Филоненко. Оценка нелестная. Впрочем, сам же Филоненко дает объяснение этому трагическому явлению – моральной и физической деградации, которая постигла башкирский народ на рубеже XIX и XX вв. Он объясняет это тем, что национальный характер башкир – гордых и воинственных – существенно деформировался за годы кантонной системы управления.

Кантонная система, являвшаяся по сути разновидностью системы военных поселений, которую энергично внедряли Павел I, Александр I и всемерно поддерживал вплоть до катастрофы в Крымской войне Николай I, действительно нанесла жестокий удар по веками устоявшейся схеме взаимоотношений башкир с Российским государством. Башкиры и до этого были обязаны нести военную пограничную службу, но при этом в своих внутренних делах подчинялись исключительно своим народным обычаям, доисламским и мусульманским – адатам и шариату. Царское правительство до начала XIX в. практически не вмешивалось во внутренние дела башкир, не считая подавления многочисленных восстаний, которые как раз и являлись реакцией воинственного и свободолюбивого народа на посягательство на его исконные права.

Подчинение башкир строгой военной дисциплине, замена народных правителей – юртовых старшин военными начальниками преимущественно русской (а иногда и немецкой) национальности, в основном не понимавших народный характер, да и не желавших его понимать, превращение из полунезависимых кочевников в пожизненно военнообязанных людей, носящих военную форму, действительно нанесло тяжкий удар по мироощущению башкирского народа. Однако Филоненко несколько лукавит, объясняя все беды, постигшие башкир на рубеже позапрошлого и прошлого веков, исключительно, если выразиться языком Ильфа и Петрова, «тяжким наследием» николаевского режима. Не менее жестокую травму народному самосознанию нанесли новые социально-экономические отношения, которые стали бурно развиваться в Российской империи после отмены крепостного права. Кантонная система канула в прошлое, но возврата к прежнему

¹ Филоненко В.И. Башкиры. Уфа, 1915. С. 65.

кочевому приволью не наступило. В Башкирию хлынул поток предприимчивого люда – землевладельцы, купцы, промышленники, просто всякого рода спекулянты и проходимцы. И без того деморализованные за полвека кантонной повинности башкиры подверглись систематическому одурачиванию, спаиванию и обворовыванию. В результате народ-вотчинник превратился в народ безземельный, и к началу XX в. действительно представлял из себя по сути маргинализированный этнос. Сейчас принято всячески критиковать национальную политику СССР, однако именно в условиях советского строя башкирский народ, практически обреченный на вымирание в условиях дикого российского капитализма, получил шанс на национальное возрождение – невзирая на все перегибы и деформации сталинщины, хрущевского «волонтаризма» и брежневского «застоя».

Тем не менее, хотелось бы все-таки подробнее остановиться на причинах трагедии, которая постигла башкир на рубеже XIX и XX вв. Ведь другие народы, проживавшие с башкирами на одной территории, порой близкие им по материальной и духовной культуре, языку, не столь болезненно восприняли удар капитализма, сумели достаточно успешно адаптироваться к новым жестким условиям «свободного рынка». Татары, например, к концу XIX в. по оценкам советских исследователей, несмотря на жестокие испытания в условиях колониального угнетения, успешно преодолели рубеж феодальной формации и сложились в буржуазную нацию¹. С башкирами такого не произошло.

Как ни странно, но именно устойчивое стремление башкир сохранить свой вековой уклад сослужило им «дурную» службу. Изначально подавляющая часть башкир являлась кочевниками и в новых условиях, естественно им было тяжело адаптироваться к новым условиям. Кочевники, привыкшие к степному раздолью, не могли и не хотели превращаться в нацию земледельцев, вынужденных кропотливо возделывать свои участки. Вплоть до начала сталинской коллективизации у зауральских башкир сохранялись древние, свойственные именно кочевникам Евразии формы земледелия, характерные еще для эпохи гуннской и древнетюркской архаики². Именно в силу своей приверженности кочевому укладу башкиры не могли подвергнуть себя психологической ломке и изменить свой стереотип поведения в угоду сложившимся обстоятельствам. И дело было вовсе не в безынициативности и приверженности к «лени» как писали близорукие авторы начала XX в., видевшие упадок башкир, а в том, что народ утратил жизненные ориентиры, и соответственно – потерял волю к жизни. Именно по этой причине башкиры к кануну революции 1917 г. по сути оказались на грани физического вымирания.

По мнению Г. Гачева, образ земледельческой, оседлой культуры наиболее сильно тяготеет к женскому началу: «Она (т. е. культура – *авт.*) – оседла, основа покоя, гнезда и дома... А кочевой народ – мужчина, все время в движении и более волен выбирать меж ритмами Времени, не так обусловлен ими»³. Естественно, что народ-мужчина, изначально тяготевший к мужскому началу по своему психотипу, не мог пересмотреть свои ориентиры и в одночасье сменить модель поведения. Привыкший к вековой мобильности народ, утративший свою землю и прежние широкие права, упорно не желавший становиться земледельцем и торговцем, в результате стал вялым, равнодушным и дезориентированным, стал спиваться и вымирать.

В своем монументальном труде «Нравственная культура башкирского народа» Д.Ж. Валеев особо подчеркивал характерное для башкир «устойчивое сохранение этнических традиций народной культуры» и объяснял их такими обстоятельствами как кочевой образ жизни, который способствовал «сохранению древних форм сознания», «военно-походным» укладом жизни, восстаниями XVII–XVIII вв.⁴

¹ Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 161.

² Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Земледелие // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002. С. 82–83.

³ Гачев Г. Национальные образы мира: Космопсихологос. М., 1995. С. 83.

⁴ Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 1989. С. 142.

Приверженность к кочевому укладу нашла свое отражение и в героическом эпосе, и в других проявлениях духовной культуры, в частности, в народных танцах. Многие исследователи народного фольклора отмечали особенность башкирского народного танца именно в том, что мужчина в нем исполняет активную роль, имитирует скачку на коне, стрельбу из лука, рубку саблей, удар плетью, подкрадывание к животному на охоте или к врагу¹. В то же время движения женщины в башкирском танце плавны и медленны. Это сближает башкирский танец с танцем кавказских народов и отличает его от большинства традиционных танцев народов индоевропейских, где женщина наряду с мужчиной играет весьма активную роль (русские, украинские, молдавские танцы и т. д.).

Многовековой кочевой уклад отразился также в достаточно долгом сохранении таких традиций башкирского народа как *барымта* и *карымта* (угон скота и кровная месть). Несмотря на жестокость данных обычаев, в условиях кочевого быта они преследовали строго определенную цель – восстановление справедливости. Необоснованные барымта и карымта строго осуждались и преследовались. Д.Ж. Валеев отмечал, что «...карымта и барымта генетически связаны с проблемой равенства и справедливости. И то и другое – средства решения... проблемы по принципу талиона, реализуемой по формуле: «Око за око, зуб за зуб»². Как отмечает Ф.Г. Хисамитдинова: «Кровная месть считалась священным долгом каждого члена рода. Она гарантировала существование рода, поэтому одобрялась соплеменниками, предводителями и аксакалами. Башкиры верили, что кровь неотмщенного человека превращается в призрак (*өрәк*), плачет и просит отмщения. Кровь его не засыхает, не принимается землей, превращается в черную кровь. Судя по фразеологизму *канды йыуыу* «отомстить», черная кровь очищалась и принималась землей только после отмщения кем-то из родственников»³.

Приверженность большинства башкир к кочевому образу жизни выразилась и в долго сохранявшемся (несмотря на многочисленные гонения и запреты со стороны царского правительства) обычае народных собраний – *йыйынов*. По мнению Н.В. Бикбулатова, обычай проведения йыйынов восходит своими корнями к глубокой древности и берет начало с собраний племени⁴. По нашему мнению, уже в более близкую к современности эпоху, в связи с постепенным переходом с земледельческому укладу, обычай проведения йыйынов постепенно трансформировался в земледельческий праздник, заимствованный, по всей видимости, у казанских татар – сабантуй.

Источники и литература

1. Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Земледелие // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002.
2. Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986.
3. Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1989.
4. Гачев Г. Национальные образы мира: Космопсихологос. М., 1995.
5. Нагаева Л.И. Обрядовые пляски юго-восточных башкир // Народное творчество башкир. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1976.
6. Фатыхова Ф.Ф. Народные праздники // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002.
7. Филоненко В.И. Башкиры. Уфа, 1915.
8. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологизация крови у башкир // Проблемы востоковедения. 2014. № 2 (64).

¹ Нагаева Л.И. Обрядовые пляски юго-восточных башкир // Народное творчество башкир. Уфа, 1976. С. 27.

² Валеев Д.Ж. Указ. соч. С. 75.

³ Хисамитдинова Ф.Г. Мифологизация крови у башкир // Проблемы востоковедения. 2014. № 2 (64). С. 63.

⁴ Фатыхова Ф.Ф. Народные праздники // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. С. 207.

БОРЬБА КРЫМСКИХ ТАТАР С РОССИЙСКОЙ АРМИЕЙ В XVIII в.: ТАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Трансформации в военном деле Крымского ханства в XVIII в. привели к постепенному изменению комплекса вооружения и тактики крымских татар. К концу этого столетия крымские воины отказываются от луков и стрел, основным оружием становятся ружья и пистолеты. Все большее значение получает рукопашный бой. Вместе с тем военная организация государства Гиреев сохраняет традиционные черты, что объясняется объективными причинами. Содержание крымскими ханами многочисленных вооруженных сил на регулярной основе было невозможно, поэтому ставка по-прежнему делалась на ополчение. Модель действий крымско-татарских войск против российской армии в XVIII в. являлась, вероятнее всего, наиболее приемлемой в сложившихся обстоятельствах, хотя и не позволила одержать победу над сильным противником.

Ключевые слова: военное дело, крымские татары, Крымское ханство, Российская империя, тактика.

Основой традиционного крымского военного искусства в XV–XVII вв. являлось сочетание «малой войны» и «прямого дела». Малая война представляла собой действия на вражеских коммуникациях, нападения на отдельные отряды противника, блокаду его сил. Крымские татары предпочитали делать ставку на малую войну, если не были уверены в победе над неприятелем в открытом сражении или если считали, что могут добиться победы без лишнего кровопролития. «Прямое дело» (т. е. крупномасштабная битва) также занимала важное место в тактическом арсенале ханских военачальников. Чередуя их, полководцы Крымского ханства неоднократно останавливали наступление численно превосходящих армий неприятеля. Умелое проведение «стратегии непрямых действий» долгое делало крымское войско опасным противником для его соседей.

В реалиях XVIII в. эффективность крымскотатарской стратегии существенно уменьшилась. Изменения в тактике и вооружении (например, введение в европейских армиях штыка) делали уже в конце XVII в. открытое столкновение с хорошо вооруженной, огнестрельной армией малоперспективным, поэтому ставку все чаще приходилось делать на малую войну. Однако границы с плотно заселяемыми районами приближались к Крыму, что сужало возможности для ее ведения. Снижение результативности прямых атак и партизанских действий отрицательно сказывалось на обороноспособности Крымского ханства, повышая вероятность его завоевания в случае широкоформатного вторжения. Это вызывало неприятие Бахчисараем и провинциальными элитами процесса стабилизации границ как явления, серьезно угрожавшего государственной безопасности. В свою очередь, этим объясняется быстрое и малокровное завоевание Крыма в 1771 г. российскими войсками¹, ибо в период между 1774 и 1783 гг., когда полуостров несколько раз был охвачен восстаниями, крымцы сумели в лучших традициях малой войны нанести противнику существенный урон.

Так как главным противником Крымского ханства в XVIII в. была Российская империя, мы проиллюстрируем развитие тактики на примерах столкновений крымских татар с русской армией. В это столетие крымцы воевали против вооруженных сил своего северного соседа на стороне Турции в русско-турецких войнах 1710–1713, 1735–1739 и 1768–1774 гг., а также во время грандиозных восстаний 1774, 1777–1778 и 1782–1783 гг.

¹ Их урон в Крымской кампании 1771 г. составили не более 400 убитыми и ранеными. А.В. Мальгин справедливо назвал такие потери «ничтожными». См.: Мальгин А.В. Покоренье Крыма. 1768–1774. Симферополь, 2016. С. 74.

Крымскотатарская тактика XV–XVII вв. опиралась на обстрел из луков и рукопашный бой, в котором использовались сабли и копья. Развитие огнестрельного оружия и пехотной тактики окончательно свело на нет результативность лучного боя. Поэтому в крупномасштабных столкновениях XVIII в. крымские татары все чаще использовали огнестрельное оружие и сабельные атаки. В некоторых кампаниях они ограничивались одной лишь малой войной, что в полной мере проявилось во время русско-турецкой войны 1710–1713 гг. Основных успехов в ней татары достигли в Прутской кампании 1711 г.¹ Крымский современник событий Абдулгаффар Кырыми писал про войска Петра I: «оснащенная различным оружием армия была как некая прочная стена»². Не вступая с таким мощным противником во фронтальные бои, всадники хана Девлета II Гирея истощали его, нападая на небольшие изолированные подразделения и отрезая подвоз продовольствия, что повлекло за собой большие потери русских войск.

Однако в 1730-е гг. крымские войска довольно часто втягивались в открытое столкновение с регулярной армией Российской империи на территории Северного Кавказа и Крымского ханства, что объяснялось стратегическими причинами. Одним из первых серьезных сражений новой эпохи стала битва на р. Сунжа (1733 г.), в которой крымские воины бросились на русских с саблями и уверенно теснили их. О накале битвы можно судить по тому, что генерал-поручик «Еропкин очутился посреди рукопашной свалки – ему разрубили лицо»³. От поражения царских солдат спас интенсивный артиллерийский огонь, вынудивший ханских всадников бежать с поля боя⁴.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. ознаменовалась целой серией крупномасштабных сражений между русскими и крымскими войсками. Ханство более не могло защищаться, опираясь на одну лишь логистику, хотя первый в этой войне поход на Крым генерала М. Леонтьева в 1735 г. был неудачен⁵. Новое наступление российской армии в 1736 г. вынуждало Гиреев поневоле вступать с ней в полевые сражения. Дважды – в Черной долине (20 км к северу от Перекопа) и под Бахчисараем – татары дали битву врагу, не желая сдавать подступы к полуострову и столицу ханства без боя.

В битве в Черной долине (8 мая 1736 г.) крымские аскеры сделали ставку на рукопашный бой, однако драгунам удалось отбить ряд атак огнем, что вынудило крымцев остановиться на лучном обстреле с дистанции в сотню шагов. Эта тактика оказалась неэффективной – небольшой русский отряд полковника Виттена уверенно продержался несколько часов до подхода подкреплений. Это заставило ханскую конницу отступить, хотя левобережные казаки (стоявшие на левом фланге Виттена) почти все бежали при первом натиске⁶.

Данное сражение имело серьезные моральные последствия. Уже несколько десятилетий армия во главе с самим ханом не сталкивалась с русским войском в большой полевой битве. Выяснилось, что стойкость реформированных Петром I войск позволяет без поддержки артиллерии, полевых укреплений и конницы выстоять на равнинной местности против многочисленной кавалерии противника. Сражение произвело большое впечатление на обе стороны. Французский консул в Крыму Адам Эворка отмечал: «после

¹ Артамонов В.А. Крымскотатарское войско в Турецко-русской войне 1710–1713 гг. // V науч. чтения памяти У. Боданинского: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (г. Бахчисарай, 23–27 октября 2013 г.). Симферополь, 2013. С. 15–16.

² Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 53.

³ Потто В. Кавказская война. Т. I: С древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887. С. 43.

⁴ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. С. 119–120.

⁵ Аваков П. Крымское ханство в военно-политических планах Российской империи 1735 г. // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 25–26.

⁶ Баиов А.К. Русская армия в царствование имп. Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739. Первые три года войны. СПб., 1906. С. 246–247.

отступления от Перекопа был собран большой военной совет, но на нем ничего или весьма мало было решено, поскольку все согласились, что русские уже не были такие, как прежде, когда сотня из них бежала перед одним татаринцом»¹. Командующий русской армией фельдмаршал Б.К. Миних, вероятно, со слов Эворки, писал: «Со времен этой войны турки и татары стали уважать и почитать российские войска и хорошо обращаться с пленными, которых, впрочем, было мало. Татары говорили, что русские теперь не то, что прежде: если раньше десять татар обращали в бегство сто русских, то теперь сто татар отступают при виде десяти русских»². Участник похода Манштейн также сообщал: «Это дело сильно подействовало на обе стороны: татарам оно внушило небывалое уважение к русским, а русские стали презирать татар. Это впечатление много содействовало успехам русских в этой войне»³. По показаниям пленных татар известно, что хан Каплан Гирей и калга Фетх Гирей были сердиты и печальны, и не по причины разорения страны, а из-за военных поражений⁴.

Битва подействовала не только на крымских татар, но и на их врага. В походном журнале русской армии значится: «Сия первая акция, в которой хан сам обреталяся, за пробу воспоследовала к показанию, что немалые тысячи таких неприятелей не состоянию находятца малому числу храброму российскому войску вред учинить, но от двух до трех сот человек, как господин генерал-майора Шпигель и полковник Вейсбах при себе имели, многим тысячам могут противитца, когда не в страхе и добропорядочно стоять будут. Через оную ж акцию нашим молодым офицерам и салдатам одобрение и безстрашие воспоследовало»⁵.

Пропагандистское значение битвы для русского командования проявилось в своеобразном занижении собственных потерь. Они были определены всего в 12 убитых и 157 раненых, не считая казаков, про которых в журнале было сказано, будто их потери неизвестны. Это, однако, не так – левобережных и запорожских казаков (не считая слободских) погибло 626 чел.⁶ Вероятно, русское командование объявило по войскам, что урон необычайно мал, а про потери казаков предпочли сказать, что они неизвестны. Что неудивительно: оглашение данных о сотнях убитых препятствовало бы выполнению задачи по воодушевлению солдат в войне с некогда могущественным врагом. О том, как фельдмаршал старался ободрить солдат, говорит его приказ перед штурмом Перекопской линии: «...неприятельского крику не бояться, ибо, когда они закричат, то уже скоро побегут»⁷.

Психологическое значение битвы в Черной долине неудивительно. Еще российский дореволюционный историк М.И. Богданович отмечал, что Крым до Миниха (т. е. ханство в целом) было «гробницей русских легионов»⁸. Современный исследователь истории русско-турецкой войны 1735–1739 гг. А.А. Михайлов писал: «Князь Василий Голицын в конце XVII в. и генерал Леонтьев в 1735 г. пытались пробиться в Крым и потерпели

¹ Брун Ф. Крым в половине XVIII столетия. Одесса, 1867. С. 26.

² Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е – 1760-е годы). М., 1991. С. 56.

³ Манштейн Христофор Герман. Записки о России 1727–1744. СПб., 1875. С. 74.

⁴ Миних Бурхард Христофор. Всеподданейшие донесения гр. Миниха. Ч. 1: Донесения 1736 и 1737 годов. СПб., 1897. С. 110.

⁵ Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.: Сб. док. / Сост., вступ. ст., археогр. введение, передача текста, комм. и указ. П.А. Авакова. Ростов-на-Дону, 2017. С. 59–60. Благодарим И.Б. Бабулина за возможность ознакомиться с материалом данной книги.

⁶ Шпитальов Г.Г. Запорозьке військо в російсько-турецькій війні 1735–1739 років. Запоріжжя, 2002. С. 28; Репан О. Іржа на лезі. Лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 років. Київ, 2009. С. 95.

⁷ Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М.; СПб., 2003. С. 178.

⁸ Богданович М.И. Русская Армия в веке императрицы Екатерины II. СПб., 1873. С. 16.

неудачу. Неудачей закончился предпринятый Петром I в 1711 г. Прутский поход. И Дунайские земли, и Крым в сознание русских военачальников и солдат были тесно связаны с поражениями¹. Отныне логистические трудности более не сдерживали натиск с Севера и роли сторон навсегда переменялись.

О переосмыслении русскими боевой мощи своего старого врага говорит постоянное сокращение численности выделяемых для походов на Крым армий. Если в 1736 г. Миних повел на полуостров 58-тыс. армию², то в следующих экспедициях силы вторжения становились все менее внушительными, пока, наконец, в 1771 г. для завоевания Крыма российское правительство не сосредоточило 27-тыс. войско³. Нужно также добавить, что пики были сняты с вооружения русских войск в 1716–1717 гг.⁴, однако были возвращены в армию Минихом, полагавших, что крымские татары будут способно пробиться сквозь огонь и навязать рукопашную схватку. Впрочем, в походе 1736 г. пики оказались излишни. Упомянем также изменение оценок боевых качеств крымцев в сторону снижения по сравнению с XV–XVII вв. Так, фельдмаршал А.А. Прозоровский писал: «как бы великое число посадить русских мужиков на лошадей, так бы сие представляло татарское войско»⁵, что резко отличается от большинства характеристик, даваемых современниками в прошлые века⁶. Вероятно, дело было не только в снижении боевого духа крымских татар под влиянием ряда военных неудач, но и в изменении вооруженных сил противника, приведших к повышению его боевых качеств.

После неудачной битве в Черной долине крымские татары продолжали вести малую войну против русской армии, однако 17 июня были вынуждены дать бой перед Бахчисараем, не желая сдавать столицу без сопротивления. Крымско-турецкие войска стремилась навязать неприятелю сабельный бой. Авангард русской армии, в коем находились казаки, был отброшен яростной атакой. Был вынужден отступить Владимирский пехотный полк, потерявший одно полковое орудие. Три орудия было отнято у казаков. И вновь ханские войска не выдержала постоянного огня и отступила⁷.

В 1737 и 1738 гг. русская армия вновь вторгалась на территорию Крыма. В боях за Карасубазар (1737 г.) она вынудила крымско-турецкие войска к отступлению благодаря огневому превосходству⁸. 26 июля 1737 г. аскеры, пользуясь тем, что украинские казаки действовали отдельно от регулярной армии, напали на них. Казацкая артиллерия не сумела удержать натиск ханских воинов, ворвавшихся в табор и вынужденных отступить лишь после ожесточенного рукопашного боя⁹.

Единственным крупным сражением кампании 1738 г. была Ялныз-Агачская битва. Крымско-турецкая конница атаковала и смяла украинских казаков, опрокинула Азовский драгунский полк, теснила еще четыре драгунских полка и донцев, поспешивших на помощь казакам и азовским драгунам. Сопровождавший русскую армию врач И.Я. Лерхе писал, что стрельба практически не велась, крымские татары и турки вели бой саблями и

¹ Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М.; СПб., 2003.

² Баиов А.К. Русская армия в царствование имп. Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739. Первые три года войны. СПб., 1906. С. 239.

³ Мальгин А.В. Покоренье Крыма. 1768–1774. Симферополь, 2016. С. 36–38.

⁴ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 76.

⁵ Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. М., 2004. С. 27.

⁶ Напр.: Шалак М.Е. Война и воинские традиции крымских татар в произведениях иностранцев в конце XVI – начале XVII вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 159.

⁷ Баиов А.К. Указ. соч. С. 269–270; Журналы Крымских походов российской армии... С. 73–74.

⁸ Баиов А.К. Указ. соч. С. 432.

⁹ Репан О. Іржа на лезі. Лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 років. Киев, 2009. С. 97.

пиками¹. Лишь прибытие вражеской пехоты вынудило всадников хана отступить. Генералу Шпигелю в вихре боя разрубили саблей лицо².

Подводя итоги крупным битвам русско-турецкой войны 1735–1739 гг., отметим, что лишь в одном случае (Черная долина) крымцы действительно занялись продолжительным обстрелом неприятеля из луков, но сделали это по причине того, что первоначально предпринятая ими сабельная атака была отбита огнем. Во всех остальных масштабных сражениях крымские татары стремились к рукопашной схватке. Это соответствовало европейским тенденциям, связанным с угасанием роли кавалерийского стрелкового боя (терявшего свое значение из-за развития пехотной тактики и огнестрельного оружия). Ханским аскерам нередко удавалось добиваться успехов в боях с иррегулярными силами врага (казаками) и кавалерией, однако одолеть пехоту они не могли. Ставка на истощение неприятельских сил позволила нанести неприятелю внушительный урон, но не сдерживала наступление. Русские войска несли огромные потери из-за малой войны (подробное описание трудностей марша в 1736 г. составлено адъютантом генерал-майора Бирона³), однако практически неисчерпаемые людские ресурсы громадной империи позволяли компенсировать их посредством все новых и новых рекрутских наборов.

В период между 1739 и 1768 гг. огнестрельное оружие стало еще более распространенным в Крымском ханстве. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., и позднее, во время правления Шахина Гирея, источниками отмечается важная роль огнестрельного оружия в крымском военном деле и, напротив, почти полное исчезновение (с начала 1770-х гг.) массированного лучного боя. Битвы в период между 1769 и 1771 гг. имели между собой много общего: татарская конница, несмотря на периодически успешные атаки на легкие войска противника (гусар и казаков), вновь оказывалась неспособной одолеть регулярные русские войска.

В битвах под Хотинном (1769 г.)⁴, Рябой Могиле (1770 г.)⁵, Ларгой (1770 г.)⁶, Перекопом (1771 г.)⁷, Кефе (1771 г.)⁸ легкая крымская кавалерия раз за разом была вынуждена отступать под сильным огнем врага. Даже российская кавалерия в 1770-е гг. успешно противостояла крымским татарам, хотя в некоторых случаях, отдаляясь от пехоты, она бывала ими опрокидываема⁹.

В кампании 1771 г. крымские татары атаковали отряд генерала М. Берга (2,5 тыс.), спешившего на соединение с основными силами армии В. Долгорукова. Участник этих боев с русской стороны Густав фон Штрандман вспоминал: «Только что мы двинулись далее, татары атаковали нас со всех сторон. Издали видны были три большие отряда, пред одним из них, которым командовал хан, развевалось большое знамя красного и белого цветов. Не было другого средства противодействовать этому рою, который, как пчелы, кружились около нас и постоянно безостановочно стреляли по нашему фронту из ружей и

¹ Лерхе И.Я. и его «История жизни и путешествий...» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. / Пер. Е.В. Корепановой (Чупиной) и Е.Н. Тарасенко, 2018. С. 134 // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/Lerche_Jochann_Jacob/text.phtml (дата обращения: 16.05.2019).

² Баиов А.К. Русская армия в царствование имп. Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739. Первые три года войны. СПб., 1906. С. 551.

³ Турецкая война при императрице Анне Иоанновне. Записка неизвестного участника оной, с предисловием С.В. Сафонова // Русский архив. 1878. № 3. С. 255–274.

⁴ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. СПб., 1866. Т. I. 1769 год. С. 215–216.

⁵ Петров А.Н. Указ. соч. СПб., 1866. Т. 2. 1770 год. С. 102–104.

⁶ Там же. С. 110–121.

⁷ Записки... С. 401–402.

⁸ Петров А.Н. Указ. соч. СПб., 1874. Т. 3. 1771 год. С. 188–189.

⁹ Мальгин А.В. Покоренье Крыма. 1768–1774. Симферополь, 2016. С. 142.

пистолетов; когда приходилось останавливаться, тогда они подходили так близко, что приходилось их отгонять картечью»¹. Но эти атаки не помешали Бергу соединиться с Долгоруковым. Если верить Штрандману, за 2 дня боев, 29–30 июня 1771 г. солдаты Берга потеряли от огня лишь 7 убитыми и 21 ранеными.

Опыт 1770-х гг., когда крымские всадники активно использовали огнестрельное оружие, показывает, что жалобы османских источников на его нехватку как причину поражения в 1736 г.² являются необоснованными. Когда его стало больше, на ход боев это все равно принципиально не повлияло.

Хотя в целом алгоритм тактических действий татар оставался в целом прежним (сочетание прямых атак и партизанской войны), детали менялись. Согласно источникам, во время восстаний 1770-х гг. многочисленная (по крымским меркам) пехота действует в рассыпном строю, используя ружья для изматывания неприятеля. Приведем пример из истории одного из боев в 1774 г.: «И как вдруг наступила конница, то он, Есипов, произведя по ней выстрелы, построясь в каре, был при лесах татарскою пехотою атакован, но не утрашась оной, бросился напролом ее. Причем он, подпорутчик Есипов, ранен в левую ногу пулею и 3 человека егерей. И таким образом, пробившись сквозь пехоту, пошел в лес, продолжая свою ретираду. И хотя татарские конница и пехота вслед за ним более 10 верст по горам и кустам следовала с продолжением оружейного огня, однако уже ему никакого вреда не причинила»³. Опираясь на более частые упоминания обстрела из ружей и пистолетов, чем из луков, полагаем, что почти все раны, полученные русскими солдатами в стрелковом бою с крымскими татарами в 1770-е гг., были причинены пулями.

Продолжали постоянно практиковаться сабельные атаки. А.А. Прозоровский писал о том, как 24 июля 1774 г. отряд полковника Ступишина подвергся нападению крымских ополченцев: «татары с превеличайшим криком бросились во все фасы его каре с такою жестокостию, что до самого фронта доскакивали»⁴. 23 июля того же года 200 крымцев перехватили отряд из 500 конных запорожцев, продвигавшихся вдоль Сиваша к Арабату, и обратили его в бегство. В этом бою аскеры вновь рубили врага саблями: «некоторых так сильно ранили, что кому-то руку отрубили, кому-то плечо»⁵.

Во время первого восстания против Шахина Гирея в 1777–1778 гг. тактика крымских татар включала в себя 2 элемента: огневой бой и атаки холодным оружием. О значении огня писал современник событий Рабби Азарья: «скоро Татары почувствовали недостаток в порохе; тогда приказано было отнимать у всякого, кто имел порох или свинец, Греки и Армяне принуждены были отдать все находящееся у них огнестрельное оружие, прислано было и к нам за порохом, в чем наши купцы не отказали»⁶.

Повстанцы и в этом восстании несколько раз пытались атаковать русские войска в рукопашном бою. Генерал А. Прозоровский писал П. Румянцеву об одной из атак крымских татар в битве у Салгирского ретрашемента 17 октября 1777 г.: «они, не выстреля ни однажды, вдруг всеми толпами бросились с такою фуриею, что как я, так и прочие бывшие тут, сиятельный граф, никогда еще не видали, чтобы какая-нибудь конница так горячо и сильно атаковать могла», добавляя, что «нападение татар по их известному худому вооружению так нагло и стремительно на отборные наши легкие

¹ Штрандман Г.Э. фон. Записки // Русская старина. 1884. Т. 43. № 7. С. 62.

² Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889. С. 58.

³ Записки... С. 606.

⁴ Там же. С. 601.

⁵ Шпитальов Г.Г. Військова служба запорозького козацтва в російсько-турецьких війнах 1735–1739 та 1768–1774 років. Запоріжжя, 2004. С. 168.

⁶ Фиркович А.С. События, случавшиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана // Временник императорского общества истории и древностей российских. 1856. Кн. 24. С. 107.

войска сделанное, для меня непостижимо»¹. Крымские воины под огнем противника доскакали до самих пехотных каре, где дошло до рукопашной. Командиры обоих гусарских полков, принимавших участие в бою, были ранены татарскими саблями. Но и такие яростные нападения были безуспешны ввиду подавляющего огневого превосходства врага.

Борясь с регулярными войсками, часто оборонявшимися в укреплениях, крымские ополченцы во время восстания 1777–1778 гг. проявляли настойчивость и изобретательность, прибегая к земляным работам для облегчения штурма. В бою у с. Арамкой (20–26 октября 1777 г.) они постоянно атаковали отряд секунд-майора Тунцельмана, подвергая его ружейному и артиллерийскому (они захватили в качестве трофеев 4 пушки) обстрелу. Под прикрытием орудийного огня «татары принялись сооружать апроши (извилистые узкие рвы с внешней насыпью) на подходах к русскому вагенбургу, готовя последний приступ по всем воинским правилам»². Лишь подход 26 октября гренадерского батальона подполковника де Ласси спас изрядно поредевший отряд Тунцельмана от уничтожения (сам секунд-майор получил два пулевых ранения). При этом «обоз к тому времени был совсем разрушен, осажденные уже неделю не имели воды и очень ослабели, а уйти никуда они уже не могли – все лошади и мулы были перебиты». Другой русский отряд под Судаком 19 октября 1777 г. был блокирован крымцами, которые для штурма укрепления «строили апроши, готовили бочки, щиты и возы»³, хотя окруженным и удавалось отбросить осаждающих повстанцев благодаря вылазке.

Нападения на изолированные подразделения врага в некоторых случаях были способны причинить ему значительный урон. Например, в конце октября 1777 г. отряд генерал-майора В. фон Райзера, отступая от Гезлева к Перекопу, подвергался сильному натиску крымцев. «Трое суток (22, 23, 24 октября) пеший отряд фон Райзера двигался по степной дороге на север. Конные татары атаковали его непрерывно, со всех сторон, и днем, и ночью; в двух пехотных полках к концу изнурительного перехода осталось не более 500 человек, бредущих все эти дни без воды и продовольствия»⁴. От уничтожения остатки обеих полков спасло прибытие Таганрогского драгунского полка из Перекопа.

Отличительной чертой боевых действий на территории Крыма в последние годы ханства стало изменение соотношения численности родов войск и общее ухудшение качества татарского вооружения. Нужно сказать, что для далеких походов Гирей призывали ополченцев, имевших в наличии надлежащее снаряжение. Однако всеобщий призыв во время обороны родной земли резко снизил уровень обеспеченности качественным оружием. По мнению А.А. Прозоровского, в январе 1777 г. «в числе-же тысячи татар доброконных и хорошо вооруженных не более найтиться может, как пятьдесят, прочие-жь затем не достойны никакого примечания, как в вооружении, так и в лошадях»⁵. Восставшие против Шахина Гирея в 1782 г. крымские татары были вооружены топорами, косами, пиками, сабля же была редкостью⁶. Ввиду того, что значительная часть мужского населения не имела коней, в 1770-е гг. отряды ополчения, противостоящие русским, нередко на 30–40 % состояли из пехоты⁷, иногда пехотинцев было даже больше

¹ Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб., 1885. Т. I. С. 812–815.

² Григорьев С.И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб., 2015. С. 219.

³ Там же. С. 219–220.

⁴ Там же. С. 220–221.

⁵ Дубровин Н. Указ. соч. Т. I. С. 274.

⁶ Он же. Указ. соч. СПб., 1889. Т. 4. С. 524.

⁷ Записки...С. 586–606.

всадников¹. Потери крестьян и горожан, вынужденных братья за оружие, были значительно выше потерь противостоящей им профессиональной армии. Тем не менее, крымцы сражались отчаянно и самоотверженно, хотя, несмотря на большой урон с обеих сторон, они так и не сумели изгнать с территории полуострова российские войска.

Возникает закономерный вопрос – почему, несмотря на уменьшающуюся эффективность своих действий, крымские татары сохраняли архаичную военную организацию до последних лет существования своего государства? На первый взгляд в XVIII в. им следовало запустить процесс вестернизации, чтобы угнаться за вырвавшимися вперед европейцами. Тем не менее, облик вооруженных сил крымских Гиреев оставался практически неизменным вплоть до реформ Шахина Гирея (1777–1783). Однако мы полагаем, что было бы ошибкой считать затянувшуюся консервацию военных институтов ханства показателем отсталости.

Для успешного формирования боеспособной регулярной армии требовалось несколько условий. Во-первых, следовало решить вопрос ее содержания. Продолжительное обучение было необходимо для внедрения в солдатскую массу нужных навыков. Ополчение, составлявшее основу крымских войск, практически ничего не стоило ханскому бюджету, однако попытка перевести его на постоянное содержание привела бы к финансовому и политическому кризису. Держать многие тысячи мужчин для соответствующего обучения не смог бы ни один, даже самый популярный в народе, хан.

Европейские армии XVII–XVIII вв. обходились своим правительствам весьма недешево, почему и составляли лишь считанные проценты от численности народонаселения, поглощая при этом нередко более половины всего государственного дохода. В Крымском ханстве с его ограниченными ресурсами и несколькими сотнями тыс. жителей регулярная армия составила бы всего несколько тыс. чел., и, вероятнее всего, была бы разгромлена неприятелем в первом же столкновении. У крымских Гиреев была регулярная армия (сеймены), численностью всего в 2 тыс. чел., не сыгравшая сколько-нибудь серьезной роли в войнах с Россией в XVIII в.

Таким образом, имел место «эффект Матфея»: богатые централизованные империи имели достаточно ресурсов для создания массовой постоянной армии, Крым таковой возможности не имел.

Соответственно, ханские военачальники действовали так, как и следовало поступать в сложившихся обстоятельствах. Они по возможности избегали битв на невыгодных для себя условиях (хотя им не раз приходилось их давать), отступали вглубь страны, истощали силы противника партизанской войной. Каплан Гирей в 1736 г. действовал приблизительно так же, как Барклай де Толли и Кутузов в 1812 г. (вплоть до того, что в обоих случаях из престижных соображений была дана битва перед столицей). С той, однако, поправкой, что Крым уступал в размерах России и путь, пройденный армией Миниха, был существенно меньше расстояния, преодоленного Великой армией Наполеона (вероятно, именно благодаря этому обстоятельству Миних вывел с территории полуострова хотя и потрепанную, но боеспособную армию). Российская армия не так сильно отличалась от армии французской, как от крымской. Тем не менее, российские генералы в 1812 г. долгое время благоразумно уклонялись от решающей битвы, осознавая ее невыгодность для себя.

По этой причине мы считаем, что войско Крымского ханства, даже превратившись в малочисленную огнестрельную регулярную армию, вряд ли вело бы себя как-то принципиально иначе в 1736 г., чем это случилось в действительности (то есть точно также отступало бы в крымской степи). Рельеф местности и многочисленная кавалерия делали

¹ Григорьев С.И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб., 2015. С. 220.

крымских татар «хозяевами пространства»¹ (по меткому определению К. Клаузевица), что позволяло ослаблять врага и наносить ему ощутимые потери. Крымское войско, с его упором на малую войну справлялось с истощением противника в 1736 г. лучше, чем это сделала бы регулярная армия. Не стоит видеть в быстром завоевании Крыма в 1771 г. некую местную специфику. Так, как действовали крымские татары, вела себя любая иррегулярная кавалерия в боях с регулярным противником. Достаточно вспомнить известные слова Д. Давыдова о встрече русских казаков со Старой гвардией Наполеона в 1812 г., буквально списанных с русских кампаний на Крымском полуострове.

Продолжительное использование луков также не должно удивлять. Кавалерийское огнестрельное оружие существенно уступало пехотным аналогам в эффективности. Так, во французской армии начала XIX в. дистанция прицельного выстрела из кавалерийского мушкетона составляла до 125 м – в 2,5 раза меньше, чем из ружья. Еще менее внушающими были соответствующие показатели пистолета. Если пехотное ружье давало одну осечку на 6–12 выстрелов, то пистолет давал 50 % осечки при стрельбе во время рыси и 75 % – в галопе². Поэтому европейская кавалерия не стремилась превзойти плотно построенную пехоту во время перестрелки. Не удавалось это и крымским татарам, хотя, осознавая малую эффективность лука, они в 1770-е гг. перешли в основном на ружья и пистолеты. Но и это не решило положительно проблему противостояния неприятельской пехоте.

Европейские военачальники XVIII–XIX вв. сочетали кавалерийский натиск с пехотными атаками, «обработкой» неприятельских позиций огнем стрелков и артиллерии. Даже при таких обстоятельствах многочисленные атаки регулярной конницы нередко отбивались развернутой для боя пехотой. Значение конных постепенных атак шло на убыль. Крымская конница, не имеющая сколько-нибудь значимой огневой поддержки, вынужденная атаковать плотные каре готового к бою противника (иногда опирающегося на земляные укрепления, как в битве под Хотинском в 1769 г.), не могла добиться победы во фронтальном бою. Ее уделом оставались действия против мелких, изолированных частей и стратегия измора.

Лучный бой к 1770-м гг. утратил прежнее значение. Продолжительная стрельба из луков использовалась преимущественно в мелких стычках или в тех случаях, когда успешная атака холодным оружием не представлялась возможной. Ответом на огневое превосходство противника были либо сабельные атаки, либо стрелковый бой с использованием преимущественно огнестрельного оружия. Однако сабельные атаки, хотя и могли нанести существенный урон противнику, приводили также к большим потерям в личном составе, так как, помимо урона при преодолении простреливаемого пространства, во время рукопашного боя неприятель вел огонь по сражающейся массе всадников. В силе огня и способности выдерживать его крымцы не могли сравниться с противником.

Эпоха кавалерийских армий в Восточной Европе уходила в прошлое. Эффективно противостоять дисциплинированной массе неприятельской пехоты, имея лишь конницу (неважно, какую) было уже невозможно. Если бы в 1771 г. русских у Перекопа встретила армия, состоящая из одних только гусар (например, французских или прусских), без пехоты и артиллерии, исход боев вряд ли был бы принципиально иным. Мы считаем, что упадок военной мощи крымскотатарского государства не случайно совпал со снижением военной роли кавалерии. Стоит согласиться с К. Клаузевицом, писавшим, что «по мере совершенствования огнестрельного оружия кавалерия все более теряет свое значение»³. Крымские военачальники и их воины сделали все возможное, действуя теми силами и вооружением, что у них были, избирая в целом оптимальный путь противостояния противнику. Но для победы этих усилий оказалось недостаточно.

¹ Клаузевиц К. О войне. М., 1994. С. 339.

² Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 148, 158–160.

³ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 342.

Источники и литература

1. Аваков П. Крымское ханство в военно-политических планах Российской империи 1735 г. // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 8–4.
2. Артамонов В.А. Крымскотатарское войско в Турецко-русской войне 1710–1713 гг. // V науч. чтения памяти У. Боданинского: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (г. Бахчисарай, 23–27 октября 2013 г.). Симферополь: Антіква, 2013. С. 15–16.
3. Баиов А.К. Русская армия в царствование имп. Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739. Первые три года войны. СПб., 1906. 556 с.
4. Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е – 1760-е годы). М.: Художественная Литература, 1991. 376 с.
5. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза СССР, 1958. 662 с.
6. Богданович М.И. Русская Армия в веке императрицы Екатерины II. СПб., 1873.
7. Брун Ф. Крым в половине XVIII столетия. Одесса, 1867. 28 с.
8. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. 548 с.
9. Григорьев С.И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб.: Государственный мемориальный музей А.В. Суворова, 2015. 552 с.
10. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 1. 1775–1777 гг. СПб., 1885. 903 с.; Т. 4. 1781–1782 гг. СПб., 1889. 1032 с.
11. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.: Сб. док. / Сост., вступ. ст., археограф. введение, передача текста, комм. и указ. П.А. Авакова. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2017. 484 с.
12. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. М.: Российский фонд культуры «Российский архив», 2004. 784 с.
13. Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука, 1994. 451 с.
14. Лерхе И.Я. и его «История жизни и путешествий...» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. / Пер. Е.В. Корепановой (Чупиной) и Е.Н. Тарасенко, 2018 // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/Lerche_Jochann_Jacob/text.phtml (дата обращения: 16.05.2019).
15. Мальгин А.В. «Покоренье Крыма». 1768–1774. Симферополь: Сонат, 2016. 176 с.
16. Манштейн Христофор Герман. Записки о России 1727–1744. СПб., 1875. 378 с.
17. Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 35–60.
18. Миних Бурхард Христофор. Всеподанейшие донесения гр. Миниха. Ч. 1: Донесения 1736 и 1737 годов. СПб., 1897. 330 с.
19. Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. 429 с.
20. Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Т. 1. 1769 год. СПб., 1866. 510 с.; Т. 2. 1770 год. СПб., 1866. 485 с.; Т. III. 1771 год. СПб., 1874. 360 с.
21. Потто В. Кавказская война. Т. 1. С древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887.
22. Репан О. Іржа на лезі. Лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 років. К.: Видавничий дім «Киево-Могилянська академія», 2009. 195 с.
23. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889. 252 с.
24. Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб.: Империя, 1999. 587 с.
25. Турецкая война при императрице Анне Иоанновне. Записка неизвестного участника оной, с предисловием С.В. Сафонова // Русский архив. 1878. № 3. С. 255–274.
26. Фиркович А.С. События, случавшиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана // Временник императорского общества истории и древностей российских. 1856. Кн. 24. С. 101–132.
27. Шалак М.Е. Война и воинские традиции крымских татар в произведениях иностранцев в конце XVI – начале XVII вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 157–162.
28. Шпитальов Г.Г. Запорозьке військо в російсько-турецькій війні 1735–1739 років. Запоріжжя: Тандем-У, 2002. 72 с.
29. Шпитальов Г.Г. Військова служба запорозького козацтва в російсько-турецьких війнах 1735–1739 та 1768–1774 років. Запоріжжя: Прем'єр, 2004. 240 с.
30. Штрандман Г.Э. фон. Записки // Русская старина. 1884. Т. 43. № 7. С. 55–86.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Аннотация. В статье анализируется влияние памяти о важнейших исторических событиях XVIII–XX вв. (о потере башкирским населением родовых земель и занятии этих земель русскими переселенцами, о строительстве металлургических заводов и восстании Салавата Юлаева, а также об опыте совместного преодоления лишений и тягот Второй мировой войны) на современные межнациональные отношения на Южном Урале. Исследование выполнено на полевых материалах, собранных на территории пограничных районов Челябинской обл. и Республики Башкортостан, в местах длительного совместного проживания русского и башкирского населения.

Ключевые слова: русские, башкиры, межнациональные отношения, историческая память, Южный Урал, Россия.

Западная оконечность Челябинской обл. (Ашинский и Катав-Ивановский р-ны, Усть-Катавский и Трехгорный городские округа) представляет собой своеобразный «полуостров», окруженный землями Республики Башкортостан. Границы этого «полуострова» определились еще в середине XVIII в., когда купцы И.Б. Твердышев и И.С. Мясников построили здесь металлургические заводы: Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Юрюзань-Ивановский и Симский. Большая часть отчужденной под заводские округа земли принадлежала башкирскому племени Кудей (Көзэй, северо-восточная этнографическая группа), в свою очередь подразделявшемуся на роды (аймаки): булэкэй-кудей, шайтан-кудей, кыр-кудей, урман-кудей, туркмен-кудей и еще ряд ныне исчезнувших. Условия купчих сделок не всегда удовлетворяли прежних землевладельцев. Этим, в частности, объясняется активное участие в Крестьянской войне 1773–1775 гг. шайтан-кудейских тарханов – старшины Юлая Азналина и его сына батыра Салавата Юлаева, род которых утратил земли в долине р. Сим.

Как трансформировалась историческая память башкир о потере родовых земель с середины XVIII в. до начала XXI в.? Оказывает ли она влияние на межнациональные отношения спустя два с половиной столетия после свершившихся событий?

Летом 2014 г. один из отрядов ЭтноЭкспедиции (руководитель экспедиции – чл.-корр. РАН А.В. Головнев, руководитель отряда – д. и. н. В.А. Шкерин) работал на границе Челябинской обл. и Республики Башкортостан. Исследования проводились в двух парах соседних поселений: в русской д. Бедярыш Катавского р-на Челябинской обл. и башкирской д. Мулдакаево (Мулдакай) Белорецкого р-на Республики Башкортостан, расположенных в 7–8 км друг от друга, а также в г. Усть-Катав и д. Яхино (Яхья) Салаватского р-на Башкортостана, в 6 км друг от друга. Собранные отрядом полевые материалы хранятся в Архиве Этнографического бюро (АЭБ, г. Екатеринбург), фонд № 1, дело № 16.

В своей фундаментальной «Истории сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий» А.З. Асфандияров пишет о урман-кудейской д. Мулдакаево следующее: «Точное время ее возникновения установить не удалось. Но известно, что X ревизия 1859 г. деревню не зафиксировала»¹. Сами мулдакаевцы отсчитывают историю поселения с 1737 г. По сведениям местного уроженца, уфимского краеведа Х.Н. Ахмедьянова, тогда деревня носила иное название (Трукмен, Абдрахман?) и находилась в районе горы Абдрахманова – на месте, которое при строительстве Катав-Ивановского завода пришлось уступить Твердышеву и Мясникову. Какое-то время деревня стояла у впадения

¹ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. С. 112.

р. Бедряш в Лемезу. На нынешнем месте она обосновалась не позднее 1815 г. Где-то на этом пути деревня обрела современное название, образованное от имени Мулдакая, сына Абдрахмана¹. Проживающие в деревне Мухамедьяровы, Абзаловы, Арслановы, Валиевы, Гайсины, Зайнетдиновы, Курмановы, Юмадиловы ведут свои родословия от Мулдакая. В 2014 г. в Мулдакаево жили менее 200 чел., 97 % из которых составляли башкиры.

Бедряш был основан в 1752 г. как поселение углежогов, переведенных сюда Твердышевым и Мясниковым из Европейской России для обеспечения топливом доменных печей будущего Катав-Ивановского завода (введенного в эксплуатацию в 1755 г.). На рубеже XIX–XX в. количество домен на заводе достигло максимума – четырех единиц². Однако XX столетие нанесло Бедряшу три сокрушительных удара. Первым была окончательная остановка в 1934 г. последней катавской домны³. Спрос на древесный уголь исчез, пашенным же земледелием бедряшенцы никогда не занимались. Выживать пришлось за счет огородов, домашнего скота и промыслов. Следующий удар нанесла Вторая мировая война: в 1939 г. население Бедряша составляли 1 056 чел., к 1947 г. остались 681 чел.⁴ Третьим ударом стал пожар 1977 г., уничтоживший значительную часть села. В 2014 г. в Бедряше постоянно проживало не более 25, из них помимо русских: два башкира и крещеная татарка (в 2017 г. осталось 20 чел.). Работы здесь нет, поэтому в большинстве своем это пожилые люди, пенсионеры.

Отношения жителей Бедряша и Мулдакая весьма гармоничны, для них не характерны взаимные неприязнь, недоверие, настороженность.

О том, что изначально земли кругом были башкирские, что Бедряш и Катав-Ивановск не исключение и также стоят на прежней башкирской земле, мулдакаевцы помнят: «Да, там башкирские земли были: Катав-Ивановск, Златоуст. До Миасса – все башкирские земли были». Но обиды по этому поводу не высказывают: «Нет, зачем? Раньше, наверное, было. В третьем-четвертом поколении было. Прадеды ссорились, может. А сейчас? А там большая поляна есть – Башкирская поляна (западнее Бедряша – *авт.*). Гора у них есть Репная, говорят, а по-башкирски Шолкан-тал (также к западу от Бедряша – *авт.*). Там репу сажали. Башкирская земля была».

Рассказывают мулдакаевцы о и каком-то давнем, возможно, мифическом сражении с русскими, вроде бы произошедшем в окрестностях их деревни: «Не помню, как генерала звали, он хотел обмануть, а его самого обманули башкиры. Тогда, много людей погибло. Там до сих пор... находят подковы, старинные подковы, представляю, какие лошади были, тяжелые они. Я находил кинжалы эти, они тяжелые, блин, их не поднять. Как это русские носили их...».

Память о самом известном герое башкирской истории – Салавате Юлаеве – имеет у мулдакаевцев сложный и противоречивый характер. Разумеется, о нем знают, помнят, молодежь иногда посещает Салаваткину гору и одноименную поляну, расположенные примерно в 10 км к северу от Бедряша: «По преданию, на этой горе играл на курае Салават батыр, а войско отдыхало перед боем за Сим»; «Мечтаю подняться на Салауат таш. Это – история башкирского народа... Горжусь своими предками». С другой стороны, рассказывают, что предки, не подчинившись ни призывам, ни угрозам, не вступили в мятежное войско: «К Салавату мулдакаевские не пошли»; «У нас, по-честному сказать, Салавата не уважали». Решение предков расценивается, как мудрое, поскольку спасло

¹ Ахмедьянов Х.Н. Салауат таши – Мулдакай – Йэй таши // Таулы тэйэгез – Белорет: изел башы хакында бэйэн: мэкэлэлэр, истэлектэр, риүэйэтэр, шиғырзар, йырзар, фотолар. Өфө, 2011. С. 28–43.

² Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2001. С. 262–264.

³ Катавский феномен: Науч.-попул. изд. / Автор текста С.В. Устьянцев. Екатеринбург, 2007. С. 56.

⁴ Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. М., 2007. Кн. 6. С. 392.

деревню от последующего разорения: «Потом нас не трогали, их там штабелями ложили, сжигали, а нас не трогали».

Неучастие в восстании Юлая Азналина и Салавата Юлаева мулдакаевцы объясняют не боязнью правительственных репрессий, а своей особостью и добрыми отношениями с русскими соседями: «Мулдакай он отдельно был. Ну, сам по себе. У каждого там по пять лошадей, сабли, ружья, никому не подчинялись, сами по себе были. Урман-кудейские башкиры отдельные. Кругом тайга, они сюда никого не пустили»; «Никому не подчинялись и никого не принимали. До сих пор так. Почему у нас и хариус есть и куница. А Бедярыш это крыша наша была. Они нас защищали»; «Вот в Катаве встречаются, скажи, мулдакаевский, ведь на руках носили. Почему? Потому что мы никого не продаем, никого не отдаем. За это нас уважали сильно. Мы отдельный нации, будем говорить. Хоть и башкиры горные. Но отдельно». Действительно, по мнению крупнейшего башкирского этнографа Р.Г. Кузеева, процессы обособления различных родов древнего племени Кудей зашли достаточно далеко: урман и булэкэй-кудеи тяготели к юго-западному племени Мин (Мең), шайтан и кыр-кудеи «в результате длительного общения и смешения с башкирами айского бассейна по языку и культуре оказались в составе андийской группы»¹.

Позднейшие исторические события, особенно общие невзгоды XX в. только упрочили добрососедские отношения Мулдакаев и Бедярыша: «Здесь картошку не знали. Мой дед же Фазлутдин первым картошку привез из Бедярыша. Бедярыш учил»; «Там артель была: веревки вили, лапти делали, лыко сдирали. Всякое ремесло. Вот они работу давали, чтоб выжить сельчанам. Как в Бедярыше, так и у нас. Но наши вот хорошо помнят, еще старше меня есть тут»; «Во время войны они нам помогли хорошо. Вот если бы не Бедярыш, нам бы не выжить во время войны, вот так рассказывали. Но после войны мы вообще скорешились, можно сказать». О нынешнем упадке Бедярыша мулдакаевцы говорят с искренней печалью: «Я вспоминаю, как бывало, подъезжаешь к Бедярышу, там песни поют протяжные, эхо раздается, красиво так. А когда я вернулся, поднялся на гору-то и увидел деревню. Деревни нет почти. Я заплакал, серьезно говорю, заплакал».

Со своей стороны, бедярышенцы неизменно отмечают гостеприимство, отзывчивость, душевность башкир: «Башкиры такой гостеприимный народ»; «Они очень заботливы» и пр. Можно услышать, что башкиры добрее русских и даже умнее: «А они, башкиры-то, наверно, нас умней – у их дома-то какие хорошие»; «Вот мы живем – семь километров разница, башкирский язык не изучали... Маленько понимаю, че к чему говорят, так догадываемся. А они и русский знают, и башкирский знают».

Однако есть и пределы сближения: так межнациональные браки появились здесь лишь на исходе советского периода, да и сегодня представляют собой скорее исключение и часто вызывают у окружающих непонимание: «Ну, я вот тоже думала: как бы мы стали с мулдакаевскими жить? Всю жись думала, как это с ними жить? Так вон у нас Хайдар, а жена-то русская. Живут»; «Вот Изуфар с 32-го года дочка, 39-го года, что ли. Ну и вышла замуж, отец сказал: «Порог не наступайте». Вот недавно отец умер, только приехала в гости. Без мужа, конечно, вернулась»; «У нас в деревне не пускают по сей день». Сложность смешанных браков объясняют не межэтническими, а межконфессиональными проблемами: «Как сына или дочь крестить будет? Может нам не понравится. Это мы помусульмански будем обряд делать, обрезание или все такое – может им не понравится».

Один из двух башкир, переселившихся в Бедярыш, не был религиозен и адаптировался сравнительно легко. Его русская жена рассказывала: «Сыновья наши старшие на русских женились. Кого младший приведет – без разницы. Мы детей

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 212.

башкирскому не учили. Муж у меня сам ничего не знает: ни языка, ни обычаев – уже половину всего забыл. С русскими же живет, вот и обрусел. Внуки наши русские, их крестили. Муж мой смеется, мол, крещеных татар видел, а крещеных башкирят впервые». Пожилой башкир, живущий в Бедярыше с 1984 г., нашел свое решение религиозной проблемы: «Считай, я был один на белом свете. Есть только один Бог, в него и верить надо. Религия – вера эта. Кто исламу верит, кто христианству. По-своему, я верю в одного Господа Бога. Я другого не знаю. Бог для меня один и для всех, считаю так».

Иная межнациональная ситуация сложилась в Усть-Катаве (население 23 тыс. чел.) и д. Яхья (ок. 330 чел.). Последнюю исторически населяют кыр-кудейские башкиры. А.З. Асфандияров пишет: «Название д. Яхино связано с именем одного из старшин Кудейской волости 70-х гг. XVIII в. Яхьи Якшиева. Его фамилия подсказывает нам, что д. Якшеево была основана на правом берегу р. Юрюзань его отцом, и ее жители затем на другом берегу той же реки обосновались на новом месте в д. Яхино. В 1795 г. население д. Яхино состояло из 54 мужчин и 74 женщин. Такое соотношение полов было противоестественным для тюркоязычных полукочевых народов, у которых, в т. ч. и у башкир, женщины в количественном отношении всегда уступали мужчинам. Диспропорция соотношения полов в пользу женщин свидетельствует о былых систематических репрессиях карателей против активных участников больших национальных и социальных выступлений башкир в 30–70-х гг. XVIII в.»¹.

Многие современные яхынцы работали на Усть-Катавском вагоностроительном (ранее – металлургическом) заводе. Выйдя на пенсию, одни вернулись в родную деревню, другие остались в городе. Тем не менее, и в Яхье, и в самом Усть-Катаве неоднократно приходилось слышать от местных башкир о том, что русские здесь живут на их земле. С гордостью вспоминают о Салавате Юлаеве: «Салават-то, он же тут салаватил». Оправдывают и разорение им близлежащих русских д.д. Орловка и Карауловка, Усть-Катавского и Юрюзанского заводов: «Ну, земли бы не занимали, никто бы не жег. Наши же деревни тоже жгли, целыми деревнями убивали».

Актуализации памяти о событиях 1773–1774 гг. способствует и нынешняя принадлежность деревни к Салаватскому р-ну. В 28 км от Яхьи расположен районный центр – с. Малояз (Малаяз), где в 1991 г. был открыт музей Салавата Юлаева. «Я вот хочу около Малояза поставить памятник Салавату Юлаеву, – говорил активист усть-катавского общества башкирской и татарской культуры «Дуслык». – Уже памятник придумали мы с сыном, только финансы дайте, начнем завтра же варить. И очень хороший памятник».

Напоминание о том, что г. Усть-Катав и близлежащие русские села расположены на исконных башкирских землях отнюдь не равноценно требованию их возврата. Ответ на вопрос, зачем ворошить давнее прошлое, как правило, абстрактен: «Уважение должно быть». Судя по контексту, под уважением понимается, прежде всего, интерес со стороны русских (русскоязычных) к культуре коренного башкирского народа. Активистка рассказывала об образовательной деятельности общества «Дуслык»: «Русские люди хотят изучать башкирский язык. Я говорю: «Вам зачем это?» Они: «У нас друзья башкиры». Им было интересно это. И вот мы с ними и песни пели, и азбуку нашли, и писать, и читать. Буквари привезли с Малояза...».

Уральский регион в целом можно считать образцом добрососедского сосуществования многих народов. В отношениях этих, конечно, имеются нюансы, и проведенное исследование показывает, сколь долго способна воздействовать на них память о важных исторических вехах. Кыр-кудейские башкиры из Яхино помнят сами и напоминают русским соседям о несправедливости отчуждения родовых земель в пользу

¹ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. С. 515.

Усть-Катавского завода. Участие предков в восстании Салавата Юлаева составляет предмет их национальной гордости. Урман-кудейские башкиры из Мулдакаево не считают условия продажи своих земель для Катав-Ивановского завода несправедливыми, их предки не примкнули к войску Салавата и не пострадали от карателей. К тому же на своем нынешнем месте мулдакаевцы обосновались позже ближайших русских соседей – бедярышенцев и занятую ими землю считают лишь абстрактно-башкирской, но не своей родовой, утраченной.

Источники и литература

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
2. Ахмедьянов Х.Н. Салауат таши – Мулдакай – Йэй таши // Таулы тейгебез – Белорет: изел башы хакында бэйән: мэкәләләр, иҫтәлектәр, риүәйәттәр, шиғырҙар, йырҙар, фотолар / Төз.: С.Н. Шәрипов, Д.М. Шәрәфетдинов. Өфө: Китап, 2011. 206 с.
3. Катавский феномен: Науч.-попул. изд. / Автор текста С.В. Устьянцев. Екатеринбург, 2007. 144 с.
4. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
5. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Академия, 2001. 536 с.
6. Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. М.: Территория, 2007. Кн. 6. 496 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО ДОСУГА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В ГОДЫ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИНЫ

Аннотация. В статье автор рассматривает вопрос об организации повседневного досуга населения Северного Казахстана в годы освоения целины. Данная проблема является одной из актуальной и малоизученной в современной казахстанской историографии. Исследованием повседневной жизни целинников в аграрных районах занимались в основном российские исследователи (А.А. Аникеева, А.С. Ахизерова, А.С. Сенявский, Д.Н. Круглова, А.К. Соколова, С.В. Журавлева и др.).

Ключевые слова: освоение целины, Северный Казахстан, повседневность, организация досуга, культура, целинники, население.

Исследование повседневного досуга целинников в годы освоения целинных и залежных земель в Северном Казахстане является одной из актуальных и малоизученных проблем в современной казахстанской историографии. Исследованием повседневной жизни целинников в аграрных районах занимались в основном российские исследователи (А.А. Аникеева, А.С. Ахизерова, А.С. Сенявский, Д.Н. Круглова, А.К. Соколова, С.В. Журавлева и др.).

По мнению А.С. Сенявского «история повседневной жизни это есть подлинная и наиболее полно изложенная и подтвержденная достоверными фактами жизнь простых людей»¹. О.В. Кузнецова на примере жизни и деятельности целинников Оренбургской обл. раскрывает вопросы демографии и брака, охват целинников культурными учреждениями, демонстрирует особенности самосознания целинников путем исследования новых обычаев и традиции. Автор большое внимание уделяет таким проблемам, как формирование новых социокультурных сообществ². И К.К. Абдрахманова³, З.Г. Сактаганова, М.М. Козыбаева⁴ и ряд других казахстанских исследователей изучают повседневную жизнь городских жителей в региональном аспекте.

Освоение целинных и залежных земель в Восточных районах бывшего СССР было для своего времени грандиозным мероприятием прежде всего экономического характера, повлекшим за собой политические, социальные, экологические и прежде всего демографические последствия для такого крупного субъекта СССР как Казахстан.

Организация повседневного досуга в целинных районах Северного Казахстана стояла как острая социальная проблема особенно в первые годы поднятия целинных и залежных земель. Хотя во многих исследованиях утверждается, что поднятие целинных и залежных земель была подготовленным, четко спланированным мероприятием, на примере повседневной жизни и деятельности простых целинников, в особенности первоцелинников Казахстана, мы видим, что это утверждение далеко не соответствует истинному положению дел на местах. Основной проблемой для целинников являлась катастрофическая нехватка жилья, не говоря уже о других бытовых проблемах. Конечно, для поднятия целинных и залежных земель были мобилизованы огромные финансовые и

¹ Повседневность как методологическая проблема микро и макроисторических исследований // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества: Мат-лы Междунар. Интернет-конф. 20.03–14.05.2001 на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru / Под. общ. ред. В.В. Керево. М., 2001. С. 416.

² Кузнецова О.В. Повседневная жизнь первоцелинников 1954–1965 гг. Оренбург, 2008.

³ Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945–1953 гг. Караганды, 2010.

⁴ Козыбаева М.М. Повседневная жизнь городского населения Северного Казахстана в 1920–1930 гг. Астана, 2015.

материальные ресурсы крупнейшей индустриальной державы того времени каким был Советский Союз. Но этого было крайне недостаточно для такого крупного мероприятия, которое затрагивало судьбы и повседневную жизнь миллионов людей, перемещенных из одной части страны в другую. Директивное планирование, штурмовщина, не до конца запланированные мероприятия властей и организаторов приводили ко многим коллизиям в повседневной жизни целинников. Если возьмем лишь проблему организации повседневного досуга целинников, то мы увидим с какими проблемами столкнулись первоцелинники, в особенности в первые годы освоения целины. Для СССР всегда была большой проблемой неразвитость транспортной инфраструктуры. Это касалось и Казахстана, ставшего относительно малонаселенным в результате голодомора 1920 и 1930-х гг., особенно распространившегося в северных и центральных областях Советского Казахстана. Железные дороги и дороги с твердым покрытием существовали лишь по главным направлениям. Многие центральные усадьбы колхозов и совхозов не имели надежные коммуникационные условия между собой и районными центрами. Отсюда трудности охвата клубными и иными культурными мероприятиями жителей этого обширного региона Казахстана.

Культурные учреждения в Северном Казахстане функционировали и до целинной эпопеи, но они в основном выполняли несколько иные функции: демонстрировались кинохроники и фильмы, проводились официальные мероприятия. Сеть культурно-просветительских учреждений не охватывала многие сельские населенные пункты.

В целину прибыли люди из разных уголков Советского Союза, совершенно с разными культурными устоями и менталитетом. «Целинники» представляли самые разные социальные слои населения: жителей крупных городов, Москва, Ленинград, малых городов западных областей РФ, сельских районов Украины и Беларуси, городских жителей Казахстана, мигрантов из КНР, демобилизованные военные Советской Армии, граждан, амнистированных с мест заключения, людей разных возрастов и национальностей. Среди целинников преобладала молодежь славянских национальностей преимущественно мужского пола. Последнее обстоятельство иногда приводило к конфликтным ситуациям с местным населением.

В условиях резкого преобладания в составе целинников молодого населения, организация свободного времени молодежи становится острейшей социальной проблемой для целинных областей Казахстана. Вследствие слабой организации свободного времени в среде гиперактивной части населения, по сведениям органов МВД, резко обостряется криминогенная обстановка в «Целинном крае», из всех преступлений, совершенных в 1961 г., 50 % преступлений совершала молодежь из числа с неорганизованным досугом «Целинного края»¹.

В условиях отсутствия системных очагов организованного досуга людей целинники пользовались неформальными формами отдыха – это походы, выезды с друзьями, коллегами на природу, семейные и коллективные посиделки. Иногда, эти посиделки или «сборище» просто молодых ребят заканчивались потасовкой, побоями, причинением тяжкого вреда здоровью и жизни «отдыхающих» на лоне природы или же в квартирах. Со второй половины 50-х гг. положение стало меняться постепенно в лучшую сторону, стала расширяться степень охвата населения культурными учреждениями, вовлечение людей в разные проводимые культурные мероприятия, подписка на газеты районных и центральных изданий. Целинники стали со временем не только читателями этих газет, но и стали авторами, внештатными корреспондентами, получали возможность публикаций собственных статей на злободневные темы повседневной жизни. Целинники

¹ Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н., Алпыспаева А. К вопросу о социально-правовых последствиях освоения целинных земель в Северных областях // Вестник КазНПУ. № 1 (48). 2016. С. 78–85.

из числа талантливой молодежи публиковали на страницах местной и региональной печати свои рассказы и стихи о буднях и злободневных проблемах повседневной жизни целинников. Это было для многих людей того поколения огромным моральным стимулом и средством самореализаций. Одним из интересных жанров возродившихся в Целинном крае Казахстана были частушки, отражавшие жизненные ситуации целинников.

В сложившихся условиях в целях стабилизации криминогенной обстановки и поднятия культурного уровня всего населения были предприняты значительные усилия со стороны партийных, советских и культурных учреждений. Большую роль в этом деле сыграли организация автоклубов, проведение фестивалей молодежи, декад искусства и литературы, организация коллективов художественной самодеятельности, театров народного творчества, хоровое пение, создание инструментально-вокальных ансамблей. В северных областях Казахстана планировалась на 1955 г. установить 452 киноаппарата из них 416 передвижные киноаппараты, а 56 из этого планировалась установить на стационарной основе¹.

Одним из зерновых районов Казахстана считалась Кокчетавская обл., которая в хозяйственном отношении была освоена и плотно заселена еще дореволюционное время. В таких районах как Айртавский Кокчетавской обл. в годы целины основали только лишь пару хозяйств как совхоз Светлый. Здесь целину осваивали путем распашки дополнительных земельных угодий, чаще всего пастбищные земли. Что потом привело к упадку животноводческой отрасли сельского хозяйства.

В эти годы новые библиотеки открылись в аулах: Шулак-Узек, Кенаший, новые клубы были введены в эксплуатацию в ауле Шулак-Узек, в артелях: Новый быт, Ворошилов, имени Маленкова. Всего в Айртавском р-не Кокчетавской обл. работала 12 киноаппаратуры. Поэтому можно сказать в Айртавском р-не Кокчетавской обл. с его преобладанием местных жителей не так остро стояла вопросы организаций досуга молодежи. В эти годы аулы Айртавского р-на посещали видные деятели казахской культуры и литературы и киноискусства как Шахмет Хусаинов, Шакен Айманов, Абдильда Тажибаев, Жумагали Саин. В летнее время они выезжали с труппой казахского драматического театра имени Абая в такие крупные аулы как Шукурколь, Каратал. Туда съезжались жители окрестных деревень. Артисты ставили спектакли из репертуара казахской классики и новые произведения самого Шахмета Кусаинова. Знаменитый казахский писатель-драматург Шахмет Кусаинов, поэт-фронтовик Жумагали Саин были уроженцами Айртавского р-на Кокчетавской обл.

Несколько по другому обстояли дела в Булаевском р-не Северо-Казахстанской обл. В 1957 г. в Булаевском р-не было 11 совхозов и 5 колхозов, всего в районе было 54 населенных пунктов. При этом в районном центре функционировала только одна библиотека, одна детская библиотека, а также работал дом культуры и 11 сельских клубов, 16 библиотек, 11 киноустановок. А во многих населенных пунктах вовсе не имелось ни одного культурного учреждения. Например, в Калининском совхозе имелось 17 населенных пунктов и всего функционировало на территории хозяйства 3 библиотеки и 2 клуба, а в 12-ти населенных пунктах вообще отсутствовали очаги культурных учреждений². В сложившихся условиях в 1958 г. было принято решение открыть в населенных пунктах района 9 новых клубов и одну библиотеку. По сравнению с Булаевским р-ном в соседнем Пресновском р-не положение с досуговыми учреждениями выглядело несколько лучше. Районное руководство взявшее обязательство к 40-летию «Великой Октябрьской революций» к октябрю 1957 г. ввели в эксплуатацию 25 культурных учреждений, в том числе оборудовали 11 кинобудок³. В тот период не

¹ Государственный архив Северо-Казахстанской области. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

всегда соблюдали правила пожарной безопасности, дела в том что киноустановки по требованию пожарной безопасности должны находиться в отдельном оборудованном помещении. Если в районе 21-м кинозале были специально оборудованные помещения, то в 18-ти культурных учреждениях: клубах и «красных уголках» продолжали демонстрировать фильмы без специальной кинобудки. В справке начальника областного управления культуры О. Сошникова приводятся следующие данные: «По результатам года проверялись и оценивались работа культурных учреждений области. В результате проверки вырисовывалась следующая картина. За хорошую работу отметили Рязанова – завклуба с. Возвышенка, Капитонова – завклуба совхоза Калинина, А. Сухова – завклуба совхоза «Молодежный». В тоже время было уделено на то что местные партийные и советские органы не на должном уровне заботятся в Булавском р-не о развитии культурно-просветительских учреждений. Они не обращали внимание на развитие народного творчества, организаций коллективов художественной самодеятельности. Например в крупном зерносовхозе Чистяковский кроме оркестра духовых инструментов до сих пор не был организован коллектив художественной самодеятельности. Жителей крайне не удовлетворяла работа парторга хозяйства Глущенкова и председателя рабочего комитета. В совхозе много рабочей молодежи но никак не организовано культурный досуг этой части населения. В клубах размещались учреждения которые не имели отношения в функциональном плане к культуре. Например в клубе совхоза Чистяковский располагалась аптека, в тоже время не нашлось места для открытия кружков любителей шашек и шахматов. Демонстрация кинофильмов проводилась ежедневно, поэтому не было места для репетиций молодежных коллективов. Годами не ремонтировалась и не оформлялась сцена клуба. Но все эти проблемы не волновали руководителей хозяйства целинного совхоза. По этому поводу в традициях русского народного творчества народ сочинял частушки в адрес парторга и рабочкома:

Уважаемый парторг
Где же вы проповедаете?
Слишком лекции давно
Совхозе не читаете.

К этому времени в целинных областях Северного Казахстана Управление культуры проводили разные мероприятия. Традиционными стали фестивали художественных коллективов, проводимых на районном, областном и республиканском уровнях. В 1958 г. в районном фестивале художественной самодеятельности из 18 коллективов приняли участие всего лишь представители 7-ми зерно-совхозов: Калининский, Булаевский, Жданов, Возвышен, Молодежный и МТС Булаевский¹.

В самом Булаеве – райцентре на тот момент проживало 10 тыс. населения, но до сих пор в районном центре не был построен Дом культуры, отвечающий требованиям того времени. Коллектив самодеятельности района вынужден был проводить репетиции в старом здании библиотеки. Коллектив художественной самодеятельности Булаевского р-на были неоднократными победителями областных фестивалей. Молодежь райцентра длительное время не имела возможностей проводить свободное время с интересом и пользой для себя. Только лишь к 40-летию Великой Октябрьской революций ввели эксплуатацию кинотеатр современного типа со всем оборудованием. Но районное руководство кинотеатр стал использовать в качестве зданий для проведения партактива, комсомольских собраний, размещали пункты избирательных участков. В результате кинотеатр не смог выполнить план по кинопрокату всего выручка из демонстраций киносеансов составила 9 тыс. руб.²

¹ Государственный архив Северо-Казахстанской области. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 90. Л. 4.

² Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 50. Л. 81.

В совхозе «Калининский» Молотовского р-на Акмолинской обл. во второй половине 50-х гг. XX в. развернулось строительство административных и культурных учреждений, в т. ч. здания поссовета, совхозной конторы, общественной бани, магазина, библиотеки с книжным фондом 2 500 экземпляров, клуба на 200 мест. Клуб в этом совхозе стал центром культурного досуга. В нем наряду с демонстрацией художественных и документальных фильмов проводились крупные культурные мероприятия. В клубе из числа талантливой молодежи организовали коллектив художественной самодеятельности. Данный коллектив художественной самодеятельности постоянно занимал призовые места в районных и областных фестивалях, выступал с концертами в соседних населенных пунктах¹. В «Целинном крае» Казахстана Краевой комитет партий все время поощрял движение коллективов художественной самодеятельности. Так, например, решением Краевого комитета Казахской Республики планировалось провести заключительный смотр с 12 по 21 марта 1964 г. с участием не 18-ти, а 30-ти коллективов².

Таким образом, организация досуга молодежи советскими и партийными органами, а также Управлением культуры сыграли важную роль в установлении здорового морального климата во вновь организованных хозяйствах. На целине люди не только научились работать на земле, но и отдыхать и заниматься саморазвитием. Большим результатом явилось к концу 60-х гг. XX в. формирование довольно стройной системы культурных учреждений. Развитие очагов культуры способствовало спаду уровня преступности среди сельской молодежи и всего населения. В Северных областях Казахстана сельские населенные пункты к началу 1970-х гг. имели развитую инфраструктуру культурных учреждений в отличие от других областей Казахстана.

Источники и литература

1. Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н., Алпыспаева А. К вопросу о социально-правовых последствиях освоения целинных земель в Северных областях // Вестник КазНПУ. № 1 (48). 2016. С. 78–85.
2. Государственный архив Северо-Казахстанской области. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 90.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп. 58. Д. 32.
4. Кузнецова О.В. Повседневная жизнь первоцелинников в 1954–1965 гг. Оренбург: Пед. институт, 2008. 319 с.
5. Козыбаева М.М. Повседневная жизнь городского населения Северного Казахстана в 1920–1930 гг. Астана: ЕНУ им. Л. Гумилева, 2015. 160 с.
6. Повседневность как методологическая проблема микро и макроисторических исследований // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества: Мат-лы Междунар. Интернет-конф. 20.03–14.05.2001 на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru / Под. общ. ред. В.В. Керево. М.: Московский общественный фонд, 2001. 416 с.
7. Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945–1953 гг. Караганды: КарГУ им. Букетова, 2010. 220 с.
8. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 50.

¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 50. Л. 82.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп. 58. Д. 32. Л. 37.

А.П. ЧУЛОШНИКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ БАШКОРТОСТАНА

Аннотация. В статье рассматриваются страницы биографии Александра Петровича Чулошникова, изучается весомый научный вклад советского ученого в исследование истории Башкортостана, обращается внимание на документы ученого, которые хранятся в разных архивах.

Ключевые слова: Башкирия, восстание, документы, феномен, башкиры, киргизы, бунт.

Советский историк Александр Петрович Чулошников был специалистом по истории Средней Азии и Башкортостана.

Родился Александр Петрович 8 августа 1894 г. Отец его был военным в офицерском чине, был командиром казачьего полка. Фамилия этой семьи происходит от слова «чулошник», так называли в древности человека, который изготавливал на продажу чулки¹. Место рождения А.П. Чулошникова – это с. Черный Остров Подольской губ. Упоминается этот населенный пункт в исторических документах еще в 1366 г., следовательно, является давним и известно, что когда-то это был укрепленный замок для защиты от нападений крымских татар. Позже, в XVI столетии, Черный Остров получает возможность организации 2 раза в год торговых ярмарок и постепенно в селе увеличивается число жителей².

В 1911 г., в возрасте 17 лет, Александр Петрович поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. По завершении учебы в 1916 г., он остался работать преподавателем истории в том же учебном заведении. Через 3 года отправился в Оренбург, где преподавал в университете, параллельно руководил историческим отделением Историко-статистического отдела Киргизского военкомата. В 1920 г. стал первым председателем Общества изучения Киргизского края. В 1921 г. вновь вернулся в Северную столицу, преподавал и в Ленинградском университете, и в Горном институте, и в Историческом НИИ при Петроградском университете. Более того, трудолюбивый ученый с 1923 г. работал и в Центральном архиве РСФСР в должности архивиста. В 1924–1926 гг. публикуются его работы по истории казахов и киргизов, башкир, о Пугачевском бунте, о восстаниях на территории исторического Башкортостана, о торговых отношениях Российского государства со Средней Азией в XVI–XVII вв. и многие другие.

В 1935 г., учитывая существенный вклад Александра Петровича Чулошникова в советскую историческую науку и богатейший арсенал его научных изысканий, по представлению Квалификационной комиссии по общественным наукам Президиум Академии наук СССР без защиты диссертации дает ему степень кандидата исторических наук. Это было время, когда специальным Постановлением СНК СССР 1934 г. были учреждены ученые степени и звания Советского времени. Так, Александр Петрович в возрасте 41 года стал кандидатом наук.

Крупным научным достижением А.П. Чулошникова было издание под его редакцией первого тома «Материалов по истории Башкирской АССР».

¹ Мосин А.Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург, 2008. URL: <http://www.okorneva.ru/familii-ekaterinburgskogo-uezda/chuloshnikov-chyuloshnikov/> (дата обращения: 19.05.2019).

² Филимонов В.В. Памятная книжка Подольской губернии на 1911 год. Каменец-Подольский, 1911. URL: <https://book-olds.ru/BookLibrary/32001-Памятныe-knizhki-Podolskoy-gubernii/1911.-Памятнaя-knizhka-Podolskoy-gubernii-na-1911-god.html> (дата обращения: 17.05.2019).

Вступительная статья «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в.» была плодом его труда. Работая над составлением второго тома «Материалов» о башкирском восстании 1755 г., Александр Петрович подготовил в 1940 г. к выходу в свет монографию «Восстание 1755 г. в Башкирии». Второй том отмеченной выше многотомной работы был сдан в печать в начале 1941 г. В связи с начавшейся Великой Отечественной войной эта публикация была приостановлена. И только после войны, в 1949 г., Н.В. Устюгов возобновил работу по изданию «Материалов по истории Башкирии» по обновленному плану. Второй том вышел уже под его редакцией, т. к. к тому времени А.П. Чулошникова уже не было в живых. В январе 1942 г. (по другим данным в конце 1941 г.) Александр Петрович скончался от голода в блокадном Ленинграде.

Параллельно с подготовкой многотомной истории Башкортостана Александр Петрович работал над монографией «История Башкирии в 1798–1865 гг.», которая осталась, к сожалению, не завершенной. В Архиве СПбИИ РАН хранится фонд А.П. Чулошникова (фонд 262; 39 ед. хр.)¹. До 1946 г. он состоял в основном из материалов по истории Башкирского края, подготовленных для многотомной публикации. Сейчас в фонде находятся неопубликованные «Очерки по истории Башкирии», а также подготовленные к печати статьи, в целом, все исследования Александра Петровича Чулошникова по истории Индии, Китая, Кореи².

Известно, что под общим названием «башкирские восстания» в отечественной исторической литературе принято подразумевать вооруженную борьбу башкир в XVII–XVIII вв., направленную против колониальной политики царизма в крае. Такие восстания пылали в Башкортостане в XVII–XVIII вв. Движущие силы, цели, причины этих восстаний были схожи, поэтому они воспринимаются как единый исторический феномен. В их чередое особое место занимает последнее выступление периода феодализма – восстание 1835 г. Оно проходит в совершенно иных исторических условиях – в период уже начавшейся интеграции Башкортостана и башкир в состав России: население края было уже многонациональным, активно и небезуспешно насаждается правительством земледельческое хозяйство и быт³. Кроме того, вводится т. н. кантонная система управления, просуществовавшая в крае с 1798 г. по 1865 г. Автором параграфа о волнениях в крае в первой половине XIX в. в «Очерках по истории Башкирской АССР» является А.П. Чулошников. Восстание башкир он рассматривает как составную часть волнения 1834–1835 гг. в Пермской и Оренбургской губ., главную роль в котором играли русские государственные крестьяне. А.П. Чулошников характер восстания башкир определяет как антифеодальный и отмечает его связь с выступлениями русских и нерусских крестьян в последующие годы, с «картофельным» бунтом 1839 г., с восстанием государственных крестьян 1842–1843 гг.⁴

В научном архиве УНЦ РАН, образованном в 1959 г., важные сведения хранятся в фонде Оренбургской экспедиции и башкирских восстаний, в фонде 3, оп. 12, дд. 89, 90⁵. Это и есть материалы о восстании башкир 1835 г. на северо-востоке исторического Башкортостана, которые были собраны А.П. Чулошниковым и С.Н. Нигматуллиним.

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1535; Оп. 3. Д. 60, 117; URL: http://www.spbiiran.nw.ru/chuloshnikov_a_p (дата обращения: 17.05.2019).

² Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. URL: <https://books.google.ru/books?id=U1ppAAAAMAJ&q> (дата обращения: 19.05.2019).

³ Юсупова Л.Я. О восстании 1835 года // Ватандаш. 2002. № 5. С. 127–131.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. I. Ч. 2.

⁵ Юсупова Л.Я. Северо-восточные башкиры: историко-этнографические очерки: Монография. Стерлитамак, 2016. С. 15.

Таким образом, делом всей жизни А.П. Чулошникова, выдающегося научного деятеля советской эпохи, было служение музе истории Клио. Он оставил большое научное наследие. Его труды по истории Башкортостана востребованы научным сообществом по сей день.

Источники и литература

1. Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. 360 с. URL: <https://books.google.ru/books?id=U1ppAAAAMAAJ&q> (дата обращения: 19.05.2019).
2. Мосин А.Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург, 2008. 792 с. URL: <http://www.okorneva.ru/familii-ekaterinburgskogo-uezda/chuloshnikov-chyuloshnikov/> (дата обращения: 19.05.2019).
3. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. I. Ч. 2.
4. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 133.; Оп. 1. Д. 1535; Оп. 3. Д. 60, 117. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/chuloshnikov_a_p// (дата обращения: 17.05.2019).
5. Филимонов В.В. Памятная книжка Подольской губернии на 1911 год. Каменец-Подольский: Типография Подольского Губернского Правления, 1911. 616 с. URL: <https://book-olds.ru/BookLibrary/32001-Pamyatnyie-knizhki-Podolskoy-gubernii/1911.-Pamyatnaya-knizhka-Podolskoy-gubernii-na-1911-god.html> (дата обращения: 17.05.2019).
6. Юсупова Л.Я. О восстании 1835 года // Ватандаш. 2002. № 5. С. 127–131.
7. Юсупова Л.Я. Северо-восточные башкиры: историко-этнографические очерки: Монография. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2016. 163 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>S. Cwiklinski</i>	
ÁRMIN VÁMBÉRY ALS BEOBACHTER DES GREAT GAME IN MITTELASIEN: NACHTRÄGE ZU EINER PERSONALBIBLIOGRAFIE ÁRMIN(IUS) VÁMBÉRY'S [АРМИНИЙ ВАМБЕРИ КАК ОБОЗРЕВАТЕЛЬ БОЛЬШОЙ ИГРЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: ДОПОЛНЕНИЯ К ПЕРСОНАЛЬНОЙ БИБЛИОГРАФИИ АРМИНИЯ ВАМБЕРИ]	5
Р.Л. Абдрахманова	
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАХСТАНА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	13
Б.А. Азнабаев	
ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА БАШКИРСКОГО ОБЩЕСТВА В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.	17
Г.А. Алпыспаева	
АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ В АКМОЛИНСКОМ УЕЗДЕ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918–1920 ГОДОВ	22
М.Р. Арпентьева	
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ТАТАР	30
Н.Я. Артамонова	
ЦЕРЕН-ДОРДЖИ НОМИНХАНОВ – ПЕРВЫЙ УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ.....	46
М.Н. Артюхов	
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ: РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, СССР, УКРАИНА	53
Д.Ф. Афаунова	
РАЗВИТИЕ АРЕНДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ.....	59
Н.В. Ахмадиева	
РОСТ ПРЕСТУПНОСТИ В БАШКИРИИ В 1960-е гг. В УСЛОВИЯХ ГУМАНИЗАЦИИ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ	65
А.М. Балыкова	
ИСТОРИЯ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В 1920 И 1923 ГОДАХ.....	72
Р.Г. Буканова	
НЕКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ А.П. ЧУЛОШНИКОВА И М.К. ЛЮБАВСКОГО ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.....	76
Р.М. Булгаков	
О МНОГОЯЗЫЧНЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ СБОРНИКАХ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН.....	80

Д.В. Васильев	
БЫТОВАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ КАЗАХОВ В XIX СТОЛЕТИИ: ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ	102
М.В. Васильев	
НЕИЗБЕЖНОСТЬ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ .	112
В.Г. Вовина-Лебедева	
РАННИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ А.П. ЧУЛОШНИКОВА.....	120
А.Н. Гребенкин	
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ВОСПИТАННИКОВ НЕРУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ К УСЛОВИЯМ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	130
А.А. Донгак	
ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ ХАКАСИИ В 1930-е гг.....	139
Ж.Т. Ерназаров, М.Б. Гайсина	
ШОҚАН УӘЛИХАНОВ МҰРАСЫНЫҢ КЕҢЕСТІК ДӘУІРДЕ ЗЕРТТЕЛУІ.....	143
Л.Н. Жуковская	
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ.....	146
Р.Н. Зинуров	
КАНТОННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В БАШКИРИИ И СИСТЕМА РЕЗЕРВАЦИЙ В США: АНАЛОГИИ И ОСОБЕННОСТИ.....	151
Л.Е. Ильина	
ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ОЛИМПИИ ОДУАР	164
А.Я. Ильясова	
ВОЗВЕДЕНИЕ ЧУЛОШНИКОВЫХ В ДВОРЯНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	172
Ш.Н. Исянгулов	
«ВЕДОМОСТЬ О ЮРТОВЫХ ОБЩЕСТВАХ ЧЕЛЯБИНСКОГО КАНТОНА» ЗА 1863 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	177
Р.И. Кантимирова	
МЕРОПРИЯТИЯ ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО УКАЗУ 9 НОЯБРЯ 1906 г.....	187
Р.А. Керимова	
ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ Н. БАЙРАМКУЛОВА И Ш. УЗДЕНОВА)	192
Д.С. Кидирниязов, Н.Д. Чекулаев	
ОСНОВАНИЕ КРЕПОСТИ КИЗЛЯР И ЕЕ ФОРПОСТОВ НА ЮГЕ РОССИИ	196

М.Ю. Киселев	
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ: ИЗ ОПЫТА АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.....	208
А.Б. Кобдабаева	
СИСТЕМА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1917–1925 гг.	216
А.С. Корниловский	
АБДУРРЕЗАК БАДРХАН И РОССИЙСКО-КУРДСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	226
О.В. Кочукова, С.А. Кочуков	
«БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК» ИЛИ «ГНИЛОЕ ДЕРЕВО»: ОБРАЗ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ГРАФИКЕ 1870-х гг.	231
А.Е. Лестев	
ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС В МАЛЬТИЙСКОМ ОРДЕНЕ 2017 ГОДА ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ	241
А.В. Малышев	
К МАТЕРИАЛАМ ТОПОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭТИМОЛОГИЯ ТОПОНИМА «МОЧАЛЕЙ»	246
Н.В. Митюков, С.Л. Баутина	
РАСШИФРОВКА СТАТИСТИЧЕСКИХ ОТЧЕТОВ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СУДОВОГО СОСТАВА.....	250
Р.З. Мударисов	
РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БАШКОРТОСТАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	255
Р.Ф. Набиев	
РОССИЙСКАЯ И СОВЕТСКАЯ АРХЕОГРАФИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОШИБОК И ЗАБЛУЖДЕНИЙ.....	259
Ф.Н. Никитин	
НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ ПАШКОВЦЕВ В ФОНДАХ БОГОРОДИЦКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ И ПАРКА.....	265
Ж.К. Осипова	
ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ МАМБЕТ-АЛИ СЕРДАЛИНА (1889–1904).....	274
О.С. Павлова	
К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН В 1917 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ)	281
К.Ю. Попова	
А.П. ЧУЛОШНИКОВ И ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ КИРГИЗСКОГО КРАЯ В «ОРЕНБУРГСКИЙ» ПЕРИОД	285

Д.А. Прохоров	
ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.	290
М.И. Роднов	
ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: ОТ ФИНАНСОВ К ЭКОЛОГИИ	298
К.Д. Саипова	
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРКЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	309
А.С. Сальманов	
К ПРОБЛЕМЕ БАШКИРО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVII ВЕКЕ.....	314
Д.А. Сафонов	
ПОВСТАНЧЕСТВО 1920-х гг. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И СЛОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ	321
В.Г. Семенов, А.И. КОРТУНОВ	
ВОЕННАЯ ДИНАСТИЯ ЧУЛОШНИКОВЫХ.....	329
Н.Л. Семенова	
ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)	334
А.С. Сисекешова	
БАТЫС ҚАЗАҚСТАНДА ҒЫЛЫМНЫҢ ДАМУЫ (XX ҒАСЫРДЫҢ I ЖАРТЫСЫ)	339
Мурадгелди Соегов	
ПЫТЛИВЫЙ УМ УЧЕНОГО ИЛИ ПРАВДИВАЯ ФАНТАЗИЯ ПИСАТЕЛЯ ИЛИ ЖЕ И ТО, И ДРУГОЕ: О ПИСАТЕЛЯХ-ЧЛЕНАХ АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНИСТАНА	343
Я.Г. Солодкин	
К ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ УФЫ: ЦЕЛИ, ХРОНОЛОГИЯ, РУКОВОДИТЕЛИ СТРОИТЕЛЬСТВА	357
И.А. Суздальцева	
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ИНТЕГРАЦИЯ ДАГЕСТАНА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.	364
Л.Ш. Сулейманова	
МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ БАШКИРСКОЙ ШКОЛЫ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БАШКОРТОСТАНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА	369
Д.Д. Сулейменова	
XX ҒАСЫР БАСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ЗИЯЛЫ АЗАМАТЫ – АСПЕНДИЯР КЕНЖИНҮЛЫ КЕНЖИН	373

А.И. Тапилин	
ОСВОЕНИЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В XVI–XVIII вв. И ОСНОВАНИЕ ЧЕЛЯБИНСКА	382
И.С. Тахушева	
ПРОЦЕСС ИНКОРПОРАЦИИ КАВКАЗА В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА МАТЕРИАЛАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЖУРНАЛОВ «СОВРЕМЕННОК» И «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»	392
О.Т. Тожибоева	
XX АСР БОШЛАРИ ТОШКЕНТ ШАХРИДА МАДАНИЙ ҲАЁТ ВА АДАБИЙ ЖАРАЁН.....	398
С.Х. Хакимов	
ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГОРОДНИЧИХ И КОМЕНДАНТОВ В ГОРОДАХ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.	402
С. Цвиклински	
МАЛОИЗВЕСТНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПРИБЫТИИ В 1863 г. А. ВАМБЕРИ В ПЕРСИЮ	411
Р.Б. Шайхисламов	
ПОМЕЩИЧЬИ КРЕСТЬЯНЕ ЮЖНОГО УРАЛА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I: ТЕМПЫ И ИСТОЧНИКИ РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ.....	416
Р.Г. Шарипов	
ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ДУХОВНОГО ОБЛИКА БАШКИР С КОЧЕВЫМ ОБРАЗОМ ЖИЗНИ	421
А.А. Шейхумеров	
БОРЬБА КРЫМСКИХ ТАТАР С РОССИЙСКОЙ АРМИЕЙ В XVIII в.: ТАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	424
В.А. Шкерин	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ.....	434
А.Т. Шукеева	
ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО ДОСУГА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В ГОДЫ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИНЫ	439
Л.Я. Юсупова	
А.П. ЧУЛОШНИКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ БАШКОРТОСТАНА.....	444

Научное издание

ИСТОЧНИК. ИСТОРИК. ПОЛИТИКА

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения
выдающегося российского историка-археографа
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ЧУЛОШНИКОВА

г. Уфа, 5–7 июня 2019 г.

Компьютерная верстка:

И.И. Буляков

Разработка и дизайн обложки:

А.И. Нечвалода

Подписано в печать 12.12.2019.

Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная

Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе

Усл.-печ.л. 52.55

Тираж 350 экз.

Отпечатано на ризографе с готового оригинал-макета
Ордена «Знак Почета» ИИЯЛ УФИЦ РАН
450054 Республика Башкортостан, г. Уфа, просп. Октября, д. 71
Тел.: +7(347)235-50-609; E-mail: rihll@anrb.ru